

К 100-летию со дня рождения
Даниила Леонидовича
Андреева

Даниил АНДРЕЕВ

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ
В ЧЕТЫРЕХ ТОМАХ

Даниил АНДРЕЕВ

Том четвертый

АВТОБИОГРАФИЧЕСКОЕ
ПРОЗА
СТИХОВЕДЕНИЕ
ПИСЬМА

Москва
Русский путь
2006

ББК
А65

Издательская программа Правительства Москвы

Составление, подготовка текста и примечания
Б.Н. Романов

Художник
Е.Л. Вельчинский

АВТОБИОГРАФИЧЕСКОЕ

ISBN
ISBN

© Окунев А.А., наследник, 2006
© Романов Б.Н., состав, примечания, «Краткая летопись...»,
указатель имен, 2006
© Вельчинский Е.Л., оформление, 2006
© Русский путь, 2006

АВТОБИОГРАФИЯ КРАСНОАРМЕЙЦА
АНДРЕЕВА ДАНИИЛА ЛЕОНИДОВИЧА,
БОЙЦА КОМАНДЫ ПОГРЕБЕНИЯ
196 КРАСНОЗНАМЕННОЙ СТРЕЛКОВОЙ ДИВИЗИИ

I

Родился в ноябре 1906 года в семье писателя ЛЕОНИДА НИКОЛАЕВИЧА АНДРЕЕВА.

Мать Александра Мих<айловна>, урожд<енная> ВЕЛИГОРСКАЯ, внучка поэта Т.Г. ШЕВЧЕНКО¹, умерла через несколько недель после моего рождения, и я был взят на воспитание ее сестрой — моей теткой и крестной матерью — Елизаветой Мих<айловной> ДОБРОВОЙ, находящейся замужем за доктором Филиппом Александровичем ДОБРОВЫМ и жившей в Москве.

Детство провел преимущественно в Москве, в семье ДОБРОВЫХ, частью же у отца в Финляндии, где у него была дача. В 1908 году отец женился вторично на Анне Ильиничне ДЕНИСЕВИЧ. От первого брака он имел, кроме меня, еще сына Вадима, от второго — сыновей Савву и Валентина и дочь Веру. Отношения с моей мачехой у семьи ДОБРОВЫХ установились скверные, с детьми от второго брака отца я лично имел мало дела и почти не помню их. В 1914 г<оду> я в последний раз был у отца в Финляндии; в том же году было окончательно решено, что я остаюсь жить у ДОБРОВЫХ. Отца и брата Вадима я видел в последний раз в 1916 году, летом, когда они приезжали гостить к ДОБРОВЫМ в дачное местечко Бутово (под Москвой).

После революции и отделения Финляндии отец со всей семьей (кроме меня) остался по ту сторону границы; умер в Финляндии в 1919 г<оду>. Спустя некоторое время его семья уехала в Западную Европу, где и разделилась: брат Вадим сперва учился в Берлинском университете, потом перешел в парижскую Сорбонну, которую и окончил по философскому факультету; мачеха же с остальными детьми жила сначала в Риме, потом где-то под Парижем. В 1924 году я получил от нее письмо с просьбой прислать доверенность на распоряжение финляндским домом и его обстановкой. Я выслал доверенность и больше от мачехи не получал никогда ни одной строки. Из писем Вадима мне стало известно, что мачеха продала дом на слом, обстановку и библиотеку распродала с аукциона, а самое ценное вывезла с собой во Францию.

С детьми от второго брака отца я не переписывался никогда, но знал о них некоторые факты из писем брата Вадима. Савва Леонидович стал танцовщиком и в 1936–1937 гг. находился в Соединенных Штатах. Валентин Леонидович, по специальности географ, жил в Лионе (Франция). Вера Леонидовна жила в Чехо-Словакии, где вышла замуж за инженера — чеха. После 1937 года не имею ни о ком из них никаких сведений.

С Вадимом Леонидовичем я находился долгое время в переписке. После окончания Сорбонны ему пришлось вместо философии заняться развозкой на тачке масла и молока по парижскому предместью. Позднее он овладел специальностью киномонтажера, и это позволило ему жить сравнительно сносно. В 1929 году он женился на художнице Колбасиной. У него было двое детей — дочь Ольга и сын Александр.

Судя по его многократным высказываниям в письмах, он очень тосковал по родине; считал, что отъезд в 1919 году всей семьи из Финляндии в Западную Европу, а не в Россию, был роковой ошибкой; легко было понять, что все его симпатии на стороне СССР. Он дважды поднимал вопрос о принятии советского гражданства. Последний раз за это дело взялся А.М. Горький, большой друг нашего отца (и сам — мой крестный отец). Он довел дело до Иосифа Виссарионовича, от которого получил уже устное согласие. Оставался ряд формальностей, когда Алексей Максимович умер. Его жена Екатерина Павловна ПЕШКОВА посоветовала мне написать письмо Иосифу Виссарионовичу, что я и сделал, но ответа не получил. Вскоре после ликвидации таким образом вопроса о немедленном возвращении Вадима Леонидовича в СССР, оборвалась наша с ним переписка. Последнее его письмо было, если не ошибаюсь, в мае 1938 года. С тех пор я не имею о нем никаких известий.

2

В 1917 году я поступил в Московскую частную гимназию Е.А. Репман, одну из самых передовых и демократических в Москве, практиковавшую еще до революции совместное обучение. Окончил ее в 1923 году (к тому времени это была уже 90-я моск<овская> советская школа) и в следующем году поступил в Литературный институт, где проучился около 3 лет². Ушел с III курса по собственному желанию (о чем жалел впоследствии). Несколько лет занимался мелкой литературной работой: рецензиями для моск<овских> изд<ательств> в «Круг» и «Федерация писателей»³, научно-популярными очерками для юношества и детской литературой. В 1929 году редактировал и комментировал сборник «Реквием»⁴, посвященный десятилетию со дня смерти отца. В этот сборник вошли некоторые из его писем, до тех пор не опубликованные, отрывки из дневника, воспоминания о нем В. Вересаева и др<угих> писателей. Сборник был выпущен изд<ательств>ом «Федерация писателей» в 1930 году.

До 1934 года я пользовался правом наследования на литературные произведения отца. Кроме отчислений с прозаических произведений, издававшихся Гослитиздатом и другими издательствами, получал регулярно авторские отчисления через организацию драматургов «Всеросскомбрам»⁵ с театральных пьес отца, которые долгое время не сходили со сцены, в особенности в провинции.

С зарубежными изд<ательств>ами, переиздававшими литературное наследие отца, не имел никогда никаких сношений. Кажется, большую часть гонорара с зарубежных изданий получала мачеха. Некоторый процент приходился также на долю Вадима Леонидовича.

В 1932 году я поступил на работу на московский завод «Динамо», в редакцию заводской многотиражки «Мотор», где работал сначала литературным правщиком, потом зав. соцбытсектором газеты. На службе пробыл всего около двух месяцев и ушел по собственному желанию, не найдя в себе ни малейшей склонности не только к газетной работе, но и вообще к какой бы то ни было службе. Больше я не служил никогда и нигде.

С 1932 года начал работать художником-оформителем на договорных началах в различных московских музеях и на выставках. В 1935 году прошел в Моск<овский> горком художников-оформителей, где состою и по настоящее время. Ввиду специфических условий краткосрочно-договорной работы, на протяжении этого десятилетия я был связан с очень многими музеями, выставками и другими культурными учреждениями. Больше всего приходилось работать в моск<овском> Политехническом музее, в моск<овском> Коммунальном музее, музее моск<овского> художественного театра, музее гигиены, в различных павильонах Сельскохозяйственной выставки, в Парке культуры и отдыха им. Горького и т.д. Работа заключалась в проектировке экспозиции, составлении проектов и чертежей стендов, в рисовании диаграмм, картограмм, всякого рода планов и схем, в фотомонтаже, шрифтовой работе и т.д. Зарабатывал неплохо, что давало возможность не только помогать семье, но и самому себе позволять длительные летние поездки и экскурсии в Крым, на Украину, в Брянские леса и пр.

На удовлетворение этой любви к путешествиям, а также страсти к книгам уходила большая часть моего заработка.

Еще в бытность свою в Литер<атурном> институте я женился на своей соученице по институту Александре Львовне ГУБЛЕР (литер<атурный> псевдоним Горобова). Однако мы прожили вместе лишь несколько месяцев и в феврале 1927 года разошлись. Я продолжал жить с семьей ДОБРОВЫХ до 1942 года. В 1941 году, в апреле, скоропостижно скончался мой приемный отец д<октор>р Ф.А. ДОБРОВ. В июле 1942 года, после четырехмесячной тяжелой болезни, умерла моя приемная мать (тетка) Е.М. ДОБРОВА, а в январе 1943 года, уже в то время, когда я находился в армии, жившая с нами другая тетка, Е.М. МИТРОФАНОВА. От всей семьи осталась только моя двоюродная сестра Александра Филипповна ДОБРОВА-КОВАЛЕНСКАЯ и ее муж Александр Викторович КОВАЛЕНСКИЙ, безнадежно больной туберкулезом позвоночника (по специальности переводчик). С ними у меня поддерживаются корректные, но внутренне далекие отношения, осложненные в недавнем прошлом некоторыми хозяйственно-бытовыми распрями.

В настоящее время я женат на Татьяне Владимировне УСОВОЙ, научном сотруднике Института геологии при Академии наук СССР. Брак не зарегистрирован⁶. Ввиду невозможности обмена комнат в военное время, мы живем на разных квартирах.

В октябре 1942 года я был мобилизован. В продолжение полугода работал старшим писарем-машинистом Политотдела 196 КСД. После того как эта должность стала внештатной, я был переведен на аналогичную должность сначала в штаб КАД, затем в штаб 863 СП, наконец переброшен в команду погребения при Отделе тыла 196 КСД.

Здесь я используюсь также на караульной службе. Своей теперешней работой очень доволен, так как работа канцелярского типа мне крайне надоела, да и вообще я не чувствую к ней ни малейшей склонности.

3. РЕЛИГИОЗНЫЕ УБЕЖДЕНИЯ

Полагаю, что религиозная стихия в человечестве не есть функция экономическ<еских> факторов, но один из первичных человеческих импульсов, как голод и любовь. В зависимости от экономики, географии и пр. создаются и видоизменяются, эволюционируя, лишь формы богопознания. Думаю, что постепенно, по мере стабилизации социалистического строя, и на его почве также возникнет новая форма богопознания, которая найдет для себя, вероятно, и соответствующую внешнюю форму, вылившись в новую религиозную систему. Однако пытаться сейчас представить себе эту религи<иозную> систему будущего кажется мне занятием безрезультатным. Все религиозные формы, созданные в прошлом и соответствовавшие другим формам сознания, обречены как не соответствующие новым запросам и новому мироощущению. Поэтому для меня в этой области высшим авторитетом является мое собственное живое, непосредственное чувство ощущения божественного начала, присутствующего в природе и в человеке. Из существующих религиозных систем некоторыми своими сторонами мне близки христианство и поздний индуизм. (Вообще, к индийской культуре я чувствую большое тяготение и ощущаю ее, как нечто очень родственное моей душе.)

4. ОТНОШЕНИЕ К СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ И К ВОЙНЕ

Не знаю, следует ли специально оговаривать, что советский строй представляется мне самым осмысленным, целесообразным и справедливым из существующих. Единственный пункт, в котором я расходился с идеологией партии, есть вопрос религиозный; теперь, когда изменившееся отношение к советской власти со стороны религиозных организаций и их активная помощь делу обороны нашей родины вызвали перемену отношения к ним также и со стороны советского государства, устранено последнее препятствие к моему абсолютизму, безоговорочному принятию нашего отечественного строя.

Ясно, что германский фашизм я не могу рассматривать иначе как реакционную силу, посягающую на самое существование русской культуры, на самостоятельное бытие русского народа, живым членом которого себя чувствую и сознаю. Я глубоко люблю старую культуру Германии и Италии, немецкую музыку и поэзию, итальянскую живопись и архитектуру. Тем более страшной кажется мне раковая опухоль, возникшая на теле этих культур в лице фашизма и требующая удаления самым жестким хирургическим путем. Поэтому я не мыслю окончания текущей войны иначе как только при условии полной и безвозвратной ликвидации фашистского режима, вызвавшего такие бедствия, какие были неизвестны до сих пор мировой истории.

Для себя лично я считаю долгом и обязанностью включиться в нашу общую освободительную борьбу. Заболевание нервных корешков спины — так называемый спондило-артрит (я несколько лет носил железный корсет и снял его незадолго до мобилизации лишь потому, что не мог в военных условиях заказать себе новый) — это заболевание препятствует несению мною строевой службы, я освобожден мед<ицинской> комиссией от марша и физ<ической> работы. Но я не мыслю для себя сейчас иного местопребывания и работы как в армии. Мое место здесь. Здесь я полнее ощущаю, хотя и маленькую, но реальную пользу, приносимую мною общему делу, и здесь буду делить все боевые опасности с цветом нашего народа — с Красной Армией.

Некоторые моральные взгляды, усвоенные мною с детства и укоренившиеся навсегда, диктуют мне не избегать ни опасностей, ни открытой борьбы. Но препятствуют участию в такой работе, где имеется элемент обмана, хотя бы и допустимого в условиях войны. Например, не хотел бы и не мог бы быть разведчиком. Возможно, что эту мою позицию трудно обосновать и защищать логически, но она коренится в чувстве, более сильном и императивном, чем логика, и никакому пересмотру не подлежит.

5. АДРЕСА РОДСТВЕННИКОВ

1. АНДРЕЕВ Вадим Леонидович (брат) —
2. ДОБРОВ Александр Филиппович (двоюр<одный> брат), художник, Москва, Плющиха, д. 34, кв. 19.
3. ХАНДОЖЕВСКАЯ Галина Юрьевна (его жена, художница), там же.
4. ДОБРОВА-КОВАЛЕНСКАЯ Александра Филипповна (двоюродн<ая> сестра). Москва, 34, М. Левшинский пер., д. 5, кв. 4).
5. КОВАЛЕНСКИЙ Александр Викторович, ее муж, там же.
6. УСОВА Татьяна Владимировна, жена. Москва, ул. Станиславского, д. 5, кв. 6
7. ТРОЙНОВА Евгения Викторовна — двоюр<одная> сестра — Москва, ул. Солянка, № дома и кв. не помню.
8. ВЕЛИГОРСКАЯ Наталья Петровна (двоюр<одная> сестра) г. Горький, Новая ул., д. 46.
- 9–10. ВЕЛИГОРСКИЙ Игорь Петрович и ИВАНОВА Александра Петровна (двоюр<одный> брат и двоюр<одная> сестра). — г. Горький, точного адреса не знаю.
11. АНДРЕЕВ Леонид Аркадьевич (двоюр<одный> брат, инженер) — Ленинград, Красная ул., д. 15, кв. 19 (или наоборот). В настоящее время в Красной Армии. О нем не имею сведений с осени 1941 г.
12. ОЛЬ Галина Андреевна (двоюр<одная> сестра) — эвакуирована из Ленинграда в Свердловск. Адреса не знаю.
13. РЕЙНФЕЛЬД Евгения Николаевна — единственная знакомая (не родственница), оставшаяся в Ленинграде, — Ленинград, ул. Моховой и ул. Пестеля, д. 25, кв. 3.

14. ГОРОБОВА Александра Львовна (первая жена), писательница. — Москва, ул. Станиславского, д. 18 (если не ошибаюсь).

Никто из родственников не был репрессирован ни теперь, ни в прошлом.

Мой гражданский адрес: Москва, 34, М. Левшинский пер., д. 5, кв. 4.

Красноармеец (Андреев)

4.VI—43 г.

ИЗ ТЮРЕМНОГО ДНЕВНИКА

7 февраля <19>54

Октябрь и особенно ноябрь прошлого года был необычайным, беспрецедентным временем в моей жизни. Но что происходило тогда: откровение? наваждение? безумие? Грандиозность открывшейся мировой панорамы без сравнения превосходила возможности не только моего сознания, но, думаю, и подсознания. Но панорама эта включала перспективу последних веков, и в следующей эпохе отводила мне роль, несообразную абсолютно ни с моими данными, ни даже с какими-либо потенциями. Со стороны могло бы показаться, что здесь налицо *mania grandiosa* в сочетании с религиозной манией; но с этим не вязалось как будто бы два факта: то, что я не мог до конца поверить (а страдающие *mania grandiosa* непременно верят) внушаемому мне представлению и колоссальности моего значения, и все-таки то, что истинность этого значения подтвердилась бы только в том случае, если бы подтвердился целый ряд прогнозов и общего, и личного характера. Должно пройти много месяцев, пожалуй даже год, чтобы стало возможным судить об этом. Некоторые мелочи отчасти, правда, уже выяснились, но подтвердились зато и некоторые мелкие предсказания. Все это сопровождалось потрясающими переживаниями, ощущением реальной близости великих братьев из Синклита России, не смею назвать имена их, но близость каждого из них окрашивалась в неповторимо индивидуальный ток чувств; один вызывал усиление сердцебиения, блаженное благоговение, горячую любовь, и слезы лились градом. Другого все мое существо приветствовало с неизъяснимой, нежной, теплой любовью, как драгоценного друга, выдавшего насквозь мою душу и любящего ее и несущего мне прощение и утешение. [Появление] третьего вызвало потребность преклонить перед ним колена как великим, могучим, неизмеримо выше меня стоящим, и близость его сопровождалась строгим и торжественным чувством. Наконец, приближение четвертого сопровождалось ощущением захватывающей ликующей радости и слезами восторга. — Во многом могу усомниться, ко многому во внутренней жизни относиться со скепсисом, но не к этим встречам.

Этот период оборвался вместе с переводом в другую камеру. Декабрь я был поглощен работой над трактатом¹, отчасти в него вошел и материал, почерпнутый в ноябре месяца. А с нового года наступила реак-

ция. — Увеличивающаяся тягостность состояния коренится в следующем. Внутренняя связь прервалась, и прервалась, очевидно, столь же неожиданно для той стороны, но и для меня: во всяком случае, я не был об этом предупрежден. Ночные «встречи» прекратились. Обещанное мне, томительно ожидавшееся со дня на день открытие внутр<енного> зрения и слуха, когда я не буду уже смутно ощущать, но увижу, услышу великих братьев духовными органами, буду беседовать с ними и они меня поведут в странствие по иным слоям планетарного космоса, — это открытие до сих пор не состоялось. Для оправдания или опровержения внешних предсказанных сроков прошло слишком еще мало времени. Я вишу между небом и землей, не зная, что в происходящем со мной — истинно, что ложно, не понимая, как мне жить, что делать, к чему готовиться, как готовиться, да и готовиться ли вообще. Если весной не оправдается предсказанное, то в моих представлениях наступит настоящий хаос, т.к. я не буду знать твердо даже таких основных для меня вещей, как создание Р<озы> М<ира>, ее историч<еской> роли, моя миссия, мое будущее, смысл моей литерат<урной> и религиозной деятельности; начатая раскрытием великая концепция останется лишь приоткрытой, совершенно недостаточно для проповедания — ни письменного, ни устного. Да и вообще опрокинется все... Между тем я чувствую, что отречься от своей миссии я не могу и не захочу. Лучше я сойду с ума; но предать невозможно до тех пор, пока остается хоть один шанс из 100, что это действительно моя миссия, а не иллюзия. А такой шанс останется, вероятно, всегда, даже в самом худшем случае. Давно, о, давно не было так тяжело. Страшна не внешняя тюрьма, а внутренняя, душевная: закрытость органов духовного восприятия, отсутствие связи с духов<ным> миром, жалкая ограниченность кругом сознания. Вот то [нрзб]: Духовной жаждой томим, в пустыне мрачной я влачилс...² О, все, все отдать, лишь бы Он явился мне на перепутье! Пройден какой-то рубеж жизни, после которого мир и жизнь становятся имеющими цену только при условии духовного прозрения. Вероятно, в схожих состояниях люди в старину уходили в монастырь. Но даже если бы я был на воле и если бы существовали монастыри — это не для меня, моя миссия — не в уходе в [нрзб], а в проповеди, организации и в [нрзб]. Господи, как мечется душа. Физическая потребность ломать руки, становиться на коленопреклонную молитву, простираться ниц — но все это невозможно в условиях камеры. А одиночество! Невозможность встретить хоть тень понимания! Безнадежная материалистическая тупость окружающих, их самонадеянное ничтожество! Необходимость абсолютно молчать обо всем, со мной происходящим!.. Господи, сократи сроки этого нестерпимого ожидания. Великие братья Синклита³, дайте знак! Не покидайте, я изнемог от сомнений, незнаний, блужданий и жажды. Поддержите на пути, на этом страшном отрезке пути — в двойном заключении. Отче Серафиме⁴, открой мне духовные очи. Великие братья — Михаил, Николай и Федор⁵, откройте мне духовный слух! Если правдой были слова, что «дверь не закрыта, а только прикрыта»: отчего же третий месяц очи не отверзаются? Великий брат Владимир⁶, родной брат Александр⁷, явитесь душе, дайте знак, дайте хоть какой-нибудь знак!

8 февраля <1954>

В первый раз за последние 20 лет появляется потребность вести записи, нечто вроде дневника⁸. Причины попытки: интенсивность внутр<енней> жизни в сочетании с абсолютным одиночеством. Кругом — 3 человека, но не с кем перекинуться простым словом. Празднословие окружающих с [нрзб] [не] удастся прекратить хоть на мертвый час — о, пытка! Одно из тяжчайших мучений тюрьмы — отсутствие уединения. Люди, лишённые внутр<енней> жизни, от этого не страдают, даже наоборот, но зато порода таких, как я, изнемогает от этого больше, чем от внешней изоляции, больше, чем от тоски по воле... Боже, какая пучина, какие неоглядные хляби пустословия плещутся кругом с утра до ночи! Читать после 5 ч. дня почти невозможно из-за недостатка света; внутренне изолироваться для занятий или просто для размышлений, даже хотя бы для мило-беспредметных мечтаний невозможно, когда над ухом 3 человека трещат в полный голос то о проблемах бумажной промышленности, то о тюремных девушках — раздатчицах пищи, которых мы видим иногда через кормушку, то, еще хуже, о посылках или о болезнях — полунастоящих, полувыведанных. Не остается другого в эти часы, как включиться в это переливание из пустого в порожнее, стараясь хоть переключить его по возможности на какую-ниб<удь> словесную игру, вроде пресловутых «интеллигентных людей». Само собой результаты. Все эти трудност<и> ничтожны сами по себе, и я почти никогда не жалею, научился, внешне и внутренне не скулю и не падаю духом, и то, что сейчас пишу, — прорвавшийся раз в несколько лет невольный крик. Сейчас мои трудности усугубляются двумя обстоятельствами: во-первых, кончается творческий период, начавшийся с <19>49 г.; я выдохся и даже кончить «Рус<ские> боги» не могу. Возможно, идет конденсация с Буствича⁹, а это вызывает страшнейшее напряжение и тревогу. Через неделю — две были попытки, и что же? Одно из трех! одна этой весной — раз; какое-то, хоть худшее соглашение — два; никакого соглашения и продолжения [хоть одной] встречи еще раз или два... Второе и третье мало разнятся по существу дела.

9 февраля <19>54

Вчера положение осложнилось письмом¹⁰ [нрзб], составленным в весьма сильных выражениях. То, чего она хочет и требует, идет настолько вразрез с моими желаниями и намерениями, настолько противоречит личным моим «установкам», насущно мне необходимым в интересах «Р<озы> М<ира>», что я не стал бы и задумываться над этим письмом, если бы не призыв к моей совести: ведь страдал, мол, не один я, но жизнь ломается у рта людей...

Она и он, несомненно, единственные люди, имеющие внутр<еннее> право, настолько сильное и бесспорное, что я не могу просто пройти мимо... В конце концов, многое, если не все, зависит от дальнейшего хода вещей на протяжении ближайшего месяца. До 10 марта не буду предпринимать ничего. — Если бы мои шаги привели меня в какую-ниб<удь> [камеру?] — это

означало бы величайшее внутреннее и внешнее крушение, в полном смысле слова «разбитое корыто». Перспективы были бы для меня ужасны, чтобы не сказать — трагичны. — Сегодня усилились надежды на разрешение проблемы самым ходом вещей. Если это случится не позже апреля, это будет означать оправдание внутр<енних> [нрзб] и подтверждение истинности основных утверждений кот<орые> я получил. Словом, до 10 апреля — пан или пропал. Ах, если бы уцелеть всему или «С<транникам> н<очи>»!

18 апреля <1954>. Вербн<ое> воскресенье

Вчера пришлось оборвать работу над трактатом: выдохся. Сделано, правда, много, но 99 шансов за то, что все это погибнет. Теперь буду учить наизусть «Ж<елезную> м<истерию>» и остальное. Депрессия разбушевалась. Этому способствует окружение. Это такие утилитары, такие материалистически-самодовольные тупицы, такие удушливо-приземистые житейские умы, что я задыхаюсь как в могиле. За все 5 1/2 лет здесь ни разу еще не оказывался на такой длительный срок в таком вопиющем одиночестве. Да и очень уж страдает самолюбие. Ежеминутно. — Иногда по ночам, при воспоминании о прошлом, видишь свою глупость в тысяче мелочей: именно глупость, и самую обыкновенную глупость. Ну, а что как в большом я ее просто не вижу, а со стороны она так же ясна? В житейском отношении я глуп бесспорно. И это несмотря на всю грандиозность «Русских богов», «Ст<ранников> ночи» и т.д. Кроме, факт и то, что я медленно соображаю. Нужно быть таким тонким интуитом, как X, или таким широким универсалом, как Z, чтобы разглядеть за этим что-то.

ПРОЗА

СКАЗОЧКА О ФОНАРЕ

Один из фонарей на Рождественском бульваре работал уже несколько десятков лет. Под ним стояла скамейка, на скамейку постоянно садились люди, и фонарь перевидал столько людей, переслушал столько разговоров, что у него накопился тот самый опыт жизни, который называется умудренностью. И мало-помалу он пришел к выводу, что светить для всех без разбора одинаковым ровным светом — несправедливо и просто нехорошо.

Однажды вечером внимание фонаря было привлечено криками мальчугана, стремглав выбежавшего из дома напротив. Этого мальчика фонарь хорошо знал: то был сын сапожника, хотя и угрюмого, но не злого человека, сына он наказывал редко, но если возвращался домой в субботу пьяным — с ним не было никакого сладу. Так случилось и на этот раз. Сапожник оттолкнул свою жену — мачеху мальчика, когда та попыталась вступить за пасынка, бросился на сына с шилом и успел схватить его за руку. Вырываясь, мальчуган увлек отца в прихожую, оттуда в подъезд, вырвался и с криком бросился на бульвар, так что только сверкали босые пятки. Раздраженный сопротивлением еще более, сапожник устремился следом, и как раз под фонарем уже протягивал на бегу руку, чтобы схватить беглеца за плечо. «Не бывать тому!» — подумал фонарь и погас. Сапожник остановился, ничего не разбирая в темноте, а мальчик спрятался за дерево. Что же делать! Пьянице пришлось ограничиться потоком ругательств и бесславно возвратиться домой. Там он завалился спать и тотчас же захрапел. А мальчику осторожно отперла мачеха, и он тихонько, чтобы не разбудить отца, притаился на своей постели. Утром у отца хмель прошел и он даже не помнил о происшедшем.

А фонарь все висел и не горел — единственный негорящий фонарь на всем Рождественском бульваре. Вечер был ясный, весенний, все лавочки были заняты, только эта под негорящим фонарем оставалась пустой, потому что люди ее не замечали. Вдруг фонарь увидел пожилого человека в потертом пальто и старой шляпе: человек медленно, опираясь на трость, брел по бульвару с газетой в другой руке. Очевидно, он искал местечко на какой-нибудь скамейке под фонарем, чтобы почитать газету. Но гуляющих в тот вечер было много, и все скамейки были заняты. А в газете, надо полагать, заключалось что-то особенно интересное: во всяком случае, пожилому человеку до того хотелось прочесть ее, что он, не найдя места на скамейках, остановился прямо перед соседним фонарем и, прислонившись к нему, развернул газету.

— Ну нет, — подумал тут фонарь, который вследствие жизненной умудренности стал добрее. — Надо зажечься!

Сказано — сделано. Увидав в двух-трех шагах от себя внезапно вспыхнувший источник света и под ним лавочку, пожилой человек поспешил к ней и целый час наслаждался под фонарем своей газетой.

Был уже довольно поздний час, когда он оставил скамейку. А фонарь тем временем давно замечал, что по бульвару взад и вперед прошли уже четыре раза молодой студент и румяная круглолицая студенточка! Оба жили в общелитиях, уединиться и поговорить им было негде, и они надеялись найти подходящее место на бульваре. Фонарь видел, что им ужасно хочется поцеловать друг друга, но они стыдятся это сделать на людном, ярко освещенном бульваре. И до чего же приятно было ему погаснуть в эту минуту! Влюбленные даже вскрикнули от неожиданной удачи, мигом уселись на скамейку под добрым фонарем и целовались в темноте столько, сколько им хотелось.

Время шло своим чередом, куранты пробили двенадцать, бульвар пустел. Наконец удалились и влюбленные. Только какая-то запоздалая тетушка брела издали по боковой аллее, и фонарь видел, чего не замечала она: как по пятам за ней крадется вор, лучше сказать, грабитель. Ясно одно, что он ждал только удобного случая отнять у старушки чем-то набитую сумку. Такой благоприятный случай ожидал его у погасшего фонаря, где по крайней мере на расстоянии тридцати метров было темно, как в проруби. Но фонарь вспыхнул как раз вовремя. Как раз вовремя, чтобы осветить и старушку, и уже протянувшего к ней руку грабителя. Грабитель отпрянул в темь, а старушка, о нем даже и не подозревая, спокойно вышла на проезжую часть улицы и скрылась в подъезде многоэтажного дома, где жила.

Фонарь горел себе и горел до глубокой ночи. Бульвар уже был совсем пуст, когда на него вышел молодой поэт, разгоряченный стихотворным письмом к своей возлюбленной, которое и писал весь вечер. Теперь ему хотелось, чтобы прохладный ветер освежал его лоб, а над головой сверкали звезды. Но тысячи городских фонарей затмевали свет небесных светил, небо казалось невыразительным и бледным. Поэт присел на скамейку под старым фонарем, и фонарь тотчас же понял его мысли.

«Это несчастье нетрудно исправить», — решил он и самоотверженно погас. И в ту же секунду молодой мечтатель различил и колесницу Большой Медведицы, и великолепный Орион, уже склоняющийся за дома, и, главное, свою молодую звезду, голубое светило в созвездии Лиры — Вега. И душа его наполнилась восторгом и благоговением, и он даже лег на пустую скамью под негорящим фонарем, чтобы полнее ощущать бездонность и величие космоса.

Однако такое поведение старого фонаря обратило на себя всеобщее внимание. Безо всякой причины он то вспыхивал, то гас, а это невозможно терпеть в цивилизованном городе. Из Управления, ведающего всеми фонарями, был послан электромонтер. К фонарю приставили длинную лестницу, монтер обследовал все устройство незамысловатого светильника и все нашел в порядке. Тем не менее поведение фонаря не изменилось. О нем стали поговаривать и слагать всякие небылицы досужие люди в соседних кварталах, а это грозило распространением темных слухов, недопустимых в наш просвещенный век.

Управление решило вырвать зло с корнем и направило к фонарю своих мастеров с соответствующими полномочиями.

Но об этом вовремя узнали ангелы, а у них другой взгляд на эти вещи!

«Этот добрый фонарь заслужил совсем не этого», — сказали они. И поздней ночью, когда погасли уже все фонари на городских улицах, один из ангелов вознес добрый фонарь на небо. А пришедшие наутро мастера не могли понять, куда он девался, и составили акт по всем правилам.

Добрый же фонарь и потом освещал наши темные ночи. Мы по привычке называем его Венерой в честь древнеримской богини, хотя на деле же она совершенно ни при чем в этой истории.

<1950-e>

ИЗ КНИГИ «НОВЕЙШИЙ ПЛУТАРХ»

ГЁ НАН ДЖЁН, МАНДАРИН
1767–1842

Видный политический и военный деятель Китая

В самом имени Гё Нан Джёна заключен глубокий философский смысл. Тому, кто не пожалел отдать долгие годы изучению многоплановой символики китайских иероглифов, достойной наградой будет высокое искусство — умение постигать через лаконичные знаки имен судьбу их носителей и то положение, которое эти люди занимали при жизни. Стремясь облегчить европейскому читателю проникновение в эту пучину премудрости, мы счастливы

поделиться с ним нашими скромными, чтобы не сказать — ничтожными познаниями и сообщить, что фамилия Гё означает «граница», а прозвище Нан Джён — «хранитель юга».

Г.Н.Д. родился в провинции Шаньдун в семье писца и первоначально носил имя Ту Соу, что значит «Головастик». Когда мальчику исполнилось семь лет, отец, на каждом шагу убеждавшийся в необыкновенных дарованиях сына, отправил его учиться в знаменитый буддийский монастырь Ван Ду. При этом, как бы проникнув внутренним взором в судьбу сына и провидя его будущую славу, он дал ему прозвище Нан Джён.

С примерным трудолюбием и усидчивостью Г.Н.Д. — сначала мальчик, потом юноша и наконец зрелый муж — изучал в монастыре науку иероглифов. Не меньше внимания уделял он проникновению в создания великих китайских мыслителей; благоговение перед философией бессмертного Конфуция с каждым годом все более охватывало его сердце и разум.

Его доброта и углубленное понимание им этики конфуцианства прекрасно отразились в следующем трогательном эпизоде его биографии. Будучи отпускаем своими наставниками время от времени домой, чтобы проведать родителей, Г.Н.Д. не мог не испытывать грусти и сожаления при виде того, как неумолимые годы заставляют сгибаться все ниже спину его отца и накладывают морщины на лицо матери. Он понимал, что его появление в родном доме раз в два года, сначала подростком, а затем и взрослым человеком, может напомнить его родителям об их собственном возрасте. И чтобы создать для отца и матери иллюзию остановившегося времени и возвратившейся молодости, любящий сын стал являться к ним каждый раз не в обычной одежде, соответствующей его летам, а в детском платьице, не доходившем ему и до колен. Такова была доброта его сердца.

По окончании 54-летнего курса обучения почтенный кандидат был допущен к государственному экзамену. Этот экзамен превратился в настоящее торжество Г.Н.Д., ибо проявленное им знание всех иероглифов, относящихся до оружейного дела и военного искусства, поразило самых глубокомысленных ученых, составлявших экзаменационный совет.

Неудивительно поэтому, что на 61-м году жизни Г.Н.Д. получил назначение на пост «Командующего телохранителями Драконолицега»¹. Занимая эту должность и пользуясь обширной императорской библиотекой, Г.Н.Д. продолжает свои ученые изыскания и в 1834 г. издает сводный труд «Дипломатия и война» («Бай-гау Та-чан»): это словарь всех иероглифов, обозначающих чужеземцев и чужеземное или же имеющих отношение к оружию и военным действиям. Естественно, что благодаря этому труду, достойному легендарных богатейших времен императора Яо, Г.Н.Д. становится общепризнанным авторитетом в вопросах дипломатии и военных наук. В 1837 г. он возводится в сан мандарина и, как прославленный знаток международных отношений и стратегии, назначается Командующим армией при Наместнике Императора в Гонконге. Вот когда судьба пожелала раскрыть сокровенный смысл его имени «Хранитель юга», еще раз поучительно указывая всякому, имеющему разум, на великую связь между именем и жизнью человека.

Находясь на посту Командующего, Г.Н.Д. своими деяниями подтверждает мудрость правительственного назначения его на эту должность: он издает книгу «Танец таинственных иероглифов» («Му-Дзи мей»). Философская идея, которую автор блестяще доказывает в этом труде, заключается в том, что для победы над врагами войны должны прежде всего уметь выражать своими телодвижениями иероглифы, символизирующие грозное оружие, разгром противника и торжество над ним. Мир полон соответствий. Жизнь течет миллионами параллельных русел, которые кажутся отделенными друг от друга только непросвещенному взору. В действительности поток — един и русло — одно. Все связано, подобное вызывается подобным. Действие, совершаемое в уединенном доме, неизбежно отражается в явлениях, происходящих в открытом поле.

Символические телодвижения, имитирующие нанесение врагу сокрушительного удара, не могут не ощутиться этим врагом, хотя бы он и остался в неведении об их действительном источнике.

Учение Г.Н.Д., применяющее к задачам нашего времени вечные истины философии Тао, произвело огромное впечатление на всю мыслящую часть китайского общества. В 1839 г. Гонконгский Наместник пригласил философа-командующего на торжественный прием, устроенный им офицерам английских военных кораблей, стоящих на рейде. Главный смысл церемонии заключался в показе чужеземцам и возможным врагам больших маневров китайских войск. Философским же стержнем маневров являлся «танец воинственных иероглифов» в исполнении всех частей и соединений под руководством самого Командующего. По-видимому, зрелище пляшущего войска действительно устрашило англичан; во всяком случае, в продолжение целой недели после этого Гонконг наслаждался тем же спокойствием, как и долгие века перед тем. До-

¹ Т <о> е <сть> сына неба, императора. (Здесь и далее подстрочные примечания, кроме оговоренных, принадлежат Д.Л. Андрееву.)

вольный явными плодами церемонии, Наместник послал императору специальное донесение, и Ге Нан Джену за его подвиг была пожалована земля в окрестностях Пекина размером в 17 му¹ и подарены пять кусков красного шелка. Правда, в день получения Командующим известия об этом знаке благоволения и высокой оценки его заслуг Гонконг был занят англичанами, но это не имеет принципиального значения. Более чем вероятно, что если бы не «танец воинственных иероглифов», это несчастье произошло бы еще раньше.

В 1842 г. Г.Н.Д. участвовал в Нанкинских переговорах. Здесь, с целью добиться от англичан отказа от их чрезмерных требований, он не раз собственноручно исполнял новую магическую церемонию, разработанную им на основе указаний древнейших китайских источников: танец дипломатических иероглифов. Здесь во время танца и закончился его земной путь. Не приходится удивляться, что церемония, прерванная этим несчастьем, не смогла оказать желаемого действия на английских дипломатов.

Прямой причиной безвременного ухода из жизни этого разностороннего и энергичного деятеля послужили, очевидно, ветры в печени².

Похоронен был Г.Н.Д. в Нанкине с большим почетом и торжественностью. На его каменной гробнице высечено посмертное имя — «Ай-дзи мей-дзе», что значит «Сын духа Танцев и богини Иероглифолюбия».

ГЕНИСАРЕТСКИЙ СИДОР ПАНТЕЛЕЙМОНОВИЧ
1845–1912

Первый воздухоплаватель, посетивший Тибет

Сидор Пантелеймонович Генисаретский родился в Сибири, в с. Благовещенском Красноярского уезда, в семье дьякона. Окончив 4-классное училище, служил писарем Губернского Правления, затем помощником делопроизводителя, делопроизводителем, помощником столоначальника, а после учреждения Акцизного Ведомства перешел на службу в это последнее в чине титулярного советника. Добрый семьянин, человек необычайной скромности, любивший преферанс и некоторые другие незатейливые развлечения в тесном кружке приятелей и питавший неослабевающий интерес к той отрасли отечественного производства, с которой была связана работа в Акцизном Ведомстве, Генисаретский не помышлял ни о лаврах смелого исследователя, ни о славе ученого. Его судьба являет собою поучительный пример и обнадеживающий образец того, как честность и скромность могут быть иной раз вознаграждены таким взлетом фортуны, о каком и мечтать не мог благодущный сын дьякона. В 80-х годах на неярком фоне провинциального общества г. Красноярска заметно выделялась своеобразная фигура удачливого золотопромышленника Ф.К. Полуярова. Неукротимый темпе-

1. Т<о> е<сть> немногим больше одного гектара.

2. Термин китайской медицины, видимо, соответствующий европейскому понятию «камни желчного пузыря».

рамент и могучая творческая фантазия натолкнули этого настоящего русского самородка на оригинальное, весьма необычное для того времени увлечение воздухоплавательным спортом. На обширном пустыре вблизи своего великолепного дома, получившего вследствие хлебосольства своего хозяина прозвище «Ноева ковчега», Полуяров устроил нечто вроде примитивного летного поля, с которого стартовал однажды на аэростате конструкции талантливого инженера-самоучки Алмазова. Полет завершился благополучным приземлением в полусотне верст от Красноярска. Эта удача вдохновила Полуярова на смелый замысел: внести кое-какие изменения в конструкцию аэростата, совершить на нем полет через Алтайский хребет. Подготовительные работы были вскоре закончены, и в одно воскресное утро в июне 1888 г. должен был состояться старт.

Среди публики, привлеченной необычайным зрелищем и толпившейся вблизи воздушного шара, который слегка покачивался на своих стропях резвыми порывами северного ветра, находился и Г. По-видимому, безобидные удовольствия, которым отдал дань накануне вечером, в субботу, Сидор Пантелеймонович, слегка нарушили обычно свойственный ему трезвый подход к вещам; во всяком случае, в нарушение своего правила — никогда не выдаваться вперед — он позволил себе протиснуться в первый ряд зрителей и здесь с неосмотрительной громогласностью произнес несколько скептических суждений о перспективах воздухоплавания. Эти замечания были услышаны Полуяровым, уже готовившимся подняться в гондолу аэростата. Разгневанный недоверием к науке, отважный экспериментатор в эту же секунду приподнял дерзкого скептика на воздух и толкнул его в гондолу с раздраженным восклицанием, повторять которое дословно мы считаем неуместным. Но на этот раз судьба не пожелала отнестись с обычной снисходительностью к нетерпеливым выходкам русского мецената: по невыясненным до сих пор причинам шар тотчас же рванул вверх, последние стропы лопнули, и Г. внезапно очутился совершенно один несущимся в корзине аэростата неизвестно куда и зачем, со скоростью 10 сажен в секунду.

В изложении дальнейших событий мы принуждены руководствоваться единственным имеющимся у нас источником — воспоминаниями Г. «В стране далай-лам», опубликованными в газете «Вестник Красноярского края» в июле 1891 г. К сожалению, неподготовленность нашего соотечественника к подобному путешествию и необычайные обстоятельства самого отбытия его из Красноярска придают его свидетельству о первых сутках полета несколько туманный характер. Драматизм его положения усугублялся тем, что, будучи незнаком с устройством аэростата, он и не подумал принять меры к скорейшему приземлению. Кроме того, отмеченное нами выше недоверие его к научным и техническим новшествам способствовало его твердой уверенности в том, что шар будто бы не может продержаться в воздухе больше нескольких минут. Поэтому сначала, спрятавшись на дне гондолы и не решаясь приподнять голову над бортом ее, Г. размышлял лишь о том, как и на чем будет он добираться обратно в город после того, как шар опустится. Но когда прошло около получаса, а шар поднялся выше облаков, Г. рискнул глянуть вниз и по сторонам. Внизу простиралась покрытая лесом волнообразная равнина, а на-

встречу, с юга, приближались какие-то горы. Поэтому нам не кажется странным, что прежняя мысль, тревожившая воздухоплателя, сменилась новой: беспокоем о том, успеет ли он вернуться в Красноярск к 7 ч. утра в понедельник, т.е. к началу служебного дня в Акцизном Управлении. Однако весьма скоро сделалось ясно, что высокому чувству служебного долга нашего титулярного советника готовится новый удар. Не ощущая непосредственной силы ветра, т.к. шар неся с его скоростью, Г. видел по изменениям ландшафта, что эта скорость огромна. Точно по аэродинамической трубе, аэростат несло между горных вершин, над перевалами, где несколько раз он едва не задел за скалы, а часа через два перед жертвою жестоких шуток судьбы открылась безбрежная даль пустыни. Земля ушла глубоко вниз. Однажды среди пустынных пространств заголубели изгибы большой реки; можно думать, что это была р. Тарим, хотя Г. почему-то утверждает в своих воспоминаниях, будто бы он пролетел над Нилом¹.

Неотчетливость географической концепции нашего путешественника отразилась и в том, что снежные горы Куэнь-Луня, которые он благополучно, хотя и с ужасающим риском, миновал уже в вечерних сумерках, были приняты им за Кавказский хребет. Вообще, нетрудно вообразить душевное состояние воздухоплателя, если учесть рисовавшееся ему страшное будущее: быть выброшенным где-либо в дикой местности, откуда придется добираться домой пешком через пустыню, с тем чтобы в конце концов стать перед лицом грозного начальника, требующего объяснения дерзкой самовольной отлучки. Не могла способствовать подъему настроения и перспектива объяснения с Полуяровым. Зато физические испытания, выпавшие на его долю, Г. выносил с беспримерным мужеством. Ни тени ропота или возмущения не чувствуется в его безыскусственном рассказе о полете.

«Был ужасный холод. В шаре была шуба и одеяло, и я их одел. Провизии мне хватило. Водка тоже была в шаре, и я не замерз».

Но, по-видимому, живительный напиток помог игрушке воздушной стихии не только в физическом, а и в психологическом отношении: лаконичность дальнейших сообщений Г. заставляет нас предположить, что смилостивившаяся над ним судьба послала ему долгий, спокойный, подкрепляющий сон.

Из состояния забытья Г. был выведен сильным толчком, за которым последовали второй и третий. Плохо ориентируясь спросонок, путешественник успел лишь сообразить, что шар приземляется и что солнце стоит высоко на небе. В ту же минуту гондолу потрянуло еще энергичнее, воздухоплатель был выброшен на поросший травой склон горы, а освободившийся от его тяжести шар исчез в неизвестном направлении. На некотором расстоянии виднелась большая отара овец, а еще дальше — селение обитателей этого загадочного края. Оттуда уже спешила группа людей. Но, подбежав к своему неожиданно гостю, эти дети природы, вместо ожидаемого приветствия, высунули язы-

1. В этом, думается нам, сказались поблекшее с годами воспоминание об уроках закона Божия, из которых Генисаретский вынес, между прочим, несколько поспешное заключение о том, что Нил будто бы единственная в мире река, способная протекать через пустыню.

ки, делая при этом оригинальные, но маловразумительные движения кистью правой руки, и в особенности большим пальцем. В свете современной науки можно с уверенностью сказать, что Г. был первым европейским исследователем, описавшим тибетский способ приветствия, хотя и не проникнув в его смысл. «Одно слово: язычники!» — с мягким юмором резюмирует он это наблюдение. С чисто русской сметкою он подметил также, что попытка его заговорить по-русски привела к тому, что вся группа туземцев поверглась перед ним ниц: очевидно, его принимали за сверхъестественное существо, явившееся с неба. Таким образом, можно было не сомневаться, что перед ним люди, чуждые христианской цивилизации. Чрезвычайно любопытно и лингвистическое наблюдение, сделанное Г-м: он решительно утверждает, что туземцы, простираясь перед ним, выкрикивали:

«Митрея! Митрея!» Надо думать, так прозвучало русскому уху слово Майтрэя¹.

Невозможность вступить в человеческое общение с туземцами чрезвычайно упростила научно-исследовательские задачи русского культуртрегера. Скупыми, но яркими штрихами живописует он свои дальнейшие приключения. Торжественно приведенный в деревню, он был водворен в помещение храма подле изваяния Будды. Возжигание благовонных палочек и монотонное пенье чередовались с трапезами, о которых Г. сообщает драгоценные подробности.

«Они без конца заставляли меня пить крепкий чай с коровьим маслом²: Это настоящее пойло. На крещеной Руси такого не стал бы пить последний зимогор³».

За эти дни, безвыходно проведенные в ламаистской кумирне, Г. отдохнул от перенесенных мытарств, и это дало ему силы мужественно встретить новый этап путешествия, когда набожные тибетцы решили отправить небесного гостя для выяснения личности в духовный и административный центр своей феоكرатии. Предоставим слово самому путешественнику.

«Меня посадили на рогатое животное вроде быка. Меня сопровождало 12 туземцев. Главным был далай-лама⁴. Мы ехали долго через горы. Некоторые горы были высотой в 20 верст. Если бы меня бы не закутывали бы в мех целиком, я бы замерз. Наконец мы спустились куда-то. Стало тепло. Мы останавливались в юртах кочевников или в языческих монастырях. Народ добродушный, только все они очень глупы. По-русски не знает ни один далай-лама. Наконец меня привезли куда надо. Это был город и дворец в десять этажей».

Итак, наш исследователь оказался первым европейцем, проникшим, ценой всевозможных лишений и риска собственной жизнью, в тибетскую сто-

1. Как было известно, впрочем, еще до Г., Майтрэя есть одно из лиц ламаистского пантеона, Будда грядущего мирового периода, в настоящее время проходящий подготовительный этап бодисатства.

2. Исправим маленькую неточность: коровье масло в Тибете не употребляют, за отсутствием коров, а заменяют его маслом из молока яков.

3. Зимогор — праздношатающийся, бродяга, люмпен-пролетарий (сибирский диалект).

4. Г. упорно называет далай-ламами всех вообще представителей тибетского духовенства.

лицу, где его личность очутилась в центре внимания высшего ламаистского духовенства. Целомудренная, скупая литературная манера Г. не позволяет нам заключить ничего определенного ни о том, кто именно из лхасских сановников и какими способами пытался выяснить его происхождение, ни о той обстановке, которою Г. был окружен в таинственном городе. Слишком скромное представление о собственных возможностях помешало исследователю проявить свойственную ему наблюдательность, способность к глубокому анализу и широкому синтезу. Только этим можно объяснить то обстоятельство, что в его воспоминаниях мы не находим никаких сведений о внешнем виде Лхассы и знаменитого дворца Поталы, равно как и об одежде, обрядах, быте, ремеслах, художественных изделиях, утвари и т.п. Так или иначе, после двухмесячного пребывания в Лхассе в условиях почетного заключения Г. был снова посажен на яка и, на этот раз уже без особых церемоний, перевезен торговым караваном в Сринагар — главный город индийской провинции Кашмир. Надо полагать, лхасские власти убедились в земном происхождении своего гостя и, с грубоватостью людей, чуждых гуманной цивилизации нашего века, выпроводили его за границу. Только в Бомбее встретился наконец Г. с первым человеком, говорившим по-русски: с русским консулом. Здесь наконец он узнал, что исследованная им страна называется Тибетом и до этого времени оставалась недоступной для европейцев.

Путевые воспоминания Г. об Индии представляют, естественно, меньше интереса, чем его талантливые зарисовки Тибета. Если мы припомним описание путешествия по Индии великого русского исследователя XV века Афанасия Никитина, фактически открывшего эту страну для ученого мира, мы убедимся, что данные, сообщаемые об Индии Г., уже нашли свое место в книге его гениального предшественника.

Зато бесконечную ценность для историка русского быта и нравов представляют страницы из воспоминаний, посвященные возвращению в родной Красноярск. Безыскусственно, просто, но со множеством интереснейших подробностей повествуют они о восторженном приеме, устроенном герою воздухоплавания красноярским обществом; о том, как Полуяров, считавший Сидора Пантелеймоновича невинной жертвой своей необузданной вспышки, обнял его, рыдая, и осчастливил ценным подарком — бронзовыми настольными часами в форме аэростата, каждый час наигрывавшими «Во саду ли, в огороде»; о том, как начальник Акцизного Управления, вместо того чтобы распечь подчиненного за самовольную отлучку, принял его с благосклонною шуткой и целых полчаса расспрашивал о подробностях путешествия; о том, наконец, какие обеды устраивались красноярской общественностью. Если бы погибли все документы, по которым мы судим о видах и родах спиртных напитков и праздничных кушаний, употреблявшихся в Сибири в конце XIX столетия, записок Г. было бы достаточно, чтобы восполнить эту роковую утрату.

Публикация его труда «В стране далай-лам» вызвала живой отклик не только в отечественной, но и в заграничной, особенно английской печати. К сожалению, мы не имеем права обойти молчанием некоторых выступлений, прозвучавших неприятным диссонансом среди голосов признанных ученых, указывавших на огромное значение подвига Г. для географической науки.

В Англии нашелся даже некий Джемс Кларк, не постеснявшийся иронизировать над самоотверженным исследователем в том смысле, что признание Г. первым европейским аэронавтом, посетившим Лхассу, не имеет будто бы под собой почвы ввиду того, что он уроженец Сибири. Рассуждение столь же смешное, сколь и некорректное! Как будто нельзя родиться в Сибири и оставаться больше европейцем, чем заносчивый м-р Кларк, всю жизнь свою прозябавший, вероятно, в каком-нибудь английском захолустье.

Тибетским путешествием заканчивается период жизни Г., имевший значение для мировой науки. Возвратившись к служебной деятельности в Акцизном Ведомстве, путешественник, видимо, окончательно убедился в том, что никакие приключения в экзотических странах, сколь бы ярки они ни были, не могут идти в сравнение с радостями скромного существования в лоне любящей семьи и круга приятелей, объединенных общими вкусами и интересами. Мирно и незаметно прожил Г. остаток своих дней.

На незатейливом памятнике, водруженном над его могилой безутешной вдовой, можно и теперь еще разобрать трогательные строки:

«Листья, ветры, не шумите,
Моего мужа не будите!

Пусть спит, не зная ни тревоги, ни муки,
А памятник сей поставили супруга, дети и внуки!»

ИЗЗАГАРДИНЕР ИСААК
1900—1929
Известный стоматолог

Знакомство с краткою жизнью и трагической гибелью замечательного польского экспериментатора не может не оставить глубокого следа в душе каждого, кто сохранил еще достаточную свежесть чувства и способность к горячему сердечному отклику на проявление героического начала в жизни.

Отец Исаака Иззагардинера, владелец шоколадной фабрики в г. Кракове, имел возможность наблюдать необычайные задатки своего первенца уже в самом нежном его возрасте.

Рано развившийся, с хрупкою нервной организацией, Исаак еще в годы своего обучения в хедере удивляет наставников и товарищей какою-то особенной душевной нежностью, склонностью к идеальным порывам и мало свойственной этому возрасту возвышенностью общей душевной настроенности. Такие натуры редко отличаются практичностью и житейским здравым смыслом. Несомненно, это был представитель того нередкого среди еврейства типа идеалиста-мечтателя и книголюба, которого в старину легко было встретить, особенно среди знатоков Талмуда, комментаторов каббалы, цадиков; условия нашего столетия, однако, придали врожденным склонностям И. несколько иное,

довольно неожиданное направление. Окончание Исааком частной мужской гимназии совпало с установлением государственной независимости Польши и с расширением прав местного еврейского населения. Перед И. открылись двери Краковского университета, в который он и поступил на медицинский факультет. Этот выбор был сделан юношей вопреки воле отца, рассчитывавшего видеть в единственном сыне своего преемника; впрочем, семейству Иззагардинеров давно уже стало ясно, что характеру юного мыслителя недостает целого ряда свойств, необходимых практическому деятелю. Вместе с тем задумчивый юноша, постоянно витавший, по выражению его отца, в облаках, умел проявлять железное упорство и настойчивость, когда дело касалось принципиально важных для него вопросов жизни.

Известно, что на выбор профессии молодым И. повлияло одно приискорбное событие в его семье: его любимый дядя, много лет страдавший гастритом, преждевременно и скоростижно скончался от заворота кишок.

Размышления о причинах этого несчастья привели молодого человека к своеобразному выводу: он остановился на мысли, будто бы предпосылкой заворота кишок явился гастрит, вызванный в свою очередь привычкой покойного недостаточно хорошо прожевывать пищу. Эта догадка, быть может и спорная с точки зрения господствующих в современной науке взглядов, переросла в сознании юного мыслителя в некую неподвижную и почти всеобъемлющую идею: дурное прожевание пищи стало рисоваться ему источником едва ли не большинства бедствий, постигающих человека. Именно эта идея и заставила его избрать медицинский факультет, чтобы отдать все свои силы делу борьбы с упомянутым злом.

К концу университетского курса И. уже полностью отдавал себе отчет в том, что корень несчастья заключается в несоответствии имеющегося у человека количества зубов потребностям усвоения пищи. Подтверждение этой мысли И. находил в углубленном изучении сравнительной стоматологии, открывшем ему тот факт, что многие позвоночные, в особенности некоторые рыбы и ископаемые рептилии, обладали добавочными рядами зубов на небе и даже на языке. Таким образом, стоматология, которую И. решил избрать своей специальностью, способствовала кристаллизации его идеи и привела к тому, что после сдачи государственных экзаменов молодой ученый целиком посвятил себя разработке своего замечательного изобретения.

Сущность его заключалась в доведении числа зубов человека до 42. Найти в полости рта место для размещения такого количества инородных тел представлялось нелегким делом. И. разрешил эту задачу остроумно и просто: 5 зубов должны были уместиться на небе, образуя как бы вогнутую дугу, направленную перпендикулярно к передним зубам в сторону гортани. Но так как соответствующую им пятерку нижних зубов можно было разместить только на языке, то изобретатель прибег к идее эластичной ленты, надеваемой на язык только во время принятия пищи, закрепляемой на нем с помощью присосок и снабженной сверху пятью фарфоровыми зубами.

В 1925 г. молодой изобретатель изложил свой проект усовершенствования жевательного аппарата на заседании Польского Медицинского общества.

Вряд ли когда-нибудь случалось хоть одному новатору в области науки пережить минуты, подобные тем минутам после доклада, которые всякого другого изобретателя, менее уверенного в своей правоте, чем И., могли бы толкнуть на самоубийство или свести с ума. Из-за хохота, стоявшего в зале, последние фразы доклада так и остались никем не услышанными. Знаменитого стоматолога проф. Пшенявского пришлось отпаивать валерьянкой. Другое светило науки было выведено из зала под руки, ибо приступ смеха не давал ему самостоятельно переступить ногами. Про одного маститого ученого (назвать здесь его фамилию мы не решаемся, щадя его репутацию в ученом мире) рассказывали даже, будто бы он, потеряв всякий контроль над своим брюшным прессом и дыхательными мышцами, дохохотался до того, что по возвращении домой с ним случился приступ нервической икоты, не прекращавшейся шесть суток и едва не сведшей этого веселого не по возрасту специалиста в могилу.

Такая реакция квалифицированной аудитории, наглядно продемонстрировавшая всю косность и несерьезность дипломированных представителей польской медицины, исключала, разумеется, всякую надежду на объективный разбор проекта д-ра И. Разрыв замечательного новатора с научной общественностью стал совершившимся фактом; изобретатель вместе со своей идеей был предоставлен самому себе. К счастью, независимое состояние И. спасало его, по крайней мере, от материальной катастрофы, которая постигла бы на его месте всякого научного работника, не имеющего дополнительных средств существования. И. сумел даже опубликовать проект своего изобретения, издав его за собственный счет; впрочем, и этот шаг не возымел никакого положительного эффекта.

Печальные размышления о будущем мировой науки охватят всякого, кто ознакомится с четырехлетними мытарствами И., махнувшего рукой на товарищескую помощь и пытавшегося на свой страх и риск найти хотя бы одного непредубежденного человека, который согласился бы подвергнуться рекомендуемой операции. Странное ослепление мешало людям понять, что они отказываются от собственного счастья, от баснословного увеличения способности своего организма усваивать пищу и, следовательно, от продления своей жизни на много лет против положенного ей от природы срока. Даже единственный единомышленник И., престарелый и, к сожалению, проявлявший признаки *dementia senilis*¹ стоматолог Стамескес отказался подвергнуть себя рискованному опыту и предложил вместо этого произвести операцию над самим И. После недолгого колебания, не видя иных путей к осуществлению своей идеи, изобретатель мужественно ответил согласием.

В мае 1929 г. роковая операция состоялась. У оперированного был удален кусок небной кости и на его место вставлена пластиковая пластинка с пятью фарфоровыми зубами. Для надевания на язык была приспособлена лента из эластичного материала, снабженная таким же количеством зубов и присосками.

К сожалению, непредвиденные обстоятельства затруднили пользование усовершенствованным жевательным аппаратом.

_____ 1. Старческое слабоумие (лат.) — Ред.

Прежде всего, обнаружилась неправильность расчета изобретателя на то, что ленту можно будет снимать на все время между часами принятия пищи, дабы обеспечить отдых языку и не мешать дикции: верхние зубы, укрепленные вдоль неба, все равно тревожили язык при малейшем его движении; уже через сутки после операции не только речь, но даже акт проглатывания слюны сделался мучительным, язык распух и едва умещался в полости рта. Пришлось опять защитить его от небных зубов лентой; однако при наличии ленты речь делалась окончательно невозможной и оперированный вынужден был объясняться с окружающими при помощи карандаша. Кроме того, наличие ленты препятствовало правильному кровообращению (кровообращению) языка; на этой почве и вследствие постоянного давления со стороны небных зубов на языке появились пролежни.

Срочно созванный консилиум специалистов обратился к мужественному экспериментатору с настойчивым предложением: отказаться от дальнейших попыток и, признав опыт неудавшимся, решиться на удаление из неба злополучной пластинки с зубами. Но мученик науки слабейшими пальцами начертал ответ, достойный украсить биографии подлинных героев: «Моя жизнь имеет смысл постольку, поскольку она служит ступенью к долголетию других и к счастью человечества. Ничего нет отраднее, чем сознание, что отдаешь себя во имя продления жизни миллионов. Да здравствует наука!»

К сожалению, эти слова оказались пророческими: через два дня пролежни перешли в молниеносную гангрену, и 17 мая 1929 г. Исаака Иззагардинера не стало.

Квак-Ма-Лунг (Эсфирь-Анна Броунинг)
ок. 1890–1938

*Выдающаяся представительница племени кири-кири,
просветительница даяков (Индонезия)*

Время рождения Квак-Ма-Лунг (Эсфири-Анны Броунинг) установлено только приблизительно, т. к. к вопросам летосчисления до своего приобщения к цивилизации К. относилась без заметного интереса.

Племя кири-кири этнически входит в состав обширной группы даякских племен, заселивших не менее 1 тысячи лет назад о. Борнео и ряд мелких островов в его окрестностях. Оно обитает

на небольшом, ок. 20 км в поперечнике, одноименном островке и до последнего времени пользовалось репутацией свирепых каннибалов.

В 1910 г. племенем был вероломно убит и принят невольником, так сказать, страдательное участие в каннибальской оргии миссионер реформаторской церкви преподобный Стокс. Когда на его место прибыл 7 месяцев спустя новый герой просвещения отсталых народностей преп. Гарри Броунинг, многие кири-кири еще пользовались личными вещами своей недавней жертвы. Так, напри-

мер, Квак-Ма-Лунг, одна из наиболее смысленных представительниц прекрасного пола на о. Кири-кири, ни днем ни ночью не расставалась с целлулоидовым воротничком погибшего, хотя этою реликвией едва ли не исчерпывался ее скромный туалет.

Не подлежит сомнению, что ни кротость, ни бесконечное терпение, ни духовная твердость не спасли бы преп. Броунинга от участи его предшественника, если бы, в противоположность покойному Стоксу, он не обладал молодостью и чрезвычайно привлекательной внешностью. Сердце К., оставшееся глухим к увещаниям трагически погибшего почтенного джентльмена, на этот раз доказало принадлежность своей владелицы к человеческому роду.

Опасаясь соплеменников, К. таила свое робкое чувство вплоть до того рокового дня, на который вождем племени была назначена очередная каннибальская оргия, сопровождавшаяся, как водится, необузданными плясками в честь производительных сил природы. Зная, что преп. Броунинг должен пасть в этот вечер новой жертвой искаженных понятий этих темных людей, К. тайно проникла ночью в его шалаш и, сообщив об опасности, умоляла его бежать. Но так как самоотверженный проповедник наотрез отказался покинуть пост, на который чувствовал себя поставленным высшею силой, то К. прибегла к отчаянной хитрости, приведшей к ее разрыву с материнским племенем. Подмешав в пищу преп. Броунинга мелкие кусочки корня *Sesuvium portuacastrum*, широко используемого даяками в качестве снотворного, мужественная девушка, не дожидаясь утра, перенесла бесчувственного миссионера на своих плечах к морскому берегу, проделав при этом свыше 5 километров по непроходимым джунглям. Разумеется, нигде на всем о. Кири-кири беглецы не могли быть вне опасности. Поэтому К., не медля ни минуты, соорудила примитивный плот, когда действие *Sesuvium portuacastrum* прекратилось и преп. Броунинг поднял отяжелевшие веки, он, к своему немалому удивлению, увидел вокруг себя водную поверхность, поглощенную восходящим солнцем, а в какой-нибудь сотне ярдов впереди — берег о. Борнео.

После всего происшедшего вопрос о возвращении к просветительской деятельности на о. Кири-кири для преп. Броунинга отпадал сам собой. Беглецы приютились сначала на ближайшей английской фактории, где преп. Броунинг стяжал первый плод своего подвига, присоединив Квак-Ма-Лунг к реформаторской церкви, согласно всем требованиям своей конфессии, под именем Эсфири-Анны. Убогий наряд дикарки, состоявший из кое-каких ракушек, был оставлен, и члены тела Эсфири-Анны впервые ощутили благодетельную близость полотна и бумагеи. Только воротничок покойного Стокса новообращенная решила оставить на себе как постоянное напоминание о прошлых заблуждениях.

Вместе со своею спутницею Броунинг прибыл в реформаторскую миссию в г. Банджермазине, где принужден был несколько месяцев ждать нового назначения. В этом же городке в сентябре 1911 г. беглецы сочетались законным браком по обряду своей церкви. Однако обстоятельства, при которых Броунинг принужден был покинуть свой пост на о. Кири-кири, возбудили некоторое недоумение в миссионерском братстве, и Броунингу пришлось совершить вместе с молодою супругою плавание через океан. Лишь в Сан-Франциско, пе-

ред лицом руководящих членов братства, удалось ему отклонить от себя подозрение в дезертирстве.

Впечатления, полученные Эсфирью-Анной в Банджермазине, Маниле и Сан-Франциско, обильно оросили девственную почву ее духа, и семя, брошенное мужественным проповедником, быстро принесло щедрый урожай. Э.-А. выразила твердую решимость отдать свои силы делу просвещения отсталых народностей и с поразительной быстротой усвоила небольшой объем необходимых для этого знаний. К сожалению, ее отбытию из Америки на Борнео предшествовало прискорбное событие — загадочное и бесследное исчезновение преп. Броунинга, от которого не уцелело даже косточки. Подавленная горем, но еще сильнее восплавав духовной ревностью, Э.-А. была отправлена назад и в августе 1913 г. прибыла в Банджермазин, в распоряжение миссии. Мрачные воспоминания, связанные с о. Кири-кири, не благоприятствовали ее назначению на этот остров; вместо прежних соплеменников в качестве арены для ее благочестивых усилий было указано небольшое даякское племя лу. Знание даякского языка, обычаев и психологии паствы открыло ей доступ к простым сердцам детей природы, и в первое полугодие цивилизаторской деятельности Эсфирью-Анной были приобщены к радостям духовной жизни 9 женщин и 3 мужчин. Главные же усилия молодой просветительницы были направлены, во-первых, на борьбу с людоедством, во-вторых, — на то, чтобы уговорить даяков хоть немного усложнить свой костюм. Беспристрастие, являющееся во все время священным долгом всякого историографа, заставляет нас, однако, признаться в том, что атавистические инстинкты оказались не до конца изжитыми и в душе самой Э.-А. Никому не известно, какую внутреннюю борьбу пережила проповедница в это первое полугодие среди племени лу; известно лишь, что в ту весеннюю ночь 1914 г., которая должна была быть посвящена ритуальной оргии в честь производительных сил природы, древний голос крови заговорил в бывшей Квак-Ма-Лунг с непреодолимой силой. С внезапным гневом и отвращением сорвав с себя покровы цивилизации, за исключением воротничка, молодая женщина с вакхическим воплем присоединилась к разнузданным действиям своей паствы. Трудно представить, как могла бы сложиться после этого неожиданного срыва судьба Э.-А., если бы Бум-Нампрок, вождь племени лу, не оказался взволнован больше обычного ее экзотическим поведением. Еще не взошло солнце, спешившее своими лучами обличить падение служительницы высших истин, как Э.-А. была объявлена первой супругою вождя и вступила в его роскошный шалаш как полновластная хозяйка.

В последующие годы, вплоть до своей мирной кончины от укуса змеи, Э.-А. принесла своему новому супругу 16 детей. Но и обремененная материнскими обязанностями, она не оставляла попечений о духовном и материальном процветании племени.

Память о ней доселе хранится в неприязнательном фольклоре племени лу, где бывшая проповедница фигурирует под именем Ма-тумба, что значит — «Потерявшая счет своим детям мать племени лу».

НООРДЕН ВАН ДОУВЕС

1860–1936

Голландский писатель

На долю писателей и поэтов, носителей художественной гениальности, редко выпадают судьбы столь безбурные и вместе с тем ознаменованные столь неизменным успехом, как судьба Доувеса ван Ноордена.

Этот выдающийся мастер слова принадлежал к тому роду творцов, событиями жизни которых являются, по выражению Г. Флобера, лишь их собственные произведения.

По окончании Лейденского университета в. Н. принимается за свой первый роман «Розы юнгфру Дончен».

Материальный достаток (в. Н. принадлежал к состоятельной семье, возглавлявшей известную фирму «Корица ван Ноорден и Куттен») и спокойный, уравновешенный характер обеспечивали писателю возможность неторопливой, методической работы.

Первый роман, с точки зрения современной критики не представляющий особого интереса, был, однако, тепло встречен читающей публикой. Понравилось сочетание тенденций гуманистического реализма со свойственным только в. Н. подходом к людям и к явлениям жизни: подходом неистощимо добродушного, всем сочувствующего, в меру веселого наблюдателя, любящего больше всего домашний уют, безобидную шутку, уравновешенных жизнерадостных людей, занятых то легким, приятным трудом, то безвредными развлечениями, и мягкость нидерландской природы с ее притушенными красками, неторопливой зыбью каналов и медлительным движением судов по бесчисленным водным артериям.

Этот характер экспозиции жизненного материала, искрящийся порою блестящими юмора и оттеняемый брошенными мимоходом мазками, живописующими минуты более напряженных переживаний действующих лиц, определил собою творческую манеру в. Н. почти на всю его долгую литературную жизнь.

Жизнь эта протекала гладко, тихо и ровно, как бы подражая неспешному движению вод в равнинных реках его родины. Каждые пять лет, с поражающей нас аккуратностью, в. Н. дарил публику новым романом или сборником новелл. С годами его мастерство крепло, расширялся круг тем, но мироотношение писателя оставалось прежним, в равной степени чуждаясь как индивидуалистических крайностей эстетического и философского декаданса, так и разработки больших социальных проблем. Единственным произведением, в котором в. Н. попытался коснуться темы войны и вопроса о путях социального совершенствования, мы можем считать роман «Не плачьте, вдовы», вышедший в 1920 г. Шедеврами в. Н. считаются по справедливости произведения совсем иного рода: книга рассказов «Веселые крокетисты» и семейные романы-идиллии «Дом архивариуса ван Флит» и «Кузина Гретель».

Здоровый оптимизм, крепкая, спокойная любовь к жизни, чисто голландский юмор, вызывающий в памяти полотна ван Остаде, сделали эти прелестные поэмы в прозе украшением библиотеки почти в любом голландском доме.

Столь же гармонично сложилась и личная жизнь в. Н. Женившись 28 лет на дочери богатого негоцианта Екатерине ван Линден, писатель с годами стал настоящим *Pater familias*¹, в 60-летнем возрасте это был отец девяти детей и дедушка 22 внуков, преуспевающий глава торговой фирмы, всеми уважаемый депутат Нижней Палаты, член нескольких академий, собственник очаровательного маленького дворца в Амстердаме и виллы на морском берегу.

В возрасте 75 лет в. Н. испытал небольшое кровоизлияние в мозг, лишившее его способности действовать правой ногой и приковавшее его на остаток дней к креслу на колесах. К счастью, удар не отразился ни на умственных способностях, ни на даре речи, ни на художественном даровании.

Казалось даже, что почтенный старец, восседающий в своей колясочке, странным образом обрел в обрушившемся на него испытании новый запас духовных сил: больше, чем когда-нибудь, его речь блистала остроумием, рассказы о прошлом очаровывали слушателей свежестью красок и живостью картин, а роман «Любитель шуток», который он понемногу, день за днем, диктовал своей любимой внучке Бэт, обещал вплести в его венок новые лавры. Казалось, все предвещало заслуженному писателю мирную, ничем не омраченную старость. Однако безжалостный рок судил иное. Он подготавливал цепь столь неожиданных, даже, можно сказать, ошеломляющих событий, что биографу до сих пор трудно увязать их с общеизвестным спокойствием и прославленной невозмутимостью характера маститого нидерландского писателя. В числе близких друзей юнгфру Бэт, запросто посещавших дом в. Н., находилась двадцатилетняя Долорес Сандрильонес, дочь богатого испанского коммерсанта, торговые интересы которого, тесно связанные с нидерландскими деловыми кругами, заставили его обосноваться в Голландии. Последние годы детства и юности Долорес протекали в Амстердаме, но влияние голландского уклада жизни и национальной психологии этой страны не смогли серьезно изменить порывистой и страстной природы уроженки Андалузии. Однако ее эксцентрические выходки пока еще не переступали границ допустимого и воспринимались ее голландскими друзьями как оригинальная дань ее романскому происхождению.

Толчком к несчастью, разразившемуся над домом ван Ноорденов, послужило безобидное, казалось бы, желание Долорес принять участие в работе своей подруги Бэт, стенографировавшей роман «Любитель шуток» под диктовку своего дедушки. Возраст и состояние здоровья в. Н. представлялись надежной гарантией против каких бы то ни было романтических увлечений, которые могли бы зародиться в сердце его юной почитательницы. Но не следует забывать, сколько блеска и игры мысли, какая живость ума и чувства проявлялись в каждом высказывании жизнерадостного старца, в каждом его рассказе. Уже давно очарованная этими увлекательными беседами, Долорес

оставалась теперь целыми часами наедине с писателем, делаясь свидетельницей и едва ли не участницей волнующих таинственных перипетий творческого процесса. Более странным нам кажется другое: то, что самого в. Н. вплоть до роковой минуты так и не посетило ни разу подозрение об истинном характере привязанности к нему подруги его внучки. Неожиданное, как снег среди жаркого лета, объяснение, облеченное к тому же в форму бурных, абсурдных, ни с чем не сообразных требований, показалось в. Н. столь чудовищным, прямо-таки невозможным, что минутами он серьезно сомневался в реальности происходившего.

Действительно, трудно было поверить, что человеку его лет, разбитому параличом, предлагают немедленно бросить жену, детей и внуков и, прибегнув к помощи обмана, исчезнуть с молодой поклонницей для того, чтобы вкушать с нею всю полноту счастья в африканских колониях Испании.

Потрясение писателя было так велико, а содержание объяснения казалось столь неправдоподобным, что невольный виновник бурной привязанности даже не решился поведать о происшедшем госпоже ван Ноорден или кому-либо из других членов семьи. Он только сумел прервать, под предлогом нездоровья, диктовку злополучного романа «Любитель шуток», тем самым лишив свою поклонницу возможности встреч и поэтому, как ему казалось, предотвратив дальнейшее развитие ее страсти.

Катастрофа разразилась в мае 1935 г., в первые же дни после переезда писателя на его виллу. Вилла находилась на берегу Зюдер-зее в местечке Флаккдам; одной стороной домовладение выходило на побережье, а другой — на прелестную тихую улицу, окруженную садами, в глубине которых прятались другие виллы и несколько более скромных домиков типа коттеджей. Улица упиралась в небольшую площадь Флаккдама с его общественными зданиями и несколькими магазинами; другим же концом она терялась в поле, превращенном в плантацию тюльпанов.

18 мая писатель, чувствовавший себя действительно не вполне здоровым, но не желавший упускать превосходного солнечного дня, был вывезен в сад. С моря дул ветерок, и поэтому г-жа ван Ноорден распорядилась водворить своего супруга на уютной лужайке в той части сада, которая была расположена между улицей и домом и защищена этим последним от свежего дыхания морской стихии. Не расположенный в этот день к работе, в. Н. был оставлен, по его собственной просьбе, в коляске с несколькими книгами и пачкой газет.

Мягкое весеннее солнышко так нежно ласкало лицо и руки, а отзвуки прибоа доносились с такою усыпительной монотонностью, что писатель сам не заметил, как приятная дремота смежила его веки. Проснулся он от резкого толчка и в первую секунду мог только понять, что его коляска, кем-то толкаемая сзади, с необычной быстротой катится к калитке на улицу. Слабо вскрикнув, несчастный попытался повернуться в своем экипаже, чтобы выяснить личность виновника столь стремительного бега; но раньше, чем ему удалось это совершить, коляска очутилась уже по ту сторону калитки и понеслась вдоль садовых оград по направлению к тюльпановой плантации. Каково же было потрясение чувств писателя, когда, сумев наконец оглянуться, он увидел

_____ 1. Отец семейства, глава рода (лат.) — Ред.

в полуметре от своего лица сверкающие глаза и разгоряченные щеки своей поклонницы!..

Со свойственной всем выдающимся умам быстротой ориентировки писатель сообразил, что сколь это ни дико, но он становится жертвой похищения.

Пучина неизведанных бедствий явилась в тот же миг его очам, побуждая его к отчаянным мерам самозащиты. Улица, как нарочно, была совершенно безлюдна: ни полисмена, ни единого прохожего. Только в одном из цветников, мимо которых мчалась кресло-коляска, группа молодежи играла в крокет. В. Н. успел крикнуть и несколько раз взмахнуть рукой, однако играющие, чрезмерно увлеченные своей партией, не обратили внимания на эти мольбы о помощи: очевидно, они находились весьма далеко от мысли, что от их поведения в эту минуту зависит судьба одного из лучших умов их родины.

Видя безрезультатность зовов на помощь, несчастный попытался, рискуя жизнью, выпрыгнуть из коляски, но непослушная правая нога помешала этой попытке. Да и было уже поздно: на краю плантации зловеще чернел на фоне розовых и алых тюльпанов закрытый «кадиллак». Уже плохо сознавая происходящее, писатель почувствовал, как чьи-то руки отрывают его от кресла и вбрасывают внутрь машины, похитительница садится за руль, включает [?], и вот уже за стеклами начинают мелькать, уносясь, быть может навсегда, окрестности милого Флаккдама.

Размеры биографии не позволяют нам останавливаться подробно на дальнейших перипетиях этих трагических дней, равно как и на смятении, вызванном исчезновением писателя, сперва на вилле ван Ноорден, а потом и во всем голландском обществе. Похищение было совершено с такой смелостью, а стечение обстоятельств так благоприятствовало похитительнице, что никакие новые факты, даже обнаружение на краю плантации опрокинутой коляски, не могли пособить делу. И семья пропавшего, и полиция, и общественность были к тому же введены в заблуждение политической обстановкой тех дней; общий голос настойчиво обвинял в гнусном преступлении немецких национал-социалистов, давно уже проявлявших слишком повышенный интерес к передовым деятелям сопредельных Германии стран и не гнушавшихся никакими средствами для их устранения.

Но через четверо суток семья писателя получила телеграмму: «Торопитесь приехать отель Беренгария Лейден спешите Ноорден».

Надо ли говорить, с какой быстротой члены семейства откликнулись на этот отчаянный призыв. Впрочем, газеты опередили родственников и напечатали интервью своих корреспондентов с в. Н. под сенсационными заголовками: «Я протестую против слабости отечественных законов, неспособных оградить покой личности!», «Ван Ноорден просит Голландию защитить его жизнь!», «Спасения и охраны просит у своей страны ее любимый писатель!».

Взорам прибывших в Лейден родных предстало прискорбное зрелище: седины, еще недавно обрамлявшие высокое чело писателя, сильно поредели, печать истощения лежала на его лице; мы уже не говорим о состоянии его гардероба...

Почтенное семейство должно было пережить дополнительные огорчения, когда были получены парижские и в особенности американские газеты, пестревшие крикливыми заголовками вроде следующих: «Новый Лот! Пленник собственной внучки!», «Любовь торжествует над старостью! Похищение голландского писателя красавицей испанкой!», «Шалости престарелого купидона на Зюдер-зее».

На эстрадах Нью-Йорка и Чикаго имел скандальный успех отвратительный скетч «Дон-Жуан на колесах», где высмеивался скромный экипаж писателя, использованный его похитительницей в качестве транспортного средства. Но всех превзошел эмигрантский листок «Хоругвь», поместивший фельетон под более чем неуместным заглавием: «Любовь зла — полюбишь и козла!».

Следует ли говорить, что объяснения, данные в. Н. представителям прессы, не содержали ничего, что оправдывало бы эти дерзкие инсинуации.

Писатель выразился резко, но с той сдержанностью, которая имела характер рыцарской заботы о репутации девушки, столь неосторожно ввергнувшей и его и свою честь в пучину этих экстравагантных приключений.

«Я протестую, — сказал он, — против такого устройства человеческого общества, в котором престарелому писателю грозит похищение. Я протестую против такого общественного уклада, при котором тщетно взывать о помощи! Я протестую против общественного порядка, при котором молодые люди насильственно пытаются удовлетворить свои желания!.. Я негодую на тот нравственный абсентеизм, который ведет к тому, что партия крокета оказывается предпочтительнее дела спасения ближнего! Я взываю к здоровым элементам нашего общества: опомнитесь! Образумьтесь!!!».

Сообщить о подробностях своего невольного вояжа, о приюте, где он пробыл эти дни, о нравственных и физических потрясениях, которые ему пришлось испытать, в. Н. отказался. Не менее решительно отказался он и от судебного преследования своей похитительницы. Но негодование, переполнявшее его, нашло энергичное выражение в новом романе «Так жить нельзя!».

Исполненное негодующего пафоса, это пламенное воззвание 76-летнего старца, до тех пор известного умеренностью своих убеждений, произвело в Голландии впечатление, если позволительно так выразиться, разрыва бомбы замедленного действия. Переведенный почти на все литературные языки роман «Так жить нельзя!» получил всеобщее признание и вошел в золотой фонд литературы, ставящей своей целью существенно повлиять на моральное переустройство мира. К сожалению, писателю не суждено было стать свидетелем победоносного шествия своего величайшего творения по странам Европы, Азии и Америки.

Потрясения, обрушившиеся на его организм, оказались слишком велики.

Впервые после благоразумно-длительного перерыва вывезенный на своей выдавшей виды коляске солнечным апрельским утром на ту самую лужайку сада, откуда он был похищен год назад, писатель почувствовал чрезвычайное волнение. Натиск жгучих воспоминаний был так силен, что сердце его не выдержало. Корифея голландской литературы не стало...

ОСБОРН МЭРИ-БЕТСИ-ОФЕЛИЯ

1897–1949

Религиозная деятельница, основательница
«Международного общества воскресения мертвых»

Мэри-Бетси-Офелия Осборн родилась в г. Квебек (Канада) в семье главы одной из крупных североамериканских фирм «Электрик Пауэр Компани оф Канада» — известного Генри Осборна.

Характер и интеллектуальный склад Бетси-Офелии обращал на себя внимание окружающих еще в годы ее детства. Избегавшая игр и забав, чуждавшаяся общества сверстниц, задумчивая и хрупкая девочка не проявляла в то же время особого интереса ни к науке, ни к искусству, ни тем более к каким бы то ни было формам практической деятельности. К счастью для Бетси-Офелии, положение ее семьи освобождало юную мечтательницу от необходимости избрания какого-либо определенного жизненного пути. Она могла вдоволь предаваться удовлетворению врожденной созерцательности и любви к чтению религиозно-мистической и оккультной литературы — единственной области человеческого знания, возбуждавшей ее горячий, все возрастающий с годами интерес. Родные, всегда трепетавшие за здоровье Офелии, создали вокруг девушки не совсем здоровую атмосферу обожания и даже преклонения; за все годы своей молодости Офелия Осборн вряд ли слышала хоть одно слово протеста или запрета; только аскетический склад ее натуры и врожденная склонность к состраданию спасли ее от превращения в нравственно-бесконтрольное, не знающее удержу своим эмоциям существо, тирана всех окружающих. Но от преувеличенного представления о своей личности, от взгляда на себя как на носительницу религиозной гениальности, исполнительницу некоего божественного замысла, пока еще неясного ей самой, — ее не спасло ничто. Быть может, этот эгоцентризм и почти маниакальная исключительность способствовали также и тому, что личная жизнь Офелии Осборн не ознаменовалась появлением на ее горизонте ни одного человека, который сумел бы пробудить дремлющие чувства женщины. Известно, что в 19-летнем возрасте О.О. переменяла конфессию, навсегда порвав с традиционным протестантизмом своей семьи и примкнув к католицизму с такою пламенностью, что Генри Осборн был крайне обеспокоен перспективой ухода единственной дочери в монастырь. От этой опасности О.О. была спасена новым увлечением, на этот раз длившимся около десятка лет, — кругом идей, берущих свое начало в «La doctrine secrete»¹ Блаватской. Это увлечение вывело экзальтированную девушку из замкнутой сферы ее прежних интересов и отношений: став членом Канадского отделения Международного теософического общества, О.О. почувствовала, как в ней пробуждается страстный интерес к религиозно-общественной деятельности. Связаны с этой деятельностью были и ее многочисленные путеше-

ствия этих лет: в Соед. Штаты, где она сблизилась с Анни Безант, Кришнамурти и другими руководителями мирового теософического движения; в Зап. Европу, где она обстоятельно ознакомилась с жизнью и идеями антропософов в их «святая святых» — в Дорнахе; в Индию, где она принимала активное участие в устройстве теософического университета; и наконец в Палестину. Последнее путешествие, совершенное ею в 1930 г., оказалось поворотной точкой в ее жизни и в руководивших ею идеях.

Посещение мест, связанных с именем основателя христианства, произвело на О.О. огромное, можно сказать — потрясающее впечатление. Пройдя совершенно безучастно мимо проблемы еврейской иммиграции, экономического возрождения Палестины, еврейско-арабских столкновений — мимо всего, что волновало страну в эту эпоху, О.О. провела год в Иерусалиме, погруженная в собственный внутренний мир, с этих пор обогащенный, по ее словам, непосредственным общением с Иисусом Христом, якобы являвшимся ей в своем «эфирном теле» с тем, чтобы изустно восполнить и исправить через нее текст канонических книг христианства. Ближайшим видимым результатом иерусалимских медитаций явилась вышедшая через год в Бостоне книга «Провозвестие воскресения» — основной труд О.О., евангелие ее последователей.

Напрасно, однако, стали бы мы искать в этом оригинальном произведении следов широкой филологической эрудиции, попыток объективно и научно исследовать текстологический материал канонических книг, наконец — хотя бы философски аргументированной теологической концепции. Это поток пламенных образов, вызывающий в памяти образцы апокалипсической литературы и поражающий вместе с тем некоторым новым качеством: чередованием взлетов ума с явно галлюцинаторными феноменами, глубоко-поэтических интуиций с какою-то религиозно-философской инфантильностью, проповеднического жара — с ребячески-примитивными тезисами, интересных иногда мистических построений — с грубым научным невежеством. Сильная сторона книги заключалась в ее языке, местами поднимавшемся до уровня классических образцов пророческой литературы, а также в беспредельной, буквально гипнотизирующей читателя вере в себя и свою идею.

Идея же книги сама по себе сводилась к следующему. Старая христианская ортодоксия была права, рассматривая жизнь вочеловечившегося Логоса как образец для подражания; она была эпохально-ограниченна и не права, останавливаясь в этом подражании на полпути. Деянием Иисуса Христа, венчающим и придающим высший смысл всем его деяниям, было воскресение из мертвых; именно этот акт и должен явиться завершающей ступенью в лестнице «подражания Христу». По мнению автора, физическая невозможность воскресения логически убедительна только для последовательного атеиста или, во всяком случае, не христианина; христианин же, верующий в воскресение Иисуса, только вследствие робости мысли и бедности воображения не простирает своей веры в чудо на область телесного воскресения человека. Если миллиарды людей в продолжение почти двух тысяч лет веровали и веруют в воскресение одного, то непонятно, почему, собственно, они не могут допустить возможности воскресения второго. Единственное возражение может заключаться только в том, что Христос был воплощением второй ипостаси, власт-

_____ 1. «Тайная доктрина» (фр.) — Ред.

ным преодолеть законы материи, обязательные для человека. Но углубленное понимание смысла некоторых евангельских речений, как то: «Будете, как ангелы и выше ангелов», «Говорю вам: вы — боги», слова о вере с горчичное зерно, двигающей горами, и многих других — доказывает, что уже четыре евангелиста вполне отдавали себе отчет в том, что для проявления высшей воли, называемого чудом, граница поставляется только пределами нашей собственной веры в мощь чудотворца. Это положение не могло относиться к воплощенному Логосу, неизмеримо превышающему силою чудотворения косность любых материальных законов, но всецело приложимо к человеку. Воскреснуть может тот человек, который абсолютно верит в это сам и чья сила поддерживается верою в него множества прочих людей.

Этот экстравагантный вывод, с помощью которого О.О. вооружала против себя не только ревнителей христианской догматики, но и всех обладателей здравого смысла, дополнялся цепью обескураживающих читателя вычислений: сколько именно верующих в воскресение какого-либо реального человека способны поднять его на крыльях этой веры и провести сквозь акт подлинного, реального телесного воскресения. В систему вычислений были привлечены тезисы теософии и антропософии касательно жизненной силы «праны», излучений эфирного тела, астрального тела и т.п.; фантастические единицы, подвергнутые не менее фантастическим числовым операциям, приводили О.О. к непреложному выводу: для воскресения одного потребна, кроме его собственной «абсолютной веры», вера 1 миллиона человек.

Возвращение О.О. на Американский континент, почти совпавшее по времени с выходом в свет «Провозвестия воскресения», ознаменовало новый период ее жизни: период бурной проповеднической и организационной деятельности, создания сперва небольшого братства, а затем — разветвленной массовой секты, получившей наименование резуррекционистов (*resurrectio* — по-лат. означает — воскресение из мертвых).

Американская почва, породившая в новейшее время такие религиозные формации, как движение мормонов, Christian Science и десятков других более мелких сект, основанных зачастую на идеях, непримиримо противоречащих и науке, и здравому смыслу, оказалась достаточно благоприятной для усиления развития новой религиозной разновидности. Как в большинстве этих движений, успех и в данном случае зависел больше от личного обаяния проповеднических (а иногда и хозяйственных) дарований, наконец — от фанатической убежденности самого основателя, чем от положительной ценности его учения. К тому же О.О. как моральная личность являла собою, бесспорно, образ более цельный, более соответствующий этическому уровню своего учения, чем Мэри Бэккер-Эдди или основатели Города Соленого озера. Самые яростные противники ее учения — а таких противников выдвинули в короткий срок едва ли не все религиозные лагеря и философские течения, существующие в настоящее время в Европе и Америке, — не могли отыскать ни в фактах ее биографии, ни в укладе ее жизни ничего, заставляющего заподозрить идеальность ее побуждений. Ее широкая филантропическая практика, ограниченность личных потребностей, возраставшая год от году суровость созданного ею для себя режима — все это заставляло врагов Офелии

осборн забыть о своих попытках приписать ее деятельности низменно-своекорыстный характер ловкого бизнеса. Не подлежит сомнению также и то, что безупречная нравственность, еще увеличенная легендой и окружившая имя Офелии О. ореолом святости, способствовала популяризации движения резуррекционистов за пределами Америки.

Стремление руководства секты увеличить число последователей резуррекционизма до миллиона человек в наикратчайший срок повело к колоссальному развитию пропаганды. Огромное личное состояние О.О. — единственной наследницы своего отца, — равно как и состояние многих ее приверженцев, позволили воспользоваться в этих целях органами периодической печати, услугами целой армии проповедников, писателей, журналистов, радиосетью и киноэкраном, кафедрой и трибуной, даже телевизором, не говоря уж о таких классически-американских видах агитации, как выступления уличных ораторов на импровизированных митингах посреди людных улиц. К концу Второй мировой войны число резуррекционистов достигло 900 тысяч человек, и Общество приступило к сооружению в Скалистых горах особого здания, названного Обителью Воскресения (*Resurrection Home*). Облицованное снаружи белым мрамором, выдержанное в подчеркнуто простых пропорциях и строгих линиях «модерна» середины XX столетия, сооружение это представляло собой гигантский зал вместимостью до 50 тысяч человек, снабженный органом, одним из крупнейших в мире. В центре зала возвышалось нечто, чему трудно было бы подобрать параллели в архитектурах каких бы то ни было религий: здесь, как бы на глазах всего человечества, О.О. должна была, по восполнению миллионного числа верующих, испустить дух и здесь же, по истечении трех суток, восстать из мертвых.

Постройка Обители Воскресения вызвала поток яростных протестов: негодующие католики объединились со всеми протестантскими течениями Америки в общем вопле о неслыханном кощунстве и профанации. В этих проклятиях и насмешках сливались голоса белых и негров, республиканцев и демократов, масонов и православных, иезуитов и евреев, материалистов и мистиков, реакционеров и прогрессистов. Здание во время постройки дважды повреждалось взрывами. Главный архитектор был убит неизвестными террористами — по-видимому, куклуксклановцами. Несколько негров, принадлежавших к числу видных резуррекционистов, подверглись суду Линча. На саму О.О. было совершено покушение. Тем не менее защищаемое конституцией США чудовищное предприятие было доведено до конца, и в начале 1949 г. колоссальный золоченый купол увенчал одно из самых странных сооружений человечества. Весной того же года число резуррекционистов достигло наконец миллиона.

23 апреля 1949 г. — это была среда на Страстной неделе — баснословное стечение народа превратило захолустный американский городок в эфемерное подобие Сан-Франциско или Чикаго.

О.О. должна была уйти из жизни сама, внутренним волнением своего духа, не дожидаясь вмешательства ни микробов, ни какого-либо внешнего, механического орудия смерти; в этом, по-видимому, она подражала уже не столько Христу, сколько Гаутаме Будде, скончавшемуся, согласно легенде, до-

бровольно, угасив в себе волю к жизни. Накануне рокового дня О.О. подвергла себя всестороннему медицинскому обследованию, которое установило нормальный статус и отсутствие малейших признаков какого-либо заболевания, кроме малокровия и подагры. В 12 ч. дня в присутствии квалифицированной комиссии терапевтов, психиатров и физиологов, а также сотен журналистов, писателей, фото- и кинорепортеров и 80-тысячной публики (зал не мог вместить всех желающих, и толпа залила окрестную территорию) Офелия Осборн взошла на свое смертное ложе. После нескольких слов прощания с человечеством, исполненных благодати и кротости, она приняла горизонтальное положение и погрузилась в глубокую медитацию.

Звуки органа чередовались с хоровым исполнением резуррекционистских гимнов, в котором принимали участие все верующие. На протяжении последовавших за этим суток О.О. вывела себя из медитативного состояния лишь раз, чтобы принять минимальное количество пищи: четыре сухарика и стакан воды. Вопрос о том, что же в конце концов явилось непосредственной причиной ее смерти, остается открытым. Как бы то ни было, в четверг на Страстной неделе, в 6 ч. вечера, Офелия Осборн подняла веки и, прошептав: «Отче! в руки твои предаю дух мой!» — скончалась.

Толпа преклонила колена, многие поверглись ниц. Свечи в руках 50 тысяч верующих затеплились, чтобы погаснуть лишь в момент преодоления основного закона органической материи.

Наступили дни напряженного ожидания чуда. Орган продолжал звучать, чередуясь с хорами; тело усопшей, видимое всем собравшимся, продолжало покоиться в прежней позе на своем возвышении. Миновало трое суток; покойница не подавала никаких признаков жизни. Часы текли; глухое волнение начинало охватывать массы верующих; иронические высказывания стали замечаться среди любопытствующих. Наконец по истечении четырех суток президент Международного Общества Воскресения Мертвых Иезекииль Уотерс прервал музыкальное сопровождение затормозившихся событий, обратившись к верующим с глубокомысленным словом. От имени руководителей резуррекционистской церкви он объявлял, что случившуюся задержку можно объяснить лишь одним — неполнотой веры.

«Ясно всякому, — сказал преп. Уотерс, — что среди миллиона формально вступивших в число последователей истинного учения нашлось некоторое число душ, не имевших подлинной горячей веры в великое дело. Не руководствуясь, конечно, дурными намерениями, они, тем не менее, нанесли этому делу удар, не поддержав его в час великого испытания всею силою своего духа. Нам еще не дано знать, — закончил вдохновенный оратор, — скажется ли эта духовная неполнота лишь на сроке воскресения великой праведницы, несколько его отодвинув, или же воскресение станет для нее в настоящее время невозможным — невозможным вплоть до того мгновения, когда миллионное число восполнится не формально, а духовно. Поэтому верующим предстоит отныне обратить все свои силы на очищение собственных душ, на освобождение их от малейших остатков парализующего сомнения, а также на воспитательном и проповедническом труде, преследующем цель не столько количественного, сколько качественного роста церкви».

Эта речь Иезекииля Уотерса нашла широчайший отклик в сердцах резуррекционистов, утвердив их веру на новых основаниях и влив в них силу, необходимую для мужественного и достойного перенесения града насмешек и издевательств, бури глумлений и поношений, разразившихся над последователями новой церкви.

В короткий срок над смертным ложем О.О. внутри Обители Воскресения была воздвигнута усыпальница, и тело покойной герметически выделено из пространства, обитаемого живыми. Вокруг усыпальницы продолжалось непрерывное богослужение, странное святилище продолжало сиять в блеске неугасимых свечей; орган не должен был умолкать ни днем, ни ночью, и паломники со всех концов Сев. Америки и даже из Старого Света продолжали стекаться к этой своеобразной Кааббе. Церковь резуррекционистов продолжает существовать, свидетельствуя, что развитие трезвого научного мироотношения в середине XX столетия нисколько не препятствует возникновению мистических верований и фантастических идей, ни их расцвету (во всяком случае, в Новом Свете).

РАМАДАС АВАЛОКИТЕШВАРА-ЧХАНДОГИЯ 1858–1938

Индусский мыслитель, религиозный и общественный деятель

Рамадас Авалокитешвара-Чхандогия родился в поместье Балярамपुर на берегу р. Ганга, вблизи города Бенареса. Обстановка старинной браминской семьи, проникнутая философскими интересами и преданиями индуизма и в то же время не чуждая некоторым формам умственной европеизации, определила в значительной степени те элементы, из которых сложилось мирозерцание Р. Отец его, поэт Ауробиндо Рамадас, пользовался в свое время широкой известностью благодаря своим переводам на бенгальский язык лучших образцов английской и французской поэзии, а также благодаря собственному сборнику лирики «Гирлянда Ханумана!».

Сыну он дал превосходное домашнее образование, несколько одностороннее, впрочем, воздействовавшее на впечатлительного мальчика своей религиозно-нравственной и содержательно-эстетической стороной. Позднее Р. совершил четыре путешествия в Европу, где установил дружественные связи с рядом выдающихся деятелей, боровшихся за культурное сближение Востока и Запада, в частности с Роменом Ролланом. Известно также, что умственная жизнь молодого Р. была осложнена длительными увлечениями естественными науками, в особенности зоологией, которую он изучал в продолжение трех семестров на естественном факультете в Кембридже.

В 1891 г. Р. выступил перед индусской общественностью с капитальным религиозно-философским трудом «Покровительство животным как осно-

1. Хануман — божественный вождь обезьян, один из популярнейших образов индуистского пантеона.

ва общечеловеческого единения». В последующие годы, обосновавшись в Калькутте, Р. сближается с обществом «Брахма самадж» и религиозно-философским обществом «Ramakrishna mission», на посту председателя которого он пребывает, с небольшими перерывами, от 1901 до 1912 г. В эти же годы возникает его дружба с великим Р. Тагором. Известно, что Тагор чрезвычайно высоко ценил нравственный облик Р., называл своего друга «великим молитвенником за всех бессловесных». В этот период Р. опубликованы два основных исследования. Если одно из них — «Животная символика в новейших течениях индуизма» — доказывает, как глубоко и всесторонне овладел автор исследовательским методом сравнительной религиологии, то второй из этих трудов, всецело относящийся к образцам нравственно-философских сочинений, свидетельствует с не меньшей выразительностью об оригинальном направлении, в котором работала настойчивая мысль нашего писателя. Уже заглавие этого труда говорит само за себя: «Идея сострадания к паразитам как веление человеческой дхармы, согласно учению Могавиры»².

Повышенный интерес к подобным вопросам приводит Р. к признанию недостаточности тех мероприятий, которые проводились в указанном направлении существовавшими доселе организациями, и следующий период деятельности Р. ознаменовывается горячим и неустанным участием его в деле устройства госпиталей и богаделен для животных. В особенности широкой, можно даже сказать, всемирной известностью пользуется учрежденный им в городе Нагпуре санаторий для кобр.

Новейшие достижения европейской науки в области консервирования крови открывают перед неутомимым апостолом любви к животным новые горизонты; в 1931 г. им организуются добровольный «Всеиндийский союз доноров-паразитофилов» и «Ассоциация общественной помощи насекомым», ставящая своей задачей создание и поддержку особых приютов для престарелых блох и клопов.

Этот период оказывается для Р. весьма плодотворным также и в литературном отношении: с 1912 по 1932 г. им опубликовано свыше 120 брошюр и статей, об общем характере которых может дать представление заглавие одной из них: «Молитва и ее значение для преодоления трудностей в деле зубоветеринарной помощи крокодилам». Однако тип позвоночных меньше интересует Р., — быть может, вследствие того, что облегчением участи этих животных все-таки занимаются уже многие учреждения. Больше всего привлекает его этическая проблема взаимоотношений между человеком и паразитами, этими, как он выражается, «обреченными и всеми гонимыми существами, ниоткуда не получающими помощи и гибнущими без ропота и жалоб в неравной борьбе».

Даже описанных выше, несколько чрезмерных с нашей точки зрения усилий оказывается недостаточно для строго -последовательного мыслителя. В 1935 г. Р. выступает перед экзальтированной аудиторией своих адептов с несколько странной лекцией на тему о том, что человечество, испокон веков истребляющее паразитов триллионами, может искупить свое злодеяние, только принеся себя в добровольную жертву потомкам собственных жертв. Полеми-

_____ 1. Могавира — основатель секты джайнизма (IV в. до н.э.).

зируя с Ганди, он утверждает, что практическое осуществление этой истины является миссией Индии и указывает на то, что психологический склад и религиозно-нравственный уровень индийского народа позволяют уже в наше время превратить в реальность эту «высочайшую мечту».

Столь экстравагантный, мы бы даже сказали, болезненный уклон мысли оказался для престарелого философа роковым: в 1938 г. в Нагпуре, при обширном стечении публики, Р. дал себя заживо съесть потомкам тех, кого бесчеловечно уничтожали его предки.

ТАЧИБАНА ИОСИХИДЭ

1525–1597

*Выдающийся полководец и политический деятель
эпохи японского феодализма.
Регент — верховный министр Японии.
Широко известный и почитаемый народный герой*

Хитроумный и дальновидный, ловкий и великодушный Тачибана Иосихидэ чертами лица и миниатюрной фигурой напоминал обезьяну. Ласковое прозвище Обезьянка закрепилось за ним с детских лет, и под этим именем он жив в народной памяти до сих пор. XVI столетие явилось эпохой наибольшего развития центробежных сил внутри Японского государства. Авторитет сеюгуна пал; властолюбивые феодалы вели нескончаемые войны друг с другом, стремясь захватить столицу, чтобы повелевать страной от имени сеюгуна или императора.

В 1525 г. у одного бедного крестьянина в маленькой деревушке вблизи Нагой (область Овари) в день Нового года, с первыми лучами солнца, родился мальчик, получивший имя Хиеси, в честь бога Света. Земледельческий труд не привлекал мальчугана. Он предпочитал военные игры с деревенскими ребятами, нередко портя при этом огороды и рисовые поля. А когда отец решил отдать его в буддийский храм, двенадцатилетний Хиеси бежал из дому. Три года бродил он по стране; был и дворником у самураев, и приказчиком у купцов, и продавцом в лавке. Однажды весеннею ночью он беспечно улегся спать на мосту через речку Янаги, прикрывшись только рогожей. Случилось так, что один из «свободных самураев»¹, главарь шайки, Хачисака Гороку, проходя по мосту, наступил в темноте на мальчишку. Вскочив, рассерженный Хиеси выхватил пику из рук Хачисаки и отчитал его за неучтивость. Хачисаку позабавила смелость мальчишки, и Хиеси был взят в шайку. Там он встретил своего товарища детских игр Томаичи, мечтавшего, как и Хиеси, стать первым лицом в стране. Через полгода они ушли из шайки вместе и, расставаясь, условились

_____ 1. Живя в глухих деревнях и наблюдая за войнами феодалов, «свободные самураи» (попросту разбойники) оказывали иногда услуги одной из борющихся сторон, а после сражений — раздевали трупы и захватывали оружие.

встретиться не раньше, чем станут первыми людьми Японии. Хиеси временно приютился в храме, где священником был его дядя.

Оота Наганобу, князь этой области, был молод, храбр, талантлив, вспыльчив, но отходчив. Его чудачества и причуды сделали имя его известным далеко за пределами области Овари. Однажды князь, после целого дня охоты, попал в тот храм, где нашел приют Хиеси. Князь потребовал чаю. Мальчик налил чашку и поднес ее высокому гостю. Князь выпил чашку залпом и потребовал вторую, оказавшуюся горячее и гуще первой, потом третью — еще более густую и ароматную.

«Это ты приготовил?» — спросил князь. «Так точно». — «А почему ты так точно похож на обезьянку?» — пошутил князь Оота. «Это обезьяна похожа на меня, ваше сиятельство», — ответил мальчик. Ответ понравился князю, и Хиеси был взят к нему на службу конюшенным и блюстителем княжеской обуви. Никто не знал, когда понадобится чудаку князю лошадь и обувь для его внезапных выездов, но Хиеси угадывал это каким-то чутьем. Обувь и лошадь всегда были в порядке, и князю нравилось, что маленькая фигурка «обезьянки» всюду сопровождает его.

В 1542 г. соседний князь Имакава Мотоеси с десятитысячным войском вторгся в область Овари, стремясь пробиться к столице государства. Тревога охватила княжеский замок; не потерял спокойствия только сам князь Оота. Даже вечером, когда пришла весть о захвате врагом главной крепости, князь продолжал развлекаться игрою на флейте и пляской. Но рано утром он был уже на ногах и, выйдя во двор замка, увидел Хиеси и готовую лошадь. Достигнув через два часа храма Айчи, он вознес молитвы богу Войны и быстро собрал небольшое войско (около 500 человек).

По деревенским тропинкам отряд бросился навстречу врагу и вечером, воспользовавшись долго собиравшейся грозой, молниеносно обрушился на лагерь князя Имакава, беспечно отдыхавшего в долине. Имакава был обезглавлен, его войска обращены в бегство. В эту минуту появилась шайка Хачисаки с Хиеси во главе, пока князь Оота молился в храме Айчи, Хиеси успел поднять своих бывших друзей. Шайка напала на обоз неприятельской ставки и перерезала запасному отряду дорогу на помощь. Князь Оота наградил всех членов шайки, и Хиеси был произведен в самураи и сделан командиром отряда из 25 человек. Отныне он принял имя Киносито-Госичиро Иосихидэ, а солдатами в свой отряд он взял старинных товарищей своих игр из родной деревни. Все возраставшими успехами, как на войне, так и в делах администрации и хозяйства, Иосихидэ был обязан своему усердию и уму. Обладая ловкостью и юмором и хорошо изучив характер князя Оота, он пользовался его неизменной любовью и с каждым годом поднимался по ступеням военных чинов и придворных званий.

Северным соседом князя Оота был сильный и богатый феодал князь Сайте, владевший областью Мино; границей между владениями обоих князей служила большая река Исо. В продолжение многих лет князь Оота пытался воздвигнуть на самом берегу реки сильную крепость, но это не удавалось ему, так как каждый раз, едва строительные работы развертывались, северяне нападали на постройку и разрушали ее до основания. Однажды князь Оота ска-

зал в шутку своему любимцу: «А не хочешь ли, Обезьянка, стать начальником крепости? Займись этой постройкой!» — «С радостью», — ответил Иосихидэ совершенно всерьез.

И вот в одно хмурое майское утро северяне, к немалому своему изумлению, увидели сквозь рассветный туман на другом берегу реки Исо, еще вчера совершенно пустом, могучий замок. Его черные кровли и белые стены грозно возвышались над речною кручей, а золоченый гребень в форме рогов — заклятие от злых духов — венчал здание. Вооруженные фигуры часовых различались повсюду: граница охранялась и непонятным образом, за одну ночь, была укреплена. Растерявшиеся северяне прекратили нападения. И никому из них не пришло в голову, что это лишь декорация из бамбука, досок, бумаги и рогожи, а по ту сторону декорации кипит работа. Солдаты, крестьяне окрестных деревень и их батраки с лихорадочной поспешностью сооружали настоящий укрепленный замок; ни один солдат не был даже оставлен на карауле, а те, кого принимали за пограничную стражу северяне, были всего только женщины с детьми в соответствующих нарядах. Через неделю замок был построен, декорация брошена в реку, а Иосихидэ назначен начальником новой крепости. С этого времени присвоив себе новую фамилию Масиба, он, по примеру других японских полководцев, учредил своеобразное боевое знамя: оно было украшено золочеными бутылочками из тыквы, по числу одержанных им побед. Каждая новая победа знаменовалась новой бутылочкой, а победы все множились и множились, ибо И. умел привлекать к себе сердца самураев и солдат, а ум его и хитрость подсказывали ему нововведения в тактике и во всевозможных ухищрениях на поле боя.

По мере того как князь Оота расширял свои владения и становился могущественнейшим феодалом в Центральной Японии, знамя И. начинало сгибаться под тяжестью золотых тыквочек. Наконец в 1565 г. Оота вступил в столицу Киото, став фактическим повелителем большей части страны. Император принял его во дворце и пожаловал титулом Министра Правой руки, а И. был возведен в звание князя.

Три года спустя, покоря Западную Японию во главе двенадцатитысячной армии, И. осадил сильно укрепленный замок Акамацу, построив плотину, при помощи которой вся окружающая местность была затоплена. Но в городе Осака, куда князь Оота вошел со своим сыном-наследником, чтобы руководить кампанией, их обоих подстерегала гибель. Князь Такечи Хидемицу, надменный аристократ, которого Оота не любил за педантизм и неловкость и наконец поставил под начальство Обезьянки, поднял бунт и убил своего сюзерена вместе с его сыном. Иосихидэ получил эту страшную весть в своем лагере перед полузатопленным замком Акамацу. Стояла ночь полнолуния. Погруженный в свои мысли, И. бродил по берегу образовавшегося озера. Таинственная плачущая мелодия бамбуковой дудочки зазвучала с башни осажденного замка; казалось, что поет луна. Но когда очарованный музыкой И. приблизился к замку, вероломная пуля — «анега-сима» — просвистела около самого его уха.

Утаив гибель князя Оота от своих войск, И. продолжал осаду. Через два дня начальник замка капитулировал и в лодке перед ставкою победителя честно совершил харакори.

На помощь побежденным приближались сильные войска другого князя, но И. немедленно послал к нему парламентаря с сообщением о смерти князя Оота и с требованием — от имени всего самурайства — перемирия для отдания похоронных почестей покойному и для возмездия изменнику. Едва перемирие было заключено, И. помчался в Осаку, приказывая всюду по пути заготавливать воду и продовольствие для движущихся за ним войск. Проложив 100 ри (400 км) в три дня, он достиг города и с быстротою духа приготовил все, что было необходимо для решительной битвы с изменником Хидемицу. Особенное значение имели изобретенные им боевые повозки, предварявшие танки наш его времени: то были ручные телеги, обшитые жостью и с деревянными трубами для фейерверка. Генеральное сражение произошло между Осакой и столицей Киото. Потрясенный быстротой действий И., обессиленный всеобщей к себе ненавистью и вдобавок обескураженный видом «танков», Хидемицу пал духом, обратился в бегство и по пути был убит крестьянами.

Таким образом, из множества вассалов князя Оота только один Обезьянка, находившийся в далеком походе, смело и энергично выполнил свой долг мщения. Это выдвинуло его на первое место среди феодалов и это же возбудило их зависть. Но, быстро и ловко организуя коалиции то против одного, то против другого, И. разбил и подчинил своих врагов одного за другим. К 1578 г. И. стал наконец первым лицом в Японии, фактически сосредоточив в своих руках военную и гражданскую власть. Столетние междоусобия прекратились. Народ возвращался к труду.

Но и первый человек в государстве должен был в эту эпоху, чтобы удержаться на достигнутой высоте, признать превосходство императора. Микадо сохранял власть номинально и озарял подлинных правителей блеском своего вечного ореола. Поэтому И. прежде всего воздвиг в загородной местности роскошный дворец, названный Дзюраку («коллекция наслаждений»), и пригласил туда микадо со всем его двором. Подобного шествия Япония не видала уже свыше двухсот лет. Великолепие процессии было таково, что народ, повергаясь ниц, рыдал от восторга и благоговения. Во дворце Дзюраку И. принес императору торжественную присягу, а во время пиршеств, продолжавшихся три дня, сам исполнил древнюю военную пляску. Растроганный микадо пожаловал ему высший титул «регента — верховного министра» и славную старинную фамилию Тачибано: так называется особый род миндаля, ароматного и дарующего долголетие.

Разумеется, постройка дворца Дзюраку была только началом, за нею последовали: сооружение колоссального замка Осака, в котором принимали участие все князья, и памятниками их соревнования донныне остаются огромные камни знакомых стен; сооружения большого канала Осака — Цуруга — через Центральную Японию; постройка знаменитого буддийского храма Дайбуцу в городе Нара, причем у исполинского бронзового будды VIII в., помещенного в храм, была реставрирована голова, расплавившаяся от огня в эпоху междоусобий. Во время работ на горе Ооэ были обнаружены залежи руды, при плавке которой получили белый нержавеющей металл (то был никель). Отлитые из него громадные колокола были розданы храмам во всех областях Японии, и самый большой из них, диаметром 10 м, до сих пор хранится в Киото.

Не менее важно было покровительство, которое И. оказывал торговле, особенно внешней, построив большой торговый флот. А в области финансов он прибегнул к остроумному, хотя и несложному средству, поднявшему доход казначейства в несколько раз. Средство это заключалось в выпуске монеты огромной величины, в десять раз больше обыкновенного кабана; сто таких монет помещались в специальный ящик, запечатанный печатью главного казначея. Никто не мешал, таким образом, казне выпускать монету, полую внутри, и, запечатывая ее в тяжелый ящик, заставляя принимать ее как полноценную.

В молодости И. был лишен возможности учиться. «Подписать свое имя — вот грамота!» — говаривал он тогда. Тем больше достоинства видят японские историки в том, что, будучи малограмотным, он оказывал покровительство наукам и искусству. Он восстанавливал разрушенные памятники, собирал коллекции художественных изделий, а во дворце Дзюраку были учреждены библиотека, музей, театр и художественные мастерские. Он охотно принимал католических миссионеров, появившихся в то время в Японии, построил для них церковь в столице, в 1590 г. отправил с ними в Европу четырех японских мальчиков для ознакомления с далекой чужой культурой.

Среди японской знати того времени распространялся своеобразный обычай чаепитий в утонченной обстановке, преимущественно в специальных изящных беседках, расположенных в саду или вообще в красивой местности. И. принялся ревностно изучать этикет этих чаепитий, этот обряд, доведенный до уровня настоящего искусства, — так называемый «садоо». Наставником правителя был глубочайший знаток этих церемоний Кон-но Рисю. Однажды, когда И. хвалился перед учителем чистотою чайной беседки и хорошо подметенных дорожек, ибо считалось, что чистота — важнейший элемент «садоо», Рисю молча вышел в сад и потряс два-три деревца. Пурпуровые и бледно-розовые осенние листья осыпали газон. И внезапно И. стало ясно, в чем заключается подлинное «садоо».

Между тем многие богачи, видя, чем увлечен верховный министр, начали приобретать драгоценную утварь, роскошную посуду и отягощать утонченно простой обычай показною пышностью. И вот И. пригласил однажды нескольких знакомых людей на чаепитие в небольшой буддийский храм. Храм этот был издавна известен необыкновенно красивой расцветкою осенней листвы деревьев около здания и живописным рельефом окружающей местности. И. встретил гостей на крыльце храма, одетый в скромное платье простого старика, с колпачком на голове. Он провел их внутрь здания, раздвинул окна в сторону горы Такао, одни склоны которой предстали огненно-красными, другие — янтарно-желтыми, и приготовил чай. К чаю были поданы лишь кое-какие сласти. Не дождавшись ничего другого, гости невольно выдали свое недоумение и разочарование. И только Рисю, великий знаток «садоо», испытал глубокое удовлетворение, убедившись, что И. вполне проникся чистой и изящной мудростью этого искусства. Он воскликнул: «Вот это — истинный дух “садоо”!»

В это время широкою известностью в Японии пользовался неуловимый разбойник Нисикава Рокуэмон. Он никого не убивал, грабил только богачей и казну, а награбленное раздавал бедным. Наконец этот Нисикава осме-

лел до того, что наклеил на ворота дворца Дзюраку открытое письмо к И., требуя крупного пожертвования в пользу бедных.

Несколько дней спустя телохранители И., уснувшие глубокой ночью в его покоях, внезапно были разбужены звонкой игрой музыкальной шкатулки. Эта драгоценная шкатулка была подарена хозяину иезуитскими миссионерами; но почему она заиграла сама ни с того ни с сего темной ночью? Музыка удалялась. Бросившись вдогонку, телохранители заметили человеческую фигуру, пытающуюся спастись бегством. Вор оказался знаменитым Нисикавой. Незнакомый с назначением музыкальной шкатулки и прельстившийся лишь ее видом, он в первый раз в жизни попал впросак. Допрашивать задержанного решил сам И.

— Ты забыл меня, Хиеси! — молвил разбойник. — Мы были товарищами: я — Томаичи, и сегодня — то самое свидание, о котором мы условились когда-то, ты стал первым лицом света, а я — тьмы! Ты — представитель знати, я — друг народа. Но своей славе ты принес горы жертв, а я никогда не проливал крови.

— В твоих словах — доля правды, — сказал И., — но в Японии теперь тебе уже нет места. Ступай в новый мир! — И он выслал Нисикаву с женою и сыном на остров Тайвань, в то же время открыв беднейшей части народа казенные склады продовольствия.

В дни своей молодости И. любил сестру своего сюзерена князя Оота, но, сознавая подчиненность своего положения, он это чувство подавил в душе. Позднее он женился на дочери своего товарища по военной службе и был добрым мужем, хотя жена не принесла ему ни одного ребенка. Но когда он узнал, что одна из дочерей-сироток некогда обожаемой им сестры князя Оота стала блестящей красавицей, сердце его задрожало, как у двадцатилетнего юноши. Призвав на помощь всю свою хитрость, опытность и настойчивость, он преодолел все препятствия, и молодая красавица стала его второй женой. Когда же она родила ему сына, он почел себя счастливейшим человеком на свете.

Теперь, когда в стране все стало спокойно, И. начинал подумывать о восстановлении славы японского оружия. Страна Кимос, расположенная на недалеком от Японии полуострове, издавна была связана с нею дружественными сношениями. Эти сношения оборвались вследствие длительных японских междоусобиц. В 1591 г. И. отправил в государство Кимос посольство с предложением восстановить старую дружбу. Но государство Кимос уже подпало под влияние сильной северной державы Шаор; король Ер Син ответил японскому послу отказом, и притом в столь оскорбительной форме, что И. почел за лучшее направить в страну Кимос экспедиционный корпус. Кимосские войска, в дружном взаимодействии с шаорскими волонтерами, вели оборонительные бои, заставляя противника нести огромные потери в живой силе и технике, будучи, однако, не в силах бороться против изобретенных И. танков. Уже один вид этих тележек, тарыхтящих по полю, сверкающих на солнце своей жестяной обшивкой и то и дело запускающих фейерверк, повергал кимосские войска в панику. С помощью танков 1-я самурайская армия заняла город Хено-Янт, а 2-я армия через Санш-Сон вступила в южную часть Шаор, где захватила в плен двух кимосских принцесс — Синси и Сики. На море флот И.

потопил флот противника около острова Жеджело, где, говорят, на его стороне сражались также корабли изгнанника Нисикавы Рокуэмона. Король Ер Син просил о мире. Переговоры начались в городе Сойке, в атмосфере взаимного понимания. Но когда делегаты противной стороны предложили И. окончательный текст мирного договора, оказалось, что в этом документе нашли место совершенно абсурдные формулировки. Там значилось, например, что мира будто бы просил не кимосский король, а И., за что ему присваивался, вопреки здравому смыслу, титул «японского короля» и жаловался орден «Любителей безмятежной тишины и неомрачаемого спокойствия». Взбешенный И. разорвал текст договора, выгнал делегацию и возобновил военные действия, но внезапно заболел и в 1597 г. скончался. Экспедиционная армия пала духом и эвакуировалась на родину в следующем году.

В эпическом произведении «Тайкоо ки» повествуется о смерти И. следующее. Когда постройка большого замка Осака была почти закончена, солнце уже закатывалось, но, глядя на свое грандиозное сооружение, И. почувствовал, что на свете нет ничего для него невозможного. «Завоевания и совершенствование природы, — возгласил он, — являются делом начальствующих лиц. В этом отныне мой долг перед народом. Остановись, солнышко, помоги!» И золотым вечером он позвал великое светило. Совершилось чудо, солнце вернулось в зенит, и постройка была закончена в тот же день. Но за эту непочтительность по отношению к солнцу И. был наказан убийственной горячкой. Его комнату наполнил нестерпимый жар; медицинский персонал героически выполнял свой долг в одних набедренных повязках; а когда И. опустили в холодную ванну, вода странно забулькала, оказалось, что она уже кипит.

Впрочем, эти факты недостаточно всесторонне еще изучены нашими историками.

После смерти И. капризный характер его высокомерной вдовы и своеволия ее фаворитов оттолкнули от сироты-наследника верных князей и полководцев. Их постепенно перетянул на свою сторону осторожный, терпеливый и умный старик князь Токигава. В 1602 г., после ряда военных столкновений, пал замок Осака, и вся династия Тачибана погибла. Власть перешла к роду Токигава, сумевшему удержать ее свыше двух с половиной веков.

УМБЕРТИ БЕНИТО

1888–1932

Итальянский зодчий, создатель первых архитектурных сооружений в стиле «гимнастика»

Молодые годы Бенито Умберти, позднее заставившего так много говорить о себе архитектурные круги Европы, не ознаменовались никакими выдающимися творческими достижениями.

Специализировавшийся на проектировании частных загородных вилл для представителей деловых кругов Италии, архитектор проявил себя как убежденный

последователь школы Корбюзье. Художественное оправдание своим сооружениям, расположенным в загородной местности, он стремился найти не в гармонии между ними и пейзажем, а, напротив, в максимально резком противопоставлении их силуэтов, соотношении их масс, их архитектурных элементов, их облицовки и расцветки окружающей природе.

Эстетическая мода 20-х гг. нашего столетия всецело определила собою творческую манеру Умберти; теперь, по прошествии нескольких десятилетий, эти фешенебельные виллы в Палермо, на Капри, в окрестностях Неаполя, на Ривьере производят странное и подавляющее впечатление сухостью своих линий, резкой подчеркнутостью урбанистического начала, мертвенно-мрачным цветом своих стен — всем тем, что в двадцатых годах воспринималось как высшее проявление вкуса, культурности и ума. С каким-то угрюмым вызовом выделяясь на фоне неба, многокрасочной земной поверхности и ослепительного моря Италии, эти здания кажутся нашей эпохе порождениями абстрагирующей кабинетной мысли, потерявшей связь с жизнью и вкус к ней. Нам странно, что в то недавнее время обитание в этих мертворожденных сочетаниях голых геометрических форм могло представляться высшей ступенью благополучия.

Постройка подобных вилл для богатых заказчиков привела к тому, что в руках архитектора вскоре оказалось значительное состояние.

Неразработанность биографических материалов и отсутствие сколько-нибудь обстоятельной монографии, посвященной У., мешают нам уяснить, какими путями и под влиянием каких жизненных явлений мысль этого художника пришла к парадоксальным выводам, определившим второй, последний период его деятельности. Однако некоторые указания мы можем почерпнуть в его собственной книге «Жилище как орудие физического воспитания» — единственной теоретической работе, оставленной им потомству. Во введении к своему труду автор, между прочим, говорит следующее: «Обстоятельства моей жизни и работы способствовали тому, что при выполнении заказов для наиболее состоятельных представителей нашего общества я имел возможность всесторонне ознакомиться с укладом жизни, с будничным бытом этого круга, с характером времяпрепровождения, привычками и наклонностями, в нем господствующими. Я не хочу делать мрачных прогнозов. Еще менее стремлюсь я очернить или принизить уровень умственного развития и эстетической утонченности людей этого блистательного мира. Именно горячее желание удержать этот общественный слой от движения по нисходящей, оградить его от ужасов деградации, способствовать его физическому и волевому оздоровлению стало руководящим началом моей профессиональной деятельности».

Это откровенное признание человека, сознательно отдающего свой талант на службу магнатам крупной собственности и с каким-то, сказали бы мы, наивным цинизмом полагающего смысл своей жизни в работе на пользу узкого круга баловней судьбы, достаточно характерно само по себе. Но что же, собственно, предлагает У. для спасения капиталистической верхушки от «ужасов деградации»? Какую панацею измыслил этот изолированный от своего народа эстет, этот поборник привилегированной касты?

Исходный тезис У. заключается в мысли, будто бы жилой комплекс должен быть не просто местом повседневного пребывания человека, но именно в силу того, что он является жизненной средой людей в продолжение большей части суток, он призван максимально способствовать физической и нервной закалке своих обитателей. Если до сих пор усилия строителей направлялись на создание в жилом доме максимума комфорта, то отныне эти усилия следует направлять на почти противоположную цель: сконструировать жилище таким образом, чтобы каждый шаг, каждое движение обитателя наталкивались бы на физическое препятствие. Именно преодоление этих препятствий должно было, по мысли У., стимулировать всестороннее развитие мускулатуры, повышение жизненного тонуса, закалку нервной системы, укрепление воли. Все здание понималось как своеобразный физкультурный комплекс, как сильное средство пробудить в изнеженном буржуа вкус к жизни и бесстрашие перед препятствиями. Такова глубоко реакционная сущность теории У.

Хорошо известно, как часто в эпоху упадка господствующего класса реакционные течения в искусстве облачаются в мнимо-революционную форму. Эта закономерность блистательно подтверждается и на примере теории У., или, как он называет ее, «стиле гимнастико». Сверхфутуристический интерьер, ультралевое понимание и использование пространства, превращение дома в комбинат самых рискованных аттракционов, а всей жизни хозяев и слуг — в непрерывную цепь замысловатых трюков — таков рецепт, предлагаемый У. для того, чтобы повернуть вспять колесо социально-исторических процессов.

Понимая, что вряд ли он сыщет в Италии охотников пустить на ветер свое состояние ради осуществления подобного плана, У. решает построить в стиле «гимнастико» виллу для самого себя. Затраты его не смущают. Покупается участок в самом фешенебельном районе Капри. Здание приподнимается над землей и опирается на четыре наклонно стоящие фермы, напоминая своим экстерьером гимнастического коня. Этот несуразный силуэт делается господствующим над одним из чудеснейших уголков Италии. Но главное заключается в интерьере здания. Этот интерьер, жизнь архитектора в необычайной обстановке и вскоре затем его смерть попадают на некоторое время в центр внимания итальянской общественности. Поднимается буря насмешек, рождаются анекдоты, возникают целые легенды о хозяине виллы Гимнастико и о его приключениях внутри собственного обиталища. Каково же устройство этого обиталища в действительности?

Первый шаг посетителя, едва переступившего порог виллы, предупреждает его, что здесь следует быть настороже; панели, составляющие пол, начинают вдруг выскальзывать из-под его ног, двигаясь взад и вперед, подобно тому, как это практикуется в низкопробных аттракционах луна-парков. Ступени лестницы приходят в движение, едва нога человека опускается на первую из них. Они ерзают справа налево и слева направо, в то время как перила предательски ныряют вниз, как только вы пытаетесь сохранить равновесие при их помощи. Понимание пола как ровной поверхности для спокойной ходьбы объявляется устаревшим: взамен него создается бесформенное нагро-

мождение глыб разной величины, преодоление которых должно повседневно укреплять мускулатуру икр, бедер и поясницы. Дверь, которую вы слегка толкаете вперед, с неестественной быстротой устремляется в противоположном направлении, грозя расшибить вам лицо: это должно способствовать развитию вашего самообладания и находчивости. Когда вы заносите ногу, чтобы перешагнуть несуразно высокий порог при входе в гостиную, этот порог внезапно проваливается, и вместо него перед вами оказывается зияющая пустота, причем сверху молниеносно спускаются гимнастические кольца: уцепившись за них, вы можете наконец попасть в помещение для приема гостей, кстати поупражняв мышцы ваших рук, плеч и лопаток. Но вот опасное путешествие кажется оконченным: выбившись из сил, вы пробрались в гостиную и опускаетесь в низкое комфортабельное кресло. Но едва пружины кресла поддаются под вашей тяжестью, как мощная струя ледящего ветра охватывает ваше разгоряченное тело: этим способом ваш организм должен приучаться к резким сменам температуры.

Наиболее экстравагантный номер был, однако, припасен хозяином для подступов к его собственному кабинету. По мысли архитектора, посетитель, измученный всеми мытарствами виллы Гимнастико, должен был тем глубже прочувствовать сладость заслуженного отдыха в хозяйском кабинете. Эта комната отвечала всем современным требованиям самого изысканного комфорта. Но вход в нее имелся лишь один, и гость, не решившийся преодолеть этих последних испытаний, принуждаем был возвратиться к исходной точке своего путешествия, не получив даже насущно необходимой передышки. Кабинету предшествовал довольно обширный зал, около семи метров высотой, во всю свою ширину украшенный глубоким водоемом. Вход, или, вернее, впаз, в кабинет виднелся в противоположной стене, на высоте четырех метров над водой. Это было отверстие без двери, с небольшою, лишенною перил площадкой перед ним. Для того чтобы достигнуть этой площадки, следовало воспользоваться подобием пожарной лестницы, поднимающейся к потолку сразу же подле двери, через которую вы вошли в зал, загибающейся под прямым углом над водоемом, проходящей горизонтально под самым потолком и спускающейся затем к воздушной площадке перед отверстием кабинета. Таким образом, посетителю предлагалось совершить часть путешествия, повисая на руках и перебирая ими металлические перекладки, в то время как тело его качалось в воздухе без всякой опоры. При этом его должна была утешать мысль, что в случае падения несчастье ограничится простым купаньем в холодной воде.

Естественно, что не только постройка, но и обслуживание подобного жилища требовало огромных затрат. Известны колоссальные, прямо-таки баснословные оклады, которыми У. привлекал к себе тех, кто составил штат его прислуги. Известно также, что ему не удалось найти человека, согласного обслуживать его кабинет; поддержание порядка в этом таинственном покое осталось неприятной, хотя, быть может, и оправданной в качестве наказания обязанностью хозяина.

Нас не должно удивлять, однако, что в Италии нашлись пресыщенные, жаждущие острых ощущений бездельники, усмотревшие в выдумках У. новый

способ щекотанья нервов и насыщения жизни призрачным содержанием. Не говоря о Габриэле Д'Аннунцио, со свойственной ему страстностью выступившем на защиту «стиля гимнастико», и генерале Инниго ди Виченца, не решившимся, правда, лично посетить виллу Умберти, но выразившим сочувствие его идеям, приходится упомянуть о графе Чиано, который часть одной из своих вилл оборудовал согласно указаниям У.

Но более широкого признания своих идей архитектору не суждено было дожидаться: в ноябре 1932 г., преодолевая препятствие по пути в свой кабинет, он сорвался с потолка и, падая в водоем, ударился затылком о ту самую воздушную площадку, которая сулила отдых всякому, решившемуся преодолеть сюрпризы виллы Гимнастико до конца.

Филиппов Михаил Никанорович

1798–1914

Писатель, поэт, драматург

Михаил Никанорович Филиппов родился в г. Тамбове в семье мелкого чиновника. Девятнадцатилетним юношей он поступил в канцелярию губернского правления, где и служил непрерывно в продолжение пятидесяти лет, понемногу повышаясь в чинах.

В 1859 г. он вышел в отставку в чине коллежского асессора. Вся свою долгую жизнь Ф. безвыездно провел в родном Тамбове.

Художественной литературой Ф. увлекся еще в молодых годах. Весь свой долгий век он с поразительной методичностью и упорством, отличавшими все его действия, посвящал литературной работе от двух до трех часов ежедневно; воскресенья же и праздники отдавались чтению литературных новинок, неизменно действовавших на восприимчивую натуру Ф. как стимул к собственному, более или менее оригинальному творчеству. К дальнейшей судьбе своих опусов Ф. относился с тем бескорыстным идеализмом, который — увы! — так редко встречается в нашем столетии; вследствие этого обстоятельства число литературных произведений Ф., увидевших свет, не превышает, к сожалению, 85 томов; остальная часть его художественного наследия, превышающая указанную цифру по крайней мере в 2,5 раза, до сих пор остается ненапечатанною.

Первым серьезным опытом нашего труженика слова следует считать романтическую повесть «Прасковья — стрелецкая дочь», появившуюся в «Тамбовских губернских ведомостях» в 1820 г.

За нею последовали робкие попытки овладеть стихотворной формой: поэмы «Еруслан» и «Неонила», «Евгений Мологин», «Бронзовый пешеход», не помешавшие, однако, плодотворности также и прозаических занятий Ф. Результатом этих последних явились романы «Майорский сынок» и «Живые сердца». К этому же периоду относятся и первые опыты Ф. в области стихо-

творной драмы: «Щедрый герцог», «Мраморный пришлец», «Попойка во время холеры» и «Счастье от глупости».

Не смущаясь молчанием критики, Ф. упорно продолжает свою работу, согласно завету Пушкина «всех лучше оценить сумеешь ты свой труд». Отказываясь от каких-либо иных развлечений, он уделяет этой работе все вечера после службы. Ни женитьба, ни постепенный прирост семьи не меняют ничего в этом поистине железном расписании времени. Поэтому нас вряд ли сможет удивить тот факт, что с 1840 по 1880 г. Ф. было закончено не менее 52 романов. Назовем некоторые из них, чтобы убедиться, насколько живо, быстро и горячо отзывался Ф. на все сколько-нибудь значительные явления современной ему отечественной литературы: «Кто прав?», «Что думать?», «Шарабан», «Вторая любовь», «Потом», «Матери и внуки», «Пар», «Корвет “Церера”», «Обрезов», «Откос», «Необыкновенная география», «Обиженные и ущемленные», «Подвиг и награда», «Умный человек», «Село Карамазово», «Матрац», поэмы «Русские мужчины», «Кому в Тамбове умирать нехорошо» и многие другие.

Пользуясь после выхода в отставку неограниченным досугом и не отвлекаемый никакими другими интересами, Ф. в последние 45 лет своей жизни развил совершенно необычайную энергию, закончив, по свидетельству его правнуков, свыше 150 романов и несколько сот повестей и рассказов. Ни преклонный возраст, ни замкнутый образ жизни не мешали ему каждый раз, как только в его поле зрения попадало новое произведение литературы, откликаться на него, предлагая читателю — или по крайней мере своей семье — новый оригинальный вариант затронутой темы. От эпохи Карамзина до первых выступлений русских футуристов трудно было бы указать какое-нибудь литературное течение или какой-нибудь серьезный вопрос, волновавший наше общество, не получившие своего отражения в творчестве Ф., которое сделалось настоящим зеркалом русской культурной жизни на протяжении целого столетия. Это блестяще подтверждается перечнем заглавий крупнейших произведений Ф., увидевших свет с 1880 по 1914 г.: «Обычай Разболтаева переулка», «Бессилие света», «Семена невежества», «Понедельник», «Отваловские медяки», «Глухой актер», «Три кузины», «Тетя Паша», «Старик Игдразиль», «Повесть о восьми утопленниках», «Лиловый плач», «Крупный черт», «Незнакомец», «Резеда и минус», «Туча в манто». Свидетель и посильный участник золотого века русской литературы, лишь нескольких лет не дотянувший до столетнего юбилея своей деятельности, Ф. являет собою незабываемый образец самоотверженного труженика на этом благородном поприще. Невольник вдохновенья, он всю жизнь торопился обогащать родную литературу сокровищами своего духа, не успевая заботиться об ювелирной отделке романов и поэм, как бы чувствуя всегда, что беспощадная смерть вот-вот оборвет его творческий подвиг на полуслове. И когда мы представляем себе, как 116-летний старец, испуская последний вздох над попыткой дать собственный вариант на тему «Ананасы в шампанском», прошептал трогательную в своей простоте и скромности фразу: «И моя капля меду есть в улье!..», — мы испытываем то самое волнение, которое заставляет обнажать голову перед наиболее возвышенными явлениями жизни.

ЭРИКСЕН ЭРИК (СИГУРД МЙОЛЬНИР)
1865–1910

Норвежский поэт, писатель и критик

Дух сурового благочестия и патриархальности, господствовавший в скромной семье пастора глухого местечка Хаммерталь на севере Норвегии, где родился будущий глава литературной школы Нео-Эддизма, не препятствовал, однако, повышенному интересу к отечественной старине и, в частности, к поэтическим памятникам дохристианского периода.

Восприняв от отца и старшего брата горячую любовь к этим ранним творениям народного духа, Эриксен вместе с тем закончил период своего домашнего и школьного воспитания с затаенным чувством жгучей ненависти к ригоризму и к мещанской морали норвежского захолустья. В 1883 г. он поступил в университет в г. Осло (тогда — Христиания), философский факультет которого и окончил пять лет спустя. Общение с представителями студенческой и литературной общности способствует окончательному определению Э. своих идейных позиций. Непримируемый враг христианских основ европейской цивилизации, молодой поэт как бы призывает благословение языческих божеств древности на свой литературный дебют, отказавшись от скромного имени и от фамилии, унаследованных от отца, и выступая под воинственным псевдонимом Сигурд Мйольнир¹. Романтическим индивидуализмом веет и от сборника его юношеских стихов, вышедшего под многозначительным заглавием «Наггльфар»².

Здесь Э. подвергает одинаково суровому бичеванию как монашеско-аскетический, так и литературный идеал благочестивой, твердой в своих моральных устоях семьи. «О, громыхающие духи великих викингов! — восклицает поэт. — Обуреваемый гневом последний скальд скликает вас против ваших потомков, променявших бури океана и штормы духа на участь троллей. Зарыдайте — и скалы Хаммерталя треснут снизу доверху, захотите — и университет Осло взлетит на воздух со всеми грудями своей учености...»

Увлеченный образами эддической поэзии, Э. выдвигает новый идеал: совмещение в одной личности всего зла и всего добра, доступных человеку. Этому идеальному образу он присваивает наименование «человека двойного размаха». В философии сказывается, конечно, современник Фр. Ницше: легко угадываются в ней и отголоски поэзии французских символистов, в особенности Ш. Бодлера и Жерар де Нерваля, придающие утонченное изящество и смысловую многоплановость стихийно космическим образам германской мифологии.

1. Мйольнир — молот бога Тора.

2. Наггльфар — согласно древней северогерманской мифологии название корабля, построенного из ногтей мертвецов, который должен появиться перед концом мира (см.: Эдда. Часть 1).

«Наггльфар» стяжал признание молодежи, выдвинул юного автора в первые ряды норвежских поэтов. Вместе с тем вызывающий тон этой оригинальной музыки, местами, пожалуй, даже выходящий за пределы литературно-допустимого, вызвал взрыв негодования в правых и умеренных кругах норвежской общественности. В жизни самого Э. его первая книга получила значение рубежа, навсегда отъединившего его от родной семьи и прежних друзей. В продолжение 10 лет Э. живет в Осло, добывая средства к жизни случайным литературным трудом и изучая древнегерманские тексты в столичных книгохранилищах. Плодом этих вдохновенных занятий является филологическое исследование «Руны как рудимент древнейшего индогерманского алфавита», а также работа, не вполне отвечающая требованиям современной науки, слишком, быть может, строгим: «Исторические факты взаимопроникновения мифов, засвидетельствованные норвежскими и исландскими авторами VIII–XI столетий». Характер этой работы указывает на то новое направление, которое приобрели интересы Э.; попытка осмысления северогерманской мифологии под углом зрения оккультных теорий сказывается и в его романе «Самоубийство бога», опубликованном в 1897 г., выдержавшем за два года восемь изданий и переведенном на большинство европейских языков. Герой романа, молодой ученый-лингвист, приоткрыв покров символов, драпирующих оккультную глубину Эдды, решает строить свою жизнь согласно рецептам древних тайновидцев, в основных чертах совпадающих, как и можно было ожидать, с идеалом «человека двойного размаха». К сожалению, в этом нельзя не усмотреть гораздо больше автобиографических подробностей, чем можно было бы желать в интересах самого Э. Недостаточность документальных материалов, до сих пор опубликованных, не позволяет нам с уверенностью утверждать, что предосудительные, а порою даже вопиющие деяния героя романа точно отражают те или иные стадии развития самого автора. Однако цепь прискорбных происшествий, омрачивших биографию последнего скальда, доказывает с неопровержимостью, что о полном разграничении творчества и жизни писателя в данном случае не может быть и речи. Без труда прослеживаются в романе Э. также следы его двухлетнего (1895–1897) пребывания в Париже, где он предавался философическому изучению сексуальных причуд богемы и подонков «нового Вавилона». Критика обратила внимание также на реминисценцию идей Гюисманса, с одной стороны, Достоевского — с другой, обозначившуюся в романе «Самоубийство бога».

Сборник лирики «Я хочу», вышедший в 1901 г., не внес существенно новых черт в картину мирозерцания Э. Но в том же году мятежный борец за неограниченную свободу человеческого духа был привлечен к суду по обвинению в участии в черных мессах.

Судебное разбирательство не сумело внести должной ясности в противоречивые показания свидетелей этих утонченных забав нашего времени: Э. был оправдан, несмотря на негодующие голоса прессы, превратившиеся под конец в настоящий вопль. Этот вопль перерос в бурю, когда год спустя Э. подарил своих соотечественников новым романом «Выше безумия», где свойственное ему устремление к совмещению взаимоисключающих состояний выразилось в пропаганде оригинальной идеи совмещения в одной, всеобъем-

лющей личности острого душевного заболевания с полным душевным здоровьем. Реакция общественности на это смелое произведение пошатнула хрупкую нервную организацию автора; он погрузился в состояние глубокой протрации, под конец сумев, однако, почерпнуть новые жизненные стимулы даже в стенах психиатрической лечебницы. Самоотверженная любовь скромной больничной няни в отделении для буйных открыла перед ним путь к восстановлению душевного равновесия. Материальное положение его, упрочившееся благодаря успеху обоих романов, позволило Э. отказаться от литературной деятельности и уединиться с горячо любившей его женою в местечко Хаконфьорд на юге Норвегии.

Незаконченный роман «Вот корень жизни!», опубликованный уже после смерти Э., показывает, что перед исстрадавшимся странником по высотам и глубинам собственного «я» открывались новые жизненные перспективы в тихом счастье у семейного очага... Но рок судил иное: трагическая случайность оборвала жизнь Э. в самом начале этого многообещающего этапа. В марте 1910 г. глашатай новых понятий добра и зла погиб в собственной спальне — больше того, в собственной постели, — когда, переворачиваясь в темноте с одного бока на другой, ударился случайно головою об угол ночного столика.

ЯЩЕРКИН ЕВГЕНИЙ ЛУКИЧ

1864–1899

Известный педагог,

автор системы «сознательного инфантилизма»

Евгений Лукич Ящеркин родился в г. Арзамасе Нижегородской губ. в семье мещанина, имевшего соляной лабаз на городском рынке. По окончании городского училища Я. благодаря выдающимся способностям удалось успешно выдержать вступительный экзамен в Рязанский учительский институт, который он и окончил в 1885 г.

Педагогическая деятельность Я., сперва протекавшая в русле русской педагогической традиции, началась на должности учителя словесности и географии в Трубчевской мужской гимназии (г. Трубчевск Орловской губ.). Ни в образе жизни, ни в воспитательных методах Я. ничто еще не давало оснований усмотреть в молодом учителе будущего теоретика и практика одной из оригинальнейших педагогических доктрин. Скудость биографических данных не позволяет нам установить, под воздействием каких именно философских и научных теорий складывалось его своеобразное *credo*, хотя, на наш взгляд, отголоски некоторых идей Руссо в доктрине сознательного инфантилизма очевидны.

Трубчевские старожилы свидетельствуют лишь о том, что на фоне медленно текущей жизни уездного города Я. в продолжение семи или восьми лет не проявил себя ничем выдающимся. По-видимому, со стороны своих питомцев он пользовался известным авторитетом как справедливый наставник

и хорошо знающий свой предмет учитель; однако в особой напряженности его умственной деятельности в этот период можно усомниться.

Та поражающая своей простотой идея, которая лежит в основе теории сознательного инфантилизма, осенила ее автора внезапно, как своего рода озарение. Очевидно, как у многих одаренных натур, запас жизненных наблюдений, исподволь накапливавшихся где-то в подсознательной сфере ума скромного труженика на ниве народного просвещения, под влиянием неизвестного нам толчка вдруг озарился ярким светом, явив изумленному разуму картину мировой жизни в новых соотношениях и закономерностях.

«Если мы хотим сделать человечество счастливым и гармоничным, — пишет Я. в своем основном труде “Стань ребенком”, — мы должны прежде всего правильно воздействовать на неокрепшую и податливую психику ребенка. Если мы хотим на нее правильно воздействовать, мы должны понять ее. Если мы хотим понять ее глубоко и всесторонне, к этому нет лучшего пути, как уподобиться детям. Если же мы хотим уподобиться детям, то мы должны весь наш быт, наш душевный и житейский обиход построить так, чтобы воспринимать явления как дети, поступать как дети, рассуждать как дети. Только тогда преграда между нами и душой подростка или ребенка — это проклятие всякого педагога — падет; как бы перевоплощаясь в воспитуемого, мы получим такие возможности воздействовать на него, какие и не снились закоснелым воспитателям прошлого и настоящего».

Стройная логичность посылок и выводов, кристаллическая ясность изложения, неотразимая убедительность основной мысли делают это небольшое по объему (всего 82 с.) произведение одним из драгоценнейших вкладов в сокровищницу русской педагогической литературы. Впервые уяснилась самому Я. эта идея весной 1894 г. и, как видно из дальнейших фактов его биографии, сразу захватила его с такой силой, что летние каникулы он целиком посвятил обдумыванию педагогической методики, равно как и проверке ее экспериментальным путем. Глубоко честный и добросовестный по природе, наш мыслитель не мог успокоиться до тех пор, пока идея не получила безусловного подтверждения на путях строго научного опыта.

Первый эксперимент этого рода был произведен исследователем еще в мае, в конце учебного года. Исходя из своей концепции перевоплощения педагога в ребенка, Я. заключил, что ничто не дает столь надежного ключа к пониманию души ребенка или подростка, как повторение педагогом тех невинных шалостей и веселых затей, которые свойственны непосредственному и жизнеутверждающему мироощущению этого возраста. Однажды, собираясь после окончания уроков покинуть здание гимназии, Я. обнаружил, что его калоши прибиты гвоздями к полу. Эта довольно обычная, хотя и дерзкая, проделка школьной детворы, во всяком другом способная вызвать лишь раздражение, натолкнула вдумчивого наблюдателя на оригинальный эксперимент. На другой день, запасшись молотком и гвоздями, Я. с замирающим сердцем занял пост в темном углу учительского гардероба, ожидая подходящего мгновения. Когда все преподаватели разошлись по классам, экспериментатор с чисто отроческим проворством не замедлил прибить к полу четыре пары калош. Но стук молотка привлек внимание гимназического служителя; Я. пришлось

пренебречь последнею парой резиновой обуви, так и не получившей повреждений, и, спрятавшись в ретиреде, наблюдать оттуда сквозь щелку за растерянностью отставного унтер-офицера, тщетно пытавшегося обнаружить нарушителя порядка.

С мужественной откровенностью рассказывает наш исследователь о том, как гимназическое начальство заподозрило в недопустимой шалости одного из гимназистов III класса, который и понес наказание вместо истинного виновника. К сожалению, нет такой отрасли науки, которая в своем развитии не требовала бы некоторых жертв... разница — только в количестве! К тому же эту трагическую коллизию — вынужденное лицемерие того, как за твой поступок страдает невинный, — тоже следовало испытать и лично пережить всякому, кто стремился понять до дна детскую душу.

Окончание учебного года заставило Я. перенести свои опыты из стен гимназического здания в жизненную сферу трубочевских обывателей. Объектами послужили на первых порах хозяева скромной квартирki исследователя — престарелый о. Нектарий — священник церкви Сорока мучеников, известный своей строгостью и благочестием, и его супруга. Оба сына досточтимой четы проходили в это время курс в Орловской семинарии, и тихий домик на Ильинской улице давно уже отвык от шума детских игр. Это обстоятельство особенно ободрило исследователя, т.к. здесь, за неимением несовершеннолетних, уже никто не мог поплатиться за его предприимчивость, а тайну экспериментов можно было уберечь от преждевременных разоблачений.

Супруга о. Нектария имела привычку посвящать каждый пятый день недели, и особенно вечер, изготовлению особого рода пончиков и других изделий питательного свойства, долженствующих скрасить в субботу и воскресенье домашний стол служителя церкви. О. Нектарий в таких случаях отходил на покой, не дожидаясь матушки, а последняя довершала уединенно и, так сказать, келейно дневной труд в своей маленькой кухне. Кухня эта сообщалась с жилыми комнатами узким, но довольно длинным коридором, и это-то обстоятельство и навело Я. на идею очередного эксперимента.

В один из таких вечеров, дождавшись, когда легкое похрапывание возвестило, что о. Нектарий уже не может послужить помехой научным изысканиям, Я., сбросив ботинки и ступая на цыпочках, снес из столовой и гостиной все стулья, кресла и даже маленький столик в коридор и бесшумно нагромоздил их друг на друга так, что на протяжении двух саженей — от двери кухни до двери спальни — образовалось заграждение высотой в человеческий рост. Замирая от счастливого предчувствия, свойственного в подобных случаях десятилетнему возрасту, педагог дождался в своей комнате той минуты, когда усталая старушка, давно уже помышлявшая о заслуженном отдыхе, попыталась приоткрыть дверь из кухни в коридор и, встретив препятствие, довольно долго не могла, по-видимому, сообразить, в чем дело. Но и уразумение происшедшего не облегчило ее положения: опасаясь разбудить строгого и взыскательного супруга грохотом обрушивающихся стульев и теряясь в то же время в догадках о виновнике странного явления, она целых полчаса пробиралась через баррикады, а потом разносила мебель по местам. Происшествие было столь необъяснимо, что даже наутро старушка не посмела поведать о нем

о. Нектарию из опасения остаться непонятой или даже заподозренной в нелепых шутках, не подобающих ее возрасту.

Следующим объектом опыта явился сам о. Нектарий. Возвратившись уж заполночь от благочинного, где вечер был проведен за преферансом, священник, как всегда, отпер дверь своего домика ключом и, не предчувствуя ничего дурного, шагнул в гостиную, через которую лежал путь в спальню. Но едва успел он сделать по гостиной два-три шага, как нечто тонкое и упругое, хотя и несколько отступившее под его натиском, преградило ему дорогу. В темноте священнику удалось убедиться на ощупь только в том, что это — бечевка или шпагат, протянутый поперек комнаты на аршин от пола. Недоумевая, зачем понадобилось матушке развешивать белье для просушки именно в гостиной, да и к тому же над самым полом, о. Нектарий попытался свернуть вправо, но, к чрезвычайному его раздражению, и там дорогу ему преградила веревка. Он подался влево, наткнулся на невидимую препопу в третий раз, и в ту же секунду силуэт большого фикуса, смутно выделявшийся в отдалении на фоне окна, качнулся — и внезапный грохот, соединенный со звоном разбивающегося цветочного горшка, возвестил о печальной судьбе экзотического растения, слишком хрупкого для наших жизненных условий.

Наставительный и требовательный по своей природе о. Нектарий, однако, редко сердился на свою супругу так, как в этот раз. Когда матушка, поднятая с перин шумом опрокидываемой мебели и голосом владыки дома, вбежала в гостиную со свечою в руке, ей пришлось выслушать суровое обличение в том, что, найдя будто бы для сушки белья столь неподходящее место как гостиная, она даже не озаботилась вовремя снять веревки, чем подвергнула опасности жизнь Богом данного ей мужа. Тщетно божилась бедная старушка, что она здесь ни при чем и что это — проделки домового. Наставник человеческих душ остался непоколебим в своем заблуждении до самой осени, пока ход событий сам собою не привел хозяев домика к пониманию истинных причин загадочных явлений.

Но ограничивать поле своей деятельности пределами этого домика отважный исследователь не намеревался. Сведя знакомство с окрестными мальчишками, в числе которых было и два гимназиста, он проводил каникулы среди детворы, разделяя все ее забавы и все глубже проникая в неисследованные пласты детской психологии. Рыбная ловля, хождение за грибами и ягодами, ловля раков, игра в бабки, купанье в речке — все было испробовано и изучено, и Я. чувствовал, как молодеет его дух, как бы возвращаясь к девственной поре своего существования. Дети, сначала никакого удовольствия от проникновения взрослого, да и к тому же учителя, в их жизнь не испытывавшие, постепенно прониклись к Я. доверием. Он убедился, что ничто в такой мере не способствует крепкой спайке и установлению дружеских привязанностей, как совместные шалости с их круговою порукой.

Известно, что мальчик, для которого не таилось бы острых наслаждений в набегах на чужие сады за зелеными яблоками, — лицо абстрактное, мифическое, выдуманное морализирующими наставниками, ничего не понимающими в детской душе. Разумеется, и в Трубчевске набеги эти совершались постоянно, но Я. все-таки не решался принять в них участие из опасения, что

кто-нибудь из малолетних может разоблачить тайну. Но потребность изведать и это детское переживание была столь велика, что наш исследователь решил предпринять набег на яблоки в одиночестве. В безлунную ночь прокрался он к забору, опоясывавшему плодовый сад купца Гамова, и, царапаясь о гвозди, которыми был утыкан конек забора, кое-как перевалился в сад. Эксперимент удался как нельзя лучше: все переживания, которые так страстно хотелось испытать отважному мыслителю, были испытаны — и не шутя, а всерьез: он крался по росистой траве среди яблонь, он карабкался на деревья, он настораживался от шума трясомых веток и падающих яблок, он замирал от поднявшегося во дворе лая и топота бегущих ног, он срывался с дерева и опрометью бежал к забору, чуть не выкалывая себе глаза встречными ветками, он ухватывался за верхнее прясло и судорожно подтягивал туловище, он уже перекидывал на ту сторону одну ногу — и чувствовал, как преследователи ухватываются за другую. С торжеством, с чувством освобождения от величайшей опасности он пережил то мгновение, когда в руках преследователей остался только его левый сапог, и, возбужденно дыша, помчался по улице, в темноте оступаясь с дощатых тротуаров и попадая разутой ногой в лужи. Упоительно прекрасен был и завершающий момент опыта, когда в безопасности, уже в своей комнате, психоиспытатель мог предаться чисто детской веселости, вспоминая пережитое и убеждая себя в прелестном вкусе яблок, таких кислых, что начинали ныть зубы и сводило скулы.

К началу учебного года Я., по свидетельству трубчевских старожилов, изменился так заметно, что это не могло укрыться от взора директора гимназии. Возбужденное, всегда приподнятое настроение, безразличное отношение к своему костюму, загадочная улыбка, постоянно блуждавшая на его устах, неожиданный и беспричинный хохот — все это заставило директора гимназии повнимательнее присмотреться к педагогу, дозволявшему, как это казалось другим учителям, «что-то слишком уж фамильярное отношение к себе» со стороны гимназистов. Однако то, что могло показаться со стороны фамильярностью, в действительности было новым типом отношений: активное вживание в детскую психику и практика сознательного инфантилизма привели к исчезновению всех естественных границ между воспитателем и воспитуемым, в то же время сделав Я. в глазах подрастающего поколения высшим авторитетом по части всевозможных затей.

В нашей художественной литературе не раз отмечалось уже, что романтическая мечта о бегстве в Америку, издавна знакомая русским школьникам, в конце прошлого века приобрела особую остроту. Естественно поэтому, что вскоре Я. обнаружил существование проекта такого рода среди своих учеников и не замедлил придать ему ту художественную законченность, которая отмечает все начинания нашего исследователя. Во всяком случае, без участия взрослого человека вряд ли удалось бы юным конквистадорам убежать дальше ближайшей железнодорожной станции. Следовательно, тот факт, что обнаружение и поимка беглецов состоялись только уже на Берлинском вокзале в Варшаве, неоспоримо доказывает вдохновляющую роль и творческое воздействие Я. Так или иначе, 35-летний мыслитель и два гимназиста IV класса после четырехдневного преследования были задержаны и доставлены

в г. Орел. Это прискорбное сообщение, заставившее Я. немедленно подать в отставку, совпало с выходом в свет издания орловского книжного магазина Волкова знаменитого исследования «Стань ребенком», где с обезоруживающей искренностью изложены не только заветные идеи автора, но и открытая им методика, опирающаяся на ряд подробно описанных экспериментов, лишь малая доля которых была упомянута нами здесь.

Невозможно освободиться от чувства горечи и, мы бы сказали, некоторой неловкости за педагогику 90-х гг., за ее косность и страх перед всем новым и свежим, когда знакомишься с теми откликами на этот труд, полными рутинерского негодования, глубокого непонимания и даже глумления, которые не замедлили появиться в общей и специальной печати не только в Орле, но и в Петербурге. На этом фоне позиция известного педагога-теоретика Щукина, занимавшего в то время пост попечителя учебного округа (именно от него зависела дальнейшая судьба Я. как педагога), кажется сравнительно гуманной и, во всяком случае, честной. Ознакомившись со всеми обстоятельствами дела, Щукин категорически отверг версию об умопомешательстве Я., равно как и оскорбительное подозрение в злонамеренно-хулиганском характере его опытов. Опубликованная в «Журнале Министерства народного просвещения» статья Щукина радуется той принципиальной высотой, до которой смог подняться в этом случае непримиримый противник теории сознательно-инфантилизма.

Невозможность продолжать педагогическую деятельность в условиях царской России заставила Я. подумать о приложении своих сил и об осуществлении своих заветных идей вне отвергнутого его отечества. Опасаясь, что в любой другой цивилизованной стране он может встретить столь же глубокое непонимание, Я. остановил свой взор на одной из стран, с древних времен пребывающих в состоянии неомраченной инфантильности, где дети народа, не искалеченного европейской цивилизацией, с распростертыми объятиями встретили бы автора учения «Стань ребенком»: на Абиссинии. Как раз в эти годы отбытие русской миссии к Менелику II, научные экспедиции д-ра Елисева, Булатовича, Артамонова, укрепление связей между русской и абиссинской церквями повысили интерес русской общественности к далекой империи «черных христиан».

Надежда Я. на Менелика, преобразователя своей страны, вполне оправдалась: обласканный императором, русский мыслитель получил возможность устроить школу в недавно присоединенном к Абиссинии городе Харраре, где училище, основанное на принципах русского (т.е., как казалось негусу, христианского) воспитания, должно было служить противовесом влиянию магометан, издавна обитавших в этом городе. Незнание абиссинского языка вполне возмещалось изобретенным Я. специально для этого случая языком жестов.

К сожалению, почти единственным источником, позволяющим нам составить представление о жизни Я. в Харраре, остаются его письма в родной Арзамас брату Порфирию Лукичу — письма все более редкие, более лаконичные и наконец после одного сообщения колоссальной важности прекратив-

шиеся вовсе. Очевидно, своеобразие жизненных условий, в которых оказался русский педагог, еще усугублялось им по собственной воле.

В короткое время он сделался в буквальном смысле слова кумиром воспитанников, ибо основная мера его воспитательного воздействия, развивавшая в учениках смелость, отвагу, волю, предприимчивость и веселый, легкий характер, заключалась во всевозможных проказах, проводимых группой мальчиков сообща с педагогом. К сожалению, местные землевладельцы и духовенство не сумели в должной мере оценить этот передовой метод. Из одного глухого замечания Я. можно заключить даже, что он сделался объектом покушения, к счастью — неудачного. Остается не вполне ясным, как именно был организован этот возмутительный акт варварства; во всяком случае, во время скачки Я. со своими учениками на жирафах животное, несшее на себе воспитателя, было вероломно загнано с открытой местности под древесную сень; не умея остановить невзнузданное животное, Я. запутался растрепанной шевелюрой в древесных ветвях и, сорванный с жирафа, повис, подобно библейскому Авессалому, на аршин от земли.

Неизвестно, чем окончилась бы для Я. эта фанатическая вражда, которую он возбудил к себе со стороны реакционных кругов абиссинского общества, если бы новый перелом в его жизни не расторг его связей не только с абиссинским, но и со всяким человеческим обществом вообще.

«Поделюсь с тобой, любезный Порфиша, — пишет он брату в своем последнем письме, — ослепительными перспективами, передо мною открывшимися. Язык жестов, об усовершенствовании мною которого ты уже знаешь, оказывается ключом к целому миру открытий. Это тот самый язык, отсутствие которого мешало нам до сих пор перебросить мост через пропасть, отделяющую человека от высших животных. Я убедился, что обезьяны понимают меня порою не хуже, чем абиссинская детвора.

Будь что будет, но в интересах гуманнейшей из наук — педагогики я решил отныне посвятить себя просвещению при помощи этого языка несчастного отверженного племени, вся вина которого состоит в обладании хвостом».

В итальянском католическом журнале «Fides Apostolica» за 1907 г. нам удалось обнаружить интереснейший документ, проливающий свет на роковую минуту в биографии Я. — минуту его исчезновения из человеческого общества. Документ этот — воспоминания настоятеля католической церкви в Харраре Бонифацио Кончины о его деятельности в Абиссинии. Страницу этих воспоминаний, относящуюся к Я., приводим полностью.

«С некоторого времени все, кому было доверено духовное руководство населением г. Харрара, были обеспокоены появлением некоего русского по имени Черкино (Serhino). Этот авантюрист или, как думали некоторые, помешанный имел, по-видимому, на своей стороне связи в правительственных сферах, ибо ничем иным невозможно объяснить покровительство, которое оказывал ему император Менелик. Черкино основал в Харраре некое подобие, вернее, странную карикатуру училища, общаясь с воспитанниками путем жестикюляций. Вместо передачи абиссинским детям полезных знаний этот самозванный педагог занимался только тем, что выдумывал и вместе с воспитанниками совершал дикие непростительные выходки. Особенно пострадали от его

бесчинств следующие лица: армянский негодник Мирзоянц, которого этой компании удалось испугать, инсценировав появление льва, вследствие чего негодник, спасавшийся бегством, вывихнул себе ногу; священник-ортодокс Дебра Либанос, которого хулиганы довели до обморока, мороча его привидениями; мулла Хассан-Керим, поставленный ими в положение, о котором стыдливость заставляет умолчать, и многие другие. Жалобы императору и митрополиту в Энтото, равно как и вмешательство раса Заиту, ни к чему не приводили. Наконец, к счастью для Харрара, в мозгу этого русского мелькнула светлая идея, и он уразумел, что общество обезьян подходит ему гораздо больше. Так как обезьяны в изобилии водятся в окрестных лесах и являются свирепыми истребителями фруктов, то владельцы садов в Харраре обращаются с этими животными без излишней нежности. Черкино взял животных под свою защиту, и много раз его видели с группами обезьян, обменивающегося с ними недвусмысленной жестикующей, способной погрузить в печальные размышления всякого христианина. Наконец автор этих строк вместе с другими жителями оказался непосредственным свидетелем странной и возмутительной сцены.

Однажды в лунный вечер подле городских ворот обезьяны подняли ужасный шум. Выйдя из ворот, я увидел, что шум этот, как и вообще всякий беспорядок в Харраре, вызван все тем же Черкино: залитый лунным светом, он носился по лужайке с обезьянами в экстатическом танце. Приблизившись к опушке леса, несчастный обернулся к городским воротам и, видя нескольких человек, с нескрываемым осуждением наблюдавших его действия, стал совершать нечто вроде реверансов и особых движений руками, имевших, несомненно, смысл прощального приветствия. Затем, подхваченный с обеих сторон обезьянами, он устремился к деревьям и, с поразительной ловкостью вскарабкавшись по сучьям, исчез в листве. По ликующим крикам стаи можно было заключить о том, как она удалялась со своим новым товарищем в направлении девственных тропических лесов Шоа. Никаких известий о дальнейшей судьбе этого русского население Харрара не дождалось».

ПРИЛОЖЕНИЕ

А.А. Андреева
РОМАН «СТРАННИКИ НОЧИ»

Название романа, над которым Д.Л. Андреев работал с 1937 года, преврал работу на время войны и заканчивал его в 1947 году, значит следующее: мы, русские люди, странствуем через ночь, простершуюся над Россией.

Действие происходит с вечера до утра на протяжении нескольких ночей, очень наполненных событиями, происходящими одновременно в разных местах.

Роман был уничтожен «органами» после приговора. В Русском архиве университета города Лидса (Великобритания) хранятся тюремные черновики Даниила Андреева, среди которых есть первая глава, восстановленная автором по памяти в тюрьме, и еще три очень маленьких отрывка. Ниже публикуются эти фрагменты, пояснения к ним и изложение сюжета романа. Текст, принадлежащий Д.Л. Андрееву, выделен курсивом.

I. ВЕЛИКАЯ ТУМАННОСТЬ

В третьем часу ночи над куполом обсерватории разошлись наконец облака.

В расширяющейся пустоте звезды засверкали пронзительно, по-зимнему. Город давно опустел. Все казалось чистым: массы нового воздуха — вольного, холодного, неудержимого, как будто хлынувшего из мировых пространств, развеяли земные испарения. Фонари над белыми мостовыми горели, как в черном хрустале.

В черной двубортной наглухо застегнутой шубе с котиковым воротником поверх наглухо застегнутого черного пиджака, но с непокрытой головой, молодой профессор Адриан Владимирович Горбов прошел из дежурного кабинета в круглый зал обсерватории той же размеренной поступью, что и всегда.

Мороз, крепчавший снаружи, царил и здесь, в зале, а полумрак сгущался под куполом почти до полной тьмы. Едва можно было различить ребра меридиональных делений и галерею, опоясывавшую зал, как хоры храма. На никеле приборов, на полированной фанере обшивок лежали разъединенные круги света от нескольких затененных абажурами ламп. Различался пульт управления, циферблат кварцевых часов, точнейших в Советском Союзе, да в стороне — два стола, загроможденные атласами, диапозитивами и звездными

каталогами. Молоденький ассистент в сдвинутой на затылок меховой шапке предупредительно поспешил Адриану Владимировичу навстречу; в рабочие часы профессор всегда был лаконичен и сух, и ассистенту хотелось движением навстречу, вежливым, но свободным от заискивания, выразить свою готовность и уважение.

— Небо ясно, — деловито указал профессор Горбов. — Мне нужна Дельта Возничего — W—P—3122—.

И он поднялся по железной лесенке рефрактора. Дружеским, почти ласковым движением скользнула обернутая перчаткой рука по полированному металлу телескопа. И, взглянув вверх, профессор успел заметить в узкой секторообразной щели, из-за жерла направленного в нее рефлектора, две звезды четвертой или пятой величины, судя по направлению — в созвездии Северной Короны. В ту же секунду огромное сооружение дрогнуло, звезды Короны скрылись. На смену им последовательно стали показываться звезды другие, и купол, вместе с рефрактором, с лестницей, с креслом, плавно двинулся на шарнирах с запада на восток. Вокруг смещались приборы, перила, опоясывающие зал галереи, мебель; светлые круги от ламп мерно двинулись вперед, как светлые галактики темной и пустой вселенной. Долгота была найдена. Теперь жерло трубы медленно поднималось вверх, словно прицеливающееся орудие. Выше, выше... И, направленное почти в зенит, жерло наконец остановилось.

С измерительным инструментом подле себя, с записной книжкой на коленях, доктор астрономических наук погрузился в вычисление координат Дельты Возничего.

Впервые он установил их полгода назад на другом конце земной орбиты. И если бы теперь погода еще несколько дней постояла бы пасмурная, — момент был бы упущен и пришлось бы ждать еще целый год, чтобы установить элементы параллакса.

Гудение продолжалось, но тихое, чуть-чуть свистящее. Это безостановочно работал механизм трубы, чтобы она неотступно следовала за избранной звездой в пути по небу. Казалось, связь рефрактора с Землей порвалась, когда луч звезды упал в его окуляр и заставил плыть за собой с непреодолимой силой. В столице социалистической державы, в городе с четырьмя миллионами человек только один вращался сейчас вместе с небесным сводом. Тонкий луч Дельты Возничего падал ему в глаза и точно звенел и креп с каждой минутой. Как будто магическая проволока, для которой любые пространства ничто, — соединила концы мира. Концы мира, альфу и омегу, звезду и человека; и нечто, отдаленно напоминающее беседу, возникало между ними. И в то время как рассудок, вытравленный на громадах пространства, четкий, как тканье часов, отсчитывал микроны и радианы, «пи» и секунды угла — что-то иное в его существовании, более тонкое и более хрупкое, все глубже вникало в луч звезды с «нрзб» ощущением, похожим на «нрзб». Медленное раскачивание по лучу взад и вперед то уносило его во внешний, ледяной холод, то возвращало под купол, в сосредоточенную темноту, похожую на сумрак собора, где стихло богослужение. Каждый размах по лучу был больше предыдущего; и наконец от амплитуды этого качания дрогнуло сердце, оно

оперлось, как на каркас из нержавеющей стали, на прочный, надежный брус рассудка; наблюдение подходило к концу; Адриан Владимирович оторвался от окуляра и обвел отсутствующим взглядом мглу обсерватории.

— Довольно, благодарю вас, — проговорил он небрежно, стараясь взглядеться, чтобы восстановить правильный фокус взгляда, в молчаливый силуэт у пульта управления. — Остановите пока.

Гудение стихло. Только часы продолжали отсчитывать мерные капли потока времени. Профессор занес в записную книжку полученный результат. Его задание на сегодняшний день было хоть и срочно, но невелико, и он его выполнил. Но теперь его тянуло полюбоваться, пока еще нет облаков, на один небесный объект, когда-то изучавшийся им в Симферополе и здесь, — на великолепную, прославленную мировой астрономией большую туманность Андромеды. Уже сама ее прославленность ослабляла к этому объекту чисто научный интерес. Кроме того, от работы над внегалактическими туманностями профессор отказался уже давно, как от явно бессмысленной в данных условиях: астрономический инструментарий в Советском Союзе был слишком слаб, теоретическая же обобщающая работа на основе зарубежного материала — ничемна: ее результаты не могут быть опубликованы. Уже третий год, как профессор Горбов обрек себя на измерение звездных параллаксов. Но внегалактические туманности он все еще помнил, — помнил, как свою первую любовь, и время от времени позволял себе удовольствие бездумно созерцать великолепнейшую из них в переворачивающем зеркале рефрактора.

Но когда ассистент, удивленный долгой паузой, взгляделся в профессора, Адриан Владимирович сидел все там же, облокотившись о поручень и прикрыв глаза рукой. Его пышные каштановые волосы, несколько длинные, сливались с полумраком, и только бледное пятно изящной руки да странный лоб с надбровными дугами, плавно выдающимся вперед, удалось разглядеть ассистенту. В ту же минуту профессор отнял руку: на ассистента устремились издали холодные серые глаза.

— Теперь прошу вас Мзг. Координаты установите сами. — Под шифром Мзг значилась большая туманность Андромеды. И то, что эту жемчужину неба называть по имени было не принято; то, что ее прятали под сухой связкой условных цифр, профессору нравилось.

С тех пор как он увидел впервые Мзг, прошло уже много лет. Теперь он отлично знал ее размеры, масштабы, расстояние в световых годах, ее массу, яркость, плотность. Раньше, чем американец Хэбл доказал, что эта туманность есть, подобно Млечному Пути, другая вселенная, он это предчувствовал, он это знал. И все же каждый раз, как перед ним «нрзб» открывалась сама, этот иной мир — он вздрагивал от ощущения, столь «нрзб», что даже все пытающийся ум его не смел подойти к этому чувству с ловчей сетью своих аналитических схем. Это не было волнением ученого, когда открывающаяся перед ним даль неисследованного побуждает к новым и новым исканиям, к властной вере в научное познание бытия. Уже много лет центр его жизни лежал совсем в другом, и наука уподобилась для него вратам, через которые

он вышел бы в область еще более головокружительных и дерзких, еще более парадоксальных идей.

Время проскакивало через хронометр ровными толчками, одинаковыми, как кванты. Ассистент искал координаты туманности на этот день и час в переплетенных таблицах, похожих на увесистые конторские книги... Адриан Владимирович опять прикрыл глаза рукой. Ему чудилось угрюмое море, свинцовое и бурное, и Андромеда, прикованная к утесу, обреченная чудовищу как в возмездие за родительский грех. Андромеда, ожидающая Персея — освободителя, героя и жениха. Древняя сказка давно наполнялась для него новым смыслом; ему казалось, что она растет в его сердце в его сознании, даже, может быть, в его крови...

Вдруг мощный рокочущий гул заглушил счет времени; или — само время, больше уже ни на что не делимое?.. Это рокотали колеса медленно вращавшегося купола и трубы. И в гуле этого кругооборота слышалось явственное подобие вращению далеких миров по своим неизмеримым орбитам, вращению звездных скоплений, вращению планет — вращению всей галактики с ее крошечными оазисами огней и черными, как уголь, пустотами. Это вращались светила Ориона — красные, как Беллатрикс и Бетельгейзе, трехзвездный пояс посредине, Ригель и Санор внизу. Вращались размытые, темные облака материи, озывшей <нрзб>. Вращались белые карлики — больные звезды, где материя так уплотнена, что вместо атомов голые оципаные ядра стискиваются в триллионы тонн. Вращались пульсирующие цефеиды, то сжимаясь, точно в судорогах боли, вспыхивая таким пламенем, в котором само Солнце потонуло бы, как слабая свеча. Вращались электроны, сшибаясь друг с другом, выбивая друг друга из орбит и в смертной боли невообразимо крошечных катастроф превращаясь в энергию. И, не отнимая руки от глаз, с губами, побелевшими от боли, он чувствовал, как Ось мировой материи сжимается в единый глухой стон — более бессмысленный, чем мычание животных, более невыносимый, чем плач ребенка.

Это стонала Андромеда, прикованная к утесу, терзаемая <нрзб> множественности волю.

Вдруг гул вращения затих, перейдя опять в тихое, колдующее посвистывание, и тогда, отняв руку от бескровного лица, он опять приник к окуляру.

На черном бархате метагалактических пространств наискось, по диагонали, точно сверхъестественная птица, наклонившая в своем полете правое крыло и опустившая левое, перед ним сияло чудо мироздания — спиральная туманность Мз1. Золотистая, как солнце, но не ослепляющая, огромная, как Млечный Путь, но сразу охватываемая взором, она поражала воображение именно явственностью того, что это другая, бесконечно удаленная вселенная. Можно было различить множество звезд, едва проявляющихся в ее крайних, голубоватых спиралях; и сам туман, сгущаясь в центре ее, как овеянный светом, как царственное средоточие. И чудилась гармония этих вращающихся вокруг нее колец, и казалось, будто улавливаешь ликующий хор их рождения и становления. Но все было тихо, лишь слабо пульсировал

<нрзб>, и казалось, что видишь <нрзб> преобразенных миров, совершающуюся в безграничной дали, но и для Земли предопределенных.

А еще дальше, на крайних пределах пространства, которых достигал взор, едва различались слабо светящиеся пары, точно медузы, застывшие в черной, как тушь, воде: еще тысячи других галактик, уносящихся прочь от системы Млечного Пути со всевозрастающими скоростями. Скоростями, приближающимися к скорости света, предельной величине, за которой материя как таковая не может существовать.

И если прав Хэбл и скорости растут по мере удаления, то эти туманности, еще видимые сейчас, в действительности не существуют: они перешли за скорость света, они выпали за горизонт трехмерного мира и продолжают свое становление по шкале недоступных нашему сознанию координат.

Минута за минутой вглядывались глаза в Великую туманность, и рассудок, когда-то изучивший действующие на ней законы — те же законы, что и на Земле, — теперь молчал глубоко внизу: он не смел мешать созерцанию <символа>.

Когда профессор сказал «довольно» еще раз, и гудение утихло, и он не спеша спустился по винтовой лестнице, — движения его были размеренны, как всегда, но лицо могло показаться асимметричным. Быть может, от складок около губ, еще хранивших боль щемящего сострадания, или от неподвижной и как бы двойственной мысли, светившейся на дне холодных серых глаз. И когда он пошел своей четкой поступью мимо редких затененных ламп — с каждым шагом окаменевали его черты, будто быстро замыкались одна за другой плотные металлические двери. И когда ассистент, отступив с дороги, пожелал профессору спокойной ночи — Адриан Владимирович приостановился и, внимательно взглянув на невысокий лоб молодого человека, пожал ему руку. Пожатие было крепким, но как бы механическим, рука же профессора — ледяной.

Во второй главе романа археолог Саша Горбов, возвращаясь из экспедиции, из города Трубчевска, попадает в крупное железнодорожное крушение. Оно происходит тоже ночью и описано совершенно безжалостно реалистично.

Противопоставление двух первых глав романа, страшной реальности, ярче всего выраженной в этой катастрофе с человеческими жертвами, и устремленности души и ума в Космос, к основным идеям и образам мироздания, сразу определяют замысел и пафос произведения.

Роман был посвящен жизни и сложным, подчас мучительным и неральным духовным исканиям московской интеллигенции. Дело происходит в 1937 году. Фоном романа служит Москва, столь любимая автором и так глубоко и тонко им чувствуемая. Она была написана очень реалистично, даже с бытовой точностью.

В центре романа стоит семья Горбовых — «старики», мать и отец, и трое их сыновей. Дом Горбовых — это, конечно, дом Добровых, в котором вырос и жил Даниил. Старшие Горбовы не имеют своих сюжетных линий,

и они и вся атмосфера теплого и приветливого дома Горбовых — Добровых составляют часть фона, на котором разворачивается повествование.

Старший из братьев, Адриан, появляющийся в романе первым, имел своим «внешним» прототипом мужа дочери доктора Доброва, Шуры, Александра Викторовича Коваленского. Подчеркиваю: лишь внешность и психологический тип был взят у Коваленского. Это был человек незаурядный, но никакой идеей смерти и воскресения, о чем речь пойдет ниже, он не был захвачен. Хотя в его произведениях, погибших на Лубянке, мучительная тема Добра и Зла занимала значительное место, а сам он, по складу своей личности, был, конечно, мистиком.

Два других брата — Олег и Саша — проекции разных сторон личности автора. В его письмах ко мне в лагерь из тюрьмы встречаются фразы «книга Олега», «стихи Олега» — это зашифровка сообщений о собственных стихах. Кстати, герои погибшего романа в его письмах называются «старые друзья».

Даниил Леонидович не любил свою внешность и обоих этих героев сделал русыми и сероглазыми. Олег, художник-шрифтовик и поэт, наиболее близок к прототипу — на этот раз не «внешнему», а «внутреннему»; Саша же отчасти мечта автора, любившего не «книжных», светлоглазых и смелых людей.

Сам же дом был перенесен автором из Малого Левшинского в Чистый переулок. Там, тоже в маленьком доме, жили близкие друзья Добровых — Муравьевы. В двадцатые годы семья разделилась: Николай Константинович Муравьев, крупный юрист¹, с младшей дочерью, Татьяной, остались в Москве. Жена его, Екатерина Ивановна, со старшей дочерью, Ириной, эмигрировали во Францию. Муж Ирины Николаевны, Александр Александрович Угримов, был одним из организаторов движения Сопротивления во время Второй мировой войны. Жена, конечно, была его помощницей. После конца войны А.А. Угримова выслали из Франции в Советский Союз; жена, маленькая дочь и теща последовали за ним добровольно. Здесь И.Н. и А.А. Угримовых арестовали по нашему делу, к которому они не имели ни малейшего отношения, Е.И. Муравьеву сослали в Сибирь. Татьяну Николаевну, никуда не уезжавшую, тоже арестовали, и столь же безосновательно. Николай Константинович умер в 1937 году. По-видимому, смерть спасла его от ареста: когда Даниил читал Евангелие над гробом умершего, пришли с ордером на обыск. Гроб стоял на письменном столе, и производящие обыск прямо из-под него выдвигали ящики с бумагами покойного.

Деятельно помогавший спасению оставшихся в живых после крушения, Саша Горбов наконец добирается до дома.

¹ Ему был предложен пост министра юстиции во Временном правительстве, но он отказался. Был председателем Комиссии по расследованию преступлений и правонарушений, совершенных членами царского дома, их окружением и правительством, которых комиссия не обнаружила. (Здесь и далее подстрочные примечания А.А. Андреевой.)

Несколько месяцев блаженной экспедиционной жизни на берегах Десны и Неруссы, в полной оторванности от действительности, остались позади. Надо не забывать, что радио — в нашем теперешнем понимании — не было, радиофикация населенных пунктов, да и то — тех, что покрупнее, — ограничивалась черной «тарелкой» на столбе, с единственной программой. Выехать из города значило ничего не знать о происходившем в стране.

Явившегося прямо из лесу Сашу поражает странная атмосфера, царящая в доме. На его естественные жадные расспросы сначала следуют молчание и полуответы. Потом мать, оставшись вдвоем с сыном, коротко и без слез перечисляет друзей дома, арестованных и сгинувших без следа вместе с семьями. Список велик, а глава эта называлась «Мартиролог».

1937 год — год многих «политических процессов», в том числе большого процесса юристов. У Добровых было много друзей в этом кругу (один из братьев Ф.А. Доброва был юристом), и имена, произнесенные матерью, были именами реальных близких друзей, погибших в этом году.

Еще одна новость ждет Сашу в Москве. Должна состояться свадьба его брата Олега с Ириной Федоровной Глинской.

Еще два очень серьезных действующих лица входят таким образом в сюжет романа.

Брат и сестра Глинские живут в мезонине маленького дома на Якиманке. Кроме них, занимающих две комнаты, в маленькой квартирке живет еще один сосед. (В действительности в этом доме на Якиманке помещался Литературный музей.)

Я не помню профессии Ирины, кажется, переводчица. Ее профессия не играла никакой роли в романе, и суть этого образа совсем в другом.

Брат же ее, Леонид Федорович Глинский, — одна из ключевых фигур. Всю свою любовь к Индии и всю свою погруженность в историю России вложил автор в образ этого кабинетного ученого, индолога, смертельно больного туберкулезом. Вся его тоска по недостижимым путешествиям в дальние южные страны — он не любил холода и севера — вылилась в описание ночи, когда Леонида Федоровича охватывает эта самая тоска из-за полной безнадежности, полной невозможности когда-нибудь увидеть южные моря. И этой же ночью Леонид Федорович молился «своей» молитвой, удивительной красоты и глубины. В этой молитве не было никаких просьб к Богу, а только благодарность и как бы передача в Божьи руки всего мироздания — от стебелька травы до высочайших ангельских чинов. Я знаю, что эту молитву некоторые люди переписывали.

К Индии была любовь, Россией же Даниил Андреев жил. Эта глубочайшая, осознанная им связь и дала свои плоды в книгах, написанных в тюрьме.

С Глинским связана одна из двух основных линий романа. Он собрал вокруг себя группу единомышленников, объединенных неприятием всего, что было навязано стране: коммунизма, социализма, атеизма, ведущих к духовной гибели народа.

В один из вечеров в мансарде на Якиманке собирается вся группа. От присутствия соседа избавляются, купив для него билет в Большой театр.

Саша Горбов присутствует здесь впервые. Роль Ирины Глинской в группе ему непонятна: невеста и вдохновительница Олега? К этому времени ему уже известен замысел, которому должна быть посвящена их жизнь: одновременно с венчанием, которое состоится очень скоро в храме Ивана Воина на Якиманке, оба дадут обет целомудрия. Этот замысел духовного брака вызывает в Саше сложные, противоречивые чувства.

Олег мечтает о времени, когда он духовно дорастет до права писать текст христианской литургии.

Архитектор Женя Моргенштерн работает над проектом Храма Солнца Мира на Воробьевых горах (там, где возвели новое здание университета). Этот проект он и принес. На столе разворачивается большой лист ватмана с рисунком удивительного белого храма, увенчанного куполом и крестом, окруженного оградой, состоящей из огромных звучащих лир. Со всех сторон к нему ведут широкие белые лестницы.

Долго, молча смотрят на этот символ Единения и Света и потом также молча, один за другим, кладут на него руки все — горсточка обреченных мечтателей.

Василий Михеевич Бутягин, пожилой библиотекарь, историк; насколько я могу вспомнить, его доклад был посвящен русской истории и русской современности в конкретном ее выражении.

Алексей Юрьевич Серпуховской — экономист. Едкий, полный сарказма, офицерски элегантный и подтянутый, обладающий ясным и точным умом, он в своем докладе производит полный разгром советской экономики и излагает экономические основы жизни общества, которое должно быть построено в будущей свободной России.

Смысл создания группы и смысл ее деятельности заключен в полной уверенности этих людей и их руководителя, что ночь над Россией неминуемо кончится рассветом, а рассвет этот обнаружит крайнюю степень духовного голода народа, и те, кто это понимает, должны быть готовы этот голод начать удовлетворять.

Леонид Федорович излагает свою теорию чередования эпох в истории России.

В тюремных черновиках Д. Андреева сохранился маленький, очень интересный отрывок. Я не помню, к какой главе романа он относится; привожу его здесь.

...Репродукция¹ была великолепная, судя по подписи — английская, сделанная, видимо, в девяностых годах, когда гениальное произведение еще сияло всеми своими красками, всей своей страшной, нечеловеческой красотой. Казалось, на далеких горных вершинах еще не погасли лиловые отблески первозданного дня; быстро меркли его лучи на исполинских поломанных крыльях поверженного, — и это были не крылья, но целые созвездья и млечные пути,

_____ 1. Речь идет о «Поверженном Демоне» М.А. Врубеля.

увлеченные Восставшим вслед за собой в час своего падения. Но самой глубокой чертой произведения было выражение взора, устремленного снизу, с пепельно-серого лица — вверх: нельзя было понять, как художнику удалось — не только запечатлеть, но только хотя бы вообразить такое выражение. Невыразимая ни на каком языке скорбь, боль абсолютного одиночества, ненависть, обида, упрек и тайная страстная любовь к Тому, Кто его низверг, — и непримиримое «нет!», не смолкающее никогда и нигде и отнимающее у Победителя смысл победы.

— Видите? — промолвил Леонид Федорович после долгого молчания. — Это — икона, но икона Люцифера.

Суть теории Глинского, докладываемой им единомышленникам, заключается в чередовании красных и синих эпох в истории России, им наблюденном. Цвета — красный и синий — взяты условно, но понятно, что они отображают: красная эпоха — главенство материальных ценностей; синяя — духовных. Каждая историческая эпоха двуслойна: главенствует окраска стремления властвующей части общества, и всегда в эпохе присутствует «подполье» противоположного цвета. Позже, созрев и накопив силы, это подполье становится главенствующей, связанной с властью окраской следующей эпохи, а в подполье уходят силы и течения, прежде бывшие наверху.

С течением исторического времени смена эпох убыстряется, а цвет их становится ярче. В глубинах истории любое материальное стремление не теряло духовного отсвета, а любая духовность не разрывала связи с землей. Имеется в виду государственная структура, а не аскетический подвиг, это — явление другого порядка. Хотя очень часто этот аскетический, как бы оторванный от земли подвиг предпринимался не для личного спасения, а для спасения мира.

Древние эпохи можно назвать лиловыми — то синее, то краснее. Чем ближе к нашему времени, тем цвет определеннее.

В свете этой теории рассматривается, например, накопление «красных» сил декабристов в конце царствования Александра Благословенного с его синей окраской. А также — соотношение запутанно-мистических метаний начала двадцатого века с приходящими к власти уже вопиюще-красными силами, воплотившимися в победе большевизма. Перейдя к анализу бушующей за окнами эпохи, не просто красной, а все силы бросившей на уничтожение всякой светлой духовности, Леонид Федорович заканчивает свой доклад короткой фразой: «Синее подполье — мы и подобные нам».

Участники встречи расходятся по домам — раньше, чем сосед вернется из театра.

Пешком через ночную Москву идет Алексей Юрьевич Серпуховской. Я не помню, где он жил, но путь его проходил мимо Лубянки. Город был темным, с редкими освещенными окнами в жилых домах, но страшный дом на Лубянке светил всеми своими окнами, как всевидящими глазами, — это шли ночные допросы в следовательских кабинетах.

Никто из мечтателей в мезонине на Якиманке не подозревает о том, кто в действительности Серпуховской. Связанный с иностранной разведкой,

член настоящей антисоветской организации, участник разработки планов террористических актов, ожидающий возможности начать реальные действия, с «синего» вечера он возвращается в ярости. Ненавидя окружающую действительность, он ненавидит и презирает и тех, с кем только что видался, за их наивность и беспомощность, за полную неспособность не только к действиям, но даже к тому, чтобы выработать хоть какой-то план свержения тирании. Таким, полным ненависти и готовности реально действовать, идет он через черный город и в притаившейся, затихшей улице раздается «четкий и смелый стук каблуков».

Серпуховской не имел прототипа в окружении Андреева. Как-то вечером — по-моему, это был 1946 год — мы сидели вдвоем в нашей комнате и говорили о «Странниках». Даниил высказал свою неудовлетворенность чем-то в группе Глинского из-за недопроявленности Серпуховского. Дальше разговор пошел о том, что невозможно, чтобы в наше время кроме советского быдла были одни мечтатели. Должны быть мужчины, должны быть люди действия, они найдут, как действовать. Вот так стал развиваться персонаж романа, который сыграл совсем особую роль во время следствия. Арестованных по нашему делу о Серпуховском допрашивали как о живом человеке: «Где и когда вы познакомились с Алексеем Юрьевичем Серпуховским...»

Удивляться не надо. Не говоря уж об исключительном реалистическом таланте Андреева и о широком использовании им окружающих как «материала», интуиция его подчас была удивительна.

Приблизительно одновременно с нами было арестовано несколько человек, видимо, похожих на «группу Глинского». Женщина, попавшая в одну камеру со мной на Лубянке, не могла (или не хотела) сказать ничего толкового.

А в Мордовском лагере случилась история более сложная и трагичная. В производственной зоне работала (по-моему, механиком) умная, очень тихая женщина из Москвы — Надежда Николаевна. Она не была особо близка к нам, державшимся вместе и с головой ушедшим в самодеятельный театр, — скорее всего, из скромности — но приходила на все спектакли и относилась к нам с искренним теплом, а мы к ней еще и с большим уважением.

На лагпункт привезли заключенную, тоже москвичку, тоже средних лет, веселую, общительную, да еще косвенно связанную по воле с Малым театром. Естественно, что она-то быстро сблизилась с нами и принимала — тоже косвенно — участие в наших спектаклях и концертах.

Я не берусь сочинять сложный психологический процесс, шедший в этой душе. Но спустя довольно большой отрезок времени эта женщина рассказала нескольким из нас — каждой отдельно — следующую историю. Она, дворянка по происхождению (девичья ее фамилия имела приставку «фон», в лагере фамилия была другая), была майором госбезопасности. Ей было поручено участвовать в выявлении антисоветской группы, что она и сделала. Персонально она выследила и «сдала» руководителя этой группы — мужа Надежды Николаевны, с которой теперь оказалась за одним забором (содержания ее «дела» мы не знали). Еще она знала и рассказала нам такую подроб-

ность: после приговора у ее жертвы отнялись ноги, и на расстрел его несли на носилках.

А встречалась эта группа на Якиманке...

Личная жизнь среднего брата, Олега Горбова, сложна. Невеста Ирина Глинская. И совсем иное чувство, простая земная страсть, связывает его с другой женщиной, татаркой, художницей Имар Мустамбековой. Совладать со своей раздвоенностью он не может, и, мечтая о работе над текстами литургии, стремясь к построению своей жизни на самых высоких началах, он любит женщину, которая ничего этого не знает, а если б и знала, ничего бы не поняла.

Наступает последняя ночь перед странной свадьбой на холодном рассвете. Семья, не зная всего, знает главное: все неблагополучно, все колеблется. Две женщины символизируют собой два полюса: возвышенный, но пугающий — венчание с Ириной, и другой, связанный с трагической для Олега изменой своему предназначению, — Имар.

Олег знает, что как символ этого неверного, затягивающего мира в окне высокого этажа большого дома горит пунцовая лампа — знак, что Имар его ждет.

В эту ночь перед свадьбой не спит Ирина в своей комнате на Якиманке, сомневаясь и в себе, и в Олеге, пересматривая и передумывая решение. Не спит мать Олега, предчувствуя несчастье. Не спит Саша, тревожась за брата и не зная, что он должен делать, — и в семье, и в группе Глинского.

Безжалостно анализирующий себя Олег понимает, что не любит Ирину, что все, решенное ими, греховное рассудочное построение, хотя и кажется таким высоким, да и продиктовано искренним стремлением к просветленной жизни. Он вспоминает, как началась их близость: Большой зал консерватории, первое исполнение Пятой симфонии Шостаковича. Дирижирует Мравинский. Их сблизило понимание сути этого гениального произведения, этого бессловесного противостояния окружающей агрессивной тьме. Они были вместе на этом концерте, и теперь Олег понимает, что душевная встреча двух людей во время исполнения музыки и была ими принята за любовь.

Он уходит к Имар.

Саша слышит стук захлопывающейся двери и идет к матери.

— Мама, Олег ушел.

Эта глава называлась «Беда».

Я понимаю, что на фоне современной жизни и современных отношений многое, что я сейчас рассказала, может показаться по меньшей мере трагически преувеличенным. Но другое было время, и другой склад личности дал автор своему герою. Для тех людей и мимолетное увлечение было событием, и душевное состояние — поступком.

Глава, посвященная встрече Олега с Имар — последней встрече, — называлась «В зарослях», начало этой главы тоже записано по памяти в тюремных черновиках.

Он угадал: очевидно, она действительно уже легла, потому что, отворяя ему дверь квартиры на осторожный звонок его, оказалась в памятном для него бухарском халатике, фиолетовом с желтыми разводами. И когда, улыбнувшись ему исподлобья, она протянула ему руку гибким движением, он эту руку, как и всегда, поцеловал.

Угадал он и остальное: комната была уже приготовлена на ночь, лампа под пунцовым абажуром придвинута к изголовью, чистая постель постлана и уже слегка смята, а поверх одеяла брошены две книги: одна — с захлопнутым переплетом — том Маяковского, другая — раскрытая: очередная литературная новинка, «Лже-Нерон» Фейхтвангера.

— Хочешь поужинать?

Нет, он не хотел. Он вообще не хотел никакой суеты, ничего хлопотливого. Как он был доволен, что застал ее вот так: без посторонних, без оформительского хаоса в комнате, без разговоров об общих знакомых, о сельскохозяйственной выставке, о театре.

А она остановилась посреди комнаты, глядя на него исподлобья узкими татарскими глазами. Горячий полумрак сглаживал единым тоном ее смуглую кожу, яркие губы, косы, заложенные вокруг головы, и янтарное ожерелье.

Взглядевшись в него и что-то как бы поняв, она усмехнулась еще раз — и добродушно, и покровительственно вместе, — и прощуршила в глубину комнаты, к туалетному столику. Ступала она мелкими шажками, чтобы не спадали туфельки — изящные, парчовые, без каблучков и без задников.

Он опустился на диван и, в позе отдыха, закурил толстую папиросу.

А она отразилась *en face*, в профиль и еще раз *en face*, осененная огромным букетом мимоз перед трельяжем, и неторопливым движением отколола свои косы, не очень длинные, но цветом напоминавшие черную реку с лунными отблесками.

В одну из встреч Имар предлагает Олегу поехать в Грузию:

— Ты ведь не видал весны в Грузии...

— Я многого не успел повидать, Имар...

Она не понимает трагического смысла этой фразы: пересмотра себя, осуждения и созревания в душе смертного себе приговора.

Последняя сцена, посвященная в романе Олегу, — попытка его самоубийства. Решив повеситься, он уничтожает письма, дневники, все, что может быть связано с кем-либо или открыть очень глубокие и сокровенные стороны его души. Единственное, на что у него не поднимается рука, это тетрадь со стихами. Отложив ее, он влезает на что-то, чтобы приладить петлю к крюку на потолке. Взгляд его падает на комнату, ставшую неузнаваемой, — и на тетрадь. Тогда приходит понимание, что не трусливый уход из жизни нужен, а уничтожение своими руками того, что неверно и греховно в его жизни и что выражено в стихах. Греховно и неверно потому, что поэт, осудив свою жизнь, прежде всего должен осудить свое творчество — самую глубинную и ответственную часть этой жизни.

Плача, как над любимым ребенком, приносимым в жертву, Олег уничтожает тетрадь и остается жить. Не рассказывает он об этом никому. С Имар больше не встречается.

Фабула романа приводит нас к следующему действующему лицу, Венечке Лестовскому, двоюродному брату братьев Горбовых. Как ни странно, именно ему, персонажу отчасти отрицательному, — совсем отрицательных героев в романе нет — автор дал свою внешность, да еще шаржированную. Маленький, худенький, некрасивый (Даниил был высок и красив), жалкий и совершенно нищий. Я не помню, где он работал на скучнейшей работе с ничтожной зарплатой, к этому моменту с работы он уволился, чтобы полностью предаться странному и преступному замыслу. Жил в маленькой голой комнатенке в коммунальной квартире.

Глубокая личная его трагедия заключена в том, что он страстно влюблен в Ирину Глинскую. Конечно, этого никто не знает. Вполне сознавая безнадёжность, да и недопустимость для него этого чувства, он неотступно следит за ней, всегда и везде, где только удастся. В этой слежке, сначала совершенно бесцельной, он натывается на ряд встреч и совпадений и постепенно догадывается о существовании группы людей около Леонида Федоровича и Ирины и о смысле этой группы. Воспаленный мозг обезумевшего от страсти и горя Венечки рождает план. Вызвав к себе домой Ирину, он отчеканивает ультиматум: одна ночь с ним или он сообщает на Лубянку весь состав антисоветской группы. Ирина, полная безразличия и презрения, сохраняет самообладание и требует полного перечисления имен, подлежащих предательству. Просит дать ей короткий срок для размышления.

Станным образом Венечкин в своей слежке пропустил Василия Михеевича Бутягина, и Ирина заметила этот пропуск. Вызвав Бутягина домой, она коротко рассказывает о грозящей опасности и отдает все компрометирующие документы. Бутягин берет все и ухитряется оторваться от замеченного им «хвоста».

Этот «хвост» не имеет никакого отношения к Лестовскому. Поздно. Никаких действий со стороны Венечки не требуется: удар обрушился с другой стороны. Вернувшись с работы, Леонид Федорович сообщает сестре, что он не проголосовал за смертную казнь участникам очередного показательного политического процесса. Результатом этого может быть одно: арест. Он и последовал наступившей ночью.

В те годы ежедневно в центральных газетах печатались подробные протоколы фальсифицированных судебных заседаний. Во всех учреждениях всех сотрудников собирали, закрывали двери и вслух читали эти протоколы. Потом выходил кто-нибудь «из народа», естественно, подготовленный, и взволнованно требовал смертной казни преступникам, обличения и признания которых только что были зачитаны народу. Это предложение ставилось на голосование под внимательными взглядами ведущих собрание. Было известно, что непроголосовавший платит за этот поступок собственной жизнью, и, конечно, таких было очень мало, единицы.

Ночь, в которую была разорвана помолвка Ирины с Олегом, давно прошла. Ириной разрыв был принят с полным пониманием.

Неожиданно в ее жизнь входит Адриан Горбов — ее настоящая любовь. Для него же значение сближения с Ириной значит безмерно много, это — никогда им не познанный свет и тепло женского сердца, непоколебимая верность и понимание.

Когда приходят за Леонидом Федоровичем, Адриан находится у Ирины, и его присутствие помогает ей пережить трагедию с братом. Что брата уводят навеки — сомнений нет, иначе не бывало. То, что при обыске не нашли ничего, обнаруживающего наличие единомышленников Леонида Федоровича, спасает остальных.

Камера. Страшная камера внутренней тюрьмы, переполненная, душная, с «парашей» в углу и с «намордником» на окне. Бесконечные, почти всегда ночные, допросы. Среди собранных в камере совершенно разнородных людей — православный священник и мулла. Они двое и Глинский, без слов понимая друг друга, образуют как бы треугольник защиты: по очереди один из них молча молится о всех, находящихся в камере. Когда его вызывают на допрос или совсем покидают силы, он взглядом передает свою молитвенную стражу другому.

Какое-то время Леонид Федорович пытается вывернуться из предъявляемых ему обвинений, совершенно неопределенных, поскольку дело надо целиком «шить», основываясь пока лишь на факте отказа от голосования за смертную казнь.

Была глава, посвященная очной ставке с одним из сослуживцев Глинского, взятым раньше. Эта глава называлась «Остатки человека», и этим названием все сказано.

Наступает кульминация всей жизни этого героя.

На очередном допросе он бросает всякие увертки и начинает говорить. Не о своей группе, не о людях, — ни одного имени он не называет. Остолбеневшим следователям, без их вопросов, он говорит все, что думает о советской власти, о погубленной России, о чудовище — Сталине, обо всей жуткой, вооруженной машине, против которой он стоит один, больной и безоружный. Говорит все ярче и горячее, постепенно понимая, что вся его жизнь была прожита для этой минуты, для того, чтобы в застенке сказать палачам и убийцам, что они — палачи и убийцы, приспешники Зла.

По условиям советской действительности, эта речь должна была кончиться расстрелом, но для Глинского конец приходит иной: с сильным горловым кровотечением, начавшимся тут же, в кабинете следователя, его уносят в тюремную больницу, где он вскоре умирает.

Не дождавшись Ирины и, кажется, узнав об аресте Глинского, Веня Пестовский мечется по темной пугающей Москве уже с помраченным рассудком. По-видимому, сам не отдает себе отчета, куда, к кому и зачем он бежит. Среди ночи его заносит в коммунальную квартиру на Воздвиженке, где живет со своей матерью Женя Моргенштерн, архитектор, создатель проекта Храма Солнца Мира.

На звонки Вени из всех дверей показываются помертвевшие от страха лица. Жени нет дома. Бессвязный разговор Венямина с матерью Моргенштерна показывает ей, в каком он состоянии, и, проведив ночного гостя, она успокаивает соседей: «Не волнуйтесь, ничего не случилось, просто один Женя знакомый сошел с ума...».

А Женя бродит по улицам с одной мыслью: жить он больше не может. Передуманы все планы побега за границу и признаны для него неосуществимыми. Но жить он не может. Не может ежедневно, ежеминутно лгать. Не может влачить бессмысленную работу. Не может больше выносить толпу — ее запах, ее ругань, серые, застывшие лица, а главное — нестерпимый гнет, раздавливающий душу.

В Москве, в Гнездиновском переулке, и сейчас стоит «дом Нирензея» — в тридцатые годы одно из самых высоких зданий города. Тогда на его плоской крыше помещалось кафе «Крыша». Выход Женя видит один: пойти в кафе, подойти к краю и шагнуть с этого края в смерть, в освобождение. Весь путь, все, что надо сделать, продумано и пережито много раз.

На это он и решается, но поддается искушению в последний раз взглянуть и попрощаться с местом, где прошла жизнь. Квартира, в которой живут они с матерью, расположена на первом этаже. Он идет туда и притрагивается к окну, прощаясь с каждым уголком комнаты. Внимание его привлекает какой-то блик; присматриваясь, он понимает, что поблескивают очки матери, молящейся перед иконой.

Конечно, молится она о сыне, и нет у этого сына права на самоубийство. Нанести такой удар этой матери невозможно.

Поникнув и сгорбившись, он медленно уходит в пустоту ночных улиц, и снова в роман вступает, как одно из действующих лиц, огромная темная ночная Москва.

Дальнейшее действие разворачивается вокруг личности Адриана Горбова. Это вторая линия романа, мистическая, о стремлении к одинокому подвигу, изначально невыполнимому и кощунственному.

В первой главе романа астроном, наблюдающий туманность Андромеды, еще совершенно замкнут. Замкнутость и внешняя холодность вообще основные его черты. Внешняя холодность, под которой скрывается кипящий как лава рассудок, рождающий безумный замысел.

Туманность Андромеды — это космический символ гармоничного мира победившего Добра. Как земное отражение этой гармонии, в одной из последующих глав романа возникает букет черемухи, облако безгрешных цветов, похожих на созвездия. Этот букет стоит в комнате Адриана, с окном, почти упирающимся в стену противоположного дома.

Постепенно раскрывается идея, овладевшая Адрианом: на Земле, как он считает, торжествует Зло, которое не удалось победить Христу. Нестерпимая боль от переживания этой мысли приводит его к совершенно кощунственному замыслу — как бы повторению Христова подвига — добровольная, усилием воли вызванная смерть с последующим воскресением для сотворения совершенного, лишённого Зла, мира.

Когда об этом узнает Ирина Глинская, ее ужасу перед богоборческой его сутью, ее тревоге о душе человека, которого она полюбила, нет предела. Конечно, нет и мысли об уходе от него, что бы ни было — этого любящая женщина не сделает никогда.

В комнате Адриана висит та же репродукция врубелевского «Поверженного Демона», о которой говорил Леонид Федорович. Ирина приходит в дом Горбовых и снимает со стены изображение, чтобы помешать богоборческим силам притекать к их символу.

В безумный замысел Адриана посвящен еще один человек. Климентовский. Тяжелый, плотный, мрачный, с черной бородой — по тем временам редкость. Он — человек «с положением», занимающий какой-то крупный пост в советской системе, ненавидя ее всей душой. Как случилось, что Климентовский оказался посвященным в план Адриана, — не помню, но этот план становится содержанием его жизни.

Климентовский — владелец машины, что в те годы было возможно только для человека очень высокого ранга. Есть у него и загородный дом в близком Подмосковье, в месте с названием Медвежьих Ям.

Туда он и увозит Адриана, для выполнения задуманного, и Ирину. Ирина успевает все рассказать Саше, которого она просит приехать туда же как можно скорее и незаметнее и быть готовым помочь ей спасти Адриана. Как, в чем и когда понадобится его помощь, не знают ни он, ни она.

В Медвежьих Ямах уже живет помешавшийся, притихший Венечка, которому Адриан пытается вернуть рассудок приобщением к земле.

Завершающая роман ночь продолжается в глухой, окруженной лесом, уже густым летним лесом, подмосковной усадьбе, в большом деревянном доме.

Осторожно пробирается туда Саша Горбов. Его встречает последний входящий в книгу персонаж: Марина Муромцева, дочь лесника, сторожа этого дома. Она прячет Сашу на сеновале и приносит туда еду, забираясь по лесенке; к его изумлению, это — творог и мед, то, что он больше всего любит.

Эта девушка вносит свою мелодию в сложную полифоническую ткань романа. Совершенно ясная, открытая, сразу доверившаяся Саше, полная спокойного дружелюбия к Адриану и Ирине и сострадания к тихому безумцу Венечке, она как бы противостоит, совершенно неосознанно, этой своей органической простотой, мучительно-сложным образам остальных героев.

Когда Даниил Леонидович начинал работу над этой частью романа, он однажды попросил у меня разрешения воспользоваться некоторыми моими чертами как прототипом Марины. Я удивилась: по-моему, писатели поступают так без спроса. «Да, но на этот раз я хочу получить ваше разрешение...» (Мы еще были на «вы».)

Разрешение было дано, но я и сейчас удивляюсь: в результате каких сложных алхимических творческих преобразований из молоденькой художницы, москвички, профессорской дочки родилась эта дочка лесника, такая простая, цельная и бесхитростная.

Черты Александры Филипповны Добровой в Ирине более были заметны, хотя тоже очень трансформированы.

Ахматова, сказав о стихах, рождающихся из сора, пропустила главное: не из сора, а из взгляда художника, Богом ему данного, хотя бы и на сор.

В тюремных черновиках сохранился еще один, очень маленький отрывок из романа, восстановленный по памяти. Я не могу вспомнить, к какому месту он относится. Из героев, конечно, к Саше, поэтому привожу его здесь.

... он сам не мог бы сказать...

Образы, вспыхнувшие в его памяти, но только это были образы тихих хвойных дорог, похожих на светло-зеленые гроты, молчаливых полей, не вспоминаемых никем, кроме аистов. Открылась широкая пойма большой реки, овеванная духом какого-то особенного раздолья, влекущего и таинственного, где плоты медленно плывут вдоль меловых круч, увенчанных ветряными мельницами, белыми церквями и старыми кладбищами. За ними — волнообразные поля, где ветер плещется над золотой рожью, а древние курганы, поросшие полынью и серой лебедой, хранят заветы старинной воли, как богатырские надгробия. С этих курганов видны за речной поймой необозримые леса, синие, как даль океана, и по этим лесам струятся маленькие, безвестные, хрустально-чистые реки и дремлют озера, куда с давних пор прилетают лебеди и где он встречал нередко следы медведей; словом, он ударился в лирику.

Дальше был пропуск — ненаписанные две предпоследние главы. Потом шла заключительная.

Безмолвный и темный дом. Из закрытой комнаты, где находятся Адриан, Ирина (и, кажется, Саша) слышны два голоса. Пришельца они не видели, слов разобрать нельзя, только звук двух голосов, беседующих друг с другом.

В конце ночи, перед рассветом, из комнаты выходит поседевший Адриан — один. Прощается с Ириной, понимающей, что прощание это навсегда, но он спасен от греха. Поняв всю богоборческую бездну своего замысла, он уходит куда-то, где будет искупать совсем иной формой жизни неправду своей минувшей.

Марина, ничего не знающая конкретно, понимает все и низко кланяется уходящему Адриану. Также без слов она и Саша понимают, что их жизни соединены пережитым за эту ночь.

Но есть человек, для которого отречение Адриана от своего замысла — это крушение всей жизни. Климентовский садится в машину и на полной скорости сворачивает с моста, через перила, в реку.

Уже не попытка, а свершившееся самоубийство, зрителем которого оказывается одинокий рыболов, вышедший с удочкой к реке на рассвете.

Небо светлеет, и на нем, сверкая и переливаясь, восходит Утренняя Звезда. Ночь кончилась.

Так кончался роман «Странники ночи».

Для Даниила начались десять лет, за которые он не видел ни одной звезды.

Я же, в Мордовском лагере, получая в пять утра хлеб на бригаду в хлебоборезке, видела над собой эту самую Звезду, помня «Странников». Она стала для меня тогда символом России.

1993

СТИХОВЕДЕНИЕ

НЕКОТОРЫЕ ЗАМ<ЕТКИ> ПО СТИХОВЕДЕНИЮ

I

О ПЕРВЫХ СПОНДЕИЧЕСКИХ ОПЫТАХ

Ритмический принцип спондеев, основанный на стыке двух или более ударных слогов, до сих пор еще не приобрел у нас общего признания¹. Нахожу своевременным осветить в нескольких словах его короткую пока еще историю и заложенные в нем возможности.

Поэтическая теория и практика XIX века считали спондеи несовместимыми с правилами русского силлаботонического стихосложения и противными духу нашего языка. Такой непревзойденный знаток русского народного языка, как В. Даль, утверждал, например, что русской речи свойственно при стыке двух ударных слогов снимать удар с одного из них². XX век, однако, показал, что это утверждение, правильное по отношению к разговорной речи, может не оправдываться по отношению к стиху.

Есть, мне кажется, основания полагать, что не только Пушкин, но даже Державин догадывались уже о художественном смысле спондеев. Иначе трудно объяснить существование целого ряда своеобразных строк, как, например — у Державина:

— Рев крав, гром жёлн и коней ржанье...
(«Жизнь Званская»)

У Пушкина:

Бездны бездн, хлябей хлябь...
(«Целенье Саула»)

Народ, народ! в Кремль! в царские палаты!
(«Борис Годунов»)

Швед, русский рубит, колет, режет...
(«Полтава»)

Разумеется, у этих поэтов спондеи встречаются лишь в виде отдельных стоп, включенных в ямбическую ткань, первое же по времени стихотворение, включающее несколько спондеических стоп, принадлежит, по-видимому, Фету³.

Во втором десятилетии XX века протест против силлаботоники и потребность в новых приемах художественной выразительности привели футуристов к попыткам воспользоваться, между прочим, и принципом спондеев. Маяковский вплотную подошел к вопросу о применении спондеев в ритмике маршей:

— Зеленью ляг,
 луг,
Выстели дно
 дням,
Радуга, дай
 дуг —
Лет быстролетным коням...⁴

Анализ этой строфы показывает, что Маяковский был настолько захвачен экспрессией ритма, что пренебрег работой над смыслом строфы, полагая, очевидно, что сила эмоционального воздействия, заложенная в необычном ритме, перевесит ее смысловую невразумительность. Но, раза 2 или 3 употребив спондеические стопы, Маяковский ушел от дальнейшей работы в этом направлении. О причинах этого мы можем, конечно, строить только гипотезы.

Не случайно, вероятно, с большей внимательностью отнесся к спондеям поэт, из всех советских поэтов наиболее одаренный чувством ритма: Николай Асеев⁵. Ему принадлежит 5 или 6 спондеических стихотворений, написанных в двадцатых и в начале тридцатых годов⁶. Стихи эти оставляют впечатление первых шагов по неисследованной области. Бросается в глаза ряд слов, привлеченных, по-видимому, лишь вследствие их односложности или по причине недостатка рифм. Стих кажется мучительно скрюченным, мысль — искривленной до неудобопонятности:

Если день смерк,
Если гром смолк,
Молча текут вверх
Соки тугих смол...⁷

И при всем том некоторые из этих стихотворений, напр. «Черный принц»⁸, следует признать первыми спондеическими образцами, имеющими художественный смысл:

...Слишком угрюмо
 выл
 вал...
Буйный у трюма
 был
 бал...

Море на ключья
 рвал
 шквал...
Как удержать
 фал?..

Асеев показал возможность создания спондеических метростроф*, а не только включения отдельных спондеических стоп в другую метрическую систему. В 1944 г. он даже практически создал одну такую метрострофу: в стихотворении о Северном Кавказе в годы Второй мировой войны⁹. Однако ему не удалось придать своим опытам ту степень художественной убедительности, которая побудила бы других авторов к дальнейшей работе над этим новым, сомнительным, в высшей степени трудоемким принципом.

Больших результатов, и притом раньше по времени, достиг в этом направлении А.В. Коваленский¹⁰, работавший не только вне зависимости от опытов Асеева, но долгое время и не интересовавшийся этими опытами. В свою очередь, и опыты Коваленского остались неизвестными не только Асееву, но вообще никому, кроме нескольких друзей поэта.

Впервые Коваленский воспользовался спондеями в 1927 г. в своей незаконченной и неопубликованной драме-мистерии «Неопалимая Купина», где имелся отрывок — реплика одного из персонажей — длиной в 10 строк, построенный, в общем, по метрической схеме: — — — —

Стража! Готовь путь!
Чтоб ни одна тень,
Чтоб и сама смерть
Не слыхала ваш шаг...

В 1928 г. Коваленский в поэме «Гунны» создал впервые строго повторяющуюся спондеическую метрострофу, обогащенную внутренней рифмовкой:

А буран
 рвет
 пену племен,

* Под метрострофой я разумею любую непрерывно и единообразно в данном стихотворении повторяемую группу строк, в которой сочетается твердое следование одному заданному метру со столь же единообразно проводимой рифмовкой. Например, в русской поэзии XIX века самой распространенной метрострофой было четырехстопное ямбическое четверостишие с рифмовкой АВАВ, где А — рифма женская, В — мужская. Силлаботоническая поэтика знает несколько десятков метростроф, чистые же дольники и интонационный стих Маяковского не знают метростроф вовсе. Тем не менее, после кратковременного восстания футуристов, метрострофа утвердилась в русской поэзии как основная структурная единица. По-видимому, потребность в ней вытекает не столько из свойств русского языка, сколько из некоторых психологических особенностей тех эпох, которые стремятся к созданию твердых и долговечных эстетических форм больше, чем к разрушению старых канон.

Барабан
бьёт
смену времен.

Далее, в поэме «1905 год» — в своем единственном опубликованном произведении*¹¹ — Коваленский создал и другую метрострофу, в основном совпадающую с его первым образцом из «Неопалимой Kupины». Сквозь звуки барабанного боя слышится:

Пал Порт-Артур, пал!
— Строй, и за ним — строй...
Вон, впереди встал
Новых Цусим рой...

Наконец, в замечательной поэме «Химера» Коваленский еще раз вернулся к спондеям как к подсобному приему, создав, насколько я помню, две или три метрических разновидности, которые, однако, не могут быть названы метрострофами, ибо при каждом повторе в них вводятся не только ритмические, но и метрические изменения.

I
...Веселей,
шут!
Лозунгами
По вершкам
бей
лбов,
Чтоб лопух
стал
розанами,
Лопухом
стал
дух!..

II
...Чтобы вновь закружилась
Ось
жёрнова —
Вечный возврат времен.

После еще двух-трех спондеических стихотворений, включенных им в раздел «Стихи об извечном брате», Коваленский, по-видимому, утерять интерес к спондеическому стихосложению, придя к выводу об узости сферы

_____ * Журнал «Красная новь», 1931.

приложения этого принципа. Таким образом, будучи шагом вперед по сравнению с опытами футуристов, опыты Коваленского почти не вышли из области, которую он считал, так сказать, в особенности «напрашивающейся» на спондеическое выражение: области маршей, команды, барабанного боя, гротескно заостренной уличной частушки.

Я не получал от А. В-ча никакого разрешения на цитаты из его необнародованных произведений; теперь же и вовсе не могу получить подобного разрешения, так как ни судьба Коваленского, ни его местопребывание мне неизвестны¹². Но как раз именно то обстоятельство, что они неизвестны и, может быть, останутся никому неизвестными навсегда, побудило меня предпослать этому трактату краткое сообщение о той роли, которую сыграли в вопросе о спондеическом стихосложении труды этого почти никому еще неведомого мастера.

Я имел счастье пользоваться личным, близким общением с Коваленским, своеобразнейшим поэтом и писателем, и в ту пору находился под влиянием его творчества. Разделил я и его временное увлечение спондеями. Это отразилось на ряде моих стихотворений и в особенности на ученической поэме «Солнцеворот» (1930–31)¹³. В последующие годы мною было найдено и практически применено свыше 10 различных спондеических разновидностей. Словесное овеществление этих ритмов оставалось очень наивным. Однако один из спондеич<еских> вариантов нашел свое место в настоящей книге («Праздничный марш»)¹⁴, а 2 вошли в состав стихотворного сборника «Бродяга»¹⁵.

2 СПОНДЕИКА КАК ПРИНЦИП СТИХОСЛОЖЕНИЯ

После длительного перерыва вернувшись к поэтической работе в 1950 году¹, я убедился, что спондеическое стихосложение как нельзя более соответствует некоторым из поэтических задач, передо мною вставших. Началось обнаруживаться, что область применения этого принципа несравненно шире, чем предполагали мастера, работавшие в этом направлении раньше. Оказалось возможным поставить вопрос о спондеях как о подлинном принципе поэтики², а не как об одном из бесчисленных частных приемов, — принципе, который превосходно сочетается и с принципом классической силлаботоники, и с принципом дольников, но не растворяется в них, а окрашивает собою всю, более или менее, ритмическую систему автора.

При этом выяснилось, что его дальнейшее развитие может устремляться по двум основным направлениям:

1). К созданию многочисленных своеобразных спондеических метростроф;

2). К обогащению спондеическим элементом классического силлаботонического стиха и дольников.

Отнюдь не отказываясь от работы в этом втором направлении, я, по ряду причин, в период занятий настоящей книгой больше уделил времени изысканию новых метростроф. В сборниках «Бродяга» и в особенности «Рус-

ские боги» мною даны поэтические образцы свыше 60 различных спондеических метростроф³.

Всю эту массу новых метрических систем можно, по структурным признакам, разбить на 5 классов:

I. Класс спондеических восходящих — в которых спондеический элемент сконцентрирован в начале строфы или в начале каждой из составляющих ее и единообразно повторяющихся групп стоп.

II. Класс спондеических срединных, в которых этот элемент сконцентрирован в середине строфы или составляющих ее групп стоп.

III. Класс спондеических нисходящих, где он сконцентрирован в конце строфы или составляющих ее групп стоп.

IV. Класс спондеических обнимающих, где спондеические стопы расположены и в начале, и в конце.

V. Класс спондеических многоярусных — метростроф сложного типа.

Этим, вероятно, не исчерпываются спондеические формы, могущие быть открытыми в дальнейшем.

Таким образом, мне удалось, по-видимому, практически доказать следующие положения:

Во-первых — спондеический принцип может и должен быть введен в русское стихосложение наряду с классической силлаботоникой, дольниками и интонационным стихом;

Во-вторых — острая ритмическая выразительность спондеев может иметь гораздо более широкое поле приложения, чем предполагалось ранее.

Спондеи — если иметь в виду все многообразие их разновидностей — могут быть адекватны не только темам барабанного боя, воинской команды или марша, но и темам пляски, танцев, народных празднеств, ритмике трудовых процессов, уличного движения, шума заводов, волнения больших народных масс, звуковым картинам и внутренним ритмам сражений и восстаний; переплетаясь с малоударными или с трехсложными метрами, они могут оттенять внутреннюю динамику торжественных богослужений и ритуальных процессий наряду с их внешней замедленностью и плавностью. Философскому раздумью они придают ту эмоциональность, которая является необходимым условием при воплощении философской тематики в стихе, ибо только эмоциональность освобождает эту тематику от антипоэтической абстрактности. Наконец, спондеи соответствуют весьма многим мотивам из области камерной лирики и лирики природы.

Чтобы проиллюстрировать, насколько широка, если можно так выразиться, эмоциональная амплитуда спондеев, позволю себе привести здесь несколько образцов, взятых из различных глав настоящей книги и из сборника «Бродяга».

I

В тыл
Голого зала, в простой — вместо свеч
Круг
Ламп,

Бил

Голос оратора, ухала речь,
Как
Штамп...⁴

II

...Сумрак засинел
в листьях;
Близится исход
дня,
К берегу болот
мглистых
Вытянулась тень
пня;
Запахи с лугов —
слаще,
Пламенной косой
луч...
Тихо заалел
в чаще
Домик у речных круч⁵.

III

... — Рати! Цитадель
Нами занята.
Шире раздвигай
Брешь,
В эту колыбель
Роскоши и мук
Влейся! разрушай!
Режь!...⁶

IV

...И в самодержавных сердцах
в час
гнева
Смолкал многошумных страстей
злой
спор,
Когда опускала на них
Мать-
Дева,
Печальница Русской земли,
Свой
взор⁷.

V

...Вспомнились набеги,
 разгул,
 Ширь
 рек,
 В заревах и неге
 лихих
 Дней
 бег,
 Песни расставанья
 и отлет
 Стай
 прочь —
 Радость отдаванья
 на одну
 лишь
 ночь...⁸

Различные виды спондеев могут с чрезвычайной остротой выражать самые противоположные эмоциональные мотивы: беспечно-веселые и торжественно-величавые, безысходно-мрачные и мечтательно-легкие, строгие и разгульные, грубые и нежные. Их диапазон — от лирической задушевности до гротеска и от сатиры до священнодействия. Но спондеика таит немало трудностей, и мне хочется поделиться, хотя бы в нескольких словах, своим опытом касательно некоторых приемов их преодоления.

Некоторые метрострофы с очень большим количеством ударных гласных (например, — — ◡ — — или — — — — ◡ ◡ ◡ ◡) почти не дают возможности их ритмически варьировать; метрическая основа такой строфы оголена. Казалось бы, метрострофа подобного типа может быть употреблена лишь 1 раз — именно в том случае, когда ее эмоциональное содержание единственно адекватно ее метрической конструкции. Но не следует забывать о тех возможностях, какие заключены в эвфонии, в «инструментовке». Будучи построены на различных эвфонических основах, аллитерированы на различных звуковых рядах, несколько образцов такой строфы будут звучать по-разному, вызовут различные художественные эффекты. Например:

I

 ...Груз
 Дум
 Прочь
 Скидывается,
 Гонг
 Бьет...
 Смех

Взвихривается...
 Пляс
 Мчит,
 Кровь
 Взбадривается, —
 Сам
 Вождь
 В нас
 Вглядывается!..⁹

II

 ... — Вой,
 Вой
 Ветр
 Взвеивающийся...
 Плачь,
 Плачь,⁸
 Дух
 Жалующийся!
 — Рой
 Хлябь
 Волн
 Скрещивающихся,
 Мчи
 Вдаль
 Гроб
 Взбрасывающийся!..¹⁰

Ограниченный запас односложных слов в русском языке грозит, при злоупотреблениями спондеями, словесными повторами. Однако в действительности запас этот не так скуден, как это может показаться тому, кто впервые приступает к подбору для себя подобного «словарного фонда». Этот фонд может и должен быть обогащен, с одной стороны, современной научной и философской терминологией, с другой — за счет превосходных, выразительных односложных слов, рассеянных в толще просторечья и диалектов, а с третьей стороны — за счет восстановления в литературном языке некоторых слов старинных, вышедших или выходящих из употребления, но в силу своей выразительности и благозвучия заслуживающих пристального художественного внимания. Например:

Рух — набат, тревога; слово, поразительно мрачное и тревожное по своему звучанию, глубокое и зловещее по своему корню.

Тло — в прямом смысле — основание, испод. В переносном значении, однако, слово это обладает совершенно особым оттенком благодаря корневому совпадению со словами тлен, тлеть, а также еще и потому, что мы привыкли связывать его с выражениями «сгорел дотла», «разрушен дотла». Этот

оттенок понятия, заложенный в слове «тло» и полностью отсутствующий в слове «основание», становится ясным, например, в такой фразе: *в годину человеческих бедствий обнажается человеческое тло*.

Голк — рокот, грохот, слитный шум толпы. Слово очень удачное своей лаконичностью и звукоподражательной меткостью.

Сторчь — наречие, синонимичное выражениям «стоймя», «торчком», но превосходящее их выразительной динамичностью и краткостью.

Тель — вещество, масса, материя: слово нужное и весьма интересное в смысловом отношении, как попытка приблизить понятие неорганической материи к понятию тела. Подобное слово могло возникнуть, очевидно, лишь из мирочувствия монистического, близкого к пантеизму. В этом отношении оно противоположно своему синониму — слову «вещество».

Недостаток места принуждает меня ограничиться этими примерами, хотя существуют еще десятки подобных односложных слов, заслуживающих введения их в литературный язык.

Замечу еще, что странно было бы отрицать право мастеров словесного искусства и на создание новых слов — разумеется, только в исключительных случаях и с крайней осмотрительностью. Столь же ясно, конечно, и то, что осмотрительность и целомудренное отношение поэта к языку должно оградить последний от засорения излишними, антипоэтическими варваризмами, заслуженно забытыми архаизмами или же ничем не замечательными идиомами.

Следует иметь также в виду, что в спондеике немалое значение имеет способ графического начертания поэтической строфы, т.е. разбивки ее на строки и взаимного расположения этих строк. Большинство спондеических метростроф, будучи начертанными «обыкновенно», в строчку, или же будучи разбитыми неудачно, совершенно теряют свой ритмический смысл, превращаются в какофонию и становятся не только неудобочитаемыми, но и прямо нестерпимы для слуха.

3

ПОЭТИЧЕСКАЯ РЕФОРМА

Спондеика раздвигает шкалу русской поэтической метрики в несколько раз. Но реформа нашего стиха не может, конечно, ограничиваться введением чисто спондеических метров: другая сторона ее — поскольку дело касается ритмики — заключается в расширении метрической шкалы в направлении, противоположном спондеям: в направлении малоударных.

Кажется странным, что до сих пор даже чистый пэон¹ можно было встретить у нас только в виде отдельных строк, как видоизменение ямба, например —

Тень Грозного меня усыновила,
Димитрием из гроба нарекла, —

где третья строка² уже возвращает стих к его традиционной ямбической канве. В этом смысле русская поэтика со времен Пушкина не сделала вперед ни

шагу, если не считать нескольких, чисто лабораторных опытов символистов да работ наших поэтов-переводчиков, познакомивших русских читателей с некоторыми произведениями античности. А между тем возможно не только создание строго выдержанных пэонических стихотворений, но и гипер-пэонических и даже стихотворений с такими стопами, где 1 ударный приходится на 5 или 6 безударных. Я уже не говорю о пользовании пэонами — гипер-пэонами как одним из элементов в льющемся стихе больших поэтических произведений: это напрашивается само собою.

Может быть, кто-нибудь возразит: все это осуществимо, но нужно ли? [К чему фокусничество? — *зачеркнуто*. — *Ред.*] Что нового дадут эти малоударные метры?

Всякому человеку с мало-мальски развитым поэтическим слухом не может не быть ясным, что расширение ритмического диапазона раздвигает и диапазон того, что подлежит выражению с помощью ритмики. Рискуя повторить азбучную истину, я напомним все же, что один и тот же образ, одна и та же мысль могут быть выражены и ямбом, и анапестом, и пэоном, но наиболее соответствует им только 1 ритм, который и надлежит найти. Мне кажется, например, что если содержание гипер-пэонической строфы —

Надвигающейся поступью сверхгигантов
Сотрясаются плоскогорья материка³ —

передать ритмами старого типа, то ни один из них не сможет отобразить сколько-нибудь убедительного ритма этих огромных, тяжелых шагов с необычно широкими интервалами. Образно выражаясь, ямб и хорей соответствуют, по преимуществу, шагу человека, трехсложники — конскому скачку и полету птицы, а гипер-пэоны — поступи сверхчеловеческих колоссов.

Во всяком случае, нет сомнения, что только расширение ритмики в обоих указанных направлениях (а может быть, и в других, еще не открытых) может вывести русскую поэзию из того тупика, предельно-наглядным выражением которого является творчество лауреата С. Щипачева⁴ — человека, пишущего только пятистопным ямбом, но и ямбом не владеющего, — по той простой причине, что ни один поэт, заслуживающий этого имени, не замкнет своего творчества в границы одного метра: «однометровость» и талант — вещи несовместимые; а без таланта нельзя владеть и ямбом.

В связи с введением малоударных встает вопрос также о возможности широкого применения гипер-дактилических и гипер-гипер-дактилических рифм, до сих пор почти не употреблявшихся⁵. Правда, рифмы с четырьмя и более неударными слогами ограничиваются грамматическими глаголами, причастиями, деепричастиями и отглагольными прилагательными; это сужает круг их применения; но употребленные изредка и к стати, они вызывают эмоциональное воздействие, никакими другими приемами не достижимое.

Гораздо богаче заложенными в ней возможностями область консонансов. Мне кажется, что особенно много обещают такие ритмические композиции, где спондеика, переплетаясь с силлаботоникой, этим влечет за со-

бой многообразные чередования рифм, ассонансов и консонансов, в том числе консонансов гипердактилических. Та звуковая дисгармоничность консонансов, которая поэтическому слуху XIX столетия казалась, вероятно, почти невыносимой, нами воспринимается как выражение в звуке борющихся друг с другом противоречий, заключенных в одном явлении⁶. Тут тоже есть своего рода диалектика. Особенно уместны консонансы там, где речь идет о явлениях распада, разложения, противочувствия, духовного ущерба.

Ритмическая напряженность спондеев обладает способностью, при излишне навязчивом их употреблении, действовать утомляюще и приглушающе на поэтический слух. Моя основная мысль оказалась бы совершенно непонятной, если бы кто-либо усмотрел в спондеике некий универсальный принцип, призванный вытеснить и заменить принципы старой поэтики. Задача — совсем в другом: именно в том, чтобы научиться чередовать и переплетать спондеи и малоударные с ритмами классической русской силлаботоники и с дольниками. Повторяю и подчеркиваю: эти принципы дополняют и помогают друг другу; своевременный, оправданный внутренним развитием переход со спондеики на силлаботонику дает возможность и эту последнюю воспринять по-новому; обратный же переход, прерывая силлаботоническую плавность динамическими взрывами звуков, впечатляет так остро, как бесилен впечатлить амфибрахий или ямба.

Дело в том, что в словах русского языка ударения, как известно, размещаются на самых разнообразных слогах — как на последнем, так и на 6-м и 7-м слоге от конца. Язык наш изобилует как словами односложными, так и состоящими из 10 слогов и более. Это открывает такие неисчерпаемые ритмические возможности, какими не может похвастаться ни один другой язык. И трудно подыскать извинение тому странному — мягко выражаясь — факту, что до сих пор мы не использовали и малой доли этих возможностей.

Не менее широко может быть раздвинута и шкала русской строфики⁷. Достойно изумления, что не только в XIX веке, но и теперь, уже почти перестав пользоваться старыми твердыми строфическими формами, вроде сонетов или терцин, мы, можно сказать, пальцем о палец не ударили, чтобы вызвать к жизни новые твердые формы. Конечно, создать формы, столь же завершено чеканные, как сонет, столь же эпически емкие, как октава, или столь же изящные, как рондо, — дело нелегкое. Но разве это — основание, чтобы уклоняться от подобной задачи? Пусть будет создано 20, 50, 100 образцов новых твердых форм, которые не выдержат экзамена времени и в золотой фонд мировой поэзии не войдут; а пятьдесят первый или сто первый образец окажется долговечным и, переходя от одного поколения поэтов к другому, будет служить веками, как художественно совершенный сосуд.

Еще актуальнее, пожалуй, вопрос о строфе в широком смысле. Не только Пушкин, Лермонтов, Некрасов, но и символисты, и Гумилев еще создавали своеобразные строфы, на единообразном повторении которых строили свои поэмы и некоторые стихотворения. Даже Северянин — и тот немало поработал над строфикой. А мы? Создается впечатление, будто мы утратили понимание самого значения строфы. Лишь некоторые из крупней-

ших мастеров нашего времени, да и то чрезвычайно редко — дают новые строфические образцы.

Отнюдь не претендуя на долговечность своих созданий, я в книгах «Бродяга» и «Русские боги» предлагаю несколько десятков новых образцов силлаботонической строфики. Каждая из этих метростроф вызвана к жизни какою-нибудь темой, одним мотивом, но некоторые — немногие — оказались достаточно гибкими для того, чтобы быть повторенными в нескольких стихотворениях. Одна же из них, особенно удовлетворяющая меня своей вместимостью и способностью к различным звучаниям, была повторена многократно; ею написана целиком глава XVII — поэма «Ленинградский Апокалипсис»⁸. В отличие от октавы классической, мне хотелось бы удержать за этой 8-строчной строфой название русской октавы.

И наконец — о поэтических жанрах.

Было бы слишком грустно, да и неуместно в границах этого небольшого декларативного трактата вдаваться в анализ причин, затормозивших в эпоху Маяковского создание новых жанров в поэзии. Лишь один жанр, еще не отделившись окончательно от поэмы и даже продолжая носить по инерции ее имя, выглядывает иногда на поверхность печатной поэзии: это — большое полиритмическое полотно, в сущности, ничего общего, кроме размеров, с поэмой не имеющее и прежде всего резко отличающееся от нее отсутствием фабулы. Это произведения симфонического типа; с большим или меньшим правом к их числу можно отнести «Хорошо» Маяковского, «1905 год» Пастернака, «Завод № 100» <...>⁹.

Можно сказать с известной долей уверенности, что здесь мы присутствуем при мучительном, осложненном внешними, механическими препятствиями акте рождения нового, монументального, с огромным будущим поэтического жанра, еще не вполне отделившегося до сих пор от материнского лона поэмы.

Думается, что чем решительнее будут порывать произведения этого рода связь с породившей их формальной почвой, тем законнее можно будет применить к ним наименование симфоний. Некоторые отличительные особенности симфоний музыкальных, как то: четырехчастное членение, развитие двух или нескольких тем, переплетение их и борьба — естественно должны стать характерными для произведений этого жанра или, по крайней мере, одной из его разновидностей. Разумеется, темы эти могут осуществляться сообразно специфике поэтического искусства: различными потоками ритмическими, эфоническими и зрительно-образными.

На этом основана «Симфония городского дня», включенная в настоящую книгу в качестве главы II.

Воздержусь пока разбирать вопрос о реформированной мистерии и о некоторых других жанрах, практически разрабатываемых во II и III частях трилогии¹⁰, — частью вполне новых, частью же восходящих к некоторым формам литературы, в нашей поэзии не бытовавших, и в корне перерабатывающих эти формы применительно к новому кругу заданий. Но о жанре оратории для чтения, который представлен в настоящей книге главою IX — «Утренней ораторией» — замечу следующее.

Термин «оратория» применен мною к данному жанру условно¹¹, за неимением более близкого. Правда, если бы когда-нибудь появилось музыкальное сопровождение к этим поэтическим текстам, оно дало бы возможность осуществить их концертное исполнение. Но создавалась оратория в расчете не на музыку, а на чтение вслух. От произведений драматических ее отличает прежде всего отсутствие определенной зрительной данности. Зрительному воображению читателя или слушателя предоставляется свобода, ограниченная только краткими ремарками да звучанием переговаривающихся голосов и содержанием их реплик. Трудности, связанные с развитием динамического действия внутри такой диалогической формы, перевешиваются в случае удачи тем, что автор, не связанный необходимостью давать внешне зрительное оформление своим персонажам, получает возможность «выводить на сцену» такие инстанции, которые, в силу их космической или вне-физической природы, нельзя мыслить ни в каком антропоморфном образе.

Произведения, могущие быть созданными во всех этих жанрах, в состоянии трактовать лишь какую-либо частную проблему — историческую, философскую, этическую, психологическую, религиозную, метаисторическую и т.п. Дать же сумму этих проблем, то есть многосторонне выразить на поэтическом языке ту или иную систему мировоззрения, может только совокупность произведений различных жанров внутри единого общего. Именно поэтому книга «Русские боги» является попыткой нащупать такой новый, комплексный жанр, который, по аналогии с архитектурными сооружениями, я решился назвать поэтическим ансамблем.

Изучение и, самое главное, практическая работа над новой ритмикой, расширенной строфикой, переплетение силлаботоники и дольников с бесчисленными разновидностями спондеев и малоударных, создание новых жанров — все это раздвигает горизонты не только перед поэзией лирической, но и перед поэзией монументальных форм, — форм, адекватных той идеологии, которая исподволь, медленно и мучительно выкристаллизовывается в человеческом сознании, чтобы развернуться во всей своей мощи и широте во второй половине текущего столетия и, вероятно, в начале следующего. В этом — смысл и содержание той «поэтической реформы», вопрос о которой ставится этой главой и этой книгой вообще, — реформы, закономерно вытекающей из нашего литературного прошлого, естественно отвечающей художественным запросам нашего настоящего и стремящейся нащупать формы выражения, соответствующие идеям и чувствам нашего будущего¹².

Отказ от осуществления поэтической реформы мог бы означать лишь одно — решимость пребывать и далее в том состоянии идейной нищеты, художественного бессилия и технического убожества, в котором пребывает русская поэзия — во всяком случае, печатная — в настоящее время. Конечно, люди, подобные [зачеркнуто. — Ред.] Щипачеву, даже в тупиках умеют расположиться с некоторыми удобствами — по крайней мере, материальными. Но если бы все представители нашей поэзии оказались Щипачевыми, это с неопровержимостью рокового симптома указывало бы на то, что русская

поэзия закончила цикл своего развития и сошла с исторической арены, исчерпав лишь небольшую часть открывающихся перед нею перспектив.

Из сказанного вытекает еще и то, что работа в русле поэтической реформы и в особенности спондеическое стихосложение не терпит стихотворного дилетантства. Недостаточно тонкий слух и чувство ритма, малый запас слов, нетерпеливое отношение к материалу, несерьезность поставленных задач мстят за себя в этой области поэзии больше, чем в какой-либо другой. Дилетант может сочинить не спондеический стих, а — в лучшем случае — любопытный курьез, в худшем — мучительный для слуха набор слов, притянутых, как говорится, за волосы ради ритма. Думаю, что эта «неприкасаемость» нового принципа для праздных любителей легкого стиха тоже принадлежит к числу его достоинств, оберегая работу тех, для кого поэзия есть дело жизни, от профанирующего подражательства со стороны тех, для кого она остается развлечением в часы досуга.

4 СКВОЗЯЩИЙ РЕАЛИЗМ

Реформа, о которой я говорю, не может, конечно, осуществиться сразу; это, надо полагать — дело не одного поколения поэтов. Не сомневаюсь, однако, что в надлежащее время, по устранении механических препятствий, будут поставлены и другие вопросы, различными сторонами этой реформы являющиеся: проблема лексики, рифмы, эвфонии, построения зрительного образа, а также вопросы о реформе в смежных областях искусства — в художественной прозе, драматургии и критике.

Но даже сейчас можно, мне кажется, задать вопрос о том общем художественном стиле, который станет со временем доминирующим среди представителей реформы. Я, со своей стороны, стремлюсь ответить на этот вопрос всею книгой «Русские боги». Каковы же характеристические черты ее стиля — по крайней мере, в понимании самого автора?

Стиль этот, пользуясь отчасти приемами старых школ, подчиняет эти приемы, равно как и приемы новые, впервые практикуемые — единой цели, или, употребляя термин Станиславского, — сверхзадаче. Сверхзадача же эта органически вытекает из всего мироощущения и мировоззрения автора, стремясь стать целостным знаком этого мировоззрения при помощи поэтических образов.

Если бы появилась потребность в отыскании термина для определения этого стиля или этого литературного течения, таким термином могло бы послужить, мне кажется, выражение *сквозящий реализм* или *мета-реализм*¹.

Отличительной чертой сквозящего реализма, на мой взгляд, является коренящееся в мироощущении художника и вполне им осознанное стремление к истолкованию мира как взаимосвязанных и взаимопроникающих сфер.

Это мироощущение не ставит под сомнение ни самоценности материального мироздания, ни, тем более, его реальности, но воспринимает ее —

а художественный метод сквозящего реализма показывает ее — как одну из ряда сосуществующих мировых реальностей. Эти реальности, расположенные как бы слоями и иерархически соподчиненные друг другу, для последователя сквозящего реализма отнюдь не столь замкнуты и изолированы, как это может представляться сторонникам других мировоззрений. Они просвечивают друг сквозь друга, откуда и предлагаемое наименование разбираемого стиля.

Количество литературных произведений, целиком выдержанных в стиле сквозящего реализма, пока еще не велико; те же из них, которые можно было бы привести в качестве примеров, принадлежат почти все (за исключением таких уникалов, как «Двенадцать» А. Блока) — к жанру новеллы. Это — некоторые новеллы Густава Мейринка^{*2}, американского писателя Готорна³, а также несколько новелл Александра Коваленского — автора, уже многократно упоминавшегося мною и обстоятельства жизни которого до сих пор мешают публикации его произведений. Те же обстоятельства не дали ему закончить роман «Ингве», обещавший стать первым в мировой литературе образцом метаисторического романа.

Можно было бы напомнить также некоторые страницы из других произведений, стиль которых, вызвав немало дискуссий, до сих пор не получил общепризнанного определения, но правильное всего мог быть определен именно как стиль сквозящего реализма. Такова знаменитая глава в «Братьях Карамазовых» — «Чёрт. Кошмар Ивана Федоровича», некоторые сцены в «Фаусте» (например, та, где Фауст и Мефистофель на конях проносятся мимо эшафота). Я нарочно указываю на образцы, созданные в различных литературных манерах: произведения сквозящего реализма роднит между собой не пользование одинаковыми приемами (приемы могут быть весьма многообразны), но отношение художника к общеочевидной действительности как к просвечивающему слою.

Позволю себе с возможной наглядностью, на общеизвестных примерах показать границы сквозящего реализма, отделяющие его от стилей, к нему с разных сторон примыкающих.

Если художник дает соприкосновение с внефизической реальностью в плане строго психологическом, как Л. Толстой в главе о последних днях жизни Андрея Болконского или Флобер в сцене моления Саламбо лунной богине, — он остается на почве реализма психологического.

Если под его пером явления и предметы физической реальности вырастают до символов реальности другого порядка, как в некоторых произведениях Ибсена, — мы вправе рассматривать такое произведение как образец реализма символического.

Если, наконец, художник совсем отказывается от показа физической действительности в ее естественных закономерностях и намекает на реаль-

* «Голем» и другие романы Мейринка не могут считаться отвечающими требованиям сквозящего реализма. Этому мешают избыточествующие в них элементы фантастики и символизации. Последователь сквозящего реализма уверен в реальности изображаемого; фантаст понимает условность второй «реальности», им изобретаемой.

ность другого порядка при помощи абстрагированных символов (драмы Метерлинка, «Король на площади» Блока) — такие произведения должны быть отнесены к числу образцов чистого или условного символизма.

Представителем реализма сквозящего художник становится тогда, когда он показывает просвечивание второй реальности и ее вторжение в общечеловеческую реальность не при помощи символов или олицетворений, а непосредственно.

Я принужден напомнить общеизвестный тезис, в силу которого миры, лишенные материальности, могут быть, как раз поэтому, отображены в искусстве лишь при помощи системы символов. Но мета-реалиста можно назвать мета-реалистом именно потому, что он чувствует, как он сам и вся сфера общеочевидной действительности окружаются слоями другой материальности и пронизываются токами взаимодействия с этими слоями. И пока он работает над показом этих взаимодействий и этого просвечивания, он будет стремиться отобразить объекты своего внутреннего опыта *непосредственно*, в таких зрительных и звуковых образах, в каких эти объекты приоткрывались его интуиции.

Ясно, конечно, что, отказываясь или по каким-либо причинам воздерживаясь от непосредственного показа этих просвечиваний и давая внешнюю действительность как непрозрачную среду, художник возвращается к одной из старых разновидностей реализма. В тех же случаях, когда он ставит перед собой задачу отображения (насколько это вообще возможно) таких слоев мировой действительности, которые не соизмеримы с физической данностью, — он неизбежно обращается к символизму с его методикой. Таковы естественные стилистические и методологические границы сквозящего реализма. И таковы же границы книги «Русские боги» [настоящей трилогии — *зачеркнуто*. — *Ред.*].

Если глава «Симфония городского дня», несмотря на ее ритмические новшества, написана почти полностью в традициях старого реализма, то противоположным стилистическим полюсом внутри книги являются некоторые сцены в «Утренней оратории» и в большой, замыкающей книгу, мистерии: там темы, связанные с чисто духовной реальностью, повелительно диктуют к символической методике.

Между этими полюсами расположены различные жанры, разработанные в стиле сквозящего реализма.

Принадлежность книги в целом именно к этому стилю определяется, мне кажется, с первой же главы: говоря о старом Кремле, концертном зале, обсерватории и т.п., я стремлюсь показать эти зданья под одним, весьма специфическим углом зрения: это — как бы цветные витражи, пронизанные светом, исходящим, как представляется мне, из области более высокой реальности. В главах «Темное видение» и «Афродита Всенародная»⁴ столица как бы просвечивается снизу, из миров нисходящего ряда. В главах «Покров» и «Над бурями прошлого»⁵ это просвечивание обращается на явления исторической действительности, сквозь которые становится виден, таким образом, мчащийся над ними метаисторический поток. Действие «Предварительной оратории» и «Траурной оратории»⁶ развивается в областях иной материально-

сти, причем упомянутые уже особенности жанра «оратории для чтения» позволяют отобразить эту иноматериальность с большей непосредственностью, чем мог бы позволить метод символический. Еще непосредственнее, хотя и другими приемами, показать вторжение иной действительности в русскую действительность эпохи II мировой войны я ставлю своей задачей в главе «Ленинградский Апокалипсис». Наконец, ряд чисто лирических глав («Вехи спуска», «Московские предвечерья», «Эфемера», «Похмелье»⁷) приоткрывают субъективное преломление тех же нефизических реальностей в душе и в личной судьбе героя книги, а глава «Крест поэта»⁸ — в судьбах и в деятельности ряда выдающихся русских художников слова.

[РУКОВОДСТВО ПО СТИХОСЛОЖЕНИЮ]

МЕТР И РИТМ

Условные обозначения: — ударный слог
 ∪ неударный слог
 ∩ ослабленное ударение (полуудар).

Поэтический *метр* есть *основа ритма*, его каркас.
 Например: *метр ямба* является основой множества ямбических ритмов.
 Поэтические метры в их чистом виде встречаются в стихах редко.

Пример. *Метр ямба* ∪ —

∪ — ∪ — ∪ — ∪ — ∪
 Прошли года, любовь угасла,
 ∪ — ∪ — ∪ — ∪ — ∪ —
 Дымясь во мгле ненастных дней,
 ∪ — ∪ — ∪ — ∪ — ∪
 В лампаде чувств нет больше масла...

Пример *ямбического ритма*

∪ — ∪ — ∪ — ∪ — ∪
 Печальный Демон, дух изгнанья,
 ∪ — ∪ — ∪ ∪ ∪ —
 Летал над грешною землей,
 ∪ — ∪ — ∪ ∪ ∪ — ∪
 И лучших дней воспоминанья
 ∪ — ∪ — ∪ ∪ ∪ —
 Пред ним теснились толпой.
 Лермонтов

Ритмы отличаются от метра тем, что во многих случаях там, где метр требует ударного слога, ставится неударный (иногда и наоборот). Несмотря на это, стих остается плавным, *ритмическим*. Это происходит потому, что при чтении вслух читающий то повышает, то понижает голос, то убыстряет, то замедляет темп чтения — в зависимости от синтаксиса и содержания поэтической фразы. При этом он как бы компенсирует недостающее число ударных слогов.

Для распознавания ритмов необходимо научиться *скандировать* стихи, т.е. произносить их вслух так, чтобы выделялась, подчеркивалась их метрическая основа.

Поэтика европейских литератур знает *три* основных принципа стихосложения.

Тонический, основанный на чередовании долгих и кратких слогов (греческий яз.).

Силлабический, основанный на наличии в каждой строке одного и того же количества ударных слогов, независимо от положения этих слогов среди неударных (французский, польский яз.).

Силлаботонический, основанный на однообразном чередовании ударных и неударных слогов в строке (русский, английский, немецкий, итальянский и др. языки).

ГЛАВНЫЕ РАЗМЕРЫ СИЛЛАБОТОНИЧЕСКОГО СТИХА

Метрической единицей является *стопа*. Стопа есть группа слогов из одного ударного и одного или нескольких неударных, все время однообразно повторяемая.

Напр. — ∪ — ∪ — ∪ — ∪ (4 стопы)
или ∪ ∪ — ∪ ∪ — ∪ ∪ — ∪ ∪ — (4 стопы)

ДВУХСЛОЖНЫЕ МЕТРЫ

I. Хорей — ∪

Примеры:

4-стопный хорей

— ∪ — ∪ — ∪ — ∪
Тятя, | тятя, | наши | сети |
— ∪ — ∪ — ∪ — ∪
Прита | щили | мертве | ца...
Пушкин

5-стопный хорей

— ∪ — ∪ — ∪ — ∪ — ∪
Вых | ожу я | в путь, от | крытый | взорам: |
— ∪ — ∪ — ∪ — ∪ — ∪
Ветер | гнет уп | ругие кус | ты...
Блок

3-стопный хорей

— ∪ — ∪ — ∪
Скучна | я кар | тина, |
— ∪ — ∪ — ∪
Как ты | мне род | на:
— ∪ — ∪ — ∪
Снежна | я рав | нина,
— ∪ — ∪ — ∪
Полна | я лу | на...

6-стопный хорей

— ∪ — ∪ — ∪ — ∪ — ∪ — ∪
И под | век тво | их хо | лодно | е за | брало
— ∪ — ∪ — ∪ — ∪ — ∪ — ∪
Ни один не | мог про | никнуть | чело | век...
М. Кузмин

В русской поэзии встречаются также, хотя очень редко, 7-стопные и 8-стопные хорей.

II. Ямб ∪ —

Примеры:

2-стопный ямб:

∪ — ∪ —
Седой | туман
∪ — ∪ — ∪
Да ни | щий по | сох, —
∪ — ∪ — ∪
Омы | тый в ро | сах
∪ — ∪ —
Дале | ких стран.

3-стопный ямб:

∪ — ∪ — ∪ — ∪
Ужель | в былом | ступа | ла
∪ — ∪ — ∪ — ∪
На все | нога | моя?
∪ — ∪ — ∪ — ∪
Давно | ушло | нача | ло
∪ — ∪ — ∪ — ∪
В безбреж | ности | края... |
Брюсов

4-стопный ямб:

У — У — У — У — У

Горит | восток | заре | ю но | вой,

У — У — У — У — У

Уж на | равни | не, по | холмам

У — У — У — У — У

Грохо | чут пуш | ки. Дым | багро | вый

У — У — У — У — У

Восхо | дит плав | но к не | бесам...

Пушкин

5-стопный ямб:

У — У — У — У — У — У

Когда | на нас, | в тиши, | созвездь | е Пса

У — У — У — У — У — У

Глядит | враждеб | но с вы | соты | зенита...

Алексей Толстой

6-стопный ямб:

У — У — У — У — У — У — У

Услы | шись суд | глупца | и смех | толпы | холод | ной,

У — У — У — У — У — У — У

Но ты | остань | ся горд, | споко | ен и | угрюм.

Пушкин

В русской поэзии встречаются иногда также 7-стопные, 8-стопные ямбы, Ямбы, в особенности 4-стопный и 5-стопный — размер, наиболее часто встречаемый в русском стихе. Поэты XIX в. писали преимущественно ямбами.

ТРЕХСЛОЖНЫЕ РАЗМЕРЫ

I. Дактиль — У У У

2-стопный:

У — У — У — У

В битве кро | вавящей

У — У — У — У

Мощи и | права,

У — У — У — У

Рим миро | правящий!

У — У — У — У

Где твоя | слава?

3-стопный:

— У — У — У — У

Мира вос | торг беспре | дельный

— У — У — У — У

Сердцу пе | вучему | дан;

— У — У — У — У

В путь роко | вой и бес | цельный

— У — У — У — У

Шумный зо | вет оке | ан...

Блок

4-стопный:

— У — У — У — У — У — У

Тучки не | бесные, | вечные | странники!

— У — У — У — У — У — У

Степью ла | зурною, | цепью же | мчужною...

Лермонтов

5-стопный:

— У — У — У — У — У — У — У

В древние | капища | ты, как лу | на, нисхо | дила,

— У — У — У — У — У — У — У

Взором лу | чистым ка | саясь вос | торженных | глаз...

Вяч. Иванов

II. Амфибрахий У — У

2-стопный:

У — У — У — У

Из Инди | и дальной

У — У — У — У

На Русь при | летев, —

У — У — У — У

Со степью | печальной

У — У — У — У

Их свикся | напев...

Алексей Толстой

3-стопный:

◡ — ◡ ◡ — ◡ ◡ — ◡
 В глубокой | теснине | Дарьяла,
 ◡ — ◡ ◡ — ◡ ◡ —
 Где плещет | ся Терек | во мгле,
 ◡ — ◡ ◡ — ◡ ◡ —
 Старинна | я башня | стояла,
 ◡ — ◡ ◡ — ◡ ◡ —
 Черне | я на черной | скале.
Лермонтов

4-стопный:

◡ — ◡ ◡ — ◡ ◡ — ◡ ◡ — ◡
 Порхают | ли птицы, | играют | ли дети, |
 ◡ — ◡ ◡ — ◡ ◡ — ◡ ◡ —
 С душою | ли друга | скрестится | душа —
 ◡ — ◡ ◡ — ◡ ◡ — ◡ ◡ —
 Ты с нами, | Ты с ними, | невиди | мый Третий, |
 ◡ — ◡ ◡ — ◡ ◡ — ◡ ◡ —
 Невиди | мый хмель ми | рового | ковша!
[Даниил Андреев]

5-стопный:

◡ — ◡ ◡ — ◡ ◡ — ◡ ◡ — ◡ ◡ — ◡
 Сквозь годы | скитанья | опять за | звучавши | е речи, |
 ◡ — ◡ ◡ — ◡ ◡ — ◡ ◡ — ◡ ◡ —
 Сквозь воды | забвенья | щемяща | я душу | тоска...
 ◡ — ◡ ◡ — ◡ ◡ — ◡ ◡ — ◡ ◡ —
 Опять об | нимаю | знакомы | е неког | да плечи |
 ◡ — ◡ ◡ — ◡ ◡ — ◡ ◡ — ◡ ◡ —
 И розо | вой гава | нью тают | в заре об | лака.
[Даниил Андреев]

III. Анапест ◡ ◡ —

2-стопный:

◡ ◡ — ◡ ◡ — ◡
 Вдоль земли | проносил | ся
 ◡ ◡ — ◡ ◡ —
 Неразга | данный сон:
 ◡ ◡ — ◡ ◡ —
 Никому | не приснил | ся
 ◡ ◡ — ◡ ◡ —
 Никогда | еще он.
Фед. Сологуб

3-стопный:

◡ ◡ — ◡ ◡ — ◡ ◡ — ◡
 На орли | ных высо | тах Непа | ла,
 ◡ ◡ — ◡ ◡ — ◡ ◡ —
 Как цветок | в снеговом | хрустале, |
 ◡ ◡ — ◡ ◡ — ◡ ◡ —
 Вся в заоб | лачных снах, | увяда | ла
 ◡ ◡ — ◡ ◡ — ◡ ◡ —
 Моя пер | вая жизнь | на земле. |
[Даниил Андреев]

4-стопный:

◡ ◡ — ◡ ◡ — ◡ ◡ — ◡ ◡ — ◡
 Как любил | я вас, мир | ные, снеж | ные но | чи!
 ◡ ◡ — ◡ ◡ — ◡ ◡ — ◡ ◡ —
 По кварта | лам пустын | ным огни | фонарей...

5-стопный:

◡ ◡ — ◡ ◡ — ◡ ◡ — ◡ ◡ — ◡ ◡ —
 Отступи | от меня, | все дневно | е, пусто | е волненье!
 ◡ ◡ — ◡ ◡ — ◡ ◡ — ◡ ◡ — ◡ ◡ —
 Одино | чество! встань, | словно ме | сяц, над ча | сом моим!
Брюсов

◡ ◡ — ◡ ◡ — ◡ ◡ — ◡ ◡ — ◡ ◡ — ◡ ◡ —
 Петербург | ская ночь. | Воздух пу | чится че | рною льди | ной.
 ◡ ◡ — ◡ ◡ — ◡ ◡ — ◡ ◡ — ◡ ◡ —
 От игли | стых шагов | никому | не чинит | ся препон.
 ◡ ◡ — ◡ ◡ — ◡ ◡ — ◡ ◡ — ◡ ◡ —
 Кто в пальто, | кто в тулу | пе... Луна | холоде | ет полтиной,
 ◡ ◡ — ◡ ◡ — ◡ ◡ — ◡ ◡ — ◡ ◡ —
 Это в Нарвс | ком райо | не толпа | раздае | тся: — Гапон!
Пастернак

ЧЕТЫРЕХСЛОЖНЫЕ РАЗМЕРЫ

Пэон I — ◡ ◡ ◡ ◡

Пример:

— ◡ ◡ ◡ ◡ — ◡ ◡ ◡ ◡ — ◡ ◡ ◡ ◡ — ◡ ◡ ◡ ◡
 С гомоном и | шутками тол | пясь у сату | ратора,
 — ◡ ◡ ◡ ◡ — ◡ ◡ ◡ ◡ — ◡ ◡ ◡ ◡ —
 Дружески от | хлебывают | пенистый ор | шад
 — ◡ ◡ ◡ ◡ — ◡ ◡ ◡ ◡ — ◡ ◡ ◡ ◡ — ◡ ◡ ◡ ◡
 Юноши с квад | ратными пле | чами глади | аторов,
 — ◡ ◡ ◡ ◡ — ◡ ◡ ◡ ◡ — ◡ ◡ ◡ ◡ —
 Девушки хо | хочущие | платьями шур | шат.
 [Даниил Андреев]

Пэон II ◡ — ◡ ◡ ◡

◡ — ◡ ◡ ◡ ◡ — ◡ ◡ ◡ ◡ — ◡ ◡ ◡ ◡ — ◡ ◡ ◡ ◡
 Невидимо | притянуты | бесплотными | магнитами,
 ◡ — ◡ ◡ ◡ ◡ — ◡ ◡ ◡ ◡ — ◡ ◡ ◡ ◡ —
 Вкруг центра от | дальнего, | покорно ворожбе,
 ◡ — ◡ ◡ ◡ ◡ — ◡ ◡ ◡ ◡ — ◡ ◡ ◡ ◡ — ◡ ◡ ◡ ◡
 Размеренно | вращаются | гигантскими | орбитами
 ◡ — ◡ ◡ ◡ ◡ — ◡ ◡ ◡ ◡ — ◡ ◡ ◡ ◡ —
 Тяжелые | троллейбусы | мелькающе | го Бэ.
 [Даниил Андреев]

Пэон III ◡ ◡ — ◡

◡ ◡ — ◡ ◡ ◡ ◡ — ◡ ◡ ◡ ◡ — ◡ ◡ ◡ ◡
 Над рекою, | в нелюдимом | предвечери | и,
 ◡ ◡ — ◡ ◡ ◡ ◡ — ◡ ◡ ◡ ◡ —
 Уж потрески | вал и вспыхи | вал костер
 ◡ ◡ — ◡ ◡ ◡ ◡ — ◡ ◡ ◡ ◡ — ◡ ◡ ◡ ◡
 И туманы, | голубые | как повери | я,
 ◡ ◡ — ◡ ◡ ◡ ◡ — ◡ ◡ ◡ ◡ —
 Поднимались | с зарастаю | щих озер.
 [Даниил Андреев]

Пэон IV ◡ ◡ ◡ —

◡ ◡ ◡ — ◡ ◡ ◡ ◡ — ◡ ◡ ◡ ◡
 В необозри | мом мирозда | нии,
 ◡ ◡ ◡ — ◡ ◡ ◡ ◡ —
 Меж неизве | данных светил
 ◡ ◡ ◡ — ◡ ◡ ◡ ◡ — ◡ ◡ ◡ ◡
 Неисчисли | мые свида | ния
 ◡ ◡ ◡ — ◡ ◡ ◡ ◡ —
 Нам Всемогу | щий начертил.
 Брюсов

Размеры, в которых на 1 ударный слог приходится 4, 5 и больше слогов, чрезвычайно редки. Размеры этого рода называются

гипер-пэонами и гипер-гипер-пэонами.

Пример гипер-пэона: ◡ ◡ — ◡ ◡

◡ ◡ — ◡ ◡ ◡ ◡ — ◡ ◡ — ◡ ◡ ◡ ◡ — ◡ ◡
 А прожекторы, | — фиолетовый | и багровый —
 ◡ ◡ — ◡ ◡ ◡ ◡ — ◡ ◡ ◡ ◡ — ◡ ◡ ◡ ◡ —
 То выхватыва | ют, то комкают | облака,
 ◡ ◡ — ◡ ◡ ◡ ◡ — ◡ ◡ ◡ ◡ — ◡ ◡ ◡ ◡ —
 Будто мечутся | пламенеющие | покровы
 ◡ ◡ — ◡ ◡ ◡ ◡ — ◡ ◡ ◡ ◡ — ◡ ◡ ◡ ◡ —
 Сатурналии, | — вакханалии, | — гопака.
 [Даниил Андреев]

Пример гипер-гипер-пэона: ◡ ◡ ◡ — ◡ ◡

◡ ◡ ◡ — ◡ ◡ ◡ ◡ ◡ ◡ — ◡ ◡ ◡ ◡ ◡ ◡ —
 Когда расплющивают | ометалличиваю | щиеся валы
 ◡ ◡ — ◡ ◡ ◡ ◡ ◡ ◡ — ◡ ◡ ◡ ◡ ◡ ◡ —
 Неповторимейшее | и драгоценнейшее | из достояний.
 [Даниил Андреев]

КОМБИНИРОВАННЫЕ РАЗМЕРЫ

Комбинированные размеры составляют путем чередования стоп каких-либо двух размеров из числа указанных выше, например хорей и ямба, ямба и амфибрахия, дактиля и хорей и т.д.

Из комбинированных размеров в русской поэзии чаще других встречается ямбо-амфибрахий.

Примеры:

Ямбо-амфибрахий: ◡ — ◡ — ◡ (или амфибрахо-хорей)

◡ — ◡ — ◡ ◡ — ◡ ◡ — ◡ ◡
 Безумству храбрых | поем мы славу!
 ◡ — ◡ — ◡ ◡ — ◡ ◡ — ◡ ◡
 Безумство храбрых | — вот мудрость жизни!
 ◡ — ◡ — ◡ ◡ — ◡ ◡ — ◡ ◡
 О, смелый сокол! | В борьбе с врагами
 ◡ — ◡ — ◡ ◡ — ◡ ◡ — ◡ ◡
 Истек ты кровью, | но будет время —
 ◡ — ◡ — ◡ ◡ — ◡ ◡ — ◡ ◡
 И капли крови | твоей горячей...

Горький

Хориямб: — ◡ ◡ —

— ◡ ◡ — — ◡ ◡ — ◡

В этих глазах, | в грустных ресни|цах —

— ◡ ◡ — — ◡ ◡ —

Синь бирюзы, | блеск янтарей; |

— ◡ ◡ — — ◡ ◡ — ◡

Звезды текут | там верени|цей,

— ◡ ◡ — — ◡ ◡ —

Льются, светясь, | волны морей. |

Ямбохорей: ◡ — — ◡

◡ — — ◡ ◡ — — ◡

То был светлый, | как день мая, |

◡ — — ◡ ◡ — —

Зенит жизни, | зенит чувств;

◡ — — ◡ ◡ — — ◡

Он гас, мерк, он | мерцал, тая, |

◡ — — ◡ ◡ — —

И вот, снова я нищ, пуст.

Дольники

Дольниками называется особый класс поэтических размеров, широко распространенных в немецкой и английской поэзии, а в русской очень редко применявшихся до начала XX века. Из поэтов XIX столетия дольниками пользовались иногда Лермонтов, Тютчев, Фет, но широко пользоваться ими стали только символисты, в особенности Блок.

Принцип дольников заключается в следующем.

Для произнесения 1 строки стихотворения требуется определенное время. Впечатление ритмичности возникает вследствие того, что в один и тот же отрезок времени произносится одно и то же число ударных слогов, разделенных некоторым числом неударных. Но синтаксис поэтической фразы часто вызывает задержку голоса перед некоторыми знаками препинания, замедленность или убыстренность произнесения отдельных слов. Время, потребное для произнесения отдельного *слога* может быть употреблено на *паузу*, и это не нарушит ощущения общей ритмичности. Важно, чтобы сумма единиц времени, потребных для произнесения строки, совпадала с суммой единиц времени, потребных для произнесения следующей, либо — чтобы эти суммы чередовались в определенном порядке, напр.:

A — A+1 — A — A+1 — A — A+1.

Чтение стихов, написанных дольниками, требует чуткого, внутреннего ощущения ритмики и подчинения голоса этому внутреннему ритмическому чувству.

Число различных дольников чрезвычайно велико. Большинство их не имеет никаких определенных наименований.

Примеры:

— ◡ ◡ — ◡ ◡ — ◡ ◡ — ◡

Девушка | пела в цер|ковном | хоре

◡ — ◡ ◡ — ◡ ◡ — ◡ —

О всех | усталых | в чужом | краю,

◡ — ◡ ◡ — ◡ ◡ — ◡

О всех | кораблях, | ушед |ших в море, |

◡ — ◡ ◡ — ◡ ◡ —

О всех, | забыв |ших радость | свою.

◡ — ◡ ◡ — ◡ ◡ — ◡ — ◡

Так пел е|е голос, | летящий в купол,

◡ — ◡ ◡ — ◡ ◡ —

И луч | сиял | на белом | плече,

◡ — ◡ ◡ — ◡ ◡ — ◡ — ◡

И каждый | из мрака | смотрел | и слушал,

◡ — ◡ ◡ — ◡ ◡ — ◡ ◡ —

Как бело|е платье | пело в лу|че.

Блок

◡ ◡ — ◡ — ◡ ◡ — ◡

Из-за си|них волн | океа |на

— ◡ ◡ — ◡ ◡ —

Красный | бык при |поднял ро |га;

◡ ◡ — ◡ ◡ — ◡ ◡ — ◡

Убежа |ли ла |ни тума |на

◡ ◡ — ◡ ◡ — ◡ ◡ —

Под отве |систые | берега.

Гумилев

◡ — ◡ ◡ — ◡ ◡ — ◡

Бесследно | все сгибнет, | быть может, |

◡ — ◡ ◡ — ◡ ◡ —

Что ведо |мо было одним нам,

Но вас, кто меня уничтожит,

Встречаю приветственным гимном.

Брюсов

◡ — ◡ ◡ — ◡ ◡ — ◡

Поставьте, | невольни |ки воли,

◡ ◡ — ◡ ◡ — ◡ ◡ —

Шалаши | у дворцов, | как быва |ло;

◡ ◡ — ◡ ◡ — ◡ ◡ — ◡

Всколоси | те весе |лое по |ле

◡ — ◡ ◡ — ◡ ◡ —

На месте | тронного | зала.

Брюсов

— ◡ ◡ — ◡ — ◡ ◡ — ◡
 Смерть не рав|няет| граждан с цар|ями.
 — ◡ ◡ — ◡ — ◡ ◡ —
 Каждый про|длит д|еянье сво|е.
 — ◡ ◡ — ◡ — ◡ ◡ — ◡
 Разные| тропы| вьются ми|рами
 — ◡ ◡ — ◡ ◡ ◡ ◡ —
 Сквозь много|слойное| бытие. |

◡ — ◡ — ◡ — ◡ —
 Как ча|сто пла|чем — вы| и я —
 ◡ — ◡ — ◡ — ◡ —
 Над жал|кой жиз|нию| своей... |
 ◡ — ◡ ◡ — ◡ — ◡ —
 О, если| б знали| вы, друзья,
 — ◡ ◡ — ◡ ◡ ◡ ◡ —
 Холод и| мрак гря|дущих| дней!
 Блок

— ◡ ◡ — ◡ — ◡ ◡
 Вечер.| Трактир| Бакасто|ва.
 — ◡ ◡ ◡ —
 Сутолока.| Шум.| Гам. |
 — ◡ ◡ — ◡ ◡ — ◡ ◡ ◡ ◡
 Грязные| полы рас|пластыва|ются
 ◡ ◡ ◡ — ◡ ◡ ◡ ◡ —
 По заплета|ющимся ногам. |
 Коваленский

— ◡ ◡ — ◡ — ◡ —
 — Прочь, кто бо|ится!| Плачь, холоп! —
 — ◡ ◡ — ◡ — ◡ —
 Конница| мчится| вскачь, в га|лоп.

К классу *дольников* принадлежат также две категории ритмов — *русский народный стих* и *интонационный стих*.

Русский народный стих гораздо старше русской силлаботоники. Им написаны былины киевского и новгородского цикла, множество песен, сказаний, духовных стихов и т.п. Подавляющее большинство этих произведений анонимны.

В XIX веке Лермонтов воспользовался этим стихом для своей «Песни о купце Калашникове», Пушкин — для своих русских сказок. Народным стихом писал поэт Кольцов.

Этот стих рассчитан не на чтение, а на пение или произнесение нараспев. При обыкновенном же чтении он кажется иногда чем-то средним между поэзией и прозой.

Примеры:

Отзвонили вечерню во святых церквах;
 За Кремлем горит заря туманная...
 Набегают тучки на небо,
 Гонит их метелица, распеваячи, —
 Опустел широкий Гостиный двор.

Лермонтов

◡ ◡ — ◡ ◡ — ◡ ◡ ◡ — ◡ —
 ◡ ◡ — ◡ — ◡ — ◡ — ◡ ◡
 ◡ ◡ — ◡ — ◡ — ◡ ◡
 — ◡ ◡ — ◡ ◡ ◡ ◡ — ◡ ◡
 ◡ ◡ — ◡ — ◡ ◡ — ◡ —

Я летел-скакал через Яруги,
 Чрез Подольск, Лопастню да Серпухов,
 А послал меня к Дмитрий Иванычу
 Сам великий печальник всея Руси,
 Сам молещик за нас — Сергей Радонежский.

◡ ◡ — ◡ — ◡ ◡ — ◡ ◡
 ◡ ◡ — ◡ — ◡ ◡ — ◡ ◡
 ◡ ◡ — ◡ ◡ — ◡ ◡ — ◡ ◡
 ◡ ◡ — ◡ ◡ — ◡ ◡ — ◡ —
 ◡ ◡ — ◡ ◡ — ◡ — ◡ — ◡ ◡

Интонационный стих является крайним развитием принципа *дольников*. Он был разработан в XX веке поэтами-футуристами, главным образом Маяковским.

Если творцы народного стиха предполагали его произнесение нараспев, то создатели интонационного стиха рассчитывали на чтение своих произведений во весь голос с эстрады, с трибуны. Свойственный *дольникам* упор на интонацию, на убыстрение и замедление темпа речи здесь доводится до предела: интонации резко подчеркиваются, голос то поднимается до крика, то понижается до театрального шепота, речь то убыстряется до того, что почти проглатываются целые слова, то замедляется вплоть до употребления пауз, длящихся несколько секунд.

Естественно, что принцип интонационного стиха оказывается наиболее эффективным в жанре так называемой гражданской лирики, — в поэзии политической, агитационной.

При чтении одними глазами, «про себя», интонационный стих воспринимается с трудом, его ритмику нелегко уловить, иногда он даже кажется рубленной на куски прозой.

ГЕКСАМЕТР

К классу *комбинированных* размеров относится также *гекзаметр*. Это — древнегреческий размер, которым написаны знаменитые поэмы

Гомера. У нас он употреблялся для переводов этих памятников на русский язык, а также и для оригинальных произведений. Гекзаметром пишут всегда без рифм.

Гекзаметр очень близок к *шестистопному дактилю*. Отличает его то, что из III стопы автор может выбрасывать (в пределах некоторых правил) 1 или 2 неударных слога.

— — — — —
или — — — — —

Примеры:

Слышу божественный звук умолкнувшей эллинской речи,
Старца великого тень чую смущенной душой.

Пушкин

Мудрость! На утреннем Ганге ты лотосом белым приснилась,
Лилией нам расцвела здесь, в Галилейской земле.

Вяч. Иванов

Спондеи

Спондеем называется стопа, состоящая из двух ударных слогов: — —
Естественно, что в чистом виде спондей почти не употребляется. Но в сочетании с другими размерами он может образовывать множество своеобразных размеров, звучание которых непохоже на звучание каких бы то ни было других метрических систем.

До сих пор в русской поэзии те возможности, которыми богато спондеическое стихосложение, использованы очень мало.

Известны следующие категории спондеических размеров:

I. Спондеические восходящие,

в которых спондеический элемент сконцентрирован *в начале* строфы или в начале каждой из составляющих ее и единообразно повторяющихся групп стоп.

Примеры:

Вон —
в славе —
Знак
Льва.
Ночь
правит.
Бьет
Два.

Груз
Дум
Прочь
Скидывается,
Гонг
Бьет,
Смех
Взвихривается, —
Пусть
Дождь —
Кровь
Взбадривается! —
Сам
Вождь
В нас
Всматривается!

II. Спондеические срединные,

в которых спондеический элемент сконцентрирован *в середине* строфы или в середине каждой из групп стоп, составляющих эту строфу.

Примеры:

Гудит
Шаг гиганта
в снегу,
Льду, воде.
Сквозь мглу
Транспаранты
В косом
Прут дожде...

...Чью дружелюбную мощь
Хор
Славить придет на луга,
В глубь расколдованных рощ,
В бор,
В поле и на берега...

III. *Спондеические нисходящие,*
в которых спондеи сконцентрированы в конце.

Примеры:

Рати! Цитадель
Стиснута вокруг.
Шире раздвигай
Брешь,
В эту колыбель
Роскоши и мук
Влейся! разрушай!
Режь!

— А фейерверк-то! До туч
брызг
рой!
— Тысячецветным шатром
ток
струй!
— Эй, выходи на балкон:
вон —
змей,
Десятихвостый дракон!
волк!
Вий!

IV. *Спондеические обнимающие,*
в кот<орых> спондеи расположены и в начале и в конце.

Примеры:

Срок
Бьет.
Пронесем через мост
Труп.
Жизнь
Ждет,
И торопит на пост
Труд...

В тыл
Голого зада, в простой — вместо свеч —
круг
ламп,

Бил
Голос оратора, ухала речь,
как
штамп...

V. *Спондеические многоярусные* —
строфа сложного комбинированного типа.

Кроме того, отдельные спондеи могут свободно вплетаться в ткань обыкновенных дольников.

Наряду с указанной классификацией спондеев они могут быть также разбиты на группы в зависимости от того, с каким другим метром сочетаются они в данном случае: с дактилем ли, с хореем ли, с пеоном ли и т.д.

РИФМА

Если строка *оканчивается* на ударный слог, рифма в такой строке называется *мужской*. Примеры:

огонь — ладонь
веретено — давно
шелк — волк
книг — поник

Если последним ударным слогом в строке является *второй слог от конца*, рифма в такой строке называется *женской*. Примеры:

погони — ладони
воли — давно ли
шелка — волка
книга — расстрига

Если последним ударным слогом в строке является *третий слог от конца*, рифма в такой строке называется *дактилической*. Примеры:

ладонями — погонями
давно ли я — магнолия
пения — терпения
пламенный — каменный

Если последним ударным слогом в строке является *четвертый, пятый или шестой слог от конца*, рифма в такой строке называется *гипердактилической*. Примеры:

радостную — сорокоградусную
 скашивая — распрашивая
 сбрасывающий — засасывающий

Таким образом:

— мужская рифма
 — ∪ женская рифма
 — ∪ ∪ дактилическая рифма
 — ∪ ∪ ∪ гипердактилическая рифма
 — ∪ ∪ ∪ ∪

Если рифмуют соседние строки, рифма наз<ывается> *парной*.
 Например:

Ворон ворону в ответ:
 Знаю, будет нам обед;
 В чистом поле под ракитой
 Богатырь лежит убитый.
Пушкин

Если строки рифмуют через одну (А–В–А–В), такая рифма наз<ывается> *перекрестной*.

На воздушном океане
 Без руля и без ветрил
 Тихо плавают в тумане
 Хоры стройные светил.
Лермонтов

Если строки рифмуют так: А–В–В–А, рифма называется *обнимающей*.

Если жизнь тебя обманет,
 Не печалься, не сердись!
 В день уныния смиришь:
 День веселья, верь, настанет.
Пушкин

В поэзии встречается много и других видов рифмической последовательности. Однако изучение их связано с другим разделом стиховедения — со строфикой.

Рифмы делятся также на следующие разряды:

1. *Флексивная:*

золотой — домой
 мира — лира
 счет — народ

2. *Опорно-согласная:*

золотой — устой
 мира — кумира
 счет — течет

3. *Глубокая:*

тетрадь — не трать
 корана — только рана
 весна — десна

4. *Корневая:*

полночь — полный
 ночам — начал
 Крым — открыл

5. *Усеченная:*

молод — золото
 плачу — складчина

6. *Бесконцовая:*

назад — глаза
 окон — рока
 плакать — лака

7. *Ассонанс:*

складный — закатный
 сокол — стока
 отрочество — водоросли

8. *Усеченный ассонанс:*

плачу — охваченный

9. *Консонанс:*

роза — риза
 том — там
 мера — мира
 лаком — кликом
 перина — Перуна

ю. *Консонанс-ассонанс:*

*кружесом — скрежетом
кроющими — играющие*

Кроме того, наряду с *простыми* рифмами употребляются *составные*:

*по снегу — постнику
зари я — Мария
Боже — кто же
просто — до ста
незримая — из Рима я
прадеду — попрать иду*

Высшей формой развития составной рифмы является рифма *абсолютная*:

*Я от тоски нем; а то, граф,
Я бы вас сводил в кинематограф.*

АЛЛИТЕРАЦИЯ

Аллитерация есть повторение одних и тех же или сходных звуков внутри строки.

Аллитерирование — основа музыкальности стиха.

Примитивные способы пользования аллитерацией приводят к тому, что аллитерация резко бросается в глаза.

Например — инструментовка (аллитерирование) на звук «л», сознательно проведенная таким образом, что этот звук участвует в каждом слове строфы:

*С лодки скользнуло весло,
Ласково млеет прохлада...
Милый! мой милый! светло,
Сладко от беглого взгляда.*
Бальмонт

Сложная инструментовка на «н»:

Посмотри: в тени чинары	н — 18
Пену сладких вин	л — 8
На узорные шальвары	р — 7
Сонный льет грузин.	т — 6
И, склонясь в дыму кальяна	
На цветной диван,	
У жемчужного фонтана	
Дремлет Тегеран.	
<i>Лермонтов</i>	

Благодаря тому, что здесь «н» неравномерно разбросаны по строфе, аллитерация не кажется навязчивой, как это было в первом случае.

Каждый звук речи обладает определенной эмоциональной, музыкальной выразительностью.

«Л» и особенно «ль» — звуки ласковые, нежные, как бы влажные. Однако твердое «л», тем более удвоенное, может производить и впечатление большой твердости, мужественности (кинжал, металл).

«Н» (и в особенности «нн») — звук как бы задумчивый, матовый, мечтательный, несколько таинственный.

«Р» — звук, богатый нюансами: от величавой торжественности до повелительной резкости и грубой грузности.

Все эти нюансы зависят не только от *смысла* слов, но и от ритма, и от того, с какими другими звуками, в какой последовательности, сочетается данный стержневой звук.

Примеры.

Звук «р», использованный для выражения властного, резкого приказа:

*Рати! Цитадель
Сдавлена вокруг.
Шире проскребай
Брешь, —
В эту колыбель
Роскоши и мук
Влейся! разрушай!
Режь!
[Даниил Андреев]*

Звук «р», использованный для выражения суровой и мужественной торжественности:

*Мой стих трудом громаду лет прорвет
И явится — весомо, грубо, зримо,
Как в наши дни вошел водопровод,
Сработанный еще рабами Рима.*
Маяковский

Таким образом, смысл слов, ритм и другой характер сочетаний с окружающими звуками изменяют то эмоциональное впечатление, которое производится частым повторением звука «р».

Существует очень много различных видов аллитерации. Для примера можно назвать следующие:

Анафора — повторение одних и тех же (или сходных) звуков в начале слов.

...И пунша пламень голубой.

...Пал Порт-Артур, пал.

...Молотом мощным Мйольнир ударил...

Анафаза — повторение одних и тех же (или сходных) звуков в середине слов (или одного — в начале, другого — в середине).

Волна на волну набегала,
Волна погоняла волну... —
(повторение слога *ала* в конце слов есть *эпифора*, а не *анафаза*).

Раскаленные ступени
Царственных могил...

Эпифора — повторение одних и тех же или сходных звуков в конце слов.

Сердечной ревностью горя,
Он взором опытным героя... —

эпифора со сходными звуками.

...И веют древними поверьями
Ее упругие шелка,
И шляпа с траурными перьями,
И в кольцах узкая рука.

Блок

В этой строфе, кроме эпифоры «ми», имеется анафора «шл» (шляпа — шелка) и сложная инструментовка на «р».

Зевгма — (стык): повторение последнего звука слова в начале следующего:

Свои уста оторвала...

В лучах фонарей реющей тенью...

Наряду с простыми аллитерациями существуют сложные системы их: перекрестная, последовательная, обхватная и др.

Пример *перекрестной* аллитерации (в которой чередуются сначала I, потом II звук, потом опять I, опять II):

На мутном небе мгла носилась...

Пример *обхватной* аллитерации:

Мутно небо, ночь мутна.

ЦЕЗУРА

Цезурой называется интонационный перелом строки (преимущественно в 5-стопном и 6-стопном ямбе).

В 5-стопном ямбе этот перелом достигается тем, что *последний слог II стопы совпадает с концом слова*. В 6-стопном ямбе с концом слова должен совпадать *последний слог III стопы*.

Примеры 5-стопного ямба с цезурой и без цезуры:

Признаться вам, | я в пятистопной строчке
Люблю цезуру на второй стопе.
Иначе, стих | то в яме, то на кочке,
И хоть лежу | теперь на канапэ,
Все кажется мне, будто в тряском беге
По мерзлой пашне мчусь я на телеге.

Пушкин

6-стопный ямб:

О, кто бы ни был ты, | чье ласковое пенье
Приветствует мое | к блаженству возрожденье,
Чья скрытая рука | мне крепко руку жмет,
Указывает путь | и посох подает.

Пушкин

Степень мастерства в пользовании цезурой является в известной степени мериллом того, в какой мере автор овладел техникой ямбического стихосложения.

СТРОФИКА

Строфикой называется раздел поэтики, посвященный изучению различных типов поэтической строфы, а также различных сочетаний строф между собой. Сюда же относится изучение так называемых «твердых форм».

Строфа есть сочетание нескольких строк, связанных между собой общей системой рифм.

В русской поэзии XVIII века преобладали двухстрочные строфы. Широко пользовались *александрийским стихом* — т.е. двухстрочной строфой шестистопного ямба (разумеется, с парной рифмой). Александрийский стих любил и Пушкин. Позднее эту форму стали употреблять редко, а теперь ею не пользуются вовсе. Пример:

Ты понял жизни цель: счастливый человек,
Для жизни ты живешь. Свой долгий, ясный век
Еще ты смолodu умно разнообразил:
Искал возможного, умеренно проказил...

С Пушкина начинается преобладание четырехстрочной строфы — как в ямбе, так и в других размерах. Это преобладание продолжается до Маяковского и, после некоторого перерыва в первые 15 лет советской эпохи, восстанавливается в 30-х годах нашего столетия.

Четырехстрочные строфы имеют различных типов, в зависимости от размера, в котором они написаны, и от различных систем рифмы. Самый распространенный тип, очень часто употребляемый до сих пор, — четырехстрочная строфа четырехстопного ямба с перекрестною рифмой, при чем I и III строки связаны женскою рифмой, а II и IV — мужской. Напр<имер>:

Таким огнем душа палима,
Отвергла мрак земных сует,
И внемлет арфе серафима
В священном ужасе поэт.

Подобные примеры можно было бы умножать почти до бесконечности.

Наряду с четырехстрочной строфой русскими поэтами XIX и XX веков разрабатывались и многочисленные другие виды и типы строф.

Примеры:

6-строчная строфа трехстопного ямба:

Она пришла с заката; А
Был плащ ее заколот Б
Цветком нездешних стран: В
Звала меня куда-то А
В бесцельный зимний холод Б
И в северный туман. В

Блок

Сложная 6-строчная анапестическая строфа:

Ненавидим оковы А
Светложданного строя Б
И под кровом безлунных ночей В
Колеблем основы А
Мирового покоя, Б
Прометей! В

Вяч. Иванов

8-строчная строфа трехстопного амфибрахия:

Под ветром холодные плечи А
Твои обнимать так отрадно Б
Ты думаешь — нежная ласка, В
Я знаю: восторг мятежа! Г
И теплятся очи, как свечи А

Ночные, и слушаю жадно: Б
Шевелится страшная сказка В
И звездная дышит межа. Г

Блок

6-строчная строфа 5-стопного хорей:

Поддалась лихому наговору, А
Отдалась разбойнику и вору, А
Подожгла посадки и хлеба, Б
Разорила древнее жилище, В
И пошла поруганной и нищей В
И рабой последнего раба. Б

Волошин

Существует множество различных видов и типов строф. Перечисление их, сопровождаемое примерами, заняло бы много десятков страниц.

Твердыми формами называются такие поэтические каноны, «трафареты», по которым можно строить стихотворение лишь при условии строжайшего соблюдения определенных правил ритмики, рифмовки и строфики.

Некоторые твердые формы представляют собой каноны для отдельных законченных стихотворений (*сонет, рондо, триолет, газелла и др.*). Другие же твердые формы являются такими канонами, многократным, последовательным повторением которых пользуются для длинных поэтических произведений, в особенности поэм. Таковы *октавы, терцины* и др.

1. Октава

Строфа октавы состоит из 8 строк. Из них 6 первых рифмуются перекрестно, а 2 заключительных — парно. Получается следующая канва: АБАБАБВВ. Октавы пишутся пятистопным ямбом.

Например:

Как весело стихи свои вести А
Под цифрами, в порядке, строй за строем, Б
Не позволять им в сторону брести, А
Как войску, в пух рассыпанному боем! Б
Тут каждый слог замечен и в чести, А
Тут каждый стих глядит себе героем, Б
А стихотворец... с кем же равен он? В
Он Тамерлан, иль сам Наполеон. В

Пушкин

2. Сонет

Сонет — стихотворение из 14 строк, написанное 5-стопным или 6-стопным ямбом. Оно состоит из двух 4-строчных строф и 1 шестистрочной (заключительной).

Две первых строфы должны быть объединены общей рифмовкой. На эти 8 строк полагается только 2 рифмы: 1 мужская и 1 женская. Расположение рифм допускается либо А–Б–А–Б–А–Б–А либо А–Б–Б–А–А–Б–Б–А.

Например:

А Поэт! Не дорожи любовью народной.
 Б Восторженных похвал пройдет минутный шум;
 А Услышишь суд глупца и смех толпы холодной,—
 Б Но ты останься горд, спокоен и угрюм.

А Ты царь: живи один. Дорогою свободной
 Б Иди, куда влечет тебя свободный ум,
 Б Усовершенствуя плоды любимых дум,
 А Не требуя наград за подвиг благородный.

В заключительной шестистрочной строфе допускаются 3 рифмы, а расположение их оставляется на благоусмотрение автора.

Пример:

В Они в тебе самом. Ты сам свой высший суд;
 В Всех лучше оценить умеешь ты свой труд.
 Г Доволен ли ты им, взыскательный художник?

Д Доволен? Так пускай толпа его бранит
 Д И плюет на алтарь, где твой огонь горит,
 Г И в детской резвости колеблет твой треножник.

Пушкин

3. Терцина

Терцина представляет собою такое построение пятистопного или 6-стопного ямба, в котором рифмы, как бы цепляясь друг за друга, образуют непрерывную прядь любой длины. Терцинами пишутся преимущественно поэмы, даже эпопеи (напр. «Божественная комедия» Данте).

Рифмы располагаются так:

А Тогда я демонов увидел черный рой, — ой
 Б Подобный издали ватаге муравьиной, — иной
 А И бесы тешились проклятою игрой: — ой

Б До свода адского касалась вершиной — иной
 В Гора стеклянная, как Арарат остра, — ра
 Б И разлегалась над темною равниной. — иной

В И бесы, раскалив как жар чугуна ядра, — ра
 Г Пустили вниз его смердящими когтями; — ями
 В Ядро запрыгало — и гладкая гора, — ра

Г Звеня, растрескалась колючими звездами, — ами
 Д Тогда других чертей нетерпеливый рой — ой
 Г За жертвой кинулся с ужасными словами, — ами

Д Схватили под руки жену с ее сестрой, — ой
 Е И заголили их, и вниз пихнули с криком, — иком
 Д И обе, сидючи, пустились вниз стрелой... — ой

Е Порыв отчаянья я внял в их вопле диком: — иком
 Ж Стекло их резало, впивалось в тело им — им
 Е А бесы прыгали в веселии великом. — иком

Пушкин

и так далее.

НОВЫЕ МЕТРО-СТРОФЫ
(из книг «Бродяга» и «РУССКИЕ БОГИ»),
ВПЕРВЫЕ ВВОДИМЫЕ В РУССКУЮ ПОЭЗИЮ
Перечень, классификация, образцы

I. ГРУППА
СПОНДЕИЧЕСКИХ ВОСХОДЯЩИХ

1.

Спондей
— — — — —

Уж
в темь
Пал
месяц.
Бьет
семь.
Бьет
десять.

Вариант: Вон —
в славе —
Знак
Льва.
Ночь
правит.
Бьет
два.

2.

Сpondeоямб
— — — — —
— — — — —

— Свет!
Светлый свет!
— Жар!
Добрый жар!

— Благ,
Щедр и свят
Ваш
Страстный дар!

3.

Спондей удвоенный дактилический
— — — — —
— — — — —

Страж!
Взять
Вот
Этого:
Смыть
Лик!
Скрыть
След его!

4.

Спондей удвоенный гипердактилический
— — — — —
— — — — —

Груз
Дум
Прочь
Скидывается.
Пляс
Мчит,
Кровь
Взбадривается, —
Гонг
Бьет,
Смех
Взвихривается,
Сам
Вождь
В нас
Вглядывается!..

Варианты:

Вой,
вой,
Ветр
Взвеваяющийся!
Плачь,
Плачь,
Дух
Жалующийся!
Рой
Хлябь
Волн
Рушащихся,
Мчи
вдаль
Гроб
Взбрасывающийся!

5.

Восходяще-нисходящая гипердактическая
кваттурдецима

— — — — —
— — — — —
— — — — —
— — — — —

Вот,
Сплошь
Полная древними призраками,
Бьет
Счет
Полночь над башенным рвом.
Блеск
Рамп
Сразу сменяется сумерками...
Стих
Треск
Джазов, — юркнув
Как
Гном.

6.

Спондей облегченный аккомпанементный

— — — — —
— — — — —

Нам
Сам
Черт не брат:
Скачем передом назад.

7.

— — — — —
— — — — —
— — — — —
— — — — —

Уж ночь. Выйду из хаты...
Порог, сени, крыльцо...
Высок купол крылатый
И мрак дышит в лицо.

8.

Восходящая дактилическая децима

— — — — —
— — — — —
— — — — —
— — — — —

Тих
Волн
Ропот... Не плещется белыми гривами
Бег
Пен
Бурых на отмели берега дремлющего...
Смолк
Вой
Шторма, что раньше бросал их приливами,
Стих
Рог
Бурь, и моря замыкаются землями.

II. ГРУППА СПОНДЕИЧЕСКИХ СРЕД

I.

Ямбохорей

— — — — —
— — — — —
— — — — —
— — — — —

Смешав правду с нагой ло[жью,]
смесив знанье с тр[ухой догмы,]
Здесь дух века мнет ум тыс[яч,]
росток нежный, эфир [душ.]
Чтоб их после швырнуть в [город,]
в огонь строек, по [...?]
Чтоб влить сонмы живой каплей
в прибой строя, в ст[альной туш...]

III. ГРУППА СПОНДЕИЧЕСКИХ НИСХОДЯЩИХ

1.

Хориямбо-спондей

— ◡ — — — —
 — ◡ — — — —
 — ◡ — — — —
 — ◡ — — — —

Я
 за стеной
 рыл
 вал;
 Я укреплял
 мощь
 скреп;
 Смерду закон мой стал
 Необходим,
 как хлеб...

2.

Хорео-анapestная усеченная

— ◡ ◡ — — ◡ ◡ — —
 — ◡ ◡ — — — —
 — ◡ ◡ — — ◡ ◡ — —
 — ◡ ◡ — — — —

Рати! Цитадель В эту колыбель
 Нами занята. Роскоши и мук
 Шире раздвигай Влейся! разрушай!
 Брешь, Режь!

3.

Четырехстопно-ямбическая спондейная децима

◡ — ◡ — ◡ — ◡ — — — ◡ ◡
 ◡ — ◡ — ◡ — ◡ — — — ◡ ◡
 ◡ — ◡ — ◡ — ◡ — — — ◡ ◡
 ◡ — ◡ — ◡ — ◡ — — — ◡ ◡

— На плаху, дыбу, на костер —
 всех
 недругов!
 — Спасенье тысячам сирот,
 вдов,
 отроков!
 — Освобожденье и простор
 всем
 узникам!
 — Чтoб справедливый эшафот
 стал
 праздником!

4.

Ямбо-пиррихическая спондейная декада

◡ — ◡ — ◡ ◡ ◡ — — — —
 ◡ — ◡ — ◡ ◡ ◡ — — — —
 ◡ — ◡ — ◡ ◡ ◡ — — — —
 ◡ — ◡ ◡ ◡ ◡ — ◡ ◡ — ◡ ◡ ◡ ◡

— Железо стягивая, плотним
 Ткань
 Мышц.
 — Никель разжевывая, густим
 Кровь
 Вен.
 — Золото всасывая, крепим
 Свой
 Мозг!
 — Усиливаемся, хозяин, усиливаемся.

5.

Дактиле-ямбо-спондическая секстина

— ◡ ◡ ◡ — — — —
 — ◡ ◡ ◡ — — — —

— Труженик! Усвой Плотной пеленой
 Наш Вдоль
 Ямб: Рва
 Стройся чередой Двигайся за мной:
 Близ Раз!
 Дамб; Два!

6.

Дактиле-спондеическая децима первая

— ◡ ◡ ◡ — ◡ ◡ — — — —
 — ◡ ◡ ◡ — ◡ ◡ — — — —
 — ◡ ◡ ◡ — ◡ ◡ — — — —
 — ◡ ◡ ◡ — ◡ ◡ — — — —

А фейерверк-то! до туч
 брызг
 рой!
 Тысячецветным шатром
 ток
 струй...
 Эй, выходи на балкон:
 вон —
 змей,
 Девятихвостый дракон!
 волк!
 Вий!..

7.

Пятистопно-ямбический спондей

— — — — —
 — — — — —
 — — — — —

Как горестно взмывает на простор
 чуть-лунный
 Гудков за горизонтом перебор
 трех-струнный!

8.

Сpondeизированный анапест первый

— — — — —
 — — — — —
 — — — — —
 — — — — —

Мчатся гимны, звенят
 метрами...
 Порошит вихревой
 снег...
 Взвит метелями, смят
 ветрами
 Мой короткий, мой злой
 век.

9.

Пэоно-спондеическая плясовая

— — — — —
 — — — — —

Слышатся набег, разгул,
 ширь
 рек,
 В заревах и в неге лихих
 дней
 бег...

10.

Сpondeизированный анапест второй

— — — — —
 — — — — —
 — — — — —
 — — — — —

На траву я упал
 ниц,
 Я зеленым дышал
 запахом...
 Стихли днем голоса
 птиц;
 Уже солнце текло
 к западу.

11.

Сpondeизированный четырехстопный ямб

— — — — —
 — — — — —
 — — — — —
 — — — — —

Тишь
 Хвои,
 Где сходятся на отчий брег
 Природа-Мать и человек —
 Лишь
 Двое.

12.

Сpondeизированный дактилеямб

— — — — —
 — — — — —
 — — — — —
 — — — — —

Запахи с лугов
 слаще,
 Пламенной косой
 луч...
 Тихо заалел
 в чаще
 Домик у лесных
 круч.

13.

Дактиле-спондеическая децима вторая

— — — — —
 — — — — —
 — — — — —
 — — — — —

Ночь, нисходя, у окраин
 Жгла
 зарева...
 В маске лежал он у стен,
 Весь
 наг,
 Города страшного гость,
 Бич,
 царь его,
 В смерти приняв на лицо
 Твой
 знак.

20.

Дактиле-спондеическая секстина

— ∪ ∪ — ∪ ∪ — ∪ ∪ — ∪
 — ∪ ∪ — —
 — ∪ ∪ — ∪ ∪ — ∪ ∪ — ∪
 — ∪ ∪ — —

Но, как и прежде, венцом Мономаха
 Белый горит
 Столп,
 Вечно-единый, превыше размаха
 Распрей и битв
 Толп.

21.

Пэоно-спондеическая декада

— ∪ ∪ ∪ — ∪ ∪ ∪ — — — ∪
 — ∪ ∪ ∪ — ∪ ∪ ∪ — ∪ —
 — ∪ ∪ ∪ — ∪ ∪ ∪ — — — ∪
 — ∪ ∪ ∪ — ∪ ∪ ∪ — ∪ —

Ветром овеваемы, теплом
 дня
 пълны,
 Высотой качаемы, смеясь,
 Поем,
 Чтоб с закатов розовых лились
 к нам
 волны,
 Нежа нас над городом — одних,
 Вдвоем.

22.

Сpondeизированный анапест третий

∪ ∪ — ∪ ∪ — — — ∪
 ∪ ∪ — ∪ ∪ — — —
 ∪ ∪ — ∪ ∪ — — — ∪
 ∪ ∪ — ∪ ∪ — — —

...Оттого что Господь
 косит
 Дни как травы,
 к мольбам
 глух...
 Оттого, что не плоть
 просит
 Злой отравы,
 но сам
 дух.

23.

Анапесто-спондеическая децима («карнавальная»)

∪ ∪ — ∪ ∪ — — — ∪
 ∪ ∪ — ∪ ∪ — — —
 ∪ ∪ — ∪ ∪ — — — ∪
 ∪ ∪ — ∪ ∪ — — —

А снаружи — в огнях
 Мрак
 Улиц,
 Фейерверком залит
 Весь
 Мост;
 Каждый угол гудит
 Как
 Улей;
 Скетчи шумных эстрад
 Жгут
 Мозг.

24.

Ямбо-спондеическое четырнадцатистишие второе

∪ — ∪ — — — — ∪ — — — —
 ∪ — ∪ — — — — ∪ — — — —
 ∪ — ∪ — — — — ∪ — ∪ — — — —
 ∪ — ∪ — — — — ∪ — — — —

— Я в тростниках
 Вью-вью!
 Я в родниках
 Пью-пью!
 Я в лозниках
 Лью трель
 Мою;

Сев на корчу,
 Дом свив,
 Прощебечу:
 — Жив, жив!
 Пою, свищу:
 — Чив, чив,
 Чи-ю!..

25.

Ямбо-спондеическая секстина

∪ — ∪ — ∪ — ∪ — ∪ ∪ — — — ∪ ∪
 ∪ — ∪ — ∪ — ∪ — ∪ ∪ — — — ∪ ∪

Тебя невестим, одеваем
 Парчой
 Злачною, —
 Сияй, дитя, над диким краем
 Свечой
 Брачною!

26.

Анапесто-спондеическая октава

— — — — —
 — — — — —
 — — — — —
 — — — — —

Не умолкнут кругом
 битвы
 И ясней засквозит
 нам
 Храм, что строит теперь
 Витберг —
 В запредельном Кремле
 храм.

27.

Хориямбо-спондеическая октава

— — — — —
 — — — — —
 — — — — —
 — — — — —

И не вместят
 Сны человечества
 Грез, что блестят
 Мне, —
 Этот псалом
 Ангелов вечности
 На мировом
 Дне.

IV. ГРУППА СПОНДЕИЧЕСКИХ ОБНИМАЮЩИХ

I.

Хориямб простой

— — — — —
 — — — — —

— Враг у ворот!
 — Сколько? — Тьма тем!
 — Водоворот
 — Тысяч — у стен...

2.

Обоюдо-спондеическая октава первая

— — — — —
 — — — — —

Срок
 Бьет.
 Пронесем через мост
 Труп.
 Жизнь
 Ждет,
 И торопит на пост
 Труд!

3.

Обоюдо-спондеическая октава вторая

— — — — —
 — — — — —

 В свод
 Голого зала, в простой — вместо свеч —
 Круг
 Ламп,
 Бил
 Голос оратора, ухала речь,
 Как
 Штамп...

4.

Обоюдо-спондеическая октава третья

— — — — —
 — — — — —

— Нас, узников, жрет
 Труд.
 — Нас, смертников, жмет
 Страх:
 — Час, кланяясь, бить
 Бут;
 Два — ползая — рыть
 Прах.
 Тут, в сумраке, нет
 Смен,
 Вглубь поприща сход
 Крут...
 Весь медленный век —
 Плен,
 Весь горестный век —
 Труд.

5. Сpondeическая многоярусная первая

...Оттуда — на мгновение, внизу

вся

в пламенных сияньях несосчитанных — Москва,
наш

рок,

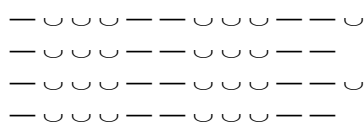
В дни горя, в ураганах и в грозу —

страж

каменный, в годину же хмельного торжества —
наш

бог.

6. Сpondeический дактилеямб

В узел сатаны нити городов

Свиты,

Кармою страны скован по рукам

Дух...

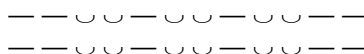
Где ты в этот час, ближний из сынов

Света,

Бодрствующий в нас огненной борьбой

Двух?

7. Ямбо-спондеическая секстина

Здесь —

Пышные лестницы, каждый их марш —

Прям,

Здесь

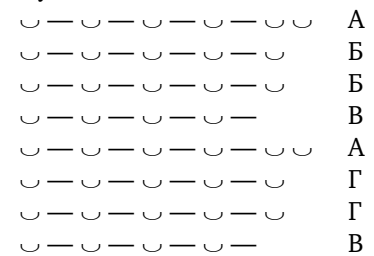
Вдоль коридоров шелка секретарш —

Дам...

V. ГРУППА НОВЫХ СИЛЛАБОТОНИЧЕСКИХ ОКТАВ

1.

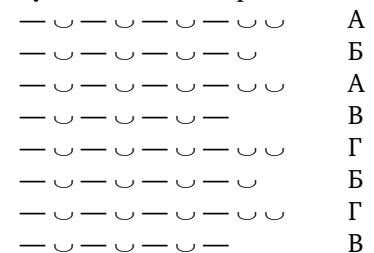
Русская октава ямбическая

Я слышал, как цветут поверия
Под сводом теремов дремучих,
И как поет в крылатых тучах
Серебристый звон церковей,
Как из-под грузных глыб империи
Дух воли свищет пламенами
И развеивает их над нами
Злой азиатский сухой.

2.

Русская октава хорейческая

И, как ответ вечно-юного
Золотого утра мира,
Видишь крылья Гамаюны,
Наклоненные к ручью,
Слышишь пенье Алконостова
И смеющиеся клиры
В чащах праведного острова
У Отца светил, в раю.

3.

Русская октава амфибрахическая первая

— — — — — — — —	А
— — — — — — — —	Б
— — — — — — — —	А
— — — — — — — —	Б
— — — — — — — —	В
— — — — — — — —	Г
— — — — — — — —	В
— — — — — — — —	Г

И, мерно сходясь над народом,
 Как тени от волн набегающих,
 Скрывают бесплотные воды
 Молящих, скорбящих, рыдающих.
 И к полчищам вражьи доносится
 Лишь звон погруженного Града,
 Хранимого как дароносица,
 Негаснущего как лампада.

4.

Русская октава амфибрахическая вторая

— — — — — — — —	
— — — — — — — —	
— — — — — — — —	
— — — — — — — —	
— — — — — — — —	
— — — — — — — —	
— — — — — — — —	
— — — — — — — —	

Ты с башни лиловой сходила
 В плаще векового преданья,
 А в улицах, в ночи свиданья,
 Как оттепель стлалась у ног,
 Сулила, звала и грозила
 И стужей, и вечной изменой,
 С бездонных окраин вселенной
 Мерца, как звездный клинок.

5.

Русская анапестическая октава первая

— — — — — — — —	А
— — — — — — — —	Б
— — — — — — — —	А
— — — — — — — —	В
— — — — — — — —	Г
— — — — — — — —	Б
— — — — — — — —	Г
— — — — — — — —	В

...И в сиреневых далях
 Цепь двойных канделябров
 По ночным магистралям
 Устремилась к тебе, —
 Страсть горячих и юных,
 Доблесть гордых и храбрых
 Чарам жертвуя лунным
 И твоей ворожке.

6.

Хореическая октава 4-х-стопная усеченная

— — — — — — — —	А
— — — — — — — —	Б
— — — — — — — —	А
— — — — — — — —	В
— — — — — — — —	Г
— — — — — — — —	Б
— — — — — — — —	Г
— — — — — — — —	В

Над столицей мировойю
 Слышишь гул страстей народных?
 Так звучал «эван-эвоэ»
 В древний век!
 Хмель и кровь потоком алым
 Бьют из капищ темноводных,
 Льют по руслам небывалым
 Новых рек.

7.

Анапестическая октава усеченная	
— — — — —	А
— — — — —	Б
— — — — —	В
— — — — —	Г
— — — — —	А
— — — — —	Б
— — — — —	В
— — — — —	Г

Отпускаю тебя, мой сын,
 Мой глашатай! мой луч! мой свет!
 Спит невеста твоя в бору,
 В диком тереме:
 Слышат дебрь да сосновый тын,
 Как смеется она в листве,
 В росах, блещущих поутру,
 В каждом дереве;
 Как томится в глубинах сна
 Под дрожащим огнем Стожар,
 Как сникает по злым ночам
 В вихрь и смерч она, —
 Вся текучая, как волна,
 Как струящийся фимиам,
 Ни народом, ни гранью царств
 Не очерчена.

8.

Русская анапестическая октава вторая	
— — — — —	А
— — — — —	Б
— — — — —	А
— — — — —	В
— — — — —	Г
— — — — —	Б
— — — — —	Г
— — — — —	В

С непроглядных окраин
 Преступленья ползло, и доныне
 Нерассказанных тайн
 Не посмею доверить стиху;
 Но уже скорлупа
 Зашуршала под ветром пустыни,
 Зазмеилась тропа
 К непрощающемуся греху.

9.

Русская хорейская пятистопная октава	
— — — — —	А
— — — — —	Б
— — — — —	А
— — — — —	Б
— — — — —	В
— — — — —	Г
— — — — —	В
— — — — —	Г

Не хоронят. Некогда. И некому.
 На восток — за Волгу, за Урал!
 Там Россию за родными реками
 Шесть столетий враг не попирали!..
 Клячи. Люди. Танк. Грузовики.
 Стоголосый гомон над шоссе.
 Волочить ребят, узлы, мешки,
 Спать на вытоптанной полосе.

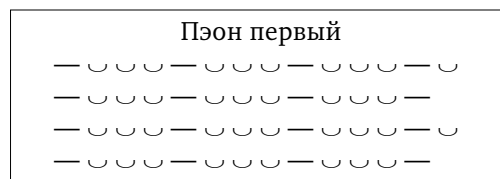
10.

Усеченная дольниксовая октава	
— — — — —	
— — — — —	
— — — — —	
— — — — —	

Народная память хранит едва
 Деяния и слова
 Тех, кто ни почестей, ни торжества
 Не пожинал искони;
 Громом их подвигов не сотрясен
 Вздыбленный строй времен;
 Дальним потомкам своих имен
 Не завещали они.

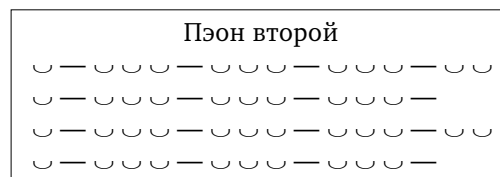
VI. ПЭОНЫ И ГИПЕР-ПЭОНЫ

1.

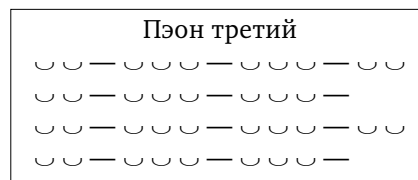
Там уже проносятся скользкие байдарки,
Яхты накреныются, — как ласточки легки...
Ластятся прохладой ласкающие парки,
Яркими настурциями рдеют цветники.

2.

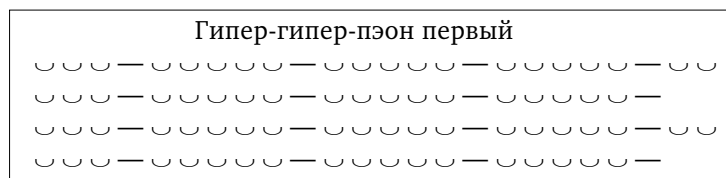
Невидимо прикованы бесплотными магнитами,
Вкруг центра отдаленного, покорно ворожбе
Размеренно вращаются гигантскими орбитами
Тяжелые троллейбусы мелькающего Б.

3.

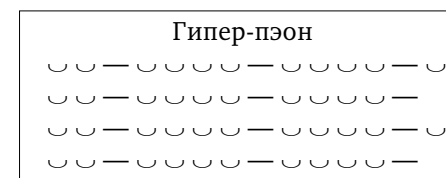
Над рекою, в нелюдимом предвечерии,
Уж потрескивал задумчивый костер,
И туманы, голубые как поверия,
Поднимались с зарастающих озер...

4.

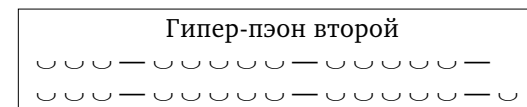
Они встречаются и состязаются, они проносятся и разлучаются,
Катод пристрастия с анодом ярости в деаньях тружеников объединя,
И возвращаются, и возвращаются, и возвращаются, и возвращаются, —
Страны вращающиеся подшипники, колеса лязгающего дня.

5.

А прожекторы — тускло-розовый и багровый —
То выхватывают, то комкают облака,
Будто плещутся пламенеющие покровы
Сатурналии — вакханалии — гопака.

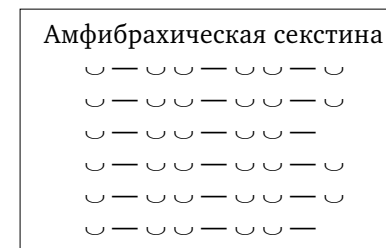
6.

Стеной чудовищною наступающая предо мной,
Пучина зыблется — но не свинцовой и не железной, —
Нездешней тяжестью и невычерчиваемой длиной,
То выгибающейся, то проваливающейся бездной.

VII. ГРУППА НОВЫХ СИЛЛАБОТОНИЧЕСКИХ СЕКСТИН,
ДЕКАД, ДЕЦИМ и др.

1.

Он блещет светло и сурово,
И труб его стройные знаки
Подобны вздетым мечам
Для рыцарской клятвы у Гроба —
Подобны горящим во мраке
Высоким алтарным свечам.

8.

Анапестическая квинта

— — — — —
 — — — — —
 — — — — —
 — — — — —
 — — — — —

Только стонут во сне,
 Задыхаясь в броне —
 В ее пальцах, в ее тишине,
 И не властен никто ее мощь побороть
 Ни в трудах, ни в любви, ни в вине.

VIII. ГРУППА МЕТРО-СТРОФ

С ГИПЕР-ДАКТИЛИЧЕСКИМИ РИФМАМИ И КОНСОНАНСАМИ

1.

Гипер-дактилические стансы

— — — — —
 — — — — —
 — — — — —
 — — — — —

Но горизонт манил засасывающий
 И дух застав был хмур и тал;
 И каждый раз — ступенью сбрасывающей
 Диаметр ночи возрастал.

Вариант

— — — — —
 — — — — —

И каждый раз, маршруты скашивая,
 Дождем затянутые сплошь,
 Предместья ждали нас, расспрашивая
 Про святотатство, бунт и ложь.

Вариант второй

— — — — —
 — — — — —

Возов, медлительно поскрипывающих
 Развалистая поступь в поле...
 Крик чибисов, уныло всхлипывающих
 И прядяющих ввысь на воле...

2.

Спондейно-усеченная гипер-дактилическая октава

— — — — —
 — — — — —
 — — — — —
 — — — — —
 — — — — —
 — — — — —

Их стай аukaемая,
 Их пеньем встречаемая,
 Над мирной рекой
 Сплю,
 Ветрами баюkaемая,
 Лесами качаемая,
 Исконный покой
 Длю.

3.

Амфибрахическая строфа с гипер-дактилем

— — — — —
 — — — — —
 — — — — —
 — — — — —

Неясно доносится дрожь
 Из глуби столетий
 немотствующей,
 Когда с Немезидою схож
 Был лик ее гнева
 безумствующий.

4.

Двухстопно-ямбическое четверостишие с гипер-дактилями

— — — — —
 — — — — —
 — — — — —
 — — — — —

А копы сложенные —
 Все реже, реже...
 Леса нехоженные —
 Ни сел, ни мрежей...

ПИСЬМА
1915–1958

1915

1. Л.Н. Андрееву

< до 22 марта 1915 >

Дорогой папа! Поздравляю тебя с праздником!

Как ты живешь? У меня недавно болели грудь и горло. Я ужасно интересуюсь допотопными животными¹. Наш знакомый господин надиктовал мне разные названия животных. Там были и Атлантозавр, Бронтозавр, Телеозавр² и многие другие.

У нас в школе завели собственную азбуку. У нас А вот такое $\text{E B } \int \text{V } \Psi$
 $\text{Г } (:) \text{Д } \text{Ж } \text{Е } \text{У } \text{Ж } \int \text{З } \text{И } \text{Ъ } \text{К } \text{Р } \text{Л } / \text{М } \text{У}$ и многие другие. Мне ужасно хочется чтобы было лето. В Москве ужасные лужи и так здесь плохо: что на трамваях по четыре стоят на последней подножке. Шура уедет на осень и на зиму в Тифлис актрисой³.

И она так рада что не проходит минуты чтобы она не накричала так, что в Петрограде слышно.

Целую крепко бабу Настю⁴.

Как живет Вадим??⁵ Его поцелуй тоже от меня.

Все ли еще Поляна спрашивает у прохожих, сидит ли на ней Вадим?⁶ Неужели баба Настя играла в опере простого волка. На меня прямо на нервы влияет слово Пасха Х.В. Я ее не могу дождаться. Хотя у нас и светит солнце все-таки ужасно умо-помрачительно плохо. Я целую всех.

Даня

2. Л.Н. Андрееву

АПРЕЛЬ 1915

Здравствуй Отец как живешь? К нам приехал Игорь Велегорский¹ и Тетя Вера². За ними приехал Арсений³. Я ужасно жду лета. Я знаю почти всех допотопных животных. Ты ли написал рассказ «Кусака»?⁴ Я надеюсь поехать к Тебе летом погостить. Благодарю Тебя за письмо. Хорошо ли Вадим катается на велосипеде⁵. Я пишу два рассказа. Один называется «Путешествие насекомых», а другой «Жизнь допотопных животных»⁶.

20 апреля такой ветер что нельзя гулять. Слава Богу, что ветер южный. У нас сегодня сбор на ромашку⁷. Саша и Немчинов⁸ продают ее. Мы с Муравьевыми⁹ были в зоологическом саду. Мне больше всех зверей понравились Кенгуру, Зебра и Леопард. Ирину Олину¹⁰ козерог боднул в палец. И у ней опухоль и очень болит. Поцелуй от меня Тебе и другим.

Даня

1926

3. В.Л. Андрееву

15 МАЯ <1926?>

Братец мой милый, как я наконец успокоился! Я очень волновался, что с тобой что-нибудь случилось — ведь чуть не с ноября месяца не получил от тебя ни строки! Я был почти уверен, что с тобой что-нибудь случилось. Почему ты не писал? Оказывается, у меня был твой неверный адрес, я его каким-то образом перепутал.

Ох, за это время произошло очень много в моей жизни (внутренней). До чего хочется видеть тебя, говорить с тобой! Я уже привык к одиночеству, и оно давит все реже, но *брата* я хочу иметь до $+\infty$.

Я пережил недавно одну очень неприятную историю, когда был поставлен в глупейшее положение одним подлым человеком, которому я доверился вполне. Но это было мне наказание, ибо такую же подлость совершил и я сам перед тем с третьим человеком, учась лгать. Вышло восхитительно, роль свою сыграл я удачно, и даже очень, потому что результат превзошел все ожидания. Но это подло с моей стороны, и я был наказан за дело. Все это путаная и скверная история, которую я расскажу тебе, когда увижу тебя.

А сейчас я очень много занимаюсь; ибо идут зачеты (проклятые!). А перед тем очень много работал над своим романом¹. Знаешь, я прихожу к убеждению, что я за всю свою жизнь напишу всего 2 или 3 романа (и вовсе не длинных, — тот, который я пишу $2\frac{1}{2}$ года, будет иметь всего 150 или около страниц, написал сейчас треть). А сижу я целые недели над тетрадами. У меня 16 толстых тетрадей черновиков. И думаю, что буду еще и еще перделывать — сотни раз — авось к старости что-нибудь и выйдет.

Писал тут стихи, и за них попал в Союз Поэтов². Сейчас уже больше месяца стихов не пишу — слишком занят прозой и учением³.

Печататься не думаю еще лет 5 – 6.

А у нас в доме все то же — интересно, мирно и хорошо. Хорошие и интересные люди меня окружают. Все это очень приятно. Но бесконечно, тем не менее, хочется перемены, — и перемены самой простой — уйти и жить одному — совершенно одному, чтоб был сам себе господин. Это и будет, надеюсь, достаточно скоро (т.е. «скоро» очень относительно — ну через год). Как твои делишки с переездом сюда? Ты мне ответишь ли на это письмо?

Братец ты мой милый! Как хочется видеть тебя! Так много (есть рассказать!) Целую! Почему не писал ты раньше?

Брат

1927

4. В.Л. Андрееву

9 МАЯ 1927

Дима, милый мой брат!

Долго лежало у меня большое письмо к тебе, во много страниц, долго не мог решить — посылать его или нет. И наконец понял, что это невозможно. Понимаешь: так все выходит в нем плоско, деревянно, грубо — просто неправильное впечатление может получиться. Да и трудно вообще посылать подобное.

А многое нужно было бы рассказать тебе. В моей жизни произошло очень много тяжелого за последний год. А так как ни с кем я об этом не говорю, то все это накопилось в душе и требует какого-нибудь выхода. Ты мне был бы очень нужен сейчас.

Не думай, пожалуйста, что если я молчу и не пишу — я о тебе забыл. Знай, что это не так. *Писать* — нечего. Я вообще писать не люблю и писать не умею. Ты уж меня прости.

Я тебя очень люблю.

О делах:

Сейчас мои дела несколько поправляются (денежные), и я думаю, что в ближайшее время смогу тебе высылать регулярно по 30–40 рублей в месяц. Если же выгорит дело с Госиздатом¹, — то тогда будет совсем хорошо.

Был в Ленинграде и познакомился с Венусом. Он мне очень понравился. Очень надеюсь на следующий год съездить в Париж.

Большая, очень большая отрада для меня в том, что я не писатель (не смейся).

Целую тебя очень-очень крепко и Олю². Я вас очень полюбил, хоть и заочно. Милый, милый брат, может быть, ты-то — можешь писать мне?

Даниил

Предупреждаю тебя еще вот о чем: я пишу очень резкое письмо Анне Ильиничне³. На это есть две причины, одна из которых ее поступок с папиной обстановкой (финляндской)⁴ — что тебе, наверно, известно.

Д

5. А.И. Андреевой

1 ОКТ <ЯБРЯ> 1927

Дорогая Анна Ильинична!

Мама¹ получила Ваше письмо, но, к несчастью, оказалось, что ни она, ни Филипп Александрович² не состоят *формально* моими опекунами. Для получения бумаги о том, что они мои опекуны, придется употребить много времени и усилий — эта бумага раньше 15-х чисел октября готова не будет. Поэтому доверенность может быть Вами получена лишь числа около 20 октября. Если возможно, то задержите как-нибудь дело.

Теперь о другом. До меня дошли сведения, что значительная часть папиных картин и пр<очих> вещей передана Вами из Ваммельсуу кому-то в Выборг, где сейчас и находится. В Ленинграде сейчас открылся музей Леонида Андреева, который находится под ведением Пушкинского Дома³. Там представлены всевозможные фотографии, снимки, иллюстрации к пьесам, книги, рукописи и т.д. Там находится также несколько папиных картин, спасенных дядей Павлом⁴. Я обращаюсь к Вам от имени Пушкинского Дома с просьбой передать в музей вещи, находящиеся в Выборге.

В Музее они во всяком случае будут в надежном месте и будут способствовать распространению имени Леонида Андреева среди самой широкой публики.

С уважением

Даниил Андреев

1928

6. В.П. Митрофанову

[8 АВГУСТА 1928]

Дорогой Вольдемар,

советую приезжать непременно. Места действительно необычные¹. Комнату достать легко за 15–20 рублей в месяц; к концу августа цены снизятся, наверное, еще больше. Продукты, в общем, не дороже, чем в Москве. Сейчас (2 дня) погода плохая, но, наверное, скоро пройдет. О том, как надо ехать и сколько стоит дорога, напишу подробно к 15 августа. Исполнили ли Вы мою просьбу относительно прачки?

Даниил Андреев

7. В.Л. Андрееву

25 СЕНТЯБРЯ <19>28

Милый, родной мой брат!

Часто думаю о тебе и почувствовал наконец, что не подавать дальше о себе вести невозможно. Прости. Но ты уже знаешь давно, до какой степени мне трудно писать. Кстати, это — общая черта младшего андреевского поколения, и ты в этом отношении, тоже, к несчастью, не составляешь исключения!! Поэтому я на это стараюсь не обращать внимания: знаю, что ты обо мне и о всех нас думаешь и помнишь. Хочу, чтобы ты не сомневался и во мне. Ну, одним словом, оказывается, что на эту тему распространяться в письме тоже невозможно. Ах, Дима, Дима, если б ты знал, как ярко я представляю твой приезд, как ты и Оля пьете чай у нас за столом, стараюсь вообразить твой голос, интонации, взгляд — и прямо дух захватывает. Скорей бы, скорей бы это! Что это будет, и не в таком уж продолжительном времени — верю твердо.

На днях я приехал из Ленинграда, куда ездил «призываться» на воинскую повинность. Пока что ничего не известно, дадут мне отсрочку на год или нет; придется ехать туда в конце октября вторично. Жил я там у Лёвы и Люси¹, в старой папиной квартире на Мойке. С Люсей у меня создались очень близкие отношения; это один из весьма немногих людей, с кем я говорю на одном языке. Долгие ночные разговоры по многу часов кряду. Он очень интересный человек. Говорили и о тебе; он рассказывал о тебе с большой теплотой, видно, что он тебя очень любит. Я сказал, что по приезду в Москву буду тебе писать, и он просил передать большой привет.

Левика дела довольно-таки скверны. С ним происходит то, что теперь со многими: сильно пьет, нравственно и умственно опустился. Жаль ужасно: он, по существу, очень хороший и добрый. Теперь же вдобавок и здоровье его расстроилось, и его поместили на неопределенное время в лечебницу. Видел помимо того Ларису², ее мужа, Анну Ивановну³, Римму⁴, Галю⁵ и других. Странно, что из такой среды мог выйти человек с такими взглядами, настроениями и чувствами, как Люся. Вот человек большой совести!

У нас дома теперь стало несколько лучше (в материальном отношении). Лето мы (Шура, ее муж⁶, В.Е. Беклемишева⁷ и я) провели в Калужской губернии, на Оке, в необыкновенно красивом месте⁸. Это дало мне страшно много. Ведь я уже несколько лет почти не выезжал из Москвы. И попав в эту сказочную красоту — черт его знает, даже не знаю, как определить. Природа — хмелит; разница в том, что в ее опьянении нет ни капли горечи.

Теперь начинается зимний образ жизни: город, работа, тетради, книги. Очень хотелось бы мне к концу октября, когда меня заберут, наверное, на военную службу, окончить мой пресловутый роман; но, кажется, не успею. Семейный недостаток: берусь за темы, с которыми почти невозможно справиться. Кроме того, с каждым годом повышаются требования и к себе самому, и к своему «детищу»; приходится чрезвычайно много переделывать, видоизменять, совершенствовать.

Прекрасные отношения создались у меня с мамой, Шурой и ее мужем. Мой дом стал моей совестью, — понимаешь? И даже, кажется, я не могу без него долго существовать. Даже за две недели житья в Питере — начал мучиться.

Слушай, Дима, нет ли теперь какой-нибудь возможности тебе вернуться в Россию? Приложи все усилия; здесь (в Москве или в Ленинграде) не так уж невозможно устроиться. Напиши непременно, как насчет этого, и вообще пиши обо всем, о чем только можешь, побольше, я так хочу знать о тебе! Крепко целую тебя, крепко ужасно, знай, что помню *всегда*, и люблю за кое-что, за что, скажу когда увидимся. Привет передай Оле, Ольге Елисеевне⁹, Наташе¹⁰, всем. Мама ужасно целует.

Даня

Еще раз целую, я тебя ужасно люблю. Димочка милый, если б ты только знал, как я тебя люблю и что ты для меня.

1929

8. В.Л. Андрееву

14 ФЕВР<АЛЯ> <19>29

Димочка, дорогой мой, задерживаюсь я с письмом потому, что наведение справок относительно моего ручательства, которое я хочу тебе послать, заняло много времени; до сих пор я не выяснил некоторых пунктов; выясню, по всей вероятности, на днях и тогда dokonчу сие письмо. Кстати, адрес Бабея¹:

Москва, 34,
Чистый (Обухов) пер.,
д. 6, кв. 23

Относительно твоего приезда у меня есть большие сомнения. Но мне так хочется тебя видеть, последнее время я так много о тебе думаю и так жду тебя, что мне ужасно трудно тебе советовать отложить возвращение. Дело, однако, в том, что, во-первых, тут трудно найти работу, особенно такой, можно сказать, «умозрительной» профессии, как ты (я разумею твою Сорбонну)². Правда, быть может, тебе удастся устроиться в Академии Художеств, но ведь это тоже бабушка надвое сказала; во всяком случае, если поедешь, будь готов к неприятным сюрпризам в этой области. Во-вторых — жилищный вопрос. Купить комнату в Москве далеко не простое дело (гораздо лучше в этом отношении в Ленинграде, но, не забудь, там нет Художеств <енной> Академии, почти единственного места, где можно было бы тебе пристроиться). В общем, можно в Москве достать комнату с тем, чтобы ежемесячно платить от 25 до 50 рублей — сумма, как видишь, довольно солидная. Когда ты думаешь приехать? Если этой весной или летом, то на первое время тебе поможет гонорар, который я, по всей видимости, получу с кинофильма «Белый Орел», темой которому послужил папин «Губернатор»³. Но что будет дальше — сам не знаю, моя дальнейшая судьба «темна и таинственна». Работа по-прежнему случайная.

Вот такие предупреждения. Но с другой стороны, я великолепно понимаю, что значит столько времени прожить вне России, понимаю, что дольше так тянуться не может, что ты должен так или иначе вернуться. В конце концов без работы (регулярной) ты можешь сидеть и там и тут, разница же в том, что здесь будут свои, что здесь *своя* земля, *свой* воздух, *свой* народ. Поэтому я далеко не категорически отговариваю тебя от приезда, отнюдь нет. Да кроме того, сюда примешивается и личная моя тоска по тебе. Я очень люблю тебя.

В сентябре будет 10 лет с папиной смерти — я все-таки надеюсь, что ты будешь к этому времени здесь. Сейчас я подготавливаю сборник, посвященный папе⁴. В него войдет «Реквием» (здесь еще мало известный), кусочки дневника, много писем и воспоминания Вересаева, В.Е. Беклемишевой и Кипена. Сборник составляем мы вдвоем с Верой Евгениевной⁵. Это большой друг нашей семьи.

До последних дней этот сборник отнимал чрезвычайно много времени — целыми днями приходилось бегать, высунув язык, по городу или печатать на машинке (чего я, кстати сказать, не умею). Теперь почти весь материал уже сдан, на днях будет заключен договор с издательством «Федерация». Интересно, будет ли отмечена где-нибудь за границей эта годовщина? Хотя представляю себе, что говорили бы и писали бы все эти господа, какого «патриота» и реакционера пытались бы из отца сделать! Не обрадуешься, пожалуй, этому чествованию.

Дима, Дима, неужели ты будешь здесь, вместе будем в тарусских полях — думать невыносимо!!

5 МАРТА

Юрист, наведя справки, сказал мне следующее: мое ручательство, как ручательство не члена партии и даже не члена профсоюза (что особенно грустно) — не может играть никакой роли. Я проверил эти сведения, и, кажется, они справедливы.

Если тебе все-таки понадобится это ручательство — напиши, и я пришлю.

Прости, милый, что я так задержал это письмо.

У нас наконец, кажется, начинается весна. Как перенесли вы эти морозы? Наверное, ведь у вас не было даже шуб. Не кончилось ли все это болезнями?

Ну — пока что крепко целую тебя, передай большой привет от нас всей вашей семье. Мама тебя особенно крепко обнимает и целует. *Ждем писем, стихов, и, если можно — карточки вас обоих.*

Даня

9. О.В. Андреевой

<ВЕСНА 1929?>

Милая Оля,

давно собирался Вам написать, но совсем не знал, как начать и вообще о чем говорить. Ваше письмо выводит меня из этого затруднения. Оно меня очень обрадовало, и я за него Вам очень, очень благодарен. Разумеется, когда люди ни разу в жизни друг друга не видели, трудно найти в письмах и темы, и нужный тон, но я Вас люблю заочно, через Вадима и за него. И радуюсь ужасно, что так вы хорошо живете (внутренне), что ваша жизнь так крепко спаялась. Диме страшно нужна теплота и любовь; и даже я, издали, — чувствую, что Вы их ему даете.

Моя жизнь ровная — как ниточка на катушке — день за днем, внешних событий нет. Но последнее время это уже не гнетет и не томит, как бывало раньше, и, думаю, в этом виновата не привычка, а что-то другое. Вижу, что полосы «кабинетной» жизни бывают время от времени нужны чрезвычайно.

Осенью довольно основательно засел за Древний Восток — это мне очень нужно — но скоро выбили меня из колеи хлопоты относительно папи-

ного сборника (Диме я рассказал уже), — и только теперь я мало-помалу вхожу снова в этот изумительный мир — Халдеи. Страшно интересно, не могу Вам выразить как!

Вышло у нас несколько интересных книг. Но в общем, за текущей литературой слежу мало, не хватает времени. Жду лета — солнечных полевых дорог, и все не верится: неужели мы все вместе будем скоро бродить по лугам и лесам Тарусы?

Пишите чаще, Оля, поддержите переписку!! Подробнее опишите Вашу жизнь, семью, работу, чтение и т.д. Крепко жму руку. Привет Вашим!

Даня

P.S. Простите за помарки!!

1930

го. В.Л. Андрееву

4 июля 1930

Димка, родной мой, если б ты знал, как мы были счастливы! Мы слышали уже со стороны, что у вас родилось дитя¹, но не знали более ничего, даже того, мальчик это или девочка. Я писал тебе, и даже очень большое письмо (весной) — разве ты его не получил?

Мне очень понятно твое счастье — не удивись этому — может быть, это странно слышать от человека, который даже и не женат, но я хотел бы иметь ребенка. За вас с Олей я радуюсь всей душой и целую вас всех троих и обнимаю. Как я хотел бы видеть вас!

У нас дома некоторые перемены (по сравнению с вашими, впрочем, незначительные). Саша с Маргаритой (своей женой)² уехали работать на Урал, в строящийся город Магнитогорск. Вероятно, пробудут там год-два. Их отъезд немного разрядил атмосферу, которая в нашем доме сгустилась за последние 2 года до того, что стала трудно переносимой. Не могу тебе в письме описать всех обстоятельств, взаимоотношений, причин и проявлений антагонизма — для этого потребовалась бы целая тетрадь. К этой зиме семья разделилась на резко очерченные лагеря: Шура, ее муж и я — с одной стороны, Саша и Маргарита с другой, мама и дядя посередине, то ближе к одному стану, то к другому. Все это было ужасно мучительно.

Теперь — уже почти 3 месяца, как их с нами нет. Тяжелее всего их отсутствие маме, но и она овладевает собой. Общая же атмосфера, повторяю, разрядилась.

До их возвращения я занимаю их комнату. Совершенно ее переделал. Для тебя, вероятно, непонятно, что у нас «получить комнату» значит испытать величайшее счастье. Получивший комнату не в состоянии $\frac{1}{2}$ года согнать со своего лица идиотски-блаженную улыбку. Уверю тебя, что возможен даже роман с комнатой.

После 7 лет, проведенных в нашей «ночлежке», где жило 5, одно время даже 6 человек, после семилетней варки в хозяйственно-столово-телефонно-разговорно-спально-крико-споро-сцено-дрязго-семейном котле (я преувеличиваю мало!) — после 7 лет почти полной невозможности систематически работать и заниматься — и вдруг очаровательная, тихая, солнечная комната, с двумя окнами на юго-запад, мягкой мебелью, библиотекой, легкими летними закатами за окном — пойми!!

Жаль только одного: я до сих пор мало пользовался этим великим жизненным благом для «своей, серьезной» работы. Третий месяц сижу над книжкой для детей о рыбной промышленности³. Это скучно (и трудно), но ничего не поделаешь. Рассчитываю недели через 2 кончить, получить часть гонорара и укатить куда-нибудь⁴. Далеко, вероятно, не придется — разве только, б <ыть> м <ожет>, на Украину. Но и то под сомнением. А осенью, возможно, будет очень интересная работа: о древнеперуанской культуре. Да и «своим» займусь.

С воинской повинностью у меня так: я попал во вневоинскую подготовку, т.е. 1 месяц на протяжении года или двух должен проходить военную премудрость здесь, в Москве. Я доволен этим: к войне и военному делу не чувствую никакого тяготения. Конечно — долг и все такое, но пока войны нет, эти размышления о долге — головные и для меня же самого малоубедительные.

С ожесточением, почти с «решительностью отчаяния» какой-то, трачу все, что могу, и даже то, что не могу — на книги. По этому случаю хронически сижу без денег (карманных). Но это не беда.

Все-таки, несмотря на все минусы нашего дома, я его сильно люблю и бесконечно ему благодарен за многое. И ничего не могло бы быть лучше, если б вы трое присоединились к нам.

Целую тебя с любовью, желаю, чтоб счастье не покидало тебя и всех вас.

Пиши.

Даня

II. В.Л. Андрееву

<25 АВГУСТА — 6 СЕНТЯБРЯ 1930>

Милый брат!

Послание это — исключительно литературное.

По порядку.

О «вольных» и «классических» размерах.

Форма диктуется заданием. Поэтому ни в каком случае нельзя осуждать ни того, ни другого принципа, ни «классического», ни вольного. Можно лишь говорить о конкретностях и частностях. Напр <имер>: тому или иному заданию не свойственна ни монументальная четкость ямба, ни мечтательная напевность дактиля; сама тема диктует: рваный стих.

Можешь ли ты представить себе «Двенадцать» написанными с первой до последней строки, скажем, анапестом? — Абсурд. — Или «Демона», вздернутого на дыбу «советских октав» Сельвинского? — Абсурд. У Демона затре-

щат суставы, порвутся сухожилия, и тем дело и кончится: вместо Демона получится мешок костей.

И утверждаю: тема Революции, как и всех вихревых движений, имеющих к тому же и движение *обратное* (тут А опережает Б, В отстает от Б, а Г движется назад) — ни в коем случае не может быть втиснута ни в ямб, ни вообще в какой бы то ни было «метр».

Но, с другой стороны, столь же неправильно было бы пытаться дать напряженную боль и мощь массового движения, сметающего все преграды и все рубежи, в расслабленно-лирических вольных стихах с их развинченными суставами. Вольный стих — явление декаданса, и, напр<имер>, в моей поэме он будет фигурировать именно в этой роли.

Что же касается основных ритмов моей поэмы — это ни классический стих, ни вольный размер. Менее всего он — вольный: он подчинен железным законам. Не может иметь места в нем ни внезапное выпадение слога, ни — ничем не мотивированное прибавление такового, ни уменьшение или увеличение количества ударов. Например, может ли быть назван вольным следующий ритм:

Схема: - / - / - / - -

- /

/

/

и т.д. — 16 строк — строфа. Это — костяк.

Облеченный же плотью, он выглядит так:

Мятеж туманит головы.

С костром

схож

луг.

Вперед! Плают головни.

Разбой.

Дрожь

рук.

Крепчает темень черная

В груди.

Злой

ветр

Коряжник выкорчевывает,

дик,

как

вепрь...

Мотив стихийного разбоя (разгром усадеб, партизанщина, зеленые) с несколько плясовым оттенком. (За ритм этот готов стоять до гробовой доски.) Согласись, что тут «вольный стих» и не ночевал. Ты можешь оспаривать

другое: подбор слов, звучание, образы — одним словом, *воплощение*, а не идею. И тут я уже не буду так тверд в отстаивании своих стихов.

Теперь относительно того, что прислал ты.

Все остальные стихотворения совершенно затмевает «Сальери»¹. Должен сказать прямо, что вещь — превосходна. Ритм прост и вместе с этим совершенно адекватен идее. Образы сильны. И в воплощении, и даже просто в том факте, что у тебя появилась *эта* идея — уже есть зрелость. Продумано и умно.

Я умер. Я глух. Я нем.

Я страшной мудростью стар.

А. Коваленский

Относится это не столько к тебе, сколько к твоему «Сальери». Надеюсь, что ты сам подпишешься не подо всем, что он у тебя говорит.

Но — есть у меня и замечания. Протест против отдельных слов, иногда фраз.

Прежде всего — «музыки венценосный бред». По-моему, это — громкие слова, не рождающие решительно никакого образа.

2) «...звезда с звездой боролась...» плохо звучит. Совершенно то же неблагозвучие допустил однажды даже Лермонтов (и звезда с звездой говорит).

3) «...железных формул плен, броня...» Великолепное четверостишие и вдруг — плен, слово, вставленное, как мне кажется, единственно затем, чтобы заткнуть дыру. Ибо слова «плен» и «броня», стоящие *рядом*, являются ненужным повторением, как бы комментарием от автора для непонятливого читателя.

4) Внушает сомнение и троекратное повторение слова «слепая», так же как и упорное повторение архаического «музык». Не сомневаюсь, что это сделано с целью, но с какой?

5) «...тугоухи глыбы мрака...» Слово «тугоухи» — не знаю, может быть, только для меня — страшный прозаизм; оно напоминает почему-то грибоедовского князя Тугоуховского².

Вот и все. Остальное — блестяще. Особенно некоторые места.

Разъяв, как яблоко, любовь,

Я миром брезгую...

Все четверостишие «Смерть пролила святую чашу...». И многое другое, особенно же — бесподобный конец:

Я никогда не отдохну —

На что рабовладельцу отдых?

Как ты додумался до таких вещей? Это необычайно. Тут есть от «Его Высочества...»:

...Да, ты прав: ты меня создал,
Но и сам в моем плену!

И:

Я убил тебя при дороге.
Стынь, сердце мое, — стынь.
Одинокие в степь дроги
Потащила звезда-попынь...

Не знаю, улавливаешь ли ты общий корень.

(продолжение следует)

Что касается меня, то вот что еще скажу тебе в объяснение: до 28-го года я чрезвычайно пренебрежительно относился к форме своих вещей. Теперь же — неизбежная антитеза. Конечно, сейчас я перегибаю палку в другую сторону — всевозможные формальные изыски. Но не сомневаюсь, что это — только период, который сменится синтетическим. Когда именно это произойдет — разумеется, одному Богу известно.

Поэму сейчас не пишу: живу в глуши, в маленьком городишке Трубчевске, на реке Десне. Красота тут сказочная, и я только смотрю и слушаю. Очень далеко гуляю один. Жара, я черен как уголь. Был на лесных озерах, куда еще прилетают лебеди.

Тут безграничный простор, целая страна разворачивается у ног. И когда идешь — невозможно остановиться: версту за верстой, и в конце концов уходишь так далеко, что обратно едва доползаешь, уже к ночи.

Ты просишь прислать книги. Как только вернусь в Москву (через месяц) — вышлю Сельвинского «Пушторг» или «Записки поэта»³, если они еще не распроданы. Слышал ли ты что-нибудь о нем? Хотя поэзия не ступала на эти страницы даже большим пальцем правой ноги, — все же этот «поэт» — самое значительное, на мой взгляд, явление нашей литературы за последние несколько лет. Он чрезвычайно остроумен, и если разъять слово — то и остр, и умен (по-настоящему).

Он считает себя учеником школы Пастернака, но надо отдать ему честь, отнюдь не Пастернак. Кстати: твоей любви к Пастернаку⁴ не разделяю. Мне в оба уха напели, что это гениальный поэт, — но я, как ни бился, сумел отыскать в его книгах всего лишь несколько неплохих строф. Вероятно, я его просто не понимаю. Но мне претит это косноязычие, возводимое в принцип. Он неуклюж и немилосердно режет ухо. Но талантлив — несомненно, и жаль, что заживо укладывает себя в гроб всяческих конструкций.

Кроме Сельвинского, еще рекомендую: Чапыгина, роман «Разин Степан»⁵ — первый роман о России, заслуживающий названия «исторического»; Тынянов, «Смерть Вазир-Мухтара» — блестящий роман о Грибоедове и — «Кюхля» о Кюхельбекере⁶. Писатель очень культурный, что ставит его выше огромного большинства наших литераторов, которые, не в обиду им будет

сказано, при всей своей революционности, обладают, однако, куриным кругозором. Даже Шолохов — несомненный талант (читал его «Тихий Дон»?)⁷, но ведь интеллектуально это ребенок.

В последнее время у нас наблюдается острый интерес к Хлебникову. Появилось наконец 1-е собрание его сочинений⁸, и среди поэтов циркулирует слух, что это — гений, которого в свое время проглядели. Не думаю, конечно, что гений, но черты гениальности — есть. Поэт, интересный исключительно — но главным образом своими любопытнейшими экспериментами и исканиями.

К сожалению, все эти книги, вероятно, распроданы. Сам я, увлеченный составлением библиотеки классиков, не успел их приобрести и теперь боюсь оказаться в дурацком положении.

25 АВГ <УСТА >

От последних твоих стихов имею добавить вот еще что.

В «Морской звезде»⁹ — хорошее начало, но испорченный конец. Испорчен же он, во-первых, рифмовкой, странной для белых стихов и начатой с середины, с совершенно произвольно выбранного пункта; во-вторых — зарей; я не понимаю, что ты хотел ею выразить; нехорошо также выражение «и вдруг» — чрезвычайно прозаическое вообще, не только здесь. (Пишу бесвязно и топорно — жара, и голова плохо работает.)

Стихотв <орение> «В молчание, как в воду, погружась...»¹⁰ меня удовлетворило бы, если б не тормозящие ритм и заставляющие спотыкаться удлинения некоторых строк, преимущественно вторых строк четверостиший. Без этого стихотворение было бы, мне кажется, стройнее, музыкальнее и выразительнее.

«Труд»¹¹ меня оставил совершенно холодным — мысль его основную я не уловил, формально он тоже представляется мне «далеким от совершенства» и уж во всяком случае не идущим ни в какое сравнение с «Сальери».

В «Целостен мир...»¹² все благополучно до «синего гранита». Дальше — меня удивила мало свойственная тебе слабость стиха («Мы погибаем, а мачты скрипят, Мы погибаем, а звезды горят...»). Между прочим, я не понял, почему «льстивого» рая?

Должен еще поставить тебе в вину слишком легкомысленное обращение с рифмой. Конечно, можно оспаривать то положение, что глагольные рифмы, а также рифмы на «ой» (т.е. только на 2 звука) сейчас уже неприемлемы; но все же мне кажется, что если одна из обязанностей поэта — изыскивать новые формы, адекватные новому наполнению, формы, *впечатляющие* нового читателя, — то нельзя употреблять такие рифмы, как роз—мороз, тебя—любя, окон—локон, снеговая—густая, день—тень, лазурный—бурный и т.д. с тем постоянством, возводимым в принцип, как это делаешь ты. Это относится также и к «Сальери», хотя в меньшей степени.

Есть еще у тебя одно стихотворение, родившее во мне большой отзвук, но о нем мне трудно писать. Видишь, хоть критик я и очень скверный (во мне этого дара — увы — нет), но разобрал тебя здорово. Буду рад, если ты будешь так же беспощаден ко мне (как поэту).

Ты просил прислать стихов — но это дело отнюдь не легкое. За этот год их почти нет. Кстати, стихотворение, посланное мною в прошлом письме, отнюдь не является кубиком в мозаичной картине, ведь оно не принадлежит к какому-либо циклу: это обычное лирическое стихотворение, замкнутое в себе. Для моих настроений и ощущений настоящего времени оно, действительно, характерно, но своего эмоционального продолжения в плоскости поэзии (неуклюжая фраза) оно пока что не имеет.

(окончание следует)

1. Рылееву

(из цикла «Русскому поэту»)

Вечера мгла седая
По сумрачной шла Неве,
К травам острова Голодая,
К мертвой моей голове.

Несмыкающимися очами
Я смотрел — через смертный сон —
Как взвивает трехцветное знамя
Петропавловский бастион.

Долгим саваном ночи белой
Петербург укрыла заря,
И раскачивал хладное тело
Ветер Северного Царя.

март 1929

2. * * *

Близятся осени дни, по ночам холодеют туманы.
Скоро на голых лугах песни затынет пурга,
Злаки падут под серп, закружится поток Эридана*,
Стикса загробного лед жизни скует берега.

Кончено лето души. Из долин надвигается стужа.
Белые хлопья кружат, шагом ночей взметены...
Чье же возникнет лицо из осыпанных инеем кружев,
Шествие чье озарит луч заходящей луны?

авг. 1929

* На всякий случай, если тебе неизвестно: Эридан — осеннее созвездие — в форме извивающегося потока, утекающее за южный горизонт — Flusus Eridanus. По-видимому, в мифах некоторых греко-македонских племен отождествлялся со Стиксом.

3. Вот еще стихотворение, очень дикое и не понятное пока еще никем (что и не удивительно).

* * *

Я неизбежен, как рок.
Слышишь хохот окрест?
Это я мчусь за тобой
По пастбищам и лесам
И сам уложу тебя в гроб,
Сам засыплю землей,
Сам воздвигну твой крест
К плачущим небесам.

Если же запоешь —
Там, под землей, в гробу —
Я к земле припаду,
Я притаюсь, не дыша.
Не разорвать узду;
Не обмануть судьбу;
Мерно вонзит нож
В сердце свое душа.

Плачешь, дитя? Плачь!
Немы мои уста,
Я у креста простерт,
Я не уйду — прочь;
Наш бессмертен палач,
Имя его — нищета.
Я именем этим — горд.
Хлынь же в меня — ночь!
март 1930

* * *

— Обманул меня!.. Вышвырнул!..
Звать своей — не посмел!.. —
...В белом облаке вишня
Легкий день догорел.

— За тебя ли мне ратовать!
И сама чуть жива!.. —
...Над садами Саратова
Синева... синева...

— Ночью летней, недолгою,
Долго ль плакаться мне?!.. —
...Над туманною Волгою
Тишина, как во сне.

— Я приду! — Обожди меня!
Выйди сам на межу!
Я заветного имени
Никому не скажу!

За изменами, распрями —
Только ты! Только ты! —
Долго тянутся в Астрахань
За плотами плоты...

И журчит говорливая
У обрыва — волна...
— Не прощу тебе, милый мой,
Никогда, никогда.

Сегодня — ни мало ни много — 6 сентября. До сих пор не мог докончить и отослать письма по той причине, что у меня не было с собой твоего адреса, и только сегодня мама его прислала из Москвы.

Мои стихи, приведенные здесь, — для меня самого не имеют уже никакого значения: те переживания и настроения уже изжиты, формально же эти вирши очень невысоки. Даже поэма «Красная Москва», написанная в 28-м году¹³ и тоже очень несовершенная, все же интересней (не только по моему, но и по общему суждению). На поэму же, которую пишу сейчас, возлагаю — как я уже писал — большие надежды¹⁴. Теперь уже несколько дней льет дождь и холод стоит собачий, и я с превеликим энтузиазмом сел за письменный стол. Думаю на протяжении сентября закончить первую часть (вероятно, строк около 600) и тогда пришлю тебе.

Если есть у тебя возможность, очень, очень прошу тебя: пришли мне твою трилогию¹⁵, особенно 2-ю часть (кот <орую> ты считаешь наилучшей). Мне это не только интересно, но очень важно. Пожалуйста, пришли! И вот еще просьба — книжная: нельзя ли достать у вас там Вячеслава Иванова что бы то ни было (если нет какого-нибудь собрания сочинений)? Здесь он стал величайшей редкостью и стоит бешеных денег. Если б тебе удалось его добыть — очень прошу, пришли: это один из моих любимейших поэтов¹⁶, и я по-настоящему страдаю, не имея его постоянно под рукой.

Мандельштама я знаю скверно — его тоже очень трудно достать¹⁷ — как и Ин. Анненского, которого я безрезультатно ищу вот уже 1 1/2 года. Вообще же, если хочешь знать наконец определенно, то ставлю точку над i: учителя мои и старинная и нержавеющей любовь — символисты, в первую голову — Блок <...>¹⁸

1932

12. В.Л. Андрееву

< 8 АПРЕЛЯ 1932 >

Дорогой брат,
не могу упрекать тебя за долгое молчание, ибо сам виноват в том же самом! Много раз пробовал написать тебе, но каждый раз ничего не получалось. А на последнее мое большое письмо (больше года назад) ответа от тебя не получил — и не знаю, дошло ли оно до тебя.

Сейчас решил во что бы то ни стало это письмо докончить и отослать, т <ак> к <ак> мне очень хочется получить от тебя хоть какое-нибудь известие. Беспокоюсь, не остался ли ты без работы, в связи с кризисом. Здоровы ли твои и ты сам?

Для нашей семьи эта зима была довольно-таки тяжелой. Во-первых, все по очереди болели: мама, Шура, ее муж и я. В продолжение всей зимы свирепствовал грипп, зачастую заболевали целые семьи, целые квартиры; дядя Филипп поэтому был загружен работой, а ему ведь уже под 70 лет, и у него грудная жаба. Кроме болезней, были и другие тяжелые переживания. Тетя Катя¹ получила телеграмму, что умер Арсений². Его жена была в это время в Москве, так что он умер в Нижнем Новгороде совершенно один. Известие это мы получили всего неделю назад, и сейчас тетя находится в Нижнем — поехала хоронить сына, — представляешь ли, как все это невесело (мягко выражаясь).

Я служил в редакции газеты «Мотор», органа комитета машиностроительного завода «Динамо». Эта работа, главное — завод и его жизнь — дали мне очень много. Теперь я оттуда ушел³ и собираюсь после 1 мая уехать куда-нибудь отдохнуть.

Буду ждать от тебя ответа. Не откладывай дела в долгий ящик и черкни хоть страничку, — для моего и маминого успокоения.

Крепко обнимаю тебя, Олю и дочурку твою, которая, вероятно, уже начала говорить?

Пиши!

Даниил

13. В.Л. Андрееву

< Осень 1932 года >

Дорогой брат,
не буду даже пытаться подыскать себе оправдание: мое молчание (само по себе) — самое очевидное и непростительное свинство. Но папа однажды весьма остроумно заметил, что для писателя писать письма то же, что для почтальона — гулять для моциона. А я в эти месяцы носился как ладья по морю поэзии, и пристать к «берегу» обстоятельных и трезвых писем было для меня почти невозможно.

Лето я прожил опять в том самом благословенном городе Трубчевске, где так великолепно кейфовал в прошлом и позапрошлом году. На этот раз, однако, обстоятельства были не так благоприятны. Сначала мешала погода. Июнь и первая половина июля были на редкость дождливыми: ежедневно гроза с жестоким ливнем и даже градом, а иногда — так даже 2 грозы на дню. Я несколько раз пробовал уходить гулять (ухожу я всегда далеко, на целый день), но каждый раз промокал до нитки, так что наконец всякая охота бродяжничать отпала.

Едва же наступила великолепная <...> жара, как я сильно повредил <...> пятку, наступив босиком на торчащий из доски ржавый гвоздь. Начался нарыв, очень медленно назревал (очень неудачное место: грубая кожа), потом мне его разрезали — вся эта эпопея заняла 3 недели. Тут наступили несравненные лунные ночи, и, видя, что лето для меня гибнет, я, раньше, чем это было можно, пустился гулять.

Надо было наверстать пропущенное, запастись на зиму впечатлениями. Хромая на одну ногу, я сделал чудесную четырехдневную прогулку по брянским лесам, вверх по совершенно очаровательной реке Неруссе, проводя лунные ночи в полном одиночестве у костров. Прохромал я таким образом верст 70, причем приходилось переходить вброд, долго идти по болотам, и все это закончилось тем, что я вторично засорил еще не успевшую зажить ранку. Начался второй нарыв на том же месте, с ним я приехал в Москву и с ним же (или, вернее, с его преемником) лежу по сей день в постели (это письмо пишу лежа). Длится эта история, таким образом, уже 3 месяца.

К сожалению, затронута надкостница, и до сих пор неизвестно, удастся ли избежать операции. Пока делаю дважды в день ножные ванны самой высокой температуры, какую только способна выдержать нога. Из всего этого следует простая, но мудрая мораль: «Когда болит нога, не ходи гулять»!!!

Как только буду выходить, поступлю на службу: меня ждет довольно уютное место в одной библиотеке.

Теперь о наших. Дядя с мамой по-прежнему. Тетя Катя после перенесенного горя очень переменялась, и, если в данном случае позволительно так выразиться, в хорошую сторону. От человека в ее возрасте и положении легко было бы ожидать сердечного очерствения, старческого эгоизма, вечно-го недовольства всеми и всем. Но, как ни странно, если кое-какие задатки этого и были до смерти Арсения, то теперь от них не осталось и следа. Такой мягкой, светлой, отзывчивой ко всем я ее никогда еще не видал.

Шура с мужем просидели лето в Москве. Зять очень много работает — больше, чем позволяет здоровье — но они надеются, что эта работа в скором времени даст им возможность пожить некоторое время, ничего не делая и отдыхая где-нибудь на природе.

Саша с женой ездили отдыхать в Углич, но им удалось прожить там только 2 недели.

(Теперь они живут отдельно, но недалеко от нас, на Плющихе.) Теперь твоя очередь описать — хотя бы очень конспективно — ваше лето. Сейчас, наверно, у вас прекрасная осенняя погода, и вы иногда ходите гулять в Bois de Meudon¹. Ты, наверно, удивишься, откуда я могу знать такие подроб-

ности. А вот откуда. Я недавно рассматривал атлас Маркса; там есть карта парижских окрестностей; я нашел Clamart² и выяснил, что в двух шагах от вас находится большой парк, и вряд ли вы никогда не пользуетесь его близостью. Знаю и кое-что другое, например, что в Париже вы ездите на трамвае через porte Montrong³.

Интересно, какой № трамвая?

Пишите!!

Само собой разумеется, что Оле и Оле самый теплый, сердечный привет.

Крепко обнимаю и жму руку.

ПИШИТЕ!

Даниил

1933

14. Е.Н. Рейнфельд

22 июня [апреля?] 1933

Милая Женя, спасибо за Вашу добрую память. Мне давно хотелось узнать о Вас хоть что-нибудь, но я от Тани¹ не мог добиться даже Вашего адреса, чтобы Вам написать. А Юра² только сказал мне по телефону, что Вы занялись арабским языком, и обрадовал чрезвычайно. Я радуюсь и удивляюсь Вашей энергии и работоспособности... Но больше я не знаю о Вас ничего основательного и жду Вашего обещанного большого письма с огромным нетерпением.

Да, в Ленинград мне в этом году не попасть, теперь это уж ясно окончательно! Вообще никогда еще жизнь так резко и круто не опровергала мои расчеты и планы, как в этом году. Я Вам говорил о некоторых из них. И мое большое «предприятие», которому я так радовался и верил, уже зимой превратилось в туман, в химеру. Остается радоваться хоть тому, что это произошло не слишком поздно. Но Вы сами понимаете, какое это горькое и куцеющее утешение.

Вдобавок я очень уж был избалован: всякая задача, которую я перед собой ставил (до этого) достигалась без особого труда. И это ослабило мою выносливость (коряво выражено, но Вы поймете).

Вот опять идет весна и опять дух непокоя заставляет по ночам путешествовать... по атласу, — за невозможностью лучшего. Целыми часами сижу над картами Индии, Индокитая, Малайского архипелага. Кстати, Женя, почему мы, русские, создавшие такой великолепный язык, так осрамились с названиями и именами? Посмотрите на Запад: Нюрнберг... Равенна... Рио-Жанейро... Руан... — Оглянешься на Восток: Гвалиор... Рангун... Айрэнг-Даланг, Бенарес... А у нас: Рьльск! Скотопригоньевск! Вокса!! Икша!!! В чем же дело?! Из каждого названия глядит хулигански ухмыляющаяся, хамская рожа. Или я необъективен и слишком уж поддался отвращению, которое так долго росло и так заботливо вскармливало прелестями окружающей обстановки?

Идут нескончаемые будни. Пишу книжку для Энергоиздата³: серия биографий (для юношества) ряда выдающихся ученых и изобретателей начиная с Архимеда. Это было бы интересно, если бы дано было время (и задание) писать серьезно, основательно изучая эпохи и личности. Но мне дано время только до 1 июля, а книжка в 6 листов; к тому же материалов мало и доставать их трудно. Наконец, еще и то портит дело, что все эти ученые всю жизнь свою провели за письменным столом, канва их жизни удивительно бедна внешними событиями, и сделать эти биографии хоть сколько-нибудь увлекательными — невозможно.

С деньгами туго, поэтому приходится брать и работу диаграммно-чертежного характера. Ею загружены вечера, и читать почти не хватает времени. Но все же прочел недавно очень интересную книгу, одного из крупнейших современных астрономов сэра Джемса Джинса «Вселенная вокруг нас»⁴. Это описание вселенной с точки зрения последних научных теорий. Страшно интересно! Очень рекомендую ее достать, Вы получите большое удовольствие. Она издана в 1932 году, и ее можно еще купить в обычных госиздатских магазинах. Только стоит дорого: 8 рублей.

В Трубчевск мне в этом году уехать, видимо, не удастся. Оттуда приходят ужасающие письма, там жестокий голод. Семья из 5 человек⁵ живет на 100 р. в месяц, в то время как хлеб стоит 120 р. пуд. Люди не видят всю зиму не только хлеба, но даже картошки. В день варится 5 бураков (по бураку на каждого) — и это все. А ведь там дети! Удалось тут организовать регулярную отправку посылок, но это, конечно, кустарщина, да и не знаю, долго ли мне удастся продолжать в том же духе...

На лето поеду, кажется, под Москву, в Калистово (недалеко от Хотьково) — там будет жить Нелли Леонова⁶ (Вы ее немного знаете) и зовет к себе погостить июль.

А что думаете делать летом Вы? Не попадете ли в Москву? Вообще, жду большого письма. О внутреннем не знаю, возможно ли писать (если все же напишете, мне это будет очень дорого и ценно), но о внешнем уже *непрерывно* жду сообщений.

Мои шлют Вам такой же искренний привет, ведь Вы — большая симпатия моего семейства. Но зять (я ему сказал о Вашем арабском яз<ыке>) недоумеает и просил меня спросить, почему Вы взяли именно арабский, а не персидский или санскрит?

Жму Вам крепко руку и желаю бодрости и энергии. Пишите!

Д. Андреев

15. Е.Н. Рейнфельд

4 ДЕКАБРЯ 1933

Дорогая Женя, получил сегодня Ваше письмо за 1933 год, — и по-настоящему тронут Вашей памятью обо мне и дружеским расположением. Отвечаю тотчас же, т.к. сейчас я как раз свободен (вот уже 2 недели, как нет никакой работы).

Рад я очень за Вас, что все внешние тяжелые обстоятельства все-таки утряслись, и Вы не жалеете о своем переезде. Особенно же радуюсь тому, что Вы написали в конце письма. Ни на какие вопросы в этой области я, конечно, не имею ни малейших оснований (права), но если бы когда-нибудь Вы дали мне представление о тех красках, в какие может быть облечен этот легкий карандашный набросок (8-я страница Вашего письма), я принял бы это должным образом и очень ценил бы Ваше доверие. Разумеется, впрочем, что эти мои слова не должны и не могут быть похожи на какое бы то ни было напращивание на откровенность. Написал я их именно потому, что знаю, что Вы так не поймете.

С чего же начинать описание моей жизни? Пожалуй, лучше всего с внешнего.

Летом я никуда не выезжал, если не считать нескольких дней, проведенных у знакомых на даче. Вызвано это было тем, что издательство задержало мои деньги за книгу до сентября месяца. Я должен был бы поехать в Трубчевск, но на этот раз поездка эта ничем не напоминала бы *partie de plaisir** прежних лет: она сулила мне только очень тяжелые переживания. Но их все равно не избежать — они закрутят меня в Ленинграде, куда я для этого съезжу при первой материальной возможности.

С февраля по июль я писал книгу — серию биографий ученых-изобретателей (для юношества), в которую вошли Архимед, Л. да Винчи, Паскаль, Эйлер, Даниил Бернулли, Фрэнсис (изобретатель турбин) и наш акад<емик> Жуковский. Это была довольно приятная работа, но под конец она мне здорово опротивела. Сейчас к книге подобрано уже большое количество (свыше 50) иллюстраций, и она находится в печати. На невыплаченную мне еще часть гонорара вот за эту-то самую книгу я и надеюсь съездить в Ленинград. Думаю, что будет это в январе—феврале.

Теперь я работаю по другой линии — по графической: делаю диаграммы, таблицы и пр<очую> чепуху. Если б такая работа была постоянно — больше нечего и желать было бы. Работаем мы обычно вдвоем с одним моим приятелем-художником¹ у меня в комнате. И благодаря механичности работы мы имеем возможность большую часть времени предаваться разговорам или же просто молчаливому размышлению (каждый о своем).

Лето явилось для меня переломным периодом во многих отношениях. Главное — я избегаю теперь строить метафизические и пр<очие> «системы».

(«Я числил числа, строил химеры,
И, выстроив, в них верил».)

По-видимому, эти умозрения имеют совершенно ничтожную ценность, ибо их можно создать n-ное количество — все одинаково логичные, одинаково недоказуемые и одинаково не выражающие истинного соотношения вещей, идей и сущностей в мире. Лично для меня более или менее достоверными яв-

* Увеселительная прогулка (фр.) — Ред.

ляются сейчас лишь те положения, которые утверждаются одинаково всеми великими религиозными системами, — а таких положений очень немного... Остальное — дело сердца, интуиции, но не интеллекта. Жаль, что в этом году мне не удалось по-настоящему встретиться с природой — мне эти встречи чрезвычайно важны. Все-таки лучшим моментом в моей жизни была ночь в июле <19>31 года, проведенная у костра на плесах р<еки> Неруссы². Само собой, разумеется, я не претендую (Боже упаси!!) на космическое сознание, но пережитое в ту ночь было крошечным приближением — все-таки *приближением* — к нему (прорывом). Меня тогда охватило невыразимое благоговение, и не кровавым смятением, а великолепно, как звездное небо, гармонией стала вселенная. Я обращался к луне, быть может, с тем чувством, которое поднимало к ней сердца далеких древних народов. Все было в росе, все сверкало, поляны казались покрытыми блестящими тканями, и когда я снова вернулся и лег у костра, ветви ракич блистали, словно покрытые лаком. А дальше, за ними, уходили в божественной тишине таинственные, залитые синевой пространства, сверкающий луг, черная неизвестность опушек, песчаные отмели — днем желтые, а теперь голубые. Я лежал, то следя за ветвью, слабо колеблемой над моей головой жаром костра, то лоя скрывающуюся за ней голубую Вегу, то отворачиваясь и снова опускаясь взглядом к низко нависнувшему листьям, вырезавшимся на белом диске луны, как тонкий японский рисунок. Звезды текли, и казалось, что вся душа вливается, как река, в океан этой божественной, этой совершенной ночи! Птицы, смолкшие в чашах, люди, уснувшие у хранительного огня, и другие люди — народы далеких стран, солнечные города, реки с медленными перевозами, сады с цветущим шиповником, моря с кораблями, неисчислимы храмы, посвященные разным именам Единого, — все было едино... Все-таки были минуты, когда стерлась грань между я и не я.

Я хочу надеяться, что это ко мне пришло не в последний раз, но, кажется, повторение будет не скоро. В то лето все состояние внутреннего мира и даже стечение внешних обстоятельств удивительно способствовало этому самораскрытию.

Нас обоих манит Восток — но разные его половины. Вас — Передняя Азия, меня — Индия, Тибет, Индокитай. (Но не Китай и не Япония: это глубоко чуждо.) Уже давно — это основное русло моего чтения.

Недавно я попал на один фильм с громогласным заголовком: «Путешествие по Индии». Но разочарование было страшное. Более пошло, более бездарно съездить в Индию не умудрился бы даже Демьян Б<едный>.

Представьте себе: половина времени ушла на показ каких-то фабрик, цехов, производственных процессов и т.п., а остальное время перед глазами маячила группа каких-то английских пошляков, то влезавших на слона, то слезавших с него, то входивших в руины, то из них выходивших... И только на несколько мгновений, как фантастический сон, как феерия, мелькнули полунагие, с белыми тюрбанами фигуры, сходящие к реке по каменным ступеням — и громоздящиеся один на другой храмы священного Бенареса.

Бенарес — мечта моя, одна из самых любимых и самых томительных.

Думаю, что о многом таком мы могли бы поговорить, когда я приеду в Л<енинград>.

Хочу теперь еще написать о других. Мама больна, она вообще очень ослабела и сдала за этот год. Моя сестра и ее муж на днях переезжают на несколько месяцев в Калугу, и мы надеемся, что тогда мама сможет поехать к ним на несколько недель отдохнуть. Без такого отдыха все может кончиться для нее (еще больше — для нас, т.к. она сама этого не боится) — самым дурным образом.

Материально — хуже, чем в прошлом году, но по крайней мере есть уголь и в комнатах тепло.

У Грузинских³ не бываю, да и вообще редко хожу куда бы то ни было.

Ну вот, Женя — кончаю! Теперь связь налажена, буду надеяться, что на это письмо Вы откликнитесь скорее. Будьте здоровы и радостны. Мама и сестра шлют Вам привет.

Поклон Вашим. Приветствуйте Таню.

Д. Андреев

1936

16. Е.Н. Рейнфельд

15 мая 1936

Дорогая Женя, очень был тронут Вашим письмом. И если не ответил на него сразу, то только потому, что не хотелось писать между делом, наспех, и все выжидал свободного вечера.

Какое печальное Ваше письмо! Очень трудно выразить мне то серьезное внутреннее движение, которое вызвало во мне известие о большой перемене в Вашей жизни. Не знаю, не сделал ли я для Вас неприятное тем, что сообщил этот факт моей сестре. Она к Вам относится с серьезным расположением, и мы оба очень жалеем, что Вас нет в Москве в настоящее время (да и вообще). Иногда я чувствую Вас очень близкой; несмотря на то, что я Вас очень мало, в сущности, знаю, мне кажется, что я, если и не понимаю, то чувствую нечто в Вас, быть может главное; и убежден, что и у Вас есть внутреннее понимание моей линии жизни. (Косноязычная вышла фраза, но ведь это не так важно, правда?)

Моя жизнь сейчас проходит однообразно и почти совсем без внутреннего света, как и всегда весной. Это четко выраженный годовой цикл с июлем по январь — линия восхождения, затем — спад. Кончается все каждый раз гнетущим депрессивным состоянием, с которым я в этом году пытаюсь бороться с особенной настойчивостью, но толку от этого получается мало. Причин этой протрации — 4, между ними 1 внешнего характера, две — исключительно внутреннего, а одна, так сказать, спонтанного. Эта последняя заключается в том, что было отчасти выражено в одной поэмке об Индии¹, которую я Вам однажды читал. До 30-летнего возраста блуждать в поисках

единственно пленяющего образа, отсекая в себе все ростки живого тяготения к другим, — это не только мучительно, но (очень может быть) это ошибка, непоправимая, калечащая душу и жизнь.

Что же касается одной из внутренних причин, то здесь дело заключается в том, что я, по своим интеллектуальным, волевым и пр<очим> данным — только поэт; и вместе с тем с детских лет не смолкает голос, требующий *деланья*. «Пока не требует поэта...»² — это формула *данного*, но не *должного*. 1 1/2 года назад я сделал попытку в этом направлении, но продержался на нужной линии едва полгода. Не хватает рел<игиозно>-волевых сил, да и даже просто нервных и физических сил. Сорвавшись, я с тех пор сделал столько шагов назад, так регрессировал во всех смыслах, даже не имеющих сюда прямого отношения (напр<имер>, интеллектуальном), что сейчас ни для чего, кроме холодного уныния, нет оснований.

Осенью я начал большую поэму из эпохи крестовых походов³ — свободная вариация на тему центрального мифа позднего Средневековья, — очень свободная, озаренная тем пониманием, которое возможно только для человека нашей эпохи и страны. (Впрочем, действие поэмы протекает на пороге XII и XIII вв. и в ней фигурируют, наряду с вымышленными мною, и традиционные персонажи, например Лоэнгрин.) Вещь будет очень объемистая. Написана треть. В художественном (да впрочем, и в других) отношениях она, к счастью, оставила далеко за собой написанное мною прежде. Сейчас эта поэма — единственное, что по-настоящему заставляет меня хотеть жить: хотя бы для того, чтобы кончить ее.

Материальные дела плохи, поехать летом не удастся, по-видимому, никуда.

Здоровье же очень и очень требует ремонта: я что-то совсем захирел. К сожалению, мне отпущен природой непропорционально малый запас сил. В таком возрасте, а уже приходится их экономить и рассчитывать, задавшись целью протянуть еще десяток лет. (Впрочем, если условия труда изменятся, может хватить и на большее.) Главное, главное: успеть воплотить хотя бы основное из того, что неотступно стоит перед душевным зрением.

Весною до чего трудно, мучительно трудно в городе! Поднимает голову беспокойный дух странствий, и такая смертельная тоска от этой проклятой прикованности к одной точке! Одним словом,

...бросить бы жизнь на кочующий вал,
Поверив лишь морю, как старшему брату!

Ездил раза 3 за город, слушал жаворонков, вел всякие игры в еще лишенном тени лесу, шлялся по-цыгански босиком по талым топям и делал многое другое, что возможно только там, в природе. Но эти однодневные поездки, в общем, только разжигают жажду.

Простите меня за такое минорное письмо, надеюсь что через месяц-два кончится эта меланхолия. Был бы очень, очень рад, если бы удалось наладить более регулярную переписку. Пишите! Будьте здоровы и душевно бодры.

Д.А.

17. В.Л. Андрееву

21 МАЯ 1936

Если бы ты знал, каким праздником было для нас получение вашего письма и карточек! Вот уже несколько дней озарены этой радостью. Тройная радость: и от самого факта вашего существования, и от ощущения, что вы такие родные, близкие и хорошие, и от приближения встречи. Эта последняя возможность представляется каким-то головокружительным сном.

Сперва о карточках. Олюша совершенно изумительна, особенно там, где она задумчива, — она меня прямо поразила, по-видимому, это растет человек с глубокой и высокой душой, а иные характерные частности (напр., темы некоторых из ее рисунков, на фоне которых она сидит на другой карточке) говорят о таком удивительном смешении очаровательного мира детской фантазии с почти взрослой серьезностью и углубленностью, что образ этой крошки я не мог не принять раз и навсегда в свое сердце. До чего же, до чего же мне хочется ее обнять, с нею разговаривать, с ней играть!! И какая особенная радость есть в мысли, что она мне родная *по крови*.

Твоя карточка, родной мой, свидетельствует о том, что у нас действительно много общего, и не в одной только внешности. Но на тебя жизнь наложила печать таких страданий, каких я, живущий и живший всегда в своей родной стране и в своей любящей семье, не знал и не мог знать. Не подумай, что моя жизнь была безбедной и беспечальной, — но тяжелое в ней было другого рода, чем в твоей, особенно до твоей встречи с Олей. Внешне я выгляжу не моложе тебя. Думаю, что при очень большом внутреннем сродстве мы отличны друг от друга во многих более периферических чертах: в чертах характера, в темпераменте, в некоторых вкусах и склонностях и т.п. (Между прочим, кроме всего остального, ты ужасно интересуешь меня как человек, пожалуй даже я бы сказал — как личность, индивидуальность.) Ты спрашиваешь меня: курю ли я? Да, и даже очень усиленно. Занимаюсь ли спортом? К сожалению, должен ответить отрицательно. Спортивная жилка во мне совершенно отсутствует, и это мне очень досадно еще и потому, что здоровье у меня совсем скверное и спорт мог бы кое-чему помочь (особенно, если бы я занимался с мальчишеских лет). Скверное здоровье заключается в постоянной слабости, головных и пр<очих> болях, пониженной работоспособности и т.п. Много я порчу себе и своим образом жизни: двойной нагрузкой (графической и литературной), ночными занятиями, беспорядочным сном. Будущей зимой, вероятно, придется взять себя в руки и заняться лыжами. Разное у нас отношение и к воде: я знаю, что ты ее любишь — знаю давно, с тех пор как вы жили на берегу океана (или Бискайского залива?). Я очень люблю воду как элемент пейзажа, — нет, даже не пейзажа — в этом слове есть что-то специфически-художническое — а как элемент, ощущаемый *через зрение*. Ведь есть и другое ощущение природы: восприятие ее всеми фибрами, всем существом, слухом, осязанием, обонянием, даже волосами и подошвами ног. И в этом аспекте я больше люблю мир земли и растительности, чем воду. Между прочим, я унаследовал от папы страсть к хождению босиком — удовольствие, наверно невозможное в Зап<адной> Европе,

но доступное у нас (за городом), где совершенно другие обычаи и где нет этого чудовищного нагромождения условностей.

Когда-то, в ранней юности, я любил город, но теперь давно уже утратил вкус к нему и ужасно мучаюсь без природы, прикосновение к которой возможно для меня сейчас только урывками. Насколько я не понимаю прелести зимы, терпеть не могу холода и из зимней красоты могу воспринимать только иней, настолько же люблю — до самозабвения — зной, бродяжничанье по лесам, лесные реки и вечера, ночи у костров, холмистые горизонты, даль — русскую «среднюю полосу» и Крымские горы, — без этого совсем не могу жить.

Хочу еще дать тебе некоторые вехи — некоторые указания на мои частные вкусы и склонности, симпатии и антипатии — это отчасти поможет тебе представить мой внутренний мир.

Я люблю:

Восток больше Запада. (Одной из моих больших жизненных ошибок была та, что я не поступил вовремя в Институт Востоковедения, — мне хотелось бы быть индологом. А теперь уже поздно, нет ни достаточного запаса сил, ни матер<иальных> возможностей.)

В истории Запада мне ближе всего XII–XIII века.

Музыка: Бах, Вагнер, Мусоргский. В особенности Вагнер.

Боттичелли, Фра-Анжелико, но на первом месте среди них — Джотто. Врубель.

Дон Кихот. Пер Гюнт.

Тютчев¹.

Внятен «сумрачный германский гений», но к острому галльскому смыслу я более чем равнодушен². Исключая Флобера, Мопассана, Верлэна и некоторых драм Гюго, фр<анцузская> лит<ерату>ра чужда мне. Крайне неприятен Франс (кроме 2–3 вещей). Очарования А. Ренье не понимаю и скучал, читая его, так же, как (увы) над Стендалем. Очень враждебен Теофиль Готье и все представляемое им направление искусства вообще. Впрочем, фр<анцузскую> лит<ерату>ру недостаточно знаю, но и как-то не ощущаю сейчас потребности пополнять свои знания в этой области.

«Пиквикский клуб» перечитываю почти ежегодно.

Лермонтов и Достоевский возвышаются надо всем.

Из древних культур, к которым вообще чувствую большую склонность, особенно люблю, не перестаю удивляться — благоговейно удивляться — Египту.

После лит<ерату>ры на 2-м месте по силе впечатляемости стоит для меня архитектура (а затем уже музыка и живопись). Наиболее близкие стили: Египет (очень люблю эпоху XIII дин<астии>³), готика, арабская архитектура, и южноиндийская XVII–XVIII вв.

В области «точных наук» отличаюсь сказочной бездарностью. Кажется, кроме таблицы умножения, не смог усвоить ничего. Одно время увлекался астрономией, но более серьезному знакомству с ней помешало именно это отсутствие математических способностей и отвращение к математике. Оно же отпугнуло меня в свое время от дороги архитектора.

Не обладаю, к сожалению, также и способностью к ремеслам. Совершенно лишен дара рассказывания. Речь, вообще, затрудненная, — м<ожет> б<ыть>, следствие, отчасти, образного мышления.

Некоторые из отрицательных черт характера: лень, эгоцентризм, вспыльчивость, любовь к комфорту.

Люблю долгие зимние ночи в тихой комнате над книгами и бумагой.

Но наряду с этим не прочь иной раз повеселиться самым бесшабашным образом (впрочем, теперь — реже); очень коротко знаком мне дух непокоя и странствий.

Солнце люблю больше, чем луну, но вечер больше, чем утро.

Этим летом, вероятно, не удастся поехать никуда, разве только на недельку-другую на дачу недалеко от Каширы (это в 100 км от Москвы), где будут жить Шура с мужем (мы ведь с ними — глубокие друзья).

Весною целый месяц болела мама, у нее была злокачественная флегмона в соединении с жестокими приступами малярии. Теперь она уже оправилась. Саша с женой скоро уезжают на летний отдых. Дядя здоров и сравнительно бодр. Отпуск у него будет в августе, и он с мамой поедет, вероятно, или к Шуре, или на Украину.

К Эк<атерине> Пав<ловне>⁴ и Бабелю я еще не ходил сознательно, т<ак> к<ак> еще не вернулся из Крыма А<лексей> М<аксимович>⁵, где он провел всю зиму и весну. Но в первых числах июня я разовью бешеную энергию.

Письмо получилось довольно-таки бессвязное и нелепое, — это оттого, что сейчас очень много работаю и тороплюсь успеть написать сегодня, т<ак> к<ак> в продолжение ближайших дней не будет досуга. Спокойно спи, мой дорогой, милый, родной Димуша. А потом на досуге напиши — поставь такие же вехи для меня — хочется, не терпится хоть немного узнать твой внутренний строй (хоть и кажется зачастую, что я его уже угадываю).

Шура просит передать привет от всего сердца и выражает уверенность, что ее знакомство с вами будет таким же, как у нее с «Диминым братом» (так она выразилась).

Оле Большой и Оле Маленькой⁶ пишу отдельно.

Любящий тебя брат Даниил

[Приписка] Ты видал меня во сне с папкою с рисунками, увы, увы и еще раз увы: я не умею рисовать совсем.

18. В.Л. Андрееву

21 июня 1936

Дорогой мой брат,

прежде всего — не падай духом. Тот факт, что твое прошение было отклонено, еще не решает дела окончательно. Гораздо печальнее другое: смерть Горького¹. Благодаря тому, что он всю зиму и весну провел в Крыму, а по приезде тотчас заболел и уже не вставал, он не успел должным образом оформить твое дело. Е<катерина> П<авловна>, у которой я был в самых

первых числах июня — тогда трагический исход его болезни никто не предвидел — считала, что Алексею Максимовичу осталось сделать небольшое усилие, чтобы сбылись твои желания. (Сама она мало что может сделать.) Мне теперь рисуется иная возможность. Недели через 2–3 (сейчас, непосредственно после смерти А<лексея> М<аксимовича> это неуместно) я напишу Иосифу Виссарионовичу, и думаю, он сочтет возможным помочь нам. Одним словом, я отнюдь не оставляю надежду видеть тебя здесь в конце лета или осенью.

В скором времени я собираюсь уехать на месяц в Трубчевск на р<еке> Десне, где уже проводил летние месяцы в <1>931 и <19>32 гг. Буду там только отдыхать. Это чудесный, очень тихий городок на краю огромных, дремучих Брянских лесов, изобилующих озерами и лесными реками. Отъезда жду с большим нетерпением, т<ак> к<ак> очень устал и чувствую себя нехорошо и в физическом, и в нервном отношении.

Шура и ее муж живут на даче на Оке около Каширы; неделю там провела и мама. Тетя Катя² уезжает в Горький (Нижний Новгород), Саша³ с женой тоже собираются в отпуск. Дома стало тихо.

Погода у нас все время стоит удивительная: солнце, жара, изредка грозы, теплые ночи. Пасмурных дней не бывает вовсе. В Московской области май и июнь редко бывают такими.

Большое спасибо за фото, — они доставили мне большую радость. Недавно я тоже снимался, чтобы послать вам свою карточку, но вышел отвратительно, похожим на провинциального актера в роли Гамлета (ужасная ретушь)⁴. И послать не решаюсь. Придется сняться где-нибудь в другом месте.

Поцелуй от меня и от мамы Олю и Олюшку маленькую и обними, расцелуй, поблагодари за письмецо и скажи ей, если сочтешь это возможным, что я ее очень люблю и прямо не дожусь, когда увижу ее воочию.

Будь здоров и бодр, мой дорогой, не унывай, т<ак> к<ак> для этого еще нет оснований. И поскорей садись за большое письмо, которое я жду с колоссальным нетерпением.

Даниил

19. В.Л. Андрееву

23 июля 1936

Димуша, родной мой, если бы ты знал, как бесконечно важны и радостны для меня твои письма, особенно такие чудесные, как последнее! Впрочем — буду отвечать по порядку. Прежде всего — о деле.

Хотя визит к Бабелю представляется мне довольно бесцельным (слишком уж ограничены возможности самого Бабеля), все-таки я пойду, — как говорится — для очистки совести. Этот, как и другие, шаги (представляющиеся мне более обнадеживающими) я предприму, как только вернусь в Москву из благословенного города Трубчевска, где я в настоящее время отдыхаю от трудов праведных.

Ты не подозреваешь, вероятно, как часто, почти беспрестанно я думаю о тебе; как ты воображаемо сопутствуешь мне в моих прогулках; и до какой боли, с мучением, жду я того часа, когда это из мира фантазии превратится в действительность.

Можешь позавидовать: вот уже две недели, как отвратительное изобретение, называемое обувью, не прикасалось к моим ногам, шапка — к голове; прикосновение этих гнусных предметов заменено лаской теплого, нежного воздуха и материнской земли. Стоит удивительный, чарующий, мягко-обволакивающий зной, грозы редки, пасмурных дней нет совсем во все это лето, — это лето прекрасно, как совершенное произведение.

С круч, на которых расположен городок, открывается необъятная даль: долина Десны, вся в зеленых заливных лугах, испещренных бледно-желтыми точками свежих стогов, а дальше — Брянские леса: таинственные, синие и неодолимо влекущие. В этих местах есть особый дух, которого я не встречал нигде; выразить его очень трудно; пожалуй, так: таинственное, манящее раздолье. Когда уходишь гулять — нельзя остановиться, даль засасывает, как омут, и прогулки разрастаются до 20, 30, 35 километров. Два раза ночевал на берегах лесной реки Неруссы. Это небольшая река, которую в некоторых местах можно перейти вброд (но, в общем, довольно глубокая). Но даже великолепную Волгу не променяю я на эту, никому неизвестную речку. Она течет среди девственного леса, где целыми днями не встречаешь людей, где исполинские дубы, колоссальные ясени и клены обмывают свои корни в быстро бегущей воде, такой прозрачной, такой чистой, что весь мир подводных растений и рыб становится доступным и ясным. Лишь раз в году, на несколько дней, места эти наводняются людьми; это — дни сенокоса, проходящего узкой полосой по прибрежным лужайкам. Сено скошено, сложено в стога (очень удобные, кстати, для ночевки) — и опять никого — на десятки верст, только стрекозы пляшут над никнувшими к воде лозами. Ведь «Где гнутся над омутом лозы»¹ написано здесь, на одном из ближайших притоков Десны, реке Рог.

Среди моих московских друзей нет никого, кто имел бы эту любовь к природе и бродяжничеству. Исключение — Шурочкин муж, но он — инвалид. Поэтому я почти всегда брожу один. И до чего же, до чего же не хватает тебя! Я теперь постоянно мечтаю о следующем лете, когда буду водить тебя по этим священным для меня местам.

Одно только обстоятельство смущает меня: Трубчевск не подойдет для Олюши, т<ак> к<ак> для того, чтобы увидеть настоящую, нетронутую природу, надо уходить очень далеко, а вокруг самого городка расположены неинтересные поля и однообразные луга, лишённые тени. Ну, да там посмотрим.

Через несколько дней, когда начнутся лунные ночи, я уйду на целую неделю в леса по течению Неруссы и Навли. М<ежду> прочим, в хорошем атласе ты мог бы найти эти места: это южнее Брянска, между Брянском и Новгородом-Северским.

Не знаю, может быть, с моей стороны нехорошо, что я так описываю тебе все это, — тебя еще сильнее потянет сюда, — но душа слишком полна, и я не могу не поделиться с тобою.

Из твоего последнего письма мне стало ясно: там, где мы с тобой не сходимся, мы дополняем друг друга. Ты очень деятелен, я — как говорится, натура «созерцательная»; ты любишь работать руками, я — ненавижу даже греблю; ты вообще представляешься мне в разных формах физического движения; я — больше всего люблю лежать и предаваться пленительному ничегонеделанию; и при всем том, даже в этих контрастах мы являемся как бы двумя сторонами одного существа. А до чего много совпадений, даже в подробностях. Любовь к остротам, и притом, увы, таким, от которых веселишься только сам, свойственна мне столько же, сколько и тебе; сколько комических сцен разыгрывалось на этой почве между мной и дядей Филиппом! Надо сказать, что он — необыкновенно благодарный объект для всякого рода мистификаций: он простодушен и доверчив, как ребенок.

У нас с тобой пристрастие даже к одним и тем же знакам препинания: к тире и к тире с запятой.

В следующем письме я продолжу начатую нами линию: о вкусах, склонностях, чертах характера. Продолжай и ты: не знаю, как для тебя, но для меня это очень важно и удивительно радостно: я полнее, полнокровнее ощущаю тебя.

Пиши мне на московский адрес, т<ак> к<ак> в середине августа я буду снова в Москве.

Будь здоров и бодр, мой милый и незаменимый. Целую тебя.

Даня

P.S. Не знаю, как и благодарить тебя за фото. Не могу ответить тебе тем же, т<ак> к<ак> у нас нет фотоаппарата. Придется послать все-таки ту гаденькую, маленькую и к тому же гамлетовскую карточку, о кот<орой> я уже упоминал.

20. О. Викторовне Андреевой

23 июля <19>36

Дорогая Оля,

совпадения почти переходят границу вероятного: центральный образ Олюшкиного рисунка является центральным образом моей работы за последний год. Вообще, с каждым письмом, с каждым сообщением о ней, получаемым от Вас или от Димы, она мне становится все ближе и любимее.

С большим нетерпением жду от Вас обещанного большого письма. Последние Димины письма очень обогатили мое представление о нем, обострили мое ощущение его [зачеркнуто: личности] сердца, — хочется, чтобы нечто подобное возникло и у нас с Вами.

Если когда-нибудь будете еще присылать фото, пришлите, пожалуйста, такую свою фотокарточку, где ясно видно Ваше лицо, Ваш взгляд.

Ваш Даниил

P.S. Рыцари Круглого Стола и связанное с некоторыми из них — тот мир образов, в котором (в значит<ельной> степени) я живу последние года 2¹.

21. О. Вадимовне Андреевой

23 июля <19>36

Дорогая моя Олюша!

Большое спасибо тебе, моя родная, за твой рисуночек. Особенно мне понравился в нем рыцарь в зеленой одежде, — вероятно, это Парцеваль? Кого из рыцарей Круглого Стола ты любишь больше всего? Я тоже очень люблю эту книгу, мои любимые герои — Парцеваль и Ланселот.

Маленький городок, в котором я сейчас живу, наверное, совсем не похож на ваш. Он стоит высоко над рекой, почти все домики в нем деревянные, окруженные яблоневыми садами. А на пожарной каланче каждый час бьют в колокол. Большинство улиц поросли зеленой травой и ромашками.

Присылай свои рисуночки: они меня очень радуют.

Любящий тебя
дядя Даня

22. В.Л. Андрееву

2 октября 1936 <года>

Письмо задержалось вследствие целого ряда обстоятельств.

Между прочим, в Калинин я не поехал и не поеду: устроился здесь. Теперь очень много работаю, с 10 утра до 12 ночи. Так будет продолжаться, я думаю, еще месяца полтора, а потом войдет в норму. Дело в том, что со своейлетней поездкой я сильно залез в долги и теперь надо их поскорее возвращать.

За прекрасное лето расплачиваемся ужасающей осенью: ранние холода и убийственная слякоть. Третьего дня даже снег шел. Посылаю эту карточку — к сожалению, других нет. В следах оспы или проказы, которой меня снабдил фотограф, я не повинен ни сном ни духом.

Еще раз обнимаю вас всех и жду скорых вестей. Я невыносимо соскучился по вашим письмам!

Д.А.

1937

23. В.Л. Миндовской

12 марта 1937

Милая Валя,

Памятуя о Вашем предложении принять участие в Вашей работе к 1 мая — хочу, как принято выражаться в рапортах, «довести до Вашего сведения следующее»:

Приму я участие в Вашей работе с удовольствием. Весь апрель, начиная с 4-го числа, я могу быть в Вашем распоряжении, исключая трех вечеров: 15-го, 22-го и 29-го (оговариваюсь, конечно, только относительно этих вечеров, дни я все и целиком могу отдать работе).

Пожалуйста, сообщите мне каким-нибудь способом: по телефону ли (Г6-72-03), открыткой ли (Москва 34, М. Левшинский пер. д. 5 кв. 4, Дан. Леон. Андрееву), предвидится ли что-нибудь в этом смысле или нет, и если да, то что за работа и какова может быть моя роль в ней.

Тысяча приветов

Дан. Андреев

24. В.Л. Андрееву

18 МАРТА 1937

Дорогой мой, родной мой Димуша, мной сделано все, от меня зависевшее. Не так давно было отослано письмо И.В. Сталину, и я думаю, что на протяжении апреля, может быть, мая, дело вырешится окончательно. Если ты получишь какое-либо сообщение из консульства, пожалуйста, тотчас же напиши мне, чтобы я мог немного подготовить ваше, так сказать, *pieds à terre** (во франц<узской> орфографии я не силен). Должен сознаться: неужели действительно приходит к концу двадцатилетняя разлука. Это так странно, так невероятно, что боюсь мечтать, и все-таки мечтаю беспредельно.

Мы живем по-прежнему. Только дядя что-то стал сдавать (с прошлого года). Грудная жаба часто не дает ему возможности двигаться, и иногда ему приходится лежать по целым неделям. Лежит он и сейчас, тихо читая у себя за занавесками.

Мама тоже, конечно, чувствует себя не блестяще, ведь надо учитывать, что им обоим уже под 70 лет. Бодрее и крепче держится тетя Катя. Алекс<андр> Викт<орович> страшно много работает, я его почти не вижу.

У меня в работе бывают перебои — исключительно по вине моей феноменальной практической бездарности. Исключая этой стороны жизни да еще того не менее плачевного факта, что личная жизнь моя не устроилась и, вероятно, никогда не устроится, — в остальном этот год был для меня плодотворным и, если так можно выразиться, внутренне-щедрым. Читаю, впрочем, немного. Знаешь ли ты роман Бруно Франка «Сервантес»? Книга замечательная, настоящая большая литература. Она здесь имеет громадный успех.

Вчера был на Пушкинской выставке. Впечатление грандиозное. 17 зал, полных рукописями, документами, редчайшими портретами, великолепными иллюстрациями к Пушкину и т.п. Нечего и думать осмотреть все это за 1 раз. Выставка будет функционировать до 1 января, т<ак> ч<то> ты ее, надеюсь, еще застанешь и мы сходим на нее вместе.

Пожалуйста, пиши, мой родной. Много ли работы, устаешь ли, есть ли досуг, пишешь ли, что делает Оля, как ее и твое здоровье и как моя любимая Олюша? Наташину просьбу я исполнил. Жду писем!

Спокойной ночи.

Даня

* Здесь: устойчивое положение (фр.). — *Ред.*

25. В.Л. Андрееву

17 июня <19>37

Дорогой Димуша, милый братец, радуюсь твоей радостью!¹ Если бы ты мог знать, с каким нетерпением и беспокойством я ждал от тебя известий! Несколько раз порывался написать, не дожидаясь их, — чтобы поздравление пришло как раз вовремя — и каждый раз бросал перо: а вдруг что-нибудь случится, а вдруг все выйдет не благополучно. И как нарочно, твое письмо с карточками малыша пришло как раз в те немногие дни, которые я проводил на даче, и я его получил поэтому с запозданием. От всего сердца поздравляю Олю. И, между прочим, думаю, что если б я был с тобой во время твоего бессильного и отчаянного метания в ожидании роковой минуты — тебе было бы чуть-чуть легче.

По правде сказать, я рад, что это мальчишка. Девочка и мальчик — ведь это вся возможная полнота семьи. Твой Сашок смешон и трогателен до невозможности. Конечно, еще трудно (по крайней мере, трудно мне — за неимением опыта) говорить о его потенциальных данных, о его будущей «личности», но, по-моему, одно можно уже определить наверняка, — это — его темпераментность, которой отмечены некоторые черты его личика: нос, рот. Прошу тебя, не ленись в подробностях информировать меня и маму о всем дальнейшем: о его здоровье, поведении, характере (поскольку он начинает проглядывать) и о здоровье Оли. У Оли очень хорошее лицо на той карточке, кот<орую> ты прислал. И напиши, как воспринимает рождение брата Олюша маленькая.

Рядом с этим событием тебе должны показаться мелочью события моей бессемейной, «холостой» жизни. Но должен сказать, что последние месяцы были для меня исключительно тяжелыми, одними из самых тяжелых в моей жизни. К сожалению, я не могу описать тебе всей мучительно-нелепой, дикой, карикатурной канители, которую я выносил целый год и кот<орая> в последние месяцы дошла до геркулесовых столбов мучительности и нелепости. Это, конечно, касается исключительно области так называемой личной жизни. Описание этой истории заняло бы целый том, а несколько фраз не дадут тебе должного представления о происшедшем. Слава Богу, теперь, как будто, самое трудное позади; я был доведен до состояния белого каления и все разорвал разом. Но все-таки это еще не конец: тут возможны самые дикие и неожиданные сюрпризы. Вся эта история не только ужасно измучила, но и состарила меня. Теперь, впрочем, началась уже (параллельно) другая линия, которая приносит радость.

Вторую половину лета надеюсь провести частью в Судаке (Крым)², частью, быть может, в маленьком городке на Оке. Но это еще не наверняка.

Дома тоже мало радостного. Дядя проболел 3 месяца (старческое ослабление сердечной деятельности); пришлось подать заявление о пенсии. Так как хлопчет он о пенсии персональной, т<о> е<сть> повышенной (такая пенсия дается за особые трудовые заслуги), то должно пройти некоторое время прежде, чем это дело оформится. Сейчас он в отпуске, но отпуск истекает 20 июня; придется опять ходить на работу, а здоровье его почти в том

же состоянии, как и 3 месяца назад, в начале заболевания. Впрочем, ему дадут, вероятно, добавочный отпуск. Сам он очень мрачно переносит падение своей трудоспособности, мучит сам себя измышлениями о своей бесполезности, дряхлости, ненужности и т.п. Мама тоже постоянно хворает. Вдобавок отношения между некоторыми членами нашей семьи оставляют желать лучшего. Одним словом, наш старый дом проходит через довольно тяжелую полосу.

Наверное, тебя удивляет, что я так скуп на фотографии. Объясняется это тем, что у меня нет аппарата. Дядя за все 20–25 (а то и более) лет снимался 1 раз; карточка эта имеется в единственном приличном экземпляре. То же и мама. У меня есть несколько снимков, сделанных в Трубчевске, где я фигурирую на фоне лирических пейзажей³; но они очень скверные и имеются опять-таки в одном экземпляре. Посылаю тебе одну такую карточку. Прямотаки страшно посылать ее такому завзятому фотографу, артисту своего дела, но что же прикажешь делать?!?! В скором времени я собираюсь сняться как следует.

Ну вот, родной мой, так-то обстоят дела. Пиши скорее. Не забывай, что я всегда о тебе думаю и всегда жду твоих писем с острым нетерпением. Все касающееся тебя и твоих близких, даже самые крошечные мелочи, мне важны и интересны.

Расцелуй Олю, Олечку и Александра Вадимовича.

Счастливым дядя

26. Л.Ф. Смирновой

[июнь 1937]

Дорогая Любовь Федоровна, перед отъездом в Судак хочется передать Вам хотя бы несколько дружеских слов. Очень мне грустно, что приходится уезжать, так и не повидав Вас. От Вас и от Глеба Борисовича я чувствую идущее ко мне такое теплое, сердечное отношение, что с моей стороны давно уже поднялось ответное, но я не умею его выразить.

В Москве я задержался против предполагаемого на несколько недель, и это время было заполнено всякими заботами, суетой, да и некоторыми тяжелыми впечатлениями. В Судаке, впрочем, надеюсь отдохнуть от всего и ждет меня там, как будто, только хорошее.

Вернусь около 1.09 и тогда застану Вас уже матерью. От всего сердца, от всей души желаю Вам благополучного минования всех страданий. Да хранит Бог Вас и Ваше дитя¹.

27. Е.Н. Рейнфельд

25 июня <19>37

Милая Женя,

пожалуйста, не сердитесь на меня за такое безобразное молчание. В личной жизни моей было очень много тяжелого, и хотя я Вас вспоминаю часто, но пи-

сать было трудновато. Другое дело, если бы Вы были здесь! Теперь немного лучше, появилось нечто радостное, хотя, м.б., и чересчур легкомысленное. Тяжелая история еще не вполне, кажется, кончилась — возможны крупные неприятности — но все-таки самое мучительное как будто позади. Сейчас успешно работаю, к 15 июля думаю все закончить и уехать сперва в маленький городок на Оке, потом в Крым и вернуться в Москву к 1 сент<ября>. Пишите — не проедете ли летом через Москву? Сердечный привет от сестры.

Д.А.

28. Л.Ф. Смирновой

20 АВГУСТА 1937

Дорогая Любовь Федоровна,

и радостно, и горько было получить Ваше письмо, такое доброе и такое измученное. Я не подозревал, что Вам и Глебу Борисовичу пришлось перестрадать столько — таких страданий и тревоги хватило бы на целую жизнь¹. Вы пишете о пережитом сдержанно, но между строк можно прочесть, сколько вы оба перенесли за этот сравнительно короткий срок. Страшно подумать! Слава Богу, что хоть самое тяжелое позади. Вместе с Вами я верю и надеюсь на лучшее. Прежде всего — на восстановление здоровья всей Вашей семьи. За полосой страданий всегда наступает свет и полнота жизни, и теперь скоро для вас всех должны начаться хорошие времена. Жаль, что Вы не сообщили адреса Г.Б. в Теберде: очень хочется ему написать. Буду ждать Марью Михайловну²: может быть, она его знает? Хотя, вероятно, тогда писать в Теберду будет уже поздно. Сам я думаю вернуться в Москву в середине сентября. Вторая половина моего отдыха получается гораздо лучше первой. Я устроился здесь несколько иначе, чем вначале, и с внешней стороны все складывается отлично. Прекрасно питаюсь, много сплю; гулять стараюсь недалеко, чтобы накопить побольше сил, хотя горы властно тянут к себе; пока что я побывал только на двух вершинах. Зато часто ухожу в пустыню, начинающуюся за холмами в нескольких шагах от моего дома. Это настоящая пустыня — с бесплодными холмами, никогда и никем не посещаемыми побережьями, скудной полыньей и вереском, а главное — с удивительной, совершенно непередаваемой тишиной. Она окаймлена горами, и в линии этих гор — что-то невыразимо-спокойное, мудрое и умиротворяющее. Должен признаться, и это разочарует Г<леба> Б<орисовича>, что в настоящее время для меня гораздо целебнее и плодотворнее эта пустыня, чем знаменитая гемузская крепость, несмотря на ее живописную красоту и возбуждаемые ею исторические ассоциации.

Спасибо Вам за доброе отношение, которое я вижу с Вашей стороны и которое совершенно ничем не заслужил. От всей души желаю Вам, чтобы скорее наладилась здоровая и радостная жизнь. Поцелуйте от меня Вашего мальчика и передайте самый сердечный и теплый привет Глебу. Крепко целую Вашу руку.

Даниил Андреев

29. В.Л. Миндовской

22 ОКТЯБРЯ <19>37

Милая Валя,

Будьте добры, когда у Вас будет свободная минутка, позвоните мне (Г6-42-03). Моя работа в Худ<ожественном> театре¹ так задержалась (по вине театра, конечно), что я ее кончу не ранее 4 ноября. Но если у Вас будет большая работа, я смогу передать остаток своей работы в Художественном кому-нибудь. Только мне хотелось бы знать о положении вещей за несколько дней. Застать меня легче всего часов в 5.

Простите за беспокойство!

Привет. Д. Андреев

1938

30. В.Л. Андрееву

Дорогой Димуша,

все мы живы и более или менее здоровы. Часто, очень часто думаю о тебе и всех вас, хоть и далеких, но бесконечно милых моему сердцу. Как ни грустно, что все сложилось таким образом, но этому надо радоваться. Больше всего мне хотелось бы, чтобы ты нашел смысл и радость в той жизни, которая выпала на твою долю. Нежно целую ребяток и Олю.

Хотя живем мы там же, где и раньше, но ответа не надо.

Любящий тебя Д.

1941

31. Г.Б. Смирнову

15 января 1941

Дорогой Глеб Борисович,

наши попытки повидать друг друга начинают напоминать сказку про Журавля и Цаплю. Дело в том, что мне неожиданно предложили небольшую, но очень срочную работу, которую надо сдать к 25.1, и я ее взял, т.к. финансовое положение не позволяет сейчас пренебрегать такими вещами. Как мне ни совестно (и просто неприятно), приходится просить Вас перенести нашу встречу на любое число после 25-го. Будьте так добры, позвоните мне, пожалуйста, часов в 5 в любой день (я в это время всегда дома, т.к. обедаю) и назначьте какое угодно число. Очень я соскучился — моя жизнь в последние месяцы не дает возможности никого видеть, а я не создан для такого отшельничества! Привет сердечнейший Любви Федоровне, а Алешу поцелуйте в головку.

Д.А.

1942

32. Т.И. Морозовой

10 МАРТА 1942

Дорогая Татьяна,

боюсь задерживать Клавдию¹, поэтому пишу немного. Колоссальное спасибо за ленты², — выручила меня ужасно. Сейчас денег нету, т<ак> ч<то> больше не покупай. Очень надеюсь, что ты отвертишься от труд<ового> фронта, — ведь здоровье твое — само по себе уже является веским основанием. Не знаю, как в деревне, а здесь все призываемые на труд<овые> работы проходят медицинскую комиссию, которая, говорят, отбирает не более 30%. Имей это все-таки в виду. А расчет колхозного счетовода — мне очень нравится.

Что Катя³, еще не написала?

Я кончил работу по составлению сборника (вчера), а теперь, очевидно, займусь переводами с польского⁴.

Все время грипплю, бюллетеню, вот и сейчас. Из-за этого не иду в военкомат, откуда уже давно лежит повестка. Дома все без перемен. Плохо, что кончились дрова, новых, вероятно, не будет — базы пусты, — а электричество стали выключать здорово. Двое суток не на чем было стряпать, не говоря уж о холоде и тьме.

Ну вот, дорогая. Ах, да: может случится, что я прикреплюсь к хорошей столовой и буду получать довольно приличный обед. Но это еще бабушка надвое сказала.

Целую ребяток. Написал бы больше, но боюсь задерживать Клавдию. Крепко жму руку, то есть лапочку.

Д.А.

11 МАРТА 1942

Дорогая, добавление:

что касается поездки в Ленинград⁵, то очень советую немного подождать с этим. На протяжении ближайшего месяца выяснится весьма многое и положение города может совершенно измениться. Сейчас уже ты рискуешь попасть во всякие не слишком приятные переделки и, главное, застрять там.

Посылаю деньги на ленты. Считаю, что 14 рублей из них — за уже купленные, а на 11 руб. купи штуки три. Вообще, с переходом моим к Ал<ександру> Викт<оровичу> окончательно на литер<атурную> работу⁶ они становятся нашим «орудием производства», и прямо не знаю, как тебя благодарить за них, ибо здесь их абсолютно нет, а расходуются они быстро.

Поздравляю тебя, дорогая, и Вершечку с появлением на свет 13 лет назад этого замечательного произведения⁷. Как жалко, что я не могу в этот день обнять ее и, главное, отметить достопримечательное событие хоть чем-нибудь сладеньким.

Черт знает, что за время.

Целую тебя и всех.

Даниил

33. В.Л. Миндовской

3 октября <19>42

Милая Валя,

простите мое свинское молчание. Очень, очень хочется к вам, и все время кажется, что вот-вот соберусь, но, увы, это не так просто. В настоящее время не могу выбрать ни одного дня, т.к. большую часть времени нахожусь в хозяйственных экскурсиях, да и остальное уходит на попытки подготовиться к зиме. Дома ремонт. Словом, если позвоните в середине сентября, то тогда будет легче сговориться. Большое спасибо Вам за все. Крепко жму руку. Мои шлют Вам самый сердечный привет.

Д. Андреев

1943

34. В.Л. Миндовской

21 июля <19>43

Валя, милая,

Ваше письмо не то что растрогало, но даже смутило и заставило покраснеть: право; я ничем не заслужил такого отношения. Постараюсь оправдать его в будущем, когда наши жизненные пути сблизятся и, возможно, долгое время будут идти рядышком. То, что Вы пишете о следующем лете, головокружительно хорошо, и я стараюсь верить в это. До чего живуча все-таки человеческая душа. Правда, самых страшных и жестоких проявлений войн мне все еще не приходилось переживать, но все же я видел немало тяжелого и невыразимо печального. И несмотря на это, в душе не умерли ни радость жизни, ни надежда, ни жажда творчества, ни вера. Наоборот, они горячее, чем когда бы то ни было раньше.

Внешне моя жизнь еще течет по тому руслу, в кот<орое> попала около месяца назад, но, очевидно, скоро опять последуют перемены, хотя мне неясно еще, в какую сторону.

Тишина, долгое время царившая вокруг, сменилась шумом, но это в некотором расстоянии от нас; на несколько километров — ровное, спокойное поле, покрытое нивами и огородами, где несмотря ни на что мирно копошатся в земле жители расположенного вблизи большого города. Трубы фабричные, трубы его окраин и отдаленные шпильки четко вырисовываются на фоне закатных небес. Погода улучшилась, и хотя дождь ежедневно, но по крайней мере тепло. Физически чувствую себя далеко не так бодро, как в психологическом отношении, но все-таки передышка этого месяца улучшила общее состояние организма.

Последнее время под действием акрихина ослабела даже малярия.

Крепко жму Вашу руку, спасибо, спасибо за все!

Пишите. Надеюсь — что до недалекого свидания.

Д.А.

35. Л.М. Тарасову

21 июля <19>43

Лев Михайлович,

простите, если неверно пишу Ваше отчество, — довольно трудно объяснить, почему я нетвердо знаю его. Рассказы Вали и потом Коваленских создали в моем представлении Ваш образ, но он плохо или, вернее, никак не ассоциируется с именем. И тем не менее он мне близок; в родственности многого между нами я не сомневаюсь.

Спасибо Вам за теплый привет. Если бы вы знали, как ценно в моем положении, когда знаешь, что о тебе где-то далеко вспоминают или иногда думают. Надеюсь, что наша встреча не за горами.

Встреча — и налаживание постоянного общения, прочной связи, внутренней и внешней.

Крепко жму Вашу руку и от всей души желаю Вам сил, здоровья, досуга и осуществления творческих замыслов.

Д. Андреев

36. В.Л. Миндовской

31 октября <19>43

Милая Валя,

очень возможно, что мы увидимся в непродолжительном будущем¹. Мечтаю провести у вас целый день. Как только приеду, пошлю Вам открытку, и тогда звоните скорее по телефону. Впрочем, отнюдь не исключена возможность, что я проболтаюсь здесь еще энное количество времени. Не хочу об этом думать. Сейчас очень занят подготовкой к празднику: лозунги, стенгазета, чтение с эстрады отрывка из Шолохова и т.п. Живу надеждой. Побольше не пишу в расчете на скорое свидание. Крепко, крепко жму руку вам обоим².

Д. Андреев

1944

37. В.Л. Миндовской

8 января <19>44

Валюшка милая,

каким теплом веет от Ваших писем. И как растет желание встречи! Грустно, что, приехав в Москву, я не застаю Л<ьва> М<ихайловича>, — я чувствую в нем близкого человека, никогда его не выдав, — как это ни странно.

Хотел просить Вас прислать его адрес, но теперь, пожалуй, это не стоит, т.к. я недели через 2–3, м.б., увижу Вас. Вопрос о моем откомандировании движется вперед, и осязаемые результаты уже не за горами. А пока существую в прежних условиях — хороших, насколько это может быть на войне. Сыт, в тепле, начальство хорошее, отношения с людьми сложились прекрасные. Работы очень много, но физически она не трудна. Только двух вещей не

хватает: близости друзей и возможности работать над моей неоконченной вещью. Это-то и тянет так невыносимо в М<оскву> и заставляет считать дни и часы, оставшиеся до откомандирования¹. Читать не успеваю. Перед Новым годом оформлял выставку, а теперь засосала канцелярская работа. Но все это ничего, лишь бы скорей окончательная победа и конец войны.

Всем всего хорошего. До скорого свидания!

Д.

38. В.Л. Миндовской

5 МАРТА <19>44

Валя, милая,

за такое тепло, которое я чувствую исходящим от Вас, благодарить невозможно, но так хочется, чтобы Вы и от меня почувствовали такое же. Жаль, что Вы совсем ничего не пишете о себе, да и о Л<ьве> М<ихайловиче> ничего, а ведь хочется представить себе Вашу жизнь сколько-нибудь конкретно. Все еще живу надеждой на скорую московскую встречу. Но реально в этом направлении — ничего. Пока условия жизни прежние, чередуются периоды очень напряженной работы и передышки, во время которых удается отдохнуть, почитать, поиграть в шахматы. Но о творческой работе, конечно, остается только мечтать. Бесконечное бесплодное ожидание откомандирования расшатало нервы. А физически — состояние сносное, пожалуй, лучше, чем в прошлом году. Дорогая, найдите минутку написать несколько строк лично о себе, об условиях своей жизни и о том, что Вы знаете о Льве Михайловиче. Где Анфа Павловна¹, Женя², Бэб³, Мишук?⁴ Очень жду вестей. Жму руку крепко.

Д.А.

39. В.Л. Миндовской

8 июня <19>44

Милая Валя,

виноват перед Вами: что-то никак не могу собраться написать Вам по-настоящему. Это, главным образом, потому, что сейчас я свободное время употребляю на литер<атурные> занятия — а это с писанием писем почти несовместимо (психологически)! Живу, в общем, хорошо настолько, насколько возможно в моем положении. Во второй половине июня собираюсь в командировку в Москву¹, но она будет короткой, и с горечью думаю о том, что не успею почти никого повидать, т.к. дел будет по горло.

Все еще надеюсь на сравнительно скорое окончательное возвращение к работе, ведь мы с Л<ьвом> М<ихайловичем> ближайшие соседи²! Но не зная № его части, найти его невозможно. Нахожусь от него км 20 в чудесной местности. Холмы, леса, озера. 2 раза ходил гулять, бродил по лесу, купался и наслаждался. Читать некогда и нечего, но «Странников ночи»³ двигаю все же вперед, хотя и медленно. Без основной рукописи, оставшейся в Москве, настоящая большая работа над ними невозможна. Из полученного за этот пе-

риод жизненного материала и впечатлений многого не могу осмыслить. Это, очевидно, потом, дома по возвращении будут условия, возможности, от которых отвык.

[Приписка] Но разумеется, возможность любимой работы, которая откроется тогда, и жизнь рядом с близкими являются такими величайшими благами, которые покрывают все.

Пока же пишите мне на прежний адрес. Кончив главу, вдохновлюсь, вероятно, на настоящее большое письмо. Целую, крепко жму руку. Привет всем Вашим. Напишите, пожалуйста, подробнее про Беба.

Д.А.

[Приписка] Стихов Л<ьва> М<ихайловича> не получил⁴.

40. В.П. Митрофанову

10 июня 1944

Дорогой Вольдемарус,

Вы не думайте, что Вы выпали, так сказать, из поля моей памяти; но когда садишься писать письмо — даже не знаешь, с чего начать и что сказать. — Так много произошло за это время, и столь о многом надо бы просто поговорить — по-настоящему. Еще досадней то, что вскорости я надеюсь быть в командировке, но она будет так коротка и время так перегружено делами и поручениями, что вряд ли я успею с Вами встретиться. Жизнь моя течет ровно и спокойно. Работой не перегружен, условия хорошие. Живу в чудесном месте — леса, холмы, озера. Иногда гуляю, на досуге даже немного пишу, но без основной рукописи это очень трудно и малопродуктивно. Что касается вызова, то это дело начали опять с самого начала¹. Теперь ждем результатов, но я уже изверился. Ваша судьба, мысли о ней причиняют боль², и не на словах только. Тяготее над Вами в [нрзб] какая-то неблагоприятная звезда. Бываете ли в кино, в театрах, что читаете? Я перечитал «Преступление и наказание» и частично «Подростка»³. Как Вы находите Сашу⁴? Безнадежно ли его состояние? Хорошо, что старшие не дожили⁵.

Физическое состояние мое посредственно, спина болит, слабость и вдобавок фурункулез и флюсы. Но настроение бодрое, хотя жизнь задает задачи и загадки, многие из которых не могу осмыслить. Крепко жму руку и жду писем. Будьте здоровы, дорогой.

Д.А.

1945

41. В.П. Митрофанову

12 мая 1945

Дорогой Вольдемар!

Боюсь, что у Вас сложилось неправильное представление о наших отношениях, во всяком случае о моем отношении к Вам. Мое непростительно

долгое молчание, правильное сказать — исчезновение, вызывалось совершенно дико прожитой зимой — болезнями и полосами крайней загруженности, чередовавшимися в каком-то горячечном темпе. Сейчас я продолжаю вставать в шесть, возвращаться домой в десятом часу вечера и тут же валиться в постель. Но открытие музея¹, в котором я работаю, должно на днях состояться, и тогда все пойдет спокойнее. Но здоровье скверно, и надо предпринимать какие-то меры; впрочем, сам еще не знаю какие. Будем очень рады, если после 20 мая Вы позвоните, чтобы сговориться о встрече. Жму руку и желаю всех, возможных на этом свете, удач.

Д.А.

42. В.Л. Миндовской

27 июля <19>45

Валя, дорогой друг

Живем в абсолютной изоляции¹. Ни писем, ни газет — и совершенно не представляем, что делается среди друзей. За Вас как-то особенно тревожно. Как Ваше состояние и какие вести от Левы? Пожалуйста очень-очень просим: если есть возможность найти время и сосредоточится для письма, напишите о себе и своих делах хоть немного на наш московский адрес (М. Левшинский, 5, кв. 4), чтобы мы нашли письмо тотчас по приезде. В Москву мы попадем, вероятно, около 12.VIII и, если Ваши обстоятельства и намерения не изменились, дня через 3–4 после этого переберемся к Вам.

Жизнь наша здесь не столь идилична, как хотелось бы. Очень трудна и утомительна была сама дорога, да и условия жизни оказались не вполне удобными. Во-первых, помещение лишено изоляции, во-вторых — чудовищное полчище блох и стаи мух, не дающие спать, в третьих — погода, превратившая местность более или менее в болото и не позволяющая вдоволь насладиться солнцем и теплом. Спим очень мало и плохо, тем более что давно вышел весь люминал. Но все-таки стараемся не падать духом и взять от этой поездки все, что возможно. Гуляем каждый день; промокли до нитки только 1 раз. Ходим за ягодами (здесь уйма лесной малины), немного читаем и крохотулечную чуточку занимаемся. Только здесь выяснилась в полной мере степень нашей усталости. Такое чувство, что надо бы еще 2–3 месяца растительной жизни, чтобы опять превратиться в людей. Но это, конечно, нереально. Если суждено прожить сколько-то под Вашим гостеприимным кровом, то уж с начала сентября надо брать какую-нибудь работу.

Питаемся хорошо, чему очень помогает изобилие ягод, грибы и бесплатная картошка.

Ну вот, о нас все самое существенное. Теперь будем ждать дня возвращения, когда узнаем о Вас.

Всего, всего самого хорошего, вы сами знаете, чего мы для Вас желаем от всей души. Да пошлет Вам Бог физических и духовных сил, необходимых, чтобы выдержать искушение ожидания.

Крепко жмем руки — Алик одну, а я другую.

Д.

1946

43. В.Л. Миндовской

5 января <19>46

Дорогие друзья, с праздником!

Удобно ли Вам, если мы нагрянем вечером 10 января? Если удобно — позвоните. В случае, если звонка не будет, мы будем считать, что эта комбинация, как принято выражаться, Вас «устраивает».

Сейчас крутимся, сбиваясь с ног, с диспансером, ВТЭКОМ, обменом паспорта и т.п.

Крепко жмем руку.

Д. Андреев и Алла

44. В.Л. Миндовской

6 марта <19>46

Дорогие друзья.

Мы очень соскучились. Но все это время болела Алла, да и сейчас мы еще не в состоянии выбраться в такое путешествие, как к Вам. Если Вы — в более подвижном состоянии, то было бы изумительно, если б Вы выбрались к нам. Просим: преодолите свое отвращение к телефону, позвоните Г6-72-03 и давайте сговоримся. А то нехорошо так отрываться друг от друга.

Итак, ждем.

Приветы, поклоны и рукопожатия

Д. и А.А.

45. В.Л. Миндовской-Тарасовой

28 апреля <19>46

Христос воскрес!

Дорогие друзья,

во-первых — с праздником.

Во-вторых — мы готовимся к набегу на Измайлово, штурм приурочиваем к 2 мая, рассчитывая прибыть на место часов в 5 дня. Если Вам этот день не удобен, пожалуйста, известите нас при помощи Вашего любимого средства связи: телефона Г6-72-03. Итак, до скорого свидания. Итак, помните Г6-72-03. Всего, всего хорошего. Не забывайте: Г6-72-03.

Д. Андреев
Алла

46. В.Л. Миндовской

11 августа <19>46

Дорогие друзья,

перед глазами следующее: открытое окошко с геранью, за ним — улочка и сады, а дальше — даль по ту сторону Дона¹, с деревенькой и лесами. Леса-

ми — увы — недоступными, ибо самочувствие наше не позволяет сделать ни одной настоящей прогулки. Это тем более досадно, что погода благоприятствует: много солнца. В результате за 3 недели осмотрели лишь ближайшие окрестности: интересный полуразрушенный монастырь, берега реки и не далекие, покрытые лесом холмы с живописными обрывами. Купаемся на мелком месте и развлекаемся по вечерам возможными *petits jeux** с Бружесами, — начиная с блошек и кончая подкидным дураком. Мои занятия немецким идут крайне туго. Аликова живопись — гораздо успешнее. Собраны материалы для 3 больших картин, кот<орые> она собирается писать в Москве. Вообще ее состояние получше, даже потолстела чуточку.

Мозги спят непробудным сном, — даже это письмо оказалось для отупевшей головы предприятием почти непосильным. Что-то зловещее! Как буду я осенью справляться с географическими книгами, не говоря уж о более серьезных задачах — одному Богу известно. Временами степень собственного поглупления пугает.

Питаемся хорошо, спим много, а больше всего валяемся в саду.

Очень хотелось бы, приехав в Москву (а это будет около 10/XI) застать дома открыточку от Вас со сведениями хотя бы о самом главном.

Простите, пожалуйста, это критическое письмо.

От всей души желаем здоровья, сил, радости и отсутствия суеты.

Д. и А.

47. В.Л. Андрееву

[Отправлено 12 сентября 1946 года]

Дорогой, милый, родной брат!

Наконец-то смог я убедиться, что все живы и здоровы! Восемь лет я не получал от тебя ни единой весточки. И хотя вера в то, что ты жив, меня не оставляла, но причин для беспокойства за тебя и твою семью было более чем достаточно. С радостью узнал я о твоей партизанской работе в немецком тылу. Следовательно, мы боролись с тобой против общего врага на разных концах Европы.

Прежде всего должен сообщить тебе печальную весть: в <19>41 г., как раз накануне войны, неожиданно скончался от кровоизлияния в мозг дядя Филипп¹; в следующем году, уже в очень тяжелых условиях, умерла мама² (после мучительной болезни, длившейся 4 месяца), а через полгода за ней последовала и тетя Катя³. (В это же время в заблокированном Ленинграде умерла Римма⁴.) Наша семья распалась, старый добровский дом перестал существовать. Саша уже давно живет отдельно со своей женой. Шура и ее муж продолжают жить в нашей квартире, но хозяйство и вообще вся жизнь у нас отдельные; у нас — то есть у меня и моей жены Аллы. Женаты мы 2 года; женились в очень странных условиях, в совсем, казалось бы, неподходящее время: во время моей краткосрочной командировки с фронта в Москву. Наша встреча, любовь и совместная жизнь — величайшее счастье, какое я знал

* Салонными играми (фр.) — Ред.

в жизни. Алла — художник, пейзажист и портретист. Оба мы работаем дома и никогда не разлучаемся больше чем на 2–3 часа.

Я долгое время был на фронте, участвовал в обороне Москвы и Ленинграда, был в Ленинграде во время блокады, переправившись туда по единственному пути — по льду Ладожского озера; потом был переброшен в район Великих Лук и Невеля и наконец в Латвию. Война сильно подорвала здоровье — и физическое, и психическое. Еще до ее окончания я был снят с воинского учета и направлен на лечение. Но полное излечение невозможно. Теперь я числюсь в категории инвалидов Отечественной войны. Работоспособность сильно понижена, способность двигаться ограничена. В связи с этим пришлось переменить род работы. Написал небольшую книжку на географическую тему, она понравилась (на днях уже должна выйти в свет), и получил заказ на вторую⁵, на тему из области географических исследований, над которой сейчас и работаю. Недавно мы оба вернулись из небольшого городка Задонска, где проводили летний отдых; немного посвежели и даже потолстели. Живем очень тихо, изредка бываем на концертах и — крайне редко — в театрах. Усиленно мечтаем о вашем возвращении и общей жизни. Подумай, что могло бы быть лучше этого! Впрочем, для выражения наших чувств, как мы тебя любим, как скучаем по тебе, как много значит для меня твоя семья, как хочется обнять Олечку и Сашука и расцеловать Олю, — для всего этого все равно нельзя найти слов.

Обнимаю вас крепко, крепко, родной мой, Алик тоже обнимает и шлет самые лучшие сердечные пожелания. Привет от Ив<ана> Макс<имовича>⁶.

Твой брат Даня

1950–1951

48. Ю.Г. Бружес

<ДЕКАБРЬ 1950 — ЯНВАРЬ 1951>

<К сожалению> ... выполнить Ваши указания, Ю<лия> Г<авриловна> о письмах до востреб<ования> от меня <не зависит>¹... Находится вне предела моих возможностей. Но если вы когда-либо перемените тот адрес, по которому проживаете, — пожалуйста, уведомите меня об этом. Что же касается Вашего указания о том, чтобы я писал Вам, а не моему тестю, то я учел это с первого же дня; как это указание Ваше получил — т.е. с марта <19>50 г. Благодарю Вас за деньги, коих получено мною от Вас на протяжении этого год<а>... руб.

Решаюсь обратиться к Вам с просьбой, т.к. я не знаю Ваш<их> денежных обстоятельств: если бы Вы смогли высылать мне в наступающем году по 25–30 руб. в месяц, это дало бы мне возможность удовлетворять свои насущные потребности. Разумеется, если для Вас это обременительно, прошу Вас забыть о моей просьбе, как если бы ее не было.

Другая просьба — сообщить мне адрес моей жены². Когда я обращался к Вам с ней в феврале 1950 г., Вы мне в ответ указали, — что сомневаетесь, имеете ли право эту просьбу удовлетворить. Но дело в следующем. Еще летом <19>49 г. я получил из соответствующей инстанции, в ответ на мой запрос, адрес моей жены, но смог воспользоваться этим адресом только в январе 1950 г. Мое письмо жене пришло назад, т.к. она к этому времени переменяла адрес. Этот новый ее адрес мне узнать абсолютно не от кого, как только от Вас. Представьте, каково мне почти 4 года ничего не знать о своей жене и не иметь возможности воспользоваться предоставленным мне правом на переписку с нею.

Здоровье мое по-прежнему. Поздравляю Вас с Новым годом.

Д.

1952

49. Ю.Г. Бружес

< АПРЕЛЬ 1952 ? >

Глубокоуважаемая Ю<лия> Г<авриловна>, со времени моего последнего к Вам письма я регулярно в начале каждого месяца получаю от вас переводами по 50 р<ублей>, приношу вам мою глубочайшую благодарность. С сентября прошлого года до 1 апр<еля> мною было получено от вас 350 руб<лей>, за которые примите мою глубокую...

Здоровье мое по-прежнему. В последнее время очень мучаюсь с зубами.

Следующее письмо Вам надеюсь послать в марте и апреле 1953 г.

<сентябре или октябре>...

После получения Вашего адреса в центре радуюсь вашему переезду на новоселье.

От Всей души желаю здоровья Вам и В<ашему> мужу. Получить от Вас хотя бы несколько строк было бы для меня при<ятно>...

1954

50. Ю.Г. Бружес

< 3 ноября 1954 >

Здрав<ствуйте>, дорогая Ю<лия> Г<авриловна>, не писал вам 2 месяца, а кажется, не писал очень, очень долго. Ведь даже на Ваше письмо о поездке к Алле я еще не смог ответить. Как потрясло меня то письмо, Вы сами можете представить. И у меня целый ряд вопросов, ответить на которые я вас очень, очень прошу. Вот они:

Второе заявление я напишу, как вы советуете, на имя Предс<едателя> Сов<ета> министров; сделаю это после праздников. Думаю, первый вопрос, что и без этого дело будет пересматриваться, — вопрос только во вре-

мени. Важно, мне кажется другое, к чему этот пересмотр приведет: к немедленному освобождению (это, по-моему, сомнительно), к сокращению срока при условии пребывания в теперешних условиях или к сокращению сроков и <изменению> условий. Признаюсь, последняя возможность представляется мне мало привлекательной. До тех пор, пока я не смогу вернуться к норм<альной> жизни, мне решительно никуда отсюда не хотелось бы. Вас это может удивить, но для этого есть серьезные причины, кот<орые> трудно понять издалека.

Но напрасно Вы думаете, что мое здоровье не лучше Аллиного. Их сравнивать не приходится. Гастрит введен в рамки; я пью все время сол<яную> кислоту и теперь почти не испытываю ни тошноты, ни болей. Радикулит дает себя знать только в результате подъема тяжелых вещей или некоторых физ<ических> усилий, связанных с нагибанием или долгим стоянием. Я теперь провожу некоторую собств<енную> систему лечения, кот<орая> пока действует очень хорошо, но решительные <?> результаты которого могут определиться примерно через полгода. Конечно, к физ<ическому> труду я вряд ли буду способен, но, например, ходить я и сейчас могу по многу (км 20 в день). Это наводит на мысль, что в случае чего я мог бы первое время работать письмоноском или курьером.

Наконец, что касается злосчастного депрессивного <?> психоза, то ведь он дает рецидивы раз в несколько лет. Сейчас очередная депрессия идет уже на убыль. Работоспособность еще не восстановилась полностью, но общее нервное состояние гораздо лучше. Заниматься хинди я могу часа по 3 в день. Учусь по словарю читать и писать. Даже если у меня не будет ни грамматики, ни книг для чтения, мне хватит дела со словарем еще по крайней мере на полгода.

Огромное спасибо за чудные посылки и деньги. Но недавно я узнал вещь, кото<рая> привела меня в ужас. По-видимому, для отправки продуктовых посылок Вам приходится ездить в Лосиноостровск. Если это так, я прошу Вас немедленно прекратить отправление продуктовых посылок!!! Ведь ясно же как день, что при Вашем здоровье подобные поездки — просто самоубийство! И главное, без всякой необходимости! Сахар я всегда могу купить здесь, часто бывают также масло и сыр.

После того как я это узнал, мне никакие присланные продукты уже не полезут в горло. А вот вместо этого приходится просить Вас о нескольких предметах, которые все вместе могут составить вещевую посылку (насколько я понимаю, вещевые посылки можно отправлять прямо из М<осквы>?). Дело в том, что кое-какие состав<ные> части моего нехитрого «имущества» не выдержали испытания временем. А именно — рубашки уже не подлежат никакой чинке. Кроме того, в случае переезда куда-либо, даже в случае перехода на несколько сот метров, я окажусь в безвыходном положении в смысле тары<?>. Поэтому прошу Вас, если можете, выслать вот какие вещи:

1) пару каких-нибудь, самых простых сатиновых рубашек, например, — косовороток, все равно какого цвета, лишь бы дешевле.

2) Большой, крепкий мешок с пришитыми к нему лямками, наподобие рюкзака, но без металлич<еских> частей.

3) Пару маленьких мешочков — для сухарей, сахара и т.п.

4) Щетку — простую, возможно более крепкую и грубую.

Больше мне теперь ничего не надо. Излишек вещей только затруднил бы мое передвижение в случае переезда куда л<ибо>.

51. Ю.Г. Бружес

1 ДЕК<АБРЯ 19>54

Здравствуйте, Ю<лия> Г<авриловна>!

Меня в высшей степени беспокоит отсутствие Ваших писем. Неужели Вы не получили моего письма от 3 ноября? Все ли у Вас по-прежнему? Умоляю Вас откликнуться, а то в голову приходит Бог знает что. Получил посылку от 13 ноября, — большое, большое спасибо, но я еще раз повторяю то, что писал в предыдущем письме: если для отправки продуктовых посылок нужно ездить за город — настоятельно и самым решительным образом прошу Вас эти посылки прекратить. Сахар я всегда могу купить здесь, часто могу также покупать масло и иногда сыр. 100 руб<лей> в месяц мне совершенно достаточно, чтобы восполнить пробелы в питании. Мне не дает покою — чудовищно, что Вы ездите для этого в Лосиноостровск, неся в руках эти тяжести и подвергая себя всему тому, что связано с такими поездками. И это в то время, когда Вам вообще почти нельзя двигаться. Можно ли придумать что-нибудь более неприемлемое?

10 ноября я послал вторично заявление по тому адресу, о кот<ором> Вы писали — значительно более обстоятельное, чем первое, и искреннее до последней запятой. Больше ничего нового у меня нет. Здоровье понемногу улучшается.

Не могу с точностью указать, когда напишу Вам след<ующее> письмо: м<ожет> б<ыть>, в первых числах нов<ого> года, а м<ожет> б<ыть>, придется ждать до 1 февраля. Поэтому, помня поговорку «лучше рано, чем поздно», поздравляю Вас с приближающимся Нов<ым> Годом и желаю Вам от всей души, чтобы все, доставляющее Вам столько мук и страданий, окончилось в <19>55 году. Крепко целую Вас и А<лександра> П<етровича>.

Ваш Д.

1955

52. Ю.Г. Бружес

[1955]

Очень огорчило меня, дорогая Ю<лия>Г<авриловна>, сообщение о том, как Вам не везет все лето с погодой!

Боюсь, как бы и в последующий месяц Балтика не обернулась к Вам своей капризной, вечно брюзжащей физиономией. На Риж<ском> побережье я, правда, не бывал (мне не случалось забираться западнее), но ведь большую часть детства я провел в Финляндии и хорошо изучил характер это-

го своенравного и взбалмошного моря. Относительно тонкой красоты сев<ерной> природы А<лександра> П<етровича>, вероятно, прав, но мне кажется, красоты эти были бы обаятельнее, если бы можно было бы наслаждаться ими не при 10° темпер<атуре> воздуха и не хватаясь руками за что попало, чтобы устоять на ногах, не давая себя опрокинуть ветру. А что касается моей осведомленности, не удивляйтесь, ведь А<лександра> П<етровича> знает, что я никогда не упускал случая расширить свои познания по географии и даже топографии, а уж тем более по топографии той местности, которая в будущем должна была стать временным обиталищем близких людей. Зная местоположение, название улицы <...> № Вашего дома <...>

Получить письмо с таким красочным описанием рижской природы было мне особ<енно> приятно: о природе я стосковался ужасно, часто вижу ее во сне, могу целыми часами мысл<енно> бродить по недоступным мне лесам, и полям, и отмелям <?> А<лександра> П<етровича> дал новую пищу этому чувству ностальгии, грустному, но все же заключающему в себе что-то утешительное.

Спасибо Вам большое за деньги, за чудесную посылку. У меня теперь все есть, я ни в чем не нуждаюсь.

Должен признаться, что некоторые фразы последнего Вашего письма произвели на меня совершенно особенное впечатление. Хочется задать Вам <...> в связи с ними один существенный вопрос: основаны ли оптимистические выводы А<лександра> П<етровича> на наблюдениях и соображениях общего порядка или же на последних сведениях? Очень прошу Вас ответить, если возможно, на этот вопрос. Когда размышляю о будущем, мне представляются трудноразрешимые детали. Дело в том, что как оформитель я за эти 8 лет полностью деквалифицировался, да и дрожание руки не позволило бы орудовать кистью или карандашом. Изучение индийского языка — дело нескольких лет; во всяком случае, довести знания этого яз<ыка> до такого уровня, чтобы быть в силах <перейти> к художественным переводам, даже при самых благоприятных условиях невозможно ранее, чем через 2–3 года. Остается надежда на какую-ниб<удь> литературную работу, может б<ыть>, литературно-географ<ическую>, т.к. никакой другой специальности у меня, к сожалению, нет. Но работа такого рода чревата вначале некоторыми специфич<ескими> трудностями; она может стать прочной матер<иальной> базой только по прошествии какого-то времени, когда подготовлен уже 3-й, 4-й договор.

Подобные мысли посещают меня теперь во все те часы, кот<орые> остаются от занятий индийским. А затем все эти соображения явно преждевременны: никакого ответа на мои заявления, посл<анные> в центр, я до сих пор не получил, даже не дано уведомления о судьбе самого заявления. А ведь прошло уже 4 месяца.

Когда теперь я размышляю о своем будущем, самым трудным представляется мне решение вопроса о моем месте в жизни, и особенно о месте — не только в географич<еском> смысле, это — как удастся мне найти та-

кой род работ, кот<орый> дал бы нам обоим возможность существовать и создать нормальную семью — то, чего так хочет Алла, о чем я сам мечтал <...> Не примите мои слова за слабость <...>

1956

53. Ю.Г. Бружес

13 АВГУСТА <19>56

Юлия Гавриловна, родная моя, сегодня получил одновременно телеграмму от Алиньки — об ее освобождении¹ и Вашу открытку — о том же. Ну, поздравляю вас всех с великой радостью! Так или иначе, самая тяжелая полоса осталась позади. Все время думаю о том, как Алла встретится с Вами в Подсосенском²! Очевидно, это произойдет на днях. Вот наконец и становятся явью наши мечты.

Вы просите сообщить о моих делах и здоровье. О втором сказать гораздо легче, чем о первом. Пока в положение моем никаких перемен нет; они могут произойти очень скоро, а может быть, и задержатся. Я ничего не знаю. Вопрос об инвалидном доме (в случае выхода) остается еще открытым, но, возможно, тоже выяснится очень скоро.

В случае, если я, паче чаяния, должен буду каким-то образом добираться до Вас, мне неясно, куда же направить стопы: в Подсосенский или прямо в Звенигород³. Пожалуйста, сообщите возможно скорее, до которого числа собираетесь Вы пробыть в Звенигороде.

А со здоровьем вот как. Сердце в последнее время стало вести себя поспокойнее. Это — при целом ряде условий: ежедневном приеме адонизида и снотворного, лежании 22 часа в сутки и т.п. Возможно, конечно, что в других условиях организм приспособится к жизни лучше, чем здесь. Теперь еще сложность: меня сильно продуло — правую часть поясницы и правую руку. Курс кварца и соллюкса (20 сеансов) ничего не дал. Из-за этого я принужден все время лежать даже в большей степени, чем из-за сердца, и окончательно потерял возможность поднимать что-либо.

Очень надеюсь на восстановление моей пенсии инвалида Отечественной войны⁴.

С остальными моими недугами я кое-как уживаюсь, по крайней мере при условии диеты.

Сегодня же получил Вашу посылку, за которую огромное спасибо.

Думаю, что Алик успеет еще приехать — меня проведать, прежде чем вопрос о следующем этапе моей жизни встанет перед нами вплотную, конкретно.

Обнимаю Вас, родная моя, и Александра Петровича и крепко целую. До недалекого, надеюсь, свидания!

Даниил

1957

54. Т.И. Морозовой

28 АПРЕЛЯ 1957

Родная Танюшечка,

ради Бога, прости меня за получившуюся нелепость!! Я слишком поздно сообразил, что к 2 часам еще не успею вернуться от Александра Викторовича¹ — следовательно, ты проедешь ко мне, можно сказать, попусту. Не могу себе простить такого невнимания. Во вторник мы уезжаем за Серпухов², а когда вернемся — сами еще не знаем точно, — вероятно, между 7 и 10 мая. Спасибо тебе [за] все, родная, и — еще раз прости старика за бестолковость.

Д.

Алик просит передать поцелуй.

55. Г.Л. Гудзенко

11 МАЯ 1957

Глубокоуважаемая Галина Леонидовна.

Простите, что обращаюсь к Вам, не будучи с Вами знакомым лично, а зная о Вас только по рассказам Родиона Степановича. Мы с ним очень подружились в январе – феврале этого года, но с тех пор я потерял его из виду. Очень хотелось бы знать хоть что-нибудь о его судьбе. Если я не перепутал Вашего адреса и это письмо дойдет до Вас, не откажите в любезности — написать в ответ несколько строчек. Хотелось бы знать также и о состоянии Вашего здоровья в связи со всеми потрясениями, которые Вам пришлось пережить за этот год, и о здоровье Вашего малютки.

Если будете писать Родиону Степановичу, непременно передайте ему, пожалуйста, горячий привет от Даниила Леонидовича и сообщите ему, что я соединился наконец с моей женой, но будущее мое еще весьма туманно.

Ответ можно адресовать на адрес моей жены: Москва, Б-64, Подсосенский пер., д. 23, кв. 28, Алле Александровне, для Даниила Леонидовича.

С глубоким уважением и искренними пожеланиями Вашей скорейшей встречи с мужем.

Д. Андреев

56. И.А. Новикову

31 МАЯ <19>57

Дорогой Иван Алексеевич,

до сих пор не удалось навестить Вас после десятилетнего промежутка: лежу в больнице и подвергаюсь пока не столько лечению, сколько всевозможным исследованиям и обследованиям¹. Диагноз не очень благоприятен: стенокардия, атеросклероз аорты и мн<огое> другое.

Горячая благодарность Вам за все, и в частности — за стихи². Только что (здесь, в больнице) прочитал «Писатель и его творчество»³. О наших

«вечных спутниках» никогда не устаешь читать новое и новое, а тем более — не сухое исследование, а настоящую творческую работу, согретую таким сердечным теплом. Любовь к нашим великим излучается буквально от каждой фразы Вашей книги, она шевелит в читателе его собственную любовь к ним, и каждую Вашу работу о Пушкине, Тургеневе, Чехове кончаешь с тем особенным, тихим внутренним волнением, какое возникает только в случаях прикосновения писателя к самой интимной и самой творческой глубине нашего существа. А в моей жизни еще более памятное значение имела другая Ваша книга — «Пушкин в Михайловском»⁴. Это был самый тяжелый период моей жизни — <19>48-й год, время первого следствия, протекавшего в ужасающих условиях и доведшего меня состояния глубокой депрессии. Не дай Бог даже врагу испытать что-либо подобное. И вот как раз в этой обстановке мне попался «Пушкин в Михайловском». Это было окно на свежий воздух из зловонного карцера, точно дуновение милого родного ветра, насыщенного запахами заливных лугов. Возвращаясь с ночных допросов измученным до предела и зная, что в камере не с кем будет перекинутся живым искренним словом, я утешался мыслью о книге, которая меня там ждет, как утешительница, друг и пробудительница самых светлых воспоминаний. Мне кажется, Вам будет приятно знать, что Ваш труд может приносить отраду и иногда становится поддержкой для людей даже в самые страшные дни их жизни.

Очень бы хотелось поговорить с Вами. Но, помимо внешних препятствий, в настоящее время непреодолимых, имеются еще 2. Во-первых, я слишком хорошо представляю, каким бичом для писателя являются гости, и не хотел бы быть одной из тех нитей, из которых сплетается это гнусное орудие мучений. А второе — это то, что последние годы наложили свою печать не только на мою «физику», но и на психику: я постоянно чувствую себя мучительно связанным, слова не идут с языка, а мысль, что мое присутствие тяготит людей и заставляет скучать их, окончательно парализует попытки установить с ними внутренний контакт. Полагаю, что это состояние постепенно пройдет, но не хочу скрывать от Вас, что соображения этого рода сыграли не последнюю роль в той сумме причин, которые не дали мне найти подходящего времени для поездки к вам еще до помещения в больницу.

Жена мечтает к 1 июля увезти меня отсюда на Оку, в деревню, в красивые есенинские места, славящиеся к тому же дешевизной жизни. А к осени решится окончательно и мое дело в пленуме Верховного суда. И думаю, к тому времени отпадут все внешние и внутренние препятствия, тормозящие мою поездку к Вам.

Еще раз сердечное спасибо за Вашу поддержку, которую я чувствовал несколько раз в жизни — даже в такие минуты, когда Вы сами не сознавали, что ее оказываете.

С глубоким уважением

Даниил Андреев

57. Т.И. Морозовой

11 июня 1957

Дорогая Татьянашенька,

ну, прежде всего — деловое. Я буду тебя ждать в понедельник¹, но не в 5, а в 7 часов. И не около входа, а смело иди через всю территорию к той последней скамейке, на которой мы сидели прошлый раз. У нас в распоряжении будет 2 часа. Если ты придешь первая, то подожди меня. Но: накануне, часов в 10 вечера, позвони Алле, чтобы удостовериться, что со мной ничего не произошло и никаких перемен в программе не предвидится.

Кроме того, у меня к тебе большая, очень большая просьба: купить для меня одну вещь (не к понедельнику, конечно, а вообще). По этому поводу тоже нужно позвонить Алле, она скажет тебе размер, цвет, условится о передаче денег и объяснит все. Дело в том, что она до того замоталась, что уже физически не в состоянии заняться поисками: нет времени.

А что сказать о себе? Недельку чувствовал себя неважно, в результате меня еще ограничили в движениях. Это меня безумно злит, так как получается, что я могу гулять только вечером. И это в такую погоду!! К счастью, вчера и сегодня самочувствие стало лучше.

В воскресенье была Галя². Но народу, ради праздничного дня, привалило столько, что мы в саду сидели на лавочке так: слева от нас — 3 посторонних человека, справа — 2. О многом ли можно поговорить в такой обстановке?

Вчера был Сережа Мусатов³, а сегодня должна быть Зоя⁴. По-видимому, письмо, которое я ей написал, — не такое по содержанию, какого она ждала: когда она вчера говорила со мной по телефону, тон у нее был не такой, как обычно: хуже, душевно отдаленнее.

Я редко скучаю. Скучаю только тогда, когда окружающая обстановка или нудная работа не дает делать того, что я считаю в некотором роде моим долгом, моим делом, оправданием существования. А сейчас именно так. В палате шумно, бестолково и заниматься нельзя ничем. А уйти из нее можно только после 7 вечера или до 8 утра. Но вечером у меня всегда кто-нибудь, а утром я слишком поздно просыпаюсь. Нетерпение, с которым я жду выписки отсюда и отъезда в Копаново, возрастает с каждым днем и часом. Я уверен, что в этой обстановке и поправка пойдет быстрее. Главное — природа, свобода и покой. И чтобы Алла была рядом. Между прочим, если бы ты знала, в какое небо попала ты пальцем одной фразой, которую сказала в прошлый раз! Но об этом поговорим при встрече.

Ну-с, итак, до понедельника. Пожалуйста, не забудь передать сердечный привет Вере⁵. Не задаю никаких вопросов, потому что буду задавать их в понедельник. Целую.

Д.

58. Г.Л. Гудзенко

15 июня 1957

Глубокоуважаемая Галина Леонидовна, около месяца назад я послал Вам письмо¹, но, не получив ответа, решаюсь повторить попытку, возможно, я неправильно адресовал его.

В начале этого года я встречался с Родионом Степановичем, и мы подружились. Он находился в довольно бодром настроении, в особенности после известия о рождении сына. Но с тех пор я потерял с ним связь, и мне чрезвычайно хотелось бы узнать о нем хоть что-нибудь. Не откажите в любезности, черкните мне, пожалуйста, несколько строчек, если находитесь с ним в переписке. Я сам нахожусь в больнице, поэтому мне лучше писать: Москва, Б-64, Подсосенский пер., д. 23, кв. 28, Андреевой Алле Александровне для Даниила Леонидовича.

Искренно желаю Вам сил — физических и душевных.

Д. Андреев

59. Г.Л. Гудзенко

22 июня 1957

Глубокоуважаемая Галина Леонидовна, как обрадовал меня самый факт получения Вашего письма и как огорчило его содержание! Такого исхода дела Родиона Степановича я никак не ожидал¹. Считаю это печальным недоразумением и уверен, что окончательное решение будет другим. Насколько я понимаю, оснований для подобного приговора нет и, конечно, надо упорно бороться, чтобы допущенная несправедливость была исправлена. В современных условиях такое исправление вполне реально.

Очень, очень рад тому, что ужасные переживания, выпавшие на Вашу долю, не отразились на здоровье Вашего мальчугана. Если бы Вы знали, как Р<одион> С<тепанович> переживал свою отрезанность от Вас именно в такие решающие дни и как он воспринял духом, узнав, что стал отцом и что все благополучно. Вообще, письмо — слишком бледный способ выражения, оно бессильно передать Вам многое, что удалось бы, может быть, в какой-то мере выразить живою речью. Во всяком случае, хочется, чтобы Вы почувствовали через эти 600 разделяющих нас верст, что за два коротких месяца жизни с Вашим мужем я его искренно полюбил, глубоко уверовал в его замечательное дарование и буду с тревогой, беспокойством и надеждой следить за дальнейшими этапами Вашей с ним общей борьбы за справедливое решение его дела.

Мое положение еще не определилось окончательно; решение надо ждать во второй половине лета. Пока я прописан в Торжке², жена — в Москве. Сегодня я вернулся из одной московской больницы³, где пролежал месяц. Основные заболевания связаны с последствиями инфаркта миокарда, кот<орый> случился в <19>54 году. Стенокардия, атеросклероз аорты и пр. Состояние сейчас немного лучше, а впереди 2 месяца жизни в деревне (на

Оке, в Рязанской обл<асти>), куда мы уезжаем с женой через несколько дней⁴. Ждем этой поездки, как манна небесная. Ведь я 10 лет не видел даже обыкновенного дерева, и тоска о природе стала прямо-таки непереносимой.

Спасибо Вам за добрые слова и пожелания касательно моей работы. Я ее не оставлял даже в больнице, а тем более надеюсь продвинуть дело вперед в деревне.

Жена моя передает Вам искренний привет и самые хорошие пожелания и просит передать при случае привет также и Родиону Степановичу. А от меня, пожалуйста, передайте ему, что я его обнимаю, целую и от всей души желаю ему сил — физических и душевных. А в том, что свои творческие замыслы он рано или поздно осуществит, я нимало не сомневаюсь.

Желаю и Вам сил и бодрости, — Вам ведь не легче, чем ему, и жалею, что не могу расцеловать Вашего малютку. С искренним уважением

Д. Андреев

P.S. Скажите, пожалуйста, Р<одиону> С<тепановичу>, что Шатов⁵ недавно вернулся в Москву.

Моя жена шлет Вам сердечный привет.

60. Л.Л. Ракову

22 июня 1957

Дорогой Левушка —

я думаю, что нам давно пора перейти на имена без отчеств и уверен, что Вы на меня не рассердитесь за эту вольность. Спасибо за Ваше теплое, доброе письмо. И не думайте, родной, что я виноват в том, что так долго не отвечал: дядя Вася¹ до того закружился, что письмо Ваше я получил с месячным запозданием, вчера (21.VI), и то лишь благодаря Алле Алекс<андровне>, которая поехала к В<асилию> В<асильевичу> и забрала письмо. Знаю немножко о Вас, но из третьих уст, через Зею², кот<орый> сейчас в Москве и видел В<асилия> В<асильевича>. Так что сведения очень скудны, а хотелось бы знать побольше, тем более, что встреча наша не может состояться до осени.

Положение мое, вкратце, таково. Ровно 2 месяца как я вернулся³. Первый месяц ушел на утряску всяких дел и на разъезды, в результате которых я прописался в Торжке. А второй месяц я пролежал в хорошей московской больнице, откуда возвратился только сегодня. Диагноз — последствия инфаркта миокарда, стенокардия, атеросклероз аорты и пр. На днях мы с Аллой уезжаем наконец в деревню, на Оку (в Рязанскую обл<асть>, недалеко от есенинских мест), на 2 месяца. Буквально — уедем в считанные дни и часы: стосковался я о природе нестерпимо, да и вместе с женой мы еще как следует не пожили вместе из-за сутолоки первого месяца и из-за моей больницы. Она измучена до предела, т.к. последний период перед моим возвращением оказался для нее особенно тяжелым.

Вопрос о моем дальнейшем статусе еще не решен — решится во II половине лета. В сентябре положение как-то определится: то ли Москва, то ли Торжок.

О Вашем Гоголе⁴ (о самом факте Вашей работы о нем) я слышал давно, но больше не знаю ничего и жду с большим нетерпением. Часто и с очень, очень большим чувством вспоминаю наши литературные споры и обсуждение исторических и пр<очих> проблем. Согласны ли Вы теперь, что тот период имел для нас определенную ценность? А что касается до строк, которые Вам хотелось бы видеть, то это вполне реально.

Лишь бы встретиться.

Пожалуйста, урвите минутку, напишите толком о себе, своих делах, обстоятельствах и перспективах. Писать можно по адресу моей жены: Москва Б-64, Подсосенский пер., д. 23, кв. 28, Андреевой Алле Александровне. Письмо будет переправлено мне в деревню.

Жена моя, слышавшая о Вас очень много, просит передать Вам самый сердечный привет и очень ждет встречи. Горячий привет также от Зеи. Он с октября до мая прожил в Грузии⁵, а теперь, кажется, обоснуется недалеко от Москвы. Занимается научными переводами с японского.

Целую и обнимаю Вас, милый друг. Пишите!

Даниил

б1. Л.Л. Ракову

6 июля 1957

Родной Левушка,

спасибо за Ваше доброе, теплое письмо, так живо нарисовавшее Ваш внутренний облик, посвятившее в ход Вашего творческого труда и вместе с тем дающее представление и о внешних обстоятельствах Вашей жизни. Само собой разумеется, первую главу работы о Гоголе я буду ждать с огромным нетерпением. Очень, очень радуюсь, что Вы все же получили возможность работать теперь над интересующей Вас и так хорошо знакомой Вам темой: ведь сколько мы когда-то переговаривали (вернее — Вы нам пересказали) по истории форменной одежды¹. Слава Богу, что теперь весь огромный материал, который Вы хранили в своей голове, находит воплощение в исследовании, в книге. Могу пожелать Вам только побольше сил, сил и еще раз — сил. За остальное беспокоиться не приходится.

К сожалению, В<асилий> В<асильевич> так загружен, а я так глупо и несвоевременно прихварывал, что мы с ним так и не встретились. Его видала (на 15 минут) только Алла Алекс<андровна>, а потом Зея, но Плутарха² он почему-то мне не передал. Узнав только из Вашего письма о благополучной сохранности этой работы, я, должен признаться, мысленно рассердился на В<асилия> В<асильевича>, но потом объяснил его промах тем, что он, как говорится, «затыркан» свыше всякой меры. А исправлять его ошибку было уже некогда, т.к. я получил Ваше письмо накануне нашего с Ал<лой> Ал<ександровной> отъезда из Москвы. В тот же день, между прочим, я узнал и о том, что мое дело прекращено и я полностью реабилитирован³. Уехали мы на пароходе в Рязанскую область, и сейчас я пишу Вам, сидя в деревенской комнатке в 2 минутах ходьбы от Оки, которая здесь великолепна (шириной — вроде Невы у Дворцового моста). Комфорта здесь абсолютно

никакого, уровень быта — есенинских времен, даже электричества нет; но это в некоторой степени уравнивается тишиной, покоем и красотой природы. Впрочем, мы здесь еще только 2 дня и, при моей ограниченности теперь в движениях, успели посмотреть только самые ближайшие окрестности. А я так истосковался по природе, что сейчас меня радует вид любого дерева, а тем более те массивы их, которые по-русски называются лесом.

Собираемся пробыть здесь июль и август, отдыхая и работая. А<лла> А<лександровна> сегодня уже ходила на этюды, невзирая на грипп и совершенно хулиганскую погоду. Я же собираюсь продолжать начатое ранее и, между прочим, думаю подготовить маленькую книжечку стихов о природе (в сущности, уже написанных, но требующих некоторой отделки и перестройки общей композиции), с которой осенью попробую сунуться в печать. Уверенности в удаче, конечно, не может быть, но попробовать не мешает. Название книжечки будет странное — «Босиком»⁴. А вообще, у меня куча новинок, которыми хотелось бы поделиться. Теперь всякая опасность застрять в каком-нибудь Торжке устранена моей реабилитацией, осенью надо обосновываться в Москве, но нашей с Вами встречи это не приблизит, если только Вы сами не решитесь на какое-то время оставить Ленинград ради пребывания в сердце России. Кстати, я успел побывать в Кремле. Впечатление огромное и глубокое, хотя ни в Грановитую, ни в Оружейную мы не попали. А интерьеры Василия Блаженного! Чудо!

Вы меня удивили сообщением о переносе папиного праха в лавру. Ведь в августе прошлого года он был перенесен из Вамиельсуу на Литературные мостки (Волково кладбище). Неужели хотят перевозить еще раз⁵? Я слышал, будто уцелел в Вамиельсуу даже наш дом и в нем теперь дом отдыха ленинградских писателей⁶. Не знаете ли Вы, верно ли это? Все-таки многое, многое приятно. И конечно, не только касающееся Л. Андреева, Достоевского, Пильняка и вообще явлений литературного порядка⁷.

Очень жалко, что не удастся связаться с Вас<илием> Витальевичем⁸. Он, во всяком случае, зимой был жив и находился в доме инвалидов во Владимирской области. Но теперь мое письмо вернулось назад за выбытием адресата.

Александра Львовна⁹ тяжело больна — абсцесс легкого — бесконечные и бесплодные операции, — она совершенно истощена, и положение ее почти безнадежно.

Ну, дорогой друг, целую Вас и обнимаю от всей души. Сердечный привет передайте Марине Сергеевне¹⁰. Алла Ал<ександровна> мечтает познакомиться с Вами обоими. Буду все-таки надеяться, что это не за горами. Если будете писать мне до сентября, то адрес — на конверте. Пишите!

Что Анна Андреевна¹¹?

Д. А.

62. Е.Н. Боковой

11 июля 1957

Дорогая Катя,

вот уж неделя, как мы с Аллой стараемся, забравшись в глушь, отдышаться от московской сутолоки. Накануне отъезда узнал приятную новость: дело мое прекращено и я полностью реабилитирован. Осенью можно будет устраиваться в Москве, но сейчас необходимых документов еще нет. Сюда, в Копаново, нас завлекли рассказы про красоту здешней природы и дешевизну жизни. К сожалению, оказалось, что восторги были преувеличенными. Правда, здесь великолепная Ока, в 10 минутах ходьбы — хороший лес, тишина, и только. Нет самых элементарных удобств, начиная с электричества. Уровень быта — примерно XII века. А [главное] <...>* я часа по 2–3 в день занимаюсь [отсутствует слово или часть слова] какой литературной работой. Дело портит еще и погода. О купании не может быть и речи.

К тебе у меня очень серьезная просьба. Если приедет мой брат, встретиться с ним мне абсолютно необходимо. Мы оба ждали этой встречи 40 лет. Но по ряду причин, очень веских, но трудно излагаемых, мне ехать в Москву до сентября крайне нежелательно. Гораздо целесообразнее, чтобы он на неделю или на 2 — на сколько сможет — приехал бы сюда, в Копаново. Делается это так. Билет на паром маршрута Москва — Горький по Оке берется в кассе речного пароходства. Это около Белорусского вокзала: миновав путепровод и выйдя на Ленинградское шоссе, нужно сейчас же взять влево: большой дом, угол Ленинградского шоссе и Нижней улицы. Поехать туда надо к 9 часам утра и записаться в очередь у кассы, а на другой день, в это же время приехать за билетом. Брать билет следует I или II класса. (Билеты берутся за 5 дней.) Отход парохода в 10 часов вечера от Южного речного вокзала (у Даниловского моста). Брать билет надо прямо до [стерта буква или цифра] пристани Копаново (это между Рязанью и Касимовым). Путь на пароходе — двое суток. В Копаново он прибудет около 10 ч. вечера. Необходимо, чтобы он мне телеграфировал, чтобы мы могли снять для него помещение и встретить его на пристани. Адрес: Рязанская область, Ерахтурский район, п/о Свинчус, село Копаново, Ананькиной для Андреева.

В крайнем случае, если он не может приехать сюда, [оторвано начало строки] мы приедем в Москву <...>** Елене Ник<олаевне>¹ и <Гали>не Ник<олаевне>². Болезнь и множество «[оторвано слово] дел» так и не позволили мне навестить Елену Николаевну, и пришлось отложить это на осень, несмотря на мое горячее и искреннее желание увидеть ее.

Крепко жму руку. Спасибо за все. Пиши же!

Даниил

* Лист разорван пополам, и пропало 7 – 8 строк. — Ред.

** Лист разорван пополам, и пропало 7 – 8 строк. — Ред.

63. Т.И. Морозовой

11 июля 1957

Дорогая Татьяна,

начинаю понемногу приходить в себя и могу написать. Доехали мы хорошо, но до сих пор не вполне уверены, стоило ли «десять верст киселя хлебать». Красивую — и более красивую природу можно было бы с успехом найти и в другом месте, куда не нужно было бы везти из Москвы абсолютно все. Ибо достать здесь можно только картошку, молоко да керосин (за последним, как и за черным хлебом, приходится охотиться). Вообще, уровень быта страшно низкий. Уборных никаких, даже таких, как в Филипповском¹. Почта и телеграф — в 4 км, причем дорога по голому полю. Аптеки никакой, вернее — ближайшая — в 12 км, и тоже извольте пешком. Вдобавок отвратительная погода. Вчера был единственный хороший день, но сегодня опять хмуро и северный ветер. О купании не может быть и речи. Оба мы прихварываем, у Аллы разыгрался полиневрит, болит спина и ноги. В довершение всего, около дома ни единого деревца, негде полежать. Приходится тащиться в лес. Правда, дальше он очень красив и разнообразен, богат грибами и цветами, но это далеко, а поблизости он кишит муравьями, изрытыми буквально всю почву, так что сидеть на земле почти невозможно. Значительную часть времени приходится проводить дома. Алла чуть-чуть ходит на этюды, я тоже работаю, но очень мало, часа по 2 в день. Что хорошо, так это тишина, отрезанность от Москвы со всеми ее хлопотами, заботами и дрязгами и уединение. Отдыхаем от людей.

Может быть, ты уже знаешь, но на всякий случай сообщаю, что накануне отъезда мы узнали о прекращении моего дела и о полной реабилитации. Таким образом, торжковский вариант отпадает, в сентябре надо будет устраиваться в Москве. Конечно же, все это будет очень сложно, но брезжут и кое-какие хорошие перспективы.

Ну вот, пока и все. Просидел несколько минут, думая, что бы еще написать, но выходит, что все новости сообщены и 2-ю страницу заполнить, увы, нечем. Поэтому просто целую тебя крепко, передаю привет от Аллы и прошу, когда будешь писать мне, рассказать обстоятельно и конкретно о себе, Вере и Аленке². Что известно об Елене Ал<ексан>дровне³? Не заходил ли Зейя? Впрочем, уверен, что не заходил: он запутался в мучительной личной истории и находится в ужасном состоянии.

Пиши поскорее. Адрес на конверте.

Привет Киселевым⁴.

64. В.Л. и О.В. Андреевым

24 июля 1957

Родные, драгоценные, — не знаю, какие еще подобрать слова, — до последнего дня не верилось, что это возможно!! Екат<ерина> Пав<ловна> Пешкова¹ сказала, что твоего приезда следует ждать только на следующее лето, и поэтому другим сведениям я не придавал значения. Но откладываю все

разговоры до встречи, а сейчас срочно и с максимальной обстоятельностью расскажу все о пути до Копанова. Приехать сюда вам абсолютно необходимо. В крайнем случае, если это окажется невозможным, я приеду в Москву, но это будет совсем не то: потом вы убедитесь сами. Итак: поездом можно ехать или до Рязани, а дальше до Копанова по Оке на том же самом пароходе, кот<орый> идет из Москвы; но тогда никакого выигрыша во времени не получится, т.к. придется ночевать в рязанской гостинице; или же — на поезде до ст<анции> Шилово (это за Рязанью на Оке), а оттуда до Копанова на катере. Выигрыш — несколько часов, но совершенно разбитая ночь, [нрзб] и вообще дорога крайне утомительная и неудобная. В обратном направлении получается более удачное совпадение катера на Шилово и поезда оттуда в Москву, и этим путем можно будет воспользоваться, но из Москвы сюда единственно целесообразный способ — прямо на пароходе. Понимаю, что досадно терять 1 сутки, но ничего не поделаешь. Билет на пароходы Московского речного пароходства берут на углу Ленинградского шоссе и Нижней улицы — это огромный дом сейчас же за Белорусским вокзалом, по левой руке, если пойти по Ленингр<адскому> шоссе. Надо приехать туда к 9 час<ам> утра и записаться в очередь, а на другой день приехать за билетом. Во втором классе он стоит 88 руб<лей>. (В третьем не берите.) На пароходе чисто, хорошо, спокойно, есть ресторан, душ и т.п. Сюда он приходит около 10 ч. вечера, уже в темноте; поэтому *непрерывно* телеграфируйте точный день приезда, чтобы мы могли встретить вас на пристани. [Из Москвы он отходит от Южного речного вокзала (в Замоскворечье, у Даниловского моста) в 10 ч. вечера]*. С собой необходимо взять спальные принадлежности (не для парохода, а для Копанова), сахар, масло и гречневую крупу. Не говорю о туалетных принадлежностях и о наборе самой необходимейшей столовой посуды.

Здесь дней 10 стояла дивная погода, но вчера полил дождь. Надеюсь, что к вашему приезду все установится.

Были** ли ты, Дима, у Ек<атерины> Павл<овны> Пешковой? Она совсем старушка, но голова у нее еще ясная, а нас с тобой она любит и относится к нашим делам очень участливо. Не уверен, в Москве ли она сейчас, но все-таки вот ее телефон и адрес: Бз-78-29, Москва, улица Чаплыгина (это в районе Чистопрудного бульвара), д. 1а, кв. 16. Кроме того: телефон Аллиного папы — Ал<ексан>дра Петровича Бружес и мамы — Юлии Гавриловны: К7-37-96. На всякий случай телефон Корней Ив<ановича> Чуковского: Г9-60-00, добав<очный> 252. Телефон дачи Пешковой Г9-60-05, доб<авочный> 3. Обнимаю, целую и жду, считая дни и часы.

Даниил

[Приписка] Вдруг сообразили, что сегодня как раз Олины именины. Поздравляем!!

* Здесь квадратные скобки принадлежат Д.Л. Андрееву. — Ред.

** Так в оригинале. — Ред.

65. В.Л. Андрееву

26 июля 1957

Родной мой,

несмотря на то что твоего письма, в сущности, надо было ждать, я так скептически относился к возможности его появления, что оно застигло меня, вернее — нас обоих врасплох. Голова и сейчас еще идет кругом. Поэтому не удивляйся, получая от меня одно письмо за другим: всего сразу не сообразишь.

Теперь нас больше всего беспокоит следующее: может статься так, что вы понаслышитесь легенд о двух безрассудных упрямях, забившихся по непонятной прихоти в глушь и не желающих возвращаться в Москву до осени вследствие несерьезных причин и надуманных, легко устранимых препятствий. Это не так! Прошу и умоляю тебя не придавать подобным разговорам никакого значения. Причины есть, и серьезные. Конечно, в крайнем случае, для встречи с вами мы поедем и в Москву. Но только в крайнем случае. И ради Бога, не думайте, что это из каких-либо эгоистических соображений. Если вы приедете сюда, вы легко разберетесь во всем этом. Обратно отсюда можно будет ехать на катере до Шилова, а оттуда поездом через Рязань, так что дорога в оба конца займет трое суток. К тому же три дня не будут бессмысленным пробелом, «пустыми страницами в альбоме впечатлений». Некоторый недостаток удобств здесь, в деревне, конечно, неизбежен, но два колоссальных «плюса» перевешивают все. Поэтому — еще раз: не поддавайтесь на уверения людей, не вполне разбирающихся в обстоятельствах и по разным субъективным причинам способных добиваться замены вашей поездки сюда нашим возвращением в Москву или на какую-нибудь <удь> подмосковную дачу.

И пожалуйста, Дим: не дожидаясь возвращения паспорта из мин<истерст>ва и покупки билета, а немедленно, сейчас же, пошли хоть простую открытку о своих намерениях. Мы страшно волнуемся. Кроме всего прочего, найти и как-то оборудовать помещение здесь нельзя в 2 дня. И надо хотя бы *приблизительно* знать наперед, когда и на сколько времени вы можете приехать. Поэтому, взяв билет, телеграфируйте немедленно о дне и часе выезда (или приезда), но *до этого* (напишите) сообщите хотя бы самые ориентировочные данные о намечающихся перспективах.

Наверное, вы там совсем изнываете от жары. Тут, разумеется, тоже жарко, но рядом река, а в нескольких шагах лес.

Состояние здоровья у обоих неважное, но бывает и хуже. Алла все время температурит по непонятным причинам (этого не должны пока знать ее родители, да и вообще никто в Москве: будет только лишний переполох, волнения, усилится нажим с целью вызвать нас в Москву и т.д.). Однако она ходит на этюды и, перемогаясь, хозяйничает. Прости, родной, за почерк: до обеда я лежу в тени на огороде и пишу лежа. После обеда уходим в лес или на реку.

Когда увидите нас, не пугайтесь: мы оба тощие, высокие, черные (Алла блондинка, но сильно загорела), а я по прибытии сюда дал клятву Матери-земле не обуваться до возвращения в Москву ни при каких обстоятельствах.

Кончаю: такая бездна всего того, что нужно сказать, что не остается иного, как отложить все до встречи и жизни бок о бок в течение нескольких дней.

Обнимаем, целуем и ждем — не с нетерпением — это не то слово —

Хочу отправить письмо немедленно, поэтому не буду дожидаться Алика: она пошла на речку стирать со своей приятельницей.

Д.

66. В.Л. и О.В. Андреевым

6 АВГУСТА 1957

Димочка, родной,

вчера вечером пришло твое письмо от 2-го. До чего же все нелепо складывается! И действительно не везет: один телефонный разговор скольких нервов стоил. Я, конечно, был у аппарата (или, как теперь почему-то пишут, «апарата»), и не только был, а начал этот замечательный диалог и даже разобрал довольно явственно мужской голос, сказавший: «Здравствуй, Даня». Кажется, что-то потом силилась выразить и Оля? Меня сменила Алла и все-таки кое до чего докричалась. Ну, в общем, конечно, одно расстройство.

К ночи пришла и твоя телеграмма. Видишь ли, обратно в Копаново из Москвы уже не поедем — это слишком сложно, дорого и громоздко. Спасибо, родной, за предложение денег, но до Москвы мы доберемся и так. Если же есть какая-либо сумма, которой вы можете располагать без ущерба для основных своих планов, то вот какой заманчивый образ маячит теперь в нашем воображении: последнюю вашу неделю провести всем вместе среди русской природы. Мы имеем в виду не подмосковные дачные места — это чепуха и убожество — а одно место, очень красивое и связанное с Москвой великолепным автобусным сообщением. Только об этом проекте пока, пожалуйста, никому не говори. Одна хорошая знакомая может поехать туда и снять помещения и для нас, и для вас, и мы, побыв в Москве дня 3, все вместе умчались бы в этот рай. Во всяком случае, наши встречи в (Москве) городе будут неизбежно очень малопродуктивны и надо приложить все старания, чтобы осуществить этот проект. Не расстраивайтесь, что не проехали по Оке: это действительно приятно и интересно, но если удастся то, о чем я пишу, мы все проживем 7 или 10 дней среди настоящей русской природы, широкой, с огромным речным кругозором. Лишь бы не подвела погода!

Отсюда мы выедем, очевидно, 10-го, значит, будем в Москве 12-го вечером. Вернемся, надо полагать, на пароходе через Южный вокзал в Замоскворечье, т.к. с нашим багажом и с крайне ограниченной возможностью носить тяжести путь с пересадками, частью по жел<езной> дороге, хотя и быстрее, но слишком уж труден.

Я понимаю твое «шатание» по улицам и автобусам: на твоём месте я вел бы себя, конечно, совершенно так же. Не говоря уж о том, что ты наконец-то среди соотечественников, но как приятно блуждать вообще по большому, малознакомому городу! Бодливой корове Бог рог не дает: всю жизнь невыносимо тоскую по большим путешествиям, я принужден был ограни-

читься бродяжничеством по Брянским лесам да тремя-четырьмя поездками в Крым и на Украину. А теперь, даже если бы появилась подобная возможность (что уже само по себе неправдоподобно), здоровье поставило бы слишком узкие рамки.

Здесь мы гуляем почти каждый день по несколько километров. Третьего дня попали под здоровенный дождище и промокли до нитки, но — сошло! Вчера отдыхали, а сегодня собираемся съездить на катере в одно место, более интересное, чем Копаново. Там берега кудрявые, все в ветлах, тополях и лозняке, лужайки со стогами и леса с огромными деревьями.

А все-таки до чего же чудно писать тебе — в Москву!! Точно во сне.

Ну, родненький, кончаю: скоро наговоримся. Но только не в городе: там ничего толкового выйти не может. Даже не очень представляю, где мы будем встречаться. Целую Олю и Сашу¹, которого очень хочу обнять. Как он и Оля проводят время, где были, что видели? Впрочем, на все эти вопросы ты ответить письмом вряд ли успеешь: письма идут не менее двух дней, а дольше то<-го> здесь мы, очевидно, уже не задержимся. А с парохода пошлем телеграмму о точном времени приезда.

Твой Даня

67. Р.С. Гудзенко

СЕНТЯБРЬ 1957

Дорогой Родион Степанович,

в высшей степени приятно было получить весточку о Вас, но Ваше сильное похудение вызывает тревогу. Правда, особым обилием жировых отложений Вы, кажется, никогда не отличались. Но все же такое похудение в короткий срок наводит на невеселые размышления. Слава Богу, что Вы сейчас имеете возможность работать, не теряя квалификации. Хотя должен Вам сказать, что распространенное мнение, будто художник стремительно деквалифицируется, едва бросит кисть, — не совсем верно. Именно этот кошмар довлел над моей женой много лет; и, представьте, когда она вернулась к своей профессиональной работе, оказалось, что никакой деквалификации не произошло. Знаю и другие примеры.

Спасибо, дорогой друг, за ту теплоту, которой дышит Ваше письмо. Конечно, я давно считаю Вас другом, а разница возрастов имеет в моих глазах весьма скромное значение¹.

Постараюсь ответить Вам на вопросы, начиная с проблемы босикомхождения. С апреля месяца мы ухитрились побывать в 4 областях — Московской, Калининской, Тульской, Рязанской, и так как за это время я лишь короткое время жил (и притом лежал) в Москве, то и имел все время возможность обходиться без идиотских футляров для нижних конечностей. Сейчас мы приютились у хороших знакомых на подмосковной даче². Я давно реабилитирован, мое дело прекращено, но жить фактически негде, пока мы не получим комнату, которая нам полагается, а это может случиться и через год. Это бездомное скитание порядком надоело, в особенности если учесть, как осложняет жизнь и быт наше совершенно расстроившееся здоровье. Ваш

возраст, слава Богу, не дает Вам составить представление о том, что за мерзость — сердечные приступы с тяжелой рвотой, обмороки (неожиданно, например, в метро), а главное — безобразная ограниченность в движениях. Месяц мы прожили в глуши на Оке и там, несмотря на допотопные бытовые условия, окрепли, посвежели и даже делали каждый день прогулки по нескольку километров. Но накануне отъезда я заболел жестокой пневмонией, которая целую неделю трепала меня: t° то поднималась до 40° , то падала до $37,5^{\circ}$. В общем, выжил чудом, тем более что врачебной помощи почти не было, и вся тяжесть свалилась на плечи Аллы Александровны и моего брата³, приехавшего туда на несколько дней.

Должен признаться, вообще, что настроение очень пониженное, депрессия, свойственная маниакально-депрессивн<ому> психозу, началась на этот раз в апреле и до сих пор не поддается преодолению, тем более что внешние обстоятельства мало ему способствуют. Работоспособность пониженная, т.е. все делаю плохо и медленно. А между тем скоро надо будет впрягаться в работу всерьез. Ведутся хлопоты о компенсации и о восстановлении пенсии, но улита едет — когда-то будет. У Аллы Ал<ександровны> с работой тоже очень плохо: попросту ее почти нет, даже значительно ниже ее квалификации. Здоровье у нее тоже очень подорвано.

Сейчас понемножку подготавливаю небольшую книжку стихов о природе, которую попробую выпустить в свет⁴. На удачу почти не надеюсь, а все-таки — чем черт не шутит? Да и надо же когда-нибудь начинать.

Не удивляйтесь, пожалуйста, дорогой, минорному и бестолковому письму. Но если бы я еще продолжал ожидать более подходящего настроения, Вы рисковали бы получить от меня известие через год.

Самый сердечный привет Виталию⁵, его очень помню и питаю к нему не только чувство искренней симпатии и уважения, но и теплую благодарность.

На днях написал Галине Леонидовне.

Крепко жму Вашу руку и желаю от всей души, чтобы она почаще и подольше вооружалась кистями и карандашами. Дай Вам Бог физических, душевных и творческих сил.

Даниил

68. Т.И. Морозовой

20 СЕНТЯБРЯ 1957

Дорогая Татьяна,

я не писал главным образом потому, что был загружен работой и каждый день после ее окончания был уже не способен ни на что. Работа эта связана была отчасти с моей попыткой всплыть на поверхность литературы — попыткой, заранее обреченной, почти наверняка, на неудачу¹. Теперь на днях надо ехать к Чуковскому², но он живет в Переделкине, и я никак не могу собрать сил, необходимых на такую поездку. В Москве я за это время был один раз и потом едва донес ноги до Перловки. Все дела — комнатные, пенсионные и пр. — стоят на месте, т.к., живя в Перловке, двигать их невозможно. Тут мы

пробудем, очевидно, числа до 10 окт<ября>, а куда двинемся потом — одному Богу известно — быть здесь дольше невозможно по вышеупомянутой причине. Алла получила работу, приносящую мало денег, но неимоверное количество хлопот, разъездов и т.п. Она героически пытается совместить рисование плакатов, поездки в Москву, живопись (иначе ее выставят из МОССХа), уход за мной и хозяйство. В последнем огромную помощь оказывает Ир<ина> Усова³, но через несколько дней она возвращается в Москву.

Настроение все время угнетенное, и ты смогла бы извлечь из свидания со мной очень мало толку.

Кстати (или некстати): почему ты ждешь Зею? разве он обещал? Он все время на «Правде», занят своими хлопотами и работой, в Москве бывает только по делам и к тому же замучен фурункулезом. Да и вообще, не заслуживает ли это ожидание сурового осуждения?

Если ты все-таки, вопреки очевидности и здравому смыслу, думаешь, что наша встреча в Перловке (где, кстати, мы ни минуты не будем одни, т.к. погода холодная и Алле уйти некуда), все-таки может принести какой-нибудь толковый результат, то тебе придется идти на жестокий риск: я абсолютно не могу сказать заранее, когда буду чувствовать себя настолько хорошо, чтобы предпринять поездку к Чуковскому в Переделкино или к невропатологу в Москву и т.д., и ты, садясь на автобус 65 у Колхозной площади, вылезая в Перловке и найдя на улице Либкнехта д.4, рискуешь застать только Смирновых либо не застать даже и их.

Во всяком случае, если поедешь, то совершай этот безумный поступок лишь после 5 часов дня: в 1-ю половину совсем ничего не выйдет, т.к. мы оба работаем, потом обедаем у Ирины и водворяемся домой часам к 5. Ложусь в постель я очень рано.

Пыжусь изо всех сил, чтобы выделить из своего духовного существа ту энергию, которая даже на расстоянии помогла бы тебе в твоих комнатных хлопотах.

Не забудь передать привет девочкам, а также усвоить тот факт, что Алла шлет всем вам искренний привет.

Твой Даниил

69. Г.Л. Гудзенко

22 СЕНТЯБРЯ 1957

Уважаемая Галина Леонидовна,

чувствую себя сильно виноватым перед Вами: еще в конце августа я получил чудесное письмо от Родиона Степановича с фотографией. Ему я успел ответить тотчас же, но Вам написать собирался буквально каждый день; однако обстоятельства сложились таким образом, что осуществить это благое намерение удастся только сейчас. На фото Р<одион> С<тепанович> выглядит более худым, чем я его видел в марте, но выражение лица бодрое, упорное и даже, я бы сказал, полужутя, воинственное. Он стоит на дорожке, на фоне деревьев того самого парка, в котором несколько лет тому назад жила моя жена¹. Она тоже художник и тоже очень боялась, как теперь Р<одион> С<те-

панович>, что деквалифицируется вследствие отсутствия ежедневной практики. Представьте себе, этого не произошло: вернувшись к своей профессиональной работе, она очень быстро восстановила сумму технических навыков, а пережитое и увиденное за эти годы, несмотря на тяжелый характер этого жизненного опыта, обогатил ее и сказался в ее живописных работах самым положительным образом. Я об этом написал Родиону Ст<епановичу>, т.к. в его письме звучали нотки тревоги и мысль о возможной потере профессионального мастерства. Впрочем, по-видимому, он имеет теперь возможность в какой-то мере заниматься живописью.

Вероятно, я пишу Вам вещи, уже хорошо Вам известные. Это, так сказать, на всякий случай, из того соображения, что в положении разлуки с Р<одионом> Ст<епановичем> вам может быть интересна о нем всякая мелочь.

О себе не могу рассказать ничего интересного. Мы с женой должны получить комнату взамен отобранной у нас 10 лет назад. Но фактически получим ее не раньше <19>58 года, а пока вынуждены скитаться и ютиться то здесь, то там. Сейчас живем у хороших знакомых на даче², но холод скоро заставит перебраться в город, хотя абсолютно еще неизвестно, куда именно. Придется снимать комнату, а это очень дорого, особенно для людей, вернувшихся к разбитому корыту. Жена работает в одном издательстве; работы мало, заработок более чем скромный. У меня имеются в смысле работы кое-какие заманчивые перспективы, но до осуществления их еще далеко. Жизнь заполнена хлопотами о комнате, о восстановлении пенсии и многом другом, столь же прозаическом. Вечером, совершенно уже выдохнувшись, коротаем время у лампы, причем жена что-нибудь шьет или вяжет, а я читаю вслух Тургенева или Диккенса.

Очень хотелось бы знать, как идет Ваша жизнь и какие, со своей стороны, Вы имеете сведения о Р<одионе> С<тепановиче>. Если будет время и энергия, черкните, пожалуйста, несколько строк. (Привычка к поэтической работе заставила меня сейчас сделать смешную опisku: «строф» вместо «строк»!) Итак, от всей души желаю Вам побольше физических и душевных сил и всяких удач в борьбе — не за «существование», а за ту жизнь, которой Вы и Р<одион> С<тепанович> достойны. Крепко жму руку. Жена шлет сердечный привет.

Д. Андреев

70. Ю.И. Пантелееву

25 СЕНТЯБРЯ 1957 Г.

Дорогой Юра,

В высшей степени радостно было получить от вас весточку, — радостно просто потому, что теперь я представляю, где Вы и в каких условиях, и есть возможность установить с Вами хотя бы эпистолярную связь. В институте у меня к Вам как-то особенно лежала душа, и мне кажется, что если бы мы пробыли вместе подольше, то сошлись бы гораздо ближе.

Но само содержание Вашего письма вызывает, конечно, большую грусть. В сущности, в нем грустно все, но особенно горько мне то умственное и душевное одиночество, которое Вы с избытком испытали уже и раньше и которое Вас так мучает теперь. А если почти нет нужной Вам литературы — одиночество делается еще тягостней. Все-таки я надеюсь, что среди множества людей, с которыми Вас сталкивает жизнь, Вам наконец удастся встретить человека общих с Вами интересов и взглядов или по крайней мере родственного Вам по своему отношению к жизни. М<жду> прочим, в продолжение нескольких лет я писал своей жене на адрес, почти совпадающий с Вашим. А теперь, оправданная и реабилитированная, она сидит в двух шагах от меня, читает и грызет яблоко. Главное — она уцелела и в физическом, и в моральном смысле, даже обогатилась душевно, хотя, конечно, за это было заплачено потерей здоровья.

Через 1½ месяца после нашего расставания (признаюсь, оно было для меня болезненно, т<ак> к<ак> мне было печально и горько оставлять Вас там), я уже ехал на такси к своим родственникам. Вскоре я оказался полностью реабилитирован и теперь прописан в Москве, но фактически эти полгода — непрерывное кочевье. Мы с женой побывали за это время в Тульской, Московской, Калининской и Рязанской областях. Странствия эти осложнились тяжелыми заболеваниями. Я переболел пневмонией в глухой деревенской местности, лишенный всякой врачебной помощи, и это отразилось на сердце, которое у меня и без того больное. В результате теперь я очень мало могу ходить, даже езжу с трудом, и постоянно балансирую на грани сердечного приступа, многие из которых сопровождаются обмороками, рвотами — и т.п. А ходить и ездить надо очень много, чтобы сдвинуть с места насущные дела: получение комнаты, восстановление инвалидности и пенсии, налаживание подходящей работы и мн<огое> другое. Сейчас нас приютили одни хорошие знакомые у себя на даче, но становится холодно, надо перебираться в Москву, тем более что невозможно двигать всю эту грудку дел, живя на даче. А переезжать некуда. Работа, пенсия — все только в перспективе. Жена — она художник — иногда получает небольшие заказы, достаточные для того, чтобы окупить чай, хлеб и сахар. Правда, мы получили «компенсацию», но сумма оказалась такой смехотворной, что нам придется подавать иск против Комитета в судебную инстанцию. Но добрые люди есть везде, особенно в родном городе, и мы не голодаем. Помогли старые школьные товарищи, друзья детства и молодости. Советую на основании своего жизненного опыта и Вам: заводите друзей с молодых лет! Народные пословицы на эту тему полны глубокого смысла.

Как Ваш насморк и вообще здоровье?

Недели 2 упивался природой: мы попали в очень глухое место на Оке, — великолепные леса — необычайное буйство растительности — могучая река — и все это во время чудеснейшей летней погоды. Это тоже была своего рода компенсация за долгие годы среди асфальта, железа и бетона. Жаль было только, что я теперь почти не могу купаться.

Юра, простите меня, пожалуйста, за микроскопичность денеж<ного> перевода. Как только наладится работа и мы хоть немного выле-

зем из всех дыр, я с огромной, величайшей радостью постараюсь быть Вам полезен. Ведь Вы для меня — не просто знакомый, а один из немногих людей, с которыми, несмотря на различия во многом, завязались какие-то душевные нити, кажущиеся мне прочными и не случайными.

От всего сердца желаю Вам физических и духовных сил, хороших товарищей, благоприятной обстановки, полезных книг и досуга. Главное — гоните прочь беса уныния.

Крепко, крепко жму руку. Пишите как можно чаще. Адрес мой пока прежний, а переменится — сообщу.

Даниил Андреев

В случае острой необходимости в деньгах — дайте знать.

От Родиона¹ получил месяц назад письмо с фото. Виталий² был там же. Шатов в Одессе, в кругу родных.

71. Л.Л. Ракову

4 октября 1957

Дорогой друг,

простите меня за задержку ответа. Жизнь идет до того нелепо, что если бы так ехала колымага, а не жизнь, она давно развалилась бы на куски. Живем еще в Перловке, но с наступлением холодов это местообиталище оказалось чревато рядом неудобств. Главное — чередование (или даже совмещение) холода и духоты. Кроме того, жизнь на отлете от города не дает возможность двигать, толкать насущно важные дела: пенсионные, инвалидные, комнатные и мн<огие> другие. Ведь мы с А<ллой> А<лександровной> находимся в организационном периоде и выберемся из него, вероятно, не раньше чем через полгода. Я из-за сердца могу ездить в Москву очень редко и только на несколько дневных часов. Каждая такая поездка — для меня целое предприятие. Зато Алла Ал<ександровна> героически мечется между Перловкой и Москвой, пытается продвинуть наши дела, выполняя заказы для Медучпедгиза, ведя хозяйство — и, конечно, совершенно не успевая заниматься живописью. Ее мучает неврит и жестокое малокровие. Больно смотреть на ее самоотверженную борьбу с жизнью за наше местечко под солнцем: в настоящем состоянии я являюсь не столько помощником, сколько обузой, и, конечно, только настоящая любовь помогает ей тащить эту ношу.

Дорогой мой, спасибо за письмо с критическими замечаниями¹. Поблагодарите и Вашего друга. Замечания формальные, но очень дельные, и я ими непременно воспользуюсь, когда доберусь наконец до стихов. Боюсь только, что это будет очень нескоро. Кстати, Вас ждет довольно объемистая папка, половину содержимого которой составляют частью известные Вам, частью неизвестные опусы, а другую — экземпляр воспоминаний о детстве и об отце моего брата Вадима²: я буду просить Вас передать их в Ленинграде родственникам его жены, а попутно, может быть, Вы и сами в них заглянете, т.к. написаны они хорошо и, по-моему, представляют несомненный историко-литературный интерес. Все содержимое папки отпечатано на машинке.

Вашего Гоголя я, конечно, давно проглотил; частями читал вслух А<лле> А<лександровне>, т.к. из-за ее бешеной занятости найти время для спокойного самостоятельного чтения ей не так-то просто. Интересно в высшей степени. Жаль — мало. Довели до самого интересного места — и что же дальше? Закончить эту работу — Ваш долг. Совершенно не могу постичь, как вы ухитрились во Владимире разыскать столько источников. Чудеса! Вообще, впечатление, возникающее с первых же страниц, — серьезность, объективность, — не сочтите это за комплимент — тонкий ум. Дальше уясняется еще и глубина поднимаемых Вами проблем, и, конечно, совершенно естественно, что когда читатель упирается в заголовок III главы, а вместо самой главы — пустота, — это вызывает чувство досады. Как хотите, а надо найти время, чтобы окончить. Ведь если «весь холст уже заполнен», то времени для последнего этапа работы потребуется не так уж много.

Как подвигается Ваша «История форменной одежды»?

Кажется, в близком будущем мне удастся получить работу — литературную редакцию одного перевода для Изд<ательства> иностр<анной> лит<ературы>³. Но это еще не наверняка. Пока эта (или подобная) работа еще не отняла у меня досуга, спешу использовать его на работу для души; но это — нечто до того нескончаемое, что, даже привставая на цыпочки, не вижу вдаль ничего, кроме уступообразного нагромождения глав.

Теперь — самое важное: когда Вы думаете появиться на московском горизонте? Жаль, если это случится во второй половине октября: с 1 ноября, по-видимому, мы снимем комнату в городе, но две недели перед этим нам деться будет некуда, кроме Подсосенского, где никакие свидания в нашем стиле невозможны и встречи будут очень затруднены и выхолощены.

Алла Ал<ександровна> шлет сердечный привет Вам и Мар<ине> Сергеевне. Я присоединяюсь к ней во второй половине приветствия, а Вас горячо обнимаю. Пишите.

Д. Андреев

72. Л.А. Андрееву (Алексеевскому)

<12 октября 1957>

Дорогой Леонид,

ты — хороший человек, а я плохой; этим и объясняется мое свинское поведение. А еще оно объясняется тем, что с апреля месяца мы с Аллой шумною толпою по Подмосковию кочуем. И не только по Подмосковию: пришлось побывать и в Торжке, и в Рязанской обл., и в Тульской. Все время хотелось отложить писание письма — казалось, вот-вот что-то образуется, что-то прояснится и тогда можно будет дать о себе более вразумительные сведения. Куда там!.. Чем дальше в лес, тем больше дров. Встреча с Вадимом произошла при довольно трагических обстоятельствах: он прилетел, сам не свой, на 4 дня в глухую рязанскую деревушку, где я в это время находился в самом подходящем состоянии: с t° 40, без мед<ицинской> помощи, причем окружающие решили, что у меня уже агония. Алла с помощью Димы сдвинули с места целые горы, и в итоге я в мрачном состоянии был доставлен в Москву, где мед-

ленно и нудно выздоравливал. Эта чертова пневмония сильно отразилась на сердце, кот<орое> и без того уже никуда не годилось. Теперь ситуация такова. Живем на даче у знакомых. Прописаны в Москве у Аллиных родителей, но жить там невозможно. А на даче — холод и отрезанность: для меня теперь, увы, даже поездка 20 км на автобусе в Москву — грандиозное предприятие, на которое я отваживаюсь только в крайнем случае. А сам знаешь, что значит «организационный период»: тут и комнатные дела, и пенсионные, и инвалидные, и рабочие, и лечебные, и пр. и пр. И все стоит без движения, если не толкаться по учреждениям непрерывно. А т.к. для толкания надо жить в Москве, то мы и наши знакомые с похвальной энергией, но без похвальных результатов ищут для нас какую-нибудь комнатушку (ибо площадь взамен утерянной мы получим неведомо когда). Опасаемся, что на днях все-таки волей-неволей придется перебраться в М<оскву>, но не в какую-нибудь комнатушку, а сваливаться прямо на голову Бружесам. А Ал<ексан>др Петрович работает большей частью дома, в той же комнате; а у Аллы громоздкая оформительская работа; а мне для работы нужен покой и тишина; а нервы у всех никуда не годятся; а у нас с Юлией Гавр<иловой> были уже инфаркты; а из длительного отпуска я привез (гл<авным> образом в голове) материалы, требующие немедленной обработки; а... еще то «а».

Ал<ексан>др Викт<орович>¹ добился разрешения привезти из Потьмы гроб с прахом Шурочки. Это было сделано, и 6 окт<ября> урну с ее пеплом опустили в добровскую могилу на Новодевичьем. Саша с женой² находятся в Потьме в инвалидном доме. Его дела очень плохи, по-видимому, жизнь подходит к последней черте. И нет возможности не только съездить туда, но даже чем-нибудь существенным помочь.

О владимирском периоде я не жалею³. Он дал мне столько, что сколько я, суетясь в Москве, не получил бы и за 30 лет, но беда в том, что я принадлежу к тому сорту людей, которые, приобретя что-нибудь ценное, жаждут придать этому подходящую форму и поделиться с другими. Вот теперь и стоит передо мной задача — выполнить это при минимуме благоприятных внешних условий.

Отчаянно бы хотелось повидать тебя и побеседовать. Слышал о перемене в твоей личной жизни и очень за тебя порадовался. Передай, пожалуйста, твоей жене от нас с Аллой самый сердечный привет. А тебя обнимаем и целуем твой римский носик. Пиши, не сердись. Не собираешься ли побывать в Москве? При благоприятном стечении обстоятельств мы с А. в мае можем показаться в Ленинграде. Итак, жду вестей. Адрес на конверте.

Даниил

73. В.Л. и О.В. Андреевым

20 октября 1957

Родные мои,

очень беспокоимся: уже два месяца, как вы уехали, а до сих пор нет писем. Дорогие, что же это значит? Все ли благополучно, все ли здоровы? Независи-

мо от того, написали ли вы уже, сразу по получении этого письма пошлите, пожалуйста, хотя бы коротенькое послание.

Наша жизнь постепенно налаживается. Как вы знаете, первую половину осени мы прожили на даче под Москвой, где я приходил в себя после пневмонии. Сейчас я отнюдь уже не в том плачевном виде, в каком вы меня застали. Начинаю работать. Работа — на дому, так что я сам смогу регулировать ее темп и длительность рабочего дня в зависимости от состояния здоровья. Алла работает тоже, рисует медицинские плакаты, но последнюю неделю она пролежала с грандиозным бронхитом и воспалением лобных пазух. Сегодня в первый раз поднялась на ноги. К счастью, это разыгралось уже после того, как мы перебрались в Москву. Адрес наш, однако, еще временный, поэтому пишите нам по-прежнему на Гл<авный> почтамт, до возникновения.

Гроб с прахом Шурочки¹ перевезли в Москву, кремировали, и 6 октября состоялось погребение: урну с пеплом опустили в могилу дяди Филиппа и Елизаветы Михайловны². На погребении присутствовали, кроме Шуриного мужа³ и нас, несколько старинных знакомых.

Очень печальные вести получаем от Саши Доброва⁴ и его жены⁵. У него туберкулез, зашедший уже весьма далеко, были 2 кровотечения (а не кровохаркание) из обоих легких. Боюсь, что нам с ним уже не суждено встретиться, т.к. съездить к нему мне не дает все то же дурацкое состояние сердца. Положение осложняется еще и тем, что Сашина жена тоже тяжело больна — перерождение вен и артерий на ногах, двигается с большим трудом.

Твои воспоминания о детстве я передал Корнею Ив<ановичу>. Для меня самого знакомство с этой книгой имело очень большое значение. В первый раз я уяснил себе трагедию чернореченского дома во всей ее глубине, многозначительности и сложности. Написана вещь превосходно и представляет интерес, бесспорно далеко выходящий за пределы историко-литературного.

Я все не могу утешиться при мысли о том, как была скомкана наша встреча моей злосчастной пневмонией, как мало мы успели узнать друг о друге. Радует только надежда на ваш приезд в <19>59 году. Теперь тоскуем о вас больше, чем все эти годы.

Напишите обо всех подробнее — о Саше, об Олечке и Мишуке⁶. Главное, напишите поскорее, а то на душе беспокойно. Для такого провинциала, как я, даже переезд с дачи в Москву рисуется сложным предприятием; поэтому мысль о вашем путешествии через моря и материки рождает представление о массе препятствий и опасностей. Особенно волнует мысль о переправе через океан.

Крепко обнимаем и целуем. Не забудьте сделать тоже самое с Сашей и Олечкой, а Володе и Ариадне⁷ передать сердечный привет.

Даниил

74. Г.Л. Гудзенко

9 НОЯБРЯ 1957

Глубокоуважаемая Галина Леонидовна!

Простите нас, пожалуйста, за задержку ответа. Это было вызвано не невниманием или безразличием, а теми особенностями переживаемого мной и Аллой Ал<ександровной> «организационного периода», кот<орые> не оставляют времени оглянуться, сообразить, собраться с мыслями, прочесть книгу, написать письмо. Пока мы прозябали на даче у знакомых, все наши «деловые дела» стояли на месте, но зато хоть по вечерам оставалось время, которое можно было распределить по собственному усмотрению. Но именно то, что все дела остановились на точке замерзания, заставило нас распрощаться с дачной идиллией и, после долгих поисков, найти временный приют в Москве. По закону мы должны получить комнату взамен утраченной 10 лет назад. Но когда это будет — известно одному Богу, во всяком случае — не раньше <19>58 года. Жить по месту прописки — у родителей Аллы Ал<ександровны> — невозможно из-за тесноты и ряда других обстоятельств. Поэтому мы раскинули наш кочевой шатер в районе Сретенского бульвара¹ и гадаем по звездам, долго ли нам суждено здесь быть. К сожалению, звезды уклоняются от прямого ответа.

Последнее время было посвящено нескончаемой беготне и разъездам в связи с восстановлением моей инвалидности (я — инвалид Отецеств<енной> войны), с новым прохождением ВТЭКа и восстановлением пенсии. Все это доведено только еще до половины. Параллельно с этим делятся хлопоты о комнате и о работе ради хлеба насущного. Что касается последнего, то на этот счет приоткрылись некоторые радужные перспективы, но подробнее рассказывать о них еще преждевременно.

Живя долгое время во Владимире, особенно последние года 2–3, я ужасно скучал по кино. Не могу сказать, чтобы я к этому виду искусства питал особое пристрастие, но в специфических условиях того периода моей жизни почему-то возросла потребность именно в кино. Как я мечтал увидеть хоть несколько кадров какого-нибудь хорошего фильма! И вот, представьте, за полгода, когда появилась возможность удовлетворить эту потребность, мы удосужились побывать в кино всего два раза — на «Дон Кихоте» и на «Лебедином озере». Просто не хватает времени и сил: днем — времени, вечером — сил. И один раз побывали в Большом театре на «Ромео и Джульетте» с Улановой. Восхищению нет границ. Это не балерина, а что-то большее. Великолепен был и Меркуцио (Корень). Постановка, декорации — выше всяких похвал. К сожалению, в связи с повреждением сухожилия на ноге Уланова теперь танцует чрезвычайно редко. Нам, случайно попавшим на этот спектакль, завидуют все окружающие!

Так как за период кочевий мы поневоле оторвались ото всех знакомых, то теперь нам надо встречаться с большим количеством людей, в том числе даже с такими, которых я не видел десятками лет. Поэтому у нас оказались занятыми не только все праздничные вечера, но и все вечера следующей недели. Повидать друзей и знакомых, разумеется, очень приятно, но, надо сказать, в таких количествах это довольно-таки утомительно.

Вдобавок жена во время переезда с дачи в город простудилась, у нее было воспаление лобных пазух, она долго лежала с t°, а теперь, хотя простуда прошла, но небольшая температура все время стоит, и ужасная слабость. Вообще она, бедняжка, ужасно подорвала здоровье в тех условиях, в которых ей пришлось пробыть 9 1/2 лет. А жизнь сурова и теперь, вместо заслуженного отдыха началась новая глава борьбы за существование.

Родион Степ<анович> так ничего и не пишет. Если это молчание — следствие тех опасений, о которых Вы упоминали², то, пожалуйста, дайте ему понять, что такие опасения напрасны и беспочвенны. И попросите его непременно мне написать. Вчера я отправил ему письмо, но не вполне уверен в точности адреса. Когда у Вас появится возможность нам ответить, напишите, пожалуйста, его верный адрес на сегодняшний день.

Не забывайте нас, и когда будет время и настроение, дайте знать о себе и о Вашем малыше. У нас есть проект — побывать весной в Ленинграде³, и если это осуществится, мы спланируем с Вами, чтобы воспользоваться случаем и перейти от эпистолярного знакомства к личному.

Крепко жму руку и от всей души желаю бодрости, сил и удач.

Д. Андреев

75. В.Л. Андрееву

11 НОЯБРЯ 1957

Дорогой Дима,

после твоего отъезда я не получил от тебя еще ни одного письма. Очень беспокоимся, здоровы ли вы все. Пожалуйста, напиши поскорее по адресу: Москва, Главный почтамт, до востребования, мне. У нас все хорошо. Крепко обнимаем и целуем.

Даниил

P.S. Получил ли ты мое письмо, посланное в начале октября¹?

Д.

76. Ю.И. Пантелееву

30 НОЯБРЯ 1957

Дорогой Юра,

чувствую себя перед Вами очень виноватым. Бесконечно давно собираюсь написать Вам, но жизнь мчится с такой головокружительной скоростью и все время до того набито битком делами, хлопотами и работой, что я до сих пор не успел еще даже повидать многих старых московских друзей.

Мы перебрались в город, снимаем комнату, платя ежемесячно чудовищную сумму, но зато пользуемся такими благами, как телефон, газ, ванна и хороший район. Однако долго вытянуть мы это не сможем, а комнату по ордеру мы получим только в <19>58 году. Поэтому у нас созревает решимость — уехать на 1 1/2 – 2 месяца в Кишинев¹: там дешевле, теплее (жена все время хворает, ей противопоказаны холод и сырость) и спокойнее.

Я заключил договор на одну довольно объемистую и трудоемкую работу редакционного характера. Мне вручается приблизительный, не вполне подстрочный перевод рассказов одного японского писателя, а я должен придать этому переводу художественность. Задача не из легких, т.к. японский язык очень своеобразен: совершенно не схожий с нашим синтаксис, конструкция фраз, ассоциации, идиомы, — короче говоря, не вполне уверен, что смогу одолеть к 1 июля 20 печатных листов.

Недавно прошел через ВТЭК, получил II гр<уппу> инвалидности, и теперь предстоит новый тур хлопот: восстановление пенсии инв<алида> Отеч<ественной> войны. Параллельно с этим тянутся нескончаемые хлопоты о комнате, о восстановлении в правах литерат<урного> наследования и т.д. Сами понимаете, как все это нудно и сколько отнимает сил и, главное, времени.

«Система босых ног» в моей летней пневмонии была неповинна: просто я слишком долго валялся в лесу на земле. Вне Москвы я продолжал соблюдать свое правило до ноября, а в Москве — только дома, если не считать, что теперь я часов в 12 ночи, когда двор уже пуст, спускаюсь туда и наслаждаюсь, расхаживаю по свежему снегу.

Читать почти не удается. Лежит уже две недели том инд<ийской> философии², к кот<орой> никак не могу приступить. Но были раз с женой в Бол<ьшом> театре на «Ромео и Джульетте» с Улановой, — это, очевидно, действительно гениальная актриса, — потом в Консерватории слушали нашумевшую (и действительно слишком шумную) XI симфонию Шостаковича³. Иногда ходим в кино. Самое лучшее из того, что видели, — прелестный мульти-фильм (полнометражный) «Снежная королева» по Андерсену и цветной документальный фильм «100 дней в Бирме». Совершенно изумительна бирманская архитектура, — красота прямо-таки невообразимая, но, к сожалению, в фильме она показывается только мимоходом.

Получил недавно письмо от жены Родиона⁴, но от него самого нет вестей очень давно. Хотелось бы знать, где Виталий⁵ и не известно ли что-нибудь о Боре⁶.

Удается ли Вам читать? и если да, то что именно? Воображаю, как трудно в той обстановке одолевать философскую премудрость, к которой Вас тянет. Как Ваше здоровье и душевное самочувствие? Как Ваш хронич<еский> насморк? Не падайте духом, это главное. Как я очутился дома гораздо раньше, чем предполагал, так, конечно, будет и с Вами.

Крепко жму Вашу руку. Жена кланяется.

Пишите почаще, если есть возможность. Адрес на конверте. Если уедем в Кишинев, письма нам все равно будут пересылать из Подсосенского.

Д. Андреев

77. В.Л. и О.В. Андреевым

[ДЕКАБРЬ]

Дорогие, милые,
поздравляем вас с Новым годом, потому что вряд ли вы получите это письмо раньше. 57-й год был для всех нас очень счастливым: желаем, чтобы и в будущем уровень этого счастья только повышался.

Подозреваем, что теперь вы начинаете роптать на наше молчание, как в октябре и ноябре мы роптали на ваше. Оправдываться трудно. Секрет просто в том, что и у меня, и у Аллы была срочная работа, да и всякого рода деловые разъезды отнимали много времени. Я занимаюсь редакцией одного перевода с японского для Издательств иностранной литературы. Работа интересная, но очень трудоемкая. Протянется до осени.

Алла занята плакатами — медицинскими учебными пособиями. Обе работы — и ее, и моя — осложняются неважным состоянием здоровья у нас обоих. Правда, я чувствую себя лучше, чем тогда, когда вы меня видели, но атеросклероз аорты и стенокардия то и дело дают себя знать. А у Аллы нашли наконец источник ее т° и других явлений, которые раньше объяснялись неправильно: источник этот — базедова болезнь. Посмотрим, что дадут новые методы лечения.

30 ноября скончался Саша Добров. Последние месяцы его жизни были превращены в сплошную цепь мучений благодаря сочетанию туберкулеза легких с циррозом печени. Умер он, однако, тихо — спокойнее, чем можно было ожидать. Его душевное состояние было в последнее время, я считаю, хорошим, т.е. все страдания он переносил мужественно.

За это время мы побывали несколько раз в кино, раза 2–3 в театрах и на концертах. Наслаждались в Большом театре Улановой в «Ромео и Джульетте», — это действительно нечто из ряда вон выходящее — и смеялись до колик в театре кукол. Относительно же XI симфонии Шостаковича мнения разделились: Алла в восторге, а мне по-настоящему понравились только отдельные места¹.

Даниил
(так криво от косоглазия.)

78. Л.Л. Ракову

23 ДЕКАБРЯ 1957

Дорогой Левушка,

пишу с запозданием потому, что крив был не только Гнедич-поэт¹, но и некоторые другие поэты; в частности, таковым оказался и Ваш друг. К счастью, это кривоглазие — временное, но, однако, уже 5 дней не могу читать, а пишу только ощупью. Ужасный нарыв на глазу, вернее — несколько ячменей рядом. Поэтому — сейчас только о важном для Вас: новогодняя поездка в Ленинград неосуществима по целому ряду причин, изложить которые толком не могу из-за слепоты. В январе мы с Ал<лой> Ал<ександров>ной уезжаем в писательский Дом творчества (в Московск<ой> обл<асти>)², путевка уже получена. Пробудем там около месяца.

Пока жизнь течет по-прежнему: работаем и хвораем.

Простите, что не могу сейчас писать больше.

На случай, если Вы не приедете, как предполагали, 25 декабря, заранее поздравляем Вас и Мар<ину> Сергеевну с Новым годом и от всей души желаем Вам всевозможных удач и максимального везения. Извините за неполноценное письмо: почти не вижу, куда идет перо.

Ваш Д. Андреев

1958

79. Ю.И. Пантелееву

19 января 1958

Дорогой Юра,

не сердитесь на меня, пожалуйста, за безобразно долгое молчание. Не знаю, представляете ли Вы себе суетливость жизни в таком огромном городе, как Москва, да еще в условиях «организационного» периода, из которого мы с женой никак не можем вылезти. Главное, не двигается вперед ни на шаг проблема получения комнаты. Большое спасибо Вам за рекомендацию. Мы, конечно, воспользовались бы ею, если бы не ряд причин, понуждающих нас пока оставаться в прежней комнате, во всяком случае, формально, т<ак> к<ак> фактически мы сейчас находимся в санатории, точнее, в писательском Доме творчества. Он расположен в очень живописной местности, в верхнем течении Москвы-реки, и летом здесь, по-видимому, чудесно. Для литерат<урной> работы здесь созданы идеальные условия. Полная освобожденность от житейских забот (исключая лечебных процедур), великолепное питание, тишина (даже в коридорах говорят шепотом), библиотека, по вечерам — кино. В этом райском уголке мы пробудем до 7 февраля. Жена должна здесь поправиться после перенесенной операции, а я — работать. Я здорово застрял с переводом сборника японских рассказов, о кот<орых> Вам писал. За 2 месяца мы с моим коллегой перевели всего 1 1/2 рассказа — чудовищно мало, если учесть, что в сборнике — таких рассказов 11, а дан срок договора — 1 июля. Даже если мы опоздаем на 2 месяца, все-таки я плохо представляю, как мы управимся с остающимися девятью. Главное — очень уж далекий язык; это совсем не то, что переводить с какого-нибудь из европейских языков.

За это время разрешился наконец вопрос о восстановлении моей инвалидности и пенсии. Получаю 347 р. — почти столько же, как и раньше.

Времени для чтения почти не остается, также как и для встреч с друзьями и знакомыми. Я до сих пор еще не успел даже повидать хотя бы всех старых приятелей и знакомых, с которыми не встречался 11 лет.

Были тут и тяжелые события: мой брат — двоюродный, но с которым мы вместе росли и потом жили почти всю жизнь в одной семье, умер в Доме инвалидов в Потьме от скоротечной чахотки, скрутившей его в несколько месяцев. А я его не смог даже навестить.

Так как в одном из соседних домов находится кинотеатр «Хроника», то изредка мы позволяем себе удовольствие — забегаем на какую-нибудь документальную картину, гл<авным> образом на географические. Смотрели Бирму, Камбоджу, Египет. Особенно пленила нас Камбоджа.

Не решаюсь торопить Вас с ответом, но все-таки скажу, что если у Вас будут свободные полчаса, напомните о себе, не оставляйте меня без информации о Ваших делах. Рад был бы передать приветы Родиону и Валерию¹, но не знаю, где они сейчас.

Крепко жму руку и надеюсь, что Вы не будете платить мне за зло злом, за долгое молчание — таким же молчанием. Жена шлет привет. Пишите!

Д. Андреев

80. Р.С. Гудзенко

23 января 1958

Дорогой Родной Степанович,

я безобразно задержал ответ: прошел давно и Новый год, и Рождество, с которыми я поздравил Вас только телеграммой, и мне все время приходилось откладывать письмо со дня на день, с недели на неделю. Причина в основном все та же: мы с А<ллой> А<лександровной> никак не можем вылезти из нашего «организационного» периода, т.е. нескончаемых хлопот, беготни, болезней и срочной работы. Основное неудобство в том, что мы до сих пор не получили комнату, обещают ее только во II половине этого года, а пока приходится снимать, платя такие деньги, которые нам абсолютно не по карману. За это время закончена канитель с восстановлением моей инвалидности и пенсии (347 р.). Уже и это хорошо. Хуже то, что работа по договору с Изд<ательст>вом иностр<анной> лит<ерату>ры, который мы заключили совместно с одним приятелем-японоведом¹, оказалась гораздо более трудоемкой, чем предполагалось. Кажется, я писал Вам, что это — перевод с японского одного сборника рассказов. Мой коллега великолепно владеет японским, но не владеет литературным русским языком. Он дает мне нечто вроде подстрочника, дополняя его устными комментариями и даже жестикуляцией, а я должен все это поднимать до уровня художественной литературы <...>* няет дело, ясно из того, что я перевожу ему только 2-й рассказ; всего их — одиннадцать, а срок договора — 1 июля. Ума не приложу, как мы уместимся в такие сроки. А тут подоспело еще и другое: Литер<атурный> музей в Москве организует (очевидно, в марте) вечер памяти моего отца². Мне нужно сделать из очень длинных (свыше 200 стр<аниц>) воспоминаний моего старшего брата сравнительно короткий лит<ературный> монтаж, эдак на один час чтения вслух, и выступить с ним на этом вечере. Разумеется, это тоже отнимает немало времени.

В довершение всего новый год начался у нас очень неудачно. Разболелась Алла Александровна. Выяснилось, что ее постоянная т°, слабость и пр<очее> — имеют своим источником резкое увеличение щитовидной железы (базедова болезнь), поддающееся лечению крайне туго. Кроме того, ей как раз на 1-й день Рождества сделали операцию (вырезали фиброму), от которой она до сих пор еще не оправилась. Зато повезло в другом отношении: из Литфонда мы получили путевку на обоих в загородный Дом творчества писателей, куда мы и переехали в тот же день, как ей сняли швы. Будем здесь до 8 февраля. Ну, здесь настоящий райский уголок. Сочетание прекрасной природы с комфортом. Для работы условия созданы прямо-таки идеальные. Отдохнув 3–4 дня, я засел за редакцию японского перевода. А<лла> А<лек-

* Здесь утрачена часть строки. — *Ред.*

сандровна> больше лежит, но все-таки успела уже сделать 3 маленьких зимних этюда. По вечерам смотрим кино.

Дорогой мой, очень, очень рад за Вас — тому, что на Вашем суженном горизонте появился человек, близкий Вам и по уровню развития, и по интересам, и по любви к искусству, и даже Ваш земляк³. Это бесконечно отрадно! — В таланте, по-моему, сомневаться не приходится. Особенно хорошо первое стихотворение. Резкая, ярко очерченная индивидуальность. Если говорить о каких-то корнях этого автора в минувших этапах русской поэзии, то, мне кажется, есть нечто (очень, очень отдаленное) от Хлебникова и более близкое — от Заболоцкого (одного из двух талантливейших советских поэтов; другим мне представляется Пастернак). Не удивляет меня и общая минорная тональность обоих стихотворений <...>* <К сожа> лению, в молодости нелегко подняться до настоящего, не искусственного мажора, но все-таки можно; и чем скорее автор найдет в себе точку опоры, тем больше можно будет от него ожидать. Ах, родной мой, как много хочется сказать Вам, и как я жалею, что не использовал всех возможностей, которые представила нам двухмесячная совместная жизнь. А теперь — жди...

Читать я почти ничего не успеваю. Не успеваю следить ни за литературой, ни за театром, ни за живописью.

Алла Ал<ександровна> пишет превосходные вещи. (Это я сообщаю тайком от нее и, поверьте, не потому так оцениваю, что она близкий мне человек.) Но за эти суровые 10 лет она очень, очень выросла как художник, хотя живописью почти не занималась. Сделала большую серию иллюстраций (но это не книжные рисунки, а картины) к «Хозяйке Медной горы» и другим сказкам Бажова. Техника — акварель с пастелью. Мне ужасно нравится. Но мало кто понимает. Она шлет Вам самый сердечный привет и благодарность за Ваше доброе отношение. Господь с Вами, да хранят Вас все добрые силы.

Пишите почаще.

Д. Андреев

81. Т.И. Морозовой

25 января 1958

Татьяшенька, дорогая, ну, что тут делать? Наши дырявые головы опомнились только сегодня — и, о ужас, почта, как назло, закрыта! Дитя мое, прими хоть запоздалые, но искренние и горячие наши поздравления¹. Интересно, как ты проводишь сегодняшний день, кого собираешься увидеть и что делать.

А мы теперь все дни проводим одинаково. А именно: встаем часов в 9; сперва — всякие туалеты, завтрак и пр., потом идем на процедуры и на прогулку, причем Алла — с этюдником, а я — с пустыми руками. Она находит где-нибудь живописное местечко и располагается там со своим художественным скарбом, а я разубаюсь и ухожу бродить по лесу. Места здесь дивные,

_____ * Здесь утрачена треть строки. — Ред.

но санаторий² с трех сторон, как подковой, окружен маленькой речкой, протекающей по очень глубокому оврагу. Это очень красиво и мило, тем более что склоны оврага поросли лесом, но с моим сердцем я предпочел бы более плоскую местность. Гуляю я минут 40, после чего иду работать. В третьем часу — обед, потом опять работа — до ужина. Перед ужином опять прогулка. После ужина, по большей части, смотрим кино. Видели несколько хороших фильмов: «Искусство друзей» (о фестивале), «Фанфан-Тюльпан» и в особенности итальянский фильм «Вор и полицейский»: изумительная картина!

Читать — не хватает времени. За 11 дней я успел только перечитать «Князя Серебряного»³, случайно попавшегося в здешней библиотеке.

Кормят очень хорошо. Мы стараемся съедать все, что нам дают, но это не всегда удается. Наши животы к такому обилию не привыкли, и однажды меня пришлось тут лечить промыванием желудка, для чего заставили выпить 15 стаканов воды. Омерзительный способ!

Наша тебе сердечная благодарность за участие к Джони⁴. Но, по глубокому нашему убеждению, ей не нужно оставаться в Москве или в Моск<овской> области, а следует ехать в одно из тех не очень близких мест, вроде Рустави, куда представляется возможность.

Публика здесь (как и персонал) — вежливая, — вечные улыбки и раскланивания, — но мало интересная. Из «знаменитостей» — Кукрыниксы, ленинградская писательница Марич, обогатившая нашу литературу беспомощным романом «Северное сияние», и один известный кинооператор. Еще несколько десятков человек, кот<орых> мы не знаем.

Ну, дорогая, кончаю.

Физически чувствуем себя прилично.

Алла страшно досадует на то, что мы сообразили дать телеграмму только сегодня, а почта и телеграф сегодня бездействуют. (Это здесь не редкость.) Целуем от всей души. Дочек тоже.

Д.

82. В ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ СОВЕТСКОГО СОЮЗА

Я обращаюсь в ЦК КПСС со столь необычным делом, что должен сопроводить свои рукописи, об ознакомлении с которыми прошу ЦК, письмом, излагающим причины такого обращения.

Почти вся моя сознательная жизнь была связана с литературным творчеством. Я был художником-оформителем, позднее написал для Географического издательства две научно-популярные книги, а в настоящее время редактирую сборник рассказов, переведенных с японского. Но всегда, параллельно с этой работой, я занимался художественной литературой. При этом я писал так, как мог, и то, что мог, не сообразуясь с конъюнктурой. О печатании своих вещей я долгое время не задумывался, так как не считал их доведенными до надлежащего художественного уровня.

В 1947 году я был арестован, а все рукописи мои сожжены. После 10 лет тюремного заключения я был освобожден и реабилитирован.

Среди моих погибших рукописей было несколько тетрадей с лирическими стихотворениями и поэмами и большой роман, над которым я работал много лет. Восстановить эту вещь, конечно, невозможно: память не может хранить столько времени такой объемистый материал. Некоторую часть погибших стихотворений я восстановил по памяти еще в тюрьме и доработал их. Их снова у меня отбирали и уничтожали — или просто теряли, — я их снова восстанавливал и, кроме того, писал новые вещи. В условиях тюремного режима, созданного Берия и его сообщниками, некоторые из этих вещей тоже погибли.

Кроме черновики и наброски, у меня сейчас имеется ряд рукописей, приведенных в доступный для прочтения вид. Копии наиболее законченных из этих вещей я представляю в Центральный Комитет вместе с этим письмом, надеясь, что с моими вещами ознакомится кто-либо из ответственных работников ЦК. При этом, однако, надо иметь в виду, что некоторые из моих вещей (поэмы «Гибель Грозного», «Рух», «Навна» и др.) со временем должны войти как составные части в большую книгу. По форме она будет представлять собой поэтический ансамбль, а тематика ее связана с проблемами становления русской культуры и общественности.

Поэтому перечисленные поэмы следует рассматривать не как замкнутые в себе, автономные произведения, а скорее как звенья в единой цепи, хотя эта цепь — будущий поэтический ансамбль — еще весьма далека от завершения.

Причина моей просьбы об ознакомлении Центрального Комитета с моими работами — то фальшивое и психологически невыносимое положение, в котором я нахожусь.

Я не могу забыть, что в 1947 году на основе моего уничтоженного, к сожалению, романа было выстроено абсурдное обвинение, стоившее многих исковерканных лет мне и целому ряду людей, виновных в том, что они знали кое-что из написанного мною. Двум из моих близких эта история стоила жизни. Этот факт никогда не сможет стереться из моей памяти. Я вышел из тюрьмы больным, с совершенно расшатанной нервной системой. И хотя я вполне отдаю себе отчет в благотворных переменах, происшедших за эти годы, и в строгом соблюдении законности, отличающем теперь деятельность органов Госбезопасности, но травмированность пережитым часто вызывает в душе беспокойство и тревогу: неужели когда-нибудь смогут возобновиться слежка и травля: «А что это пишет у себя “тайком” Даниил Андреев».

«Тайком» я не пишу ничего. Но я теряюсь: имею ли я право читать свои вещи, до публикации большинства которых дело дойдет нескоро, хотя бы самому ограниченному кругу слушателей — людям, причастным литературе и чей критический разбор был бы мне нужен и полезен. Больше того, — я даже не понимаю, что я должен отвечать на естественные вопросы окружающих: пишу ли я, и если — да, то что пишу.

Вряд ли нужно объяснять, что жить, не разговаривая с людьми и скрывая буквально от всех свое творчество, — не только тяжело, но и невыносимо. Это и вредно, — во всяком случае, для автора и для его творчества.

Этим и объясняется моя просьба к ЦК — ознакомиться хотя бы с основными моими поэтическими произведениями.

(АНДРЕЕВ Даниил Леонидович)

12 ФЕВРАЛЯ 1958

г. Москва, Б-64,
Подсосенский пер.,
д. 23, кв. 28
тел. К7-37-96

83. Л.Л. Ракову

27 ФЕВРАЛЯ 1958

Дорогой друг,

простите, что пишу на машинке — это придает письму какой-то официальный вид, но это такая грандиозная экономия времени, что устоять против этого соблазна, имея под рукой машинку, — страшно трудно.

Очень, очень рады мы Вашим литературно-театральным успехам¹ и с нетерпением ждем рассказа о впечатлении, которое Вы вынесете с репетиции. Надо полагать, это будет букет весьма приятных и волнующих чувств.

В нашем существовании тоже нет недостатка в волнующих чувствах, но, к сожалению, гораздо менее приятных. Дело в том, что Алле Ал<ександровне> еще года три назад в тяжелых условиях сделали небольшую операцию — вырезали опухоль, природа которой осталась невыясненной. В прошлом году на том же самом месте возникла вторая опухоль, которая осенью стала быстро увеличиваться в размере. После нового года ее удалили, сочтя ее за фиброму. После этого мы уехали в Малеевку, где и кейфовали, как Вы знаете, целых 25 дней. Правда, Алла чувствовала себя там страшно слабой и пролежала большую часть этого времени, но к концу приободрилась и даже прибавила в весе полтора кило. А по возвращении в Москву мы узнали, что вырезанную опухоль подвергли анализу и обнаружили, что это никакая не фиброма, а раковое образование. Хорошо еще, что это — «рак кожи», т.е. одна из наименее зловещих форм рака, почти никогда не дающая метастазы. Но все же нетрудно представить, насколько этот сюрприз вывел нас из равновесия. Главное, врачи разделились на две группы. Одни требуют немедленно, самого срочного лечения рентгенотерапией, а другие с такой же категоричностью утверждают, что этот метод — палка о двух концах, и при наличии у Аллы малокровия и базедовой болезни к нему нельзя прибегать ни в коем случае. Не знаем, кого и слушать: «ум раскорячился».

Это была информация. А теперь — крупнейшая просьба. Ей прописано пить настойку березового гриба, так называемую чага у. Этой чаги удалось достать с превеликим трудом один пузырек, а пить надо в продолжении года. Производится чага в Ленинградском ботаническом саду, в лаборатории. Если можно, постарайтесь, пожалуйста, узнать, нельзя ли достать ее там, и если можно — вышлите сколько удастся. Дело серьезное.

Вчера вызывали в ЦК по поводу рукописей, которые я туда отнес. Разговор велся в самом благожелательном тоне. Мне было указано, что нет никаких оснований мне «таиться» с теми фрагментами большой книги, которую я давно начал, окончу, вероятно, года через два-три. Печатать отрывки вроде «Грозного» или «Руха» — не стоит, пока книга не закончена, но не нужно и вредно избегать ознакомления с этими вещами тех литературных кругов, где я могу встретить товарищеский разбор и серьезную квалифицированную критику. Должен признаться, что эта беседа сняла с моей души порядочный груз.

Работаю очень много. Много времени отнимает и редакция японского сборника. Переводим четвертый рассказ (всего их — 11), но, к сожалению, рассказы сами по себе очень посредственные, и я даже не понимаю, зачем, собственно, понадобилось их переводить.

На чтение и на встречи с друзьями и знакомыми остаются жалкие огрызки времени. В Малеевке мы пересмотрели немало фильмов (правда, большинство было уже не первой молодости), а теперь и на это не хватает времени.

Оба шлем сердечный привет Марине Сергеевне. Надеемся, что все-таки наступит такое время, когда этот обмен приветами можно будет заменить настоящими встречами и беседами.

Крепко жму Вашу руку и желаю всевозможных удач. Пишите.

Д. Андреев

84. В.Л. и О.В. Андреевым

8 МАРТА <19>58

Дорогие Дима и Оля,

вчерашний день нас порадовал вашим письмом. И хотя содержание письма не веселое, самый факт его получения несколько успокоил нас: главное — вы все живы, хоть и нездоровы.

Примерно то же можно сказать и про нас: не здоровы, но живы. В загородном Доме творчества писателей мы чудесно прожили 25 дней: это настоящий кусочек земного рая, и условия для литературной работы там созданы идеальные. Несколько омрачилась эта идиллия только тем, что Алла попала туда после операции — ей вырезали фиброму — и там наступило состояние такой слабости, что 2 недели она фактически пролежала в постели. А по возвращении в Москву нас ожидал сюрприз: вырезанную опухоль подвергли гистологическому анализу, и она оказалась раковым образованием. Правда, это, очевидно, «рак кожи», то есть одна из наименее зловредных разновидностей рака, и некоторые живут с такими образованиями по многу лет, лечась и время от времени оперируясь. Но общую картину чрезвычайно усложняет базедова болезнь, сильное малокровие и еще какие-то явления, которые заставляют предполагать не то аппендицит, не то одно редкостное женское заболевание. Главное же — крайне пониженный общий тонус, отчаянная слабость.

Врачи-специалисты настояли на немедленном проведении рентгенотерапии — двухнедельный курс, к которому Алла и приступила три дня назад. Для этого надо ездить в институт, расположенный далеко, и вторую половину дня она лежит совершенно.

Роли переменились, и теперь я, рядом с ней, выгляжу богатырем. Во всяком случае, я свободно могу разъезжать по городу, много работаю. Время от времени сердце дает себя знать, и тогда вступают в свои права строфант, нитроглицерин и другие достижения фармацевтики.

Очень близко от нас находится небольшое кино, где мы наслаждаемся иногда документальными фильмами. Побывали таким образом на Цейлоне, в Бирме, Камбодже, Египте и во многих других симпатичных уголках земного шара.

Времени для чтения остается маловато, причем это время мы тратим преимущественно на литературу о путешествиях, а я еще и на научную фантастику, в которой темы космических полетов играют особенно заметную роль.

Продолжаю работать над сборником японских рассказов, о которых я вам уже писал. К сожалению, далеко не все рассказы в этом сборнике удачны. А работа трудоемкая.

Живем мы в районе Сретенских ворот. Местоположение очень удобное, всевозможные магазины тут же, рядом; хорошо налажена и транспортная связь с другими районами. На лето мечтаем уехать из города, но как все это удастся осуществить практически, учитывая Аллино состояние и, может быть, необходимость для нее продолжать лечение, — об этом говорить еще рано.

Нам все-таки неясно: что за осложнение после гриппа у тебя, Димушка? затронуты почки или нет? а если нет, то в чем же состоит заболевание и как действует лечение? Крепко обнимаю вас обоих и Сашу в придачу. Пишите почаще, хотя бы открытки.

Даниил

85. Г.Л. Гудзенко

9 МАРТА 1958

Дорогая Галина Леонидовна,

чувствую себя виноватым перед Вами, так долго не давая о себе никаких вестей. Причин — две; первая — загруженность и болезни, вторая — такая неопределенность жизненных обстоятельств, что письма откладываешь с недели на неделю: авось, к тому времени что-то определится и писать будет легче. Но неделя проходит, ничего не определяется — и опять откладываешь на неделю. Больше откладывать, однако, невозможно: получается просто неприлично.

Главное, что теперь откладывает отпечаток на всю нашу жизнь, это — тяжелое заболевание Аллы Ал<ександровны>. Два месяца тому назад ей вырезали фиброму, а позднее оказалось, что это не фиброма, а раковое образование. Нетрудно представить, как это открытие выбило нас из колеи. В довершение всего, картина крайне усложняется сильным малокровием, базедовой

болезнью и еще какими-то таинственными явлениями. Самое же неприятное, пожалуй, страшная пониженность общего тонуса, невозможная слабость. О работе, конечно, сейчас не может быть и речи: надо лечиться и лечиться. Но в этом вопросе между врачами нет единодушия. Одни категорически требуют незамедлительного курса рентгенотерапии, другие столь же категорически против него. В конце концов мы сдались под натиском и Алла Ал<ександровна> начала ездить на процедуры. Как говорится — «пан или пропал». Ездить приходится на другой конец Москвы, это занимает несколько часов в день, а вторую половину дня она проводит почти совсем лежа.

Я по-прежнему корплю над сборником японских рассказов. Рассказы попались очень скверные — просто непонятно, кому и зачем понадобился их перевод на русский, — и работа не доставляет ни малейшего удовлетворения. Оплата ее тоже очень низкая, и в финансовом отношении мы оказались в тупике. Живем фактически в долг, и притом без каких-либо твердых перспектив на будущее. Простите, дорогая Галина Леонидовна, за минорный тон письма, — уж такая полоса в жизни.

Времени на чтение остается маловато. Пожалуй, самое интересное из прочитанного за последнее время — «В Индии» Кренека¹ и книга одного французского исследователя глубоких пещер в Пиренеях, где он обнаружил много и красивого, и жуткого, и почти чудесного². Между прочим, открыл там стенные росписи и скульптуру, датируемую эпохой мадленской культуры, т.е. 20–25 тысячелетий тому назад³.

Довольно интересен еще роман Ефремова «Туманность Андромеды», напечатанный в комплекте журн<ала> «Техника — молодежи» за прошлый год⁴. Это — научная фантастика: действие происходит через 3 тысячи лет, описываются полеты на планеты далеких звездных систем. Некоторые описания удачны, яркие, но в целом книга страшно перегружена техницизмами, изображениями всякого рода научной аппаратуры и совершенно неубедительными картинками жизни человеческого общества того времени. Автор пытается изобразить его в заманчиво идеальных красках, а вместо этого получается впечатление чего-то ходячего, выхолощенного и безмерно самодовольного.

Так же, как перед Вами, виноват и перед Родионом Степановичем. Постараюсь заглазить это сегодня же, написав ему большое письмо. От него вестей не получал давно уже, и плохо представляю условия его жизни в настоящий момент.

Когда выберутся свободные полчаса, черкните, пожалуйста, хотя бы небольшое письмецо о себе, о Сашеньке и о том, какие сведения у Вас о Р<одионе> С<тепановиче>. Жена шлет Вам самые сердечные и самые искренние пожелания. У нас есть крошечная (вот такая) надежда побывать в начале лета в Ленинграде. Тогда, конечно, встретимся. Но, повторяю, надежда микроскопическая.

Крепко жму Вашу руку и целую Сашеньку в маковку.

Д. Андреев

86. Р.С. Гудзенко

9 МАРТА 1958

Дорогой Родион Степанович, не думайте, что я отупел уже до того, что не сознаю свиноподобности своего поведения по отношению к Вам. Очень даже сознаю. А почему продолжаю вести себя таким образом — сейчас объясню.

На нас свалилась серьезная неприятность. Кажется, я писал уже, что 2 месяца назад Алле Ал<ександровне> сделали операцию — вырезали фиброму, после чего мы и уехали отдыхать и работать в писательский Дом творчества. А пока мы там кейфовали, не помышляя ни о чем другом, в Москве подвергли вырезанную опухоль анализу и обнаружили, что это — раковое образование. Представляете, как это нас огорчило и сбilo с толку. Тем более что картина осложняется еще рядом привходящих заболеваний — от базедовой болезни до предполагаемого аппендицита включительно. А главное — невероятная слабость, теперь начался курс лечения рентгенотерапией. Это — палка о двух концах, «пан или пропал». Продлится он 2 недели. Даже в случаях положительного результата он дает временно обострение процесса. Но, во всяком случае, тогда картина будет несколько яснее. А сейчас она ездит каждый день с утра на эти процедуры (ездить приходится на другой конец Москвы), а II половину дня проводит в лежачем положении, совсем без сил.

Грустно, что не могу написать в этом письме ничего ободряющего, столкнулись между собой неблагоприятные обстоятельства на всех участках нашей жизни. С комнатой — ни с места. Денежные дела — из рук вон. Живем фактически в долг, причем без сколько-нибудь четких надежд на то, и как вылезем из этой трясины. Пока что погружаемся в нее глубже и глубже.

К сожалению, ничего отрадного не приносит и моя работа над японскими рассказами. Они плохи, просто плохи, вот и все. Некоторые из них — на границе порнографии, и я абсолютно не понимаю, кому и для чего нужен их перевод на русский. Работа скучная, поглощающая много времени, оплачиваемая весьма скупо, а временами противная.

Опора — только внутри себя. Внешние тяготы жизни остаются тяготами, но я далек от тенденции придавать этим трудностям космическое значение. Есть внутреннее пространство, есть страны души, куда не могут долететь никакие мутные брызги внешней жизни. К тому же страны эти обладают не субъективным (только для меня) бытием, а совершенно объективным. Вопрос только в том, кому, каким способом и когда именно они открываются.

Вот об этом хотелось бы говорить с Вами, — и притом говорить столько, что и многих вечеров не хватило бы.

Есть у нас микроскопическая надеждочка — съездить в начале лета в Ленинград. Тогда познакомимся с Гал<иной> Леон<идовной>, и с Сашенькой, и с Вашими работами.

Недавно видел Борю¹. Он живет здесь, дома; работает в фотомастерской. Бодр.

Собираюсь скоро написать Юре², перед которым я тоже большая свинья. Ну, родной, обнимаю и молю Бога о том, чтобы Вам было получше.

Жена шлет сердечный привет.

Ваш Д.А.

[Приписка на полях] Переписываюсь с Шатовым. Он живет недалеко от Москвы. Но здоровье его и мое никак не дает нам встретиться. Вас он часто вспоминает.

87. Л.Л. Ракову

30 МАРТА 1958

Дорогой друг,

не припишите мое молчание невниманию. Дело в том, что я уже две недели нахожусь на постельном режиме, мне запрещено было шевелиться и, следовательно, писать. В день выборов¹ случился сильнейший сердечный приступ, меня уложили, но несколько дней спустя пришлось вызывать неотложную помощь. В общем, скучно все это описывать. Достаточно сказать, что придется лежать еще неделю или 2. Особенно сложная ситуация создалась в начале этого периода, когда А<лла> А<лександровна> тоже почти не двигалась. Сейчас она чувствует себя бодрее, а главное, закончился курс ее лечения рентгеном, отнимавший у нас последние силы, т.к. приходилось ездить очень далеко.

Огромное, огромное спасибо Вам, дорогой, за чагу. Разумеется, она сейчас же начала ее пить, и хватит этой бутылки надолго. Вообще говоря, надо признать, сплюнув трижды через левое плечо, что в последние дни она чувствует себя лучше, если не считать болезненного ожога, образовавшегося на месте облечения.

Могу сообщить Вам и хорошее (касающееся нас). Решением Совета министров мне присвоена персональная пенсия в размере 900 рублей, и кроме того, я должен получить какую-то сумму за один из отцовских сборников² (тот, что поменьше). Еще ни размер суммы, ни время получения не ясны, но, во всяком случае, впереди — просвет на горизонте наших материальных дел, бывших до тех пор в совершенно отчаянном положении.

Надеюсь, что к маю или в мае мы уедем из Москвы куда-нибудь на свежий воздух. К великому сожалению, при данном состоянии здоровья поездка в Ленинград, о кот<орой> мы так мечтали, оказывается неосуществимой, по крайней мере в настоящее время.

Каковы ваши планы на лето? Как идет пьеса?³ И что слышно о возможности продвинуть ее в иногородние театры?

Как чувствует себя Марина Сергеевна? Не собираетесь ли в Москву?

Пишите! Мы оба благодарим Вас очень по-серьезному и желаем всевозможных удач, начиная от цветущего здоровья и кончая бурным успехом пьесы. Сердечнейший привет от нас обоих Марине Сергеевне, а также Даниилу Натановичу⁴.

Ваш Д.А.

[Приписка сбоку] Вы просили прислать рецепт — вот он, но пусть он останется у Вас лежать, т.к. присланной Вами чаги хватит месяца на два.

88. В.Л. и О.В. Андреевым

8 АПРЕЛЯ 1958

Дорогие!

Хотя Ваша скупость на письма известна довольно широко, но всему есть свои границы. За два месяца — ни строчки! И притом после того, как вашими последними известиями были известия о болезнях. Просим, в смысле «умоляем»: раскачайтесь, возьмите лист бумаги, а в правую руку — перо, усадьтесь за стол и заплатите нам наконец свой эпистолярный долг.

Теперь совершенно деловой вопрос. Мне звонили из Бол<ьшой> советской энциклопедии и просили уточнить дату рождения папы и место его смерти. К сожалению, на даты (то есть числа и месяцы) у меня совершенно нет памяти, и я так и не сумел вспомнить. Что же касается места смерти, то когда я сказал «Тюресева», сотрудник энциклопедии выразил крайнее удивление и сказал, что во всех справочниках, и русских и иностранных, местом смерти Л.Н. Андреева значатся Мустомяки. Я достал твои воспоминания и, внимательно проглядев еще раз все страницы, относящиеся к папиной кончине, опять убедился, что это произошло в Тюресева. После этого я обещал энциклопедии, что сделаю тебе специальный запрос об этом, чтобы устранить самую возможность неточностей по этому вопросу в справочной литературе. Будь добр, родной, ответь, пожалуйста, поскорее на этот вопрос, вернее, на оба — о дате рождения и о месте смерти¹.

У нас весь 58 год идет под знаком борьбы с болезнями. Перед отъездом в писательский Дом творчества, т.е. в первых числах января, Алле сделали небольшую операцию — удалили то, что считалось фибромой. А когда мы вернулись в Москву, вырезанная опухоль была подвергнута гистологическому анализу и выяснено, что это была не фиброма, а раковое образование. Ну, сами понимаете, как подействовало на нас это открытие и какая началась суматоха со всевозможными врачами, анализами и методами лечения. В конце концов мы согласились скрепя сердце на рентгенотерапию, на которой настаивали некоторые светила. Алла прошла курс этого лечения. О результатах еще рано судить, но, во всяком случае, образовался сильнейший ожог; миновало две недели — а он ни с места. Не говоря уж о том, что крайне мешает двигаться. В сущности, ей надо совсем лежать, но это невозможно, потому что 16 марта, как нарочно, слег я. Обострение стенокардии и, кажется, еще какие-то сердечные фокусы; во всяком случае, скоро месяц, как я нахожусь в недвижимом состоянии.

Работаю сейчас, естественное дело, очень мало. К 1 мая надеюсь сдать Из<дательст>ву иностранной л<итерату>ры отредактированный перевод 4-го рассказа из того сборника японской писательницы Хаяси, на перевод которого мною и одним японоведом заключен совместный договор.

На мрачном фоне болезней есть у нас и большая радость: по решению Совета министров СССР я буду получать теперь персональную пенсию (пожизненную). Это подводит некоторую материальную базу под наше существование, расшатанное недугами и резким падением работоспособности.

Летом, т.е. в мае, надеемся уехать из Москвы куда-нибудь ins Gruhne* (забыл, с h или без оного пишется это слово), если позволит состояние Аллы, да и мое собственное, ибо я долгими периодами бываю лишен возможности совершать какие бы то ни было путешествия. Оставляю местечко для Алика <...>².

89. Р.С. Гудзенко

29 АПРЕЛЯ 1958

Дорогой Родион Степанович, пропустил я то время, когда можно было ответить: «Воистину воскрес», но, поверьте на слово, что я мысленно от души похристосовался с Вами. А задержка, конечно, из-за болезни. Второй месяц лежу. Первый месяц коптил потолок дома, а теперь в больнице. Причем дома мы лежали одновременно с Ал<лой> Ал<ександровной>: я — с сердцем, она — с лечением колоссального ожога, который получился в результате ее лечения рака при помощи рентгенооблучения. С ожогом этим она не вполне справилась и поднесь, но теперь по крайней мере может двигаться. А то была чудная картина: лежим друг напротив друга, одни в целой квартире. Конечно, помогали друзья и мать Аллы Ал<ександровны>, заходившие и делавшие все самое необходимое.

Работать мне разрешено сейчас не больше 1 часа в сутки. Легко представить темпы, которыми продвигается редактирование злосчастного японского перевода. Живу надеждой, что после сдачи четырех рассказов удастся расторгнуть договор.

В матер<иальном> отношении нам судьба наконец подарила одну из самых обворожительных улыбок: мне назначена персональная пенсия (900 руб.), и кроме того, мне выплатили за одну (самую маленькую) книжку отцовских рассказов. Есть возможность покончить с долгами, купить абсолютно необходимые вещи и несколько месяцев жить, лечась, отдыхая и не заботясь о хлебе насущном.

Вы поймете, насколько это для нас важно, если учтете, что фактически сейчас мы оба не работоспособны, да и жить негде: полагающуюся нам комнату мы получим неведомо когда.

После 1 июня надеемся, если будем живы и если нас немного подремонтируют, поехать на пароходе Москва — Уфа и обратно¹.

Видаю иногда Борю². Он выглядит несколько иначе, чем тогда: стал сдержан, даже застенчив. Просит передать привет Вам и Юре³. Очень тепло Вас вспоминал.

Чувствую себя по отношению к Юре большой свиньей: давно надо было написать ему, но болезнь так мешает, что раньше чем через неделю собраться не сумею.

Пишите, родной, почаще. Не судите меня строго за редкие и жидкие письма. Мало сил.

* Правильно: ins Grüne — здесь: на свежий воздух (нем.). — Ред.

Само собой разумеется, теплый привет от Аллы Ал<ександровны>.

Д. Андреев

И извините за чудовищные каракули: пишу лежа.

90. Л.Л. Ракову

9 МАЯ 1958

Левушка, дорогой друг,

простите за долгое молчание: все дело в недугах. Пролежав месяц дома, я не удовлетворился этим и перекочевал в больницу — в Институт терапии, где лежал уже 1 месяц в начале прошлого лета. Теперь — обострение стенокардии и атеросклероза. Обстановка здесь сносная, но мне так опостылела всякая казенщина (вспомним Владимир), что я жду не дождусь дня, когда меня отсюда выпишут. Алла Ал<ександровна> навещает меня через день и через силу. В общем (почему это наречие пишется отдельно, понять не могу), итак, *вобщем*, ее состояние улучшилось, хотя ожог, причиненный рентгено-терапией, еще не совсем зажил. Меня же пичкают всякими медикаментами, колют в вены и мускулы (хотя, казалось бы, таковых уже не осталось), и мало-помалу я начинаю вставать с одра.

Уже все путается в голове: писал ли я Вам о большом радостном событии в нашей жизни: мне назначена персональная пенсия (900 руб.), а о другой не писал еще наверняка: мне выплатили некоторую сумму за один (самый маленький) из сборников отцовских рассказов. Этим мы спасены от самой жалкой агонии. Теперь можно: 1) расплатиться с долгами, 2) залатать самые вопиющие дыры, 3) несколько месяцев не думать о хлебе насущном, 4) лето посвятить отдыху, лечению и, насколько позволят физические силы, творчеству. Ибо 4 японских рассказа в редакцию сданы, а относительно остальных еще неизвестно, буду ли я их редактировать, во всяком случае, не раньше осени.

Конкретные планы таковы. Когда меня отпустят из больницы, садимся на пароход и едем до Уфы и обратно. Это мы избрали потому, что двигаться я могу крайне мало, а с палубы все-таки видно кое-что. Потом мы поселимся на остаток лета где-то в средней полосе, но где именно, еще неизвестно, т.к. при нашем здоровье нужно найти такое место, которое отвечало бы целому ряду требований. Осенью же Алла Ал<ександровна>, возможно, получит направление в Дом творчества художников в р<айо>не Краснодара, и я надеюсь, что к тому времени я окрепну достаточно, чтобы выдержать путешествие туда на 2 месяца.

Месяца 2 назад я отдал в «Знамя» десятка 2 стихотворений из известных Вам циклов о природе. Недавно получил их назад с пространной рецензией. Много хороших слов, начиная с выражений недоумения: «нисколько не сомневаешься в том, что перед тобой по-настоящему талантливый поэт и удивляешься тому, что никогда не встречал в печати это имя». Но, начав за здравие, кончают за упокой: «все это очень хорошо, но на стихах нет «визы времени», и следует познакомиться с другими стихами Д.А.»¹. А что я им еще покажу? «Грозного»? «Рух»? «Навну»?

Таким образом, как и следовало ожидать, из моих попыток в этом направлении ничего не получается.

Что я приветствую с восторгом, так это Ваш проект путешествия на юг. Скажу прямо: это Ваш *священный долг*. И перед Мар<иной> Сергеевной, и перед собственным здоровьем, и перед своей душой, и перед Господом Богом. Человек родился не для того, чтобы вечно сидеть на одном месте, как гриб. Этим он оскорбляет и мать-землю, и отца-небо, и братьев-моря, и сестер-горы. Слава Богу, что Вы решаетесь на этот верный шаг.

Жаль, Вы не пишете, когда именно намереваетесь промелькнуть через Москву.

Обнимаю Вас, родной, и оба мы сердечно приветствуем Марину Сергеевну. Оставляю немного места для Аллы Ал<ександровны>².

Даниил

91. В.Л. Миндовской

18 мая <19>58

Дорогие друзья,

как глупо это вышло, что наша связь начала восстанавливаться как раз в период обострения моего дурацкого заболевания! Пошел третий месяц, как я валяюсь, связанный по рукам и ногам стенокардией и атеросклерозом, а если и встаю, то на самое малое время, и не для того, чтобы ходить, а чтобы сидеть.

А всего хуже то, что столь же ограничен я сейчас в своих возможностях работать и — что еще глупее — общаться с людьми. Врачи требуют, чтобы я возможно меньше разговаривал, т.к. мало-мальски возбужденная речь или ничтожнейшее волнение вызывают боли в аорте, которые очень легко переходят в приступ, требующий инъекций кордиомина, а потом лежания в течение неск<ольких> дней.

И все-таки месяц, проведенный в больнице, принес некоторое улучшение. Через недельку меня, кажется, выпишут, и в промежутке между больницей и поездкой на пароходе я несколько дней проведу в Ащеуловском пер<еулке>. До Измайлова в эти дни добраться не удастся, но я надеюсь, что на худой конец Вы оба известите нас. Конечно, это не совсем то, что мы намечали раньше, — не удастся познакомиться с вашими ребятами — это придется отложить на более позднее время, — но хоть Вас-то повидать толком и устроить хотя бы в уменьшенных масштабах литерат<урную> встречу?>. Soirée!³ Звоните, не забывайте.

Ваш Даниил

92. Т.И. Морозовой

18 мая 1958

Дорогая Татьяна,

дела мои обстоят средне. За месяц в больнице состояние, в общем, немного улучшилось, но множество ограничений, которыми мне, очевидно, и впредь

_____ * Литературный вечер (фр.) — Ред.

придется портить себе жизнь, вызывает уныние. Двигаться можно очень мало, заниматься — и того меньше. В довершение всего приказ (или наказ) лечащего врача — как можно меньше разговаривать, т.к. речь ведет к усилению болей в области аорты, которые могут легко перейти в приступ стенокардии, требующей инъекций камфары или кордиамина и возобновления постельного режима на неск<олько> дней.

В 20-х числах меня выпишут, и тогда я попрошу тебя как-нибудь захватить ко мне, но, к сожалению, на короткое время, не более получаса. В дальнейшем мы намереваемся поехать отдыхать на пароходе, но на Уфу и обратно до сих пор еще не открыта продажа билетов.

Кончаю, мысленно поцеловав тебя и девочек.

Д.

93. М.Л. Тарасову

31 мая <19>58

Мне хочется, милый Миша, поговорить с тобою по поводу твоих стихов. Мне многое в них понравилось, но о них надо говорить подробно. Очевидно, летом мы приедем к вам на несколько дней, и тогда будет достаточно времени для такого разговора. А пока пиши побольше!

Желаем вам обоим хорошего лета.

Д. Андреев

94. Т.И. Морозовой

14 июня 1958

р. Белая

Милая Татьяна,

спасибо тебе за проводы, за помощь и за ландыши. Они нас радовали три дня.

Плывем... плывем!.. плывем!!!

Большую часть времени стоит чудесная, солнечная, даже жаркая погода, хотя были и ненастные дни. Берега сказочной красоты. Такой красоты, что мы не в состоянии ни читать, ни писать, ни работать, а только смотрим по сторонам, стараясь впитать это великолепие. Неинтересен был только первый отрезок пути — до Шилова. Волга грандиозна, Кама сурова и великолепна, а Белая так прелестна, что в любом месте хочется остановиться и пожить там. К сожалению, это невозможно прежде всего потому, что нечем питаться. В смысле продуктов пристани так пусты, будто здесь прошел Мамай.

Из городов нам понравились Касимов, Муром и в особенности Горький. Совершенно разочаровала Казань. А дальше идут не города, а жалкие дыры. Исключение составляет, кажется, только Уфа.

Питание на пароходе очень неважное и безумно дорогое. Живем не то что впроголодь, но, во всяком случае, недоедаем. Жалеем, что пренебрегли мудрыми советами и мало взяли из Москвы.

Другое несчастье — радио. Часть пассажиров против него, часть индифферентна, а команде скучно стоять на вахте в тишине. Поэтому значительную часть времени мы едем, оглашая речные просторы какофонией.

Кончаю. За окном такие берега, что нет сил сидеть в каюте.

Алла шлет приветы, а я всех целую от избытка чувств.

Когда и куда именно вернемся в Москву — еще точно не знаем, поэтому черкни, пожалуйста, несколько строк о себе и о твоих на Подсосенский. Пускай письмо ждет нас.

Д.А.

95. Л.М. Тарасову

17 июня <19>58

Дорогие друзья,

плывем уже из Уфы в Москву. Более точные координаты на данный момент — впадение р. Белой в Каму. Впечатления от поездки противоречивые. Берега вокруг — потрясающей красоты. Невозможно ни работать, ни читать, ни писать — все время переходим от борта к борту, стараясь впитать в себя побольше этого великолепия. Из больших городов красивее всех оказался Горький, из маленьких — Касимов. Казань никуда не годится. Уфа великолепно расположена, но не имеет вида, грязна, пыльна, беспорядочна, а чудная река отравлена нефтью.

Но бытовая сторона нашего путешествия не оправдала возлагавшихся надежд. Главный бич — радио. В пароходном ресторане чудовищные цены, значительно превосходящие цены в лучших городских ресторанах, а питание удручающее бедностью меню и медлительностью обслуживания. Купить что-нибудь съедобное можно только в больших городах. На пристанях — ничего.

Так как в Москве у нас был оплачен путь только до Уфы, то полтора суток стояния в этом городе были заполнены утомительными хлопотами, беготней и сутолокой, да притом еще в сильную жару. Донимали еще и комары, а также духота в каютах.

Здоровье Аллы неважно. Главное, после рентгеноожога у нее почти все время болит нога — с самого верха до колена. Надеялись, что пароходный режим с его сидением и лежанием поможет делу, но пока улучшения не видно. Что касается меня, то при открытом небе, даже в сильную жару, чувствую себя превосходно. Хуже всего действует на меня пасмурная погода.

Собираемся, дорогие, воспользоваться на несколько дней вашим гостеприимством. В Москву мы должны прибыть 23 июня утром, а вечером того же дня думаем ввалиться к вам. Поэтому обращаемся прежде всего с просьбой: черкните, пожалуйста, два-три слова о том, можно ли у вас появиться, адресуя письмо по адресу: Москва, Б-62, Подсосенский пер., 23, кв. 28. Андреевой Ал. Ал., чтобы мы, приехав, знали, как нам быть.

Итак, до скорого свидания!

Д. Андреев

96. А.М. Грузинской

18 июня 1958

Дорогая тетя Шура,

не знаю, найдет ли Вас это письмо — вероятно, Вас уже нет в Москве, — но хочется послать Вам весточку с дороги. Возвращаемся из Уфы; сейчас идем по Куйбышевскому водохранилищу.

Впечатления от поездки двойственные. Берега прямо-таки сказочной красоты. Особенно хороши оказались Кама и Белая. Из городов интереснее всех Горький: чистый, подтянутый, заботливо содержимый, богатый красивыми зданиями, памятниками и широкими видами. Казань разочаровывает: пыльная, сутолочная, замусоренная; даже немногие интересные по своей архитектуре здания расположены так, что от них, можно сказать, ни красоты ни радости. Что касается Уфы, то местоположение ее изумительное, но город сам по себе малоинтересен; великолепная Белая загажена нефтью и мазутом. Есть хороший музей с картинами Нестерова, Левитана, Поленова, Головина и с небольшой, но, по-моему, очень ценной коллекцией икон.

Впечатления от городов заслоняются, пожалуй, впечатлениями от дикой природы берегов, и суровой, и роскошной одновременно. Особенно относится это к Камским Жигулям и к предгорьям Южного Урала, сквозь которые течет Белая. Там такое великолепие, ширь, раздолье и мощь, что трудно найти слова для описания.

Мелькает много чудесных мест, где страшно хочется причалить, махнуть рукой на пароход и остаться там на все лето. Но это, конечно, несбыточно.

Другая сторона поездки — бытовая, и она оставляет желать лучшего. Главное — радио-мучение. Два громкоговорителя, на носу и на корме, выводят из себя. В пароходном ресторане чудовищные цены, значительно превосходящие цены в лучших ресторанах Казани и Уфы. На пристанях удастся перехватить, да и то редко, только яйца и молоко.

По возвращении думаем несколько дней провести в Москве, чтобы закончить неотложные дела и собраться в деревню, а потом на остаток лета уехать в Смоленскую область.

Погода почти все время стоит великолепная. Как ни странно, жара на меня действует хорошо, сердце дает себя знать только в облачную погоду. Но здоровье Аллы меня очень беспокоит. После ликвидации огромного ожога, причиненного ей рентгенотерапией, у нее продолжает болеть правая нога от самого верха до колена. Надеялись, что сидячий образ жизни на пароходе улучшит дело, но пока никакого улучшения не заметно.

Писем от Вас ждать не буду, но из деревни обязательно напишу Вам о дальнейшем ходе нашей жизни.

Оба крепко целуем Вас и желаем Вам удачного лета, то есть: бодрого самочувствия, хорошей погоды и добрых людей кругом.

Д. Андреев

97. В.В. Морозовой

18 июня 1958

Здравствуй, милая Верочка!

Спасибо за твое большое, обстоятельное письмо. И вообще спасибо за то теплое отношение, которое мы оба постоянно чувствуем. Хотя должен сказать, что я чувствую некоторую вину нашу перед тобой: она заключается в том, что мы отняли у тебя время, которое ты могла бы выделить для подготовки к экзаменам и получить более высокий балл. Впрочем, теперь плакаться об этом уже поздно.

Мы проехали две трети пути. Сегодня вечером будем в Казани, где и опустим это письмо. Погода почти все время прекрасная. В Башкирии было по-настоящему жарко, в Уфе — даже слишком. Тем более что длинная остановка в этом городе была заполнена в основном хлопотами о билетах, о каюте и попытками запастись кое-какими продуктами, так как на пароходе кормят плохо и страшно дорого. Но все же мы успели забежать в местный музей живописи, небольшой, но хороший. Там есть Нестеров, Левитан, Поленов, Головин, интересные иконы.

Природа по берегам — сказочной красоты. Каждая из рек, по которым мы плывем, — со своей неповторимой, своеобразной душой. Лично мне больше всего понравилась Белая. Берега у нее холмистые, гористые, то покрытые чудными лесами, то обрывающиеся к воде белыми утесами. Чувствуется необычайная мощь растительности. Огромные ясени, дубы, клены, серебряные тополя. И очень пустынно: деревни редки и бедны.

Многие места, мелькающие по берегам, так хороши, что хочется махнуть рукой на пароход и обосноваться там на все лето. Но это, конечно, утопия: одной красотой не просуществуешь, а питаться тут нечем, да и добираться до этих мест очень трудно, так как они, как правило, расположены вдалеке от пристаней.

Я чувствую себя неплохо, жару переношу гораздо лучше, чем другие «сердечники». Хуже становится только в облачную или дождливую погоду.

Но нога Аллы меня очень беспокоит. Мы надеялись, что сидячий пароходный режим будет способствовать тому, что эти боли в ноге, появившиеся после рентгеновского ожога, пройдут. Но вот мы едем уже 12 дней, а улучшения не заметно.

Оказалось почти не осуществимым и наше намерение работать на пароходе. Слишком быстрый ход не дает возможности писать с натуры во время движения. Только на остановках она сделала пока 3 небольших этюдика темперой. Что же касается меня, то я разленился совершенно, ничего не делаю, только жадно смотрю по сторонам.

В первую половину пути публика была довольно симпатичная, мы все перезнакомились, но в Уфе понаесли всякие любители карт, домино и радио. Да и ребятишек многовато: на палубе вечный писк и визг.

Имей, пожалуйста, в виду, что эту часть письма напечатал я — ¹

А. Дан.

98. В.Л. и О.В. Андреевым

26 июня <19>58

Дорогие Дима и Оля,

на этот раз мне ничего не остается, как мужественно признать нашу вину перед вами: трудно найти оправдание тому непрезентабельному, но очевидно-му факту, что мы с Аллой целый месяц не могли собраться вам ответить. И не в качестве попыток оправдываться, а единственно для того, чтобы объяснить, почему так получилось, начну с сообщения о чудесном путешествии, которое отняло у нас 17 дней и было так богато впечатлениями, что не давало возможности сосредоточиться на письме. Дело в том, что мы съездили на пароходе до Уфы и обратно. Красота по берегам неопишуемая, Ока, Волга, Кама и Белая, каждая со своей неповторимой душой, раскрывались перед нами во всем своем великолепии и своеобразии. Стояла прекрасная погода (в Башкирии даже 30-градусная жара). Необразимые заливные луга сменялись песчаными обрывами, белыми утесами, лесистыми горами и красными кручами. Возникали и исчезали старинные города с дивными церквями, большие речные порты с кипучей жизнью, деревушки на гребнях холмов или на зеленых полянах, и всюду хотелось остановиться, поваляться по этой мягкой траве, пожить среди этого народа. Горький, Уфа, Казань, Кострома, Ярославль, Углич — сейчас все эти картины кажутся уже прекрасным сном. Особенно пленил нас Ярославль¹ — тихий, с тенистыми бульварами, изумительной архитектурой, необыкновенно индивидуальными, полными очарования улицами — чистый, заботливо содержимый, насыщенный историческими воспоминаниями и в то же время живущий всей полнотой жизни. А какие храмы 15–17-го века! Когда подплываешь к нему с востока, он возникает во всей своей русской красоте, как чарующая сказка, как Китеж.

Знаю, что эти коротенькие описания будут растравлять вашу тоску по родине, и не решился бы причинять вам лишнюю боль, если бы не уверенность, что в будущем году вы будете с нами и мы сможем вместе наслаждаться всем тем, что в совокупности своей составляет понятие России.

Сейчас мы остановились на несколько дней в Москве, а на днях уезжаем в деревню: еще не известно в точности, куда именно — есть несколько вариантов — во всяком случае, в пределах русской средней полосы. Опять проедем через Москву, по-видимому, в первых числах сентября — по дороге на Юг, на Кубань или в Молдавию, где хотели бы пробыть до Октябрьских праздников. После этого обоснуемся в Москве.

Ты просил сообщить для Тинчика² наши предполагаемые планы на лето. Я не мог этого сделать раньше, так как мы сами не знали ничего в точности и даже на пароходе в Уфу выехали почти внезапно. Тинчика мне очень хотелось бы повидать, но из-за кочевого образа жизни сомневаюсь, чтобы это удалось. Дело усложняется тем, что мы еще не знаем нашего будущего деревенского адреса, а в Подсосенском никого не будет большую часть июля и августа. На всякий случай сообщи ему телефон К7-37-96: может быть, ему все-таки удастся связаться с нами таким путем.

Теперь немножко о здоровье. Алла чувствует себя очень неровно. Преобладает депрессивное состояние, упадок сил. После рентгенотерапии побаливает правая нога. Думаю, что многое можно было бы восстановить в условиях длительного отдыха, но в деревне она собирается не отдыхать, а, напротив, работать всю для выставки «Советская Россия», которая должна состояться в будущем году. Что касается меня, то состояние сердца находится в прямой связи с погодой. В противовес большинству сердечников, я чувствую себя прилично в ясную погоду, даже в жару, и никуда не гоюсь в пасмурные дни.

Ну, родные мои, обнимаю вас обоих, Сашу, Олечку, Мишука и оставляю место для Аллы.

Даниил

99. Л.А. Андрееву (Алексеевскому)

2 июля <19>58

Не суди, да не судим будешь. Не насмехайся, дабы не насмеялись над тобою. Это напоминаю я тебе потому, что вижу совершенно отчетливо, какая мефистофелевская усмешка искажает твои прекрасные черты в ту минуту, как ты распечатываешь конверт, надписанный моей рукой и посланный тебе три дня назад, и обнаруживаешь странное отсутствие какого бы то ни было текста внутри. Да, несчастный похотыватель на<д> чужими оплошностями: мужественно признаю, что я забыл вложить свое письмо в конверт, и, что еще досаднее, найдя неожиданно это письмо сегодня утром, потерял его к середине дня. Но если ты от природы добр, благороден и гуманен, ты, узнав, сколько переживаний выпало мне на долю в связи с письмом к тебе, должен почувствовать по крайней мере щемящее соболезнование, а может быть, и тайные угрызения совести: конечно, такой человек, как ты, который не пишет брату по полгода, не может послать даже и пустого конверта, но вряд ли это служит к украшению подобных людей, эгоистичных и безответственных, чтобы не сказать — бессовестных!

Но я от природы мягок и склонен к всепрощению: не сочти это за бахвальство, но к чему, посуди сам, ложная скромность? Поэтому я не собираюсь считаться письмами, а, напротив, решил осчастливить тебя еще одним, содержащим краткую информацию о незаслуженно забытых тобою родственниках. Мы только недавно покинули борт парохода, на котором совершили бурное плавание по пяти рекам и трем водохранилищам, вплоть до Уфы — удовольствие, доступное для граждан Порта Пяти Морей, столицы нашей родины, но о котором могут только бессильно мечтать обитатели заштатного, хотя все еще кичащегося своей былой славой города, до сих пор остающегося портом о д н о г о-единственного моря, — того самого моря, которое в просторечии именуется Маркизовой лужей. Будем надеяться, что со временем расширение Мариинской системы даст возможность и бедным ленинградцам плавать невозбранно по всем русским рекам.

На днях, кажется 6-го, мы опять пускаемся в путь, на этот раз посуху: хотим остаток лета прожить в старинном городке Переславле-Залесском.

Алла собирается там работать для предстоящей в будущем году выставки «Советская Россия», а я надеюсь немного наверстать пропущенное, ибо четвертый месяц я ничего не делаю, — сначала из-за болезни, а потом из-за лени, бездомья и бытового неустройства.

Состояние здоровья сносное. В ясную погоду чувствую себя прилично, в пасмурную — никуда не гоюсь. Алла еще не вполне оправилась после чудовищного ожога, причиненного ей пресловутой рентгенотерапией.

Если, паче чаяния, ты превозможешь нашептывания матери всех пороков и решишься информировать нас о том, как складывается лето для тебя и Леночки, пиши по-прежнему на Подсосенский пер<еулок>, 23, кв. 28. Письмо может задержаться доставкой, но найдет нас непременно.

Алла шлет Вам обоим, естественно, нежный и даже горячий привет. Обнимаю!

Даниил

100. Л.Л. Ракову

2 июля 1958

Дорогой Левушка, лелею надежду на то, что Вы извините мне этот машинописный текст: ползать пером по бумаге стало окончательно невыносимо, и я постепенно перехожу на машинку.

Давно не писал Вам по вине Матери всех пороков. Она и сейчас искушает меня — отложить письмо на завтра. Но уже хорошо знаю эти ее повадки, и мое намерение — окончить письмо в один присест — тверже гранита.

Итак: 17 дней провели мы на пароходе, проделав путь до Уфы и обратно. Если не считать радио, отравившего нам значительную часть путешествия, все обошлось прекрасно. Повидали — хотя, конечно, очень бегло — ряд городов из коих нас по-настоящему пленил Ярославль, понравились Горький, Кострома и Углич и совершенно разочаровала Казань. Главное же, мимо нас проплывали берега сказочной красоты, особенно, на Каме и Белой. В общем, остались очень довольны. Жалеем, что Ваш заштатный городок по-прежнему довольствуется ролью порта *одного-единственного моря* и, естественно, не может доставить своим обитателям тех очаровательных возможностей, которыми располагает Порт Пяти Морей, который диктор Левитан называет так: столица нашей родины — Москва!

Несколько последних дней мы кочуем по Москве (с комнатой в Ащеуловом все давно покончено), а 6-го июля, если не случится землетрясения, отбываем месяца на два в Переславль-Залесский. Алла там собирается работать для выставки «Советская Россия», предстоящей в будущем году, а я стараюсь хоть немного наверстать пропущенное, ибо вот уже четвертый месяц, как я ничего не делаю: сперва из-за болезни, а потом из-за бытовой неустроенности, бездомья и лени.

Приближается срок Вашего отъезда на юг, и я с немалым интересом жду, какие впечатления, приключения и коллизии встретят Вас на этом неведомом этапе Вашей жизни. Мы тоже строим планы поездки осенью на Ку-

бань, и будет очень интересно, на какие литературные опусы натолкнут нас обоих впечатления этого года.

Здоровье сносно. При ясной погоде чувствую себя прилично, в пасмурную — никуда не гожусь. У Аллы все еще побаливает нога — результат пресловутой рентгенотерапии. Seriously говоря, нужен был бы длительный отдых, но, как я уже писал, в Переславле она собирается не отдыхать, а работать.

Прошу Вас, родной, не оставляйте нас без вестей о себе. Писать нам можно по-прежнему на Подсосенский переулочек: письмо может немного задержаться, но непременно найдет нас.

Обнимаю Вас и жду информации. Алла передает сердечный привет Вам и Марине Сергеевне.

Д. Андреев

101. Т.И. Морозовой

9 июля 1958

Дорогая Татьяна,

не хочу жаловаться на судьбу и поэтому буду в своих отзывах о Переславле очень сдержан и мягок. Так или иначе, мы сняли комнату в деревне¹, в 2 км от города. Плюсы: 1) чистая комната, 2) довольно симпатичные хозяева, 3) в городе — замечательный монастырь, превращенный в музей, и несколько старинных церквей (из которых действует, разумеется, только одна). Минусы: 1) отсутствие электричества, 2) отсутствие уборной — какой бы то ни было, 3) отсутствие сада и вообще древесной тени, 4) голые берега озера, 5) удаленность леса на несколько километров, — короче говоря, природа, далеко уступающая многим подмосковным, например Сенёжу, Истре, Звенигороду. Гулять фактически некуда. Подытоживая, скажу, что сделали большую ошибку, устремившись сюда. Даже чуть было не поехали обратно, но два обстоятельства принудили остаться: во-первых, 200 рублей, заплаченных за дорогу, во-вторых — состояние моего злополучного сердца.

Перед Филипповским здесь есть два преимущества: озеро — и близость врача и больницы.

Я-то, так или иначе, найду чем заняться: налицо пиш <ущая> машинка, аккуратная, не душная комната, досуг, — если недобрые силы не нашьют каких-нибудь очередных неприятностей с сердцем или животом, буду работать. Гораздо затруднительнее положение Аллы: она должна к выставке «Советская Россия» сделать несколько подмосковных пейзажей, а рисовать тут, по-моему, решительно нечего, кроме церквей, а они, разумеется, на эту выставку не годятся.

Погода три дня хулиганила, сегодня ведет себя приличнее, но это еще отнюдь не настоящее лето.

Напиши поскорее: когда ты собираешься в Филипповское? как самочувствие? замечаешь ли ты какие-нибудь результаты этого курса лечения? Что пишет Верочка?² Когда она возвращается? Сообщи ей, что мы сильно об-

манулись в своих надеждах на хваленый Переславль; волей-неволей пробуем здесь до середины августа, но приглашать ее сюда не рискуем.

Адресуй нам так: г. Переславль-Залесский Ярославской области, 1-е городское отделение связи, до востребования на имя Аллы, так как я буду бывать в городе очень редко.

Еще просьба: сообщи, пожалуйста, адрес тети Шуры³. Хлебный... а дальше как? Может быть, ты знаешь ее дачный адрес?

Оба тебя обнимаем и целуем. Пиши!

Д. Андреев

102. Р.С. Гудзенко

14 июля 1958

Дорогой Родион Степанович,

наш кочевой образ жизни приобрел за последнее время какой-то особенно бурный темп: за полтора месяца мы ухитрились переменить место обитания 5 раз. Перечисляю: пароход, на котором мы совершали поездку от Москвы до Уфы и обратно, московский пригород Измайлово¹, где мы приютились на несколько дней у наших друзей, 3 дня в самой Москве у родителей Аллы Ал<ександровны>, 2 дня в городе Переславле-Залесском и, наконец, в ближайшей деревне, где мы украшаем нашими фигурами местность и поныне. Ввиду отсутствия постоянного адреса у нас прервались все эпистолярные связи, и я даже не могу сообразить, когда писал Вам в последний раз и что именно описывал. Во всяком случае, впечатлениями от пароходной поездки я еще, кажется, не поделился. А впечатления были чудные. Из городов нам понравились Горький, Кострома, Углич и особенно Ярославль. Когда подъезжаешь к нему с востока — немеешь от поразительного зрелища: отражаемый в широкой реке город с десятками дивных старинных церквей и колоколен и с ярко-зеленой набережной. Китеж, да и только! Впечатление не ослабевает и после подъема в самый город: необыкновенно заботливо ухоженный, с великолепными аллеями, бульварами, прелестными уютными улочками, тихими и чистыми, и с домами, каждый из которых имеет собственный архитектурный облик. После Ленинграда и Киева (о Москве не говорю) это лучший из русских городов, какие я видел.

Еще величественнее природа по берегам Камы и Белой. Чередуются красные обрывы, белые скалы, поросшие дремучими лесами увалы и широкие заливные луга. Пустынно, как 1000 лет назад.

Алла Ал<ександровна> получила заказ на серию подмосковных пейзажей для выставки «Советская Россия», предстоящую в будущем году осенью, и неделю назад мы устремились в городок Переславль, прославленный Пришвиным², Кардовским³ и некоторыми художниками с менее громкими именами. Должен сказать, что первое впечатление было таким обескураживающим, что мы едва не повернули назад. После всего, виденного во время пароходной поездки, представшее нашим глазам зрелище показалось до того мизерным, что мы и сейчас не можем понять, чего ради приезжают сюда толпы художников. Имеется один, действительно прелестный монастырь, пре-

вращенный в музей, и несколько старых, требующих ремонта, церквей. Больше и смотреть не на что.

Пробыв два дня в городе, мы махнули на него рукой и сняли комнату в ближайшей деревне. Хозяева симпатичные, комнатка аккуратненькая, с окнами на широкую, зеленую улицу, ведущую к озеру, и на закаты. К сожалению, нет никакого намека на сад и ближайшая древесная тень — в полутора километрах. Это досадно потому, что ходить могу мало и отнюдь не всегда. Поэтому мне приходится проводить часть времени в комнате, за пишущей машинкой или с книгой. Впрочем, я все-таки осмотрел ближайшие окрестности, обнаружил еще не скошенные цветущие луга, славные овражки и ложбинки, заросли дубняка и иван-чая, поля пшеницы и льна, хороший лес и широкие дали с видами на Плещеево озеро и дальние леса.

Надеюсь, что и здесь удастся прожить не без пользы. Ведь что мне нужно? 1) тишина, 2) жена, без которой я не могу жить, 3) такое состояние здоровья, при котором я могу немного работать, и 4) возможность везде ходить босиком. Все эти компоненты здесь налицо. Чего ж еще?

Ах, да, еще 5-й компонент: ощущение зеленой, родной, полнокровной природы вокруг. Но и это здесь имеется.

Алла Ал<ександровна> с первых же дней принялась шататься по окрестностям с этюдником, по обыкновению не сообразуясь с собственными физическими возможностями, и вот сегодня к вечеру уже лежит без задних ног после того, как несколько часов писала с натуры.

Погода жаркая. Лично для меня это хорошо: я не переношу облачного неба, сердце всегда остро реагирует на погоду, а в ясные дни я способен пройти, с перерывами, несколько километров.

Очень жду от Вас вестей по адресу: г. Переславль-Залесский Ярославской обл., 1-е городское отделение связи, до востребования на имя кого-нибудь из нас.

Оба крепко жмем Вам руку, а чего именно мы для Вас желаем — Вы и сами знаете.

Пишите, когда будет возможность!

И не обесцудьте за машинописный текст: процесс печатания настолько быстрее и удобнее, чем ковыряние дурацким пером по дурацкой бумаге, что я, с Вашего разрешения, и впредь буду прибегать к этому высоко цивилизованному способу общения.

Д. Андреев

P.S. Здесь мы пробудем до 20–25 августа.

103. И.В. Бошко

17 июля <19>58

Дорогая Ирина Владимировна,

получили Ваше письмо как раз в тот день, когда, немного осмотревшись, собирались Вам написать. Но затронутый Вами вопрос о медунице принудил отложить послание еще на два дня, пока не засохнет немного образец того,

что называется медуницей у нас. Посылаем его в надежде переманить Вас на нашу сторону в этом вопросе.

Вы ошибаетесь, дорогая, представляя нас кейфующими на благословенных берегах Сенежа. Сенежский проект возник и отпал, как многие другие. И в итоге очутились, сорвавшись с места «как ненормальные», в городке Переславле-Залесском, прославленном Александром Невским¹, Пришвиным и Кардовским. Весьма возможно, что при Невском этот городок и стоило прославлять (от тех времен сохранился, по крайней мере, белый одноглавый собор и еще нечто, о чем местные патриоты в один голос говорили нам так: «Вы непременно должны посмотреть вау». — «Что значит ВАУ? — спрашивали мы. — Что это за сокращение?» — «Да нет, нет: вау, вау, городской вау». Оказалось, что речь шла о земляном вале, похожем на железнодорожную насыпь, но датированном XIII веком). Позднейшие эпохи, вплоть до XVIII столетия, оставили после себя несколько чудесных церквей, ныне требующих немедленного ремонта и наказания тех безобразников, которые превратили их в мастерские и хлебозавод, и целых 4 монастыря, — из них один теперь называется музеем, а остальные мало-помалу превращаются в руины. Но за что так превозносили этот городок и его окрестности Пришвин и Кардовский, а следом за ними и множество художников с менее громкими именами — остается тайной. Городок настолько пыльный, бедный зеленью и лишенный красивых окрестностей, что мы едва не повернули назад, а потом, два дня повертевшись там, махнули рукой и сняли комнату в деревеньке на берегу Плещеева озера, в 2 км от города. Природа здесь отнюдь не богатая, тем более для глаз людей, только что любовавшихся берегами Белой, Камы и Волги. Но имеются все-таки цветущие луга, которые теперь начинают скашивать, в полутора верстах — недурной лес, а между ним и озером — поля пшеницы, льна и неудавшейся кукурузы, пересекаемые очень миленькими овражками и перелесками. Овражки поросли дубняком, иван-чаем и медуницей. Озеро значительно оживляет ландшафт.

Комнатка у нас чистенькая, хозяева очень симпатичные. Окна выходят на поросшую травой улицу. Большой недостаток — отсутствие сада. Из-за этого приходится все то время, которое не удастся посвящать прогулкам за 3–4 версты, проводить в комнате, за пиш<ущей> машинкой или с книгой. Что же касается Аллы, то она первую неделю носилась по всей округе с этюдником, по своему обыкновению не соразмеряя своих желаний со своими силами, а теперь под действием наступившей пасмурной погоды приуныла и мучается невритными болями. Хорошо, по крайней мере, что ее правая нога, долго болевшая после рентгеноожога, сейчас не дает о себе знать. Настроение у Аллы неровное — зависит от погоды и от того, насколько удачными представляются ей ее новые живописные начинания. А я засел на одном, давно не удающемся мне опусе, и это несколько понижает мою жизнерадостность.

Сердце, как это было и на пароходе, прилично ведет себя в ясные дни и выкидывает фокусы в пасмурные. Сейчас злобой дня сделался еще и нарыв на глазу, грозящий разрастись, как это у меня обычно бывает, в нечто апокалиптическое.

Новые осложнения в Вашей жизни нас озадачили и встревожили. Очень хорошо понимаем всю сложность создавшейся ситуации и сочувствуем от всей души. Пожалуйста, дорогой друг, держите нас в курсе происходящих в Вашей жизни перемен и возникающих проектов.

Адресовать нам так: г. Переславль-Залесский Ярославской области, 1-е городское отделение связи, до востребования на мое имя. Крепко, крепко жму Вашу руку.

Д. Андреев

104. И.В. Бошко

21 июля <19>58

Ирина Владимировна, милая, не обессудьте за безобразную рассеянность: забыл вложить в то письмо обещанную медуницу. Вот она.

Пользуюсь случаем, чтобы предупредить: на адрес наш переславский, указанный мною в письме, пока не пишите. Еще неизвестно, долго ли мы пробудем здесь. Возможно, что через неделю поедем прямо на юг, почти не останавливаясь в Москве. На этих днях все должно решиться. Дней через 10–12 пошлем Вам открытку с адресом.

Крепко жмем руку.

Даниил. Алла

105. Б.В. Чукову

31 июля 1958

Дорогой Боря,

извините за такую открытку: другой сейчас нет. Мы живем в деревне поблизости от Переславля-Залесского. Жизнь состоит из трех элементов: усиленной работы, небольших прогулок и борьбы со всякими болезнями. Seriously еще никто не заболел — не беспокойтесь, но у жены бывают сильные недомогания, природа которых нам неясна, м.б. железы внутр<енней> секреции. В Переславле много старинных церквей и монастырей. Но природа вокруг — небогата. Думаем пробыть здесь до 20 авг<уста>, потом — на юг почти без остановки в Москве¹. Пишите, пожалуйста, нам на адрес, кот<орый> прилагаю. А<лла> А<лександровна> шлет теплый привет.

Д.А.

Виталий скоро выходит².

106. Г.Л. Гудзенко

11 АВГУСТА 1958

Дорогая Галина Леонидовна,

беспокоимся, так давно не получая от Вас вестей. В первых числах июля мы послали Вам письмо, а несколькими днями позже перевели по телеграфу 200 рублей, прося передать их Родиону Степановичу, а какую-нибудь часть

из них употребить на покупку Сашеньке подарка от нашего имени. Получен ли Вами этот перевод? Где Вы сейчас? Р<одион> С<тепанович> писал, что не так давно Вы у него были, но мы не знаем, когда именно. Как прошло Ваше свидание, какое впечатление произвело на Вас его душевное и физическое состояние? И как здоровье Саши? Как проходит Ваше лето, удалось ли уехать куда-нибудь?

Мы, съездив на пароходе до Уфы и обратно (об этом, впрочем, мы уже писали), второй месяц живем в городке Переславле-Залесском, вернее, в деревушке в 3 км от города. Заехали мы сюда потому, что многие очень расхваливали этот городок. Здесь жили Пришвин, Кардовский и другие художники с менее громкими именами. Вот и сейчас тут подвизаются десятки живописцев и графиков, со всех мыслимых и немыслимых позиций рисуя известный Горицкий монастырь. Монастырь превращен в музей, действительно очень поэтичен, есть тут еще несколько старинных чудесных церквей, но они пребывают в весьма плачевном состоянии. Сам же городок — пыльный, бедный зеленью, а местность вокруг — открытая, плоские берега Плещеева озера, до лесов далеко, и если бы мы знали раньше о бедности здешней природы, то и не поехали бы сюда. Но нет худа без добра: так как гулять почти некуда, то мы и не бегаем попусту, а работаем, и весьма продуктивно. Алла Ал<ександровна> сделала три картины, надеюсь, что они попадут на выставку «Советская Россия», предстоящую в будущем году, и много этюдов. Я тоже не сижу сложа руки. Здоровье до последнего времени было у обоих сносное, но несколько дней назад А<лла> А<лександровна> простудилась и слегла с высокой температурой. К счастью, сегодня как будто дело повернуло на поправку.

В двадцатых числах мы будем в Москве проездом на юг. Так как комнату получим не раньше весны, то жить нам сейчас в Москве негде и осень мы думаем провести, если ничего худого не случится, на Кубани. А зимой придется опять снимать в Москве комнату.

Теперь на переславский адрес писать нам уже не стоит — письма ходят медленно и могут нас здесь уже не застать. Пишите, пожалуйста, по-старому на Подсосенский пер.: нам переправят оттуда туда, где мы будем.

Алла шлет сердечный привет. Крепко жму Вашу руку и целую Сашеньку.

Д. Андреев

107. И.В. Бошко

18 АВГ<УСТА> <19>58

Здравствуйте, Ирина Владимировна дорогая!

Не сразу ответил — все из-за сердечных недомоганий, заставлявших валяться большую часть времени. Спасибо Вам за приглашение в Плюты. Вообще, знай мы, что ждет нас — в смысле природы и погоды — в Переславле, мы еще в начале июля рванулись бы, вероятно, следом за Вами на днепровские берега. Но теперь уже поздно: на днях мы возвращаемся в Москву и там должно выясниться, ждет ли Аллу двойная путевка в художественный Дом творчества в районе Краснодара, которая ей обещана. Если да, — а это очень

вероятно, — то мы сейчас же берем билеты в этом направлении и уже не вернемся в Москву до ноября.

Я только облизываюсь, слушая по радио о дивной жаре на Украине. Тут, извините, черт знает что. Недели две назад началось сплошное метеорологическое хулиганство. Этим, кстати, объясняется и Аллина простуда, из-за которой она пролежала неделю с температурой, и фокусы с моим сердцем. Подтвердилось еще раз, что я совсем не могу переносить низкого барометрического давления. И это — до смешного: едва выдалось неожиданно одно безоблачное утро, как я, лежавший неделю в прострации, вскочил, бодр и юн, и, распропагандировав Аллу, устремился с ней гулять — в неизвестность. Там оказались голые поля с глубокими оврагами, которые приходилось пересекать, но зато широкие горизонты, виды на озеро и дальние леса, и мы, в общей сложности, пробежали не меньше 7 км. Но вечером небо опять заволочло, и я опять вернулся в мою опостылевшую сердечную прострацию.

Тем не менее грех роптать: эти полтора месяца были для нас обоих очень плодотворными. Алла везет в Москву 4 картины и десяток этюдов. К сожалению, 2 по-настоящему удачные картины никак не подходят для выставки по своей тематике; одна — старинный монастырь, другая — буйные заросли иван-чая и пресловутой медуницы в глубоком овраге. А две другие, которые подходят, — конечно, сильно уступают двум первым по своему художественному уровню. Но отчитываться ей перед выставкомом надо будет только в декабре, и посмотрим, что еще удастся ей привезти с юга.

А я наверстал все упущенное. И к зиме с чистой совестью смогу отдаться поэзии. Только боюсь, что предполагаемая поэма¹, связанная с нашей паровой поездкой, оставит Вас неудовлетворенной: реализма в ней будет очень мало, а во второй половине он и вовсе заместится фантастикой — лучше сказать — метаисторией и трансфизикой. Только в начале предполагаются кое-какие приятные ландшафты, похожие на то, что все мы видели по берегам.

Если Вы приедете в Москву не позже 28 авг <уста>, позвоните, пожалуйста, К7-37-96: весьма возможно, что мы не выберемся на юг раньше начала сентября, т.к. мне еще нужно что-то сделать с чудовищным фурункулом, мешающим жить уже 3 недели и с которым пускаться в далекое путешествие невозможно.

Алла просит передать самый сердечный привет. И конечно, оба мы приветствуем Ольгу Владимировну². Крепко жму руку.

Д. Андреев

P.S. На переславский адрес больше не пишите — письмо опоздает.

Д. А.³

108. Ю.И. Пантелееву

19 АВГ <УСТА> 1958

Дорогой Юра,

не знаю Вашего теперешнего адреса и не уверен, дойдет ли до Вас это письмо. А очень хотелось бы, чтобы дошло: отчасти по моей вине, отчасти по вине разных неблагоприятных обстоятельств (главным образом болезней) свя-

зывавшая нас эпистолярная ниточка как-то прервалась, и я потерял Вас из виду. Если это письмо получите, отзовитесь, пожалуйста, и сообщите Ваш точный почтовый адрес.

Весной я долго валялся с обострением стенокардии, причем часть этого времени провел в больнице. Теперь никак не соображу, известно ли Вам, что мне с весны установлена персональная пенсия и, кроме того, я получил некоторую сумму за один сборник рассказов моего отца. Признаюсь, что это вызволило меня из ужасающего положения. Удалось расплатиться с долгами, «залатать» самые зияющие дыры и несколько месяцев не думать о заработке. А это тоже было необходимо, так как здоровье расстроилось вконец. Вдобавок целых полгода тяжело болела жена (раковая опухоль, операция, лечение рентгеном, колоссальный рентгеноожог и выздоровление после этого милого способа лечения). В июне мы поехали отдохнуть: сделали на пароходе путешествие до Уфы и обратно. Посмотрели (конечно, очень бегло) ряд интересных городов и наслаждались изумительной природой по берегам Волги, Камы и Белой. Немного отдохнули, пришли в себя. В Москве нам жить по-прежнему нигде: комнату мы получим не раньше весны, а снимать летом комнату в огромном городе за бешеную цену — бессмысленно. Поэтому мы уехали в городок Переславль-Залесский Ярославской области, который нам очень расхваливали. Жена получила заказ на серию пейзажей для предстоящей в будущем году выставки «Советская Россия» и здесь очень продуктивно работала в этом направлении. Я тоже не сидел сложа руки. Что касается самого Переславля, то нам его ужасно перехвалили. Есть старинный монастырь, превращенный в музей, и несколько красивых церквей, находящихся в очень запущенном состоянии. Больше ничего привлекательного. Кругом — голые поля и озеро с плоскими берегами. Гулять было почти некуда, и мы без особого сожаления послезавтра отсюда уезжаем. Несколько дней пробудем в Москве, а потом, если позволит здоровье, уедем на всю осень на Кубань. Говорю «если позволит здоровье» потому, что сердце постоянно выкидывает всякие фокусы, мешает двигаться, и никогда не знаешь, что будет завтра. Особенно плохо действует низкое атмосферное давление. В ясную погоду я часто бываю бодр и вполне работоспособен.

Для чтения у меня времени почти не хватает. Из нескольких книг, прочитанных за лето, единственной интересной оказалась «Люди или животные?» французского писателя Веркора¹ — роман, в утопической форме ставящий ребром вопрос о грани между животным и человеком и о том, есть ли какой-нибудь совершенно бесспорный признак — физиологический или психологический — отличающий человека от остальных видов. Выдвигаются, анализируются и отбрасываются один за другим всевозможные признаки, пока автор не приходит наконец к заключению, что единственным признаком приходится признать религиозный дух в самом широком смысле этого слова, со включением науки в круг охватываемых им понятий. Алле Александровне понравилась художественная сторона книги, мне — не очень.

Ну, кончаю, или, как говорят теперь, закругляюсь. Буду ждать от Вас весточки. Пишите о своем состоянии, о том, что читаете, о здоровье — вообще обо всем, о чем можете: ведь мне интересно все, касающееся Вас. Между прочим, как Ваш хронический насморк?

Адресуйте так: Москва, Б-62, Подсосенский пер., 23, кв. 28, мне.

В июне видел Ефима Яковлевича². Он выглядит получше, у него хорошая семейная обстановка, очень скрашивающая для него старость и болезни. В Москве иногда встречал Борю³. Он работает заведующим фотографией. Изредка получал письма от Валерия⁴. Прожив несколько месяцев у матери, он завербовался на строительство, и с тех пор я о нем ничего не знаю. Виктор⁵ — на родине Родиона, работает в том же учреждении, где работал несколько лет назад.

Крепко жму руку. Жена шлет привет.

Д. Андреев

Юрочка, простите ради Бога: вдруг выпало из головы Ваше отчество и, сколько ни вспоминал — так и приходится адресовать — с одним именем и фамилией. Лишний шанс за то, что письмо затеряется!

Д.А.

109. В.Л. Андрееву

29 АВГУСТА 1958

Дорогой Дима,

посылаю несколько стихотворений о русской природе¹. Может быть тебе, в твоём постылом отдалении все-таки приятно будет получить несколько поэтических этюдинов на эту тему.

Даниил

110. Б.В. Чукову

3 СЕНТ <ЯБРЯ> <19>58

Милый Боря,

мы находимся теперь в Подсосенском. Я — на постельном режиме из-за обострения стенокардии. Пожалуйста, позвоните К7-37-96 в любой день и в любой час от 11 утра до 11 вечера: телефон возле моего дивана. Очень хочется Вас видеть. Надеюсь, что Вам удастся заглянуть к нам как-нибудь вечером, но об этом лучше сговориться предварительно по телефону. Числа 12–14-го, если здоровье не подведет, думаем уехать на юг (на Кубань) месяца на 3.

Алла Ал<ександровна> кланяется. Просим передать наш привет Алле Станиславовне и Владимиру Григорьевичу¹. Крепко жму руку.

Д. Андреев

111. В.Л. Андрееву

11 СЕНТЯБРЯ <19>58

МОСКВА

Дорогой Дима,

боюсь, что из-за кочевого образа жизни, который мы ведем все это лето, какое-нибудь твоё письмо могло разминуться с нами и затеряться. И хотя сей-

час мы опять собираемся уезжать, и притом надолго, ты адресуй письма мне на московский адрес:

Москва, Б-62, Подсосенский пер., 23, кв. 28, Александру Петровичу Бружес. Оттуда нам переправят письмо на юг, где мы собираемся провести всю осень. Нашего будущего адреса на юге мы и сами ещё не знаем.

Надеюсь, ты получил моё письмо, посланное в конце июня, где я описывал нашу поездку на пароходе до Уфы и обратно. После этого мы уехали в небольшой городок Переславль-Залесский, известный своими памятниками старины, и прожили там полтора месяца, — точнее — не в самом Переславле, а в деревеньке в 3 км от него, на берегу Плещеева озера. Сперва все шло хорошо. Алла очень продуктивно работала, написала 4 картины и много этюдов маслом и темперой. Теперь, на юге будет продолжать эту серию пейзажей, а в декабре состоится просмотр её работ выставкомом «Советской России» — выставки, которая намечается в будущем году. Но к концу нашего пребывания в Переславле Алла простудилась, пролежала неделю с высокой температурой, а потом слег и я: очередное обострение стенокардии. В полулежачем состоянии приволокли меня в Москву, и я до сих пор нахожусь на «постельном режиме». Делают уколы, пичкают медикаментами и мало-помалу добились того, что я могу попробовать одолеть переезд на поезде до Краснодара. Там надемся застать более ровную, а главное — более ясную погоду: для меня этот фактор стал едва ли не решающим. Пока барометрическое давление высокое, я бодр и работоспособен; едва начинаются дожди и ветры — я никуда не гоюсь.

Все эти переезды и болезни сильно оторвали нас от общей художественной и литературной жизни. Даже в кино мы были в последний раз месяца 4 назад — смотрели «Идиота». Если до вас дойдёт этот фильм, не пропустите его: образ Настасьи Филипповны оставляет желать лучшего, но Мышкин совершенно бесподобен, едва ли даже не лучше, чем у самого Достоевского. Это настоящий шедевр. Ничего подобного я в кино ещё не видал¹.

Сейчас читаю новый перевод «Махабхараты», выходящий у нас том за томом. (Перевод и превосходные комментарии акад<емика> Соколова².) Впечатление грандиозное. Нибелунги, Илиада, Одиссея, Эдда — все меркнет рядом с этим титаническим полотном.

С Корнеем Ивановичем³ мы иногда перезваниваемся по телефону или перебрасываемся письмами. Встретиться никак не удастся из-за того, что болен то он, то я.

Не могли бы вы с Олей сообщить, на какие месяцы будущего лета падает ваш отпуск и когда именно можно надеяться увидеть вас здесь? Если будем живы, надо будет спланировать то лето таким образом, чтобы хоть месяц прожить где-нибудь вместе. Что вы думаете, например, о совместной поездке на пароходе от Москвы до Ростова-на-Дону и обратно? или до Перми? (Алла склоняется в сторону последнего варианта.)

Пишите поскорее, дорогие. Очень скучно столько времени не получать от вас вестей.

Крепко обнимаю и целую всех — и тебя, и Олю, и Олечку с Мишуком, и Сашу.

Даниил

Р.С. Сейчас идет такая предотъездная суতোлка, что Алла 2 дня не могла выбрать минутки, чтобы сделать приписку. Она успевает только мысленно вас обнять и поцеловать. С юга напишем более толково.

Д.

112. Р.С. Гудзенко

1 октября 1958

Дорогой Родион Степанович, долгая пауза в письмах с моей стороны была вызвана обострением стенокардии, длящимся уже полтора месяца. При этом нам несколько раз приходилось менять местожительство, что в лежачем положении — не так-то просто. Даже проделали основательное путешествие Москва — Кубань¹. Здесь, в одном из Домов творчества художников, у Аллы Ал<ександровны> — путевка, у меня — курсовка. Но жить в этом доме оказалось невозможно; неумолчное радио, по вечерам — баян, — словом, условия, несовместимые с лит<ературной> работой. В конце концов поселились на горе над городком Горячий Ключ², напоминающим отчасти станицу, отчасти курорт. Здесь воздух чище и суше, меньше вредных для сердечника испарений сероводорода, стелящихся по долинам.

К сожалению, к букету моих недугов присоединилось еще одно прелестное заболевание: астматический бронхит, не дающий нормально дышать и спать. Скучно было бы перечислять все средства, применявшиеся в борьбе с этим злом, и все перипетии этой борьбы. Измаялся я здорово, да и А<лла> А<лександровна>, на которую ложится вся тяжесть ухода, не меньше. И все же организм каким-то образом приспособливается: живет на половинном дыхании. Конечно, при этом нельзя ни ходить, ни по-настоящему работать. Но настоящая беда в том, [что] существовать, махнув рукой на свою работу, я не имею никакого права. Мне нельзя умирать, не закончив хотя двух частей моей работы³. Ведь я располагаю таким худож<ественным> материалом, которого нет больше ни у кого, и это накладывает определенные обязательства. Если ничего катастрофического не случится, I часть я закончу совсем скоро, но для второй требуется еще год жизни в состоянии не худшем, чем теперь. Третья часть потребовала бы тоже года или полутора. Поэтому приходится гнать, если к тому есть хоть малейшая физическая возможность.

В дни улучшения и хорошей погоды (а эти 2 явления находятся в тесной взаимосвязи) я лежу на топчане под яблоней (вот я сейчас так), люблюю на дальние горы, одетые пожелтевшим лесом, и, сколько могу, стрекочу на машинке. Алла Ал<ександровна> в таких случаях пользуется моментом, чтобы убежать на этюды: ей нужно их сделать много для того, чтобы в Москве на их основе написать две-три картины к выставке «Советская Россия». Физическое состояние ее сейчас получше, но в психологическом отношении, как вы сами понимаете, все происходящее со мной ей дается нелегко. Сердце разрывается, на нее глядя. А что касается ухода, то никакая медсестра не могла бы сравниться с ней по этой части.

Галина Леонидовна, с которой мы оба очень подружились заочно (из писем ее видно, какой она чудеснейший человек), прислала нам две карточ-

ки Сашеньки. Ну, родной мой, поздравляем от всей души. Совершенно прелестный мальчишка. Явно похож на Вас, и теперь я могу представить себе еще ясней, чем раньше, что он значит в Вашей жизни. Короче говоря, если можно влюбиться в двухлетнего ребенка, то я влюбился. Хотел бы иметь такого.

Дорогой мой, хорошо понимаю Ваше душевное состояние. Больно, что в письме ничего не скажешь, ничем не согреешь. В устной беседе я мог бы, вероятно, привести некоторые доводы в противовес Вашим и, может быть, они несколько укрепили бы слабые ростки Ваших надежд. А пока могу только повторять еще и еще, что мы с Вами *обязаны* жить во что бы то ни стало, потому что нам как художникам есть что сказать и никто, кроме нас, этого не скажет. А это обязывает. Что касается интервала в творческой работе, то поверьте, я знаю по собственному опыту, какое это мучение, но только не придавайте этому такого значения, будто пропуск года или двух совершенно девалифицируют художника и т.п. Знаю ряд противоположных примеров.

Когда мы бываем в Москве, Боря⁴ довольно часто заглядывает к нам и всегда проявляет заботу и внимание. Всегда очень тепло говорим о Вас.

Все-таки не хочу распроститься с надеждой дожить до личных встреч с Вами. Ведь мы только *начали* сближаться и чувствовать друг друга. Впереди еще столько нерассказанного друг другу, столько такого, чем абсолютно необходимо поделиться.

Болезнь совершенно оторвала от общей художественной и литературной жизни. Впрочем, перед отъездом сюда Алла Ал<ександровна> успела побывать на выставке тех произведений живописи и скульптуры, которые отправлены обратно в Германию. Представьте, на нее наиболее глубокое впечатление произвела голова Афины — нос отбит и так далее, и тем не менее — потрясающий шедевр, идеальное выражение совершенно божественного образа, если хотите — идеальной соборной Души эллинского народа. К великому сожалению, я, как и Вы, хотя и по другой причине, не смог съездить на выставку.

Иногда читаю «Махабхарату» в хорошем переводе и с превосходными комментариями академика Соколова⁵, (тираж — 1000 экземпляров). Ну, это нечто совсем уж потрясающее. Вчитаться трудно, после каждого второго слова лезешь в комментарий, но грандиозность концепции и философская глубина такова, что Гомер, Нибелунги, даже Эдда меркнут совершенно.

Ну, родной, крепко жму руку и целую. Жена шлет самый сердечный привет. Крепитесь, дорогой друг, не падайте духом.

Д. Андреев

113. Т.И. Морозовой

1 октября 1958

Дорогая Татьяна, пишу открытку потому, что на письмо пока еще нет сил. Дорога была нелегкой. Вдобавок еще в Москве ко всем моим недугам присоединился еще один, бурно разыгравшийся здесь: астматический бронхит, не дающий как следует дышать, мешающий сну и сильно изматывающий. Хорошая погода,

на кот<орую> мы так надеялись, балует нас довольно редко. Сперва поселились было рядом с Домом худо<жни>ков, но там были слишком заметны вредные для сердечников испарения серных источников, и пришлось перебраться подальше, на гору. Здесь воздух чище и суше. Я почти все время лежу, в хорошую погоду — под яблоней, откуда чудесный вид на горы. Случаются отдельные дни, когда удается работать полулежа. До предела надоели все инъекции, банки, горчичники и медикаменты. Алла разрывается, по обыкновению, между уходом за мной и работой: бегают на этюды, на основе которых в Москве будет писать большую картину. Природа кругом великолепная, но пользоваться ею мне фактически не удастся, а скоро, наверное, наступит и настоящая осень и мы окажемся анахоретами на нашей горе. Пиши поскорее. Целуем.

Д. Андреев

114. Б.В. Чукову

2 окт<ября> <19>58

Здравствуй, дорогой Боря!

Вот и одолели мы наконец эту зловредную тысячу верст, надеясь хоть на благословенной Кубани вкушать радость голубого, открытого неба и теплого солнца. Надежды, увы, оправдались лишь отчасти. Погода неустойчивая и сумбурная, как и везде этим летом. Здесь, в Горячем Ключе, ночи очень холодные, утра сырые и туманные, а дни — как придется: то прелестные, безоблачные, безветренные дни золотой осени, то вдруг зарядит такое, что душа с телом растает. Один раз она чуть не рассталась с ним и в самом деле. Ко всем моим недугам присоединился еще астматический бронхит, несколько дней совсем не дававший спать из-за состояния непрерывного удушья. Теперь организм приспособился к существованию на половинном дыхании, да и погода, слава Богу, изменилась к лучшему, а для меня это — почти все.

Сперва поселились мы в центре городка, около Дома художников, где питаемся. Но микроклимат этой долины, атмосфера коей отравляется испарениями серных источников, заставил нас перебраться на окраину. Живем теперь на горе, откуда открывается дивный вид на кавказские предгорья и на долину, по которой стелется волокнами туман: издали он, конечно, не кажется зловредным.

Обитаем в чудесной маленькой квартирке, состоящей из комнаты, кухни и коридорчика, с отдельным входом. Электричество. Симпатичные хозяйки. Обслуживание. Питание доставляют в готовом виде из Дома художников. Вообще, бытовые условия превосходные.

Если позволяет погода, я большую часть дня провожу лежа на топчане под яблоней и стрекочу на машинке. Алла Ал<ександровна> делит свое время между работами над этюдами с натуры, на основе которых зимой в Москве будет писать картины для выставки, и — уходом за мной — занятием, к сожалению, весьма трудоемким, поскольку она и делает уколы, и ставит банки и горчичники, и кормит меня лекарствами, и бегают за врачом, и моет посуду... и т.д.

Если не случится никакой катастрофы, недели через 2–3 я закончу одну большую часть своей работы¹. Пока успел привести в порядок еще одну вещь для «Рус<ских> Б<огов>»². — Пользуюсь малейшим улучшением в состоянии здоровья, гоню изо всех сил. Ради экономии времени приходится почти отказываться от чтения.

Просьба: если вы еще не начали фотографирования, о котором говорили — повремените. Дело в том, что необходимы некоторые добавления (они уже сделаны)³.

Перебрались ли Вы и Ваши в город? Как их самочувствие, физическое и душевное?

Есть ли что-нибудь новое о Родионе и Валерии⁴? Какие события или происшествия имели место в Вашей жизни за этот месяц?

Будем очень рады и благодарны, если Вы найдете возможность черкнуть нам письмецо по адресу: Горячий Ключ Краснодарского края, Школьная ул., д. 20, Дом творчества художников, мне.

Сколько времени пробудем здесь — сами еще не знаем. Октябрь — во всяком случае пробудем. Дальнейшее зависит и от погоды, и от здоровья, и от того, будет ли нам где бросить якорь в Москве. Между прочим, если случайно услышите от кого-ниб<удь> о сдающейся комнате, украшенной телефоном и расположенной не слишком уж далеко, то позвоните, пожалуйста, Юлии Гавриловне (маме Аллы Ал<ександровны>) и сообщите ей. С подобной просьбой обращаемся ко всем друзьям в Москве.

Алла шлет сердечный привет.

Крепко жму руку и желаю удач во всех сферах жизни.

Д. Андреев

115. А.М. Грузинской

13 окт<ября> <19>58

Дорогая тетя Шура,

целый месяц прошел раньше, чем состояние здоровья позволило взяться за письма.

Здесь чудесно. Погода — идеальная: солнечная, не жаркая, совершенно безветренная. Мы, после нескольких неприятных дней, проведенных в долине, в самом центре Гор<ячего> Ключа, рядом с Домом творчества художников, перебрались на гору, расположенную на окраине городка. Здесь тишина, прекрасный воздух и великолепные виды кругом. Снимаем половину уютного белого домика, состоящую из комнаты, кухни-столовой и маленького коридорчика. Питание нам носят за небольшую мзду из Дома художников. Имеется электричество, электроплитка, а у домика — несколько яблонь. Днем, когда тепло — даже почти жарко — лежу на топчане под одной из яблонь и наслаждаюсь голубым небом и видом на кавказские предгорья, одетые золотыми и бронзовыми лесами.

Таким образом, бытовая сторона существования обставлена лучше, чем где бы то ни было.

А здоровье целый месяц было хуже, чем когда бы то ни было. Несколько раз дело доходило Бог знает до чего, и удалось выкарабкаться лишь благодаря Аллиной энергии и находчивости. Да и сейчас живу на каждодневных уколах эуфиллина, а в экстренных случаях — на инъекциях пантопона с кофеином. Главное, к обширному списку сердечных и сосудистых заболеваний присоединился еще астматический бронхит, не дающий как следует вздохнуть и крайне мешающий сну. Даже самые сильные снотворные действуют в таких случаях еле-еле.

Алла, разумеется, разрывается между уходом за мной — и живописью. Только по ее этюдам могу я составить представление о том, что за красота здесь повсюду. На основе этих этюдов она собирается позднее, когда польют дожди, писать картины для выставки.

Урывками, когда состояние позволяет, работаю с машинкой — сидя на кровати или лежа. На днях ухитрился кончить одну большую вещь, над которой работал лет 8.

Читать приходится очень мало: все экономлю время работы. Только по ночам, если снотворное плохо действует, и при маленькой ночной лампочке читаю понемногу «Махабхарату». Не могу вспомнить, писал ли я Вам о грандиозном впечатлении, производимом этим эпосом? В смысле пластичности образов «Илиада» и «Одиссея», конечно, совершеннее, перед бездонной философской глубиной и колоссальностью всей концепции «Махабхараты» меркнет не только Гомер, но и решительно все, что я знаю, исключая, пожалуй, «Божественную комедию». Но то — создание одного лица, великого гения, глубокого мыслителя и притом воспользовавшегося религиозно-философской концепцией, в основном сложившейся уже до него. Здесь же — фольклор, обширное создание множества безымянных творцов из народа, и это особенно поражает. Что это за беспримерный, ни с кем не сравнимый народ, способный на создание таких сложнейших философских, психологических, религиозных, этических, космогонических философем и на облечение их в ажурную вязь великолепного, утонченного стиха! Перестаешь удивляться тому, что именно Индия выдвинула в наш век такого гиганта этики, как Ганди, единственного в новейшие времена государственного деятеля-праведника, развенчавшего предрассудок о том, что будто бы политика и мораль несовместимы.

Душевное состояние — хорошее, исключая отдельные часы, когда недостаток воздуха становится слишком уж болезненным.

Очень прошу Вас, дорогая: попросите Таню написать от Вашего имени несколько слов о Вашем физическом и душевном состоянии. Как Ваши бедные, милые глаза?

Крепко целую. Алла шлет, конечно, самый теплый привет.

Даниил

116. Т.И. Морозовой

13 окт <ября 19> 58

Дорогая Татьяна,

впредь пиши по тому адресу, который дан на этой открытке. Не знаем, затерялось ли письмо, кот <орое> ты называешь «подробным», или таковым ты считаешь коротенькое письмецо о комнате без указания ее основных координат: который этаж? есть ли лифт? телефон? каковы хозяева и соседи? Если то было подробным, то каковы же бывают письма, написанные на скорую руку? Зое¹ Алла, конечно, уже написала, прося ее задержать это обиталище за нами с ноября. Здоровье мое в последние дни немного получше, но я по-прежнему лежу и принужден ежедневно пользоваться инъекциями и аллопатическими медикаментами. Погода дивная — золотая осень, безветрие, голубое небо, тепло. Днем лежу в саду на топчане. Очень понемногу работаю на машинке. Алла разрывается между мной и живописью. Везти меня отсюда сейчас — нельзя (по единоголосному мнению врачей): надо дожидаться более стойкого улучшения. Ориентировочно намечаем отъезд на начало декабря: будет человек, кот <орый> поможет нам в дороге. Настроение хорошее. Пиши побольше о себе и о своих. В бытовом отношении мы теперь устроены очень хорошо. Воздух чудесный. Целую. Алла приветствует. Поцелуй от нас дочек.

Даниил

117. Л.Л. Ракову

13 октября 1958

Дорогой Левушка,

так долго не давал о себе знать потому, что почти непрерывно болею. Здесь чудная погода, горы все залиты золотом и пурпуром, безветрие и солнце. К сожалению, всей этой благодатью мне удастся наслаждаться только лежа на топчане под яблоней. Попытки совершить маленькие прогулки привели лишь к обострению стенокардии, и без того уже достаточно обостренной и теперь осложнившейся астматическим бронхитом и какими-то непонятными явлениями со стороны желудка. Фактически третий месяц существую на уколах кордиамина и т.п. препаратов, а в дни особенно острых приступов получаю инъекцию пантопона. Были случаи, когда и окружающие, и я сам думали, что начинается агония. Но благодаря неусыпным заботам и энергии Аллы Ал<ександровны> каждый раз выкарабкивался.

Но понемногу все-таки работаю. Привел в порядок и закончил одну поэму в прозе, начатую еще во Владимире¹. Вещь совершенно фантастическая, но имеет некоторое, хотя очень косвенное, отношение к Ленинграду. Скоро хочу попробовать одну совсем новую вещь (тоже входящую в старый ансамбль), навеянную нашим июньским путешествием на пароходе².

Алла Ал<ександровна> разрывается между уходом за мной, который теперь весьма осложнился, и живописью: это ведь ее хлеб, не говоря уж о творческом «категорическом императиве». В бытовом отношении мы устроены здесь очень хорошо. Питание нам носят из Дома творчества худож-

ников, а обитаем мы на довольно высокой горе, откуда открываются преле-стные виды. Занимаем отдельную половинку маленького, белого, уютного домика, состоящую из комнаты, кухни-столовой и коридорчика.

Не пишу пока больше потому, что процесс печатания не дается так легко, как раньше, а об авторучке и говорить нечего: совсем ничего не выходит.

Нас ужасно интересует, как провели Вы время на юге и какие вынесли оттуда впечатления. Тревожит и состояние Вашего здоровья, на которое, по-моему, Вы обязаны немедленно обратить самое серьезное внимание. С сердцем, дорогой мой, шутки плохи.

Просим передать наши приветы Марине Сергеевне³ и Даниилу Ната-новичу⁴. Крепко жму Вашу руку. А<лла> А<лександровна> кланяется. Пи-шите нам по адресу: Горячий ключ Краснодарского края, ул. Чапаева, д. 3, Гречкиным для меня. Пробудем здесь, если не случится ничего экстраordi-нарного, до начала декабря.

Д. Андреев

118. З. Рахиму

21 окт<ября> <19>58

Зяя, вот несколько фраз из подстрочника «Брил<лианты> Борнео»¹, которые я не понял.

Стр. 5. Мацудана сказал ей, что странно, она впервые обратив внима-ние на свой организм, заметила что-то необычное.

(Не понимаю смысла.)

Стр. 16. Темный берег смутно виднелся, уходя за ночную росу.

(Нельзя ли точнее? ведь росой же покрыто все; как может берег ухо-дить за росу?)

Стр. 22. Если бы не блестели у всех глаза... право, женился бы на тебе.

(Какая связь между 2 членами фразы?)

Стр. 23. Он смотрел лежа, расширенно как фреска.

(Не понимаю смысла.)

Стр. 28. Полагаться только на *слюни* (?) основателя буддизма. —

(Ты понимаешь, что хотел сказать автор?)

Стр. 30. Бегать, приводя в порядок копии на оккупированной земле.

(Может быть, не копии, а копи (шахты)?)

Бабу — прислуга женская или мужская? или может быть любого пола?

Теперь вот что.

Дела мои совсем плохи. Сколько протяну — не знаю, но недолго. Ко всему присоединилась астма — сердечная и бронхиальная, мешающая ды-шать и не дающая спать. Сплю только под действием самых сильных нарко-тиков, кот<орые> можно впрыскивать только 1 раз в неделю. Остальное вре-мя — мука. Поэтому, как ты без труда поймешь, работать могу очень редко и очень понемногу. Тем не менее хочу обработать «Брил<лианты> Борнео». Дойдет ли дело до «Даун-таун»² — сомневаюсь. Если все-таки дойдет — по-ставлю тебя в известность.

Т.к. мы больше не встретимся, по крайней мере на этом свете, хочу сказать тебе следующее. За все доброе, что ты сделал по отношению ко мне — спасибо.

Какие мотивы руководили тобою при этом — это, в конце концов, твое дело, и отчитываться тебе придется не передо мной. Дурное, что ты сде-лал по отношению ко мне, я простил. Что касается Аллы, то ты не можешь не знать, как чудесно она к тебе относилась, пока ты сам своими действиями не погубил эти отношения. И предупреждаю тебя — хоть я не знаю, каковы те-перь твои философские (в широком смысле) воззрения: если ты поступишь по отношению к ней или к моей памяти (ты понимаешь, что я имею в виду) недолжным образом — я тебя прокляну в другом мире, и не будет тебе ни счастья, ни покоя — ни здесь, ни там.

Даниил

119. А.П. Бружес

22 октября 1958

Родной Александр Петрович,

простите за бесконечные просьбы. На этот раз — просьба несложная: бро-сить влагаемое в конверт письмо к Зее в почт<овый> ящик. Еще лучше бы-ло бы отправить его с уведомлением о вручении, т.к. этот субъект уже два-жды сообщал нам о якобы неполучении им наших писем, явно полученных.

Вчера начали курс строфантина в<нутри>мышечн<о>. Кроме того, продолжается кордиамин, а внутрь — валокордин. Посмотрим, что даст этот букет. Пока хвастаться нечем. Пребывание здесь придется, видимо, резко со-кратить. Беда не в воздухе и не в климате (то и другое — превосходно), а в здешнем враче, сестрах и медикаментозном убожестве. Надо ложиться в Инст<итут> терапии.

Огромная, огромная благодарность за все.

Все-таки не теряю надежды доползти до Москвы. Писать трудно. Глав-ное вообще в «задыхании».

Передайте, пожалуйста, Юлии Гавр<иловне>, что я ее целую.

Даниил

Если будете отправлять еще раз бандероль с лекарствами, присоеди-ните, пожалуйста, нембутал или барбамил: здесь даже этого нет.

Д.

120. Т.И. Морозовой

29 октября 1958

Дорогая Татьянашенька,

поздравляем тебя от всего сердца. Жалеем, что нас разделяет в этот день¹ ты-сяча км. Надеемся, что открытка придет вовремя. Получили недавно письма от тебя и Верочки. Очень соболезнуем вам обеим². У нас особых перемен не видно. На меня хорошо действует курс уколов строфантина, состояние посте-пенно выравнивается. Встав к столу, остальное время лежу. Погода испорти-

лась: холод, ветер и дождь, грозящий превратиться в снег. Мои вылазки в сад на топчан под яблоней прекратились. Если состояние не подведет, в середине ноября надеемся быть в Москве, причем я, очевидно, проследую с вокзала прямо в Институт терапии. Сегодня получили письмо от одной знакомой: кажется, нам приглядели комнату, но это еще не наверняка. Если на твоём горизонте что-нибудь мелькнет — созвонись, пожалуйста, с Ю<лией> Г<авриловой>³: она в курсе этих дел. Что касается гомеопатии, то переход на нее, к сожалению, исключается до тех пор, пока меня не подлечат в Инст<итуте> терапии, — т.е. до конца года. Знаешь ли ты что-ниб<удь> о здоровье Гали?⁴ (У нее очень нехорошо с глазами.) Целуем и надеемся еще здесь получить от тебя одну или две весточки.

Д.А.

121. А.М. Грузинской

31 окт<ября> <19>58

Тетья Шуринька, родная, до чего Вы меня обрадовали и тронули своим письмом! Зная состояние Ваших глаз, я, конечно, не надеялся на то, что Вы сможете писать, и мое письмо Вам было послано не ради получения ответа, а только в качестве знака, доказывающего, что я Вас все время помню.

Само собой разумеется, Ваше письмо я разобрал все и безо всякого труда. Дорого оно мне, сверх всего, еще и тем, что его написала та самая рука, которая когда-то водила моей рукой, обучая меня начаткам письменности. Это было 46 лет назад.

Восхищаюсь Вашей силой духа и свежестью чувств — всем тем, что позволяет Вам так мужественно и достойно нести бремя лет и недугов. Дай Бог, чтобы эти душевные силы не покидали Вас до конца и чтобы самый этот конец был еще не близок.

Хотя мне еще только 52, но к своему концу я приближаюсь, кажется, довольно энергичными темпами. Во всяком случае здесь, в Горячем Ключе, было уже 3 случая, когда окружающие и я сам думали, что мои дни и часы сочтены. Однако сочетаниями весьма сильных средств — инъекциями эуфиллина, строфантина, пантопона и адреналина — я был возвращен к жизни и даже, как это ни парадоксально, к литературной работе. Этим воскресением из мертвых я обязан, конечно, Алле, проявившей невероятную энергию, находчивость и решительность, а главное — любовь. Сыграло свою положительную роль, мне кажется, еще и то, что для окончания работы, ради которой я существую на свете, необходимо еще минимум два года. Сознание этого приводит волю к жизни в состояние крайнего напряжения, если жизни угрожает серьезная опасность.

Срок нашего пребывания здесь приходится сократить. К 15 ноября, если опять не случится внезапного ухудшения, надеемся добраться до Москвы, причем, возможно, что прямо с вокзала я отправлюсь ложиться в Институт терапии — хорошую, сравнительно, больницу, где я лежал уже два раза. Мой

тесть уже говорил с моими врачами, и, кажется, место будет зарезервировано за мной.

Конечно, моя болезнь сильно и очень печально отразилась на ходе Аллиных живописных работ. Урывками, непостижимо как и когда, она ухитрилась сделать десятка два этюдов с натуры, а в дурную погоду работает над большими холстами, которые в январе обязана представить на соответствующую комиссию. Ясно, что страх за меня и чрезвычайно трудоемкий уход за мной не способствуют успешности этой работы. Да и физически она чувствует себя значительно хуже, чем в первые дни по приезде сюда. Опять температура, слабость, скверный сон и разнообразные боли. Расстройство желез внутренней секреции плюс полиневрит. Золотая осень кончилась наконец и здесь. Сады и леса облетели. Несколько дней стояла ужасная погода. Сейчас опять прояснилось, ветер улегся, по утрам трава покрыта инеем, днем 5–7 градусов тепла. По радио обещают потепление.

Прочитал я тут интересную вещь — «Признания авантюриста Феликса Круля» Томаса Манна. Написано просто великолепно. И хотя образ героя довольно-таки антипатичен, но кончаешь книгу с сожалением, тем более что смерть не дала автору довести свой замысел до конца и роман обрывается почти на полуслове.

Что касается вопроса о том, где мы будем жить в Москве, то мы просили нескольких друзей и знакомых в случае если им станет известно о какой-нибудь комнате с телефоном и не выше 2 этажа, которую сдают, то чтобы они позвонили об этом моей теще — Юлии Гавриловне Бружес (К7-37-96) и поставили бы ее об этом в известность. Кажется, практически эта мера еще ни к чему не привела.

Ну вот, родная, каковы дела. Надеюсь, что в декабре, после Института терапии, окрепну настолько, что смогу появиться на Вашем горизонте.

Нежно обнимаю Вас и целую. Алла передает большой, большой привет.
Даниил

122. Б.В. Чукову

31 окт<ября> <19>58

Дорогой Боря,

очень приятно было получить от Вас весточку. Спасибо за книжку по фотографии. Однако заглянуть в нее и сделать, можно сказать, на ощупь, несколько снимков Алла Ал<ександровна> смогла только сегодня¹. Я, со своим серд<ечным> заболеванием, закатил ей такой бенефис, что полтора месяца наша жизнь и быт целиком и полностью определялись тем, каково мне в настоящую минуту и что именно надо сделать, чтобы в следующую минуту от меня не осталось у нее только приятное воспоминание. Говоря без шуток, этот период оказался для нас таким тяжелым, каких еще не бывало. Конечно, исключительно жене обязан я тем, что вернулся к жизни и даже, как ни странно, к литерат<урной> работе.

Но на ее работе (профессиональной) эти передрыги сказались, конечно, очень печально. Урывками, между вызовами врача, бегом в аптеку

и инъекциями мне всяких зелий, она ухитрялась сбежать куда-нибудь в лес, в горы и вернуться с очередным масляным этюдом. Таких набросков у нас теперь штук 20, стены нашего маленького белого дома увешаны (разумеется, изнутри!) пейзажами золотой осени. Кроме того, особенно в дурную погоду, А<лла> А<лександровна> работает над тремя большими холстами.

Физически она чувствует себя, конечно, неважно, во всяком случае хуже, чем сразу по приезде сюда.

Несмотря на все это, наша жизнь здесь не лишена уюта и поэтичности. Особенно по вечерам, когда топится печка, а мы читаем, работаем или просто разговариваем. Не последнюю роль играет и то, что кругом, даже прямо с крыльца нашей кухоньки, открываются чудесные ландшафты на горы и долину Горячего Ключа. Мы застали горы зелеными, потом они стали ржаво-золотистыми, потом бронзово-красными, а теперь кажутся сиренево-голубыми. А сегодня А<лла> А<лександровна> видела издали даже снежные вершины Кавказа.

В Москву собираемся к 15 ноября, причем, возможно, что с вокзала я последую прямо в Институт терапии (т.е. в ту больницу, где лежал уже 2 раза); в противном случае нам придется, по-видимому, провести несколько дней у наших друзей в Измайлове². А потом — что Бог даст: авось к тому времени подыщется какая-нибудь комната.

Меня очень удивляет и беспокоит молчание Валерия³: я ему написал еще в сентябре, а его матери послал маленькую сумму, чтобы она могла к нему съездить. И вот с тех пор ни звука — ни от него, ни от нее.

Ну, дорогой, крепко жму Вашу руку и желаю удач на всех поприщах. А<лла> А<лександровна> шлет привет и благодарность.

Д. Андреев

P.S. Передайте, пожалуйста, Вашим родителям привет от нас обоих.

Д.Л.

123. Тарасовым

30 ноября <19>58

Дорогое семейство!

Пишу всем и срочно: для того чтобы написать каждому в отдельности, меня еще недостаточно вылечили. Родненькие, спасибо вам всем за внимание, заботу и тепло!! Не знаю, действует ли тут магическая картинка, нарисованная Мишуком, но, во всяком случае, в последние дни я чувствую себя получше. Только дышать и говорить все еще трудно.

Как хотелось бы провести вечерок за вашим уютным столом! Но теперь становится ясно, что подобные мечты сбудутся не скоро. Здесь я пролежу, очевидно, еще месяц или два, а потом проеду в Голицыно. Там имеется маленький писательский Дом творчества и, кажется, Союз писателей хочет приютить нас там, пока не получим свою комнату в Москве. Это, конечно, очень хорошо, да и выхода другого нет, но отрезанность от Москвы и друзей будет полная.

Очень хотелось бы послушать Левушку, да и самому продемонстрировать одну вещицу. Но все это приходится откладывать на далекое будущее.

Спасибо, миленькие, еще раз за все.

Пишите!

Обнимаю всех с любовью.

Д.

124. П.Л. Вайншенкер

6 ДЕКАБРЯ 1958

Глубокоуважаемая Полина Львовна, чрезвычайно грустно, что тяжелая болезнь не позволяет мне присутствовать на вечере в Литературном музее, посвященном памяти Леонида Николаевича. Вдвойне обидно это потому, что еще сравнительно недавно я надеялся выступить на вечере с чтением воспоминаний брата — Вадима Леонидовича. Предвидя, что зачитать вслух эти воспоминания целиком мне может оказаться не под силу, мы — как Вы, вероятно, помните — предполагали, что я зачитаю первые 2–3 страницы, остальное же зачитает Алла Александровна, обладающая довольно значительным опытом, навыком художественного чтения.

Передача воспоминаний Вадима Андреева для выступления с ними на предполагаемом вечере нашей племяннице Наташе Рыжковой¹ мне не представляется целесообразным. Алла Александровна очень хорошо знает эти воспоминания, и ей нетрудно будет сделать из них лит<ературный> монтаж требуемого размера. Кроме того, я просто не вижу оснований нарушать нашу договоренность с Вами и Татьяной Алексеевной² по этому вопросу.

Другого экземпляра воспоминаний, подготовленного к публичному чтению на литературном вечере, у меня нет: весной я передал сотрудникам музея, для ознакомления, единственный экземпляр этих воспоминаний в расчете на то, что после лит<ературного> вечера он будет возвращен мне или Алле Александровне.

С искренним уважением

Даниил Андреев

125. P.C. Гудзенко

12 ДЕКАБРЯ 1958

Дорогой Родион Степанович,

очень давно хочу ответить Вам на Ваше милое письмо, но болезнь все время не давала возможности. Вот уж месяц, как мы с А<ллой> А<лександровной> вернулись с Кубани в Москву — лучше сказать, она меня довезла до Москвы при помощи инъекций пантопона и кордиамина. С вокзала я отправился прямым трактом в Институт терапии, т.е. в больницу, где лежал уже дважды и где за мной была зарезервирована теперь больничная койка. Жена же остановилась пока у своих родителей. А так как ей, с ее громоздкой работой, там устроиться невозможно, то пришлось снять на дневные часы пустую комнату, которой она и пользуется теперь почти ежедневно в качестве мас-

терской. На материале летних этюдов она пишет 3 картины (2 были готовы еще раньше), которыми должна будет отчитываться в январе месяце перед выставкой «Советской России». Через день она навещает меня в больнице. Видеть других мне пока еще запрещено, гл^{авным} образом вследствие того, что я могу очень мало разговаривать: начинается одышка, на сцену выносятся шприцы, кислородная подушка и т^{ому} п^{одобные} достижения науки и техники.

Писать тоже могу очень мало. Под писанием понимаю только писание писем: о другом пока нет и речи. А между тем злосчастные японские рассказы висят над душой. В папке под подушкой лежат подстрочники двух таких новелл, — их надо приводить в «христианский» вид: все сроки давным-давно просрочены, и я заливаюсь краской стыда при одном воспоминании о своей моральной задолжности Из^{дательст}ву иностр^{анной} литер^{ату}ры.

Вообще, последние 2 месяца — глубокая прострация, и физическая, и душевная. День тащится за днем, и похожи они друг на друга как 2 капли касторки. Теперь чуть-чуть разрешили подниматься с постели, точнее — собственными силами дотаскиваться до умывальника: в этом и заключается прогресс за целый месяц лечения в одном из лучших наших медицинских заведений... Раньше середины января отсюда не выберусь.

В связи с некоторыми вопросами, затронутыми в Вашем письме, хочу сказать: через некоторое время, когда будет легче даваться самый процесс писания или когда я смогу опять пользоваться машинкой, я перешлю Вам несколько стихотворений. А пока — припоминаю одно, принадлежащее перу некоего Д^{аниила} Леонидовича и написанное лет 8 назад¹:

Если назначено встретить конец
Скоро, — теперь, — здесь,
— Ради чего же этот прибой
Все возрастающих сил?
И почему в своевольных снах
Золото дум кипит,
Будто в жерло вулкана гляжу,
Блеском лавы слепим?
Кто и зачем громоздит во мне,
Глыбами, как циклоп,
Замыслы, для которых тесна
Узкая жизнь певца?
Или тому, кто не довершит
Дело призванья здесь
Смерть — раскрывающиеся врата
К осуществленью
та м? —

Ведь я, дорогой друг, закоснелый и непереубедимый дуалист (не в философском, а в религ^{иозном} смысле), и в моих глазах вся жизнь, все мироздание — мистерия борьбы провиденциальных и демонических сил. Ко-

нечно, я верую в конечную — космическую победу Благочина. Но на отдельных участках и в отдельные периоды времени (иногда, с точки зрения человеческих мерил, весьма длительные) победы могут оставаться и за темными силами. Не представляю, как иначе можно объяснить историю. Впрочем, у меня это — не результат логических рассуждений, а выводы из метаисторического созерцания.

Пока больше не могу писать. Обнимаю и целую. Пишите почаще Вы!
Д.А.

Очень хотелось бы знать что-нибудь о Юре и о Виталии².

126. Т.И. Морозовой

12 ДЕКАБРЯ 1958

Дорогая Татьяна,

хоть бы расщедрилась — написала! Ведь я почти ничего не знаю, как идет жизнь в семье Морозовых. Сам я писать еще почти не могу, утомляемость ужасная. Вообще, дело с поправкой идет медленно, — медленно до одурения. Крайне мало могу разговаривать: начинается сейчас же одышка, легко переходящая в приступ. Очень мне досадно, что вынужден пропустить Андреевский вечер. Ты, очевидно, там будешь, — крайне любопытно было бы получить после этого от тебя толковое письмо с изложением своих впечатлений. — Мне мало свойственно скучать; но теперь, кажется, начинаю понимать это отвратительное чувство. Люди вокруг подобрались совершенно неинтересные: они приятнее всего, когда молчат. Читаю всякие пустяки, например Вальтера Скотта: более серьезную литературу голова переварить не в состоянии. Очевидно, в этом году ты меня не увидишь: не пустят. Поцелуй девочек и, м^{ожет} б^{ыть}, Вера напишет хоть открыточку? А от тебя жду большого письма. Привет всем нашим, кого увидишь.

Д.

127. Т.И. Морозовой

[26 ДЕКАБРЯ 1958]

Дорогое семейство,

заблаговременно поздравляю с Новым годом и приближающимся Праздником¹. Радуюсь при мысли, что ближайшее полугодие у Верочки не такое загруженное². Надеюсь на скорое свидание. Соскучился по всем друзьям, но организм никак не научится справляться с «нагрузками» (как называют врачи, видимо, чтение, писание и даже обыкновенный разговор). Надеюсь, поцелуй в категорию «нагрузок» не входят, поэтому целую всех трех, не нарушая этим больничного режима!

Д.А.

ПЕРЕПИСКА С А.А. АНДРЕЕВОЙ
1953–1959

1953

1. А.А. Андреевой

21 июня 1953

Бесценная моя, ненаглядная девочка!

С трудом могу представить, что в ответ на это письмо придут строки, написанные твоей рукой, и я буду читать их наяву, а не в бесконечных, бесчисленных снах о тебе. Боль за тебя — самая тяжкая из мук, мной испытанных в жизни, — вряд ли нужно говорить об этом, ты знаешь сама. В каких ты находишься условиях и в чем черпаешь силы — эта мысль без конца гложет и сознание, и душу, и в этом смысле каждый день имеет свою долю терзаний. Семь лет я думал, что моя любовь к тебе велика и светла. Но каким бледным призраком представляется она по сравнению с тем, что теперь! Если бы тогда она была такой, как теперь, — не знаю, смог ли бы я уберечь тебя от страшных ударов — в этом было слишком много независимого от моей воли, — но, во всяком случае, наша совместная жизнь была бы другой. Как нестерпимы теперь воспоминания о раздражительности из-за пустяков, внутренней сухости, непонимания величайшего дара из всех, какие послала мне жизнь. Вообще, мне поделом. Себя я не прощу, даже если бы меня простили все. И если бы речь шла только обо мне, я бы охотно нашел смысл в пережитом и переживаемом. Но для того чтобы даже мысль о тебе включалась в некое положительное осмысление — для этого, очевидно, надо подняться на такие высоты, от которых я еще весьма далек. Каждый вечер после 10 часов я мысленно беседую с тобой или вспоминаю наше общее, либо же мечтаю и стараюсь предвидеть; в последнем сказывается, очевидно, черта характера. Что касается здоровья, то для правильной оценки нужно было бы очутиться в прежних условиях и сравнить; а без этого могу сказать следующее. Еще с Москвы хожу без палки¹. Могу пройти час, но после этого отдохнуть. Впрочем, в легкой обуви или босиком, как любил я гулять в деревне во дни оны, — мог бы пройти и больше. Против головных болей превосходно действует короткий курс вливаний — примерно 1 раз в год. Возросли зябкость и худоба, но состояние сердца лучше, радикулит досаждал редко. Много намучился с зубными болями, мало-помалу потерял почти все зубы и теперь блаженствую с протезами. К сожалению, уцелевшие 5 зубов, очевидно, собираются в последнее время устроить мне новый «концерт», страдаю, как всегда, бессонницами, но они внутренне плодотворны. Ослабела память,

но наряду с этим — извини, пожалуйста, за такую самонадеянность — я несомненно поумнел. Много занимаюсь. Очевидно, в любом положении человеку следует отдавать силы наилучшему, что в данных условиях для него доступно. Сферу моего наилучшего ты представляешь²: по-видимому, «практическая этика» моя всегда будет плестись в хвосте, тащиться на помочах внутренних состояний. Если сравнить плоды занятий с прежними — те покажутся наивными, мелкими, даже совсем детскими. Если у тебя сохранилась возможность прежнего горячего отношения к этому — я тебя порадовал бы. Ты уже давно выражала пожелание, чтобы я уделял больше внимания смежной, полузаброшенной мною области; но, конечно, тебе ни при каких обстоятельствах не могло прийти на мысль, что на этом пути возможно то, что, как теперь оказывается, на нем действительно возможно при некоторых условиях. Прочитал много хорошего и интересного, кругозор несколько расширился. Однако проклятая память мешает серьезному усвоению научных дисциплин и языков. Через полгода или год попробую наверстать упущенное в этом отношении; но должен признаться, что состояние памяти иногда просто обескураживает. Я великолепно помню тысячи мелочей прошлого (до <19>47 г.), но если я читаю научную книгу, то через несколько дней оказывается, что можно читать все сызнова. С художественной литературой дело обстоит несколько лучше, если не считать окончательной утраты памяти на фабулу. — Почти каждый день отдыхаю за шахматами или просто за болтовней; как это ни странно, понемногу научаюсь вновь шутить, говорить глупости и иногда даже смеяться. Вообще стараюсь не терять бодрости; чувствую еще огромный запас внутренних сил и энергии; острота, глубина и даже — как это ни парадоксально — свежесть восприятия возросли. И убеждаюсь, что выносливость, устойчивость натуры — при условии, если надежда не утрачена окончательно — гораздо больше, чем можно было бы ожидать.

Очень большое значение для меня имела и имеет материальная поддержка со стороны мамы³; вряд ли она сама представляет, скольким я ей обязан.

Листик мой, не задаю тебе никаких конкретных вопросов: ты сама знаешь, что каждое слово, написанное тобой, запомнится и будет мне сопутствовать днем и ночью. Нет такой мелочи, касающейся твоего здоровья, обстоятельств жизни, не говоря уж о твоём душевном состоянии, которая не была бы для меня бесконечно интересна, драгоценна. Если получу от тебя ответ, следующее письмо смогу отправить, вероятно, в феврале или марте 1954 г.⁴, и надеюсь, что оно не будет таким бестолковым, как это первое: учти влияние многолетнего перерыва. Мой почтовый адрес: г. Владимир (областной), п/я 21, Андрееву Даниилу Леонидовичу. Господь с тобой, обнимаю и целую тебя несчетное число раз и молюсь за тебя постоянно. Главное, самое главное — старайся не падать духом. Чувствую, что не сумел выразить самого главного, но оно вообще невозможно в словах!

Твой Даниил

[Приписка сбоку на первой странице] Сегодня годовщина нашей с тобой встречи во время моего приезда в командировку в <19>44 году⁵.

[Приписка сбоку на третьей странице] То, что любовь вечна — совсем не «слова».

2. Д.Л. Андрееву (А.П. и Ю.Г. Бружес)

12 июля 1953

Любимые мои, мои хорошие!

<...>¹ Даник, мой любимый! Я столько лет ждала твоего письма, и дождалась, и увидела тебя именно таким, каким все время молилась, чтобы ты был. Будь спокоен, я прошла трудный и сложный путь и сейчас я тоже такая, какой ты меня хочешь видеть, мечтая обо мне, я это знаю. Я не хочу сейчас вспоминать плохое, что я сделала на своем пути, — я за него платила, плачу и буду платить, и тебя прошу: не мучай себя воспоминанием о твоём, никогда не существовавшем, невнимании ко мне — для меня наша с тобой прошедшая жизнь не имеет ни одного темного пятна. Как бы я хотела Дюканушке и маме передать нашу с тобой глубокую веру и душевные силы! Солнышки мои, любимые, ненаглядные, я всегда с вами и я гораздо лучше, чем была прежде! Жизнь моя, хоть мамочка и не верит, все-таки спокойна. Работаю, читаю, вышиваю (декоративных птиц на сером холсте), немножко играю на рояле, аккомпанирую, оформляю. «Театральные» дела немножко застопорились, потому что больше нет режиссера, но художественное чтение не брошу, тем более что оно для меня труднее, чем любая роль, значит, надо это одолеть. У нас много очень красивых цветов, и я немножечко вожусь с ними — это тоже радость. Ненаглядные, можно жить в Москве, нарядной и веселой, и меньше чувствовать глубину и смысл жизни, чем иногда здесь. Даня это знает, потому что идет той же дорогой, а вы уж поверьте на слово. Что касается здоровья — оно совсем неплохо. <...>

Ваш Листик

1954

3. Д.Л. Андрееву

19 АПРЕЛЯ 1954

Любимый мой!

Вот и я наконец могу писать тебе, сама этому не веря. Вероятно, самое главное, что нужно сказать, это то, что я совсем не ощущаю эти годы как годы разлуки с тобой. Мне кажется, что ты все знаешь, что все пережитое — пережито вместе.

Я стала гораздо сильнее, чем можно было когда-нибудь предположить. Много за ушедшие годы я хотела бы переменить в отношении своего поведения, но абсолютно ничего из объективно пережитого не согласилась бы вычеркнуть. И, в результате, вместо прежней грусти и тревожности отличительными моими чертами стали веселость, душевная сила и терпение. Внешне я, конечно, изменилась и постарела, но даже и это не переживаю

с тем отчаянием, с каким когда-то собиралась. Я знаю, что для тебя ничего не изменится от количества морщинок у меня под глазами, а ты даже снишься мне не такой, как прежде, а каким должен быть сейчас, мой милый. Несколько лет я больше всего боялась, что ты не перенесешь разлуки с Леонидом Федоровичем¹ — я ее еле перенесла. Но, несмотря на все страхи, я в душе вынашивала другой твой образ, и этот другой образ совпал с тем Даниилом, какого я почувствовала в твоём письме. Я одно письмо получила пока, и получают такие — раз в жизни. Постарайся же и за моими строчками прочесть чувство, большее, чем все слова. Я немножко застыла и ждалась внешне и не знаю, как передать тебе хоть частицу такого тепла, каким греет меня твое письмо всегда.

Мои воспоминания о нашей прежней жизни — безоблачны, и я всегда чувствую тебя как свою защиту, покой и опору. Боюсь только, что мы были виноваты тем, что слишком сильно друг друга любили, слишком эгоистично. Мне кажется, что сейчас я люблю тебя умнее, лучше и еще сильнее. Ты спрашиваешь — в чем я черпаю душевные силы? Кроме глубокой веры — что еще помогает? Я неожиданно нашла новое применение своим силам — сцена. Начала я играть случайно, а теперь уже имею некоторый опыт. Иногда страстно мечтаю о больших ролях трагедийного плана, но если этого не будет — пусть, я не боюсь ничего. Очень, очень хочу научиться читать стихи (это труднее, чем роль). — Это ответ тебе на твой полувопрос о том, сохранила ли я прежнее горячее отношение к поэзии. У меня были и есть друзья — по моим рассказам они и твои друзья — но, по-настоящему, для меня на свете есть ты — единственный человек, с которым нет и не может быть ни непонимания, ни вообще границ между твоей душой и моей — и мои старики. Они совсем теперь старики, Даник, особенно мама. Я все время получаю от нее сумбурные и совершенно отчаянные письма, единственное, что ее немного поддерживает, — мои письма, и то на ничтожный срок. Я знаю все, что ты чувствуешь по отношению к ним. Я также очень мучительно чувствую свою вину перед ними. Только я не хочу, чтобы это сознание вины играло роль в каких-нибудь твоих решениях. Не думай ни о ком, только о своем пути. И вообще не преувеличивай ты своей вины, родной мой, все мы были взрослыми людьми и глупо сейчас пересчитывать и перевешивать прошлое, пора его оставить. Вряд ли ты знаешь что-нибудь о родных. Шура², Саша³, Галина⁴ — живы. Александр Викторович⁵, по-моему, тоже. Чудесное воспоминание у меня осталось о встрече с Аленушкой⁶, она обаятельна и глубока. Дитя мое, любимый мой, я всегда молюсь о тебе, о том, чтобы Господь сохранил тебя от всякого зла. Я очень терпелива, Даник, и только немножко застыла сверху (это, пожалуй, неплохо), если суждено нам снова быть вместе — у меня хватит сил на любую форму жизни — помни это. Если можешь — ответь. Если можешь — постарайся поддержать и согреть маму и Дюканушку.

Спокойной ночи, Зайка, завтра — день твоих именин⁷, родное мое солнышко, целую тебя, мой родной, маленький.

Твоя Алла

4. А.А. Андреевой

[конец июня — начало июля 1954]

<...> Никогда не могло быть даже тени сомнения в твердости, мужестве и в том духовном богатстве, которое от испытаний лишь возрастает. Нечего говорить о той боли, с которой переживал все, на тебя обрушившееся, — ты сама это знаешь, а в словах все равно не выразишь. Но незыблемая вера в тебя была и моей точкой опоры. А вот что до сих пор не дает мне покоя, так это мысль о запасе твоих чисто физических сил, о твоём здоровье. Об этой стороне жизни ты почти совсем не пишешь, и, надо сказать, это мало способствует успокоению. Прошу тебя, мой зелененький ракиновый листик, не избегай в будущем этой темы, не старайся загнать ее в две-три общих фразы, а описывай состояние своего здоровья обстоятельнее.

Вероятно, тебе трудно представить, сколько чувств, мыслей, предположений вызвали у меня сообщения о твоей сценической работе. Во всяком случае, у меня нет колебаний относительно того, что упреки в рассудочности совершенно вздорны. Ты слышала их, надо полагать, от людей, стоящих ниже тебя в интеллектуальном отношении. Такие нередко принимают за рассудочность законное, обязательное для серьезного художника стремление — ввести в сферу осознанного наибольшее количество художеств <енного> материала и средств его выражения. К сожалению, мне вряд ли удастся достать «Два веронца»¹, чтобы перечитать и вспомнить эту вещь. Но и без этого мне хотелось бы поделиться с тобой кое-какими соображениями о твоей работе. Однако сейчас это невозможно.

А в моей жизни появилось нечто новое: 15 мая у меня был праздник, — я получил от мамы великолепный, на 33 тысячи слов, хинди-русский словарь². Я прыгал от восторга, как безумный, бросил все другие занятия и полтора месяца не поднимаю головы от этого кладезя премудрости. Ты понимаешь, что занятия никаким другим языком не могут доставить столько наслаждения, да и не могут идти такими темпами. За это время я, во-первых, освоился с транскрипцией, — а она, мягко выражаясь, достаточно причудлива. Буквы зачастую скачут друг через дружку, произносятся не в том месте, где написаны, вдруг теряют то ножку, то хвостик, а оставшуюся от них закорючку переплетают с другими буквами, тоже внезапно сократившимися. Такая комбинация из частей нескольких букв называется лигатурой, и лигатур этих в языке — больше сотни. Но во всем этом есть своя прелесть, шрифт удивительно орнаментален, и рисовать эти буквочки — одно удовольствие. Во-вторых, я выписал свыше 2 тыс <яч> слов, кот <орые> надо выучить в первую очередь, и зубрю их. В-третьих, начал знакомиться с кратким грамматическим очерком, приложенным к словарю. Впрочем, в силу своей краткости он больше возбуждает вопросов, чем дает ответов. Пока что самое туманное — это фонетика, особенно система ударений. Боюсь, что услышав мое произношение, любой индус дохотался бы до колик. Но так или иначе, но за этот год, если не будет перемен, я овладею неск <олькими> тысячами слов и освоюсь с правописанием, а это уже фундамент или, лучше сказать, плацдарм для капитального нападения на хинди: ведь художеств <енная>

литература, в особенности поэзия, на этом языке воистину необозрима, и я надеюсь, что на худой конец смогу приобретенные знания приложить со временем к работе над поэтическими переводами. <...>

5. Д.Л. Андрееву

22 АВГУСТА 1954

Солнышко мое родное!

Наконец-то я получила возможность написать тебе¹, мой хороший.

О моей жизни ты уже знаешь, сейчас мне очень важно поговорить о другом. Наша встреча из области мечты и веры передвинулась в область реального будущего. Результата пересмотра еще нет, очень скорой встречи я стараюсь не ждать, но думаю, что через год-два мы можем быть вместе. Очевидно, в Москве или другом таком же городе жить мы не сможем. Надо заранее сообразить, где у нас больше возможности работать, и уж конечно выбирать один и тот же город, чтобы не было лишней возни потом. Мне не надо говорить тебе о том, что у нас есть долг — мои старики. Не думаю, чтобы нам удалось жить вместе с ними (это единственное, что они хотят), но, во всяком случае, я хотела бы, чтобы все, что мы сделаем, было им по душе, правда, мой хороший?

Они должны были приехать ко мне, но не приехали². Надеюсь, что виной просто жаркая погода и железнодорожные трудности. Мне очень нужно было поговорить с папой о деле³, но для мамы это путешествие слишком тяжела нагрузка, и физическая и нервная. Пожалуй, лучше, что не приехали.

Второй сложный вопрос — твои родные. Мне-то легко перечеркивать прошлые связи, потому что во всем прошлом мне дорог только ты, но вряд ли это так же просто для тебя. Я очень боюсь твоего чувства вины по отношению ко всем «нашим». Я уже писала тебе, родной мой, что детей и слабоумных среди нас не было. Все, что произошло, совершенно логично и иначе не могло быть. Какой смысл обижаться на историю и искать виноватого в катастрофе, которой не могло не быть. Твоего же чувства виноватости перед «друзьями» я боюсь потому, что оно может помешать тебе здраво и спокойно обдумать будущую, может быть даже наступающую, жизнь. Прости мне, Зайнышка, что я так пишу тебе, но ты ведь понимаешь, как это все важно.

Я плохо представляю себе твою будущую работу. Изучению индусского языка я страшно рада, но думаю, что до какой-то реализации его еще далеко. Свою работу представляю несколько лучше. Больше всего мне хочется работать в театре. Я чувствую, что много могу там сделать, при наличии, конечно, каких-то нормальных условий, главным образом в смысле нервной обстановки.

Серьезно о моем здоровье ты не тревожься, никаких органических заболеваний у меня нет, есть все тот же старый, скверный вегетативный невроз, который временами обостряется. Несмотря на это, я чувствую, что при благоприятных условиях мои творческие возможности больше и глубже, чем прежде. Я не могу проверить, сохранилась ли моя квалификация художника-живописца, но почему-то мне кажется, что пострадало только умение писать портреты, потому что для этого нужно много упражняться.

Ну вот, а теперь о жизни. Продолжаю учиться читать стихи, но совсем не понимаю, каким образом надо читать Блока. Мне легче читать, когда стихотворение построено как монолог, а как надо читать стихи, написанные по принципу музыкальности, я не могу понять. Побаиваюсь взяться за Пушкина, хотя играла Марину и читала монолог Татьяны. Очень не хватает режиссера, причем не женщины, ни в коем случае. Ты знаешь, что я никогда не любила их и не дружила с ними, а теперь уже смотреть на них не могу. Самая хорошая женщина годится только как довесок к умному мужчине (исключения очень редки).

Мой хаотический огородик⁴ не рассердился на меня за отсутствие заботы о нем и старается вовсю: кабачки выросли, как поросята, помидоры начинают краснеть, огурцы нам надоели, капусту съели червяки, и вместо части огурцов выросло несколько дынь — маленьких и не очень вкусных, но все же дынь.

Еще у меня есть забота — лесной голубенок, случайно попавший к нам. Он стал совсем ручным, глуп, как пробка, но очень мил. Он никого не боится, и больше мы его не пускаем гулять, после того как мне пришлось ползать за ним на животе по крыше, чтобы его не съели кошки.

Солнышко мое, напиши мне прямо сюда, если сможешь, но извести об этом маму, чтобы я знала, что нужно ждать письма. До свиданья, Заинька, Ласточка, храни тебя Бог, мой любимый.

Твой Листик

б. А.А. Андреевой

1 октября 1954

Моя *прия* (что значит по-индусски любимая), *рiи* (милая), *лялли* (девочка, дочурка)!

В этом письме надо затронуть столько тем, что прямо уже и не знаю, как вмещу все это в его рамки.

Сперва о здоровье. Как просил я тебя, родная, писать мне о твоём состоянии одну чистую правду, ничего не скрывая и не приукрашивая! Или, может быть, ты в самом деле не отдаешь себе отчета в серьезности твоего состояния? Из письма мамы я мог заключить только, что, помимо ужасающего похудания на почве малокровия (очень сомневаюсь, чтобы только малокровия), — тебя мучит периодически непонятная боль в пищеводе, рвоты и невозможность в такой период принимать пищу; а для диагноза необходим ряд анализов, которые нельзя сделать там, где ты находишься. Последнее обстоятельство меня поражает: даже там, где нахожусь я, в подобных случаях делаются все необходимые анализы, просвечивания и т.п., и проявляется очень внимательное отношение. Может быть, просто нужно больше энергии и настойчивости с твоей стороны? К сожалению, мама ни слова не пишет о том, на чем же вы порешили касательно путей к установлению диагноза. А уж, кажется, ясно, что это сейчас — самое главное, абсолютно неотложное. Хороши мы будем, если выйдем в жизнь неработоспособными инвалидами — или такими, у которых все держится на отчаянном нервном напряжении — до пер-

вого срыва. Вообще, последние известия о тебе — настоящий удар. Надеждами на цветущее состояние твоего здоровья я себя, конечно, не тешил, но то, что теперь выясняется, настолько меняет картину, которая создалась у меня по твоим прежним письмам, что я никак не могу ввести тревогу в должные границы. Еще я боюсь — прости за прямоту — несерьезности твоего отношения к собственному здоровью, стремления отмахнуться от неприятных забот о нем. Ради Бога, сделай все возможное и невозможное, чтобы выяснить корни своего заболевания. Ведь не можешь же ты не понимать, родное дитя, что, активно заботясь о самой себе, ты этим самым проявляешь заботу и обо мне, и о наших стариках. И не думай, что свет клином сошелся на вегетативном неврозе и будто бы никаких других недугов к тебе не может прицепиться.

Я считаю, что мы оба должны знать с максимальной объективностью, без прикрас, физическое состояние, нервные и физические возможности друг друга, чтобы правильнее представлять наше реальное будущее. Постараюсь дать тебе образчик того, какого рода описание твоего здоровья мне хотелось бы от тебя получить.

Итак... Опускаю мелочи, как то: головные боли, приключения с зубами и протезами, временами излишнюю резвость сердца, какие-то фокусы со зрением и такую, новую для меня, прелесть, как геморрой (не огорчайся и не смущайся, дорогая: от этого не уберется даже Александр Македонский). — Более или менее серьезных недомоганий у меня 3: радикулит, гастрит и маниакально-депрессивный психоз. В прошлом году радикулит вздумал выкидывать новые номера, возникали беспричинные острые боли то в икре, то в паху и т.д. Кварц, соллюкс и еще кое-что загнали этого распоясавшегося хулигана обратно в его нору — в поясницу. С июля я чувствую себя в этом отношении даже лучше, чем в 46-м году: могу пройти без всякой усталости 10–12 км (конечно, только босиком), а после небольшого отдыха — еще столько же. Прогулки вроде нашей большой в Филипповском¹ теперь были бы мне опять по силам. Говорят, икры у меня стали, как у футболиста. Благодаря замечательным посылкам я прибавил в весе и сейчас, несомненно, тяжелее, чем 8 лет назад. Между прочим, все это наталкивает меня на мысль, что в случае нашей жизни где-нибудь в районном центре хорошо было бы поступить на первых порах на должность почтальона.

Второе: гастрит. Этот сувенир судьба неожиданно преподнесла мне этим летом. Меня энергично лечат, но удастся ли добиться полной ликвидации этого заболевания — сейчас гадать еще рано. Во всяком случае, если оно не будет прогрессировать, потеря работоспособности будет ограничиваться периодами обострений, длящихся днями, а иногда только часами.

И наконец, твой старый знакомый — ман<и>акально>-депр<ессивный> психоз. У меня была депрессия в <19>50-м году, но в легкой форме; все обошлось без каких-либо специальных мер. В этом году вышло хуже. Сейчас я помещен в условия, которые, в смысле борьбы с депрессией и с учетом реальных возможностей, можно назвать идеальными. Кроме того, с нервно-психи<ческой> угнетенностью я борюсь испытанным способом, помогавшим мне во всех аналогичных случаях: физической системой, основанной на хождении босиком. Ты знаешь мое исконное, с раннего детства, инстинктив-

ное отвращение к обуви и кое-какие навыки, которые я получил еще мальчишкой. И взрослым уже я ведь недаром столько тысяч, если не десятков тысяч километров отстукал босыми пятками по Брянским лесам, Крыму, Украине и другим чудесным местам. Я ощущаю совершенно отчетливо, что поверхность земли отдает какое-то излучение, кот<орое> проникает через открытые подошвы в организм, оказывая на него, в особенности на нервную систему, благотворнейшее действие. Не знаю, какая работа ведется сейчас специалистами по изучению природы, этого излучения и его использования в целях медицины. Но сам-то я опытным путем знаю его действительную силу как нельзя лучше. Между прочим, для меня несомненно, что, как ни странно, хождение босиком по холодной земле действует особенно интенсивно — конечно, если человек уже достаточно закален. Однако теперь я испытываю благотворное действие этого излучения гораздо сильнее, чем раньше. В помещении я уже давно обхожусь без обуви круглый год, радуясь бодрящей прохладе цементного пола (вместе с обувью расстался я и с гриппами, навещавшими меня раньше по 3–4 раза за зиму), а теперь хожу [...] * только босиком и чувствую каждый раз такой прилив бодрости, энергии, жизнерадостности, что прямо-таки становлюсь другим человеком. После [...] могу заниматься хинди с удвоенным рвением по 4–5 часов кряду. И твердо решено, что на воле я буду подвергаться мучениям обутости лишь в меру крайней необходимости, сколько бы недоумения и насмешек ни вызвало это на первых порах. Но сколько еще месяцев должно протечь до полного восстановления нормы и не осложнит ли когда-нибудь это идиотское расстройство нашу жизнь в будущем — этого, конечно, я сказать не могу. Надеюсь, что ведь на худой конец существует же система оказания помощи при врем<енной> инвалидности, хотя бы и с таким осложняющим прошлым, как мое.

Ну, а теперь о самом сложном. Ненаглядная моя девочка, само собой разумеется, мы постараемся сделать все так, чтобы это вышло по душе нашим старичкам. Но только я совсем не понимаю, к чему мне порывать прошлые связи. Разорваны они могут быть, но уж конечно не с моей стороны. (Кстати, отчего ты написала слова «друзья» и «наши» в кавычках?) Мои отношения к прежним друзьям остались прежними, да и с чего бы они могли перемениться? Никто ни в чем передо мной не виноват. Другое дело, что я сам себе не прощу некоторых вещей никогда, как и всякий человек на моем месте хоть с миллиграммом совести. Все это думано и передумано 1000 раз. И хотя многие частности мне тут неясны и кое-что может проявиться лишь при личных встречах, но самый факт моей виновности перед некоторыми из них ясен как день. И если в будущем удастся встретиться с ними, и если они при этом, грубо говоря, не пошлют меня к черту — величайшее счастье заключалось бы в возможности им чем-ниб<удь> помочь или облегчить. Меня терзает мысль, что именно мои возможности в этом смысле будут ничтожны, а временами их и вовсе не будет. Но не представляю, чем эти чувства или намерения могли бы помешать мне трезво и спокойно обдумывать будущую

* Здесь и далее отточием в квадратных скобках обозначаются слова, вымаранные цензурой. — Ред.

жизнь. Насчет города я тебе уже ответил²; но, конечно, Коломна — только один из вариантов, и я жду твоих «встречных». Мне бы хотелось жить недалеко от Саши. Вот уж перед кем я виноват так, что и в 10 существованиях не искупишь. По пословице: простота хуже воровства. Да и перед Шурой и А.В.³ тоже хорош получился. Не представляю, каково теперь их отношение ко мне (если они живы) и захотят ли они от меня помощи хоть с горчичное зерно. Впрочем, я считаю, что нам с тобой обдумывать наше будущее устройство не мешает, но мы почти наверняка попадем пальцем в небо. М<ожет> б<ыть>, тут сказывается моя пресловутая депрессия, когда все видишь в мрачных тонах, но я никак не могу привести себя в состояние восторга от того, чем кончается сказка о Золотой рыбке. К тому же старуха успела вон кем побывать, даже «римским папой», а мы? Я чувствую по твоему письму, что ты измучена до предела. Представляю, что было пережито во время встречи со стариками⁴. (Мысленно все время был с вами.) И конечно, если мы выйдем, прежде всего надо будет думать не о твоей работе, а о восстановлении твоих сил. Вот меня и мучает больше всего — как это сделать и что я должен буду предпринять. Что можно решить или даже хоть вообразить заранее? Слишком оторвались от действительности и слишком будут сужены наши собственные возможности. Боюсь, например, что в первый период не мы будем помогать старикам, а наоборот. И сколько я ни беснуюсь при такой мысли, простой здравый смысл подсказывает ее правоту. Когда оперимся — другое дело, но как и сколько времени будем оперяться? А ведь есть же у меня гордость, Алла, и, представляя себя в виде 50-летнего птенчика, которому сердобольные родичи суют в клюв поминутно по червяку, — откуда тут возьмешь энтузиазм, скажи пожалуйста?

Мне кажется, что изучение хинди — лучшее, что сейчас я могу делать. Ты же видишь из газет, какими темпами и как широко протекает культурное сближение с Индией (я готов лезть на стену, что не вижу индийских фильмов!). С хинди переводятся сотни художеств<енных> произведений, в том числе и поэзия. И разве изучение этого языка не может, помимо всего прочего, принести конкретную практи<ческую> пользу? Но беда в том, что если даже я к моменту нашей встречи изучу язык настолько, чтобы потом осталось только углублять и шлифовать эти знания (что весьма сомнительно!) — то все же непонятно, как я смогу приложить эти знания в каком-нибудь райцентре, где нет даже издательств. Так или иначе, стараюсь эти занятия форсировать как могу. Пока выучил около 2 тысяч слов (боюсь, что еще не очень прочно) и теперь занимаюсь чтением и особенно письмом. Так как у меня есть только словарь, то я делаю это так: закрыв индийские начертания слов и оставив открытыми их начертания русскими буквами, я соображаю, как данное слово должно писаться по-хинди — и пишу. Учти при этом, что почти никаких правил я почерпнуть не могу ниоткуда, кроме как из собственных наблюдений и обобщений, а орфография, откровенно говоря, чудовищно странная: буквы скачут друг через дружку, неизвестно почему пропускаются, или пишутся не там, или оставляют от себя одну какую-ниб<удь> ножку, а уж лигатуры... Впечатлительным натурам вникать в эту премудрость не рекомендуется. И — представь! Я уже из 10 слов ошибаюсь только в 1, а то и ре-

же. (Две недели назад на каждый десяток слов я делал 3–4 ошибки!) Подобным же способом учусь и чтению. Если со временем пришьют хрестоматию и грамматику, пойдет еще лучше.

А мне не ясно, почему ты такую решительную установку в своих занятиях делаешь именно на чтении стихов. Если можешь, ответь. Вообще, в моем письме заключено немало вопросов, хотя не все они помечены вопросительными знаками, и, собираясь писать мне, перечитай его, пожалуйста, и ответь на все, на что можешь. Следующее письмо напишу I/XII или I/I. Да хранят тебя добрые силы от всякого зла, духовного и телесного, от болезней, упадка сил, уныния, от тяжелых отношений с людьми, от разочарования в надеждах — от всего, всего дурного. Господь с тобою, любимый жар-птичий птенчик, спокойной ночи.

Даниил

7. Д.Л. Андрееву

16 октября 1954

Хороший мой, получила твоё большое письмо и частично отвечаю. Прежде всего, не впадай в такое отчаяние из-за моего здоровья. Мумик¹, как ей свойственно, все преувеличивает, ничего со мной страшного, от малокровия уже лечусь прекрасными медикаментами, присланными Дю, и лучше себя чувствую, а что почти все, что со мной делается плохого, упирается в нервы, доказывается тем, что после свидания с моими, которое было не трагическим, как ты думаешь, а чудесным, мне гораздо лучше. Уверю тебя, что отношусь к своему здоровью серьезно, но писать о нем больше не буду — жаль места в письме. Что касается твоего здоровья — я его себе всегда представляю в самых мрачных тонах, и если у тебя там, где ты находишься, депрессивное состояние только второй раз, — это уже подарок. Но вылезать из него надо.

Что и куда ты писал о деле? Подумай, что в этом направлении можно сделать еще? Изменение условий — единственное радикальное лечение.

Теперь, солнышко, немножко о «друзьях». Много будем говорить, когда встретимся, тогда и все кавычки объясню, а пока повторяю, что меня очень тревожит твоя «*гипертрофия совести*». Как ты не хочешь понять, что никакого другого конца у нас не могло быть и что ты столько же виноват перед людьми, сколько они перед тобой. По-видимому, я больше твоего знаю обо всем, что с нами произошло. А *голову* это все тебе *затуманивает размышлениями о твоей вине и будущих встречах вместо размышлений о нашей будущей жизни*. Вот ты и называешь Коломну как вариант будущего дома — потому что это будет близко от Саши, перед которым ты виноват (я, кстати, гораздо больше и не растрываю себя этим: когда судьба предъявит счет, тогда и заплачу). Надо думать не о том, *около кого жить*, а как жить, чтобы возможно скорее вернуться в «большую жизнь». Пусть началом будет хоть и Коломна (если сможем выбирать), но только в качестве точки, с которой отправимся в плавание. Надо нашу жизнь рассматривать не как финал сказки о рыбаке и рыбке, а как *кораблекрушение*, из которого надо выбраться и жить — лучше, чем жили. Я, по своему солдатскому характеру, рвусь на ос-

военные *целинных земель*, поскольку на строительство гидроэлектростанций нас вряд ли пустят (?!). Вот тебе, Заинька, мой «встречный план», о котором прошу подумать. Кстати, не рисуй судьбы в таких уже трагических тонах: Коваленские живы, недавно виделись, он работает бухгалтером. Галина Юр<ьевна>² работает по специальности, Саша, кажется, тоже, а Сережа³ сейчас или гуляет по Москве, или уехал к Наташе⁴ в Кишинев. Уверю тебя, что все они устроятся в жизни скорее тебя. Я твердо убедилась, что в жизни нужны (мне) не друзья, а хорошие товарищи и удобные попутчики. А то, что Сережа называл «человеческими отношениями» и так высоко ставил, — мне больше не нужно. По старой поговорке — спаси меня, *Господи, от друзей, а от врагов* я сам спасусь. Не пугайся этого, мой хороший, и поверь, что я имею основания так считать. Не переживай так мучительно, что мои помогают нам и будут помогать. Иначе быть не может сейчас, прими все как есть, не терзай себя еще и этим, они-то ведь правда чудесные. Изучай свой хинди — слава Богу, что он у тебя есть, я бесконечно этому радуюсь и считаю, что это умно и правильно. А я учусь читать стихи; во-первых, потому что люблю поэзию, во-вторых, потому что мне чтение не давалось, а этого я перенести не могу, и, в-третьих, потому что работа художника от меня не уйдет, для театральной студии мне много лет, в провинциальный театр не знаю, смогу ли устроиться, а теще может выступать в любом клубе. Дорогой мой, милый, солнышко мое, возьми себя в лапки, мой Зай, храни тебя Господь, мальчик, я тебя очень люблю.

Твой Листик

8. А.А. Андреевой

[Без даты]

Светленький мой лучик, я скоро отправляю тебе большое письмо — ответ на два твоих. А сейчас только несколько слов. 10.XI я написал второе заявление — на этот раз на имя Предс<едателя> Сов<ета> Мин<истров>. Изложил все значительно подробнее и, т<ак> сказать, многословнее, чем в 1-й раз, больше всего заботясь притом о точности и об абсолютной правдивости. И остался доволен.

Теперь буду ждать решения совершенно спокойно, зная, что инстанция, от которой все зависит, имеет о нашем деле и обо мне самом правильное представление.

О здоровье моем ты волнуешься совершенно напрасно. Некоторое неважное состояние, продолжавшееся с мая до октября, окончательно прекратилось, голова еще вялая и пустая, но я стал несравнимо спокойнее. Работоспособность еще не достигла нормы, но повысилась. Так что для беспокойства нет никаких оснований.

Меня страшно интересует твоя сцениче<ская> работа. Пиши о ней побольше и подробнее. Одного не понимаю: почему тебе приходится исполнять мужск<ие> роли?! Неужели там нет мужчин? Должен сказать, что я тебя могу вообразить в самых разных ролях, но на мужчину у меня не хватает фантазии. Что ты так упорно занимаешься худ<ожественным> чтением —

по-моему, очень хорошо и правильно: думаю также, что наряду со стихами тебе не следует пренебрегать и прозой. Что именно в прозе у тебя приготовлено? (Я разумею не драматическую прозу, а повествовательную.) Я еще не могу сказать точно, когда отправлю тебе большое письмо — м<ожет> б<ыть>, удастся на днях <...>, м<ожет> б<ыть>, придется подождать до Нов<ого> года, для меня крайне важно, чтобы ты его получила: в нем затронут ряд очень существенных вопросов. <...>

Совсем другое — твое здоровье: ты сама признаешься, что тебе нельзя переутомляться и тут же проговариваешься, что постоянно бываешь перегружена. Утешительно, нечего сказать.

А ведь есть же и для вас нормировка рабочего дня. Не сама ли ты взваливаешь на себя больше, чем позволяет здоровье? <...>

1955

9. Д.Л. Андрееву

6 января 1955

Солнышко мое родное!

Сегодня наш праздник, дорогой мой мальчик, и не было за эти годы ни одного 6 января¹ и никогда не будет, чтобы я не помнила этот вечер в 1945 году. Я всегда старалась хоть немного быть одной в этот вечер, но сегодня из этого почти ничего не вышло: одна из близких — именинница, а вторая неожиданно уезжает домой. Вместо тихого одиночества получился веселый вечер. Сейчас почти все ушли, осталась только одна девушка — пожалуй, сейчас для меня здесь самое милое существо (несмотря на все мои клятвы не иметь близких). Все — и ушедшие, и оставшаяся, — передают тебе привет и очень хотят когда-нибудь увидеть тебя. Я пишу — увидеть, а не познакомиться, потому что они все с тобой знакомы по моим рассказам, мой хороший. Тебе, вероятно, тоже знакома эта странная черта теперешней жизни — все прошедшее кажется бывшим при жизни и вспоминается, как «на том свете», когда вдруг рассказываешь совершенно неожиданные вещи неожиданным людям. Вот так и мы знаем с моими спутницами разные куски из жизни друг друга — и хорошее, и плохое, иногда даже просто смешное.

<...> Родной мой, я уже начинаю тревожиться от того, что долго от тебя ничего нет, по-моему, ты уже должен был бы написать. Напиши правду о своем здоровье, о душевном состоянии. У меня все хорошо, обо мне совсем не волнуйся. Одно время я очень напряженно ждала ответа по нашему делу, но сейчас это все мне так надоело, что я, написав еще одно очень короткое заявление в Прокуратуру, выбросила все из головы. Не хочу даже вспоминать об этой волынке в такой вечер.

Мальчик мой милый, помни, что ты — самое светлое и чудесное, что было и есть в моей жизни, и я бесконечно благодарна судьбе за тебя, да и вообще за все. Ты меня и постаревшую, и некрасивую не разлюбишь, здоровье — дело наживное (начинают делать опыты с пересадкой сердца, мы

очень весело мечтаем о том, что лет через 10 можно будет поменять свое на лошадиное), а опыт и впечатления этих лет — стоят, может быть, даже той цены, которая за них заплачена.

Солнышко мое, как бы я хотела увидеть, как ты провел этот вечер! Бедный мой маленький зайныка, у тебя так мало возможностей, родной зверуша! У меня сейчас очень тихо, я пишу за столом, а мой маленький рыженький приятель² лежит сзади меня и читает Бальзака. 22.30, последние известия по радио — надо ложиться спать.

Спокойной ночи, моя темноголовенькая птичка, хоть бы догадался сниться почаще!

Твоя Алла

10. А.А. Андреевой

14 января 1955

Роденький мой цветик, весенняя проталинка, мой ласковый летний ветерок! Снежок, тихо опускающийся на белую рождественскую землю! Случайные обстоятельства, по существу не имеющие значения, задержали мое письмо: не только с Нов<ым> годом, но даже с Сочельником поздравить тебя могу только теперь. 29/XII получил твое праздничное письмо, так что тепло твоей любви согрело все праздники, как ты и хотела. Дай Бог, чтобы в этом году осуществилось главное, основное из наших желаний. Второстепенное приложится. Сейчас я хочу поговорить только об очень важных для нас обоих вещах. Все внешнее из этого письма изгоняется.

Дитя мое, разница наших индивидуальностей и характеров сделалась в какой-то мере ярче от того, что жизненный путь каждого из нас за истекшие почти 8 лет был свой, непохожий. Жизненные впечатления оказались значительно более контрастными, чем можно было ожидать. Учти это и не огорчайся, если некоторые из моих взглядов, устремлений, требований к жизни не совпадают с твоими. Они куплены, любимая моя, столь же дорогой ценой и потому имеют столько же прав на признание с твоей стороны, как твои — с моей. А совпасть они могли бы только у одинаковых людей с одинаковым опытом. Я понимаю очень ясно, что сперва Сережа¹, потом я невольно и бессознательно тянули тебя на путь, тебе органически не свойственный, противоположный самым глубинным свойствам твоей души. Только твоя любовь принуждала тебя к отказу от твоей индивидуальной дороги ради сотрудничества любимому человеку. В последние годы этот стимул не мог иметь места, тебе приходилось сообразовываться только с внешними обстоятельствами. И — пойми меня правильно, и пусть это не покажется странным — внешние обстоят<ельст>ва, при всей их суровости, меньше искажали ту жизненную линию, кот<орая> тебе свойственна. (Ради Бога, прости кляксы — у меня гриппик², пишу лежа и предвижу, что к концу письмо будет иметь черт знает какой вид.) Я прекрасно помню твои очень давние слова (в 43-м еще году) о том, что у нас крылья достаточно сильны, чтобы их хватило на полет больший, чем любимая комната в Уланском³, заставленная книгами — в Левшинском и синяя комната Коваленских⁴. Твои мечты об электростанциях, о клубе,

о целине, о «большой жизни» — все это развитие того же импульса, который тебе приходилось подавлять всю жизнь. И Боже меня упаси от попыток опять загонять тебя в тесный житейский угол ради верности каким-то «ценностям и идеалам». Но и тебе следует понять нечто существенное. Мы не беседовали много лет. Письма — почти ничто, это клочки, лишённые связи, не дающие возможности [нрзб] картину. Естественно, что многое в моем состоянии и взглядах кажется тебе странным, и ты склонна заполнять пустые промежутки представлениями о том Данииле, с которым была близка 8 лет тому назад. Отсюда и ряд ошибок. Например: резкое преувеличение той роли, которую играют на самом деле в моих чувствах, планах и мечтах друзья прежних лет; неверная мысль о моей «полной растерянности перед жизнью»; априорно-отрицательное отношение к «незримым препятствиям, гнездящимся в моем сознании». В моих планах и чувствах определяющим фактором являются отнюдь не друзья, а нечто иное. То, что тебе кажется растерянностью перед жизнью, в действительности является законным беспокойством человека, не имеющего такой специальности, какая сейчас помогла бы ему жить. А незримое препятствие есть только одно, и называется оно моей личностью.

Бесценный друг мой, в словах я никогда не мог выразить то, что к тебе испытываю. И какое бы то ни было сомнение в том, что мы с тобой отыщем жизненные формы, соответствующие нам обоим — мне просто смешно. Но ты знаешь, что я принадлежу к породе людей, в глубине характера которых с колыбели до могилы живет нечто — высший для них определитель ценности жизненных явлений, указатель категорически-императивной жизненной цели и, как любили выражаться Адриан и пр.⁵ — «долженствование». Поэтому многие наблюдаемые факты вызывают с моей стороны иную реакцию, чем с твоей, не в силу случайных заблуждений, иллюзий, блажи, — а потому что я — я. Учти и то, что жизнь перевалила за половину... Ты, например, пишешь: если мы выйдем с твердой и суровой установкой *жить* — мы жить будем. Да, но для меня и в 20-летнем возрасте, и в 50-летнем, и, если суждено дожить, в 70-летнем вовсе не всякие формы жизни имеют безусловную ценность и смысл. А только те, кот<орые> дают возможность прямо или косвенно работать в пользу того, что я считаю своим долгом, делом, смыслом, оправданием. Что из того, что выйдя с суровой установкой, на какую ты указываешь, мы обеспечим себе физическое существование? И если, говоря о моем здоровье и предполагая, что улучшение может наступить только с переменой условий, ты подразумеваешь именно такую перемену — ты совершаешь большую ошибку. Подобная перемена принесет не улучшение, а, скорее, срыв. О, конечно я знаю, что повлекло бы полное выздоровление и даже такой размах жизни, от мечты о которой кружится голова, — но это пока неосуществимо, да и не от нас зависит. Если же наступит длительный период, когда все будет заслонено и придавлено борьбой за существование, я не смогу смотреть на это иначе, как на потерянные годы: потерянные, правда, ради того, чтобы довлечать до других, но абсолютно никакой автономной ценности для меня не имеющие. А для меня теперь на счету каждый год и даже месяц: не забудь, что я почти на 10 лет старше. К тому же для меня совершенно неприемлемо представление о такой форме существования, где мне при-

шлось бы лгать перед самим собой или перед другими. Этого одного достаточно, чтобы я предпочел остаться там, где нахожусь (если бы это от меня зависело) еще ряд лет. Здесь я могу не лгать ни единым словом, ни единым движением. Здесь я могу не презирать себя. Я могу, хотя бы отчасти, делать то, для чего вообще живу. В борьбе же за прозябание я утрачу все это, хотя и приобрету такую великую радость, как жизнь с тобой. Пойми меня! Не осуждай меня! Ведь многие же считали меня маниаком, одержимым, а ты не испугалась полюбить и переплести свою судьбу с моей. Золото мое, сердце полно таких чувств, а разум — таких мыслей, какие я мог бы передать тебе только сверхчувственным путем. Намеки о кое-чем из этого в прежних письмах и создали, к сожалению, представление о моей будто бы растерянности перед жизнью. Не растерянность, а определенный (скорее уж слишком определенный) угол зрения. Не знаю, дал ли я тебе о нем какое-нибудь понятие. Во всяком случае, «идеальный настоящий человек», каким рисует его Б. Полевой⁶, остается для меня чуждым, как житель Марса. Но жизнь не стоит на месте; я верю, что доживу до дней, когда не нужно будет ни лжи, ни борьбы за прозябание. Я хотел бы, чтобы наши судьбы воссоединились именно в такие дни. Я хотел бы выйти под широкое небо и идти, куда ведет меня мое сердце, моя вера и мой талант. Словом, «незримые препятствия», это — не пустая игра воображения и предрассудков, а мое нутро: такое, каким оно стало после всех страданий и радостей к 50 годам!

М<ожет> б<ыть>, ты все-таки скажешь, что это нежизненно и нереально. Но ведь говорить мне «будь более реальным, более жизненным» — это то же, что сказать: будь более белокурим. Реалистичность и жизненность — свойства врожденные, а не создаваемые на заказ в 50 лет. Я отнюдь не считаю себя таким уж нежизненным и нереальным, но, во всяком случае, степень этих свойств, которой я обладаю (и которая кажется тебе недостаточной), есть врожденная степень, и изменить ее так же невозможно, как сделать мои глаза голубыми или увеличить рост на 10 см.

Голубушка моя, за всеми твоими горькими словами о друзьях я чувствую такую бездну перенесенных мучений, что не удивляюсь твоему выводу: о том, что тебе сейчас нужны не друзья, а только хорошие товарищи и надежные попутчики. Но считать такой вывод жизненным итогом я не вижу оснований: это только этап, и впоследствии иначе будет все. О твоей жестокости — если взять эти слова голо, примитивно — конечно, вздор. Но: в тебе совсем нет женской сентиментальности, теплохладной мягкости ко всем без разбора. Если к данному человеку ты не испытываешь активной, настоящей, горячей участливости, ты не создаешь эрзацев этого чувства и можешь быть беспощадна (иногда даже, м<ожет> б<ыть>, несправедлива). Тот, кто оказался в таком положении по отношению к тебе, воспримет это как жестокость. Я-то знаю, в чем дело. Со временем, когда наша жизнь потечет по такому руслу, по какому должна течь, смягчится и это. Я лично встретил за эти годы и людей, с котор<ыми> роднила действительная внутр<енняя> близость, и таких, с которыми связывала просто горячая симпатия, уважение, общность некоторых интересов. Конечно, первых было мало (пожалуй, в сущности, один), а из остальных — каждый близок какой-нибудь стороной.

Но это письмо приходится целиком посвящать двум-трем вопросам, для нас обоих крайне важным, родненькая моя. Не теряя ни строчки, приступлю к дальнейшему, чтобы как-нибудь уместить. Это — о твоём встречном плане. Я понял, как естественно и органично вырос он на той почве, которую представляет твой теперешний образ жизни, окружение, впечатления. И должен признаться, что с этой точки зрения он имеет, собственно, только один дефект, хотя и очень существенный: а как же старики? Ты же сама говоришь, что надо будет устраиваться так, чтобы они находились от нас в пределах досягаемости (и это безусловно правильно). Наше местожительство где-нибудь в средней части России позволило бы им приезжать, проводить с нами даже целые месяцы, да и мы могли бы иногда ездить к ним. Периферия же, это — полный отрыв как раз от тех людей, от которых, я считаю, мы не имеем права уходить по собственной инициативе. Ты подумала, что я назвал Коломну, руководствуясь соображениями насчет Саши⁷. В действительности же это было только одним из целого десятка мотивов. Кроме близости Дюканушки и мамы, а не только Саши, в пользу этого города говорят также следующие факторы: для меня лично периферия крайне нежелательна потому, что я там лишусь единственной возможности к подъему: возможности литерат<урной> работы, художественной или научно-популярной, связанной с хинди или нет. Для этого мне нужна связь с культурным центром (не районного масштаба!!) — с большой публичной библиотекой-читальней, с издательствами и, желательнее, университетом. Конечно, и в степи можно быть почтальоном, и с этим придется, б<ыть> м<ожет>, примириться. Но — по собственному желанию? Зачем? Ты говоришь про мечты о новом театральном коллективе. Но радость моя! Приходит моя очередь воззвать к реальному взгляду на вещи. Помню, в <19>44 году на фронте, в моем госпитале, несколько врачей мечтали после войны соединиться и работать в одном врачебном коллективе. А что получилось? Через два года они только с горькой улыбкой вспоминали о подобных планах, накрепко бросив якорь в разных городах и республиках. Тех, кто сейчас мечтает вместе с тобой, жизнь скоро разбросает по всей стране; и даже если двое-трое из вас окажутся вместе где-нибудь в Барабинской степи, неужели этого достаточно для создания собственного театра? В Коломне же имеются и театры, и клубы, и библиотека, и значительный музей, исторический и краеведческий. Добавлю, что не знаю, как для тебя, а для меня во всяком случае крайне желательна атмосфера и обстановка исторического города, с прошлым, с памятниками, с интеллигентной средой и т.д. На целине могут плодотворно работать всевозможные люди, но вряд ли будет осмысленным и эффективным присутствие там, например, археолога или историка живописи. И при этом не в 20-летнем возрасте, когда на пользу идут почти любые впечатления, а в 50-летнем. Колоссальную роль играет для меня и вопрос о природе, — настоящей природе, а не о ровной, как стол, пашне. Ни о чем на свете я не тоскую так, как о природе, и с каждым годом невыносимее. Как раз именно Саша Горбов!⁸ Не забывай ведь, что я даже верхушки деревьев вижу лишь по несколько секунд издалека, несколько раз в году. Особенно мучительна эта тоска в летнее полугодие — доходит Бог знает до чего, до ночных плачей в подушку — призна-

юсь в этой слабости только тебе. — Может быть, если бы я был лет на 20 моложе, я бы, как и ты, соблазнился романтикой голого места. Но теперь поздно, потому что для этого нужно по крайней мере 4 отсутствующих условия: молодость, здоровье, подходящая профессия и отсутствие того внут<еннего> решающего импульса, о кот<ором> я писал вначале.

Светик мой, когда мы окажемся опять вместе, задача будет в том, чтобы найти такой образ жизни, который давал бы каждому из нас возможность не идти наперекор своим основным устремлениям. Вероятно, это удастся не сразу, но что это вообще удастся — у меня нет ни малейших сомнений по той простой причине, что мы любим друг друга так, как это редко встречается на свете. Думать же об этих формах жизни сейчас — праздное дело, т.к. они будут зависеть от конкретной жизненной обстановки и от таящихся в ней перспектив. Сейчас можно наметить только, так сказать, первую станцию, и ты права, рассматривая коломенское предложение именно так.

Но вот с чем я не согласен совершенно, это с твоей трактовкой образа «кораблекрушения». Если эту метафору продумать правильно, то следует вспомнить, что люди, испытав подобную передрыгу и добравшись до берега, делают одно из двух: или мастерят лодку и на ней стараются добраться до того места, куда неудачно ехали на пароходе, или двигаются туда же посуху. Туда же!

И еще вот что. Вижу, что ты загружена, как говорится, выше головы. Если причиной — не зависящие от тебя обстоятельства, делать нечего. Но если ты сама виновата в этом — подумай и взвесь все. Я не собираюсь повторять того, что и без меня тебе отлично известно, о необходимости досуга для: а) отдыха, б) лечения, в) чтения и вообще расширения кругозора и т.д. Скажу только, что досуг есть не праздность и не эгоизм, а абсолютная необходимость, если ты хочешь осмыслить жизнь — в той мере, в какой это вообще соответствует способности каждого из нас. Вечная целодневная занятость ведет к тому, что жизненные впечатления не успевают перерабатываться и откristаллизовываться в итоговые формулы опыта. Итоги опыта подменяются тем, что имеет с ними обманчивое сходство: установками, сформулированными слишком наспех, чрезмерно зависящими от окружения и продиктованными слишком эмоциональными вспышками. Знаю, что ты поймешь это не как упрек в поспешности тех или иных твоих выводов, а только как тревогу за то, что ты можешь принести себе этой загруженностью большой вред, не только физический. Поэтому я буквально умоляю тебя подумать серьезно — нельзя ли добиться хоть небольшого, но регулярного досуга.

Еще нездоров, поэтому устал и кончаю письмо с некоторым усилием. Недоволен им во многих отношениях, но если переписывать — это несколько дней, а ты уже и так, наверное, тревожишься, родная жираффинька. Господь с тобой, моя радость, прости, если против желания сделал тебе больно каким-нибудь словом: хотел бы заласкать, наоборот, всякую твою царапину.

Твой Даниил

II. Д.Л. Андрееву

9 ФЕВРАЛЯ 1955

Зайка мой ненаглядный! Знаешь, как пришло твое письмо? Я заявила, что буду ждать еще один день, и если в этот день письмо не придет, — значит, его не будет вообще, и я перестаяю ждать. И в этот день оно пришло.

Солнышко мое, вряд ли ты представляешь себе, как оно меня успокоило и обрадовало. Теперь я знаю, что душа у тебя цела и крепка, а остальное — пустяки. Ну, если и не пустяки, то, во всяком случае, вещи, с которыми мы справимся. Я только всегда боюсь, что специфику твоих условий все-таки можно выносить сколько-то времени, а не бесконечно. Не удивляйся, что я не буду, говоря формально, отвечать на твое письмо — просто дальше уже нужно разговаривать, а главное — ясно.

Мой хороший, я вполне понимаю все, что ты говоришь о необходимости досуга. Но, видишь ли, у меня ведь тоже есть черты характера, с которыми я не могу расстаться. В частности — я не могу отдыхать за чужой счет и очень не люблю халтурить, ты это знаешь. Вот и выходит, что работаю много, поверь мне, что иначе невозможно. Правда, сейчас я работаю меньше, чем раньше. Я очень сократила свое участие в самодеятельности. Нервы это трепало страшно, а нового уже ничего не дает. Подробно рассказать — почему, опять трудновато, но ты не волнуйся, отдыхаю от мужских ролей с удовольствием, а будет возможность — буду и играть, и читать.

Мне очень больно читать то, что ты пишешь о природе. Иначе и не может быть, конечно. Я, в этом смысле, нахожусь совсем в других условиях, вижу издали лесок со всеми в нем изменениями, у нас есть деревья и летом много цветов, но и то страшно тоскую по настоящей природе и по возможности движения. По правде говоря, когда я говорю об электростанциях и целинных землях, то думаю об огромной реке вроде Ангары или о горном Алтае, в котором, может быть, тоже можно что-нибудь делать?

К сожалению, почти ничего нового не могу тебе сообщить о родных. Галина работает художником¹, видела Сашу² и сейчас находится недалеко от него. Ему плохо, очевидно, опять с мозгом, потому что мне говорили, что он весь трясется, а я его в таком виде встретила в клинике в Москве в 1944 году. Они все очень бестолковые, передают мне приветы, без которых я могу обойтись, вместо того чтобы сообщить что-то толковое. К Ирине приезжала мать³ и тоже сказала ей, что дело пересматривается. Постараюсь что-нибудь узнать о Коваленских и напишу тебе.

Мой милый, как ты меня знаешь! Мне кажется, что я и сама себя так не знаю, как ты.

<...> Мой родной, мой хороший, прости меня, если письмо не такое серьезное, какое ты хотел бы получить. Мне очень хорошо от всего, что ты написал, и я все время живу этим.

Спокойной ночи, мой Заинька, Господь с тобой, мое Солнышко, крепко тебя целую.

Твой Листик

Большой привет тебе от маленькой и от всех моих приятелей (они тебя любят больше, чем меня).

12. А.А. Андреевой

2 ФЕВРАЛЯ 1955

<...> следующих книг: 1) Грамматику хинди (если таковая вышла в свет), 2) Чаттерджи и Дас «Древнеиндийская философия», или, наконец, 3) Санха и Бенерджи «История Индии»¹. Книгу можно было бы положить в посылку, которую, вероятно, придется-таки посылать через 2–3 месяца, т.к. к тому времени я попрошу Вас о кое-каких мелких, но очень важных для меня бытовых предметах. Следующее письмо предполагаю написать около 1 апреля. Крепко целую, обнимаю от всего сердца, а здоровья и сил Вам и дорогому А<лександр> П<етрович> желаю так сильно, как только вообще могу желать чего-либо.

Радость моя, не могу понять, почему твои письма и даже открыточки стали путешествовать так долго. Письмо от 12/1 я получил только 29/1. Боюсь, что мое большое письмо, и без того запоздавшее, тоже застряло в дороге, и ты волнуешься обо мне. Не беспокойся, солнышко, у меня никаких сколько-нибудь значительных перемен нет. В скором времени собираюсь подать еще одно заявление — последнее, так как после той инстанции, куда я его направлю, писать больше будет некуда. Меня мучает еще, что большое письмо тебе я принужден был писать, будучи нездоровым. Голова работала неважно, я не находил нужных выражений, точных формулировок, и это могло затруднить тебе правильное толкование моих слов. Главнейшее из главных — это то, что ты — свет и радость моей жизни и если бы у меня не было такой опоры, как наша любовь, я бы, вероятно, давно уж не вынес бы. А теперь буду ждать, что готовит жизнь и приму в конце концов все.

Следующее письмо думаю написать тебе около 1 марта, там будет об инд<ийских> фильмах, и о Щипачеве², и о многом другом. Сочельник встретил хуже обычного, т.к. был нездоров, но весь вечер провел мысленно с тобой. Целую, любимая моя, спокойной ночи. Привет рыженькому другу.

Твой Даниил

13. Д.Л. Андрееву

5 МАРТА 1955

Хороший мой!

Ничего нового. Жизнь идет спокойно, наполненная только мелкими каждодневными событиями и работой. И того и другого так много, что я не замечаю, как летят дни. Каждодневные события пересказать невозможно, а работа была сначала к выборам, а теперь к 8 марта. Никакой возможности работать меньше нет и не будет. Поверь мне, что это не моя блажь, а диктуется той или иной необходимостью. Здоровье выдерживает.

Я, конечно, очень много думаю о твоих письмах, мой родной. Да, для меня время, потраченное не на работу, являющуюся смыслом жизни,

не считается, как для тебя, пропавшим временем. Не знаю, чем это объяснить, может быть, даже полной, с нормальной точки зрения, неудачей с серьезной работой на всем протяжении жизни. Восемь лет я — не художник, несмотря на то что из них шесть с половиной не выпускаю кисти из рук. Удастся ли не только восстановить, но и сравнять в будущем внешнее мастерство с внутренней зрелостью души — очень сомнительно. Второе, быть может самое настоящее, дело, которое я нашла, — сцена. Быть актрисой поздно, вернее, поздно начинать пробиваться, и еще много учиться, найти в этом направлении работу, тоже соответствующую внутренней зрелости — почти невозможно. От таких заключений нужно либо прийти в отчаяние, к чему я, конечно, бывала близка, либо нужно найти в себе силу с этими заключениями жить не опуская головы. Это я считаю своей задачей и сумею с ней справиться. Рецепт старый — суметь переложить центр из себя вовне. Прости меня за корявое изложение мыслей — 8 лет я не имею возможности говорить о серьезных вещах с равными людьми членораздельным языком, и не думай, что что-нибудь из этого относится к тебе — у каждого свой путь и своя задача, и мы давно уже должны были уяснить себе свои.

Знаешь, милый, какой второй серьезный вывод я сделала за эти годы? Переоценив все ценности, я стала ценить и в людях, и в жизни не так всякие глубинные закоулки, как чистоту и честность. Не знаю, почему нужно было столько колесить (к счастью, больше мысленно, чем делом), чтобы к 40 годам прийти к выводу, что истина и глубина находятся в каких-то самых простых принципах и установках, причем самое далекое от примитивности — именно эта простота. Опять очень плохо высказалась.

Мне уже 40 лет, Заинька, день рождения прошел необыкновенно безалаберно, но внутренне очень хорошо. Мама верна себе — прислала мне в подарок сумочку, с которой очень хорошо гулять по московским улицам. Я совсем не знаю, что с ней делать — поставила на столе и смотрю.

До свидания, мое Солнышко, крепко тебя целую, мой родной. Привет от Джони. Будь здоров, мой маленький.

Листик

14. А.А. Андреевой

2 МАРТА 1955

Светлая моя ромашечка, ты говоришь, что я тебя хорошо знаю. А в действительности и я иногда ошибаюсь на твой счет, да еще как. Что ты мне ответишь на мое большое письмо именно так, я не ожидал совершенно. Письмом этим я был вообще крайне недоволен; жалею, между прочим, и о том, что вырвалось насчет тоски о природе: жестоко, эгоистично было писать об этом. Спасибо, светенька, за чудесные открытки!¹ Сколько я брожу с тобой вместе по этим местечкам! Особенно Шишкин напоминает мне нашу большую прогулку в Филипповском. А я ведь очень люблю иногда повторять мысленно наши путешествия — шаг за шагом. Будет время — погуляем и в самом деле.

Не нарадуюсь на существование на свете рыженького друга. И пусть она не досадует, что ты мне открыла «тайну цвета»: на мой взгляд, рыжие волосы — украшение. Передай ей самый горячий привет. И, право, жаль, что за такие вещи, как дружба, нельзя благодарить: у меня в душе — самая теплая благодарность за тебя, — благодарность и судьбе, и ей самой. Ее значение в твоей жизни мне понятно полностью. Кроме меня, вероятно, только Дюканушка знает, как нужно тебе душевное тепло. Поэтому я не верил твоим словам, будто тебе не нужна дружба и т.п., и не сомневался, что ты скоро оттаешь, лишь бы пригрело солнышко. Привет и другим подругам. Только воображаю, каким ты изобразила меня: перехваливаешь, Козлинька. Правда, от любящего человека нельзя требовать объективности, но ты все-таки постарайся. Не забывай к тому же, что теперь я и внешне стал прямо-таки страшен. Даже представить нельзя, что этот «баб Яг», как прозвал меня один знакомый, когда-то производил довольно приятное впечатление. — Ты спрашиваешь о нации, о возрасте? Страна Эхнатона, а в возрасте таком я был 16 лет назад². К сожалению, уже второй год «близок локоть, да не укусишь».

Очень «переживаю» твое выступление на настоящем концерте. непременно напиши, что ты там прочитала и как это восприняла публика. Я, между прочим, уже давно хотел написать вот что: Блок превосходно читал свои стихи³, но несколько необычно: глухо и монотонно, завораживающе, матовым, почти не вибрирующим голосом. По-моему, его лирику нужно читать именно так. Как будто плыть по тихой ночной реке, почти не двигая руками, — пусть течение само несет, а в тучах иногда показываются звезды и зыблются вокруг тебя, в темных струях.

Я понимаю, что найти вещь для чтения с эстрады, отвечающую твоим требованиям — дело мудреное. Но все-таки, почему же — именно Щипачев? Можно разыскать подходящие вещи у Асеева⁴, у Яшина. Это настоящие поэты. Есть еще очень славная, по-моему, вещь у дальневосточного поэта Комарова: «Серебряный кубок»⁵ (баллада, строк 200). Она помещена в сборнике его стихов, название которого я забыл и сообщу тебе в следующем письме. Очень-очень советую ее посмотреть: может пригодиться. А Щипачев — олицетворение самой серой духовно-сытой посредственности. Отсутствие чувства артистизма воистину поразительное! После богатейшей ритмики Брюсова⁶, Блока, Маяковского⁷, Сельвинского писать только одним пятистопным ямбом! Название поэта этот самозванец заслуживает не больше, чем человек, барабанящий все время по одной клавише, — название пианиста. Впрочем, я слишком мягко выражаюсь. Правильнее сказать — то, что он делает, есть преступление перед великим русским языком: ни один язык в мире не обладает такими ритмическими возможностями; эти возможности исчерпаны до сих пор лишь в незначительной доле; сами собой напрашиваются такие ритмические открытия, что кружится голова; а он — со своим ямбом! Вообрази, что на эстраде Большого зала консерватории, после концерта из произведений Рахманинова⁸, Прокофьева, Шостаковича, какой-нибудь балда вздумал бы угостить публику «последними достижениями искусства», пропиликав на скрипке «Чижика». Что это было бы? Нахальство или глупость? Тебя, конечно, удивила такая тирада. Но дело в том, что Щипачев —

квинтэссенция того, что я ненавижу. Самое его существование в литературе — моя незаживающая рана. Я не шучу. Утешаюсь только тем, что культурно-исторический закон, выраженный Андерсеном в сказке о «голом короле», может запаздывать, но никогда не отменяется.

Еще об индийских фильмах (хотя это теперь уже не «актуально»). Несомненно, мое впечатление полностью совпало бы с твоим. Фильмы этого рода — создания наиболее европеизированного крыла индийской интеллигенции, относящегося к неповторимому, подлинно индусскому мировосприятию свысока и даже, пожалуй, враждебно, как давно минованной, якобы, культурной стадии. Так мог бы относиться Плеханов к стихии Серафима Саровского и Владимира Соловьева. Вот танец — это другое дело, индийский вариант чарльстона в Москву привозить не стали бы; наверное, в творчестве этой группы артистов было немало подлинного. Я видел снимки в «Огоньке», но, конечно, это мало дает: танец вообще не фотогеничен.

Крайне мучительна мысль о Саше. Не знаешь ли, помогает ли ему кто-нибудь? (Я разумею Галиных родных⁹: больше никому.) И как ты понимаешь: стало ли то состояние, в котором ты его видела в <19>44 году, теперь постоянным или же это просто очередной рецидив энцефалита? Вечно грызет и сознание, что Шура и Биша¹⁰ лишены всякой материальной помощи. Вообще удивительно, что Шура, с ее оранжерейностью (да и возраст!) могла остаться в живых. Насчет Ирины¹¹ — дай ей Бог; меня удивило и обрадовало, что ее мать жива. А что Аня¹² и Виктор¹³, Женя¹⁴ и Аленушка¹⁵, Таня Волкова, Алеша?¹⁶ Между прочим, напиши, пожалуйста: Юрик¹⁷ живет по-прежнему со своей женой или они разошлись? Мне как-то неловко спрашивать об этом маму. Вообще, напиши о нем, что знаешь. Получил чудесное письмо от Дюканушки. Наш принципиальный оптимист способен, я думаю, даже при сорокаградусном морозе убедить себя, что с крыш капает. Что ж, быть может, так легче.

Я недавно отправил еще одно заявление Н.С. Хрущеву. Все-таки паразитично, что на 2 первых я не получил в ответ даже простых уведомлений, что они дошли по назначению.

Зима у нас выдалась очень мягкая. Даже с оттепелями. Но оттепели посреди зимы — это, как говорится, «для бедных». Теперь, кстати говоря, они уже в прошлом; мороз хватил с новой силой. Этого и следовало ожидать. Ты читала Эренбурга¹⁸. Вещь посредственная, напрасно вокруг нее ломалось столько копьев. Но за одно ему честь и хвала: в его положении разглядеть в реальной жизни, а тем более — изобразить такие явления, как этот чудесный художник-пейзажист, верный самому себе и мужественно несущий крест своего творчества. О существовании таких феноменов огромное большинство и не подозревает.

А у меня полоса невезения. Не одно, так другое. Сейчас лежу с прострелом, пишу в самой нелепой позе, поэтому и каракули такие.

Приходится срочно кончать, а то письмо может сильно задержаться.

Спи, моя ласточка. Я изо всех сил стараюсь тебе присниться, — не знаю, удастся ли? За меня не беспокойся, все кончится хорошо, в этом я уверен. Но «хорошо кончится» — это не значит, что не будет больше никаких по-

трясений. Если бы планетарный космос не представлял собой систему различных, равномерных миров, от Мировой Сальватэры до люцефирического антикосмоса, и если бы путь монады не пронизывал их все выше и выше, до ступени демиургов галактик и еще выше, до самого Солнца Мира — тогда бы могло быть место отчаянью. Мною пережито в этом направлении за последние годы нечто огромное. И что составляет мою особенную радость, так это то, что я нашел для некоторых тем этого порядка форму выражения. Странную, ни с чем не схожую, но, кажется, бьющую в цель без промаха. Когда кончится бесплодный год, начавшийся прошлой весной, займусь окончательной обработкой. А вот с хинди я отстал. Ужасно то, что после месячного пропуска по болезни оказалось, что $\frac{2}{3}$ выученных слов забылись. Это открытие привело меня в крайнее уныние. Пытаюсь утешаться соображениями вроде того, что невозможно такой трудный, далекий язык одолевать самоучкой, при помощи одного только словаря... и т.п. Но эти утешения не блещут оригинальностью, а главное, не указывают, как же быть.

Ну, кончаю. Господь с тобой, мой мудрый, золотой кротик.

Твой Даниил

15. Д.Л. Андрееву

16 МАРТА 1955

Родной мой!

Получила сейчас твое письмо. Отвечать, конечно, буду не в один раз, ты всегда ухитряешься так много написать, что я отвечаю только постепенно.

Хороший, Солнышко, почему эгоистично было писать о природе? Ведь я-то ее вижу! У нас есть небольшие деревца, летом очень много прекрасных цветов, огрызок речки, опять будут огороды, а издали видно хороший лесок. И очень, очень много неба. Знаешь, я только здесь обнаружила необыкновенную вещь: в апреле, когда совсем нет ни цветов, ни листьев, чудесно пахнет земля. Скоро это уже будет, как только стает снег. Видишь, дорогой, около меня много природы, мне иногда даже не по себе делается, когда я пишу об этом, зная, что ты не видишь ничего.

О Щипачеве могу сказать только одно: нужно было новогоднее стихотворение, а оно у него было, и другого ничего не было. К сожалению, я совсем не знаю поэта Комарова, о котором ты пишешь. Вообще с репертуаром для чтения очень трудно. Что касается Блока, то, боюсь, та манера чтения, о которой ты пишешь, годилась в ту эпоху и при наличии личного обаяния Блока, очень слитого с такой манерой, а если, например, я попробую так читать, то ничего не выйдет. Я хочу сейчас для себя делать «Равенну»¹, она мне кажется легче других.

Немножко о деле. Оно пересматривается, очевидно, целиком, т.е. тебя касается так же, как меня. Если твои возможности писать официальные бумаги не ограничены, то учти следующее: наше дело пересматривает Главная военная прокуратура, главный военный прокурор генерал-майор Тарасов, очень большой смысл имеет писать в ЦК, там «нами» ведают: секретарь ЦК КПСС Суслов и в административном отделе ЦК — Дедов. Я сегодня напи-

сала маленькие заявления двум первым, на днях напишу третьему. Мало понимаю, почему ты писал именно Хрущеву, но и это неплохо.

О родных, к сожалению, очень мало. Саше, очевидно, лучше, потому что из госпиталя его перевели в такое же место, как то, где живу я. Галина работает художником в больнице, и недели полторы тому назад, под давлением моей знакомой, которую я накрутила, написала тоже заявление, куда — не знаю, вообще поражаюсь их недомыслию. В ту же больницу приехала Шура, возможно, что ее актируют, как Сережу². Виктор³ приехал вместе со мной, но больше ни разу не удалось поймать его следов, Таня не здесь, была вместе с сестрой и, кажется, уже на воле⁴. С тех пор как Аленушка⁵ уехала далеко, ничего о ней не знаю. Аня⁶ не здесь, Татьяна Влад<имировна>⁷ в Тайшете, Мар<ия> Вас<ильевна>⁸ умерла давно. Об Алеше⁹, Жене¹⁰ и Викторе¹¹ никогда ничего не слышала, а Сережа Матвеев¹² где-то здесь.

Мой милый Зай, я правильно поняла, что твой друг Египтянин? Моя маленькая тоже нерусская, но совсем северная, морская. Ее всю жизнь дразнят цветом ее волос, оттого она и пищит. Еще у нее зеленые глаза, курносый носик и очень много веснушек, как у Тома Сойера (и характер такой). Конечно, она просит передать привет.

Спокойной ночи, мой любимый, это еще не ответ, а только отклик...

Твой Листик

16. Д.Л. Андрееву

31 МАРТА 1955

Хороший Зай!

Из-за тебя читаю «Слякоть» Эренбурга и едва ползу со страницы на страницу. Такое количество дискуссий, какое она вызвала, объясняется только фоном.

Слушай, мое солнышко, я тебя не перехваливаю! Твою душу перехвалить нельзя — то, что она осталась целой и сильной после таких 8 лет, не требует дополнительных похвал. А что касается внешности, милый, у меня она тоже «бывшая». Конечно, той, все-таки очень незаурядной пары, которая когда-то ходила по Левшинскому, больше нет, и на меня одну тоже никто уже больше не обернется — ну и что ж? Впрочем, я сейчас, конечно, привираю («свистишь», говорит моя маленькая, орфографическая ошибка передает ее акцент, а не мою безграмотность), я все это страшно «переживала» и только теперь, кажется, справилась со всякими ничтожными чувствами, но справилась!

Солнышко, ну не ругай меня за Щипачева, я ведь совсем согласна с тобой, но кто ж виноват, что у него было несколько приличных строчек о Новом годе, а больше ни у кого (в нашей памяти и библиотеке)!

Ты спрашиваешь, как реагирует на мое чтение публика. Единственно возможным образом: несколько человек любят, ценят, хвалят, а все остальные предпочитают танцы любого качества. Помнишь, ты из армии писал мне о паутинно-тонком слое? Ну вот, теперь я совсем поняла.

Об индусских фильмах ты, конечно, прав. Ошибаешься только, говоря, что танец вообще не фотогеничен. Когда увидишь на экране Уланову — признаешь сам, что ошибался. В очень многих фильмах единственно хорошее — танцы. <...>

Твой Листик

Большой, большой привет от Джони.

17. А.А. Андреевой

5 АПРЕЛЯ 1955

Любимая моя,

твое письмо от 22 февр<аля> побило все рекорды: во Владимире оно было получено 23 марта. Значит, и это письмо мое опоздает к Пасхе. Но так или иначе — Христос Воскресе, родная моя. — А ты знаешь, девочка, как это ни странно, но праздник этот до сих пор омрачен для меня тенью того, как мы его переживали в такую ночь 8 лет назад¹. Очевидно, омраченность эту сможет разогнать только тот праздник, который мы проведем с тобой вместе.

Должен сознаться тебе в одном, что меня очень мучает уже много лет. Моя скверная память на числа, теперь ослабевшая еще более, сыграла со мной скверную шутку: как ни силился я вспомнить, как ни прикидывал и не соображал, но так и не мог твердо восстановить дат твоих именин и дня рождения. Чудится, что это — 25 февраля и 8 апреля², но уверенности нет. Сама понимаешь, как я злюсь на себя и досаую.

Ну, а у меня началась, очевидно, хорошая полоса. Здоровье отлично. Во-вторых, кончился наконец период «бесплодия», длившийся свыше года. Это стимулируется еще и тем, что теперь у меня на руках черновики, кот<орые> я не видел несколько лет и на $\frac{3}{4}$ забыл. А в-третьих — я встречаю к себе человеческое отношение, и сказалося оно, между прочим и в том, что близкий человек, о кот<ором> я упоминал и общение с которым меня очень важно и ценно, теперь со мной. Это для меня большое счастье. Насчет страны Эхнатона³ ты заключила правильно. В моей жизни он — отчасти — кто-то вроде Людвиг Виттельсбаха⁴. Впрочем, если в будущем даже и не случится ничего головокружительного, все равно он останется одной из самых серьезных встреч за всю мою жизнь. Жаль, что я не имею возможности дать ему характеристику, подобно тому как ты сделала это в связи с Томом Сойером с берегов Балтики⁵. Интересно, с каких именно: с восточных, западных или северных? С нашей стороны — приветы.

Тебе, наверное, это покажется совсем дико (да и действительно стыдно об том говорить), но, как теперь любят выражаться, «факты показывают» и «факты доказывают», что мне не хватает времени. Литерат<урные> занятия, хинди, плюс прогулка, краткий отдых за шахматами — и дня уже нет. Еще 2–3 часа лежишь без сна, но и это время весьма продуктивно. В итоге я за целый месяц не успел прочитать 1 том «Биографии Л.Н. Толстого» Бирюкова⁶. Тем более что Дюканушка прислал захватывающе-интересную книгу — «Индийскую философию» Чаттерджи и Датты⁷, только что вышедшую в свет. Она написана ясным, четким языком, объективна и очень обстоятельна.

Я одолел пока введение, пробежал забавную систему чарваков⁸ — в стиле навивного материализма (схожую отчасти с эпикуреизмом, но более грубую) и проштудировал изумительную (особенно в отношении этики) философию джайнизма⁹. Вот чем был бы потрясен Сережа!¹⁰ Сколько раз я ему советовал познакомиться с этой областью! Между прочим, у джайнистов есть такая мысль: «Благополучие — это внешний покров жизни, и нарушить благополучие другого — значит причинить вред жизни. Без благополучия (в том или ином виде) человеческая жизнь невозможна, поэтому лишение человека благополучия фактически является лишением его тех существенных условий, от которых зависит его жизнь и духовное развитие». Теперь я перешел к философии буддизма. Всем этим я занимался раньше, в <1>930–<19>35 гг., но тогда я пользовался преимущественно работами по истории религий, а в таком сугубо философском разрезе сталкиваюсь с этим впервые. А впереди еще 6 ортодоксальных философских систем индуизма: йога¹¹, веданта¹² и др. Представляешь, какое наслаждение!

Боюсь, что мой выпад против поэзии Шипачева резнул тебя своей беспепелляционностью. Если бы мы были вместе, я изложил бы свои тезисы основательнее, и тогда, может быть, ты с ними согласилась бы. Но я не вытерпел и обрушился на этого стихоплета с грубой бранью. Извини меня за форму, но свою правоту по существу я готов, конечно, отстаивать.

Но это, в общем, пустяки. А вот приходится, родная, приносить повинную и в другом, более серьезном. Ты спрашиваешь, не имеет ли отношения мое сердечное заболевание к гриппу. Каюсь: грипп я выдумал, потому что боялся, что известие о сердечном припадке, полученное вдруг, взволновало бы тебя гораздо сильнее, чем этого заслуживает самый факт. Что касается гриппов и вообще каких бы то ни было простуд, то я давно уже забыл, что это такое. Пора сказать тебе одну вещь, которую ты сумеешь понять правильно, не испугаешься и не осудишь меня, не подумаешь, что я сошел с ума (как это случится, возможно, с мамой, когда мне придется поставить ее в известность об этом), потому что знаешь, как много, в разную погоду и даже по снегу я ходил босиком раньше. Дело в том, что целый ряд побуждений, и психических, и физических, привел меня к тому, что я отказался от обуви почти совершенно¹³. Исключая короткое время, когда я лежал из-за сердца или с прострелом, я всю зиму проходил босиком, хожу, конечно, и теперь, и только в сильные морозы надевал, на половину прогулочного времени, тапочки на босу ногу. Воздействие этого, в особенности хождения по свежему снегу, на здоровье совершенно поразительно. О том, что ко мне забыли дорогу какие бы то ни было простудные заболевания, я уже говорил. Во-вторых, за 5 последних месяцев голова у меня начинала болеть только раза 3–4, именно начинала, сразу же унимаясь от одного порошка: явление, прямо-таки неслыханное, так как до сих пор головные боли мучили меня в среднем 4 дня в неделю. В-третьих, между состоянием нервов летом — осенью прошлого года и сейчас нет ничего общего. Ровное, бодрое состояние, жизнерадостность, работоспособность. В-четвертых, радикулитные боли уменьшились и, надеюсь, в недалеком будущем о них останется только печальное воспоминание. Совершенно уверен, что преодолеются и сердечные недуги. А что до психо-

физического удовольствия, вернее сказать, наслаждения от хождения босиком по свежему снегу или в морозец, то оно неопишимо. Во всяком случае, я не испытывал ничего ему равного со времен купания в Дону¹⁴. Да и как может быть иначе, если я чувствую с предельной ясностью, как от земли, от воды, ото льда, от снега проникает в меня такое излучение, что — впрочем, лучше как-нибудь опишу тебе это впоследствии. Все это имеет гораздо более глубокое значение, чем может показаться, и неразрывно связано с активностью стихий. Если что меня немножко беспокоит, так это вопрос, как же быть с этим после освобождения. Вернуться к обуви я, по всей видимости, уже не смогу, а перманентный конфликт с закоренелыми предрассудками, претендующими на то, чтобы быть чуть ли не нормами общественного поведения, — дело нешуточное. Обычно такие вещи прощаются только людям с громким именем — Толстому, например.

То, что ты писала в предпоследнем письме о некоторых жизненных выводах, я понимаю и принимаю полностью. Кроме одного: твоего воззрения на собственную жизнь как на неудавшуюся.

Я не могу в письме развить должную аргументацию против этого, только скажу: вывод преждевременен. Мне думается, что в будущем году нашей жизни наступит резкий перелом и все будет наवरстано гораздо скорее, чем это кажется сейчас, и безмерно обогащено пережитым. Но, Господи, до чего же, до чего же нам нужно быть вместе! Как хорошо, глубоко, творчески, обогащающе влияли бы мы теперь друг на друга! А то, что внутрен<ний> путь каждого из нас окрашен по-своему, только хорошо. Полное совпадение во всем только обеднило бы и сузило бы нас обоих. Совпадает у нас, между прочим, и укоренившаяся враждебность ко лжи. Знаешь, даже если при мне лжет кто-нибудь, меня охватывает чувство, похожее на глубокую скуку, и я теряю к этому человеку всякий интерес. 4–5 лет назад мне еще случалось иногда солгать в какой-нибудь мелочи. Теперь нет. Только ради какой-ниб<удь> шутки. (И вот разве еще тебе — насчет гриппа. Прости уж, Бога ради.)

А теперь — вопросы.

На основании какого заболевания был активирован Сережа¹⁵: шизофрения, вообще расстройство психическое? Какова главнейшая из болезней Шуры: язва желудка или что-нибудь другое? Очень важный вопрос: если я пришлю тебе очень маленькую сумму денег, рублей 100, будешь ли ты иметь возможность переслать ее ей? Или сообщить мне ее почтовый адрес? Ведь им-то с Бишей¹⁶, конечно, не помогает никто. И совершенно не понимаю, почему не активируют Сашу¹⁷. Да и А<лександра> В<икторовича> с его эпилепсией и спондилитом. (В прошлом письме я сделал ошибку: написал инцефалит через э.) Не понял также, о котором из Викторов¹⁸ ты слышала давно, а о котором — совсем ничего. Можно ли в вашей речушке купаться? Очень ли мучают летом комары? Можно ли ходить без накомарников?.. Относительно манеры чтения Блока ты, вероятно, права, но я представить другую манеру, в той же мере убедительную, не могу. (Конечно, «Двенадцать» требует другого стиля; ее хорошо читал Яхонтов.) Следующее письмо смогу написать нескоро, только в начале июня, т.к. после 1 мая непременно надо написать маме. Они оба заботятся обо мне с удивительной трогательностью.

Сердечный привет твоей подруге. Ты так ее описала, что мне ужасно захотелось с ней познакомиться по-настоящему. Ну, будем жить надеждами. Господь с тобой, моя любимая. А как тебе нравится открытка с зайчиками?

Даниил

18. Д.Л. Андрееву

17 АПРЕЛЯ 1955

Хороший мой!

Поздравляю тебя — и с сегодняшним днем, и с твоими именинами¹. Знаю, что ты все помнишь лучше и детальнее, чем я: и туман над Новодевичьим, и нашу комнатку, и букетики сна. У меня всегда в памяти остается какой-то обобщенный образ, лишенный деталей, а ты помнишь все так, как было. Я часто завидую этому, потому что я, пожалуй, лишена возможности «жить в прошлом», а оно было такое хорошее! Не знаю, что буду делать, когда стану еще старше и совсем нельзя будет рваться в личное будущее. И сейчас-то иногда бывает совсем непонятно — о чем думать: к абстрактному созерцанию и размышлению я, как настоящая женщина, имею чрезвычайно ограниченные способности, то, что обычно у людей называется личной жизнью, — перечеркнуто возрастом, так же как профессия актрисы, как художник я пока кончилась², не знаю, можно ли что-нибудь восстановить. Остается какое-то большое, объективное дело, для которого у меня, несмотря на физическую и нервную усталость, кажется, сил еще много. Я думаю, что жизнь (выражаясь очень примитивно) позаботится о том, чтобы все нашлось, что надо. Хорошо уже хоть одно: помнишь, ты спрашивал, мог бы мне чужой ребенок заменить своего, а я пищала и хныкала в ответ? Это все я переболела совсем, и даже не ребенок, а взрослый человек, в котором я чувствую ребенка, вполне для меня все заменяет.

Вероятно, всякому человеку с неудавшейся творческой линией трудно бывает перешагнуть возрастной рубеж, но у меня сил хватит, я и перешагну и найду ценность вне себя. Уверена, что не «найду», а «найдется».

Солнышко, прости мне такое непасхальное письмо, но врать не хочу, а именно сегодня очень хотелось побыть с тобой.

Я сейчас одна в мастерской. Кошка спит на печке, а Джони (ее, собственно, зовут Валя) спит там, где нам полагается спать, потому что устала за неделю. У окошка в ящике растут дохлые зеленые помидорята, и везде очень тихо. Многие уехали на слет передовиков (на этот раз без самодеятельности), и это тоже очень приятно — не торчат перед глазами.

Совершенно катастрофически нужно не поговорить, а без конца говорить с тобой. Ответь мне с полной ответственностью: были в моей жизни поступки, которые надо мне простить. Ты сумеешь? По-настоящему — сумеешь? Как хорошо, что сейчас — ничего нет, и давно уже все хорошо.

Милый, девочка, когда придет, будет спрашивать, передала ли я тебе большой, большой привет. Она ничего ниоткуда не получает, и возможно, что здесь у нее никого нет. А может быть, и нигде.

Целую тебя, мой родной, мой любимый Даник.

Листик

19. Д.Л. Андрееву

8 МАЯ 1955

Вот, мое солнышко, только 8 мая начинаю серьезно отвечать на твое письмо. Из-за работы к 1-му так запустились всякие дела, что пришлось сначала выкарабкаться из-под этой груды мелочей и только теперь приниматься за серьезные вещи <...>.

Хороший мой, пожалуйста, пиши мне всегда правду о твоём здоровье и не бойся взволновать меня ничем. Видишь ли, ведь я несколько лет была совершенно готова к тому, что если даже ты и жив, то или совершенно психически невменяем, или так же совершенно разрушен физически — или совсем не владеешь ногами, или еще что-нибудь в этом роде. Так что для меня все — подарок: и то, что ты ходишь, и то, что ты пишешь, и никакой, серьезный даже, сердечный припадок я не могу воспринимать иначе, как что-то маленькое взамен огромного несчастья, к которому я была готова. Может быть, это и странно немножко, но ты постарайся понять.

Теперь о родных: Шурин адрес отличается от моего только самой последней цифрой (дробью). Сейчас я ее немножко потеряла, но если ты пошлешь деньги на 385/9, то они ее найдут, даже если она и переехала из больницы. Мне кажется, что я тебе писала, что актирован и Саша, и она, и Биша¹, но не знаю, когда их освободят, потому что из всего устраивается ужаснейшая канитель. Кстати, о Бише: очень жалею, что не имею возможности послать тебе вырезки из нашей многотиражки, которая печатается в «центре», а читаем ее все мы. Там напечатаны два его стихотворения: «Открытое письмо мистеру Даллесу» и «Первое мая». Стихи по форме прекрасны, особенно второе, ритмом, каким-то внутренним звучанием напоминающие поэму «Корни века»². Пошли Шуру деньги, я знаю, что это тебя успокоит, но пусть тебя также успокоит и то, что они раньше и «лучше» нас «устроятся» в жизни. Хочешь, перепишу тебе его стихи?

О путях и крушениях поговорим при встрече...

Вчера мы смотрели английский фильм «Мост Ватерлоо». Чудесный фильм о том, чего так не хватает: о чести, об устоях, о принципах, обо всем том, ценность чего по-настоящему мне стала понятна только за эти годы. Жаль, что поздно, остается только утешаться тем, что «лучше, чем никогда». Слушай, миленький, тебе не будет больно, если я скажу, что, по-моему, наша Индия давно исчезла и что моя, по крайней мере, психология явно европейская?

Ну вот, родненький, пока кончаю, очень ненадолго. В кино были вместе с Джони, весь фильм идет в тумане, в котором прошло счастье в ее жизни.

Очень мало в каждом письме писать: привет тебе от нее, привет от нас обоих твоему другу, но что же еще скажешь?

Целую тебя, Заинька, очень скоро продолжу письмо.

Листик

20. А.А. Андреевой

2 июня 1955

Любимая моя!

Поздравляю тебя с годовщиной наших дней¹ — ты как раз в это время получишь мое письмо. Какую радость ты мне доставила карточками! И как смешно то, что ты писала о своей внешности. Личико осталось таким же прекрасным, только смысл этого прекрасного отчасти изменился: вместо прелести юного, всегда остававшегося каким-то девичьим лица появилась та внутренняя красота, кот<орую> дают только огромные страдания, не сломившие и не искалечившие, а углубившие и обогатившие. А наряду с этим мучительное чувство — какая ты худышечка и до какой степени абсолютно необходимо тебя согреть и любить. Родненькая моя, крепись, держись, все это не за горами. На этот год я не надеюсь, но в следующем — почти уверен. Очень-очень рад успехам твоих выступлений и поздравляю. По-моему более лестной оценки, чем «чарующая простота чтения», не может быть. Это должно явиться стимулом для дальнейшей работы. Постарайся не запускать ее!

Должен высказать, однако, и кое-какие, не очень приятные мысли. Нетерпение, требование от жизни встречи — теперь же, во что бы то ни стало — совершенно понятно; но у тебя, девочка, оно дошло, очевидно, до такой жгучести, что личное совсем заслонило общее и ты теряешь зоркость. Этим я объясняю ту своеобразную (как это ни странно звучит, — не сердись, вдумайся и пойми —) безмятежность, кот<орая> сказывается в твоих письмах. Очевидно, ты не замечаешь или не хочешь замечать того, что нависло. Поэтому-то я и уверен, что наше с тобой будущее сложится совсем не так, как ты представляешь. Что Коваленские устроятся скорее — допускаю. Но мысль, будто бы «лучше» — в корне ошибочна. Всякие устройства такого рода — эфемерны и смешны.

Сообщение о Бише меня потрясло. Несколько дней я был сам не свой. Что он должен был пережить, чтобы сломаться так ужасно, так бесславно! Поскальзывался-то он уже несколько раз (дочь академика² и т.п.), но так упасть!.. Шура, наверное, относится к нему как к больному ребенку, и со своей стороны она права. Между прочим, к великому моему сожалению, из посылки денет ничего не выйдет, во всяком случае до осени. А стихи³, пожалуйста, пришли, непременно. Это для меня очень важно по нескольким причинам.

О твоих взаимоотношениях со всеми ними я, конечно, не могу разобраться теперь и здесь. Но то, что они обвиняли тебя, объясняется, я думаю, тем, что у них под рукой не было Даниила. Интересно бы знать все-таки, в какой мере они обвиняли и меня, хотя бы заочно, и каково вообще было тогда их отношение ко мне и каково теперь. Ответь, пожалуйста, всю правду. Сама понимаешь, как много это значит для меня, и не смягчай горьких правд.

Ты спрашиваешь, совершила ли ты какой-либо поступок, за который теперь беспокоишься, сумею ли я простить. Радость моя, по отношению ко мне за всю жизнь ты не совершила даже ни единого шага в направлении та-

кого поступка. Мне прощать тебя — это просто смешно. Что же касается поступков по отношению к другим — то понятие моего «прощения» тут не у места. Я в тебя верю, и этим все сказано. Я убежден в том, что если такой поступок был, ты его рано или поздно искупишь внутри себя, а может быть, сочтешь нужным и какое-то внешнее действие. Но в чем, мне кажется, ты не права, так это в мысли «не позволю им меня судить». Это не в нашей с тобой власти, да ведь и сами мы часто судим (и осуждаем) других.

Бедный мой деток, ваше с Джони волнение ввиду возможной разлуки так понятно, и я с ужасом думаю, что на тебя обрушится еще и это. Неужели это решено, неизбежно? Козлик, я как-то, давно уже, задал один вопрос, но, по-видимому, то письмо пропало. Ответь мне, обдумав и взвесив со всей серьезностью. Очевидно, детей нам иметь не суждено: слишком поздно. Что, если бы впоследствии, когда наша с тобой жизнь наладится, войдет в нормальное русло, мы взяли бы на воспитание какого-нибудь мальчугана-сиротку, лет пяти? Я чувствую в этом огромную потребность, без этого для меня не может быть настоящей полноты жизни. А запаса любви в душе у меня хватило бы на целую школу.

Ты спрашиваешь о черновиках. Но почему же только черновики?.. Ты вообще совершенно не представляешь, до чего дело дошло и куда направляется. А насчет близости старых друзей⁴ скажу так: теперь мне ближе всего был бы Адриан такой, каким он стал после случившегося с ним внутреннего переворота; Олег — таким, каким бы мог бы стать в конце пути, и Леон<ид> Фед<орович>, если бы случилось вот что: его доктрина была только попыткой обобщить положительный опыт прошлого. Она должна была подготовить путь для истинно-нового. Именно этого нового ей не хватало. Так вот, представь, что случилось чудо и к Л<еониду> Фед<оровичу> пришло бы то откровение, кот<орое> ему казалось мыслимым только в конце века. Прибавь к этому Олега с его творчеством последнего, неизображенного этапа... Вообще, может нравиться или нет, можно верить или не верить, но нельзя отнять двух качеств: новизны и грандиозности. Трудно вообразить масштабы успеха.

Я люблю вспоминать, как мы с тобой читали вместе «Тристана и Изольду», «Преступление и наказание», и мечтать, как будем со временем читать по вечерам вслух, сидя на уютном диване, «Святые камни», «Симфонию городского дня», «Ленинградский апокалипсис», «Александра Благословенного», «Гибель Грозного», «По ту сторону»⁵ и многое, многое другое. Уверен, что тогда у нас хватит времени прочитать вслух и такую махину, как «Железная мистерия», и даже «Розу Мира».

Ты все интересуешься, кто такой Виттельсбах. Это — историческое лицо, баварский король, помогший Рихарду Вагнеру осуществить замысел его театра музыкальной драмы. Вот и все.

Мой друг⁶ тебя очень полюбил и, конечно, шлет всякого рода приветы. Думаю, что и нам придется расстаться довольно скоро, но у меня нет оснований так тревожиться о нем, как у тебя о Джони, да плюс к тому — у меня вообще другое представление о начавшейся эпохе и о человеческих судьбах в ней. Биша, например, никогда себе не простит некоторых поступ-

ков, нелепость которых усугубляется их поразительной несвоевременностью. Так попасть пальцем в небо! Такому умнице! Голубок, ты пишешь о неудаче своей творческой линии жизни. Не рано ли? Я вот на 9 лет старше, а нахожусь в состоянии почти экзотического подъема этой самой линии. Нисколько не закрываю глаза ни на что, но через пессимизм, и личный и общий, перешагнул. Если б ты знала, что произошло и происходит в моем внутреннем мире, докуда я вскарабкался, что оттуда видно, — а ведь это только начало. Личных же моих заслуг в этом нет ни крупинки. Здоровье налаживается. Думается, что это лето будет для меня рубежом, после которого тема улучшения здоровья резко убыстрится. А пока только зубы мучают. Есть старинная еврейская формула проклятия: «чтобы у тебя выпали все зубы, кроме одного — для зубной боли». Уж не проклял ли меня кто-нибудь таким образом? Но — шутки шутками, а беда в том, что зубов у меня осталось во рту 6 штук и все их придется удалять, когда будет зубной врач. И вставлять новые протезы на обе челюсти. При этом очень неудобно есть, верхний протез приходится даже снимать совсем. Ну, да все это мелочи, о них и думать не хочется... Если бы взялся и привести в порядок «Странников ночи» (что, возможно, и случится со временем, так как, по-видимому, все сохранилось), то надо было бы ввести еще 2 лица и несколько глав. А относительно босикомохождения в Москве — во-первых, мы туда попадем не скоро, обстановка тогда будет не та и личный вес другой, а во-вторых, я придумал фасон костюма, стилистически увязанный с этим новшеством. Прохожу в нем лет 10–15, пока не придется надеть что-нибудь вроде рясы.

«Историю Индии» читаю с большим интересом, но понемногу, так как сейчас некогда. Хинди — тоже. Всему свое время. Но я не понял тебя: «наша Индия давно исчезла» — в каком смысле? В душе или объективно? Объективно — по-моему, ни в коей мере — то, что я читаю, опровергает это; а субъективно? Для меня — тоже нет. Но я не европеец и не азиат. Я — русский; Россия же это — не страна, а часть света, самостоятельная метакультура. М<жду> прочим, я насмотрелся на немцев⁷. Какое разочарование!

Еще очень важное: напиши нашим старикам, умоляя, заклиная и требуя, чтобы они уехали на лето куда-нибудь подальше, лучше всего на Украину или на юг. Лето в средней полосе будет, по-видимому, скверное. И вовсе не грибное: грибное было в прошлом году, вроде того, которое я провел когда-то в Малоярославце⁸.

Спасибо за прелестный пейзаж Серова и вообще за открытки, доставляющие мне массу удовольствия. А «Русского леса»⁹ я не читал, его здесь нет, но если будет, прочту непременно.

Выписываю отрывок из «Устья жизни»¹⁰. В нем теперь уже многое устарело, но основа осталась мне близкой. Речь идет о далеком конце личного будущего, конце жизни. В 50-м году собственная судьба (в ее метаисторическом или метафизическом смысле) не была еще ясна. К тому же неверно, чтобы людям, столько проискавшим друг друга на этом свете, пришлось продолжать эти поиски еще и на том. Да и представление о том свете было тогда еще совершенно общее, нерасчлененное.

...И, расторгнув наши руки,
Азраил
Нас лучом Звезды-Разлуки
Озарил. —

Врозь, туманными тропами
Бытия
Понесем мы нашу память,
Наше я.

Если путь по злым пустыням
Мне сужден,
Жди меня пред устьем синим
Всех времен!

От паденья — кровом брака
Осени!
От успенья в лоне мрака
Охрани!

В персть и прах, в земные комья
Взят судьбой,
Лишь тобой горе влеком я,
Лишь тобой!..

— Где ни мук, ни зла, ни гнева,
Жди меня.
У престола Приснодевы
Жди меня!

Пусть я отдан вражьей силе
Здесь, в аду —
След твой легкий в млечной пыли
Я найду.

Груз греха отдав возмездью
И суду,
За тобою все созвездья
Обойду!

Дней бесчисленных миную
Череду, —
Я найду тебя! найду я!
Я найду!

Теперь видно, какими детски-туманными были представления того времени. О, если бы я мог тебе передать то, что знаю теперь!

Да хранит тебя Бог, мой светик. Спокойной ночи. Горячий привет Джони.

Даниил

21. Д.Л. Андрееву

18 июня 1955

Мой любимый!

11 лет мы вместе. Я это чувствую так, несмотря ни на что.

Твое письмо, к тому же еще и неожиданное (мама сказала, что ты напишешь мне только в июле), произвело на меня такое впечатление, что я не знаю, сколько понадобится моих писем, чтобы как-то в нем разобраться.

Ну, попробую поверхностно сначала.

Что касается моей внешности — ну, милый, разве так можно! Я еще немножко колебалась — посылать или нет, боялась слишком огорчить тебя тем, на что я стала похожа. Ну что ж, увидишь, когда встретимся.

Безмятежность — не то слово, Даник. Не безмятежность, а реалистичность, отсутствие твоего «апокалиптического» мироощущения...

Что касается Биши — это надо говорить и много и многое знать, чего мы не знаем. Реакция Шуры мне неизвестна, но думаю, что он в ее представлении совсем не больной ребенок, а по-прежнему Гёте. Боюсь, что так, родной.

Ты спрашиваешь об их отношении к тебе. Я знаю только бабье отношение, и оно к тебе было лучше, чем ко мне, потому что для Шуры и Галины¹ ты все-таки брат, а для Ирины² — любимый человек, а я везде оказалась не тем, что они хотели. Но и отношение к тебе меня возмущает тем, что оно не так уж плохо из-за «скидки» на твою... ну, «неполноценность» какую-то, что ли...

Не хочу сегодня подробнее об этом писать, сегодня наш с тобой день, и я продолжаю пребывать в «безмятежном» настроении с «безмятежными» требованиями: хочу быть с тобой и с нашими настоящими, хорошими друзьями. Друга твоего принимаю всем сердцем (хоть ты меня никак с ним не знакомишь) по одному тому, что чувствую в нем настоящего твоего близкого человека. А что касается детей — письма того я действительно не получила, но об этом сама много думала. Мне кажется, если надо, то существо, которому мы должны будем помочь вырасти, само окажется на нашем пути. Я только должна сказать тебе смешную вещь: обычно женщины любят и чувствуют маленьких детей, а я что-то нет; для меня по-мужски — интерес начинается там, где начинается человек.

Переболев и поставив крест на желании иметь своего ребенка, я уже придумывала себе всяких приемных сыновей, а пока что моя реальная Джони — мой друг, моя сестричка и любимая дочка, все сразу.

Зай, если это стихотворение — детское, я не знаю, какие же бывают взрослые. Я боюсь верить тому, что ты пишешь. Боюсь, потому что это слишком хорошо, потому что за это никакая плата не высока, боюсь просто в силу своего недоверчивого к хорошему «реального» характера. Я думаю, ты поймешь.

Я скоро напишу еще, и много, и напишу о присланном тобой стихотворении не только хорошее, но сейчас я ничего не хочу. Сегодняшняя ночь — годовщина той, которая была решающей³.

Спокойной ночи, родной. Привет от нашей девочки.

22. Д.Л. Андрееву

20 июня 1955

Родной мой!

Завтра — наш с тобой, самый длинный, самый светлый день в году.

Я, конечно, все перечитываю твое письмо и долго еще буду на него отвечать.

То, что ты пишешь о том, кто из старых друзей и в каком именно повороте близок тебе, намного превышает все, о чем я только могла бы мечтать. Настолько превышает, что я боюсь этому поверить. Ты прости меня и пойми правильно — не тебе, дорогой, не верю, а жизни. Может быть, тут немножко от вагнеровской Эльзы¹ и много — от моего всегданнего характера, всегданнего трагического восприятия жизни.

Мне очень хотелось бы писать тебе сегодня только хорошее, но все, что касается творчества, настолько для меня важно, что лучше я напишу сразу, что думаю о присланном стихотворении, чем все время думать и откладывать.

Что оно чудесное и как оно мне бесконечно дорого, ты, конечно, знаешь. А вот что мне не нравится. Для того чтобы полностью понять твои очень глубокие образы, нужен не просто высокий уровень, но уровень специфический, очень редко встречающийся. Ты говоришь такое новое, почему же это новое надо выражать архаизмами, славянизмами — «горе влеком я»? И «Азраил», и «успенье», и даже «Приснодева» почти требуют философско-религиозного словаря. Все это менее живые слова, чем прежде были все Фебы, Дианы, Авроры и прочий арсенал греческой мифологии, — а что от таких стихов осталось — даже пушкинских? Если ты такой большой и такой счастливый, что знаешь то, чего ждал Л<еонид> Ф<едорович>², ты должен научиться говорить это музыкальным, поэтичным, но теплым и человеческим языком.

Зай, ты не сердисься?

Конечно, серьезный разговор обо всем этом может быть только тогда, когда я буду слушать все, а это будет, если ты прав <...> (По-моему тоже будет, но не знаю, когда и как.)

Солнышко мое, родной мой, целую тебя, смотрю тебе в глазки и, не желая ни с чем считаться, хочу видеть немедленно.

Дописываю письмо уже 21.06. Девочка наша очень задержалась на работе, придет совсем измученная. Сейчас получила открытку от Дю — они уже дома.

Большой привет твоему другу, мой хороший.

Твой Листик

23. Д.Л. Андрееву

26 июня 1955

Родной мой Зай!

Получила от мамы письмо — она едет к тебе. Ко времени получения тобой этого письма ваша встреча уже состоится, если ее ничто не задержит. Могу себе представить, как это все для вас будет! И еще если б Дюканушка, а то мама! Мама, которую ты уложишь наповал одним своим внешним видом, бедненький мой, — я ведь знаю, на что похожи мужчины не только в ваших, а даже в наших условиях. Хоть бы уж как-нибудь тепло от человеческой встречи оказалось для тебя более сильным, чем все остальные впечатления! Если б ехал Дю, я была бы спокойна, но Мумик, это такой склад неожиданно-стей и такое фантастическое смешение редкой, удивительной доброты с характером неопишуемой тяжести, что я очень боюсь за вашу встречу!

Теперь так, родной. Как я поняла из совершенно суматошного маминского письма, эта поездка, кроме желания тебя видеть, вызвана двумя деловыми соображениями: твоим здоровьем и нашим делом. Мне кажется, что у них есть какие-то новые сведения о тебе, да? Почему ты не пишешь правды о своей болезни? Думаешь, что мне так лучше? Разве я не понимаю, что теперешний прилив творческих и физических сил — это обязательное для тебя состояние, приходящее на смену депрессии и, увы, ею же сменяемое через какой-то промежуток времени? Неужели я это понимаю, а ты — нет?

Что касается дела, то я уже раньше заволновалась, чем мои что-то узнали. По признакам, которых объяснить не умею, находимым в твоих письмах, я боюсь, что ты пишешь в Прокуратуру и дальше не то, что надо, а лирико-психологические поэмы, т.е. продолжаешь наше с тобой детское, чтоб не сказать больше, поведение <19>47–<19>48 года¹. Я тебе уже писала: если в силу каких-то глубоких внутренних причин иначе не можешь — ничего не пиши, я одна буду писать.

Солнышко мое, раз Му тебя увидит, значит, в июле ты мне напишешь, и я что-то узнаю из всей этой путаницы.

Большой, большой привет тебе от Джони и твоему другу от нас обеих. Знаешь, мы с моей маленькой сегодня ходили загорать. Мне очень тепло с ней, только она страшно слабенькая, еще слабее меня. Целую тебя, мой хороший.

Алла

24. Д.Л. Андрееву

28 июня 1955

Солнышко мое!

Вот скорее пишу тебе опять.

Ну что же, дальше о творчестве. Ты меня просто ошеломил: не говоря о всем остальном, просто количеством названий. Нечего и писать тебе, как я хочу все это слышать скорее! И боюсь, говоря по правде, потому что очень хочу, чтобы было очень хорошо и очень просто, а об «просто» я тебе уже пи-

сала, да и раньше мы с тобой часто спорили на эту тему. Имей в виду, что я своих позиций сдавать не собираюсь ни в коем случае. Ты все мне говорил, что я, логически, должна отрицать и Вяч. Иванова, и чуть ли не Гёте (II часть «Фауста»). Не знаю, но мне действительно легче «отрицать» Гёте, чем согласиться с кабинетной поэзией любого качества.

Кстати, я не имею возможности перечитать Достоевского, а хотела бы — боюсь, что он для меня окажется уже не той огромной фигурой, как раньше. Выражаясь страшно примитивно, мне кажется, что он приносит много вреда.

Очень страшно это углубление «в обе стороны», это качание на еле видных гранях — слишком все расшатывается, а в жизни нужно очень хорошо видеть, где черное, где белое.

Я как-то спросила Джони, кого из писателей она любит очень сильно? Она ответила неожиданно — никого. Я рассмеялась и долго дразнила ее «зазнайкой», а потом подумала сама и увидела, что я тоже уже «очень сильно» не люблю никого и только страшно хочу полюбить что-то, чего еще нет. О «Стран<никах ночи>» мне говорить трудно, потому что они — моя жизнь, я их не могу оторвать от действительности. <...>

Ну вот, так неожиданно кончаю письмо, начавшееся с поэзии. Привет твоему другу, я не хочу, чтобы вы расставались. Джони машет лапкой.

Листик

25. Д.Л. Андрееву

7 июля 1955

Заинька!

Получила письмо от мамы после ее поездки к тебе¹. Единственное хорошее в письме — это то, что, очевидно, она тебя все-таки узнала. Мне кажется, она не смогла бы скрыть, если б было не так. Я, по правде говоря, и на это не надеялась. Если она сможет приехать к тебе, все-таки тебе будет немножко теплее, мой бедненький, хороший Зай. А я тогда буду получать письма от тебя каждый месяц! Ты можешь себе представить, родной, как я жду сейчас твоего письма с твоей реакцией на наше свидание, все-таки очень беспокоюсь, как тебе было.

А вот что плохо: ну зачем так безбожно «свистел» про здоровье? Микроинфаркт — вещь очень серьезная, и я очень прошу тебя: не полагайся так по-детски на потусторонние закономерности, а будь, по возможности, внимателен к своему здоровью.

И еще плохо то, что мама формулирует очень смешно: «главное, пускай Даня ничего никуда не пишет (это о деле), потому что он так отстал от жизни, что все равно ничего толкового написать не может». Я, очевидно, правильно почувствовала...

Они узнали какие-то новости в Прокуратуре, которые их успокоили, но они так уже несколько раз успокаивались и опять беспокоились. Видишь ли, мне кажется, ты вот в чем неправ: треск, обозначающий почти начало ледохода, слышен очень ранней весной, но до лета с этой минуты остается мно-

го месяцев. Ты давно так ошибаешься — во времени. Ты всегда был прав по-серьезному, а я, к сожалению, пока во всем оказалась права практически. Поэтому и на человеческие судьбы мы смотрим по-разному: я знаю, что даже несколько месяцев (а вернее — лет) недоедания и нервного переутомления могут сыграть роковую роль — пока солнце взойдет... Вот и все, дорогой, выходит, и мужчинам свойственна иногда потеря чувства времени! Ну, это я дразнюсь.

Милый, тому, кто привел в порядок могилу матери, нужен год ее рождения и смерти². Кстати, как ты не догадался попросить его написать мне? Могу тебе сказать, что и могила твоего отца, и дом — целы. В доме — дом отдыха ленинградских писателей, а на могилу — непрерывное, несмотря на косые взгляды, паломничество ленинградских студентов³.

Ну вот, опять письмо кончается, а нужно сказать тебе так много! Вы еще вместе или это твой друг уехал? Привет тебе от нашей маленькой, она сунула носик в изодранного в клочья «Ричарда Львиное Сердце»⁴. Как я хочу вас познакомить! Может быть, мне уже некому передавать привет? Заинька, хороший, как я жду твоего письма!

Листик

26. А.А. Андреевой

3 АВГУСТА 1955

Родненькая моя, напрасно ты так беспокоилась насчет моего свидания с мамой. Она вела себя с удивительной выдержкой, и если она была опечалена моим видом, это для меня неожиданность, так как по ее лицу нельзя было заключить о таком впечатлении. Она постарела меньше, чем я ожидал, а походка у нее совсем молодая. Заботливость их обоих переходит все границы. Не говоря уж о хлопотах, с кот<орыми> это связано, но просто денежная стоимость этой помощи воистину ужасна. Недавно я получил от Дюканушки «Открытие Индии» Неру¹, рассказы Тагора², народные сказки и серию цветных репродукций с картин советских художников, посетивших Индию. Представляешь «гамму моих ощущений»! Нет, у меня этот комплекс не ослаб, а углубился, хотя в текущий период центр тяжести моих интересов — в другом, в формировании кое-каких обобщений. От слепого поклонения Индии я далек, отдаю себе отчет в ее слабых и темных сторонах, а также в духовно-историч<еских> опасностях, кот<орые> ее подстерегают внутри нее самой. Но она мне интимно-близка так, как ни одна страна — кроме, разумеется, России.

Жаль, моя родная, что тебе не случалось перечитывать Достоевского³. Думаю, что именно поэтому, именно вследствие того, что воспоминания о нем побледнели, ты хочешь преуменьшить его масштаб. Это писатель совершенно неисчерпаемой глубины; я в нем каждый раз нахожу новое и новое. Но я не оспариваю, что для некоторых возрастов, уровней развития и темпераментов он, кое-какими своими сторонами, может быть вреден. Помоему, однако, этот вред компенсируется тем, что Дост<оевский> делает душу человека глубже. Ты говоришь «не такая уж огромная фигура...». Но он ассоциируется у меня скорее с представлением бездонности, чем огромности.

Архитектурные сны меня не удивляют нисколько, и я в высшей степени рад, что они к тебе приходят. Я тоже перевидал за эти годы уйму архитектурных пейзажей (м<ежду> прочим, я наверное раз 100 видел высотные здания — но, конечно, не такими, каковы они в действительности). А твои, мне думается, имеют отношение или к Неб<есному> Кремлю, или к Фонгаранде⁴ — слою, где пребывают монады великих творений архитектуры. Это, конечно, очень странно — наличие таких монад (и именно монад), мне бесконечно жаль, что я не могу подробнее рассказать тебе хотя бы об этом — об одной из множества деталей возникающей Розы Мира. Последние слова употребимы в неск<ольких> аспектах — литератур<ном>, историч<еском>, философ<ском> и др<угих>. Приходится вводить также слово трансмифы — для обозначения высших реальностей, искаженным и мутным отражением которых являются мифы и мифологии.

Тебя поразил длинный список⁵. Но ведь это куда меньше половины (если не считать огромной «Жел<езной> мистерии»). Можно было бы прибавить «Святые камни», «Сквозь природу», «Афродиту Всенародную», «Яросвета», большую симфонию о великом Смутном времени (новая форма, действительно имеющая много общего с музыкальной симфонией), «Миры просветления», «Навну», «У демонов возмездия» и мн<огое> другое. Дело не в количестве. Радоваться можно только тому, что качество, кажется, не уступает количеству.

Что сказать по поводу твоих мыслей о простоте? Вопрос сложный, и в письме толком разобрать невозможно. Ограничусь следующим. Ты, — на мой взгляд — и права, и не права. Дело в том, что никому не приходит в голову требовать от математика, чтобы он ухитрился теорию относительности или векториальный анализ излагать языком понятий, доступных школьнику V класса. В искусстве тоже есть свои векториальные анализы, и непонятно, почему об этом забывают. Выражение «кабинетная поэзия» — нарочито снижающее, вроде слова «боженька» с маленькой буквы. Ведь надо бы и II ч. «Фауста» считать тогда кабинетной поэзией, а между тем кабинетного в ней не больше, чем в IX симфонии Бетховена, тоже оставшейся долгое время малодоступной. Само собой разумеется, что к достижению наибольшей возможной простоты должен быть приложен максимум усилий (что и делается). Но есть круг идей-образов (и чем они новей и глубже, тем в большей степени примыкают они к этому кругу), которые даже при максимальном допустимом упрощении все же требуют для своего восприятия известной подготовки. Разве Блок ее не требует? Да и какой уровень развития возьмешь ты в качестве критерия? Уровень современного подростка? или уровень интеллигента-производственника? или интеллигента-гуманитара? Я лично склонен принимать за критерий скорее последний из перечисленных уровней (т.е. около 2 миллионов человек в нашей стране). И оказывается, что непонятного, в сущности, не остается — при условии постепенного, строго обдуманного ввода в круг идей. К тому же было бы ошибкой полагать, что средний уровень нашего времени останется таким же через 20, даже через 10 лет. Главное же в данном случае налицо — задача беспрецедентная, и ее нужно представлять хотя бы в общих чертах, чтобы судить о допустимой степени

упрощения, о праве на такое упрощение. И все-таки — не пугайся и не огорчайся: я абсолютно спокоен на тот счет, что никакого разочарования тебе переживать не придется. Я не знаю, как это выйдет; решишь ли ты, что к данному материалу твое требование неприменимо в полной мере, или найдешь, что, в сущности, все это при всей сложности выражено доходчиво (доходчиво потому, что очень эмоционально) — не знаю. Знаю только, что ты примешь. И не только примешь. Знаю также, что тебе, Листик, издалека и в твоём неведении относительно всего этого, некоторые мои фразы могут неприятно резануть, ты усмотришь в них признаки странной самоуверенности, неуместной гордости и т.п. К сожалению, это недоразумение неизбежно, и я не могу найти способов убедить тебя при помощи писем, что это совсем не самоуверенность, а нечто качественно и принципиально иное. Я никогда до <19>47 года не был столь скромного мнения о собственной персоне, как теперь. Боюсь, кстати говоря, что мои слова насчет близости старых друзей ты поняла в каком-то слишком уж грандиозном смысле. Я ведь говорил о том, кто мне близок, интересен, понятен, с кем у меня был общий язык, а не о том, с кем я идентифицировался. Отождествление себя с Адр<ианом>⁶ в конце его пути мне и в голову не приходило. Я знаю то, о знании чего Леон<ид> Фед<орович>⁷ только мечтал — да; но повторяю опять: в этом нет ни на грош моей личной заслуги.

Посылая то стих<отворение>, я думал, что ты его воспримешь под другим углом, чисто личным, и не учел, что дефекты, свойственные той стадии (начало <19>50 г.), могут резать слух. Ты совершенно права насчет «Азраила» «горе влеком я» (перечеркни и читай: «лишь тобою ввысь влеком я»), — и теперь такого уж не случается. Я не согласен относительно «успения» (для этого не нужно никакого словаря, смысл этого слова известен десяткам миллионов людей — всем, кому ясен смысл слова «рождество»), — и, разумеется, Приснодевы. Это не случайно оброненный мимоходом архаизм, выветрившийся наподобие всяких Фемид и Аврор, а выражение одного из центральных понятий концепции, раскрываемых последовательными этапами. Неуместно там другое, соседнее слово — престол.

Допускаю, козленочек, что твое мироотношение реалистичнее, хотя это не вполне вяжется с трагизмом. Мое же — не реалистично, а реально. Это не игра словами. Верно, что я ошибался во времени, сроках и т.п. Вполне могу ошибаться и теперь и вовсе не претендую на дар прорицаний. Я только уверен, что не ошибаюсь относительно духовной стороны некоторых явлений и процессов и в их направленности. Всякий специализируется на чем-нибудь, я — на метаистории. Все может сложиться даже совсем печально для нас, но это несколько не поколеблет моего отношения к вещам, ибо оно основано не на том, хорошо нам с тобой или плохо, а на высшей объективной реальности. Поэтому я и говорю, что такое мироотношение реально.

Твое представление, девочка, о моей оторванности от жизни и о потере чувства реальности очень преувеличено, чтобы не сказать неверно, и виной тому — твоя оторванность от меня. Верно твое представление о моей оторванности только касательно некоторых практических деталей, но не общего и целого. Я читаю газеты, журналы, новые книги, иногда вижу новых

людей, переписываюсь, и у меня на плечах все-таки есть голова. Не зная, на чем основаны, как на камне, мнения другого человека, не совпадающие с вашими мнениями, неправильно прибегать к самому примитивному объяснению: потерял-де чувство реальности. Революционным демократам, например, и даже в свое время большевикам многие бросали подобный упрек. Жизнь показала, кто оказался «реальнее». И меня удивляет мама: ни о чем подобном мы не разговаривали. В этой связи — и о том, как я писал заявления. Никаких поэм в прозе и никакой Достоевщины. Могила моей бабушки — это одно, в этом проявилась лучшая сторона человека, в некоторых отношениях прямо-таки редкого; совсем другое — толкование со своей колокольни тех фактов, подоплека которых известна только мне. Верно лишь то, что я вообще не умею хорошо писать официальных документов, но не за счет включения в них лирического элемента, а за счет отсутствия особого юридического, практически-делового мышления. Могу, впрочем, успокоить тебя тем, что вообще не собираюсь писать куда бы то ни было.

То, что ты писала о родных и друзьях, читать мне было, конечно, больно. Больно еще и потому, что я иначе, чем ты, гляжу на свою вину перед ними и, следовательно, не могу не считать их отчасти правыми — в отношении ко мне, разумеется, а не к тебе. Но глубокое и совершенно цельное чувство у меня сохранилось только к Саше⁸, Анечке⁹, Сереже¹⁰ и Тане Волковой. Кстати, почему ты не присылаешь Бишиных стихов?¹¹ Очень-очень прошу. О С<тефановиче> и Х<...>¹² я знал уже тогда. Сомневаюсь, жив ли он. Злобы на них у меня больше нет. Не вполне понял, кого ты имела в виду, говоря о раскрытых ртах во время чтения стихов и о бездействии потом. Таня О<ловянишникова> меня тронула. Не знаешь ли, где и как она теперь? Жива ли Полина Ал<ександровна>?¹³ Хотел бы знать, жива ли Галя Р<усакова>, но не знаю, как это сделать. Я ее видел 7 1/2 лет назад, это была потрясающая встреча, какие бывают раз в жизни. Наверное, она думает, что меня нет в живых. Должен еще сказать, что замечательно показала себя Тат<ьяна> Влад<имировна>¹⁴, но я опростоволосился так, как ни с кем, и теперь, вероятно, она не хочет обо мне знать. Об остальных — посмотрим, что получится впоследствии. О здоровье — в след<ующий> раз, сейчас уже негде. Во всяком случае, не преувеличивай, дитя, ни моих недугов, ни моего легкомыслия. Мама присылает лекарства, и я аккуратно делаю все, что говорят врачи и вообще умные люди (в пределах реально-возможного). Кроме того, ежедневно загораю, а зелень вижу немного больше, чем раньше. Самочувствие такое же, как и 2 месяца назад. А вот ты совсем перестала информировать меня о своем здоровье и ничего не пишешь о работе, о занятиях, даже хотя бы о настроениях. Даже насчет экскурсии в лес — не знаю, радоваться ли за тебя или тревожиться из-за непосильной для тебя нагрузки. Дорогой Джони горячий привет; ужасно жаль, что не увижу ее карточки. Друг еще здесь, он, разумеется, передает всякие хорошие слова. След<ующее> письмо напишу около 1/IX, если мама придет сюда в августе (она хотела), в противном же случае тогда придется написать ей, а тебе на месяц позже. Пиши почаще, драгоценная, бесценное мое дитяtko.

Господь с тобой.

Даниил

[Приписка сверху страницы] Только что получил твое письмецо о маках, котятках и прочем и порадовался тому, что даже в вашем существовании удается иногда почувствовать минуты уюта, красоты и ласки.

27. Д.Л. Андрееву

11 АВГУСТА 1955

Родной мой, письмо от тебя!

Оказывается, я что-то перепутала, ждала от тебя письма в июле, напустила на себя всяких страхов и только всего и толка, что перестала тебе писать со страху.

Знаешь, наверное, если б мы были вместе, то ни о чем не спорили бы, по-видимому, споры рождаются действительно от расстояния и неизбежной недоговоренности.

Спасибо за теленочка¹, он чудный, теплый, особенный, простой и трогательный. И, по-моему, чудесный формально.

Все-таки должна сказать (не в порядке продолжения спора, но немножко...), что II часть «Фауста» для меня под знаком вопроса, как поэзия (?) или драматич<еское> произведение (?). А IX симфония Бетховена, опять-таки для меня, но уже без вопроса, безусловно худшая из всех его симфоний. Все, что можно было сказать, сказано в великолепной музыкальной и стройной I части, все остальное, с моей точки зрения, попытка говорить в музыке то, что ею не выговаривается.

Что касается мироощущения, тут мы тоже спорим о словах. Только для меня никакие масштабы и горизонты надолго не заслоняют и не снимают боль от горя любимых людей.

Ты меня поразил тем, что пишешь относительно Гали². А я-то думала, что она не разделила нашей судьбы, и радовалась! За нее мне очень больно. Нельзя ли узнать о ней так: пришли мне адрес, ведь кто-нибудь есть дома, а я напишу?

Я уже писала, что твой адрес передала Шуре и Галине Юрьевне. Что касается последней, перепишу тебе кусочек из письма моей подруги, которая теперь вместе с ней: «...она мне не понравилась, уж очень много разговоров о том, как себя чувствует Ваш муж, как у него совесть, что все люди из-за него сидят. Взяла его адрес, но я уже и жалею, что дала, еще глупость напишет; единственное, она, по-моему, не будет писать сама, а отдаст мужу, она с ним встречается». (Т. е. Саше.)

Милый, позволь мне на этом кончить тему о прошлых связях, хотя бы о некоторых из них! Человек, который после стольких лет, проведенных здесь, знающий, где ты эти годы провел, и могущий говорить так, у меня не вызывает никаких чувств, даже плохих.

Бишины стихи напишу, немножко опасаясь письменной реакции. Лучше я тебе скажу, что видала фильм «Ромео и Джульетту» с Улановой и не могу найти слов, чтобы сказать, что это. Это — мой любимый Шекспир больше, чем в драматическом театре, это — эпоха Возрождения, Данте, Петрарка

и Боккаччио и это — гениальная актриса, после которой не надо играть Джульетту, все равно лучше нельзя.

Вот и опять письмо кончается... Привет от Джони, если можешь, напиши для нее несколько слов. Привет твоему другу, неужели нельзя знать о нем побольше?

Я теперь опять буду писать, мой хороший, и постараюсь больше не поддаваться нелепой панике.

Господь с тобой, любимый, меня очень успокоило твое письмо, и я некоторое время буду хорошая.

Листик

28. Д.Л. Андрееву

23 АВГУСТА 1955

Родное мое Солнышко!

Мама написала мне, что ты лучше выглядишь. Знаешь, мой хороший, я никак не могу себе представить всего этого «лучше» и «хуже», я помню тебя таким худым, замученным и слабым, что, как ни стараюсь, не могу вспомнить, как получается, когда ты выглядишь «лучше». Последние твои слова перед разлукой (ты помнишь?) были: «Как хорошо, что все самое тяжелое мы уже пережили, у меня не хватило бы сил пережить все это еще раз». После этого началось.

Сколько лет эти слова шли рядом со мной через все, что пришлось — до твоего первого письма. А последнее, что я видала — твое лицо в заднем стеклышке автомобиля, причем я сразу вспомнила Леон<ида>Фед<оровича>¹, хотя ничего не знала.

Родной мой, моя воркотня насчет Достоевского объясняется очень просто: я не хочу слушать, как меня судят другие люди, потому что не считаю их лучшими, чем я, но я-то себе никогда не прощу и не забуду очень многого. И когда я анализирую свои поступки, то вижу, что виной было отсутствие точных и твердых принципов. Вместо того чтобы отличать белое от черного и следовать очень простым и ясным установкам, я плавала в нюансах и попытках делать конкретные, действенные выводы из сложных ощущений. Занятие — в корне порочное, вот почему я и зашипела на Достоевского. Конечно, я виновата, а не он, но я — еще не самый плохой и слабый его читатель. А чтобы опускаться в глубину безнаказанно, нужно иметь очень твердую опору на поверхности. Впрочем, это все 2 × 2.

Мой хороший, я стала по воскресеньям немножко писать: начала три (театральных) эскиза к «Каменному гостю» Пушкина². Я не хотела (из суеверия) писать тебе об этом раньше, чем будет кончено, но это будет слишком долго, хочется скорее тебя порадовать. Кажется, получается неплохо, но мне очень трудно судить обо всем, что я делаю, я ничего уже больше не понимаю, хорошо или плохо. Этот котелок с картошкой, в котором я варюсь столько лет, совершенно меня дезориентировал относительно себя самой. Главное — полное отсутствие какой-то созвучной атмосферы. Только одна Джони, но она слишком пристрастна, слишком (в искусстве) неопытна и слишком

устала. Ну, посмотрим, может быть, и правда уже не так далеко до встречи, а внутренних сил еще достаточно, дорогой мой.

Уже осень, ночи холодные, огородик подмерзает, кабачки очень маленькие и помидоры не краснеют. Ужасно хочу возиться с землей (с маленьким кусочком своей), меня дразнят «юным мичуринцем». До свиданья, Заинька, привет твоему другу.

Листик

29. А.А. Андреевой

2 СЕНТЯБРЯ 1955

Радость моя!

На днях я написал Шуре и выслал ей деньги — к сожалению, удалось только 80 руб. Но переписываться с ней не могу, т.к. формально она не является моей ближайшей (прямой) родственницей. Очень жалею, что ты не написала мне подробнее о ее состоянии — физическом и душевном, как она выглядит, чем ее лечат? Лежит она или ходит? — Подозреваю, что характером моего письма ты осталась бы не вполне довольна, но иначе я не мог. Кстати и о Галине Юрьевне¹ напиши, пожалуйста, на каком основании ее актировали, чем она больна? Боюсь, в вопросе об их отношении ко мне нам с тобой будет трудно столковаться. Ты пишешь: «Человек, который после стольких лет, проведенных здесь, знающий, где ты провел эти годы, и могущий говорить так (т.е. как у меня совесть, все сидят из-за меня), не вызывает у меня никаких чувств, даже плохих». Напрасно. Одно то, что Г.Ю., абсолютно ни в чем не виноватая, провела 7 лет в таком месте, должно бы у всякого вызвать по крайней мере чувства глубокого соболезнования и жалости к ней. Надо сделать все возможное, чтобы такие естественные человеческие чувства не притуплялись вследствие частого созерцания подобных зрелищ. И не подсекались вмешательством слишком личного. Но и помимо этого я, как ты знаешь, иначе отношусь к случившемуся с нами и к моей роли во всем этом: совсем иначе. Не только я, но и Г.Ю. прожила эти годы не в раю, а главное — там же провел их ее муж. Переставь мысленно роли, вообрази себя — на ее месте, а меня — на Сашином, а Сашу — на моем. Располагая таким объемом сведений, как Г.Ю., ты вряд ли испытывала бы к виновнику жизненной катастрофы любимого тобой человека прилив добрых чувств. И была бы права, как сейчас права Г.Ю. Да, в моей истории есть ряд смягчающих обстоятельств, но, во-первых, они ей неизвестны, а во-вторых — даже и они не меняют дела по существу, и я остаюсь объективно виноват в вещах, достаточно печальных и во все не мелких. Я не понимаю даже, против чего тут можно спорить или на каком основании гневаться на Г.Ю. (да еще в такой степени, что чуть ли не вычеркивать ее из числа знакомых), если только сохранить мало-мальскую объективность. Я знаю, конечно, что это вытекает из твоей любви ко мне. Но, родная моя, есть вещи, какие даже любовь не должна оправдывать. Ведь мы столько раз могли видеть на примере Шуры, как недопустимо, чтобы любовь, как велика бы она ни была, застилала глаза на объективную значимость вещей. Прости, родная, что я в таком решительном тоне это говорю, но ты сама

понимаешь, насколько важен этот вопрос. Каждый из нас должен знать позицию другого в этом вопросе без всяких смягчений.

Спешу еще исправить неверный вывод, который ты сделала относительно Гали Русаковой². Насколько я знаю, она благополучно ушла и живет по адресу: ул. Красина, д. 14, кв. 16. Но она своим благородством едва не погубила себя совершенно попусту, будучи вызванной в качестве свидетеля. Если напишешь ей несколько строчек, я буду тебе очень, очень благодарен. Но обо мне сообщи только, что я жив и бодр и что беспокоюсь о ней, о В.Ф.² и о Пелагее Кузьминичне³, столько лет ничего не зная об их семье.

6 августа у меня была мама. Держит себя в руках она очень хорошо, но, конечно, нельзя не видеть, что, в сущности, это — комок нервов, каждый из которых пронзительно кричит на свой лад. Возвратившись в Москву, она тотчас же известила меня об этом открыткой, но с тех пор не было ничего больше, и это начинает немного беспокоить.

Кстати, ты говоришь, что не преуменьшаешь трудностей моей жизни. Дорогая моя, кому же мог бы прийти в голову упрек, что ты их преуменьшаешь? Как раз наоборот: ты их сильно преувеличиваешь: вот в чем соль! Уверяю тебя, что не так страшен черт, как его малюют. Не знаю, как было бы для тебя на моем месте (разные характеры и склонности), но для меня в высшей степени полезно пробыть несколько лет (не до бесконечности, разумеется) там, где я нахожусь. Плодотворность этого я вижу постоянно и со временем — если доживу — докажу. И наоборот: твоя «специфика» кажется мне чем-то кошмарным. Одна хотя бы вечно нависающая угроза перемены места чего стоит! Не говоря уже о таких «подарках жизни», как твоя шефесса. Во всяком случае, я бы там столько времени, конечно, не выдержал бы — психически, а м. б., и физически. Ведь почему для меня был так исключительно тягостен период <19>43–<19>44 г.? Потому что я был лишен тогда главного, без чего начинаю духовно хиреть с ужасной быстротой. А в твоих условиях я был бы его лишен, если не полностью, то на 80 %. Твое здоровье не выходит у меня из головы, особенно мысль о твоих несчастных, беденьких нервочках. Ах, мой Листенька! Конечно, будь я рядом, я бы согрел, обласкал, отходил бы тебя; но все-таки ведь я не чудотворец, и меня мучат раздумья о том, как в будущем осуществить абсолютно необходимый для тебя период отдыха, период такого безоблачного *far niente*^{*}, когда лечение является единственной неприятной обязанностью. А о своем здоровье могу сказать (тьфу-тьфу через левое плечо! чтобы не сглазить!): последний месяц я чувствую себя гораздо лучше. Главное — сердце за целый месяц напомнило о своем существовании только 1 раз. Это чего-нибудь да стоит, если учесть, что в июне — июле оно давало о себе знать каждый 2-й день. Гастрит тоже молчит, поскольку теперь я не ем ни черного хлеба, ни капусты — этого страшного порождения Вельзевула.

Девочка, я не понял: какой «Аустерлиц» ты готовишь? Из «Войны и мира»? Не забудь пояснить. Судьбе теляночка очень рад, а насчет Гумилева⁴ ты меня поразила: я думал, что от него ничего не осталось, да и не жалел: слабо.

* *Far niente* — безделье (итал.). — Ред.

Но, значит, уцелело и еще кое-что? Спасибо, Солнышко, это — сюрприз. А вот когда ты пришлешь наконец Бишины стихи? Ведь жду уже 4-й месяц! И никакой реакции, пожалуйста, не бойся. Все равно ведь узнаю, рано или поздно! А сейчас психологический момент сравнительно благоприятный.

Я когда-то спрашивал, но ты так и не ответила (может быть мое письмо не дошло): знаешь ли ты, где находятся эскизы к «Гамлету»⁵ и другие вещи? И второе: какова судьба Сережиных вещей?⁶ Сообщением о Наташе⁷ ты меня поразила: я был уверен почему-то, что она благополучно прожила эти годы, если, конечно, в понятие «благополучие» можно включить невольный отъезд в Кишинев. Кстати, почему именно Кишинев? Ломаю голову и ничего не могу сообразить. А корни века, лес, лунная симфония⁸ и пр<очее> утеряны?

То, что ты пишешь об Улановой, меня радует в высшей степени, и я мечтаю, как мы будем смотреть ее вместе. Что же касается вашей с Джони мечты о сибирском домике, то нельзя ли все-таки куда-нибудь потеплее? Хотя я и хожу босиком по снегу, но ведь не в 40°-ные морозы! По правде говоря, если выбирать из чисто джэклондовских перспектив, мне больше улыбались бы пейзажи в стиле Сказок Южных морей...⁹ В отношении же количества шансов на реализацию мечтаний оба варианта прелестны в равной мере. Думается, что более вероятно совсем другое. И мы еще успеем повидать многое из того, о чем мечтаем.

Два слова о II части «Фауста». Я вижу в ней очень много недочетов, неувязок и, во всяком случае, массу «спорного». Что бесспорно, так это финал, и выше я не знаю ничего во всей мировой поэзии, исключая «Божественную комедию». Если бы к такому парению духа подводил текст, написанный не на уровне все-таки Гёте, а даже на уровне Щипачева — ради такого финала пришлось бы принять щипачевские вирши. Я за эти годы перечитывал Фауста 2 раза. А ты?

Хочу [сказать] еще несколько слов по поводу твоей мысли, что «горизонты» не заслоняют от тебя боли за близких. Для меня — тоже; тут нужен другой глагол: не «заслоняют», а изменяют ее характер, ее окраску; если хочешь, что-то вроде «просветляют», озаряют, переводят в какой-то другой план, вроде того, как гениальный реквием или «со святыми упокой» переводят в другой регистр боль личных утрат.

Мои ожидания, что это лето станет в моей внутренней жизни большим рубежом, не вполне оправдались. Но обогащение произошло огромное. Теперь лишь бы подольше тянулся период досуга да не мешали бы болезни. И дело будет в шляпе.

Просьбу же твою о нескольких словах к Джони я, к великому сожалению, выполнить не могу. Я никогда, ни при каких обстоятельствах не умел писать к человеку, с которым еще не имел личного контакта. У меня к ней самое теплое чувство, но я не знаю слов. В лучшем случае получилось бы несколько глупо-банальных, официально-вымученных фраз. Не сердись, пожалуйста: это вовсе не лень и не отсутствие желания. Ты лучше просто передай ей мою радость от сознания, что она есть на свете, и бесконечную благодарность за тебя. Ты спрашивала о специальности: экономика, финансовое дело¹⁰. Разумеется, шлются всякие приветы.

Перебираю все твои пальчики, я помню наизусть их все, со свойственной каждому из них физиономией. Следующее письмо думаю написать 1 октября, но если ты его не получишь вовремя, ради Бога, не волнуйся: это только будет означать, что пришлось писать маме, а тебе отложить до 1 ноября. Кстати, сегодня от мамы — посылка и открытка. Ее замучил ремонт и — удивительное дело! — жара. Где она нашла жару в это хулиганское лето — непостижимо. Ты, бедненькая, так и не согрелась, наверное... Целую тебя и ласкаю, мою ненаглядную синюю птичку.

Даниил

30. Д.Л. Андрееву

11 СЕНТЯБРЯ 1955

Родненький Зай!

Вчера вечером пришло твое письмо. Я заметила, что они приходят именно 10-го. Напиши мне, писал ли ты в июле — мне интересно выяснить, не пропало ли одно твое письмо. Я очень рада, что тебе удалось написать Шууре. Только прежде, чем перейти к этой болезненной теме, я хочу порадоваться чудесному стихотворению. Хороший мой, какой ты умница, что придумал слать мне такие открыточки!¹ Конечно, это — Сережино стихотворение². Т.е. бывшего Сережи. Какой он сейчас, я совершенно не представляю себе.

Ну, начинается тяжелый разговор. Милый, я мало что могу прибавить к тому, что раньше писала о Шууре. Я ее не видела с весны <19>51 года. Она выглядела очень плохо, и душевное состояние было плохое. Это не человек, а трагическая развалина — и физически, и душевно. Точно, чем она теперь больна (только ли язвой или еще чем-нибудь), я не знаю, хотя последний раз говорила с лечащим ее врачом. Врачи тоже бывают всякие, эта — не очень хороший врач, молодая женщина. Хорошо одно: она хорошо относится к Шууре и делает для нее все, что возможно. Чем ее лечат — не знаю, думаю, что не особенно хорошо. Вообще, я рада, что ты написал: как бы ни лечили, а долго она не проживет.

Недавно мне описывали ее внешность: угловатая, черная, очень странная фигура с потухшими глазами, похожая Мефистофеля. Я ее тоже видела примерно такой. Чем больна Г.Ю. [Хандожевская], не знаю, но знаю, что довольно бодр. Много занималась самодеятельностью как художник.

Ты очень не прав в одном: если б веревочка начала виться не с нас, а с любого другого (чего не произошло случайно), у меня хватило бы здравого смысла и объективности никого не обвинять в том, в чем виноваты (или не виноваты) все. Жаль, что так не случилось. Не у меня, а у них — семейный масштаб. Аленушка Лисицына имела больше оснований для всяких плохих чувств по отношению к нам, гораздо больше, но она их не имела. Не только к тебе она прекрасно относится, но она была и моим другом, когда мы увиделись сразу после всего этого, и я уверена, что и теперь у нас все было бы хорошо. Потому что она человек, а все эти — мелочь, не умеющая думать. Так что мы с тобой вряд ли сговоримся по этому вопросу. Между прочим, я послала Бише открытку. Вряд ли ты тоже остался бы доволен ее содержанием: я на-

писала что могла о пересмотре дела, сообщила твой адрес и написала, что если он хочет знать что-нибудь еще, то пусть пишет мне. Конечно, он не написал. Ну, я думаю, мы с тобой слишком уж много говорим на эту тему. Кстати, ни к Стеф <ановичу>, ни к Гале Х <ижняковой> у меня никогда не было злого чувства. Это на тему об объективности.

31. А.А. Андреевой

3 октября 1955

Родная моя,

в программе письма — несколько очень волнующих меня тем. Последовательность их будет случайна, не обращай на нее внимания.

Свою злополучную фразу¹ перед нашим расставанием я помнил и не мог себе простить: я боялся именно того, что она врезалась тебе в память и увеличивает твою тревогу. Вот дернул черт! И притом же пальцем в небо. Я помню слова Адриана: «Нет, Леон <ид> Фед <орович>, горбовская душа — живучая, она вроде ваньки-встаньки». И еще запомнил на веки веков маленькое ярко-блестящее белое пятнышко в перспективе залитого солнцем переулка: это ты стояла у подъезда в белой блузке. Я ведь тогда принужден был повернуть, пересев в другую машину, у самого аэродрома. И представь: Калуж <ская> площадь, Якиманка, мимо дома Глинских, и наконец монументальный, величественный, широкий и даже с настоящими чугунными перилами мост — украшение, гордость Красной столицы. Совпадение было потрясающим².

О «Гамлете» я, по правде говоря, боялся спрашивать, особенно после того, как ты один раз не ответила (очевидно, не получила письма). У меня оставалась крошечная надежда... Мне и сейчас кажется, что кое-что из твоих работ могло остаться в квартире, просто у соседей. Если бы мама была помоложе и лучше понимала, что такое искусство (и для тебя как художника, и объективно), она бы давно уж выяснила этот вопрос досконально.

Спасибо, что написала о Шуре. В нескольких словах ты сумела нарисовать такой яркий образ, что к нему, кажется, добавить нечего. Но ответа на мое письмо до сих пор нет; очевидно и не будет. Что для меня это значит, ты представляешь сама. Из каких побуждений не ответил на твою открытку Биша — мне неясно, в особенности если учесть, что твои отношения с Шурой более или менее наладились. — Если моя встреча со всеми ними состоится — а, очевидно, так и будет — это будет нечто до того безумно тяжелое, что и представить трудно. А на «мучительную» тему скажу еще вот что: наиболее вероятно, что ты права относительно твоей «роли» и реакции на нее со стороны остальных; а я прав касательно моей роли и реакции на нее со стороны остальных. Тут не противоречие, а разница в существе обеих ролей. Больше эту тему постараюсь не затрагивать, т <ак> к <ак> действительно об этом надо говорить много часов кряду, а не писать. Но только, любимая моя, откуда ты взяла, будто я упрекаю тебя в слишком «женском» отношении к вещам? Ничего подобного мне и в голову не могло прийти. Как раз наоборот: я всегда поражался в тебе именно свободой от этого специфического отношения

к вещам. Достаточно было видеть твоё отношение к Гале Р <усаковой>, к Марине³, не говоря уж о еще более трагических, болезненных вещах. Что же касается другого оттенка отношений, который ты называешь домашним, то в большей или меньшей степени оно свойственно всякому человеку, кроме абстрактных, старых сухарей, и, в своих границах, оно законно и уместно. Но иногда в поведении любого из нас оно прорывается за эти границы, и тогда, по-моему, желательно это осознать и преодолеть.

Судьба леса⁴ и пр. Ты говоришь «как же иначе». А во-первых, так, что люди со здравым смыслом и не утратившие присутствия духа могли бы использовать те полгода оттяжки, ради которых я старался затянуть все что мог. Уверена ли ты, что они действительно не придумали ничего, кроме того нелепого варианта, который в конце концов поставил их самих в ужасное положение, а другим причинил одни неприятности? Ведь та река, кот <орая> течет через Владимир, протекает и в дачной местности под Москвой, и все мы не раз ездили туда, жили и гуляли. Второе. Когда абакумовские подручные предложили мне подписать (скрепить своим согласием) распоряжение об уничтожении всего моего архива, я подписал его с категорической письменной оговоркой, протестуя против уничтожения, во-первых, собрания сочинений Леонида Андреева в 8 томах, изд. 1913 г. (если эти ослы даже не знали, что это издание можно достать в любой публичной библиотеке, купить у любого букиниста), а во-вторых, странников⁵. И думаю, они находятся при моей папке. (Многие стихи Олега⁶ целы и невредимы.) А Биша в аналогичных обстоятельствах вел себя, как я слышал, совсем иначе. — Кстати, я так и не знаю, уважили ли тогда мою просьбу о передаче в Литературный музей писем отца и прадеда (брата Т. Шевченко).

А то, что стихи ты прислала только через четыре месяца после предупреждения о них, — очень хорошо: свалившись как снег на голову, они и в самом деле могли бы меня вывести из колеи всерьез и надолго⁷. Ну кто бы мог поверить, что автор когда-то обладал крупным талантом? Ты писала, что они хороши в формальном отношении. Но, дорогая моя! В чем ты ухитрилась заметить хотя бы внешние достоинства? Ни единого свежего образа, ну хоть интересного ритмического хода, выразительного звучания, яркой рифмы! Подобная халтура исчисляется сотнями тысяч... И это — автор таких шедевров!.. Очень жду второго, может быть, хоть в нем мелькнет хоть что-нибудь. Вот это так трагедия. А не кажется ли тебе, что спад начался уже очень давно, примерно в <19>43 году? Вспомни «Партизан», «Дочь академика»... Даже последние главы «Корней»⁸ значительно уступали первым главам. Но, конечно, это могло быть временным явлением, если бы не последовавшая за этим катастрофа. Несчастье еще и в том, что он оказался в твоих условиях, а не в моих: мне представляется, что в твоих условиях гораздо труднее сохранить достоинство и просто самого себя.

А вот в удаче «Каменного гостя» я совершенно уверен. Если тебе раньше не хватало практического знания сцены, то теперь этот пробел заполнен. А в том, что ты обладаешь настоящим талантом художника-декоратора, может сомневаться или не выдавший «Гамлета», или идиот.

Ваша реакция на амнистию мне, конечно, понятна. (Друга она не касается.) Начинает казаться, что наша с тобой встреча ближе, чем я раньше

предполагал. Сроки загадывать боюсь — с этим часто попадаешь впросак, но надеюсь я при этом не на то, на что мама, а на цепь мероприятий общего порядка. Может быть, даже бросим якорь на некоторое время в Подсосенском⁹. Но при этом обозначаются некоторые такие сложности и трудности, перед которыми я останавливаюсь в полном недоумении: как же я должен себя вести и что делать. Ты, безусловно, некоторых из этих сложностей даже и не подозреваешь. Надо полагать, пенсия инвалидов Отечественной войны будет восстановлена. Но это — мелочи; гораздо сложнее другое, о чем при встрече. Что же касается целины, то необходимость этого отпадает, по-видимому, совершенно.

Молчание джониного отца¹⁰ выглядит действительно озадачивающе. Я не совсем понимаю, какой мотив ты подразумеваешь, сравнивая это с молчанием Александра Викторовича. Но вариант, будто был прислан адрес другого лица, кажется мне мало вероятным. Вероятнее, что адрес не вполне точен: ведь именно это случилось в <19>49 году, когда мне был прислан твой адрес и я отправил по нему 2 письма, вернувшихся назад за ненахождением адресата. Впоследствии оказалось, что в цифрах адреса отсутствовала одна единица. Если б не это, ты имела бы от меня весточку на 4 года раньше. А потом возможность переписки с тобой отпала совсем. Не произошло ли и тут что-нибудь в этом роде? Кстати, никакого письма тебе в июле я не посылал. Я использовал право на него в конце мая, когда понадобилось срочно написать маме.

Мама пишет, что Дюканушка в отпуске и они собираются к тебе и ко мне, но еще не решили, к кому раньше. Погода ужасная, и я очень боюсь, как они проделают такие путешествия в глухую черную осень. Гарун бежал быстрее лани, быстрее, чем заяц от орла... Помнишь Лермонтова? Ты спрашивала об имени Олега друга¹¹. А к папе с мамой это отношения не имеет, конечно.

Чувствую себя хорошо: в сентябре было только 2 дня, когда пришлось принимать нитроглицерин. Это было связано с тем, что лечение зубов и устройство протезов принуждало меня несколько раз подниматься на высокий этаж. Это, как и подъем тяжестей, до сих пор удается мне плохо. По ровному же месту хожу недурно: час — на свежем воздухе и еще около часа расхаживаю по комнате, но не подряд целый час, конечно, а по частям. Вообще, пока я остаюсь на одном месте, и без особых волнений, все идет отлично. Усиленно работаю; много сделал за последние полгода. Душевное состояние довольно устойчиво и было бы еще лучше, если бы я мог быть уверен, что останусь здесь до весны. Ко всем переездам я испытываю глубокое отвращение, и прежде всего потому, что плохо представляю, как я с ним справлюсь. Ведь сейчас я не могу даже поднимать или носить собственного багажа, хотя он вовсе уж не так громоздок. Но так как состояние сердца улучшается, хотя медленно, но верно, то я и надеюсь, что к весне смогу справиться со всяким переездом.

Внимательно и с большим интересом прочитал «Открытие Индии» Неру. Он тоже односторонен, рационалист, благоговееет перед научным методом, собственного мировоззрения у него так и не выработалось; но в каждой странице чувствуется огромная культура, широта и крупный масштаб личности. А главное — он прекрасный человек, гуманист в настоящем смысле сло-

ва, и заслуги его перед Индией колоссальны. Словом он владеет блестяще, книга читается с неослабевающим интересом. Прочитал еще присланные Дюканушкой рассказы Тагора (подбор, впрочем, не слишком удачен) и великолепно изданную книгу И.П. Минаева «Дневники путешествия в Индию и Бирму»¹². Эти дневники, относящиеся еще к <18>80-м годам, опубликованы только теперь в сопровождении весьма солидных комментариев. Помнишь ли ты, что в начале <19>47 года я подумывал о биографии Минаева для Географгиза и ходил к его племяннице, после чего С. Матвеев поднял вопрос о пенсии для нее в Академии Наук? Теперь книга издана прямо-таки роскошно. Вообще же читаю очень мало за неимением времени. Прости, родная Проталинка, если неумышленно чем-нибудь обидел или задел тебя в предыдущих письмах: это могло случиться только в том случае, если ты что-нибудь не так поняла вследствие неясности, неточности выражений. Целую и нежно обнимаю. Крепись, мой бедный, усталый кротик, скоро уж не надо будет рыться в земле — вылезем на свет Божий. Не падай духом.

Даниил

Сердечный привет Джони¹³.

32. Д.Л. Андрееву

21 ОКТЯБРЯ 1955

Знаешь, Солнышко мое, все читаю «Навну» и никак не могу определить отношения (своего к ней). Писать буду бестолково, потому что не скоро смогла бы высказаться по этому поводу связно. По звучанию и по своеобразию это — чудо. Просто великолепная и совершенно своя вещь. Поразительны пути, пройденные тобой и Бишей в противоположных направлениях.

Ну, а вот дальше начинается, мой хороший. Ну, чем же я виновата, что, когда я читаю такие места, как вот это:

Полночью пенились пазори в тучах,
В тучах над тихою, хвойною хмарью...
Хвойною хмарью, пустынною гарью
Пахло на кручах.
Бед неминучих
Запах — полынь!..
На лесных поворотах
Дятлы стучали... Ветры качали
Аир на дремных болотах! —

читая это, я прихожу в безоговорочный восторг. А зачем и откуда взялись имена, которых ты знать не можешь, я не понимаю. И эти имена, а также строчки (плохо говорю, не строчки, а иначе надо сказать), как:

— То стихияли баюкали космос
Телесного слоя. —

звучат для меня доктором Штейнером¹.

И вот вся вещь для меня — смесь настоящего, огромного, недостижимого искусства с совершенно сомнительными вещами.

Зайка, ты не сердись. Если я не права, я буду очень рада, но я иначе не могу говорить, мой дорогой.

А теперь я поболтаю про пустяки. Нашей кошке очень плохо. Мы ее попробовали лечить: вливали в горло дисульфид, синтомицин, разведенный спирт. А сегодня попробовали влить много опия. Она его выплюнула, потом ей было скверно, а сейчас у нее не то галлюцинации, и она ловит воображаемых мышей, не то просто бесится. Представь себе — ночь, и по комнате мечется полубезумная черная кошка. Так как в основном я ее «лечила», то она меня боится, а я ее побаиваюсь.

Работы много, затеяли грандиозный концерт, в котором я буду читать неинтересные вещи.

У Джони плохо со здоровьем. Это уже далеко не пустяки для меня. Очевидно, возобновился процесс в легких (она год болела туберкулезом на Севере). Если б вырваться отсюда вместе с ней, я ничего не боялась бы — за нее и за себя, а за тебя боялась бы очень.

Спокойной ночи, мой ненаглядный, не сердись на меня, я не могу быть другой. Большой привет от маленькой. Привет твоему другу, мой золотой Заинька.

Листик

33. А.А. Андреевой

2 ноября 1955

Доброе утро, мое Солнышко! Прежде всего, спасибо тебе, дорогая, за все карточки. Сказать о них можно много, но главное в том, что несмотря на отчаянно измученный вид, от которого сердце обливается кровью, в твоём облике сохранилось и даже возросло что-то необыкновенно тонкое и романтическое. Это замечаю не я один. Особенно хорош тот снимок, где ты в пальто (вероятно, это то самое, которое я как раз не успел посмотреть перед моим отъездом, но которое оказалось готово к твоему?¹). Сегодня мне подарили альбомчик, куда я все это вклею.

Представляю, как ты сейчас, бедняжка, работаешь, и удивляюсь, что ты еще находишь минуту для писем. Родненькая, когда ты так загружена, лучше поспи лишних $\frac{1}{2}$ часа, чем писать. Я потерплю, ведь я и сам был как-никак оформителем, я представляю, каково тебе в такие периоды, да еще с вашей спецификой в придачу². Но, кажется, дело и в самом деле движется к концу. По-моему, в декабре — январе мы сможем получить аттестат зрелости³. За этим должен будет последовать экзамен в вуз и несколько лет учебы, тем более увлекательной, что здоровье наше находится в самом студенческом состоянии. Если даже одна только мысль о некоторых предстоящих предметах изучения кончается вызовом сестры и принятием нитроглицерина, камфоры и пр., то легко представить, сколь разнообразными приключениями ознаменуется и чем закончится наше с тобой второе студенчество. Ты об этом беседовала с Дюканушкой, но он — профессор отнюдь не горьковско-

го университета жизни, и оба вы еще и не представляете некоторых трудностей, лично мне предстоящих.

26-го была мама. В общем, все было как и в прежние разы, только она показала мне что-то очень уж бледной. Разумеется, для нее подобные поездки, да еще с изрядной поклажей, абсолютно непозволительны, но ты сама знаешь, как трудно ей что-ниб<удь> втолковать. Не знаю, рассказывала ли она тебе про могилы Добровых? Во всяком случае, если у тебя будет хоть какая-нибудь возможность, сообщи, пожалуйста, Шуру и Саше, что за могилами все эти годы заботливо ухаживает В.П. Митрофанов. Мама именно там его и встретила, а мне он передал кое-какие продукты. Меня удивило и страшно тронуло все это: я никогда не ожидал от этого холодного, казалось бы, человека такого отношения к памяти стариков. А когда будешь писать маме, попроси ее передать ему адрес Шуры: м. б., он напишет ей или вышлет денег. Вообще, ужасно радостно узнавать о людях что-нибудь неожиданно хорошее.

Ну, несколько слов на мучительную тему, ответ непременно: 1) жива ли Полина Ал<ександровна>⁴, и если нет, то когда именно она скончалась? 2) Присутствовала ли при смерти Марии Вас<ильевны> Ус<овой> Ирина и не известно ли, где они с мужем теперь?⁵ 3) М.б., и кроме жены Ивановского и Наташи⁶ попал в такое же положение еще кто-ниб<удь>, о ком я не подозревал? 4) Не знаешь ли ты; каково было отношение Сережи Матвеева к ним: добровско-коваленское или белоусовско-кемницкое?⁷ Как грустно, что тебе все время приходилось иметь недалеко от себя людей именно первого, а не второго типа. 5) Не слышала ли ты чего-нибудь о Тане В<олковой> и ее родных: в Москве ли она и ее сыновья, сестра? (Все-таки не поленись, девочка, потратить $\frac{1}{4}$ часа и перепиши мне Бишино первомайское стихотворение.) В то, что мое письмо не дошло до Шуры, я не очень верю. А деньги?.. Дело в том, что оно невольно у меня получилось в каком-то бодром тоне; учитывая ее характер и положение, теперь я догадываюсь, что он мог ее даже обидеть и внушить кое-какие неправильные представления. Что касается Ивановского, то меня не удивляет его состояние: другого от него и ожидать нельзя было. Думаю, что Василенко — еще хуже⁸. А Сережа... но Листик мой, не знаю, хотим мы его «знать» или не хотим, но ясно, что он нас знать не хочет. Этого мало: подобное отношение будет передано через Аню и Андрея⁹ большому кругу людей, связанных с бывш<ей> гимназией Репман. Все больше и больше жалею, что для меня непозволительно покончить счеты с жизнью раз и навсегда. Но не пугайся этой фразы: мне этот выход запрещен и исключен. И точка. Еще вопрос: насчет района Якиманки — хорошее, дурное или просто странное?¹⁰ Что же до Гали Русаковой, то я подозреваю, что семьи давно нет: старики, вероятно, умерли, а Галя если жива, то могла куда-либо переехать. Их совместная жизнь с В<иктором> Фед<оровичем>¹¹ уже и тогда не казалась мне устойчивой.

Но «мучительная тема» преподнесла мне новый сюрприз и с такой стороны, с которой я, по собственной дурости, не ожидал: это — то, что до тебя дошла сплетня о друге Олега¹². Скажу одно: ты сама, светик мой, знаешь, как легко возникает и как трудно затухает абсолютно ничем не заслу-

женная нехорошая молва о человеке, основанная либо на недоразумении, либо на дурной воле и искаженности восприятия людей, сводящих личные счёты. Олег обязан своему другу такой огромной помощью, что если он благополучно переживет этот и еще 2-3 года, то в этом скажется в значительной мере роль его друга. Кстати, меня удивило слово «товарищи» во множеств<енном> числе, которое ты в этой связи употребила. «Товарищ» — один, все исходит от него¹³. Сам по себе он хороший, прекрасно ко мне относящийся (как и я к нему) человек, но сложный, болезненный, противоречивый и с огромным самолюбием. Плюс к тому — недоверчивость, подозрительность, своего рода *esprit mal tourné**. Причины его антипатии мне известны, мне только жаль, что отзвуки этих конфликтов достигли тебя, да еще в таком искаженном виде. А к пересмотру это, конечно, не может иметь никакого, даже косвенного отношения (даже в том абсурдном случае, если бы «товарищ» был прав на 100 %). По-видимому, столь же неправильно (или, во всяком случае, преувеличено) твое представление о моем заявлении.

Что за дикая история с отцом Джони! Могу представить, какую боль вынесла она и выносит из-за этой смены надежды и безнадежности. Собирается ли она предпринять какие-нибудь шаги к окончательному выяснению его судьбы, и какие именно? Передай бедненькой от меня самые теплые, лучше горячие слова, какие сумеешь найти: в непосредственном общении это удобнее, легче. И не забудь писать мне о ее здоровье. Но вот про Чернушку ты написала так, что в первую минуту напугала меня насмерть. Конечно, жаль и кошку, но из твоих слов выходило, что это — только первая жертва «царицы грозной», которая «идет на нас сама и льстится жатвою богатой». То ли я неправильно разобрал одно слово, то ли ты что-то не так написала, только я эдакого кошмара наяву не в состоянии допустить при всей моей склонности к апокалиптике. Впрочем, картина охваченной галлюцинациями черной кошки, мечущейся среди ночи по комнате, — infernalна сама по себе, даже и без перспектив пушкинского «Пира»¹⁴. А для твоих нервов — нагрузка и вовсе излишняя. Пишу, а бедного существа уже нет, м. б., на свете.

О «Навне» подожди судить. Ведь это, с одной стороны — только начало, а с другой — само по себе, все в целом, является лишь серединой. Возможно, что относительно д-ра Штейнера ты останешься и в будущем при особом мнении, но дело в том, что к Штейнеру это не имеет никакого отношения, а имеет к некоторой концепции, лежащей под или за всеми текстами и постоянно проявляющейся в различных рядах слов и образов. Это не случайные ляпсусы, а штрихи системы. Именно в качестве штрихов, дополняя друг друга, они имеют свою *raison d'être*** и воспринимаются совсем иначе, чем взятые изолированно. Существует, как данность, некий новый жанр, называемый поэтическим ансамблем. Какая-либо тема, весьма обширная по объему и сложности, может найти адекватное выражение не в поэме, цикле или драме, а в жанре комплексном: все его части связаны между собой единством этой темы, различные аспекты и подтемы которой в них разрабатываются,

* Здесь: свойство истолковывать все в дурном смысле (фр.). — Ред.

** Здесь: разумную основу — (фр.). — Ред.

и в то же время каждая из них является произведением, до некоторой степени автономным. При этом сюда привлекаются поэмы, поэтические симфонии, циклы, даже поэмы в прозе и т.д. — Что же до названий, то почему ты так уверенно пишешь, что я не могу их знать? А если я все-таки знаю? Представь — именно знаю, да притом еще много десятков, и не только названия, но и «ландшафты», и смысл их, и звучание (там, где оно есть), и категории их обитателей, и многое другое. Я все твержу, а ты все не хочешь услышать: недаром же я пролежал, в общей сложности, 1500 ночей без сна. Мало ли какие бывали состояния. Ведь не для красоты же слога сказал я тебе, что знаю теперь много такого, о чем Леон<ид> Ф<едорович> только мечтал. Поэтому не смущайся странными словами: каждое из них, в своем месте, раскрывается и объясняется образно. (Кстати: космос — слово не штейнеровское, а общеупотребительное, а стихиали — мое. При чем же тут доктор?..)

Целую и обнимаю, моя ласковая девочка! Теперь, после праздников, буду ждать писем, потому что ты будешь посвободнее. Спокойной ночи.

Д.

Продолжаю: <...>¹⁵

P.S. Только что [получил] твое поздравительное письмо. Спасибо, бедная моя крошечка! А почему ты огорчилась своими словами о «Навне»? Колоссальные комплименты и 2 мелких замечания — чего же мне сердиться? А в общем — подожди судить до окончания.

[На стр. 3 письма сверху приписка] Привет от друга.

34. Д.Л. Андрееву

12 ноября 1955

Зайнъка любимый!

А я вчера ждала от тебя письма, во-первых, потому что уже приблизительно было время, а во-вторых, потому что малышка видела во сне, что ты к нам приехал, и мы с ней утром решили, что, значит, будет от тебя письмо. Ну вот, сначала самое главное: мне очень, очень, очень нравится «Навна». Гораздо больше, чем начало. Только прежде чем писать дальше, буду читать сто раз.

Теперь дальше быстренько по всему письму.

Ты ничего не пишешь о фотографии, где мы вместе с девочкой и где она с Чернухой, напиши, пожалуйста!

Зай, родненький, ну не пугайся так предстоящей жизни! Господь милостив, как-нибудь все будет. Ведь я стала гораздо более цепкой и гибкой и не боюсь ничего. Очень многие, предстоящие тебе трудности я понимаю, но знаю, что все в конце концов утрясается, и очень надеюсь на свои руки: они не подведут. Очень хотелось бы того, что мало вероятно: чтобы девочка была с нами. Мы с ней вдвоем уже привыкли сражаться с жизнью бок о бок и сумели бы поддержать друг друга и охранить тебя от слишком сильного сквозняка хотя бы первое время.

Я часто думаю — как странно: ее жизнь и облик и жизнь и облик ее отца (который, очевидно, погиб, но это надо рассказывать) — совершенная противоположность нашей жизни и твоему облику. И моему также, но у ме-

ня потенциально были данные или, во всяком случае, неосознанная тяга к романтике совсем не нашего плана. Недаром я любила Ал<ексея> Юрьевича¹. И вот здесь, теперь, скрестились наши такие сложные тропинки, и мы так привязались друг к другу. Дорогой, не думай, что я нелепо перескакиваю с одной мысли на другую, здесь есть прямая и глубокая связь, но сейчас это непонятно тебе: как ты можешь думать о самоубийстве! Как бы ни было для тебя дорого и близко прошлое и люди прошлого, если сейчас они могут так себя вести, значит, все, что было с ними, ничего не стоит. И никто из них не стоит ни одной тяжелой мысли. Не бойся, я, конечно, не научилась ругаться матом, хотя это здесь в моде и в почете, но я понимаю, что иногда хочется обобщенно и исчерпывающе «послать подальше» кого-нибудь или что-нибудь вот так, как мне их всех.

Полина Ал<ександровна> жива. Об Усовых ничего не знаю. Таня В<олкова> в Москве, где сыновья, сестра и мать — не знаю. Знаю, что она была у Пешковой и говорила ей, что во всем виновата я². Дюканушка обещал мне постараться разъяснить Ек<атерине> Павл<овне>, что это не так, мне жаль, если такой вариант дойдет до Вадима³, но, если понадобится, я сумею наплевать на всех. Жизнь широка, места много, и люди есть и будут не хуже прошлых. Насчет Якиманки — у тебя была поразительная интуиция относительно этого района. Такая, что понятно нежелание Жукова и пр<очих> приписать это интуиции, а не знанию и связи⁴. Когда расскажу, сам удивишься. Зайка, у меня опять ничего не влезло!

Большой привет от сестренки. От нас обеих — твоему другу. Очень рада, если все наврало. Целую, дорогой, очень, очень.

Листик

35. Д.Л. Андрееву

14 ноября 1955

Заинька ты мой хороший, во всем этом куске не признаю только Афродиты народной¹. Не признаю, потому что, мне кажется, не подходит греческий (эллинский, а не византийский) термин к русской глубине.

А все так больше, чем хорошо, что у меня никаких слов не хватает, мой дорогой. Я понимаю, как из этого мира страшно выходить на перекресток с пронзительным ветром, дождем и грязью. А относительно доктора Штейнера я неполно выразилась, а ты не понял. Я тебя в антропософии не подозреваю.

Помнишь, когда мы читали о нем², осталось впечатление, что это был человек огромных духовных возможностей, проходивший очень близко от самых глубоких и подлинных вещей, но, в силу желания слишком рано конкретизировать и переводить на человеческий язык иного плана понятия, заплутавшийся среди ряда подмен и невольных обманов. Не помню, был ли это наш с тобой вывод или это сформулировалось позже, когда я думала об этом одна.

Чего-то в таком роде я боюсь для тебя. И ты не думай, что ты все говоришь, а я не слышу. Я слышу, но боюсь поверить. И потому мне и пришел

в голову Штейнер, что там так часто переплетаются подлинное интуитивное ощущение и незаконная конкретизация.

А у меня, как нарочно, еще усилился контраст с твоей жизнью: без моего ведома, против моего желания, против желания той самой ведьмы, о которой я тебе писала и власть которой кончается, потому что она уезжает домой, меня выбрали в совет актива. Тебе трудно точно в письме объяснить, что это такое, но немножко можешь себе представить. Страшное усиление сквозняка на перекрестке.

Сейчас поздно, и я чуть не ушла спать, но перечла «Навну» и не смогла не написать тебе. Но спать очень хочу, поэтому письмо клочковатое. Вот еще что тебе не приходит в голову: Сережа³, например, мне кажется, не потому «не хочет нас знать», что не прощает, а просто он нашел свою дорогу наконец, и отношения с нами и воспоминания о прошлом ему будут мешать. Он расписывает вокзал в Караганде, как ты думаешь, что он пишет и на что ему ты и «Навна»? А ты жалеешь, что не можешь кончить счеты с жизнью? Да ты сначала посмотри, кто те люди, отношение которых тебя так мучит, посмотри на них не в разрезе дорогого для тебя прошедшего, а объективно и отдельно от всего. Ну, не плюй, тебе не идет, это я плюну, — и пойдем своей дорогой, за все плохое, что сделали, заплатим, когда спросят. Найдутся друзья, которые пойдут рядом, встретил же ты друга (очень рада и верю, что все не так, как говорили Пар<ин> и Алекс<андров>⁴), встретила я мою дорогую девочку с трогательным, чистым, детским сердечком и героической мужской жизнью. А они все пусть живут как умеют. Или не живут.

Спокойной ночи, родной, у меня глазки закрываются. Привет от моего ребенка, она мне сегодня сделала железный совок, чтобы я не бросала уголь в печку руками. Крепко целую.

Листик

36. Д.Л. Андрееву

20 ноября 1955

Солнышко мое!

Ребенок мой помчался на репетицию, сидим мы вдвоем с кошкой у печки и пишем тебе письмо — я пишу, а кошка смотрит совершенно дурацкими глазами. Шуре и Саше я передам о могилах Добровых, Шурин адрес скажу маме. На остальные твои вопросы я уже ответила то, что знала, а попал ли еще кто-нибудь в такое же положение? — Лева Тарасов. Про Валю¹ не знаю. А знаешь, я не уверена, что Витя также «доходит»², как Ивановский. Мне кажется очень реальной картина, для которой ты не имеешь данных: Витя Василенко, в качестве члена совета актива, развивает бурную общественную деятельность, организывает лекции или контролирует работу кухни-столовой. Дорогой мой, Сережа — член Союза художников Казахстана, расписывающий карагандинский вокзал... Прошу тебя, задумайся над этим и не грызи себя в 50 раз больше, чем надо. Я думаю, что от хрупкого мечтателя Сережи со сдвинутой психикой и необычайно тонкой и незащищенной душой ничего не осталось. И слава Богу.

Я пишу очень бестолково, с бесконечными повторениями, ты прости это, иначе не выходит.

Для меня самая большая радость на свете — «Навна», хоть и вызывает она у меня опасения, о которых я тебе писала. И, со своей стороны, заявляю с полной ответственностью, что я была взрослым человеком, когда встала рядом с тобой, я о многом жалею как о своих ошибках, но опять-таки ни на кого не перекладываю ответственности за их свершение. Я давно знаю, что то, что называется «личной жизнью», у меня сломано и исковеркано — и я приняла это. Если надо будет остаться вдвоем с тобой на свете — я готова была принять и это. Величайший, неожиданный подарок — Джони. Не знаю, кто из нас кому больше нужен: я — ей или она — мне — и не знаю, как мы будем расставаться. Не могу себе представить, как могли бы сложиться твои с ней отношения: лютеранка, действенный, решительный, трудную жизнь проживший человек, страшно застенчивая и сдержанная. Очень восприимчивая душа, девочка из очень культурной среды, но в 18 лет, едва кончив гимназию, она попала в военный водоворот, а в 23 уже отправилась в этот страшный путь. Конечно, это наложило отпечаток на ее культурный уровень. В ее взрослой жизни было полтора года того, что можно назвать нормальной жизнью и огромным личным счастьем. Это все — не здесь. Не знаю, как все получится дальше.

Я очень рада, что о друге Олега — бред. Я знаю, как такие бредовые вещи получаются. А мне ведь рассказали даже историю о том, что с Олегом был какой-то 18-летний мальчик³, который был к нему очень привязан, но, не выдержав близости этого друга, вынужден был просить о переводе.

Об отце Джони мы написали во все инстанции, в какие имело смысл писать, все совершенно безрезультатно.

Заинька, ты пишешь, что о «Навне» у меня «колоссальные комплименты и 2 мелких замечания». Это неверно, комплименты колоссальные, но и замечания вовсе не мелкие и очень принципиальные! Мне так нравится продолжение, что я уже гораздо смелее буду рычать на то, чего не могу принять!

Черная кошка уснула на табуретке.

Целую тебя, мой хороший, как еще далеко до письма!

37. Д.Л. Андрееву

29 ноября 1955

Дорогой мой, я опять про «Навну». Ужасно жалко, что я никак не найду слов, чтобы объяснить, против чего именно я так протестую. Теперь я перечитываю все подряд, и, хоть и должно становиться яснее начало от второй половины, все равно я этого начала не могу принять. И названий не могу принять тоже. И не объяснение для меня — «1500 ночей провел без сна, всякие бывали состояния». Да, всякие бывали состояния, и далеко не всем этим состояниям я бы поверила. Для меня совершенно убедительно и до слез трогательно основное — просветление косной жизни путем проникания ее светлым существом, но совсем не убедительны эти названия, причем сущность их я опять целиком принимаю. Правда, я должна сказать, что в моем не-

сколько, быть может, болезненном восприятии этих вещей сыграли роль две жизненных истории. Первая — Коваленские. Они, своими мелкими человеческими обликами, очень серьезно поставили для меня под вопрос явления, похожие на «духов Лиурны».

Второе — была у меня здесь в <19>49–<19>50 годах встреча, о которой надо рассказывать долго и как следует. Началась эта история с такой радости, что для меня все было оправдано и не жалко, даже ты и странники, а кончилось дело тем, что я этой женщине в самом прямом смысле слова дала по морде, когда поняла, что все, что она рассказывала, была спекуляция на самом для меня дорогом и ложь.

Ну, конкретно могу сказать, что не нравится мне слово «стихиали». Оно очень искусственное.

Насколько тепло и страшно убедительно (и просто) все, что касается России, настолько же надуманно, прости меня, неискренне и «вершина из ясного фирна», и «крылья мышинные темно-эфирных циклонов». Ты не сердись, Зайка, но я ничего другого не могу сказать. И как я рада, что Ольга — «руку поднимет», а не «подъемлет»!

А неужели ты не чувствуешь этой двойственности?

Ну, сейчас немножко о пустяках. Кошка сдохла. (Это уже следующая — говорят, у нас в доме какие-то больные или ядовитые крысы.) Женщина, которая меня так мучила, уехала домой, провожаемая общим вздохом облегчения. Над «Каменным гостем» почти не работаю — нет сил. Моя девочка сидит на столе и вяжет и передает большой привет. Привет твоему другу от нас. Не сердись!

Листик

38. А.А. Андреевой

2 декабря 1955

Здравствуй, Солнышко мое! Совсем дико поздравлять с Новым годом, когда до него еще целый месяц, но дело в том, что следующее письмо мне придется непременно написать маме. Как ни тяжело оставлять тебя без писем до февраля, но ничего не поделаешь. Проталиночка, радость моя, я абсолютно уверен в том, что в наступающем году мы увидимся, — а ты знаешь, что я ведь не такой уж безоглядный оптимист. Может случиться так, что ты навестишь меня здесь, но вероятнее, что мы встретимся в Подсосенском. Поэтому заранее обнимаю тебя, целую без конца и хочу, чтобы в <19>56 году исполнилось наконец все, о чем мечтали мы оба, и притом так, чтобы совместились мечты и твои и мои, хотя бы и противоречивые кое в чем. Не забудь передать поздравления и пожелания бедной Джони. Дай Бог, чтобы мы успели познакомиться и пожить поблизости.

Праздник давно прошел, и поэтому бессмысленно писать уже, как я переживал с тобой индейские танцы, и как преклонялся перед бесподобной костюмерной изобретательностью, и как болел за милую маковку, едва высывавшуюся из-за гор рухляди. Ты мимоходом упомянула о гриппе, а вот ничего более толкового о здоровье опять не хочешь писать! А каков результат

Джониной рентгенографии? — Карточку вашу с Чернушкой¹ я очень люблю, хоть и щемит сердце, что ты такая худышечка. Именно в этой карточке друг усмотрел нечто особо романтическое. Кстати, он всегда шлет всяческие приветы, но я иногда забываю их передать. А моя самая любимая карточка — та, где ты в пальто. Не то ли это пальто, кот<орое> мама сшила перед нашим расставанием и кот<орое> я не успел увидеть?

Так как своей карточки я послать не могу, то попробую набросать автопортрет, дабы ты через несколько месяцев при виде столь экстравагантной фигуры не издала легкого крика. Правда, ты увидишь ее в несколько смягченном, так сказать, виде; но все же... Итак, вообрази в стареньком лыжном когда-то синем костюме длинную фигуру, худоба которой скрадывается множеством навешенных под костюмом шкур. Вечно зябнущая голова украшена либо темно-синим беретом, не без кокетства сдвинутым набекрень, либо полотенцем, повязанным à la bedouin*. Ввалившиеся щеки и опухшие веки доказывают, что их владельцу скоро стукнет полстолетия. Взгляд — мрачен, лоб — ясен. Однако воинственный нос свидетельствует, что немощна только плоть, дух же бодр. Ноги всегда босы, и местные жители созерцают уже без изумления, как внушительные ступни, как бы олицетворяя вызов законам природы, мерно вышагивают по снегу положенный им час.

Очень жалею, родной мой Жаворонок, о некоторых своих фразах в прошлом письме. То состояние «бездарности», кот<орое> я вообще переношу с трудом, если только не нахожусь среди природы, сейчас окрашивает для меня почти все. Сколько угодно можно твердить, что после «Навны», «Миров Просветления», «Яросвета», «Жизни на изнанке мира»², метаисторического очерка³ и пр. это неудивительно, даже закономерно, но бесенок депрессии зудит, что, дескать, упадок не закономерен, т<ак> к<ак> наступил слишком скоро, что это — конец искусству, да и жизни вообще — и т.п.: хорошо знакомая тебе песня. Но ни о каком конце вроде Климентовского⁴ я не помышляю. Это — не помыслы, а только иногда поднимающееся произвольное чувство. Да и вообще, состояния, даже желания, стали двойственны и противоречивы. Восемь с 1/2 лет одних и тех же впечатлений вызывают все чаще мозговую тошноту. Но беда в том, что ее вызывает и многое другое, даже, в каком-то смысле, моя излюбленная Индия. Фотография Тадж-Махала в газете привела меня в состояние, напоминающее чувства Адриана⁵, когда он из трамвайного вагона поспешил, чуть не попав под грузовик, к разгуливавшему по тротуару парню. Фиолетовые круги, и все зазвенело каким-то тонким комариным гудом. К сожалению, чувства этого рода становятся повседневным явлением. Впрочем, невеселых мыслей тебе хватит и без меня. Но, девочка, смотреть вперед твоими глазами я не могу. И как бы там ни было, но никаким азиатским вариантам не сочувствую. Евр<опейская> Россия достаточно емка — сколько угодно городов, городков, деревень, и для устремления в пустыню наподобие какой-то миниатюрной Антарктиды я не вижу ни малейших оснований. Колумбами следовало становиться лет 20 назад, когда мы были здоровы и сильны. Главное же в том, что нам надо долго-

* Здесь: под бедуина (фр.). — Ред.

долго отдыхать, а вместо этого придется сразу же впрягаться. Между прочим, если на первых порах будет Подсосенский, то я не представляю вот чего: нам с тобой надо разговаривать, не закрывая рта, по крайней мере месяц. А там мы не будем оставаться одни даже на 1/2 часа в сутки. Что же: уходить — разговаривать на бульваре? Я не смеюсь.

До этих сидений на обледеневшей скамейке откладываю и рассказ о друге Олега. Те неправы в корне; кстати, меня крайне удивляет Пар<ин>, всегда относившийся к нему с расположением и уважением. Очевидно, задним числом поверил абсурдной версии Алекс<андров>а. Но это очень сложная тема; тяжела она еще и потому, что совсем в другой плоскости, чем думают те, но между нами не все благополучно. Характеры. Что-то вроде формулы: вместе — тошно, а врозь — скучно.

Ну, вот и до мучительной темы доехал. Я вполне отдаю себе отчет, Алла, в том, что тебе пришлось вытерпеть из-за позиции, занятой некоторыми из прежних друзей. Знаю, что по отношению к тебе они неправы, по отношению ко мне — правы частично. Если бы я в те годы был поблизости от тебя, я оградил бы тебя от всей этой нелепости. Понимаю, что тут у тебя накопилось такое, что объективности оценок ждать сейчас невозможно. Но считать правильной твою нынешнюю позицию ко всем ним без разбора я не могу. Я вообще не склонен делить людей на овец и козлищ в зависимости от того только, как они относятся лично к нам. Нельзя добрых 2 десятка людей (даже больше), совершенно различных и по своим человеческим качествам, и по значительности прежних отношений, валить в одну кучу. И плевать на нее сверху на том основании, что некоторые (хотя бы и большинство!) из них, пройдя все круги мучений, не нашли в себе сил раскрыть нам всепрощающие объятия. Согласись — основание не слишком серьезное. Ты пишешь сама, что я «должен понять, что рядом с тобой будут единицы». Вот именно поэтому я и не могу так легко «расплываться» с теми, кто был. Друзья, вернее, люди внутренне-созвучные, на дороге не валяются. Много ли ты встретила за эти 9 почти лет новых друзей? Одну Джони. Пойми: если бы моя совесть была чиста яко небеса, мне было бы гораздо легче махнуть рукой: пускай идут куда хотят, я напрашиваться в друзья не привык. Но какими бы они не оказались на поверку, моя вина (в отношении некоторых них) остается в прежней силе. И еще: в твоём распоряжении большое количество фактов, штрихов, вызвавших в [конце] концов твое к ним отношение. А у меня? Ничтожное количество фактов и полная неосведомленность касательно мотивов. Твоя гипотеза, что будто бы некоторые нашли свой путь и отмахиваются от меня потому, что я им мешаю, кажется мне неубедительной, даже странной. Чем я мог им мешать? когда? до <19>47-го? Но каждый имел свою голову на плечах. Теперь? но это просто смешно. Роспись вокзала тоже абсолютно ничего не доказывает: мало ли что кому приходилось и приходится расписывать. Ты — художник, ты знаешь это лучше, чем кто-нибудь. Другое дело — Биша, но тут твоя гипотеза и вовсе неприменима. (Кстати, первомайское стихотворение гораздо лучше «Ответа Даллесу». В техническом отношении оно даже просто хорошо: звучное, с энергичным ритмом, с крепкими рифмами. И действительно в его звучании есть что-то от прежнего Биши.)

Насчет Тани Волковой — ничего не понимаю. По-моему, тут что-то не так. Уточнила ли ты эти сведения? Очень уж непохоже на ее характер и на ее отношение к тебе. Думаю, что тут какая-то нехорошая сплетня, что-то передернуто. М. б., из мухи сделан слон или фразе, имевшей один оттенок, в передаче придан другой. Очень хорошо, если б Дю смог это выяснить и все поставить на место. Твои опасения насчет Вадима я очень разделяю, но твоя готовность «плевать» и в этом случае мне совсем уж непонятна. Хотя Вадимато пожалей: он-то тут при чем? Вообще, не сердись, дитя, но: если мне «не идет» плевать (как ты пишешь), то и тебе тоже. Резюме: пока я всего не узнаю толком, во всех подробностях, а с некоторыми не поговорю сам, до тех пор никакого креста на прежних отношениях ставить я не могу и не буду. Все. Dixi*, как говорит Иван Карамазов⁶.

Якиманкой ты меня страшно заинтересовала. Ну и ну! Конечно, это не интуиция, а простое совпадение. А интересно: развязка в том же стиле?

Сейчас пришло письмо от 20.XI. Как хорошо, что ты написала о Джони. Что-то в этом роде я и представлял, но не хватало конкретности. Не знаю, как она примет (и воспримет) меня, а я-то ее приму всей душой. Не огорчайся, драгоценный дитеныш, серединой этого письма: все еще изменится, многое «образуется», и время снимет большую часть наших расхождений по поводу бывших друзей. Насчет Сережи ты все равно меня не убедила. Вокзал!.. Подумаешь. А вот за «Навну» спасибо. Но ведь это только $\frac{1}{20}$ или $\frac{1}{30}$ часть. Есть хуже, но есть и лучше. О Штейнере ты судишь чрезвычайно умно. И вполне понимаю твои опасения. Не спорю, что основания у тебя есть, в особенности пока ты вдали и так мало знаешь. Разница, между прочим, и в том, что Штейнер — не только не поэт, но он резко антипоэтичен. Это — различие колоссальное, очень многое определяющее. Что касается Афродиты Всенародной, то ты была бы полностью права, если бы «Навна» была автономной вещью, а не звеном в цепи. Я очень призадумывался и сам по поводу этого греческого имени, но настоящее имя — Дингра — не лучше, а термин для иерархий этого рода — кароссы — тем более. Но обо всем этом после. У меня чувство, что приближается к концу большой этап жизни. Хорош он будет или нет, но во всяком случае мы будем вместе. О друге Олега — то, что ты написала в последнем письме, — действительно, совершенно чудовищный бред. О Л. Тарасове — поразительно: я думал, что он лет 8 как попал в психиатр<ическую> больницу или умер. Надеюсь, к нам это не имеет отношения? Просьба: пришли мне в письме несколько чистых открыток с какими угодно картинками: постепенно получишь их обратно. Еще раз обнимаю тебя и приветствую Джони. Привет от друга.

Продолжаю сказочку⁷.

[На стр. 3 письма приписка] Относительно 18-летнего юноши я не смог понять: кто просил о переводе — он или Олег⁸? Абракадабра!

39. Д.Л. Андрееву

12 ДЕКАБРЯ 1955

Хороший мой, боюсь, что ты очень перепуган перерывом в моих письмах. Не волнуйся, дорогой, я жива и даже выздоровела от гриппа. Просто смотр самодеятельности, назначенный на 18. XII, перенесли на 11. XII, а когда у нас все было готово, то 10-го этот смотр перенесли на 25. XII. Зато вчера мы с подготовленной для смотра программой ездили к мужчинам. Тут надо ставить целую строчку восклицательных знаков!

Как они нас трогательно встречали! Сколько заботы, благодарности и радости было в каждой мелочи, в каждой детали!

Интересно, что у них гораздо чище и красивее и гораздо больше порядка, чем у нас.

Между прочим, видала Ивановского. Именно между прочим, благодаря его нелепости и нерасторопности. Он просил передать тебе привет, не выказывал абсолютно никаких эмоций и вяло расспрашивал о деле и прокуратурских деталях, в которых он ничего не понимает. Боюсь, что тебе понравилось бы его лицо. Именно боюсь, потому что мы с тобой всегда спорили на эту тему. Попробую описать: На длинной-длинной и тощей жерди маячит немного закинутая полуседая голова с длинноватыми волосами (очень много седины). Очень смуглое и очень худое лицо с полузакрытыми глазами застыло какими-то неопределенно-скорбными складками. Как 10 лет тому назад он обладал красотой, на которую не имел внутреннего права, так теперь его лицо имеет печать значительности, также не соответствующей какому-то совершенному киселю внутри.

Не знаю, писала ли тебе мама про Таню Оловянишникову, на всякий случай списываю с ее письма: «Она опять болела чем-то серьезным. Комната у нее есть. Живет с дочками. Таня получает пенсию, больная дочка тоже получает пенсию, другая — учительница. Шлет привет. Таня очень добрая, а сама такая бедная, больная». Больная дочка — это, очевидно, Алька, а Вера — учительница. Что ж, могло быть и хуже, правда?

На этих днях должно быть письмо от тебя, мой хороший, и я, как всегда, нервничаю. <...>

Твой Листик

40. Д.Л. Андрееву

14 ДЕКАБРЯ 1955

Роденький Зайчинец!

<...> Завтра вечером едет на волю наша музыкантша (по первому прокурорскому варианту она должна была торчать здесь 20 лет), и я очень спешу с этим письмом. Сейчас получила письмо от тебя. Конечно, ты прав, что надо написать следующий месяц маме, но мне будет ужасно грустно не ждать 12–15 числа! Знаешь что? Я напишу заявление твоему начальнику, ты не удивляйся, если тебя вдруг вызовут, я попрошу, чтобы один раз позволили тебе написать и маме, и мне.

* Я сказал (лат.). — Ред.

Милый Зай, я немножко скажу насчет Якиманки: представь себе, что там (точнее, кажется, на Ордынке) жил человек, которого трудно не считать аналогией Леон<ида> Ф<едоровича>, как и его окружение. Интересно, что все это было Глинско-Серпуховское¹ по окрашенности... А конец ясно какой — хуже нашего. И знаю я это от женщины, которая «по долгу службы» способствовала этому концу, а потом сама влипла. Я много чего и много ко-го перевидала. Когда она мне рассказывала, мне делалось жутко от совпадений, и понятно, что Жуковы и К⁰ не могли не считать нас разветвлением, остатками и пр. этой очень большой группы. В их «здравые» мозги не укладывалось, что ты мог писать так похоже на то, что было в действительности, «из головы». А ты до сих пор не знаешь этого, а я узнала год назад, нет, больше, почти два года, кажется. Имя этого человека — Серафим Левицкий³, подозреваю, что его знал Милютин⁴ (я не путаю фамилии?). Вот человек, перед которым я бесконечно виновата. Мой хороший, «ужасную» тему я не хочу здесь затрагивать.

Солнышко, ты постарайся держаться, депрессия пройдет!

Спасибо за «Навну», я уже в нее влюбилась, несмотря на всю свою воркотню (от которой не отступаю). Подробно, как всегда, буду писать, когда много раз прочту.

<...> Мой любимый Заинька, не пугай только маму босыми ногами и все-таки не ходи босиком по Москве!!!!!!!!!!!!

Спокойной ночи, любимый, дорогой мой. Привет твоему другу. Прошу тебя, держись крепенько, хороший мой, я постараюсь писать почаще.

Листик

Открытки пошлю завтра же, но ты их получишь несколько позже.

Я уже написала начальнику тюрьмы заявление с просьбой разрешить тебе в январе два письма.

41. Д.Л. Андрееву

20 ДЕКАБРЯ 1955

Золотой мой Зай!

<...> Буду коротко отвечать на твое письмо. Джони на рентген еще не возили — у нас так полагается: спешат только при несчастных случаях, а туберкулез — это ничего. Пальто, о котором ты спрашиваешь, — да, именно то. Я в нем проходила 2 дня и уехала из дома. Вряд ли я представляю себе тебя хуже выглядящим, чем это есть в действительности: я ведь склонна видеть все не лучше, а хуже, чем есть.

Опухшие веки в 48 лет доказывают, кстати, не столько возраст, сколько состояние сердца. «Неисправимый оптимист» Дю считает, что твое сердце еще можно починить. Мучительную тему не буду задевать: ну ее. Вот в твоём письме целая страница ей посвящена, толку от этого никакого, потому что надо говорить, а не писать, а на многое в моих письмах ты не откликнулся, очевидно за недостатком места.

Придираться к «Навне» буду потом, а пока только радуюсь. По-моему, ничего такого еще не было на свете. А поэтически это просто шедевр, пожа-

луйста, не думай, что это из-за того, что я — твой Листик, ты должен знать, что я умею цепляться и буду.

Ужасно все здесь надоело, кроме девочки! Но знаешь, я все-таки упорно сомневаюсь в решении Прокуратуры: очень уж у меня никакой им веры нет.

Боюсь читать «Идиота». Боюсь, что, прочтя его, скажу то, что сказала Джони: — «Нечего им было делать». Примусь за Достоевского в других условиях. «Анну Кар<енину>» я не смогла дочитать из-за навязчивой мысли — «тебя бы, дуру, на одну неделю к нам, — и Толстому нечего было бы писать».

Ну, до свиданья, родной. Привет от девочки. Привет другу.

А.

42. Д.Л. Андрееву

22 ДЕКАБРЯ 1955

Солнышко мое!

Видишь, как мы повадились тебе писать? По этим письмам ты можешь видеть, как много едет домой людей близких (относительно) и честных.

<...> Сегодня получила письмо от Му. Она не едет к тебе из-за сильных морозов, а как станет теплее — приедет. Они оба, бедненькие, были в Прокуратуре, и им сказали прийти 28.XII. 28.XII им скажут прийти 11.I, потом 26.I и т. д.

Два года, как я подала первое заявление в эту собачью Прокуратуру. Два года!

Я получаю довольно много писем от уехавших отсюда. Во всех этих письмах есть одна общая деталь: все вспоминают здешнее житье так, как сейчас мы вспоминаем дом. Жалоба одна и та же: нет общего языка с окружающими. Неужели это обязательно? Хорошо, что мы оба прошли если не одно и то же, то близкое — не будет пропасти между нами.

Милый, ты всегда так восстаешь против моих «азиатских» вариантов. Чудачок, родной, неужели ты думаешь, что я так рвусь в Сибирь? Но как ты не понимаешь, что эшелон в Новосибирскую область гораздо реальнее 101-го километра, а Подсосенский — это уже совсем мечта. Я не боюсь ничего и имею на это основания: у меня руки, знающие ремесло, а это — главное.

Вообще, дружок, вариантов жизненного устройства много, лишь бы вырваться.

Все-таки надо кончать письмо: уже поздно, а еще надо написать маме. Ребенок все еще пишет и страшно сопит и вздыхает. Целую тебя в хорошую голову, мой хороший. Привет другу.

1956

43. А.А. Андреевой

3 января 1956

Солнышко, приходится поздравлять тебя с Нов<ым> годом во второй раз! Очень хочу знать, как вы его встретили. Я улегся когда полагается в расчете на то, что если я постоянно не сплю по полночи, то в новогоднюю ночь тем более не пропущу 12 ч. Боролся-боролся со сном и — задремал. А когда друг, услышав 12-часовые звуки, произнес поздравление, я, ничего не соображая, пробормотал почему-то «спокойной ночи!», только тогда понял, в чем дело, развеселился и потом не мог уснуть и в самом деле, думая о тебе и о всяких наших с тобой делах.

А вот что меня убивает, так это — то, что ты о своем здоровье не пишешь мне правду. Только от мамы я узнал, что у тебя был тяжелый грипп с гайморитным осложнением. Как хочешь, а это уж совсем недопустимо! Если таким способом ты хочешь уберечь меня от «лишних» волнений, то это, Листик, совершенно несерьезный мотив. Мы оба не дети и не кисейные барышни. Каждый из нас должен иметь представление о состоянии другого безо всяких прикрас, чтобы иметь возможность составить более или менее правильную картину того, как сложится наша совместная жизнь, если нам суждено соединиться. Подаю пример: вот тебе абсолютно без прикрас картина состояния моего здоровья. К сожалению, декабрь принес ухудшение. За весь месяц я смог выйти на прогулку 2 раза и оба раза жалел, что вышел. Большую часть времени лежу, и не ради профилактики, а по необходимости. Три-четыре часа в день сидения за столом — это потолок моих возможностей. Нитроглицерин приходится глотать почти ежедневно, сейчас прохожу опять курс вливания глюкозы, но результатов пока не заметно. Голова, конечно, ясная, читать и заниматься могу, но $\frac{1}{4}$ часа походил по камере — и опять те боли, с которых год назад начался знаменитый приступ. Вот тут-то и спасают грелки на грудь и на спину и нитроглицерин. Теперь суди сама, смог ли бы я в таком виде ехать или, вернее, доехать до какой-то там Новосибирской области. Весьма сомнительно, что дотащился б хоть до Москвы. Надеюсь, и даже очень, что это — полоса, тем более что ухудшения уже случались в июне и сентябре, хотя и не в такой степени, и сменялись периодами улучшения. Во всяком случае, любой переезд для меня был бы легче в весенних (но отнюдь не в летних) условиях. Вот почему я хотел бы не двигаться никуда до апреля, — хотел бы, несмотря на то, отдаю себе полный отчет в том, до какого состояния ты доведена и как нужно тебе вырваться из этих условий возможно скорее. Все-таки лучше переждать еще 2–3 месяца и потом до куда-нибудь доехать, чем сорваться с места сейчас и не доехать никуда. Поэтому в затяжке решения прокуратуры есть, как ни странно, и своя хорошая сторона. Кроме того, самый факт затяжки является скорее хорошим, чем дурным признаком, так как отрицательные решения обычно выносятся быстро. Вообще, на этот счет я настроен оптимистичнее тебя и опираюсь при этом на мнение людей, имеющих возможность разбираться в этих вещах гораздо лучше меня. Подсосенский не кажется мне пустой мечтой, а 101-й км —

тем более. Лично передо мной маячит еще и другой вариант: инвалидный дом где-нибудь поблизости, хотя бы на тот период, пока ты прочно обоснуешься на новом месте, и я смогу дотащить дотуда свою брэнную оболочку. Впрочем, всякие новосибирские парадизы, вероятно, останутся для меня и тогда совершенно нереальными.

Дорогое дитя, цепь твоих ежедневных треволений производит впечатление кошмара, а если учесть, сколько лет это длится, то ничего не может казаться естественнее, чем та предельная вымотанность нервной системы, которая сквозит в твоих письмах. Ты пишешь «надо быть грубее». Надо или не надо, но это само происходит — и не может не происходить — в подобных условиях со всяким. Иначе остается только отдать Богу душу. А что касается желательности этого, то, по-моему, следует делать различие между двумя оттенками понятия «быть грубее», весьма различными. Если под этим понимать защитную загрубелость психики, понижение раздражительности внешними впечатлениями, то это, конечно, желательно, потому что психика иначе не может выдержать. Нежелательна другая сторона медали: зачерствелое, жесткое отношение к людям. Это совершенно необязательно, абсолютно никому не нужно, но, к сожалению, очень часто сопутствует общей психологической загрубелости, причем тут как тут оказываются «теоретические» оправдания вроде гнусной поговорки «с волками жить — по-волчьи выть» и т. п. И хотя я не занимаюсь подобными самооправданиями, но и с моей стороны проявляется порой такое отношение к людям, вызывающее во мне каждый раз острое недовольство собой. Огрубел я хотя бы в силу того, что столько лет живу в исключительно мужском окружении. Ты и представить не можешь, какое облагораживающее влияние имеет женское общество: ты все время варишься в нем, со всей его исключительностью, и поэтому преисполнилась к нему отвращением, далеким от объективности. Если бы ты на несколько дней превратилась в мужчину и побыла среди представителей этого пола со всей той спецификой, какую они приобретают, будучи предоставленными самим себе, — интересно, что бы ты сказала. Но должен сказать, что «в общем и целом» за этот период я стал относиться к людям менее требовательно, стараясь возможно тщательнее учитывать множество факторов и обстоятельств, определивших тот или иной поступок, ту или иную линию поведения. В числе моих выводов, сделанных из наблюдений над людьми, есть один, говорящий о невероятной сложности и противоречивости человеческой психики, характера, поведения. В одном и том же человеке уживаются такие, казалось бы, взаимоисключающие черты, сочетание каких не снилось и Достоевскому. Поэтому я могу вынести, так сказать, нравственное «осуждение» кому-либо лишь в очень нечастых случаях. Убежден, что это правильно и что когда изменятся твои жизненные условия, залечатся хотя бы отчасти твои душевные раны, ты еще многое переоценишь в людях, и, родная, некоторые свои приговоры и выводы признаешь слишком поспешными или слишком узкими. В частности, нельзя делить людей на овец и козлиц в зависимости от того, хорошо или дурно относятся они к нам с тобой, и даже в зависимости от того, оказались ли они героями в какой-то момент их жизни. Если основываться на последнем критерии, я должен был бы вынести беспо-

щадный приговор самому себе, а я не могу этого — в том смысле, что знаю и другие свои стороны и проявления, знаю, наконец, и то, что совершённой подлости никогда не повторю и не считаю себя нравственно безнадежным человеком, хотя кое-что не могу вспомнить без жгучего стыда. Говорю это отчасти потому, что меня больно задело твое отношение к Коваленским, и задело не потому, что оно не совпадает с моим, и не потому, чтобы я требовал ко всем людям именно такого отношения, как у меня. Не сердись, дорогой мой детеныш, но меня удивляет твоя нетерпимость к ним и стремление во что бы то ни стало снизить оценку их личности. Это, правда, не ново, это имело место еще в <19>45 г., даже раньше, но от этого оно не становится справедливее. Какое право подходить к кому-либо (К<оваленск>ие — только частный случай) с требованиями, чтобы они были колоссами нравственности, а если они таковыми не оказываются, то квалифицировать их как «людскую мелочь»? Не слишком ли это величественно? В частности, сколько ляпсусов ни сделали бы в жизни Ков<аленск>ие, но остается одно, что резко поднимает их над человеческим стандартом: их любовь друг к другу — нечто и в самом деле неповторимое. Одно цепляется за другое, и вот я подошел к пункту, имеющему отношение и ко мне лично. Мне всегда было психологически непонятно, как может человек (например — раньше Сережа) ставить свое отношение к тем или иным духовным ценностям, к объектам веры в зависимости от того, оказался ли на высоте тот, кто эти ценности, так сказать, провозглашает. (Вспомни историю с Зоей¹.) Для меня это так же дико, как, например, следующее рассуждение: наш приходской поп — пьяница; значит, все, что он говорит о Боге, — пьяный бред; следовательно, Бога не существует. А ведь твое, Листик, сомнение в реальностях «вроде духов Лиурны»² на том основании, что в характере Биши, утверждавшего, будто он пережил нечто в плане общения с иерархиями природы, обнаружили те-то и те-то непривлекательные стороны — сродни такому рассуждению. Тогда достаточно узнать о безобразиях средневековой инквизиции, чтобы всякий признак религиозности исчез из души. Вообще, нельзя собственную веру или неверие в какие-либо, настоящие или мнимые, объекты духовного знания ставить в зависимость от морального облика тех, от кого в первый раз об этом услышал.

Вообще же, контрвозражения касательно «Навны» я откладываю до получения от тебя оценки всей вещи в целом. А вот насчет Якиманки — это потрясающе! Интересно, что у меня тогда была глубокая уверенность, что нечто в этом роде — есть, его не может не быть. Только благодаря такой уверенности я и мог писать.

Я страшно злился на себя за фразу в последнем письме «вместе — тошно, а врозь — скучно». Это должно было тебя совсем дезориентировать и создать искаженное представление. Надеюсь, со временем ты узнаешь, чем Олег был обязан своему другу и на что тот тратил свои силы, время и здоровье. Если бы кто-нибудь сделал по отношению к тебе нечто в этом роде, этим он завоевал бы мою горячую любовь на всю жизнь. Но, конечно, все это надо знать толком. — Очень, очень тревожит меня молчание Гали Русаковой. Это — не Шура, и молчание может иметь только 2 причины: или она умерла, или разделила все-таки нашу судьбу.

Возможный приезд ко мне мамы меня пугает. Необходимости в этом нет, необходимость в противоположном: чтобы она двигалась возможно меньше. В 70 лет, после микроинфаркта, зимой, да еще в виде придачи к ежедневной нагрузке, какая может подорвать здоровье и человека помоложе! Я вообще не могу понять, как она может ежедневно подниматься на 2-й этаж, таскать покупки и т.п. Остается предположить, что последствия инфаркта могут развиваться чрезвычайно различно. — Светик мой, раньше, чем ты получишь это письмо, наступит сочельник, это — день, который я всегда праздную как наш с тобой день; он стал для меня олицетворением всего периода нашей совместной жизни, даже, пожалуй, вообще нашей любви. Да, уж мы-то говорить на разных языках не будем, несмотря ни на какие метакультуры и трансмифы. Кстати, убежден, что эту лексику ты примешь, но не скоро, когда ознакомишься толком со всем. Храни тебя Бог. Целую и обнимаю.

Даниил

Спасибо³, дорогая дочка, и с Нов<ым> годом! Те строчки, русскую орфографию которых некоторые формалисты сочли чрезмерно уклоняющейся от традиции, доставили мне большую радость. Если бы они были лишены ошибок, они лишились бы отчасти и своей свежести. Еще Пушкин сказал (и придирчивым ревнителям орфографической точности не мешает это вспоминать почаще):

Как уст румяных без улыбки,
Без грамматической ошибки
Я речи русской не терплю⁴.

А сообщение об электротехнической специальности⁵ вызвало во мне чувство радости и даже благоговения. Алик может рассказать, как она учила меня чинить пробки и какой, вообще, одаренностью в области техники я отличаюсь. Поэтому люди, свободно разбирающиеся в электричестве, заставляют меня чувствовать собственное несовершенство. Впрочем, в будущем мы составим гармонический коллектив, где каждый будет блистать ему одному свойственным светом. Да если бы такой коллектив очутился и в самом деле где-нибудь в районе Резекне⁶, например (природа тех мест меня совсем очаровала), или, скажем, в Брянских лесах! Поэтому желать очутиться на месте тех, кто сейчас уехал от вас на Восток, по-моему, не стоит. Будем жить надеждами на наступивший год. Хочу думать, что он принесет нам нечто лучшее, чем скитания по следам Ермака Тимофеевича. Хотел бы добавить еще благодарность за то, что Вы существуете на свете, но этому мешают некоторые внешние обстоятельства. Крепко жму руку и желаю здоровья, душевных сил и скорейшего возвращения к нормальной жизни.

Д.

Ну, вот тебе и окончание сказочки⁷:

Спасибо за ирокезскую картинку⁸. Это — прелесть!

На досуге как-нибудь перепишу и все подряд и прочитай так.

44. Д.Л. Андрееву

4 января 1956

Заинька, родимушка! Опять спешу с письмом, боюсь упустить случай.
<...>

Получила от Дюканушки письмо, он был у кого-то на приеме (не пишет — у кого) и узнал, что решение подготовлено, но подписание его задерживается по неизвестной причине. Их, бедненьких, очень все это волнует, а я ничего другого не ждала. Через несколько дней начну надоедать заявлениями Хрущеву. А ты не пиши, я буду писать часто, коротко и нахально. Хороший мой, прости за бестолковое письмо и за то, что редко сейчас пишу. Очень устала в последние дни перед праздником, на праздники совсем замучилась и еще нездорова была, а сейчас полна комната народу, все болтают, а у меня голова болит. «Навну» страшно люблю. Только совсем не нравится то, что от ее лица: «Друг мой, жених мой...»

Никак не могу найти слов, понимаешь, так хорошо и просто «Серою цаплей в лесном камыше», и не может она говорить и чувствовать так придуманно и неискренне. Вот только это и вытащила за все время, а читала много и три раза переписала.

Хороший мой, родненький, целую тебя, Заинька, и опять обещаю писать, может быть, теперь наступит относительно тихий период.

Девочка шлет привет.

Твой Листик

Обязательно напиши об этих фотографиях. Привет твоему Другу. Вы оба чудачки, если я вам нравлюсь. По-моему, просто старая белая ворона.

45. А.А. Андреевой

14 января 1956

Листик мой родненький, здравствуй!

Как хорошо, что я могу тебе написать на этот раз скорее обычного! Хорошо еще и потому, что последнее мое письмо должно было огорчить тебя, и ты, по всей вероятности, волнуешься. Итак, прежде всего успокойся насчет моего здоровья: оно становится лучше. Очень помогает одно лекарство, кот<орое> мне дают, да и глюкоза. Примерно 22 часа в сутки я лежу, час — сижу и час в общей сложности провожу на ногах. Ехать куда-нибудь я в таком виде еще не мог бы, но появилась надежда, что к весне удастся отлежаться и укрепить достаточно для того, чтобы справиться с не очень далеким путешествием. Немножко побаиваюсь, что твои заявления Хрущеву возымеют действие раньше весны, — не знаю, что буду тогда делать. И знаю, что весной начну рваться к тебе всем существом: ты мне нужна просто до зарезу. Вообще, моя жизненная программа-минимум свелась к следующему: жизнь с тобой (столько, сколько вообще суждено жить после выхода), несколько дней летом среди природы — и кое-какая работа, которая займет несколько месяцев и без которой жизнь оказалась бы прожита слишком бесследно (не по моей вине, но от этого не легче¹).

В прошлом письме я еще поддался, к сожалению, идиотски-дидактическому настроению и ударился в проповедничество. Это, вероятно, потому, что больше некому: на этот счет друг строптив. А потребность проповедничества к старости, как известно, возрастает. Кстати, ты немножко ошибаешься: мне не 48 лет, а в ноябре исполнится 50.

Меня очень беспокоит мама. Дело в том, что просил прислать мне кое-что. На днях все получил, но писем нет почти месяц. Правда, была новогодняя очень трогательная телеграмма, но ее мог отправить по ее поручению и Дю, да и посылку тоже. Очень боюсь, не расхворалась ли она. Это было бы ничуть не мудрено при ее сердце, этих диких морозах и при ее здоровье.

Ты говоришь, что я откликнулся не на все в твоих письмах. Теперь беру пачку твоих писем за последние 3 месяца и буду, читая их подряд, отвечать на все вопросы и полувопросы, на которые еще не ответил. Последовательность будет хаотическая, зато ничего не пропущу.

Очень странно: во внешности твоей и Джони, при всем различии, есть что-то очень общее. Настолько, что, получая джонины карточки, я в первую минуту принимаю их за твои и успеваю подумать о том, как ты переменилась. Конечно, только в первую секунду, но все-таки — странно, правда?

«Не пугайся предстоящей жизни». Да не пугаюсь я ее, родная, а просто смотрю на вещи трезво и без дюканушкиного «оптимизма во что бы то ни стало». Такой уж характер.

Твою подсознательную тягу к «романтизму не нашего плана» я знаю и понимаю и сам ее когда-то имел, недаром ведь Ал<ексей> Юрьев<ич>!²

«Раз они могут так себя вести, значит, все, что было с ними, ничего не стоит». Ну, эта формула непонятна мне вообще, безотносительно к данному случаю. Что было — то было.

Живучесть Полины Ал<ександровны>³ потрясающа. Неужели она живет одна?

Очень прошу тебя не забыть написать мне, был ли Дю у Пешковой и что выяснилось о Тане В<олковой>. Вариант «твоей вины во всем» настолько абсурден, что я просто не могу поверить, что источник ее — Таня⁴. Из всех 18 человек⁵ я уважал ее и уважаю больше всех и убежден, что тут что-то не так. Может быть, в 80-летней голове Ек<атерины> П<авловны> все перепуталось?

Насчет неправомерной конкретизации. Я знал человека, очень поэтически воспринимавшего звездное небо и любившего его, но сердившегося на то, что звезды имеют названия. Это почему-то мешало ему, отнимало у звезд, в его глазах, частицу поэзии. По-моему, в твоей боязни поименования реальностей определенного порядка, вроде Лиурны, есть нечто в этом роде. У меня же — наоборот. Для меня красивое, музыкальное слово даже само по себе, вне зависимости от обозначаемого им предмета или понятия, становится источником эстетического наслаждения и своеобразной к нему привязанности. Ты знаешь мою детскую историю со словом «вуаль»⁶, для меня это — «в запредельные страны музыкой уводящие звуки». Все дело в том, что, будучи совершенно лишен музыкальности в собственном смысле этого слова, я переобременен крайне острой фонетической восприимчивостью. Впрочем,

об этом — слишком длинно говорить. Я думаю, что если бы у тебя развилось это качество, ты бы поняла, что все Лиурны и Фальторы⁷ можно оправдать под этим углом зрения. Даже — если бы никаких Лиурн не существовало в действительности! А уж тем более в том случае, если они существуют, но не имеют еще наименования на нашем языке. Это так же естественно, как для путешественника, вернувшегося домой, употреблять в рассказах свои названия посещенных им городов, а не заменять их неуклюже-громоздкими многословными определениями. Зачем говорить: «главный город государства, расположенного на двух крупных и множестве мелких островов на северо-запад от европейского континента»? Не проще ли: Лондон? Ты недовольна словом стихиаля. А попробуй-ка определи это понятие иначе, но так, чтобы определение было коротко и вместе с тем сразу указывало бы, о явлениях какого круга идет речь. Биша тоже очень боялся слов. В итоге это приводило к тому, что можно было ногу сломать, пытаясь разобраться в его бесчисленных «он» и «она».

«Посмотри на них не в разрезе прошедшего, а объективно и отдельно ото всего». Но, дорогая моя, как же я могу это сделать: ведь у меня же для этого нет ровно никакого материала!! Ты все время об этом забываешь.

«За плохое заплатим, когда спросят». Кто спросит? люди? совесть? демоны возмездия? И те и другие, и совесть уже спрашивают. Вот и платим. И внутренним мучением, а не только внешним.

Бишино стихотв <орение> «1 Мая»⁸. Думаю, что если бы оно попало в глаза, например, Тихонову, он вытащил бы Бишу.

При разборе стихов ты злоупотребляешь выражением «неискренне». Ощущение искренности или неискренности какого-либо образа субъективно и совершенно бездоказательно. Напр<имер>, «вершина из ясного фирна» для меня искренна в той же степени, как была искренна вся «Песнь о Монсальвате»⁹, именно об этой вершине говорившая. И как мог показаться этот образ неискренним тебе, знающей прекрасно, что для меня значит образ и идея Монсальвата? Непонятно.

«Поднимет», а не «подъемлет». Я сейчас не имею возможности показать тебе, что «подъемлет» у меня осталось % 5, «поднимет» — 50, а 45 % — таких резкостей, что кое-что даже тебе резанет слух, вероятно.

Сейчас получил твою новогоднюю открыточку. Спасибо, моя радость. А в то, что тропинки встретятся, я все-таки продолжаю верить (точнее — надеяться).

Относительно твоей нагрузки. Ты напрасно думаешь, что я непременно должен тебя за это бранить. Для того чтобы делать это, надо знать толком многое, чего я не знаю: и как и почему складывалось у тебя такое положение, альтернативой чему оно явилось, в какой мере и на каких этапах имело вес твое сознательное к этому стремление, могла ли ты теперь сделать что-либо (и что именно) для его изменения к лучшему и т.д. Не зная ничего, я могу мучиться за тебя, но бранить я не могу тебя, так же как и хвалить. Маме и Дю, кот <орье> многое видели собственными глазами, разобраться в этом легче. Но читать спокойно описание, как ты непрерывно пускаешь, по оформительскому выражению, «пузыри» — невозможно, конечно. Я на твоём месте дав-

но уже «отдал бы концы» (не говорю «отбросил ботинки», т<ак> к<ак> отбросил их с превеликим удовольствием и именно благодаря этому жив. Если бы ты знала, между прочим, какое это наслаждение!).

Еще ж бы не трогательно вас встречали мужчины! А вы бы нас встречали иначе, если бы мы вдруг нагрянули к вам! Чему-чему, а этому поражаться не приходится.

О Тане Олов <янишниковой> ты меня очень порадовала. Я почему-то в течение нескольких лет думал, что ее нет в живых. И конечно, жизнь с дочками на пенсии — самое лучшее, чего ей можно пожелать. Да еще в Москве! в своей комнате!

Чем ты можешь быть виновата перед Малютиным — ума не приложу. Уж скорее — я, да и то не очень. Его жену можно было бы считать виноватой передо мной, если бы она не находилась в таком состоянии, что ничего к себе, кроме величайшей жалости, не могла вызвать. Она сочинила (или ей сочинили, а ей пришлось повторять якобы от своего имени) небылицу на меня. А глаза при этом были такие, что можно было бы простить и в 10 раз худшее.

В «Навне» я вижу ряд недостатков, гл<авным> образом стилистических и музыкальных, это — просто недоработанность. Не хватает времени. И так уж приходится гнать, как на скачках, чтобы все не последовало за Леон <идом> Федор <овичем>¹⁰. Ах, дитя родное, хоть бы встретиться наконец этой весной. Но, мне кажется, ваше отношение с Джони к «Идиоту» и «Анне Карениной» неправильно. Это $\frac{9}{10}$ литературы пришлось бы похерить. Такой подход антиисторичен. Нельзя к трагедиям и проблемам прошлого подходить с мерилем чудовищностей и уродств какой-нибудь отдельной эпохи.

Жалобы на отсутствие общего языка — для меня не новость. Однако причины этого, мне думается, коренятся не столько в органе речи, сколько в органе слуха, к повсеместному присутствию коего все привыкли.

Вот колоссальная радость — твой последний снимок. Очень, очень удачный! И какой же ты чудачок, если не понимаешь, сколько в этом лице не внешней, а внутренней, глубокой, одухотворенной романтики, окрыленности... ну, и замолкаю, потому что дай мне волю — я на эту тему не уйму с конца страницы.

Ну вот, как будто отклики на все, на что не откликался раньше. Если со временем получишь две книги, передай их Коле¹¹, он разъяснит. Плохое состояние моего здоровья, к счастью, не распространяется на психику. Что касается друга, то как бы мне хотелось рассказать тебе со временем, что это за человек и что я встретил с его стороны! Печально то, что здоровье и его немногим лучше моего, он крайне истощен и слаб; тут сказывается и одиннадцатый год, и многое другое. Тепло и забота с его стороны безграничны.

Конечно, Проталиночка, ваши с Джони проекты лесной жизни втроем очень заманчивы; при таких условиях я бы даже с Сибирью примирился; вопрос только в двух маленьких но. Причем второе «но» возникло и определилось во весь рост за истекший год: проклятый инфаркт и его последствия.

Передай Джони мою настоящую благодарность за то, что она существует на свете. Целую тебя, родная, и обнимаю. Постарайся быть осторожной, насколько мыслимо в твоих условиях и при твоём характере. А вот тебе об-

разчик того, как вел себя Заяц когда-то и как ему не придется уже вести себя в будущем¹².

46. Д.Л. Андрееву

22 января 1956

Зайка, роднуша!

Вот уж нечаянная радость — твое письмо! Это случайность или теперь — 2 раза в месяц? Не понимаю, почему у вас там нет никаких перемен!

Не беспокойся, Солнышко, о маме. Т.е. не беспокойся специально сейчас. Я от нее получаю письма, правда, реже, чем хотелось бы, причина — очень плохое настроение по поводу затяжки в нашем деле. Она в таком состоянии не может писать и пугает нас, не отдавая себе в этом отчет. Дюканушка пишет страшно редко по той же причине. В последнем письме проговорился, что «растерял весь свой оптимизм за 2 года ласковых обещаний». Они, бедняжки, все время серьезно относятся к учреждениям, которые им кажутся солидными, как напр<имер>, Прокуратура. Ты тоже вдруг испугался, что на Хрущева подействует мое письмо, и он нас выпустит до весны. У них у всех нервы крепкие, я уже третий год пишу всякие послания — и деловые, и нахальные, и сдержанно-лирические (таково последнее) — но Руденко пятый месяц не решается поставить своей подписи под трижды пересмотренным делом. Так что, хороший мой, не бойся, до весны никуда не поедешь, да и весной не обязательно.

Как забавно, что мы одновременно почти (разница, по-моему, 1 день) вспомнили твое детское валь — вуаль. Ты — себе в оправдание, а я — тебе в осуждение. Зайка, я буду отбиваться. Человека, которому мешали названия звезд, я до некоторой степени понимаю. Но разница между названиями созвездий и духами Лиурны есть. Названия звезд вызывают много исторических, мифологических и просто человеческих ассоциаций, и через эти ассоциации звездное небо воспринимается людьми в одном из аспектов, без названий — в другом и т.д. Я не имею абсолютно никаких возражений против самого слова Навна, хотя его тоже не было на свете. И я не сомневаюсь в существовании чего-то, что ты называешь Лиурной. Но этому слову не верю. А музыкальное восприятие стиха у меня есть, надеюсь, что, когда услышишь мое чтение — согласишься, но оно не переходит границ, как у тебя. Я думаю, что я очень плохо это все объясняю письменно, надо говорить. Что же касается «вершины из ясного фирна», то лучшее доказательство моей правоты я вижу в том, что я совершенно не поняла, что это ты — про Монсальват. А мой специфический уровень ты не должен считать минимальным, потому что вот здесь, например, сейчас только я соображаю кое-как такие вещи, года два назад еще была старуха-теософка¹, тогда мы с ней составляли 0,1 % от общего числа жителей и процента 4 из числа интеллигенции, способной вообще понимать поэзию. Родненький, целую крепко. Привет от маленькой и привет от меня и нее другу.

47. Д.Л. Андрееву

24 января 1956

Заинька, любимый.

Очень мне больно и трудно писать тебе это письмо.

Вчера я получила извещение, что нам отказано в пересмотре решения ОСО¹. У этих типов хватило подлости утвердить, спустя 8 лет, приговор, вынесенный преступниками, в результате преступно проведенного следствия.

Как видишь, я лучше знаю, что такое эти учреждения, чем люди, «хорошо разбирающиеся в подобных делах», — очень жаль. Дело наше споткнулось на том самом месте, на котором оно спотыкалось и раньше, — на совместном заседании представителей Прокуратуры, МВД и Комитета Гос<ударственной> Безоп<асности>. Это то же ОСО под другим соусом.

Я не смогла тебе вчера написать об этом.

Написала маме, послала ей телеграмму, потому что очень боюсь, что она умрет: несмотря на все мои старания сбить с них оптимизм и веру в «солидные учреждения», я этого сделать не смогла.

Написала два заявления: одно — Руденко и другое — Булганину. Прошу переследствия с вызовом нас всех в тюрьму и нормального суда.

Я не знала, писать тебе это или не писать. Сначала не хотела, боялась, что ты так будешь нервничать, думая о предстоящей поездке, что тебе станет хуже. Потом решила написать, все-таки ведь ты не ребенок, хотя и очень похож на него, и лучше, чтобы ты знал заранее, что можешь поехать.

Переследствие — это единственное, что можно просить, потому что двухлетний пересмотр старых протоколов дал вот такой дурацкий результат. Нужны новые, нормальные, не вытасченные под моральной пыткой (и под физической — лишение сна). И пусть нас судят судом, а не какими-то там заседаниями.

Это я и писала в заявлениях. Если б не мучительная жалость к тебе и не панический страх за жизнь стариков, мне было бы на 90 % легче.

Мой любимый, хороший, родной, как нелепо, что я даже слов настоящих сейчас не могу для тебя найти. Я вдруг запуталась и не могу себе представить, как именно ты будешь на все реагировать. Кроме того, ты знаешь, что, когда что-нибудь случается, я не могу быть бездеятельной. Я развила такую отчаянную деятельность вчера вечером, ночью и сегодня утром, что уже сегодня поехали мои оба заявления. А теперь наступила реакция, и у меня все из рук валится. Счастье, что есть около меня моя девочка, нельзя быть трогательнее ее со мной. Передай твоему другу, что я очень прошу его помочь тебе пережить этот удар. Целую тебя, моя темноглазенькая птичка родная.

Твоя Алла

48. Д.Л. Андрееву

25 января 1956

Хороший мой!

Сейчас получила телеграмму от папы. Самое, конечно, главное, что они выжили в первый момент. Телеграмму переписываю тебе дословно: «Сейчас получил официальное извещение выяснил возможность просить нового пересмотра тебя подробно мотивируя необоснованность 8 пункта¹. Просьба должна исходить тебя. Хочу приехать один выясни возможность телеграфируй. Здоровы вынесем целую папа».

Я сначала обрадовалась, что они живы, потом послала телеграмму, чтобы он приехал, а сейчас волнуюсь из-за двух вещей: как я могла не послать тебе телеграммы! Завтра же сделаю, ведь ты волнуешься и за них, и за меня. Прости меня, Заинька, это просто растерянность, я как-то ничего не сообразила здесь, мне все хочется, чтобы ты не узнал, но ведь это невозможно! Второе, что меня тревожит, — фраза «возможность просить нового пересмотра тебя». Почему меня? Ну, это выясню, когда он приедет.

Если ты не написал сразу куда-нибудь, то подожди несколько дней, приедет Дюканушка, расскажет все, что он знает, и мы сообразим, как действовать дальше. В заявлении Булганину я писала о себе и тебе. Хрущеву тоже. Мой милый, хороший, бедный Зайчурочка, я не отцеплюсь от всех этих учреждений и буду теперь писать каждые две недели. Солнышко мое родное, теперь утих страх за жизнь стариков и еще сильнее нестерпимая жалость к тебе, родной мой ребенок. Я не оставляю так всей истории и моего Заиньку в капкане, буду так кричать и скандалить, что чего-нибудь добьюсь.

Помнишь, когда не удалось тебя вытащить из армии и это казалось так страшно, а потом, когда через год ты приехал, мы поняли, что это вышло лучше? Я пытаюсь утешать себя этим. Любимый мой, родное мое дитяtko, как-нибудь постарайся очень не растосковаться!

Я ведь знала, что мне нельзя ни о чем мечтать, и все-таки не могла удержаться — мечтала о нашей встрече и будущей жизни.

Если б ты был в таких условиях, как я, то, в недалеком будущем, мы могли бы быть вместе.

Бедненькая моя, родная темноголовенькая птичка, у меня так сердце сжимается от жалости к тебе, что ничего больше я не могу думать.

Девочка моя жмет тебе лапки и очень нас жалеет. Когда будешь писать мне, напиши правду обо всем, что чувствуешь, не скрывай ничего и не старайся держаться передо мной в мундире.

Целую тебя, хороший, глажу милую головку, там, где волосы серебряные, очень люблю и очень жалею.

Твой Листик
(очень зеленый)

49. Д.Л. Андрееву

29 января 1956

Голубчик мой дорогой!

Сию в пальто, в ва...

30 января 1956

Мой хороший, нарочно пишу письмо на том листочке, на каком начала его вчера утром. Буду рассказывать все по порядку. Вчера мы ездили с концертом на слет передовиков. Мне так не хотелось ехать, как только можно себе представить: устала, единственный день — воскресенье, когда можно заняться своими делами хоть полдня, очень все неладно с самодеятельностью, надоело держать девчонок за хвосты и уши, чтоб они не очень накидывались на мужчин, далекая дорога и 45 градусов мороза.

Утром я сидела в мастерской одетая, написала письмо маме и начала хныкать по поводу поездки тебе, и на том месте, на каком ты видишь, мне крикнули, что пора, и я уже бегом добежала до поезда. Приехали. Входим в Дом культуры. По бокам — шпалеры мужчин, высматривающих «своих» и вообще — кого можно. Я иду с постной и злой физиономией, опустив глаза и задрал нос — и вдруг: «Алла Александровна, здравствуйте». Я здороваюсь вежливо, но очень сухо, поднимаю глаза, и моя сухость подмокает от очень ясного, открытого и простого, не «такого» взгляда совершенно незнакомого человека. «Не узнаете?» — «Нет, простите!» — «Привет от Д.Л.»¹

Ну, я не знаю, как я устояла на ногах. Сказав несколько слов, побежала в комнату под сценой, сунула вещи, приняла лекарство, потому что стало скверновато с сердцем (не очень, не волнуйся), и пошла в зал. Ворвалась туда во время доклада и пошла искать по залу. Сели мы рядом и проговорили весь доклад (так я и не знаю, о чем он был). Потом мне пришлось уйти, а после концерта, почти не стирая грим, опять прибежала в зал, и мы еще часа полтора говорили. Конечно, у меня сейчас полный сумбур в голове, но такое чувство, как будто мы с тобой повидались. Чем он меня тронул и покорило совсем, это удивительной теплотой и уважением к тебе, причём не на словах, а в нотках голоса, в оборотах фраз. И еще — только это трудно объяснить — было в его отношении ко мне что-то, за что я тебе страшно благодарна. Я устала от хамства и от отсутствия такого отношения, каким я была избалована при тебе. Дорога назад была очень трудная. Приехали в начале 12-го ночи, мороз совсем взбесился к этому времени. Когда я вбежала за ворота, первое, что увидела, — дым из моей трубы. Я бросилась бежать еще быстрее, влетела в комнату. Печка топится, чайник кипит, на стуле у печки, в тулупчике и шапочке, задрал ножки в белых валенках на табуретку, сидит Лапсенок, читает книжку и ждет меня.

Вот видишь, как хорошо? Поцелуй от меня твоего друга. Моя замерзшая девочка сонно бормочет про привет (она замерзла на работе, а не здесь).

Листик

Ирина Арманд уехала домой.

Тебе, конечно, привет, это ясно. Ты получил от него письмо? Мы мечтаем о книге Неру.

50. А.А. Андреевой

28 января — 22 февраля 1956

Светленькое мое дитяtko, прежде всего передай, пожалуйста, несколько слов маме. А именно: что я не только благодарен, — больше чем благодарен за ее посылки, но они мне буквально надрывают душу; что такое расточительство средств и, что еще важнее, ее сил — для меня совершенно невыносимо; что я нуждаюсь только в сахаре, чае и, по возможности, в масле, да и то изредка; остальное — вовсе не необходимо; что моя особая благодарность за теплое белье, его я, конечно, ношу, но необходимости в нем нет так же, как и во всяких лакомствах. И, самое главное — что я умоляю, заклинаю, прошу и настаиваю, чтобы она двигалась как можно меньше и никаких нагрузок, без кот<орых> можно обойтись, на себя бы не взваливала. А вот если бы она почаще писала — было бы очень хорошо, т<ак> к<ак> я очень переволновался, целый месяц не получая от нее писем. Пускай письма будут грустные, лишь бы были.

А тебе, Листик, совершенно особое спасибо за последнюю карточку. Все остальные я клеиваю в альбомчик, который есть у меня для фото и для твоих открыточек (в нем также несколько видов Москвы), но эту последнюю карточку я пристроил в чудесной рамке так, что она у меня всегда перед глазами. До чего смешно вспоминать, на нее глядя, твои сетования по поводу якобы исчезновения твоей красоты и привлекательности. Да встретить я такое лицо на улице, я, как в 20 лет, пустился бы выяснять, кто это, и адрес. А что это за беленькая штучка у тебя на голове? козья шерсть или оренбургский платок?¹

Ну, получил я долгожданное решение. В сущности, ничего нового, никакой перемены не будет. Это меня не очень взволновало, хотя, конечно, можно было ожидать всего чего угодно, кроме этого. Оно находится в плачевном противоречии с: 1) фактами, 2) здравым смыслом, 3) духом сегодняшнего дня — как я этот дух понимаю. Очевидно, под этими недолговечными «духами» лежат некие гораздо более устойчивые и живучие принципы. Очень тревожно за стариков, особенно за маму, как она это перенесет. Сама понимаешь, как напряженно жду известия от тебя — каково решение на твой счет, а также о других. Все же надеюсь, что к тебе проявят иное отношение. Кроме того, непременно напиши: при том порядке вещей, кот<орый> сейчас установлен в ваших палестинах, не сможешь ли ты когда-нибудь уезжать в отпуск?² и если да, то удастся ли — в Москву? В последнем случае — открывается перспектива свидания с тобой здесь. Думаешь ли ты писать куда-нибудь и что именно? Если ты что-нибудь посоветуешь мне, я так и сделаю. Ведь тебе видней. До этого никуда писать не буду.

Получил твою телеграмму и сейчас — письмо с Иваном Великим. Не могу как следует взять в толк: неужели тебе все оставлено без изменения?! Это что-то уже совсем непонятное, выражаясь мягко. У меня все-таки есть изменение (никакого практического значения не имеющее): оно заключается в том, что все признано не попыткой, а только намерением. Старики, особенно мама, не выходят из головы. Живы-то живы, но представляю, что

с ними делается. Но если мне придется писать новое заявление, плохо представляю, что и как писать, чтобы не дублировать написанного в ноябре <19>54. Главное же, Листик зелененький, ты так взволновалась за меня и так жалеешь меня потому, что не видишь воочию, как я живу и в каком душевном состоянии нахожусь. Волноваться нет абсолютно никаких оснований. Как нарочно, в последние дни даже здоровье вдруг сделало прямо-таки странный скачок вверх. Возможно, что в этом заболевании имеется какая-то цикличность, и как в прошлом году декабрь и январь ознаменовались пресловутым приступом, так и в этом году нечто подобное подкрадывалось именно в эти месяцы и отошло вместе с ними. Думал одно время, что повинны сильные морозы, но вот сейчас t° ниже 30°, а чувствую себя хорошо. Вообще надо сказать, что я стал гораздо меньше зябнуть, чем в <19>45–<19>47-м, только голова ненормально чувствительна к холоду. Но гулять в такую погоду не могу, т<ак> к<ак> целый час ходить не в состоянии, а сядешь — продрогнешь. В умственном отношении активность повышенная. Вот тебе исчерпывающая картина моего состояния. Омрачают его только мысли о тебе и о драгоценных наших старичках. И об остальных, поскольку теперь я начинаю подозревать, что у них все осталось без изменений. Ради Бога, если знаешь что-либо в этом отношении о ком-нибудь из них, не забудь написать. Интересно, как теперь пойдет дело с актацией Шуры и других. Между прочим, чем больше я думаю, тем решительнее убежден в том, что Тихонов оказал бы Бише самую активную помощь, если бы получил с десятка соответствующих стихотворений. Он достаточно грамотный человек для того, чтобы понимать, что такие стихи, как «Первое мая», на нашем горизонте явление выдающееся.

Раз уж зашла опять речь о Бише, то не могу удержаться от упрека тебя в необъективном к нему отношении. Главное же, с ходом твоих мыслей о зависимости специфических дарований от этического уровня³ (и объема) личности несогласен в корне. Это то же самое, как если бы отрицать возможность наличия хорошего голоса у человека, грешащего, скажем, завистливостью или, например, клептоманией. Дарования того рода, о каких мы говорим, случаются даже у преступных субъектов; именно на подобных сочетаниях основана вся темная мистика. Конечно, к ней можно относиться как угодно, но я не думаю, чтобы ты считала ее одним порождением фантазии, не основанным ни на каком духовном опыте.

«Я сомневаюсь,— пишешь ты,— ...в том, что именно ты или Биша уловили... и правильно ли называете». Во-первых, он как раз решительно ничего и никак не называл, создавая этим, на мой взгляд, почву для всяких путаниц, недоразумений, подмен и *qui pro quo*⁴. А во-вторых — ну что ж: говорят — насильно мил не будешь; тем более и поверить во что-нибудь нельзя заставить никого. Добавлю, что все-таки грустно это сопоставление меня с человеком, которого ты сама считаешь мелким, недостойным быть... и т. п.

Да, Козлинька, видеть и жить друг с другом нам прямо-таки необходимо. Многие, очень многие разногласия, из-за которых мы ломаем эписто-

* Одно вместо другого (лат.) — *Red.*

лярные копыя, рассеялись бы, и притом (представь себе такое нахальство) я уверен, что рассеялись бы, так сказать, в мою пользу.

С твоими рассуждениями о церкви и ее «преступности»⁴ согласен только отчасти. На мой взгляд, дело обстоит гораздо сложнее, но разъяснить мою позицию на этот счет сейчас невозможно — никаких писем не хватит. Во всяком случае, безобразия церкви — только одна сторона медали. Я уже писал тебе о необычайной противоречивости отдельного человека, о совмещении взаимоисключающих, казалось бы, свойств и т.п. Тем более это относится к любому человеческому коллективу. Праведные люди хоть и очень редко, но встречаются; праведные же общества — никогда и нигде. И брать подобный идеал за критерий — значит отвергнуть все человеческие общества как неполноценные и даже преступные и — остаться на бобах. Это значит попросту отказаться от рассмотрения всего положительного в истории и деятельности этих обществ, — т.е. превратить всю историю человеческой культуры (в своем представлении, конечно), в «дьяволов водевилей», по выражению Достоевского. Как тебе нравится, кстати, попытка реабилитировать этого «выдающегося писателя»?⁵

Очень рад, что Олечка Веселовская⁶ не забыла Шуру. Но письма от Шуры я не получал и теперь уже, очевидно, не получу. Но мне приятно уже и то одно, что она вообще ответила. Скажи, между прочим, ты ничего не слышала о Добровольском-Тришатове? Ему же 72 года; к тому же человек в полном смысле слова «ни сном ни духом...». Потом напиши, пожалуйста, что ты думаешь по поводу Тани В<олковой> и связанного с ней варианта всего происшедшего. — У меня есть подозрение, что призрак Якиманки до сих пор оказывает свое влияние на наши судьбы.

Прости за сумбурность письма: на этот раз пишу без черновика, поэтому так и получается. Хочу немножко о бытовых мелочах. Мою знаменитую шубу еще в прошлом году переделали: укоротили, сделали хлястик, и получилось нечто вроде полупальто. Очень легко и симпатично. А из отрезанной полы сделана шапка, вернее, шлем необычайного, мною самим изобретенного фасона, с мысиком на переносицу и с плотно прихватывающими уши прямоугольными выступами. Ничего более теплого и удобного я на голову никогда не надевал. К сожалению, однако, я в ней почему-то делаюсь похож на «великого инквизитора». А один человек прозвал меня «нибелунг-вегетарианец».

С другом никогда не жили так хорошо, как теперь. Без теплоты, участия и взаимопонимания, исходящих из этих отношений, было бы несравненно труднее жить. Но в этом году нам предстоит, вероятно, расстаться, и боюсь, что навсегда. Тебе, конечно, он шлет горячий привет.

Говорят, разумный человек должен уметь во всем находить положительную сторону. Последовав этому принципу, я произвел на свет следующее рассуждение. Если бы я теперь оказался вместе с тобой и с мамой, я измучил бы вас своим босикомохождением, а отказаться от этого я уже не могу ни при каких обстоятельствах, кроме голого надо мной насилия. Следовательно, можно сказать, нет худа без добра. Ты вот как-то умоляла в письме (с множеством «!»), чтобы я хоть в Москве напяливал на свои ноги чудовищ-

но-бессмысленные, копытообразные сооружения, называемые обувью. Но, радость моя! Это невозможно! Мне легче носить по пуду в каждой руке! Или ходить, запрятав голову в мешок и наглухо затянув его у шеи! Учти, что ведь даже теперь, в 35°, я хожу в баню и из бани босиком. Если я еще жив, то только благодаря тому, что решился на неукоснительно-строгое проведение этого мероприятия. Обуваться (разумеется, только в тапочки, без носков) я могу только в самых исключительных случаях, и не дольше, чем на полчаса.

Еще немножко о «Навне» и пр. Относительно ее слов ты совершенно права. Это — одна из крупнейших недоделок. Но поправить — еще не знаю как. В драматургической форме правильную интонацию для таких персонажей (точнее — голосов) найти гораздо легче. Что же касается «названий», то, повторяю, если бы ты знала всю композицию, то убедилась бы, что без них — абсолютно невозможно. Кстати, почему ты не протестуешь против действительно *выдуманного*, совершенно условного имени — Навна? И, пожалуйста, не забудь написать свое мнение о Нэртисе и Шаданакаре. Нэртис — 12-е, по порядку, звено в цикле, а Шаданакар — 1-е. «На перевозе», «Ливень»⁷ — из цикла, который так и называется: «Босиком». В него вошло с десятков старых и десятка 2 новых.

Спасибо за Джонин поцелуй, я отвечаю ей тем же, если она не боится уколоться о седую щетину. А тебя колю ею безо всяких оговорок и извинений⁸.

Д.

51. Д.Л. Андрееву

10 ФЕВРАЛЯ 1956

Родной мой Зай!

Мы сейчас сидим с Дюканушкой вместе и занимаемся делами. Сочинили огромное заявление Булганину. Я напишу тебе основные тезисы этого грандиозного эпоса, чтобы ты имел представление о том, чего именно я прошу.

Так вот — самое основное, это — то, что я жаловалась на фальшивые, в условиях застенка полученные, протоколы, а за два года пересмотра нас не допросили ни разу (это могло быть сделано и на месте) и осудили вновь по тем же протоколам, сфабрикованным настоящими преступниками — Абакумовым, Комаровым, Леоновым. Теперь я настаиваю именно на составлении новых, справедливых протоколов и на нормальном суде (а не всяких совещаниях). Что касается статей обвинения, то тут дело обстоит так: 8 должна быть абсолютно снята. По ней мы совершенно не виноваты, это все — чистое творчество Артемова, Леонова и пр. Я вообще ничего делать не собиралась, а все, что можно по этому поводу найти в твоих записках, относится к образам романа — такие люди должны были быть. П<ункт> 11 тоже незаконен¹, поскольку мы не представляли собой ничего организованного. Ну, а что касается 10-5, то он разделяется: часть была справедливой критикой и сейчас высказана ведущими лицами по радио и в газетах, часть, в том числе и основная линия романа, была вызвана ежовщиной (не было бы этих осужденных Правительством явлений, не было бы ни романа, ни большей части на-

шего недовольства). Если б меня спросили, как я расцениваю еще остающуюся часть 10-го пункта, я бы ответила, что, пока существуют такие дела, как наше, и такие пересмотры — я имею право быть кое-чем недовольной, а кроме того (это я написала), за 9 лет я 18 раз искупила свою вину — такую, какая она в действительности была. Наше дело, особенно в части 8, — сделано Абакумовым и компанией для каких-то их целей. Несправедливость пересмотра заставляет меня подозревать наличие еще каких-то типов, которым нужно это отрицательное для нас, противоречащее фактам, здравому смыслу и духу времени решение. Поэтому я прошу, чтобы Булганин лично дал распоряжение о проверке и надзоре за вторым пересмотром со стороны Комиссии партийного контроля при ЦК КПСС. Я не понимаю, каким образом сейчас, когда отпускают на волю настоящих преступников (по амнистии), а СССР становится символом гуманности и внимания к человеку в глазах всего мира, могут происходить такие безобразные вещи, как вторичное осуждение людей по фальшивым протоколам, когда именно на получение этих протоколов методами, запрещенными советскими законами, люди жаловались. Привожу два примера: как мы говорили Тани В<олковой>, что не поедим к ней на дачу, потому что там «неуютно», а из этого сделали, что мы выпрашивали у нее местоположение и условия². А второй пример — как я под диктовку вписывала в протокол название, которого не знала (и сейчас не помню). Вот, Зайчуша, это все длинно и подробно написано Булганину, и это (копию) я пошлю Хрущеву, и это (очень сокращенно) я написала Генеральному прокурору. Плохо одно: исключительная глупость наших однодельцев. То, что я пишу, — правда, именно это и нужно писать. Я не верю, что результат был бы такой, какой он получился, если б 20 человек написали 20 таких заявлений — т.е. написали бы правду.

Знаешь, Виктор Андреевич³ живет в 200 км от Москвы и приезжает в Москву хлопотать о реабилитации. Аня⁴ жива, я постараюсь с ней списаться. Он, конечно, человек нормальный, держится бодро и к нам относится по-человечески. Ты не волнуйся из-за всего, что сплелось у Тани В<олковой> и Ек<атерины> Павл<овны> — источник Галина Юрьевна⁵, с которой Таня вместе была в Лефортове. Наплевать на все это, мой родной, дурных голов не переделаешь, я боюсь только того, что они глупо и по-бабьи пишут заявления.

Я не знаю всего, что ты писал в <19>54 году, а кое-что, что знаю, напрасно написано — донкихотство. Ну, в конце концов, тебя тоже не переделаешь, может быть, сейчас немножко поймешь, что надо, а может быть, и нет, поскольку на своих, очень особых рельсах, стоишь твердо и непоколебимо. Одно скажу: стариков-то нужно пожалеть не только сердцем, но и поступками. Как — твое дело, только прошу тебя: подумай серьезно над этой моей фразой. Только, ради Христа, не обижайся и не волнуйся. Мне сказали, что тебя очень волновали некоторые мои письма. Хороший мой, конечно, если б мы говорили, а не переписывались, не было бы споров. Я тебя с Бишей не сравниваю как человека, напрасно обиделся, но это я напишу в следующем письме, потому что это особая тема, а сегодняшний день мы с Дю «работаем»: начали в 1 час, а сейчас — 10. Прошу тебя еще, не нервничай и пойми:

почему Алек<сандров> так резко говорит о друге Олега и о его должности около Олега? Я тебя прошу, не вспыхивай и не волнуйся, а пойми, что это меня не может не тревожить, тем более что Коля⁶ на этот счет повторял одну и ту же фразу: если в человеке есть хоть капля человеческого, он не может причинить зла Олегу. Передай привет от меня твоему другу, передай ему от меня, что я ему верю (сумей как-нибудь сказать), что я прошу беречь тебя, что я очень волнуюсь. А тебя, дорогой, хороший, любимый, прошу быть взрослым Заинькой, не сердиться на меня и понять.

<...> Целую тебя, мое большое маленькое дитяtko, очень жду ответа именно на это письмо. Господь тебя храни, мой дорогой.

Листик — Волнушка

52. Д.Л. Андрееву

14 ФЕВРАЛЯ 1956

Заинька — Даник!

...Прежде всего теперь — о стихах.

Ни одного слова, кроме радости. Кажется, больше всего нравится «На перевозе», потом «Шаданакар», потом «Нэртис», потом «Ливень», но это — просто так, без причин. Конечно, мы с Лапсей, темные и неграмотные, робко спрашиваем, откуда взялись слова Нэртис и Шаданакар и чего двести сорок два?¹ Примите во внимание нашу провинциальную отсталость, пожалуйста! Скажи, пожалуйста, «Босиком» — это родственно «Бродяге» и «Лесной крови»?²

Теперь побегу по твоему письму. Беленькая штучка у меня на голове — косыночка из кроличьего пуха (значит — немножко зайка). Все, что было необходимо написать о том, что писать, я написала в большом письме — получил? Зайка, или я очень бестолково выражаюсь, или ты бестолковый — это я про Бишу в связи с иноплановыми отголосками. Как людей я тебя с ним не сопоставляю, но вы оба утверждаете, причем с основаниями, что вы слышите, значит, в этом плане я имею право сопоставлять вас. А вполне признавая существование темной мистики, ощущая многое кругом себя, чего я не только назвать, но и пытаться конкретизировать не могу, я и боюсь за подлинность всего слышимого. Подчеркиваю — всего, т.е. что много правды, но может в чистую волну вплетаться другое. Поэтому боюсь конкретизации. Еще обижаешься или перестал?

А теперь о пустяках. Хорошо, что написал про шубу, я как раз думала, есть она еще на свете или нет, потому что то, в чем я ушла из дома, мы доносили в виде ботинок.

<...>

Твой Листик

Я тебе всегда пишу без черновиков.

53. Д.Л. Андрееву

2 МАРТА 1956

Хороший мой, любимый, бедненький Заинька.

Вот какое длинное вступление, дружок. А все потому, что ужасно пес- трая и сутолочная жизнь не дает возможности писать тебе так часто и так спокойно и хорошо, как бы это было нужно.

Взяла сейчас твое последнее письмо и попробую вспомнить, на что я тебе отвечала и на что — нет. Вероятно, все перепутаю.

У мамы появились Таня О<ловянишникова> и Зоя Киселева — пред- ставь себе, живая Зоя, которая смогла дойти до мамы. Теплое белье они тебе послали. Я попросила Дюканушку выяснить у них, жива ли Галя Р<усакова> и где она.

К сожалению, мои в таком состоянии, что ничего не помнят, кроме нашего дела. <...>

Знаешь, родной, мое резкое осуждение церкви вызывается двумя ве- щами. Первое — я так нагляделась за эти годы на уродства православия, ка- толичества и всякого возможного и невозможного сектантства, что не могу быть ни спокойной, ни, может быть, объективной. Если б ты видел хотя бы «свидетелей Иеговы», «выкрещивающихся» обратно и плюющих на крест, и «монашек», которых за руки и за ноги (буквально) тащат в баню, потому что грех мыться, да еще — бои между бабами разных верований — ты бы меня хоть отчасти понял. Второе — я могу все простить людям, кроме приплете- ния Имени Божьего к своим собственным делишкам. И неважно построен- ное общество, даже если оно пытается удержаться на высоких человеческих принципах, но это ему плохо удастся, вызывает во мне меньшее возмущение, чем если такие вещи происходят якобы на основе Божьих слов. Вот и все.

По вопросу о друзьях. Если б ты знал, как тебя любят, ценят, уважают хотя бы две женщины из тех, кого я знаю. Это, конечно, не считая Джони. Люди, о которых ты ничего и не знаешь, но которые, зная тебя через меня, всегда помогут и всегда постараются понять. Одна из них кончала гимназию с Вадимом¹. Ты этим людям понятен и дорог в 100 раз больше, чем «бывшим друзьям», которые ничего, кроме себя, не видят и не знают. Это — люди, ко- торые понимают твою ценность, а сколько просто таких, которые и не пони- мая помогут. Не думай, что я так уж утилитарно делю людей на «помогут» и «не помогут», но жизнь меня научила цене товарищества.

Девочка просит передать тебе, что она очень, очень, очень боится следующей недели — решится ее судьба. Я сделала все что могла, и не толь- ко я, а люди, от которых я и не могла ждать такого внимания, теперь остает- ся только ждать результата.

Твой Листик

Привет З. Я очень хотела бы его очень любить и ничего не бояться.

54. А.А. Андреевой

2 МАРТА 1956

Здравствуй, светик мой родненький!

Ты не удивляйся, что я тебе писал письма с черновиками: когда мо- жешь писать так редко, а материала так много, черновики помогают сделать письмо более вместилимым и толковым. Но вот сейчас пробую обойтись без черновика. — Ну, получил твое большое письмо. Что ж, мой друг, содер- жание твоего заявления очень близко совпадает с содержанием моего в ноя- бре <19>54 г. Но есть, конечно, и различия. М<жду> пр<очим>, я не знаю, кто такие Комаров и Артемов. Теперь я напишу еще обстоятельнее и сделаю все что могу, чтобы по отношению к старикам было выполнено все, что в мо- их силах. Не требуй от меня только того, что превосходит мои возможности. Некоторые внутренние препятствия теперь отпали, гл<авным> образом из- за хода моей болезни, теперь окончательно определившей инвалидный ха- рактер моих перспектив. И инвалидный, увы, не в смысле <19>45 г.¹, а сов- сем в другом. Так или иначе, мне в величайшей степени хотелось бы выйти и пожить с тобой хоть несколько месяцев. Заявление я напишу дней через 10–15: надо обдумать и выждать подходящего состояния. В Москву я ехать не могу, в особенности же не смогу вынести всех перипетий и режима переслед- ствия и поэтому, ссылаясь на свое состояние, буду просить произвести мое дознание здесь. Это вполне реально. Кстати, и о здоровье. Я теперь помещен в более покойные условия. Вижу к себе внимательное отношение. Друг уха- живает за мной, как нянька. Он и сам, бедненький, совсем болен — сердце, ревматизм и общее истощение, но его отношение и забота тем трогательнее. О столкновении характеров давно забыто. Вообще, я не знаю, что делал бы без него, и, конечно, не только в смысле ухода за мной. Ты хорошо делаешь, что веришь ему. Раз ты любишь меня, то если бы ты знала обо всем, что он для меня сделал и что он для меня значит, ты не могла бы не любить его всей душой. — Двигаюсь очень мало, гуляю совсем редко (к великому сожа- лению). Принимаю всякие снадобья. Голова, однако, совершенно ясная, и за- нятий я не оставляю, хотя теперь их пришлось замедлить. Главное — не могу подолгу сидеть за столом. Вот и это письмо будет писаться из-за этого дня з. А насчет дела добавлю еще вот что. Как ни странно, но в то, что переследст- вие — будет, я очень верю. Хорошо, что заявления адресуются Булганину. Не совсем понимаю вот что: Ирина², Таня В<олкова>, Викт<ор> Андр<ее- вич>³ уже на воле; значит, их дела пересматривались в отдельности от наше- го общего? И вообще, нас уже не 20, а самое большее 14 или 15? А может, и 12?

Того, что с тобой случилось 29 сентября, я ждал⁴, но все-таки очень, очень рад, что все вышло именно так. Ты говоришь об уважении, кот<орое> чувствовалось в тоне и т.п. Ну, тут уважение обоюдное, причем со стороны Олега — гораздо более обоснованное. Нельзя не уважать глубоко человека героического склада, абсолютной честности и к тому же обладающего удиви- тельно нежной душой, обнаружения которой тем более трогательны, что обычно на виду — мужественная, грубоватая сила, кажущаяся совсем прими- тивной. А за плечами — настоящие подвиги, в высшем смысле этого слова.

Если на склоне лет такой человек дойдет до границы праведности, в этом не будет ничего удивительного. Это не значит, конечно, что теперь не имеется еще многого, требующего преодоления. Само собой разумеется, что от меня — самые горячие пожелания. Но письма, о кот<ором> ты упоминаешь, я не получал, так же как и Шурино.

Несколько слов об Олеговом друге. Почему Алекс<андров> говорит то, что говорит, — я не знаю уже по тому одному, что мне неизвестно, что именно он говорит; вижу только, что дурное. Объяснять это тебе в письмах я не берусь. Александров — тип из Достоевского со всеми его плюсами и минусами, и к его суждениям о людях следует относиться очень осторожно. Пар<ин> же повторяет, очевидно, его слова, т<ак> к<ак> сам не имеет ни малейших оснований дурно думать об этом человеке. Если мы доживем до встречи, я тебе расскажу, в чем тут дело; в частности, расскажу и то, чего не знает даже и Коля⁵. Не забывай, что я не случайно упоминал о Виттельсбахе. Не его вина, если обстоятельства оказываются сильнее его, и аналог Байрейтского театра (само собой разумеется, похожий на Байрейтский театр не более, чем гвоздь на панихиду) грозит остаться мечтой. Впрочем, еще посмотрим. А нервы у всякого на его месте будут расшатаны, и мелкие стычки, имевшие место у него с Олегом, странные и преувеличенно-важные в глазах других, не стоят выеденного яйца. Да и они — дело прошлого. Во всяком случае, твои отношения с Джони (в каком-то смысле) могут быть сопоставлены с этими. А жалеть его можно и нужно очень, очень. Больше затрагивать эту тему в письмах не стоит, т<ак> к<ак> об остальном надо говорить.

Я еще не знаю, как и с какими потрясениями здоровья одолел бедняжка Дю при морозе за 30° эти несколько десятков верст в условиях эпохи Алексея Михайловича. Понял только из безнадежно-депрессивной маминой открытки, что он, так или иначе, дома. Пожалуйста, напиши подробнее, что он рассказывал о том, как мама приняла известие и в каком (именно: в каком) доминирующем состоянии она находится. Знаю, что в крайней прострации, но хочу знать подробнее: о состоянии сердца, о диапазоне действий и движений, не сделалась ли она молчаливой и т.п. И о здоровье Дю.

Ну, касательно Биши, конкретизации и пр. Видишь ли, родная моя, если темное начало вкралось в личный опыт, прикрывшись благообразной личиной, то дело не станет ни лучше, ни хуже от степени конкретизации. Точно так же не изменится оно и том случае, если налицо нет никакой подмены. Ты совершенно права в своем осторожном отношении к источнику инвольтации. Но почему тебя отпугивает именно конкретизация как таковая — все-таки не понимаю. Существуют, например, художественные приемы, в литературе еще никем не использованные, такой конкретизации *infernum*'a*, что они оставляют для читателя возможность выбора в смысле доверия или колебания между добром и злом. Я считаю, что подобная конкретизация абсолютно необходима, своевременна, полезна и никому никакого вреда причинить не может; единственно возможная «отрицательная» реакция на нее будет заключаться в мысли: «Это — чепуха, фантазия, выдумка». Но ни в ко-

* От итал. *inferno* — ад, преисподня. — Ред.

ем случае не: «Ах, как соблазнительно то, что автор считает злом». К сожалению, без конкретных примеров я вряд ли тебя смогу убедить; но абсолютно уверен, что убедил бы именно конкретными примерами. Нэртис я считаю очень большой удачей именно в плане попыток конкретизации светлого «потустороннего» средствами главным образом поэтич<еской> музыкальности. А вот в чем ты ошибаешься глубоко, так это в истолковании «валь—вуваль» и *всех явлений этого ряда у меня*. Если бы ты понимала правильно, то не «в осуждение» мне это вспомнила бы, а, наоборот, потому, что за этим — лучшая сторона моего существа. Пойми, что это не эстетство, не любование красивыми звуками безотносительно к их содержанию (и уж тем более не любование красивыми словами), а трепет от красоты духовного мира, сквозящего в этих звуках. («В запредельные страны музыкой уводящие звуки».) Мне кажется, некоторые очень музыкальные люди переживают явления схожие при слушании Моцарта. Однако любовь к Моцарту может быть очень далека от всякого эстетства.

Термины Шаданакар, Нэртис и мн<огие> другие — оттуда же, откуда так перепугавшие тебя Лиурна и Нивэнна. На протяжении ряда лет я воспринял их в определенных состояниях, кот<орые> со временем постараюсь пояснить тебе в разговоре, если Бог даст нам свидеться. А 242 — сумма всех слоев разных материальностей, с разным числом пространственных и временных координат; все вместе они составляют Шаданакар, т.е. систему различных материальностей планеты Земли. Такие системы наз<ываются> брамфатурами. Их — множества, т<ак> к<ак> брамфатуру имеют весьма многие звезды и планеты. Имеются мета-брамфатуры галактики, со многими сотнями и даже тысячами различных материальных планов. — Напр<имер>, одномерное дн о Шаданакара представляет собой как бы линию, упирающуюся одним концом в звезду Антарес (α [альфа] Скорпиона), в кот<орой> скрещиваются одномерные миры всех брамфатур нашей галактики. Впрочем, такие жалкие обрывки огромной концепции вряд ли могут тебе что-нибудь дать. (Ах да, еще вот что. Ты говоришь, что названия звезд вызывают массу ассоциаций, а эти — нет. Да, не вызывают, потому что они новы. Никакие новые слова не могут вызывать ассоциаций. Но если бы это обстоятельство пугало людей, язык не только не развивался бы, но даже не возник бы совсем. Новые понятия требуют новых слов, это аксиома. А понятия за данными словами — действительно новые, независимо от чьего бы то ни было неверия или веры. Слово Навна — другого рода: оно просто выдуманно мной.)

Ты спрашивала про «Бродягу» и «Лесную Кровь». Последняя доработана, отделана и существует сама по себе, отдельно, как и «Немереча», «Голоса веков», «Янтари» и т.д. «Бродяга» же был дополнен несколькими десятками стихотворений и распался на 3 цикла, из которых 2 — «Сквозь природу» и «Босиком» — вошли в состав «Русских богов»⁶ в качестве глав XIV и XV (всего — 18), «Миры просвет<ления>» — XVI, «Навна» — IX, «Грозный» — X, а третий — это просто сборище стихов о природе, никуда не попавших. Он даже и не собран как следует.

Глупо чрезвычайно то, что теперь поздравлять тебя с 25 — поздно до смешного, а в предыдущем письме — до смешного рано (учитывая, через сколько дней ты получаешь мои письма). Примерно то же будет и с 8 апреля. Конечно, Ласточка, я в тот день постоянно был с тобой, но ведь так всегда. Я имею достаточно времени, чтобы ежедневно вести с тобой бесконечные мысленные разговоры: рассказывать, обсуждать, спорить, пригревать тебя и мн<огое> другое.

Вот еще вопрос: был ли Дю у Ек<атерины> Павл<овны> или узнал о Тане и Г<алине> Ю<рьевне> стороной? Все-таки остается загадочным, как и почему возникла в голове Г<алины> Ю<рьевны> эта бредовая чушь и как умудрилась она осветить под этим углом зрения факты столь убедительно, что поверила такой трудный человек, как Таня. Конечно, с моей стороны это — просто, так сказать, междоуметие, т<ак> к<ак> относится к области вещей, о кот<орых> надо говорить.

А у меня есть игрушка: хорошенький альбомчик, куда я вклеиваю картинки, вырезаемые из твоих и маминых конвертов. Набралось уже свыше 40 штук. Очень симпатично. И напоминает коллекцию открыток с видами городов, кот<орую> я собирал мальчишкой. Кстати, много стихотворений о детстве, написанных в <19>50<-м>, погибло. Не забудь передать горячий, горячий привет Джони. Такой же шлет тебе мой друг, с кот<орым> мы очень много и часто говорим о тебе. По-моему, вы очень подружились бы, если б встретились. Обнимаю и целую тебя, дитятко золотое. И начинаю обещанную «Гибель Грозного». В ней 110 строк⁷.

[Приписка на полях] Друг просит передать, что он тебе почтительно целует руку. Прочитав это, учти условия воспитания.

Не попадалась ли тебе небольшая книга О. Горбова — «На синем клиросе»⁸? Ответ непременно. И о Коле.

55. Д.Л. Андрееву

11 МАРТА 1956

Родной мой, ты мне все-таки напиши, каков характер ухудшения твоего состояния здоровья. Ты обвиняешь постоянно меня в том, что я тебе не пишу о своем здоровье, а сам что делаешь? Я спрашивала Дю — он говорит, что после инфаркта человека можно вылечить и привести даже в работоспособное, а не только в жизнеспособное состояние. В чем дело? Что тебе мешает поправляться? Почему через год с лишним после инфаркта ты становишься окончательным инвалидом — по линии сердца? Напиши мне, пожалуйста, все толком. Знаешь, я прицепилась к одной фразе в твоём письме. Говоря о Коле, ты пишешь, что на склоне лет такой человек может дойти до границ праведности. А это так нужно? Что называется праведностью и обязательно ли именно к ней стремиться? Не то что в письме, а и в беседе мне было бы трудно объяснить тебе, чего я, собственно говоря, привязываюсь. Может быть, имеет значение то, о чем я тебе писала: мне так опротивело многое, формально связанное с такими словами, что я начинаю шипеть даже не там

где надо — по ассоциации. Ты знаешь хорошую революционную песню о коннице Буденного? Там есть такие слова:

Никто пути пройденного
У нас не отберет.
Конница Буденного,
Дивизия, вперед!¹

Как тебе нравится картина: по нашей улице ходит пожилая «праведница» в белом платочке — фигура, имеющая большой вес и влияние среди «сестер», и поет на тот самый мотив:

Никто пути пройденного
У нас не отберет!
Все ангелы, архангелы
Двинутся вперед!

Я так бесконечно далека от праведности, что мне в таких случаях хочется развернуться и дать по зубам.

Почему нужна обязательно праведность? Почему нельзя быть честным солдатом, прошедшим свой путь — так, как сумел? У меня была приятельница, 60-летняя женщина, дама, вряд ли ее можно было причислить к праведникам, но, когда я на нее смотрела, я всегда думала: хорошо бы добраться до старости вот с такой же душевной ясностью, выдержкой и благожелательностью к людям. А она всегда говорила: я вовремя напилась и наелась, вот теперь и спокойна. Это путь к праведности? Не знаю, чем меня так зацепила эта твоя фраза, но я хотела бы иметь возможность до конца жизни вносить хоть крошечную каплю гармонии и мира во всемирный кавардак и умереть раньше, чем перестану к этому стремиться. Я тебе давно говорила, что у меня солдатский характер.

Ты скажи, что я очень благодарна за поцелуй моей руки и что мне очень и очень серьезно этого не хватает. «Этого» — это многое, символом чего является такой жест. Я устала без настоящего дела (поэтому много сил трачу на ерунду) и устала от отсутствия «этого». И не забудь спросить, что он хотел бы от меня услышать. А о Байрейтском театре... А сколько мы намечтали! Зайка, не смей болеть. Не смей, тебе надо жить обязательно, причем еще минимум лет 20.

Я собиралась писать другое, но застряла на праведности, и получился такой экспромт.

Привет от сестрички — Лисички. Целую, родной.

А.

56. Д.Л. Андрееву

13 МАРТА 1956

Родной мой Даник!

Я тебе должна наконец написать очень тяжелую вещь, которую раньше написать у меня рука не поднималась.

В ночь на 9 февраля умерла Александра Филипповна. Когда я, давно, писала тебе, что она очень больна, я узнала, что у нее рак шейки матки. Потом я узнала, что она при смерти и около нее — Александр Викторович, числа 12–15 февраля узнала, что ее нет в живых, а он в очень тяжелом состоянии. Это время у меня ушло на то, чтоб найти его и узнать, что с ним, тем более, что у меня были сведения, будто бы он должен уехать в Москву. Сейчас получила от него письмо и считаю, что не имею больше права скрывать от тебя ее смерть. У меня все время было такое чувство, что, если я ничего не смогу сообщить тебе о нем — тебе будет еще тяжелее¹.

Дорогая Аллочка! Письмо Ваше от 2.III получил 8.III. Должен отметить с большим сожалением, что вопросы Ваши основаны, частично, на недоразумении. Освобожден я 24 января судом, как инвалид, «страдающий неизлечимым недугом», еду я, если удастся и будет место, в Zubovo-Polyanskiy дом инвалидов, куда подал заявление. Откуда у Вас другие известия — не знаю. Правда, у меня имеются предложения о взятии меня на иждивение, из которых два могут стать предметом серьезного обсуждения, — но лишь через некоторое время, зависящее от моих чисто личных дел, связанных с кончиной Каиньки. Среди этих двух предложений — одно — ехать в Москву, но это предложение друга, а не разрешение соответствующих органов, так что сразу этого сделать нельзя. Но как раз сейчас имеются большие основания думать, что это вещь не невозможная в более или менее близком будущем. Вот и все. Остальное — «параша».

Теперь по поводу писем Даниилу. Я написал ему одно письмо еще с 6-го, в ответ на его письмо Каиньке — вполне в духе ее ответа. Другое написал уже отсюда² — о ее последних днях. Если же Вы думаете, что после того, что видел и пережил только что я, у меня могут остаться с кем бы то ни было какие бы то ни было счеты, то это «недоразумение» еще более крупное. Ну, конечно, процесс этот начался уже давно, теперь ставятся лишь последние «точки над i». И уж конечно я самым искренним образом желаю Вам выбраться из нашей общей катастрофы — но Вы понимаете, разумеется, что лично для меня эта катастрофа отодвинулась сейчас в едва видимую даль перед той, которая только что разразилась надо мной. Подчеркиваю: для меня, и только для меня.

Насчет пересмотра я не знаю ничего, о результатах его по отношению ко мне тоже не знаю. Знаю лишь, что Ивановский Александр Михайлович на днях получил извещение о снятии с него всех пунктов, кроме 10 часть I³. Но срок остался тот же. Таким образом, он должен выйти в ближайшее время по указу от 3 сентября. Его уже оформляют. Все это он просил Вам передать вместе со своим поклоном сегодня, после получения открытки от Вас — что я и выполняю.

Я не сомневаюсь, Аллочка, что Вы многое могли бы сказать мне — но мне не кажется, чтобы это могло быть нужно сейчас — как Вам, так и мне. Жизнью, а не мною проведена резкая черта. Становиться же теперь в позу судьи кажется мне, мягко выражаясь, неумным: у каждого из нас довольно своих бед, своих тяжестей, своих вин. И у каждого своя дорога: Вам еще жить да жить, а мне уже пора подводить последние итоги. Замечу кстати, что при

этом «занятии», припоминая различные пути и перепутья и бредущих по ним людей, я упорно стараюсь припоминать лучшее. Мне кажется, в этом больше правды. К сожалению, даже и на пристальные воспоминания часто не хватает сил.

В заключение мне хочется сказать, что самый факт отказа, полученного Вами, не означает для меня ничего окончательного. Я очень хотел бы Вас уверить, что говорю на основании крайне веских данных. И не сомневаюсь, что в непродолжительном времени Вы также будете освобождены. Так думала и Каинька — и я рад сообщить Вам, что в сердце ее не было против Вас никакого злого чувства. А это для меня закон — значит, его не должно быть и у меня. Простите за некоторую нелогичность и возможные описки, сейчас очень нескладно со здоровьем, но, кажется, обо всем «деловом» написал толково.

Вот, мой родной, сегодня я это письмо получила и пересылаю тебе. Может быть, к этому времени ты получишь одно из двух его писем, а если нет — значит, мое сообщение будет первым.

Если тебя не оскорбит и не рассердит моя просьба, то прошу: постарайся не волноваться настолько, чтобы сильнее заболеть. Каждый путь должен быть пройден, она прошла свой, относительно его — делай сам выводы. Но ты нужен мне, нужен друзьям, и, главное, нужен объективно. Ты обязан держаться и обязан выздоравливать настолько только можно. Мне часто кажется, что даром около меня сплетается много нитей, нам с тобой еще долго нужно жить, обязательно жить и много сделать.

Из наших 20 человек осталось: ты, я, Аня⁴ (с которой сняли п. 11 и 17-58-8⁵, но срок, кажется, оставили). Я думаю, что Витя и Алеша⁶. Саша⁷ в каком-то половинчатом состоянии — активирован, но находится здесь. Вероятно, это все. Письмо от тебя очень нескоро, и я буду очень волноваться все время, как ты воспримешь это известие. Целую тебя, мой дорогой. Привет от Джо-ни. Большой привет З.

Твой Листик

Я писала Бише, что не сообщала еще тебе о ее смерти, писала, как ты болен.

57. Д.Л. Андрееву

15 МАРТА 1956

Хорошее мое солнышко, серебряный вербный Зайчик.

Я все время думаю, как тебе сейчас тяжело, мой родной, и не знаю, какими словами помочь.

Только не сердись на меня за то, что я тебе не сразу написала — я просто не могла, зная, как ты болен и как тебе нельзя волноваться. И знала, что ты без конца будешь думать, что же теперь с Бишей, если Шуры нет в живых, и будешь мучиться этим. Поэтому я сразу стала выяснять, что с ним.

<...> Родной мой, сколько ни читаю «Грозного» — ни одного слова возражения. А вещи такой я очень ждала. Но у тебя был замысел с возникно-

вением Китежа в Смутное время. Это не то? Или есть, или будет еще о Смутном времени?¹ Не знаю, почему ты думал, что я буду против чего-то шуметь в «Грозном»? Ничего, кроме радости, мой дорогой! Кроме самой большой радости и благодарности. Боюсь, из суеверия, выговорить, но кажется, Джони осталась, и даже теперь на более значительной должности. Если это все так, значит, хоть какой-нибудь толк есть от моей работы. Она сама тебе сейчас пишет, и пишет своему папе. Когда мы увидимся, ты тоже будешь рад, что он нашелся. А увидеться мы должны и должны жить вместе совсем не несколько месяцев. Напиши только мне как следует все, что у тебя с сердцем.

<...>

Алла

58. Д.Л. Андрееву

20-21 МАРТА 1956

<...> Ты спрашиваешь, чем я виновата перед Мал<ютиным>, которого совсем не знала? Своей глупостью, в силу которой о нем упомянула. Именно мне принадлежит гениальная фраза о том, что тебе он предлагал вступление в какую-то организацию и ты от этого отказался, сказав, что твое дело — писать, и больше ничего. Я же абсолютно ничего не знала о том, к чему он имеет отношение, и прекрасно знала, что тебе он тоже сказал каких-то туманных два слова, так что и ты не знал, в чем дело. Конечно, я это сказала в силу каких-то психологических причин — того, что у дураков называется честностью, но именно у дураков. Вообще, об этом опять нужно говорить, а не писать, но мне кажется, что именно в какой-то связи с Малютиным, с которым в действительности у нас не было абсолютно никакой связи и о причастности которого к чему бы то ни было серьезному мы и сейчас не знаем, и зарыта основная часть собаки. Эту глупость, как и многое другое, я и считаю своей очень большой виной, но так мучиться от этого, как ты, не буду. В Прокуратуру я, написав два раза, больше не пишу. Булганину тоже написала два раза и раз — Хрущеву. Если б не твое здоровье и не старики, все было бы ничего. Я могу здесь быть, но с ними — никакого сладу, и твое состояние, очевидно, угрожающее. <...>

Я не знаю, что ответить тебе в нашем споре о словах. Логически ты прав, может быть, мне просто нужно привыкнуть, и эти слова перестанут мне мешать, как мешают сейчас. А насчет подмен и конкретизации — мне кажется, что слышимое, ощущаемое неопределенно — правда, а именно в момент конкретизации происходит подмена, потому что воспринимает — высшая, чистейшая часть души, а называет, конкретизирует — наиболее замусоренная, невольно снижая несказанный образ до человеческого, мутного понятия. И именно этим моментом пользуется нечто конкретное, очень активное, воинствующее, темное. Помнишь поговорку — если черти там гнездятся, значит, ангелы живут. Ну, и наоборот — тоже, как химеры на соборе.

Очень глубоко то, что ты пишешь о двойственности земли Ив<ана> IV. По-моему — бесконечно правильно. Зай, ну а где же Китеж? Я очень жду. Коптельский¹.

<...> Милый, надо переплыть эту большую реку и всем нам увидеться — помни это, мой дорогой, любимый Данюрочка.

Твоя Алла

59. А.А. Андреевой

29 МАРТА – 3 АПРЕЛЯ 1956

Здравствуй, моя золотая девочка!

Спасибо за ту бережность, с которой ты постаралась смягчить удар. Ты его и смягчила — насколько это вообще возможно. Но ты не могла знать, что твое письмо (с карточками) от 15/ III я получу раньше, чем письмо от 13/III. И вышло так, что, узнав о самом факте смерти Шуры, я 4 дня томился, не зная ничего о сопутствовавших ей обстоятельствах. Это было нелегко. Но я как-то внутренне был подготовлен и почти ждал подобного известия. Слава Богу, что Биша был рядом и что он находится именно в таком состоянии. Писем от него (как и от Коли) я не получал и сомневаюсь, что получу. Поэтому — особое спасибо тебе за посредничество. Сейчас мне не хотелось бы касаться всех мучительных узлов прошлого, и поэтому я прошу тебя разъяснить мне только вот что. Та версия отношения моих родных и друзей к тебе и ко мне, о кот<орой> ты писала в одном из предыдущих писем, — распространяется ли она на Бишу и Шуру? и на кого еще? (точно). И: к какому времени относятся неопровержимые доказательства такого отношения? От кого ты знаешь о выражениях Г<алины> Ю<рьевны>, когда она вернулась в комнату после встречи с тобой? И еще ряд вопросов. Не знаешь ли, какой «неизлечимый недуг» у Биши: обострение спондилита, morbus sacem* или еще что-то новое? где находится Zubovo-Polyanskiy inv<алидный> дом: не под Москвой ли? кто предлагает взять его на иждивение? Не знаешь ли чего-нибудь<удь> о Мусе К<алецкой>¹, о Желабовских?² Почему в числе оставшихся из нас двадцати ты не упоминаешь Т. Усову? Как бы то ни было, для меня было крайне важно убедиться в том, что ни у него, ни у несчастной Шуры нет и не было против нас никакого злого чувства. А интуиция мамы насчет Ш.³ — прямо-таки поразительная. Хотя у меня нет математически-беспорных данных по этому поводу, но, услышав 24.V. <19>47 г. от Жукова содержание химеры и козней века⁴, я не мог не прийти к заключению, совершенно совпадающему с маминым. Интересно, понимает ли это сам Биша.

Что касается версии о роли друга Олега (в стиле С<тефановича>⁵), то ты родная, что-то не так поняла. Мама вчера сказала категорически, что ничего подобного Ал<ександров> не говорил. И хорошо: если бы сказал, это была бы свержабсурдная гнусность, нелепейшая клевета. Речь шла не о ком-либо персонально, а о том, что в Олеговом окружении мог быть такой человек. А это вполне, вполне вероятно. Что касается А<лександро>ва и Парри<на>, то это люди весьма практические, сумевшие о многом забыть. Вряд ли у меня нашлось бы, о чем с ними разговаривать.

* Эпилепсия (лат.). — Ред.

Ты права в том, что без З<еи> мне было бы крайне трудно существовать — не только в чисто бытовом, физич<еском> смысле, но, главное, в душевном. Это — единственная отдушина.

Ну, теперь о здоровье. Куда я помещен — ты поняла правильно. Какое именно сердечное заболевание у меня — я и сам точно не знаю. Знаю только, что весьма солидное. Первое полугодие после инфаркта прошло не так плохо. А потом началось. Ухудшения были в июне, сентябре, декабре — январе и феврале — марте. Причем каждое следующее — глубже предыдущего. Теперь в плохие дни (правильнее — недели) я принужден лежать, почти не вставая. В хорошие — двигаться немного, причем подъем по лестницам и тогда остается для меня весьма затруднительным, всякое поднятие тяжестей или физическое усилие — невозможным, а малейшее волнение вызывает перебои, боли и заставляет ложиться в постель с грелками спереди и сзади (наглотавшись, кроме того, нитроглицерина и пр.). Как пойдет дело дальше — не знаю; сейчас опять делается вливание глюкозы, но улучшение этим достигается, конечно, временное и неглубокое. Важны очень — хороший сон и спокойствие. Но второе, как ты знаешь, не всегда возможно, хотя сейчас создана вокруг меня обстановка, абсолютно никаких волнений сама по себе не порождающая. Но газеты и письма не могут не волновать, что естественно. Что же касается сна, то он сильно расстроен привычкой к ночному бодрствованию. Сплю нормально только со снотворным. В последнее время опять начал гулять, прогулка (конечно, только босиком) действует хорошо, но, к сожалению, это связано со спусками и подъемами на 3-й этаж. В довершение всего недавно было сильное обострение гастрита, а это отражается и на сердце. Умирать я, дитя мое, не собираюсь. (Хотя и стараюсь быть к этому готовым.) Возможно, что в условиях идеальной безмятежности (не в городе) удалось бы проскрипеть еще несколько лет. Мне чрезвычайно улыбался бы инв<алидный> дом вроде Зубов-Полянского до тех пор, пока ты не подведешь под свое существование некоторой базы. Беспокоит меня при этом не вопрос, когда это случится (я уверен, что в этом году), но — как я дотуда доберусь. Я сейчас закончил и на днях отправляю заявление Булганину, по материалу своему очень близкое к моему заявлению Маленкову от ноября <19>54 г.⁶, но с другой акцентировкой. Требую переследствия и прошу, ввиду моего болезн<енного> состояния, прислать сюда лицо с соответствующими полномочиями для снятия с меня дополнительных показаний.

На фоне всего этого настоящая радость — это то, что нашелся Джонин папа. Напрасно ты говоришь, что я был бы рад этому, если бы его знал. Я и так радуюсь всей душой!! И с нетерпением жду дальнейших подробностей. Очень растрогало меня Джоничкино письмо; и очень досадно, что я сейчас не могу на него ответить. Поблагодари и расцелуй ее, миленькую, за меня.

Теперь о праведности. Тут я с тобой в корне не согласен, удивлен и даже, очевидно, чего-то не понимаю. Я понимаю под словом праведность высшую степень нравственного развития, вот и все. Праведность совершенно не обязательно должна иметь аскетический, иноческий характер. Иноческая аскеза — только одна из ее разновидностей. Д-р Гааз — другая. Ганди — третья. И по-моему, напр<имер>, Чехов находился на границе праведности. И если

Диккенс грешил тем-то и тем-то, меня это мало интересует: существенно, по-моему, то, что «Пиквикский клуб» — книга такой чистоты, добра, такого изумительного отношения к людям, что автором ее мог быть только праведник. — Но, конечно, и к иночеству, и к церкви у меня отношение совсем другое, чем у тебя. Говорить об этом в письмах невозможно ввиду обширности темы. Скажу только, что на такие явления, как Церковь, надо найти угол зрения не только исторический, но и метаисторический; иначе будешь только скользить по поверхности. Что же касается уродливых явлений, кот<орые> ты описываешь, то я понимаю, что это может быть смешно; понимаю так же, что можно испытывать к ним острую жалость, как к уродливо-искривленным карликовым деревьям, выросшим в какой-нибудь щели или трещине, вне условий, необходимых для правильного развития. Но как можно при этом пожелать «съездить им по зубам» — воля твоя, не понимаю, никогда не пойму и очень огорчен. И не думай, что я таких явлений не знаю, не видел и только поэтому так говорю. Знаю их, знаю, и, кажется, кроме жалости испытываю еще и другое чувство: уважение. За непоколебимость и силу.

Ну, дитячко, вчера (2.IV) была у меня мама. Постарела, но я ожидал худшего. Ее сопровождала сюда (несла тяжести и пр.) домработница Кати Бокковой. Вообще, в материальной помощи участвуют многие, в особенности Галя Р<усакова>: она в Москве; письмо твое, очевидно, не дошло. Очень трогательно ведет себя Вл<адимир> Павл<ович> Митрофанов. Викт<ор> Кем<ни>ц служит вместе с Люсиком Андреевым⁷, кот<орый> тоже был у мамы и передал мне 50 рублей. Анечка⁸, очевидно, скоро присоединится к ним, т<ак> к<ак> ее задержка — произвол ее начальства, и ничего больше. Она ведет работу вроде твоей и очень им там полезна. Зоя⁹ — поразительное дело — производит очень здоровое впечатление. Уточнили мы с мамой всякие деловые подробности. Кстати, она отнеслась сочувственно к моему плану насчет дома инвалидов, но, как ты знаешь, она вообще не любит «загадывать» насчет будущего. Посылать ли мне заявление или не стоит, они выяснят на днях и тогда мне напишут. Вообще, ее посещение влило в меня изрядную порцию бодрости. И дело, конечно, не только в том, что мы оба теперь на долгое время обеспечены всякими питательными и вкусными вещами, но, главное, я убеждаюсь, что отношение ко мне московских — и не-московских — друзей прежнее, незыблемое и весьма активное. М<ежду> прочим, Ол<ьга> Ал<ександровна> Веселовская совсем плоха: у нее тоже был инфаркт, борьба с последствиями которого очень осложнена водянкой. Ее дочь вышла замуж, а через несколько месяцев, будучи беременной, прогнала мужа и даже не пожелала, чтобы ребенок носил его отчество. Вот это характер!

Козленочек, мы с Зеей долго обдумывали, что значат твои слова о том, чтобы он выразил желание, чтобы ты что-то такое сказала. И ничего не придумали. Конечно, от него горячий привет, но он все еще ломает голову над твоими словами. А вот меня очень беспокоит молчание Коли. Неужели что-нибудь случилось? Что он говорил тебе про книгу О. Горбова?

Ты спрашиваешь о Китеже. Прежний замысел остался неосуществленным, вернее, из него выросло много разных вещей. После «Грозного» идет «Рух» (рух — ст<аро>русское слово, означает набат, вообще сигнал

к общей борьбе против всенародного бедствия). Эта вещь гораздо интереснее и формально — лучше «Грозного». Если буду еще здесь, после «Грозного» стану посылать тебе ее. (Это — полиритмическая симфония в 4 частях; о Смутном времени.) Обнимаю и целую тебя, мое золотко¹⁰.

Д.

[Приписка на полях] Когда будешь писать маме, пожалуйста, попроси ее прислать мне жесткую щетку для мытья ног: я вчера забыл ей сказать, а щетка нужна до зарезу.

Д.

Когда и на сколько дней ты можешь получить отпуск? Ко мне заглянуть, конечно, не успеешь?

60. Д.Л. Андрееву

5 АПРЕЛЯ 1956

Дорогой мой дружок!

Я все время думаю о тебе и о том, что читаю, а как сажусь за письмо — не нахожу слов, как все выразить. Понимаешь, я не могу расхвалить так, как чувствую, по глупой и очень нахальной причине: я все это чувствую немножко своим и из-за этого стесняюсь хвалить. Ты, пожалуйста, не сердись и не удивляйся. Оттого, вероятно, чувствую своим, что все, что я думаю и как понимаю, совершенно с этим слито.

Только, Заинька, я больше не удивляюсь, что ты так серьезно заболел, а удивляюсь, что ты жив после таких путешествий.

Очень не надо читать стихи кусочками, можно только целиком, чтобы очертилась концепция. Тогда все возражения тонут. Кажется, от моего бунта против духов Лиурны осталось только два тусклых замечания: не нравится мне слово Уснорм, вероятно, я его слышу не так, как ты, и очень обидно, что Велга — настоящее, причем прекрасное и светлое, латышское имя. Оно значит — влага, освежающая вода, а коренные слова русские и латышские многие очень близки. Велга — Волга — Влага — одно и то же. У латышей сохранилось много языческих имен, особенно, кажется, женских: Дзидра (прозрачная), Скайдрит (красивая), Раса (роса), Аусма (заря). Красиво, правда?

Еще вот никак не могу с одним разобраться. Конечно, чтобы понять «Грозного» и «Рух», нужно знать русскую историю — раз, и быть в состоянии понять концепцию — два. Сколько потеряется без этих двух факторов? Для меня это — то, чего не умеет высказать моя немая душа, и никак не могу понять — очень ли будет мало таких, как я. Знаешь, меня такой родной волной захлестнуло в эти дни, что я как-то добрее и лучше стала, как будто в душе начинают звенеть далекие застывшие струнки.

Кстати, помнишь Бишину концепцию о вредности профессии актера, якобы разлагающей внутреннее существо человека? Это — полный абсурд. Наоборот. Работа над любым образом оттачивает и отграничивает собственное «я», потому что работа актера вовсе не стихийное перевоплощение, а как бы оценка образа с точки зрения своей очень ясной и твердой личности. Я заме-

чала, например, что именно работа над отрицательным образом как-то уячала противоположные ему черты во мне самой.

Очень жду твоего письма. И мамино, с описанием вашего свидания, но мама умеет, написав, ничего не написать. Я всегда тревожусь от этих свиданий. Беденький, а ты обуваешься, когда к ней идешь?

<...> Целую, родной.

А.

61. Д.Л. Андрееву

10 АПРЕЛЯ 1956

Дорогой мой Заинька!

Уже должно быть письмо от тебя. Жду его с большим волнением, мой хороший.

У нас с девочкой горе — нас разлучили. Именно тогда, когда все думали, что больше никто никуда не поедет. Когда увидимся, расскажу, до каких пределов доходит человеческая подлость. Теперь у меня в жизни, кроме окружающей гадости, есть огромное светлое — ты, но нет больше того детского, преданного и теплого, что вносил этот мой дорогой ребенок. Мы всегда с ней смеялись, что она по какой-то ошибке родилась не у меня, а у другой мамы. И еще плохо, что мы не вместе сейчас, а у нее опять ухудшение с легкими, я боюсь, что этот удар и отсутствие питания могут сыграть очень плохую роль. Произошло это все как раз на мои именины. В пятницу сказали, в воскресенье — именины, в понедельник поехала. Потому я и не писала тебе несколько дней — собирались и плакали. И кошка наша с нами плакала. Я все время думаю, как тебе будет тяжело остаться одному, когда твой друг уедет. Разница только в том, правда очень большая, что его ты проводишь на хорошее, а не на лишнее мученье.

Мама очень волнуется о том, как ты будешь писать заявление. Она права в одном: если писать, то останавливаться только на юридической стороне. Незаконное следствие, сознательно состряпавшее несуществующее дело. Потому что то, что мы говорили и что нам зачислено как 10 п<ункт> — уже напечатано в газетах и, таким образом, должно отпасть. Ты знаешь, я забыла, ответила ли я на твой вопрос — кто такие Комаров, Артемов и т.д. И еще хуже, не могу найти в твоих письмах этого вопроса, чтобы посмотреть, что именно (о ком именно) ты спрашиваешь. Помнишь крупного, плотного, тяжелого, черного, с тяжелыми черными глазами человека в Лефортове? Это и есть Комаров, по заданию Абакумова состряпавший наше «дело» и позже расстрелянный. Артемов — мой следователь, его судьбы не знаю, но надеюсь, что и он, подлец, получил что заработал. А Леонов (расстрелянный) разве не твой следователь?

У меня, конечно, очень много работы к 1 мая. Но от режиссерской деятельности я отказалась. С таким душевным состоянием, как у меня сейчас, в связи с отъездом Джони, я могу делать только механически то, что уже умею. Да и незачем мне зря надрываться, режиссером я не буду никогда на воле, потому что не хочу им быть. Огородом в этом году заниматься не буду,

посажу одну грядку какой-нибудь ерунды, и все. Читаю Сетон-Томпсона, милую книжку про зверей. Зай, конец «Нэртис» разный в тетрадке и в открытке, но мне в открытке больше нравится. Я не ошибаюсь, что в «Грозном» есть кусочки «Солнцеворота»? Ты говоришь, что «Лесная кровь» есть отдельно, а строчки «Я оттого и светел, что волен...» ты утащил оттуда? Ты, очевидно, знаешь, что если мореплаватели называли новые земли как хотели и звездам давали имена древние астрономы, то и твое право — называть острова и заливы, как ты хочешь? Может быть, ты и прав, я тебе уже писала, что могу спорить только по кусочкам, а все целиком меня покоряет. (А слово Орошамф мне не нравится, слишком похоже на орошаемость.)

Я кончаю письмо, мой Заинька, надо начинать работу. Дорого мне и маленькой сестричке стоили эти три последних дня вместе, у меня даже седых волос прибавилось, а она похудела совсем, как веточка. Передай привет Зее и дай нам Бог скорее быть вместе!

До свиданья, Солнышко.

Листик

62. Д.Л. Андрееву

17 АПРЕЛЯ 1956

Солнышко мое.

Что ты не можешь меня вовремя поздравить — понятно, но как я ухитрюсь не рассчитать, в какой день написать письмо с поздравлением, чтобы оно пришло хоть как-нибудь соответственно именинам — это уже гораздо хуже. Прости меня, Заинька, сейчас идут очень трудные дни, мой хороший, и я сбиваюсь со всех подсчетов.

Поздравляю тебя, мой дорогой, и очень хочу, чтобы мы праздновали дальше вместе все наши именины и чтобы это было подольше, а не несколько лет. За несколько лет еще только небо порозовеет, а мне хочется еще немножко подальше.

Я, правда, опять видела во сне церковь, а это, кажется, плохо. Я их видела бесконечное количество за эти годы, и самых разных. А накануне переезда в Лефортово — слышала во сне «Величит душа моя Господа» и видела зажженные свечи. На этот раз, вероятно, от страшной нервной усталости, причины которой поймешь, когда смогу рассказывать, я видела нечто совершенно фантастическое. Посредине Москвы возвышался лондонский Тауэр, причем назывался он Вестминстерским аббатством. По совету Образцова (сейчас передают по радио главы из его книги об Англии!) я обошла огромное здание кругом в поисках часовни Генриха какого-то, нашла эту часовню, оказавшуюся милым маленьким домиком с ярко-зеленой высокой крышей. На балюстраде лестницы были нарисованы какие-то картинки, я рукой сдвинула снег с них и удивилась прочности красок. Видишь, какая чушь.

Родной мой, мало я жалела маму все эти годы. Вот теперь, когда мой, Богом данный, ребенок живет не со мной и хуже, чем я, вот теперь я поняла, что такое, если мучают твое дитя. Как же это жить на свете? Не иметь, что ли, ничего теплого и милого в жизни? Когда у меня душа чуть не застыла,

мне было хорошо, а разве это была я? Не нравятся мне, Зайчик, беспорядки на этом свете, и кажется мне, что светлые силы могли бы проявить побольше активности. Кстати, и по отношению к тебе — неужели ж нельзя попроще охранить тебя и поддержать? Ну, не возмущайся, милый, передай З<ее> привет от меня. А он со мной никогда не согласен, так же как ты?

Спи спокойно, Заинька.

Листик

63. Д.Л. Андрееву

21 АПРЕЛЯ 1956

Родненький мой!

Сегодня наконец получила первую открыточку от Джони. Немножко стало легче на душе.

Хороший мой, я думаю, что к вам, если еще не приехала, то скоро приедет Комиссия Верх<овного> Совета по разбору дел. У них — огромные полномочия. Прошу тебя об одном — не будь Дон-Кихотом, будь умницей. Советовать мне тебе нечего, сам, если захочешь, все сообразишь, но беспокоюсь, конечно, очень. Достаточно по всему ясна тенденция: выпустить людей, не являющихся настоящими врагами и преступниками, если эти люди совершили в свое время какую-то ошибку и сейчас это поняли. А совсем ангелов среди нас нет.

Не прими это за диктовку. Ты ничего не обязан делать, и я всегда буду уважать любое твое решение, я только прошу, чтобы ты сделал все с умом и не сражался с ветряными мельницами.

Не обижайся на меня. Я не только ничего не требую, но и не прошу для себя ничего, мне только кажется неумным не постараться вырваться.

<...> Чуть не забыла: Биша освободился и уехал куда-то в Московскую область. Это мне написала Джони, она теперь там, где умерла Шура, и Биша 17.IV заезжал туда за вещами.

<...>

Алла

64. А.А. Андреевой

29 АПРЕЛЯ — 3 МАЯ 1956

Ну, родное мое дитяtko,

кажется наша разлука и в самом деле близится к концу. Похоже на то, что в июне или июле я покину здешние места. Конечно, это еще далеко не «факт», но, повторяю, на то похоже. Куда именно я двинусь и, собственно, каким образом — мне еще совершенно неясно; наиболее вероятным представляется (хотя пока гипотетическим) инвалидный дом, расположенный недалеко отсюда. Слава Богу, что все это может случиться в такое время года, а не поздней осенью или зимой. Теперь мне чрезвычайно важно узнавать по возможности быстрее и обстоятельней все перемены, происходящие или должествующие произойти с тобой. Солнышко, я мучительно переболел вашу

разлуку с Джони, но теперь готов верить в то, что и эта разлука — весьма ненадолго. Конечно, ужасна была эта совершенно лишняя, мягко выражаясь, трепка нервов или, вернее, не нервов, а того, что от них осталось. Но надеюсь, что если в будущем вам обеим еще и предстоят другие «трепки» (без них жизнь почему-то до сих пор невозможна), то трепки эти будут уже в другом роде и в другой обстановке.

Относительно моего здоровья. Листик, в тех фразах моих, которые ты считаешь противоречивыми, я не усматриваю ни малейшего противоречия. Именно: я собираюсь не умирать, а проскрипеть еще несколько лет. А если суждено нечто еще лучшее — хорошо. — Конкретно: сейчас состояние немножко лучше, но я по-прежнему не могу 1) поднимать каких-либо тяжестей, 2) подниматься по лестницам, 3) ходить дольше $\frac{1}{4}$ часа подряд; самое же главное — абсурдно-дурацкая реакция сердца — не то что на малейшее волнение или раздражение, а на множество ничтожнейших мелочей, даже на собственные мысли. Вот ты пишешь о страхе Дюканушки перед нарушением его ритма жизни и видишь в этом симптом настоящей старости. Не знаю, симптомом чего является это у него, но у меня наблюдается совершенно то же, и проистекает это из горького опыта, гласящего, что малейшая встряска укладывает меня на несколько дней в постель. Поэтому не представляю, м<жду> пр<очим>, как буду расставаться с З<еей>, как дотащусь до инвалидного дома и пр. Еще одно: я, конечно, могу в торжественном, исключительном случае надеть тапочки на час или два. Но если я стану обуваться вообще — я умру. Прекрасно знаю, какие эта экстравагантная привычка сулит осложнения и трудности, но все-таки лучше трудности, чем лежание в гробу. А как практически разрешу я связанные с этим осложнения — не представляю и сам. Например: даже в сердечный санаторий я не смогу лечь, если режим этого санатория или врачи потребуют, чтобы я обувался. Босикомхождение — основной источник тех сил, благодаря которым я еще существую. Многим это покажется психозом — и пусть; я-то знаю то, что знаю.

Это письмо, весьма возможно, окажется последним или предпоследним моим письмом, и мы скоро сможем разговаривать сколько угодно. Поэтому отвечаю не на все пункты в твоих письмах за этот месяц, требующие ответа. В частности, оставляю до наших бесед вопросы об отношении к прошлому, о Бише, о чудовищном бреде Ирины¹, а также о церкви. Должен сказать, что сейчас я отчаянными усилиями заканчиваю курс своих занятий, потому что в новых условиях мне не удастся углубиться в них очень долго, м<ожет> б<ыть>, и никогда. К сожалению, дело осложняется опять-таки недостатком чисто физических сил (я не могу долго сидеть за столом) и, кроме того, ужасной духовной тупостью, апатией, которыми ознаменованы 2 последних месяца. Дело в том, что из-за сердца мне пришлось изменить повседневный ритм и отказаться от тех ночных бдений, кот<орые> являлись чем-то вроде моего духовного питания. Каждый вечер мне дается снотворное, благодаря которому я сплю подряд 8 – 9 часов, это очень хорошо, даже просто необходимо в настоящее время, но зато в остальное время я туп, бессмыслен и вял, как взор идиота. А чуть малейшее впечатление — моментально перебои и сердечн<ая> слабость либо теснение в груди, грелки, нитроглицерин и пр<очее>.

Сам себе стал отвратителен, и мучит мысль, каково будет тебе жить бок о бок с таким «фонтаном» жизненных сил. Но выйти хочу в высочайшей степени, и по крайней мере в этом отношении ты можешь быть покойна. Безумно, невыносимо хочу пожить хоть недолго среди природы.

Практические вопросы: 1) Тебя зовут в подмосковный совхоз; очень привлекательно; но — в качестве кого могла бы ты там работать? 2) Против Латвии у меня есть кое-какие возражения, кот<орые> выскажу потом. 3) Какие еще могут быть варианты? 4) А как насчет района Ташкента? 5) Как ты думаешь: восстановят ли мне пенсию инвалида Отецеств<енной> войны? 6) Можно ли надеяться на какую-нибудь компенсацию за конфискованное? 7) Непременно сообщай все, что узнаешь о бывших и настоящих друзьях и знакомых. М<жду> пр<очим>, О. Веселовская очень больна — водянка — почти все время в санатории. Ее дочка вышла замуж, но скоро буквально прогнала своего мужа, оставшись на 1-м месяце беременности. Вл<адмир> Павл<ович> Митрофанов перенес тяжелую операцию — вырезали большой участок кишки — и сейчас тоже в санатории. О Ш.² повторяю и подчеркиваю: это — уверенность не на 100, а примерно на 90 %.

Родная, ты, кажется, полагаешь, что теперь перед тобой — вся концепция. Какое там! Треть или четверть. Притом очень важна определенная последовательность, которую пока ты еще совсем не можешь соблюсти ввиду колоссальных пробелов. Вообще, у тебя может сложиться ложное представление о целом как о чем-то далеком от жизни, ориентированном на далекие исторические эпохи или, отчасти, на вневременную природу. Это не так, совсем не так. Но требуется еще ряд технических усилий, чтобы все нашло надлежащее ему место.

Это письмо выходит ужасно безалаберным. Это потому, что я уже отчасти чувствую себя вроде как на вокзале, многого не затрагиваю в надежде на скорую встречу, да и вообще в голове сумбур. Хотя очень может статься, что своими надеждами я слишком опережаю события.

Радио — бедствие, измучившее маму в дороге, теперь настигло и меня. С 6 час. утра до 2 ч. ночи уши у меня заткнуты ватой или хлебными катышками, но это, к великому сожалению, почти не помогает. Вообще, тишину я стал ценить как величайшее благо жизни. И — странно: в сущности, я очень мало скучаю по музыке: только по нескольким отдельным произведениям.

А мы с З<еей> перечитали вслух «Пиквикский клуб», и это были дни настоящего наслаждения. Одна из лучших книг, созданных человечеством! Ее поразительное отличие от всех остальных — в том, что ни в одном человеке она не может родить ни одной греховной, темной мысли. Чудо чистоты. А знание жизни и людей! и это в 24-летнем возрасте! Вот уж гений так гений.

Девочка, строчки из «Солнцеворота» попали в «Рух», а не в «Грозного», а по поводу строки из «Лесной Крови» ты права, эта строчка повторяется и тут и там. Еще несколько слов по поводу названий, прав мореплавателя и пр. Есть несколько (не более десятка) названий и терминов, которые я выдумал сам, в том числе Навна, Ярослав, метакультуры, Велга и др. И сотни две названий, которых я не выдумывал и не изобретал, но слышал в тех или иных состояниях, причем некоторые из них — многократно. Их транскрипция рус-

скими буквами — только приближение. А некоторые из них я вообще никак не мог слышать отчетливо. Среди них есть и очень неприятно звучащие, например Ырл, Пропулк... Но и эти очень выразительны и уместны. Сообщение о том, что значит Велга по-латышски, меня очень огорчило; жаль, что я не знал этого раньше; а теперь уж поздно.

З<ея> долго размышлял и под конец решил, что ты уже сказала ему то, что ему хотелось бы. Я тоже того мнения. Он очень, очень благодарен за карточку, жалеет, что не имеет и моей, а ниточку ощущает как самый крепкий в мире канат и верит, что рано или поздно мы все будем вместе. Мне его ужасно, мучительно жаль.

Напрасно ты жалуешься, Проталинка, на малую активность светлых сил: противоположные тоже очень могучи, особенно в этом мировом периоде. Вообще, что делается, что делается! Дитятко, теперь нам действительно пора, необходимо, абсолютно необходимо быть вместе. И будем. Вообще говоря, мне хотелось бы, чтобы ты выехала первая, а я — потом к тебе, и, м<ожет> б<ыть>, даже не без твоей помощи. Но это мало зависит от наших личных желаний.

Никогда еще я не писал тебе ни одного письма в таком странном состоянии: перо не идет, все время останавливаешься из-за мысли: «Об этом лучше поговорим вскорости».

Сегодня кончил курс занятий, начатый еще в <19>50 г.³ Не станцевали буги-вуги иди джигу только из-за сердца.

Вопросов специальных не задаю, только когда будешь мне писать, подробнее и обстоятельнее старайся сообщать о всем практическом, касающемся тебя, Джони, Коли, меня и всех знакомых и друзей, о кот<орых> у тебя есть какие-ни<будь> сведения. Надо бы еще сказать «Христос воскрес», но сегодня только еще среда, а получишь ты это письмо уже после Пасхи. Но все таки: Христос воскрес!

И хочется прибавить: до скорой минуты, когда мы обнимем друг друга.

Козленочек, ты не пишешь, каков тебе показался «Рух». Он требует несколько особой манеры чтения, иначе его легко погубить. Из всего, что у тебя есть, его я считаю удачнейшим. А вот попробуй почитать вещь еще более трудную, т.к. она написана размером, никогда никем не употреблявшимся. Читать надо медленно, плавно и широко. Это — вступление к «Железной мистрии». Размер этот — гипер-пеон⁴.

[Приписка на полях] Пожалуйста, Коле мой горячий привет и огромнейшую благодарность.

65. Д.Л. Андрееву

12 мая 1956

Дорогой мой Зай!

Так как я получила от Дюканчика телеграмму, гласящую, что разбор дела закончен (опять) и оно находится на утверждении (т.е. не оно, а он — ответ), то теперь я тебе все напишу, что не написала. Дело в том, что Комис-

сия у нас уже была. Не пугайся за меня, то, что я еще здесь, не значит, что меня оставили.

Комиссия работала 10 дней. Подавляющее большинство — $\frac{4}{5}$ — уехали домой. Человек 40 ждут документов от поручителей и приблизительно столько же — ждут запрошенных дел, т<ак> к<ак> здесь находятся слишком маленькие и неконкретные выписки, на основании которых невозможно с человеком ничего выяснять. Среди этих людей — я. Если из Москвы придет что-нибудь сюда, меня в тот же день отвезут на комиссию, а если решать будут в Москве, все равно ближайшие месяц-два какой-то конец, очевидно, должен быть. И если я чему-то не верю, то только в силу особенностей характера.

Комиссия работала от 18 до 28 апреля, как раз в то время, когда я тебе безбожно врала о том, что перегружена первомайской работой. Никакой работы не было. Но было такое нервное напряжение, что я ни на какие толковые письма не была способна и страшно боялась взволновать тебя. Когда увидимся, все расскажу. Как ни трудно было, я очень рада, что все видела. Тишина, наступившая теперь, тоже необыкновенна. Позавчера уехал последний из близких людей, но это меня не задело, стало еще спокойнее и тише, и нервы начинают понемножку выправляться. Если б не страшная тревога за девочку, все было бы хорошо. Но это — как петля на шее, которая то сдавливает, то отпускает. Мама получила от нее два письма из Московской пересылки. Письма, конечно, бодрые, храбрый курносый Лапсенок на иные и не способен, но меня этим не утешить. Родной мой, прошу тебя, не строй пока никаких планов будущей жизни. Если удастся — устраивайся в инв<алидном> доме во Владимире, если не удастся (чего мне втайне хочется), не волнуйся: мама сняла в Звенигороде дачу с большим садом, там твои босые ноги никого не испугают. Имей в виду, что когда освобождаются люди в таком состоянии, как ты, то или вызывают родных, или дают провожатого, который такого больного везет до места назначения. У нас многие за эти годы так поехали.

<...> У Саши комиссия или кончила, или кончает работу, но результатов относительно него мне еще не удалось узнать.

Относительно дальнейших жизненных планов здесь сейчас ничего решать не надо. Будем жить там, где я найду работу, а как это все будет — сейчас все равно ничего не видно.

Спокойной ночи, мой хороший, целую вас обоих.

Листик

Что ты выдумал — может быть, никогда не сможешь заниматься? Что ты, Зайка!

66. Д.Л. Андрееву

23 мая 1956

Родной мой, что-то у меня так скверно на душе из-за тебя! Или ты получил эти мои противные письма, или тебе опять хуже, или что-нибудь происходит. Очень тяжело в такое время, как сейчас, так редко получать письма. До следующего твоего письма не меньше двух недель. Главное, что меня мучает, это то, что ты, конечно, решишь, что я ничего не понимаю.

В воскресенье у нас была хорошая погода (это была Джонина и Зеина Троица¹), и я решила осуществить давно задуманное предприятие: одна ушла гулять в лес. Должна тебе сказать, что сдвиг в психике, о котором я подозревала, оказался сильнее, чем я надеялась. Я вышла за ворота, пошла по дороге вдоль леса, и для того чтобы свернуть в этот чудесный лес, мне понадобилось серьезное волевое напряжение. Также и для того, чтобы в лесу идти не по тропинке. Совершенно нелепым было ощущение тревоги в лесу и еще более нелепым — чувство успокоенности, если в какие-нибудь неожиданные пролеты между деревьями становилась видна наша архитектура. Я заставила себя пробыть там долго, побродила вдоль речки, набрала фиалок, потом поднялась на горку, спокойно там посидела, глядя на свой «дом», и вернулась. Так как в лесу и на горке походила босиком, а на голове у меня была только газовая косыночка — простудилась, но не сильно, уже выздоравливаю.

До сих пор я бывала в лесу только с целым стадом, причем, конечно, ходили по дороге, и вот, оказывается, эти годы так покалечили психику, что мне, с моей ненавистью к стаду и с моей любовью к лесу, нужно взять себя в руки, чтобы пробыть в этом лесу сколько-то времени одной. Это имеет отношение опять к тому же разговору, который так неприятен. Если я сейчас позволю себе уступить каким-то странностям и слабостям, конечно, они будут прогрессировать. И кончится тем, что я буду гулять с накрашенными ресницами и с ноющими ногами в туфельках на каблуках по дорожке около дома, а ты будешь сидеть, босой, без галстука (и, вероятно, небритый), в 100 метрах от этой дорожки — отойти дальше тебе не позволит сердце — и оба будем старательно подводить метафизическую базу под эти глупости и устраивать трагедию на ровном месте. <...>

Лист

67. Д.Л. Андрееву

1 июня 1956

Родной мой!

Попыталась писать это письмо в сосновом лесу, но из-за комаров не только писать — остановиться нельзя.

Не думай, я еще не на воле, судьба моя еще не решена, дело еще не пришло, но наша бурная жизнь выкинула еще одно коленце: на наше место прибыли бытовики, а нас, человек около 70, попросили убраться из зоны и поселили в большом доме на горе у соснового леса. Возможно, что несколько человек — и я в том числе — будем ходить еще несколько дней в зону на работу, пока нам там найдется смена. Состояние очень странное. Несмотря на приказ, требующий молниеносного исполнения, я ухитрилась держаться около дома до последней минуты, эту ночь ночевала в комнате, где работала, одна во всей зоне.

Все было бы хорошо, если б вы все, мои дорогие, не были там, где вы есть. Кроме бедных наших старичков, высидевших в своем спокойном курином гнезде зеленого, длинноногого гусенка, я одна могу хоть двигаться свободно, а все остальные — в тюрьме: ты и З<ея>, Джони и ее отец. Они те-

перь в Риге, и пока все не кончится, мы ничего о них не узнаем. Боюсь очень. У девочки очень странная судьба, мне всегда казалось, что около нее крутится что-то темное, а она — такой храбрый, маленький, курносый Лапсенок.

Это письмо поедет не раньше воскресенья — так у нас теперь получается, так что я каждый день буду понемножку приписывать. <...>

3 июня 1956

Ничего не происходит. Т<о> е<сть> — у нас ничего не происходит, а там, где мы были недавно, жизнь бьет ключом: уже несколько раз подрались, стащили картошку на кухне, в нашей маленькой целомудренной кипятилке варят чихир...

От нашего института благородных девиц остались только анютины глазки на клумбе. Очень странно, как в одну минуту все, что было связано с пятью годами жизни — и какой жизни! — стало совсем чужим, даже тополя и березки как не наши. Я опять сижу и пишу письма в соснах, на пригорке с ветром из-за комаров. Психические выверты уже значительно исправлены: хожу в лесу без дороги почти по-прежнему, вчера поздно вечером гуляла одна.

<...> Я получила письмо оттуда, где умерла Шура. Биша был там, проездом в Москву; был на ее могиле и просил врача, чтобы она посетила ее 6 мая, в день именин. Ехал в сопровождении женщины, которая должна была доставить его до места назначения, настолько плохо его здоровье. Моя корреспондентка опять пишет мне, что он реабилитирован, но ей нельзя особенно верить.

Зай, ты не удивляйся странному письму: у меня все из головы выметает ветер и шум деревьев, и я очень плохо все соображаю. И еще — мне очень стыдно писать про лес и про все тебе — туда, где ты находишься.

До свиданья, родной, целую вас обоих, хорошие, бедненькие.

Листик

68. А.А. Андреевой

2 июня 1956

Здравствуй, мое родное дитяtko! Прежде всего — не думай, что если я писал о ближайших перспективах туманно, то я это делал по недомоганию. Ведь лучше все-таки, если ты получаешь мои письма — такие, какие они есть, чем если бы они стали пропадать. Поэтому и сейчас могу на эту тему сказать только одно: собираюсь пройти такой же этап, какой недавно прошла ты, и, весьма возможно, с подобным же результатом. Но возможно и другое: немедленный отъезд, и тут уж не приходится надеяться на то, что меня здесь оставят, пока ты за мной не приедешь: так не бывает и быть не может. Следовательно, реально в этом случае будет одно из двух: либо — в Подсосенский и оттуда в Звенигород, если мне дадут провожатого; либо — в инвалидный дом, если мне дадут туда направление. Последний выход пугает тебя совершенно напрасно. Оттуда ты можешь «взять» меня на конец лета в Звенигород, и за это же время я буду хлопотать о пенсии. Но так как эти хлопоты могут затянуться, возможно, что осенью мне придется вернуться

в инвалидный. Ты напрасно думаешь, что я собираюсь дополнить своей персоне тот груз, который и без того сваливается тебе на плечи. Конечно, $\frac{2}{4}$ зависит от того, в каком виде буду я осенью. Но, так или иначе, я сделаю все возможное для того, чтобы не превратиться для тебя в какое-то живое (или полуживое) бремя.

К сожалению, никаких заметных сдвигов в состоянии здоровья не наблюдается. Глотаю медикаменты и лежу почти все время. Главных беды — две: крайняя суженность движений — и крайне нелепая реакция сердца на малейшее беспокойство. Занятия свои я кончил и теперь буквально ничего не делаю. Большой проблемой стало для меня радио, от котор<ого> некуда спрятаться; если все в порядке, оно вопит мне в окно с 6 утра до 10 вечера. Я скоро возненавижу даже музыку. Пробки в ушах из мыла помогают слабо, да и ушная раковина от них разбалывается. Спрашивается: как же выполнить врачебное предписание — «не волноваться»?

С 3<еей> я недавно расстался — предполагалось, что на короткое время; но непредвиденные обстоятельства грозят затянуть этот период надолго; он даже может непосредственно перейти в окончательную разлуку. Стараюсь отогнать от себя эту мысль. Кстати, откуда ты заключила, что он — не то лютеранин, не то католик? Он вырос в исламе, и хоть от магометанской ортодоксии далек, но и к христианству имеет отношение не большее, чем я — к буддизму. Отношение же его ко мне такое глубокое и самоотверженное, что теперь меня мучит чувство горечи оттого, что я отвечал на это отношение не так, как нужно. Кроме всего, мне его мучительно жаль. Поэтому мысль, что мы так и расстанемся, не повидавшись, — прямо-таки нестерпима. Деловая же сторона его положения в настоящее время — мне неизвестна.

Листик, а мне думается, что добрый тон Джониных писем объясняется не только желанием ободрить и утешить тебя, но и тем, что для бодрости действительно есть основания. М<жду> пр<очим>, обстановка на той пересылке, где она находится, мало напоминает прежнюю, и ты не суди о вещах по старым моделям. Я, конечно, не знаю характера ее дела, но общая направленность событий и процессов последних лет не дает, по-моему, никаких оснований для пессимизма в этом отношении.

Спасибо тебе за то, что ты нашла наконец в себе решимость — написать мне о фронтите, о состоянии ног, о простудах, о необходимости носить всегда теплую одежду и обувь. Как ни больно узнавать истинное положение вещей, но ведь надо же когда-нибудь, и уж лучше теперь, чем тогда, когда начнется наша совместная жизнь. Теперь — несколько слов по поводу твоих ног, «мод» и изящества. Я ненавижу и презираю — и всегда ненавидел — «моду» вообще. Человек должен одеваться — насколько это от него зависит — красиво, изящно, удобно и стильно, а вовсе не модно. Мода — нивелировка, шаблон, пошлость. В особенности же ненавижу я те «моды», от которых страдает здоровье: это кажется мне верхом нелепости и даже чем-то почти преступным. Слава Богу, что мы живем не в эпоху корсетов, париков и прочих нелепостей. Но и в наше время еще есть в некоторых кругах антикультурный, глубоко реакционный комплекс понятий о моде как о высшем указателе якобы «хорошего тона». Это, конечно, вздор. Ты можешь одеваться изящно,

стильно и красиво, не вредя своему здоровью. Требуется некоторая художественная изобретательность для этого и вкус, а у тебя есть и то и другое в избытке. Поэтому, пожалуйста, не уверяй меня, что ради изящества тебе будет необходимо носить в холодное время такие головные уборы, кот<орые> не закрывают лба, или такую обувь, в которой зябнут больные ноги. Я очень понимаю ту потребность в «красивой жизни», которая совершенно естественно развилась в обществе и которой ты захвачена. Но, на мой взгляд, твоя коренная ошибка в том, что ты ставишь знак равенства между изяществом и модой, между общественными приличиями и дурацкими предрассудками. Я всегда глубоко уважал, буду уважать и никогда не нарушу общественных приличий. Но я не хочу, чтобы смехотворные предрассудки (сродни тому, например, что до революции считалось недопустимым выйти на улицу без перчаток и без котелка) мешали мне жить и подтачивали мое здоровье. Прости, что я опять об этом, но ведь спор начала ты. Я уверен, что со временем мы найдем с тобой какую-то равнодействующую в этом вопросе, но спорить, конечно, придется. Однако тему эту лучше отложить до встречи, иначе потребуется слишком много бумаги. Ведь на каждый твой довод у меня есть опровержение. А если ты смеешься над ничтожностью этой «проблемы», значит, действительно понимаешь ее не до конца. Пока же я только укажу на ошибочность некоторых твоих параллелей и аналогий (1). Сопоставление с женой Сафонова¹ никуда не годится потому, что там речь шла бы о нарушении элементарных общественных приличий, а здесь — о мещанском предрассудке. 2). Толстой в эпоху сюртуков, фраков и визиток носил толстовку не у себя в усадьбе, а везде и всегда, и для того времени это было не меньшим нарушением общепринятого, чем в наше время — хождение босиком в городе. 3). Не полтора миллиарда, а безусловное меньшинство человечества. 4). На счет хождения в гости к Диме — не знаю, а вот в таком огромном городе, как Мадрас, босиком ходят почти все, в том числе интеллигенция, служащие и даже буржуазия. Но хватит об этом. Повторяю: уверен, что этот вопрос разрешится у нас с тобой каким-то компромиссом, без всяких трагедий, которые успело нарисовать воображение беденького перепугавшегося козленочка. Тем более что не нужно думать, будто босой человек должен быть непременно небритым, неряшливым и грязным. Мне представляется строгий, скромный, из хорошего материала, изящный, но несколько своеобразного фасона костюм. А параллель с желтой кофтой² совсем неудачна еще и потому, что мотивами этой выходки были: стремление к оригинальничанию, самореклама и эпатирование буржуа.

Почему у тебя «гора свалилась с плеч», когда ты узнала, что я считаю «Рух» самым удачным из всего, тебе известного? Разве было бы что-нибудь страшное, если бы мнения наши на этот счет не совпали? — М<жду> пр<очим>, Уснорм и Орашанф как созвучия мне и самому не очень нравятся; весьма возможно, что я их плохо расслышал. Многие из них вообще могут быть выражены (или отобразены) человеческим языком лишь очень приблизительно. Что же касается твоей общей оценки, то она представляется мне преувеличенной и странной. И тем более странной, что ведь ты еще не знаешь главного. Теперь для меня самое большое мучение — в сомнениях,

узнаешь ли ты это когда-нибудь. А ведь я давно тебе говорил именно об этом, что можно относиться к этому как угодно, но нельзя отнять двух качеств: грандиозности и новизны. Переживать историю с С.Н.³ вторично — нет сил. Ну, даст Бог — как-нибудь. Во всяком случае, у меня есть нечто вроде чувства исполненного долга. Говорю «нечто вроде» потому, что для того, чтобы долг был выполнен полностью, нужно еще какое-то время, минимум год-полтора при благоприятных обстоятельствах. Кстати: насчет Ташкента я спрашивал отчасти потому, что жара, как ни странно, на меня, кажется, не действует или действует очень мало. В последние дни я даже понемногу загораю. — Мама по-прежнему присылает чудные посылки и деньги. Теперь у меня сэкономлено 150 р. на случай выхода. Кажется, по п. 10 конфискации быть не должно, и если п. 8 и 11 будут сняты, то явятся основанием для хлопот о компенсации. Следует ожидать и восстановления пенсии инв<алида> Отеч<ественной> в<ойны>. Кроме того, очевидно, поможет (в денеж<ном> отношении) Дима. Материально очень трудным периодом мне представляются поэтому только первые месяцы, почему я и останавливаюсь мысленно на инв<алидном> доме. Открытки для стихов у меня кончились. Если еще задержимся — пришли, если можешь. Присылать буду вразбивку, без системы: потом разберемся.

Господь с тобой, бодрись, уж недолго⁴.

Д.

69. Д.Л. Андрееву

21 июня 1956

Хороший мой!

Сегодня — последний день из нашей недели. Мы с тобой уже 12 лет вместе⁴. Сейчас напишу это письмо и немножко пойду побродить одна. Я тебе уже говорила, что ты и девочка всегда со мной. Только не ревнуй меня к ней, мой родной, а то мне очень больно будет. Сейчас пойду по горке и по опушке леса, и вы оба будете идти рядом, только ты всегда очень грустный, а девочка шалит. Заинька мой дорогой, я у тебя терпеливый Козленок, но мне уже так всего достаточно!

Если у тебя что-нибудь нехорошо, неудачно, ты не бойся за меня, у меня силенок на все хватит, я только иногда пишу.

<...> Дорогой мой, или тебе очень плохо, или ты очень тоскуешь, почему я так неотрывно чувствую тебя рядом? Дорогой мой, любимый мой Зайчинец, хороший мой, бедненький. Так как ничего не бывает зря, то эта задержка тоже почему-то и к чему-то, может быть, потом поймем. Я думаю, что скоро сообщу тебе что-нибудь о Коле, у них уже началось². Двое наших туда ездили, и я послала с ними письмо. Целую неделю ничего нет от моих, не понимаю, в чем дело.

Целую тебя, мое Солнышко, и очень люблю.

Твой Листик

70. Д.Л. Андрееву

24 июня 1956

Солнышко мое!

Сегодня такой хороший день — Троица, день святого Яна у католиков и древний праздник Лиго у латышей.

<...> Знаешь, родной, я много перечитывала и письмо твое, и чудесное стихотворение, посвященное Блоку, и задумалась над чертой твоего характера, давно мне известной. Не знаю, как бы потолковее высказаться. Тебе как-то удивительно свойственно раскаиваться. То тебя мучит (это было в давнишних письмах), что ты со мной где-то был не так, теперь тебя мучит, что З<ее> ты неполно платил за его отношение, никак ты не можешь забыть тропинок, закручивающих твою юность... Ну что ты себя мучаешь, мало тебе того, что от тебя не зависит? И меня, и З<ею> ты любил как умел, давал все что мог, о чем ты жалеешь? Юность давно прошла, оставив свой след и опыт — и Господь с ней! Никто на земле еще не был прав. По-моему, если было что плохо и понял это — больше не надо, а что прошло, то прошло, впереди бы наделать поменьше плохого. Это я не навязываю тебе, а просто высказываюсь. На моем душевном счете есть просто безоговорочно подлые поступки, но мое единственное отношение к ним — анализ причин, по которым я так поступила, чтобы, по возможности, больше этого не сделать. А всегда помнить и всегда каяться — даже не подумаю. Интересно, как воевал бы солдат, если б каждого убитого им в бою переживал бы так, как, может быть, это и было бы правильно? Правильно — в жизни, а не на войне. А я себя в жизни чувствую солдатом, и психология у меня соответствующая. Довольно неважненький солдатик, ну, уж как выходит — лучше не умею. Повторяю, что не пытаюсь тебя учить, просто задумалась над тобой и над собой.

Я гораздо больше плохого сделала в жизни, чем ты, и гораздо меньше об этом думаю, чем ты.

А одного не могу вспомнить без злости и досады «хорошего»: того, что ты был хорошим другом, а я хорошей женой Сереже. Очень жаль. У себя отняли, а ему не прибавили. <...>

Ну вот, Заинька.

Сейчас пойду в лес за ягодами. Небо затянуло, кругом гремит, но дождь никак не разойдется, и очень душно. Боюсь, что твоему сердечку очень плохо, мой хороший.

Целую тебя, дорогой.

Твоя Алла

71. А.А. Андреевой

2 июля 1956

Здравствуй, родное мое солнышко!

Ну, прежде всего — спасибо за чудеснейшие фото. Особенно то, где ты стоишь прислонившись к дереву — прямо прелестно. Причем удачно все, включая лесной фон. Эта карточка теперь всегда передо мной. Странно, что

я не написал тебе в прошлый раз о той карточке, где вы вместе с Колей: она произвела фурор. М<жду> пр<очим>, если у тебя есть один лишний (действит<ельно> лишний) экземпляр той, где ты в лесу у дерева, — пожалуйста, пришли. Знаешь, Козлинька, я ведь только постепенно привык к твоей теперешней прическе, а сначала все скучал по той, прежней. Напрасно ты думаешь, что описаниями природы меня расстраиваешь. Наоборот, описания твоих прогулок я читаю с самым радостным чувством и сопутствую тебе во все не «грустный» (в противоположность Джони), а веселый и счастливый. Вообще, Бога ради, не думай, что я падаю духом, изнемогаю в духоте и т.п. Нисколько! Я сам не понимаю, в чем тут дело, но, вопреки логике и здравому смыслу, в последний жаркий месяц я чувствую себя так хорошо, как давно уже не чувствовал. Сильно разволновался, только прочитав Юджина Денниса¹, а для меня теперь слово «разволноваться» равнозначно понятию «выбиться из колеи». Кстати, я убежден, что у меня вовсе не радикулит. В июне обострилась боль в пояснице, но курс кварца, как всегда, помог. Если бы это был радикулит, то со своим хождением по снегу я давно бы уже лежал на кладбище. Да и другие есть признаки, указывающие на то, что это не радикулит. Насчет невроза — не знаю по той причине, что вообще плохо понимаю, что такое невроз. Лобные пазухи у меня тоже оч<ень> часто болят, но несомненно слабее, чем у тебя (и очень чувствительны к охлаждению). Вообще, не исключена возможность, что оба мы еще «восстановимся», но это мыслимо лишь при условии такой спокойной и комфортабельной жизни, какая вряд ли ждет нас. Спрашиваю серьезно, очень подумай и ответь, согласилась ли бы ты уехать со мной к Диме², причем вдруг, внезапно. Комиссию жду в июле и продолжаю быть настроенным оптимистически. Может даже случиться так, что я попаду в Звенигород раньше тебя. Насчет Димы спрашиваю на всякий случай, шансы ничтожны, но мне надо знать твою позицию. Что касается З<ей>, то, по-видимому, «близок локоть, да не укусишь». Это меня не только злит и нервирует, но и очень тревожит. Это — лежачий камень, под кот<орый> не течет вода. О Джони, дорогая моя, я все понимаю — и твое отношение, и мучения неизвестности. В конце концов, это — лотерея. Лишь бы скорее все выяснилось и закончилось. А о наивности стариков — дитяtko мое, ну неужели же ты собираешься пытаться перевоспитывать людей, которым за 70 лет? Такими были и будут, пока живы, — лишь бы подольше были живы. М<ожет> б<ыть>, если бы не эта наивность, они уже давно не выдержали бы.

Ты пишешь, девочка, о моей склонности к «раскаянию». Это — комплимент. Я нахожу, напротив, что одарен этой способностью в весьма недостаточной степени. Ты, кажется, думаешь, что я «постоянно» (как ты выражаешься) мучаю себя подобными настроениями. О нет: я их испытываю гораздо реже и поверхностнее, чем было бы нужно. Требуется немалое мужество, чтобы не поддаваться соблазну — заглушить, отвлечь себя, скользнуть мимо, «обойти стороной», как говорил Пэр Гюнт³. Я вообще считаю, что человек, если он хочет быть глубоким, и в особенности мужчина, не должен прятаться ни от каких переживаний, сколь бы мучительны и тягостны они ни были. Наоборот, он должен стремиться пройти сквозь них до конца. А кон-

цом может быть только полное развязывание данного кармического узла, — хотя бы за порогом смерти. Например, у меня есть на памяти одна большая, очень серьезная вина перед покойным Ю. Поповым⁴. Здесь она развязана не была, и теперь, поскольку его уже нет в живых, так и останется — чтобы развязаться — не знаю где, когда и как. Но пока она не развязана, острое, жгучее чувство этой вины будет во мне жить, хотя, разумеется, случаются целые дни, когда я ни разу даже не вспомню об этом. А не вспоминаю — по легкомыслию, тупости сердца, по недостатку глубины. (Все это я говорю о себе — и только о себе. Пути и индивидуальности бесконечно разнообразны, панацей нет.) Вот к этому и относится:

Люблю тебя любовью раненою,
Как не умел любить тогда —
В ту нашу юность затуманенную,
В непоправимые года⁵.

У нас с тобой вообще очень разное отношение к прошедшему как таковому, независимо от его наполнения. Но тема эта слишком обширна; м<ожет> б<ыть>, найду место для нее в следующем письме.

О Саше. Я его видел в сентябре <19>48 г., мы простились «хорошо», хотя все это было очень мучительно; обнялись и поцеловались. Почему он теперь не отвечает тебе — не понимаю; очень возможно, что он уже в таком состоянии, когда человек не может рассматриваться как вменяемый. Вспомни, милая, хотя бы то, каким ты видела его в <19>44 г. в лечебнице. А с тех прошло 12 лет, и каких... Во что он превратился, можно себе представить... Ты, конечно, вольна вычеркивать из своей жизни кого хочешь. Но я Сашу не вычеркну никогда, даже если он вычеркнул меня. Кто действительно ведет себя, мягко выражаясь, возмутительно, так это Юрий Александрович⁶. Объяснять все это влиянием Маргариты⁷ — смешно: человек взрослый, считается мужчиной. Конечно, если когда-ниб<удь> придется с ним встретиться, я буду вести себя корректно, но исключительно ради стариков. Для меня же он не существует абсолютно. И он сам сделал так, что я больше не могу считать его твоим братом. (Это — единственный человек, внутреннее отношение к которому у меня уничтожилось в результате нашей катастрофы.) М<ожет> б<ыть>, когда я выйду и узнаю все, уничтожится отношение и еще к кому-нибудь; но до сих пор эти отношения видоизменялись, но не уничтожались.

Ты требуешь, родная, чтобы я «никогда так не говорил» (это об С.Н. и т<ому> подобном). Но как же быть: говоришь о печальных возможностях — значит «каркаешь»; подбадриваешь себя надеждами — оказывается, этим можешь «сглазить». Ни сесть ни встать! Главное же, я не верю в этот тип невольного воздействия людей на события. И закономерность, которую ты утверждаешь, я в жизни не наблюдал. Что же касается твоего тезиса, что человек будто бы может вынести все, то если бы это было так, люди не умирали бы, не сходили бы с ума, не кончали бы с собой и даже не хворали бы. А напоминание том, что я смог вынести больше, чем предполагал, — тоже не аргумент: все то было до инфаркта. Впрочем, имей в виду, что печальная воз-

можность в стиле истории с С.Н. кажется мне маловероятной — по целому ряду причин, излагать здесь которые невозможно.

Я ужасно рад, Листик, что ты часто смотришь кино. Должен сказать, что в театр меня особенно не тянет, телевидение меня не интересует, но в кино, если б была возможность, я бы ходил часто. Особенно заманчивым рисуется мне широкий экран. Это мы с тобой посмотрим непременно (в подобных случаях я согласен обуваться.) И еще что меня интересует очень остро, это — архитектурные новинки за эти 10 лет, особенно все, что связано с реконструкцией и строительством Москвы. Высотные здания я видел во сне бесконечное число раз. Побывать в Москве, в Кремле, поездить и походить по городу хочу ужасно. Но жить, конечно, было бы лучше поближе к природе. Пожалуйста, детка, описывай свои прогулки и вообще природу: мне это очень, очень приятно читать. И непременно сообщи подробно, что это за антикомариная жидкость? сколько стоит? чем пахнет? цвет? долго ли действует? Ведь это — то, о чем я мечтал 49 лет.

Пришло твое письмо от 27.VI. Насчет душ<евной> защиты, которой ты никогда во мне не находила, — обижаться с моей стороны, после того как я не сумел защитить тебя в 47-м — было бы дико. Но читать такие признания без глубокой горечи тоже невозможно, хотя они и не являются неожиданностью. Правда, раньше ты говорила и писала другое, но мне и тогда казалось, что ты говоришь это «жалючи» меня или бессознательно и невольно подменя существующее желаемым. Все-таки странно, что гораздо более далекие люди могут находить во мне для себя какую-то душевную опору, а ты нет. Это — не упрек, не подумай так, а просто недоумение. Что касается дома инв<алидов> сейчас, то 1) условия там, насколько я знаю, не хуже моих нынешних; 2) мне не обойтись без того, чтобы под рукой постоянно была врачебная помощь; 3) без каждодневной заботы (внешней) близкого человека я какое-то время существовать могу; 4) ведь вообще это мероприятие я рассматриваю как временное, но почти необходимое. Не могу же я наваливаться на плечи 72-летнему Дюке. Кстати, от мамы очень давно я не получаю ничего и начинаю беспокоиться.

Пока писал письмо (а это всегда бывает неск<олько> дней) изменилась погода и вместе с жарой миновал, увы, очередной период хорошего самочувствия. Впрочем, тут и другие причины: во-первых, радио — бесновалось по 16 ч. в сутки, а во-вторых, волнение, вызванное Юджином Деннисом, и от кот<орого> до сих пор не могу войти в норму. Девочка, зачем такие крайности: или шаблонная «европейская» пиджачная пара, или «маскарадный» костюм? Между ними — целая лестница промежуточных возможностей. Касательно индийского муж<ского> костюма: форма конгрессистов⁸ — некрасива, несообразна с климатом, вообще нелепа. Но среди чрезвычайно разнообразных типов муж<ского> туалета в Индии есть очень красивые. Да я в эстетич<еском> смысле даже тюрбан и дхоти⁹ предпочел бы тому гнусному футляру для тела, кот<орое> незаконно называют «европейским», забывая, что и Европа в свое время создавала красивую одежду. А сочетание двубортного пиджака и босых ног — стилистический абсурд, и возможность его избежать я вижу в том, о чем уже писал. — В «Ру-

хе» надо читать, конечно, «Соборная душа», а не «свободная». Ну, кончаю, роденькая моя. М<ежду> пр<очим>, Руденко вечно болеет, старая история. Все-таки мне кажется, что июль принесет разрешение вопроса. Целую и молюсь за тебя постоянно¹⁰.

Д.

72. Д.Л. Андрееву

9 июля 1956

Зайчишка, слава Богу — получила письмо!

Отвечаю сумбурно, чтоб только быстрее ты получил отклик. Самое главное — не надо грустить, милый, из-за того, что я не нахожу душевной защиты в тебе. Я, наверное, очень бестолково выражаюсь. Понимаешь, я иногда страшно устаю от всяких высот (это ведь не новость), и мне хочется просто опереться на сильное плечо и ничего не думать. Что ж ты огорчаешься, что я этого в тебе не чувствую, — в тебе этого «просто» и нет. А другие люди находят в тебе больше опоры, потому что они лучше меня, вот и все.

Дальше. Постарайся понять все так, как я думаю, а не так, как сумею написать.

Я не могу ехать с тобой к Диме, потому что это убьет стариков. Но я считаю, что это — единственное, чего можно хотеть, и категорически требую, чтобы, если будет возможность, ты к нему ехал. Понимаешь — категорически требую. Не думай, что это вспышка — я очень много об этом думала. Я уверена, что скоро — сравнительно скоро — и я могла бы приехать к тебе, и, конечно, очень мало сказать, что только этого и хочу. Но я не имею права из-за Дюканушки. Я не надеюсь его «перевоспитать», но уверена, что довольно скоро он во многом убедится. Я никакими словами не могу рассказать, как много ты значишь в моей жизни — это вышла очень глупая фраза. Понимаешь, ты — это все лучшее во мне. Но ты сам перенес центр тяжести из области личной в область творчества, ты сделал это давно, и я это полностью приняла. Поэтому повторяю: если можешь, поезжай к Диме. Пойми, что то, что я сейчас пишу, обдуманно (и даже обсуждено) 100 раз.

А что касается «скуленья» по поводу «простой опоры», Солнышко мое, это же старая песня, а корни этого хныканья ты знаешь, и это бывает редко, и с этим не надо считаться — припадки малодушия бывают у всех.

О деле, о Руденко, о Комиссии у меня нет сил писать.

<...> Заинька, кончаю, завтра в 6 на работу.

Крепко целую родного, хоть бы ненадолго повидаться и иметь возможность быть за тебя спокойной.

Листик

Начало поэмы — чудесное. Я такие вещи больше люблю, чем Лиурны... Не сердись! <...>

73. А.А. Андреевой

16 июля 1956

Родная моя,

ну что ты так изводишь себя беспокойством обо мне?! Ведь для этого нет абсолютно никаких оснований. Мало тебе настоящих тревог и неприятностей, надо еще изматывать себе нервы тревогой о каких-то несуществующих, но якобы грозящих мне катастрофах! Мне не грозит ничего страшного. Даже в случае отрицательного решения я чувствую в себе силы пробыть здесь по крайней мере еще год, а за год хватит времени и для нового кодекса, и для новых пересмотров. Бога ради, не растрчивай силы на ненужное беспокойство обо мне, а старайся сконцентрировать их для перенесения последних трудностей нашего десятилетнего этапа. Достаточно того, что приходится болеть душой за Джони и за наших старичков. То, что ты пишешь об их ничегонепонимании, мне ясно совершенно; как живого вижу перед собой Дю со всеми его успокоительными интонациями... но уж тут ничего не поделаешь; нечего и пытаться. Просто надо будет стремиться уложить наши отношения с ними в какой-то иной плоскости; не затрагивая мучительных тем. Правда, это будет нелегко, если нам придется какое-то время жить у них, тем более что они оба по большей части сидят дома, и я даже не представляю, где мы могли бы с тобой разговаривать по-настоящему. Но как только мы отъединимся территориально — убежден, что вместе с этим исчезнут и главные камни преткновения. Главное — меньше с ними спорить, не пытаться разрушать их иллюзии. Зачем? А в наших собственных делах придется, конечно, отстаивать свою линию спокойно, без многословных тирад, почти молча. А что они пишут тебе из Звенигорода? Я не получил ни строчки, но 2 замечательных посылки. Каково их состояние? Чем Дюка занят, как заполняет свой отдых? Мама, конечно, радуется прохладной погоде... Не знаешь ли, где теперь будет жить Юрий?¹

В состоянии моего здоровья — ничего нового. По поводу медикаментов — видишь ли, сейчас как раз делается опыт (уже 2-й раз), как, могу ли я обходиться без оных (не считая снотворного). Кажется, ничего из этого не выйдет. Но это меня пугает меньше всего. Вот от снотворного я здорово отупел, но тут ничего не поделаешь; в настоящих условиях без него все идет куврыком. А насчет радио — какой же ты чудачок! Как мог бы я «выключить» громкоговоритель, находящийся в нескольких метрах за моим окном? Помнишь, как в <19>45 г. мы охали и ахали по поводу несчастной судьбы тех, кто вынужден терпеть уличный репродуктор рядом со своими окнами? По этому поводу я уже написал жалобу министру внутренних дел, потом Булганину и вот жду ответа. А пока — ежедневные головные боли и изрядная трепка нервов.

Теперь ясно, что июль не принесет мне никаких крупных перемен, ибо то, что намечалось на этот месяц, переносится на август. Коротая время за чтением Брэма²; прочитал только что вышедшую книгу Ермилова о Достоевском³. Боюсь, что Федору Михайловичу приходится вертеться в гробу безостановочно, как мельнице. М<жду> прочим, книга заостренно антирелигиозная. — А в общем, жизнь моя внутренняя за последние месяцы, после

окончания занятий, поражает своей пустотой, вялостью и тупостью. Похоже на сосущую боль под ложечкой, тоска и тревога о З<ее>. Очень боюсь, что вопрос с ним будет разрешен вопреки здравому смыслу. (М<жду> прочим>, ты спрашиваешь: замечал ли я, что случается именно то, чего боишься? Нет, — такого закона, по крайней мере в своей собственной жизни, я не наблюдал. Обычно ни мои «страхи», ни мои «страстные желания» не оказывают на события моей жизни никакого прямого воздействия. Иногда ждешь хорошего — и оно приходит, иногда — нет; иногда ждешь дурного — и иногда оно приходит, иногда же нет.)

Девочка, твои письма прямо пахнут лугами, лесами, солнышком! Как хочешь, а я очень, очень рад, что в это лето ты прикоснулась к природе более или менее по-настоящему. Только, родная, будь, ради Бога, осторожна, старайся не промокать, не промачивать ног и ходи, глядя под ноги, а не в небеса. И уж если вздумаешь разуваться, то, пожалуйста, только в сухую, жаркую погоду. Как твой фронтит, как боли в ногах? А я третьего дня ухитрился даже здесь промокнуть до нитки; впрочем, с меня, как говорится, «как с гуся вода». А еще в прошлом году я веселился под летним дождиком в одних трусах.

Напиши, есть ли сейчас в твоём окружении кто-нибудь более или менее близкий. Колю⁴ я вовсе не информировал о маме в таком направлении, как ты думаешь. Наоборот, я старался дать ему понять, что «останавливаться» у них невозможно. Но дело в том, что такие вещи ему, очевидно, понять очень трудно. Если бы к нему вдруг приехал кто-нибудь с рекомендацией от меня, он бы расшибся в лепешку. Это для него абсолютно естественно, и он, по-наивности, думает, что для всех моих родных он будет желанным гостем. Что же касается его намерений беседовать с мамой на «семейные» темы, то здесь надо понимать, мне думается, некоторые вопросы, связанные с тобой и мной, а не с Тamarой⁵. Но, во всяком случае, мама впадает в панику совершенно напрасно. Наверное, ты уже объяснила ей что могла.

Нелепости, происходящие с Сашей⁶, меня прямо убивают. Дело в том, что ты кое-чего не знаешь. В его несчастье виноват целиком и полностью только я. Когда-нибудь расскажу. Должен признаться, что мне страшно жаль, что тебе не удалось к нему съездить. Знаю, что тебе это было бы нелегко, но уверен, что это послужило бы к добру для всех нас. А Биша — неужели он живет в семье Нелли? Ее муж жив?⁷

О стеклянной стене я знаю. Это — всеобщее. Только не пойму еще, в чем тут дело: в инстинкте, или в запорошенности, или в том и в другом вместе. Во всяком случае, действительно великое счастье, что между нами этого не может быть.

Деточка, если мое письмо от 3/VII (с началом «Ленинградского апокалипсиса»), адресованное еще на 1, затеряется, ищи его там, а моему начальству писать незачем: оно очень аккуратно и, конечно, давным-давно отослало письмо по адресу.

М<жду> прочим, я что-то запутался: есть у тебя «Святые камни»⁸ или нет? Не забудь ответить на этот вопрос. И потом: если в каких-нибудь стихах не можешь разобрать того или другого слова — непременно переспроси меня, и я отвечу. Спрашивай также насчет непонятных слов.

Теперь несколько вопросов. 1) Какие ягоды собирала ты в лесу? 2) собирала ли грибы? (говорят, нынче очень грибное лето). 3) Не забудь написать подробно про антикомариную жидкость. 4) Что теперь, летом, ты надеваешь на голову для защиты лба? 5) Как сейчас дела с желудком? 6) Непременно ответь насчет Димы и твоего желания или нежелания: м<ожет> б<ыть>, это не так уж эфемерно. 7) До какого времени наши собираются пробить в Звенигороде?

Если дело опять затянется и я задержусь здесь на N-ное количество месяцев, попробую заняться «Розой Мира» (этот курс пока что пройден наполовину), но боюсь, что каким бы то ни было занятиям будет очень мешать радио. Во всяком случае, о писании стихов под этот аккомпанемент не может быть и речи.

Не сердись, родная, на то, что это письмо выходит такое пустое: какова голова, таково и письмо.

М<жду> пр<очим>, ты, кажется, представляешь меня в каком-то опустившемся виде. Это напрасно. Насколько возможно в моих условиях, я слежу за собой, соблюдаю все требования гигиены, а ноги мою по 4 раза в день. К сожалению, за последний год сильно выпали волосы. И странно: они падают, но седина не увеличивается, а даже, как это ни странно, немного сократилась. Зато кожа сильно просвечивает уже на макушке и в других местах. «Седая грива», о кот<орой> я мечтал с молодых лет, так и остается, увы, мечтой.

След<ующее> письмо рассчитываю написать в первых числах августа, а потом — в начале сентября. Если же случится что-нибудь экстраординарное, то на протяжении августа напишу внеочередное. Но это вряд ли... Между прочим, с деньгами вышло хуже, чем я предполагал, и в наличности у меня сейчас 65 р.

Ну, ласковый мой Тапирушка, до свидания, Господь тебя храни! Не волнуйся обо мне и бодрись. Если будет связь с кем-нибудь из наших — передай привет. А дальше — поэма: в след<ующих> письмах следи за нумерацией строф, чтобы не спутать⁹.

Даниил

74. Д.Л. Андрееву

22 июля 1956

Зайка! Всякое письмо от тебя — радость, но неожиданное — просто большой праздник. Хороший мой, значит, я подняла такой ужасный скулеж, что довела тебя до просьбы о дополнительном письме!

Ну, бегу бегом по письму. Я не тревожиться не могу. Интересно, если б у меня был инфаркт и я после него так долго не могла бы оправиться, что бы ты пицал? И что бы тебе казалось? Стариков я перепугала насмерть циклом отчаянных писем, вызванных очень для меня неприятным переездом сюда. Понемножку все утрясается, конечно, но их, бедненьких, я настолько вышибла из колеи, что мне Дюканчик написал подряд 4 письма, а мама с перепугу замолчала. Они живут в Звенигороде, по-моему, хорошо. Я думаю,

что мы их, даже в самом лучшем случае, там уже не застанем, и мне это очень жаль. Дюканчик написал свою часть англо-русского биологического словаря и теперь гуляет. Два раза в неделю ездит в Москву в Прокуратуру.

Да, Солнышко, с ними будет много — мне кажется, не трудностей, но сложностей.

Не печалься о своем «отупении» — пройдет. Я все-таки рада, что ты прервал занятия, нельзя так истощать мозг и нервную систему. То, что ты пишешь, страшно читать, такой в этом слышно переполненный пульс и такое страшное напряжение нервов.

Про радио — прости, родной, я думала, что в комнате! У нас ведь тоже этого было очень много, я даже немножко привыкла в течение нескольких лет.

Зайнька, родной, как нам с тобой не повезло — еще за наших друзей мучиться, и все это вместе! Я только надеюсь на то, что, может быть, все эти клубки и распутаются тоже сразу, так ведь бывает иногда. А о закономерности вот что: я заметила, что если я чего-нибудь страшно боюсь и думаю, что «не переживу этого», то именно это случается, и я переживаю. А если чего-то страшно хочу — могу быть спокойна, — не будет.

Как мне жаль, что письма мои больше не смогут пахнуть лугами! В лес я теперь попадаю только в субботу вечером и в воскресенье днем, и не одна, а целой бражкой. Там, где я жила прошлый месяц и так хорошо гуляла, я собирала землянику. Ее было так много, что однажды я нашла ягодное место ночью, в темноте, по запаху. На следующее утро пришла проверить ночное впечатление и увидела, что не ошиблась — собирала ягоды, лежа на животе и переваливаясь, как поросенок. Здесь мы бегаем за малиной, ее тоже очень много, но не так и не такой, как в Филипповском. Но, конечно, каждая ягодка вызывает волну воспоминаний. Грибов мало, правда, быть может, надо лучше знать места, а это невозможно в таких условиях.

Я немного рисовала на 1-е. 8 маленьких пейзажиков. Сначала было очень страшно, потом ничего. Пейзажики очень неважные, но хоть я увидела, что не все потеряла, поупражняюсь и смогу рисовать.

<...> Ты просишь подождать писать о стихах. Хорошо, не буду. Скажу одно: размер тебя как поэта и своеобразие подтверждаются каждый раз. Но я думала, что без меня тебе лучше, потому что эти стихи лучше прежних, а сейчас думаю иначе. Может быть, я и нужна тебе — поэту, может быть, я сумела бы больше согреть тебя, если б мы были вместе. Понимаешь, очень большой поэт ты и без меня, но, может быть, если б я была рядом, я незаметно внесла бы теплую нотку в твою душу. Все сказала нескладно и неладно, Зайнька.

Родной мой, кончаю письмо по глупой причине: иду в кино и боюсь из-за этого не успеть отдать его, а отдать надо непременно сегодня вечером.

Целую тебя, голубчик мой ненаглядный.

Твой Листик

75. Д.Л. Андрееву

28 июля 1956

Золотко мое!

Как жаль, что мои письма потеряли аромат лугов и леса, если это тебя радовало! И взамен не приобрели ничего, потому что я, говоря правду, здорово «сорвалась с катушек». В той атмосфере, которая меня сейчас окружает, это неудивительно. Получила сегодня письмо от Дюканушки с сообщением, что он получил письмо от Кемница. Аня еще там, где я, Комиссия относительно нее также ничего не решила. Кемниц пишет, что в июне заходил в Прокуратуру Белоусов, там его поругали за то, что он ничего не писал, заполнили какой-то «опросный лист свидетеля» и заверили в скором благополучном исходе. И как только им не совестно еще заверять! Впрочем, что это я!

Хуже всего то, что я потеряла душевное равновесие. Теперь я вижу, чем для меня была сцена и как мне будет трудно жить без нее. Ты не любишь и не чувствуешь театра, поэтому тебя может задеть, если я скажу, что по-настоящему для меня сцена — то, что для тебя стихи. К счастью, без твоей «ма-ниакальности», а с моей всегдашней готовностью на худшее и неверием в хорошее лично для себя. Если б мне было на 10 лет меньше, я пробила б стенку головой, но была бы актрисой. Но за 40 лет это смешно и ненужно.

О стеклянной стене. Знаешь, мне кажется, в чем дело? Во-первых, в трусости окружающих. Мы всегда будем для всех зачумленными, я в этом не сомневаюсь. А во-вторых, понять друг друга могут только люди, прошедшие одинаковую дорогу. И мы, среди «не наших», как андреевский Елеазар¹.

Отчасти потому у меня так все в душе топорщится против возможных встреч с прежними знакомыми, и я, рассуждая теоретически, была бы рада уехать туда, где нет нитей, связывающих с прошлым.

<...> Спокойной ночи, мой родненький.

Листик

76. А.А. Андреевой

30 июля — 2 августа 1956

Здравствуй, родная Проталинка!

Буду писать бессистемно — в том порядке, в каком затрагиваются вопросы в твоих последних письмах.

Девочка, мне кажется, что некоторую опору ты все-таки почувствуешь, когда мы будем вместе. Тогда твои тяжелые душевные состояния будут восприниматься мною иначе, я именно не буду чувствовать себя в такой степени бессильным помочь и поддержать, как теперь, находясь вдали от тебя. Поэтому и реакция сердца будет иная. И не говори пустяков, будто бы ты не ощущаешь опоры потому, что недостаточно «хороша». Смешно слушать! У тебя есть стороны души, которые ставят тебя выше всех женщин, которых я знал. И неужели ты думаешь, я не понимаю потребности в «простом и маленьком» счастье? Господи, да как еще понимаю, и как его тоже хотел бы. Не смотря на то что я не смог его дать тебе не по своей вине, я всегда чувствую

так, будто я в каком-то смысле искалечил твою жизнь (невольно, конечно). Не знаю, как в этом плане построится наша с тобой жизнь в будущем — зависит это от многого, главное, от здоровья — но, возможно, в каком-то отношении оно будет полнее, чем была наша жизнь в <19>45–<19>46 г.

Относительно Димы. Ты абсолютно права в своем отказе; собственно говоря, я этого и ждал. Но, конечно, ты говоришь совершенно абсурдные вещи, предлагая мне этот вариант осуществить в одиночку. Прости за резкость, но это — совершеннейший вздор. Помимо всего, такая перспектива просто бессмысленна, потому что я не смог бы там сделать того, ради чего вообще все предпринималось бы. (Кошмарное перо, расплывающиеся чернила и безобразная бумага! Писать — мучение, а читать такое письмо — мучение вдвойне.)

И напрасно ты противопоставляешь Навну, Лиурну и пр<очее> этому — возможному или нет — простому маленькому счастью. Это ни в какой мере не исключает одно другое, да и почему бы это могло исключать? Ни с каким аскетизмом Навна и Лиурна не связаны. Миленькая, родненькая, да как ты не понимаешь, что стихи стали лучше не потому, что я — без тебя, а потому, что ты была со мной 2 ½ года?! Вот в <19>47-м году я говорил тебе (а ты не верила): кончу «странников» — возьмусь за стихи. Это шевелилось в подсознании (отчасти уже в сознании) именно то, чему пришлось являться на свет уже без тебя. Последующие года способствовали его появлению только тем досугом и той сосредоточенностью, которые они мне подарили. Но если бы ты была рядом — все вышло бы и лучше, и легче, и теплее, и, может быть, появилось бы и то, чего без тебя не появилось.

Кстати, хочу, чтобы ты точно представляла бы последовательность частей. Вот она. «Святые камни». «Симфония городского дня». «Афродита Все-народная». «Темное видение». «На синем клиросе». «Из маленькой комнаты». «Ленинградский апокалипсис». «Ярсвет». «Навна». «Гибель Грозного». «Рух». «Метаисторический очерк». «У демонов возмездия». «Сквозь природу». «Босиком». «Миры просветления». «Жизнь на изнанке мира». «Предварения»¹. — Ты пишешь о «переполненном пульсе и страшном напряжении». Но ведь это еще цветочки. По сравнению с «Жел<езной> Мистерией» это — аркадия, буколика, санаторий.

Насчет З<еи> я и сам очень беспокоюсь. Надеюсь по крайней мере, что вскорости положение станет для меня более ясным. Что же касается их отношений с Колей², то все было не совсем так. Никаких ссор между ними не бывало, и З<ея> относился к нему хорошо, хотя, конечно, некоторые стороны характера Коли ему не нравились. Но Коля его не любил, причем мне так и осталось не вполне ясно, за что именно. Интересно (и непременно ответь), какие ты усматриваешь у Коли типично национальные черточки? А плебейство и не могло бы не быть: вспомни, если знаешь его детство и историю его жизни. Удивляет скорее противоположное: некоторая врожденная интеллигентность, взята которой было решительно неоткуда. А наряду с этим, — «дитя природы», и это ярко сказалось в его просьбе о приюте для его будущего шурина. Представляю, как неприятно тебе было посылать отказ, но, конечно, другого выхода не было.

А многое для меня остается неясным. Например. Я надеюсь со временем рассказать тебе, почему перед Сашей виноват прежде всего я, а не ты; но если ты считаешь, что явилась первопричиной несчастья, то откуда озлобленность против него? Почему он должен быть всепонимающим ангелом? Он — обыкновенный и очень несчастный человек, вот и все. А ваше свидание с ним и, как теперь говорят, личный контакт позволили бы многое-много поставить на свое место.

О Юре же ты вряд ли меня переубедишь. Ты ставишь ему в заслугу то, что он не говорил высоких слов. Ну, этого — маловато, чтобы перевесить, хотя бы и с теплым письмом впридачу, его возмутительное поведение с тобой на протяжении 9 лет. Если ты хочешь считать братом человека, за 9 лет не написавшего тебе ни строчки из-за самой пошлой трусости — воля твоя, но, конечно, это приводит на память пословицу: «Не по-хорошу мил, а по-милу хорош».

У тебя всегда было к нему теплое, непосредственное, чисто родственное чувство; он всколыхнул его своим письмом (написанным тогда, когда молчать стало уже более чем неприлично), и ты все ему готова простить. А когда, вместо родственного чувства, у тебя есть к человеку, как, например, к Бише, давняя неприязнь, то ему зачитывается каждое лыко в строку и усматриваются дурные или низкие побуждения даже в таких поступках, где их не сыщешь днем с огнем. Я про его письмо, кот<орое> ты мне переслала. Я его перечитал 10-й раз и абсолютно не могу понять, как можно было отнестись так, как отнеслась ты, к этому документу, написанному человеком через месяц после величайшего горя, какое он испытал в жизни. Странно, что он вообще сумел заставить себя взять перо в руки и писать связно и более или менее последовательно (не только тебе, а кому бы то ни было). Я, возможно, не сумел бы. И обижаться тут на какую-то «возвышенность» и «снисходительность» его выражений — это уж, прости меня, как-то несерьезно. И, должен сказать, это особенно поражает рядом с твоим всепрощающим отношением к Юре. Кстати, м<ожет> б<ыть>, мое отношение к Юре тоже односторонне, как твое — к Бише; хотя вряд ли, потому что оно основывается не на интонациях его выражений и не на истолковании его поступков, а на единственном, но зато непростительном факте: на его 9-летнем молчании и бездействии.

Листинька, ты ни звука не пишешь о том, как отразилась физическая работа последнего месяца на твоём здоровье. А косвенные фразы какие-то противоречивые: то говоришь, что окрепла и что поле пошло тебе на пользу, то — что работать там не можешь. Да, судя по 34 %³, — действительно не можешь, моя бедненькая, мой родной зябличек, ласточка! А о твоей работе художника — уж действительно, кто может лучше меня понять и почувствовать!

Отвечаю на некоторые вопросы. Курю 5-6 сигарет в день (вместо 20-25). Это — с 1 мая. Совсем бросить пока не удалось. С З<еей> ничего нового, надеюсь на скорую встречу, хотя и не такую, о какой можно было бы мечтать. 8 августа я тебе напишу только в случае экстраординарных происшествий, а если их не будет — то след<ующее> письмо будет писаться в начале сентября; (м<ожет> б<ыть>, удастся за это время написать маме. До которых чисел они будут в Звенигороде?).

Спрашиваешь, есть ли что-нибудь просто лирическое. Но ведь лирич<еского> элемента очень много почти во всем, что ты знаешь. А абсолютно «чистой» лирики у меня же всегда было мало. Это не моя вина, ведь у каждого — свое «амплуа». А главное — та лирика (чистая), какая имеется, отнюдь не принадлежит к числу высших достижений. Ведь, например, 1-е стихотв<орение>, которое я тебе послал (об Азраиле⁴ и пр.), — именно чистая лирика, но вряд ли это — удача. Имеется, как ты знаешь, много лирики природы, лирики гражданской, философской; но для чистой (т.е. любовной) лирики, кроме всего, еще и возраст малоподходящий. Впрочем, когда увидимся, кое-что увидишь. Но ничего особенного не жди.

2 слова о здоровье. С сердцем — ничего нового. От устойчивых болей в лобных пазухах прошел курс уколов пенициллина, но это почти не помогло. В довершение всего, эта гнусная погода сделала свое дело: меня продуло, и случилось обострение того, что раньше считалось радикулитом. Кончаю повторный курс кварца и соллюкса (это помогало в таких случаях раньше), но безрезультатно. Фактически сейчас почти все время лежу, даже на прогулке. Что за дикое лето? Не тихоокеанские ли фокусы тут виной? Из-за отвратительного пера стихи⁵ расплылись, боюсь, что многого не разберешь. В таком случае — переспроси. Спасибо за дубликат карточки: зачем она понадобилась, потом объясню. Спокойной ночи, моя, нежная, ласковая, лучшая на свете, вечно любимая.

[Приписка сверху страницы] Прочитал А. Зегерс⁶ и понял тебя.

Твой Д.

77. Д.Л. Андрееву

8 АВГУСТА 1956

Милый мой!

Вчера пришло твое письмо — раньше, чем я ждала. Вечером случайно не было света, поэтому я его читала при каком-то огарке, а отвечаю только сегодня. Самое главное: если б ты мог себе представить, как ты меня обрадовал, утешил и приласкал этим письмом, родной мой! Как уже хочется быть вместе!

Относительно Димы. Хороший Зайчик, я, конечно, засияла, прочтя, что ты один не хочешь, но это неправильно. Подумай все-таки еще. Ведь ты у Димы, это — твое здоровье и — пусть молчание, но творчество. И покой, какого иначе никогда не будет. А кроме того, может быть и осмысленно, если не думать обо мне в обычном смысле этого слова.

<...> Ты спрашиваешь о моей работе в поле. Видишь ли, голубчик, после 9 лет сиденья в пропитанной олифой, клеем и керосином комнате я надыхаться не могла, в этом отношении в поле было хорошо, но сердце мое, конечно, не может выдержать никакой физической работы. Вот уже недели три, как я не хожу в поле, принимаю лекарство, и только теперь сердце немножко угомонилось, а в поле, со своими 34 %, я работала немножко больше двух недель.

Спокойной ночи, милый, любимый мой, ты умница, что догадался написать, что я тебе нужна, мне так хорошо сейчас.

Я уже не могу больше с Джони и с З<еей>, уж пусть все выяснится! Спи, Заинька.

Листик

78. Д.Л. Андрееву

17 АВГУСТА 1956

Родной мой!

Ты, конечно, недоумеваешь, почему я до сих пор не приехала к тебе. Я тоже думала, что, едва поставлю в Москве чемодан — прилечу во Владимир. Многолетняя привычка жить без документов! Конечно, пришлось сразу заняться делами. Сейчас я получила разрешение на прописку в Подсосенском. Отдала паспорт в домоуправление, получу его обратно в понедельник. В понедельник вечером могла бы и выехать к тебе, но тут еще дело: я была в Прокуратуре уже два раза и записана на прием к Терехову на четверг. Умнее сначала повидать Терехова, а потом ехать к тебе, потому что Руденко опять не подписал решения, опять отправил дело на доследование, и, может быть, после разговора с Тереховым я что-то смогу сказать тебе деловое. Родной мой Заинька, мне так трудно писать сейчас — никаких слов нет, так надо говорить!

Я была в инвалидном доме, где живут Саша и Галина. Даник, говорю совершенно объективно — перестань о них волноваться, им совсем неплохо. Живут вдвоем, в отдельной комнате, в хорошем доме. Кругом — чудесный лес. Выглядит Г<алина> Ю<ръевна> очень хорошо, рисует и пишет картины, только ходит с трудом из-за старого растяжения вен. Саша — в 10 раз лучше, чем в <19>44 году. Оба кислы и стары, что больше объясняется просто девятью годами, чем спецификой этих лет.

Саша сказал, что ничего плохого против тебя не имеет, не пишет из-за цензурной несвободы. Прибавил, что ему еще трудно написать тебе после смерти Шуры, но, если б можно было писать свободно, он написал бы.

<...> Уходя, я, можно сказать, вытащила из Саши записку для тебя. Переписываю, а подлинник буду хранить как документ. «Дорогой Даня! Все еще не могу прийти в себя и приучить себя писать. Надеюсь, что понемногу обойдусь и напишу тебе. Береги свое здоровье — оно пригодится еще. Всего хорошего. Целую тебя. С.»

Они переписываются с Бишей, который получил какие-то деньги за старые переводы и отдыхает сейчас под Калугой. К ним заезжал Ивановский. Анечка приехала к Викт<ору> Андр<еевичу>. В день моего приезда пришло очень милое письмо от него Дюке.

Татьяна Влад<имировна>¹, очевидно, реабилитирована, потому что даже какие-то деньги получила. Вчера пришло письмо от Ирины Усовой, живущей в Томилине. Она послала тебе посылку. Я напишу ей сегодня вечером или завтра. Я была, из-за прописки, в Левшинском, Евгения Петровна² бросилась мне на шею, передает тебе очень большой привет.

Джони вернулась с переследствия, но результатов его еще нет. Я вырвала из зубов свидание с ней — два раза по полчаса, видите ли, — не родственница. Она без конца просила передавать тебе приветы, страшно исхудала и измучилась.

Сейчас я сижу в Подсосенском, и только что звонил Александров. Конечно, тебе привет. Я должна с ним увидаться в понедельник.

Родной мой, любимый, постарайся не очень грустить! На короткое время увидимся, я думаю, в пятницу 24-го, а из Прокуратуры я не вылезу, пока не добьюсь толка. Пока до свиданья, голубчик мой золотой. Крепко целую.

Листик

79. Д.Л. Андрееву

19 АВГУСТА 1956, ВОСКРЕСЕНЬЕ

Любимый мой!

<...> Ты, вероятно, удивляешься поразительной тупости моих писем, а может быть, и понимаешь, что никакие чувства в письма не укладываются. Правда, знаешь, «чувств» гораздо меньше, чем я думала...

Я, например, на тысячу ладов переживала момент приближения к Москве все эти годы. Из всего предчувствуемого сбылось только то, что я подъехала к ней утром, а больше ничего не было, даже волнения.

Вероятно, это потому, что мне некогда волноваться вообще, когда надо волноваться конкретно: что с тобой, с Джони, с ее отцом, как все будет, как все утрясти и т.д. До «переживаний» ли тут! А вот чему я очень рада: была у меня все эти годы одна мечта, и она исполнилась: раньше, чем я даже поела в Москве, я была в церкви. Единственное, что я сделала до, — по дороге туда — послала маме телеграмму о том, что приехала, и, конечно, завезла вещи.

О Звенигороде мне больно тебе писать, так тут хорошо. Если ты вырвешься, мне хочется, чтобы мы долго здесь прожили, может быть, даже всю зиму. Решать что бы то ни было рано, конечно, но так было бы лучше всего.

<...> Мама много рассказывала о своих стычках с твоими прежними приятельницами, ты только не волнуйся, серьезного ничего, просто они все чудаковаты, а мамин характер, естественно, лучше за эти годы не стал.

Не волнуйся ни о чем, все как-нибудь утрясется, и не надо никакого инвалидного дома, Зайчик, надо ехать сюда. Если ничего экстраординарного не произойдет, я в пятницу буду у тебя, если же что-нибудь переменится — дам телеграмму, только поменьше волнуйся. Солнышко мое, прости бездарность этих писем, дорогой мой!

Целую тебя, бедный, хороший Заинька.

Твой Листик

80. Д.Л.Андрееву

24 АВГУСТА 1956

[Владимир]

Родной мой,

ты, конечно, хочешь знать, что я сделала, когда ушла. У меня билет на машину в 5 часов. Можно было пойти и попробовать переменить на 3 часа, но я не хочу. Я пришла на самое высокое место в городе, около белого собора. Перед глазами — извивающаяся река и огромная заречная равнина удивительной и очень русской красоты. Кругом меня бродят только белые куры, а люди где-то далеко.

Я немножко почитала, чтобы понять, а теперь сижу, смотрю перед собой и пишу Заиньке. Хороший мой, хоть бы ты так же успокоился, как я сейчас! Как я, глупая, вчера отчаянно боялась и как нужно нам было увидаться!

(Куры не считают меня за человека, обступили со всех сторон, уселись рядом на скамейку, а петух орет прямо в ухо.)

Только бы ты не разболелся больше, чем сейчас, мой любимый, и все будет хорошо. И только усталостью и страшным срывом можно объяснить мой жалобный писк об отсутствии опоры.

Как хорошо, что Владимир не стал большим городом, что еще стоят хоть где-нибудь прекрасные белые соборы над зеленой равниной. А река извивается, как будто капризничает и кокетничает; дальние леса в тумане, и сквозь туман сверкают белые точки — церкви.

Сейчас посижу еще немножко, потом поброжу по городу, может быть, еще сюда приду.

Ну вот, Солнышко, побродила по городу. По правде говоря, я попробовала поискать Есенина (тут ведь тоже есть книжный магазин и киоски), но неудачно, нет ни Есенина, ни вообще какого бы то ни было хорошего поэта.

Успенский собор с фресками Рублева был закрыт. Когда я уходила, пришли какие-то иностранцы с девушкой-гидом, и сторожиха, ворча, пошла за ключами, чтобы открыть для них. У меня было большое искушение примазаться к этой компании, чтобы посмотреть фрески, но — представь себе! — я струсила и ушла. Теперь вскарабкалась еще на одну гору, на этот раз без кур и с благоустроенной террасой, и опять смотрю на равнину, отсюда она еще больше.

Уже без четверти четыре. Еще немножко побуду здесь и пойду на станцию ждать машину.

Целую тебя, дорогого, любимого Заиньку.

Алла

81. А.А. Андреевой

31 АВГУСТА 1956

Родное мое солнышко,

я думаю, что оба мы показали друг другу в лучшем состоянии, чем это есть в действительности: это — результат нервного подъема. Теперь я с ужасом

думаю о том, в каком вихре ты сейчас находишься. Вместо абсолютно необходимого отдыха ты все эти 2 недели мечешься между Москвой, Звенигородом и Владимиром или же по Москве. Мое письмо ты получишь уже после отъезда Джони, и — умоляю тебя: хоть две недели посиди спокойно дома, занимаясь только лечением, и дай наконец старикам возможность почувствовать тебя по-настоящему рядом. Бедняги так ждали, столько перестрадали, а теперь, когда ты с ними, даже не видят тебя толком. Кто знает, м<ожет> б<ыть>, через несколько месяцев придется уехать куда-нибудь, и период совместной жизни с ними долго не повторится. Пиши мне, пожалуйста, подробно об их состоянии и о том, как все у вас течет. М<жду> прочим, я не успел тебя расспросить, кто и в какой мере помогает маме по хозяйству: она сама почему-то избегала объяснить мне это как следует. Не спросил также, что представляют собой соседи по квартире.

В тот же вечер я написал заявление на имя Ворошилова¹, и 26-го оно отправлено в Канцелярию Президиума Верховного Совета. Не знаю, м<ожет> б<ыть>, я сделал ошибку, избрав этот адрес вместо Прокуратуры, но ведь, насколько я соображаю, комиссия в своих действиях отчитывается перед Президиумом, а не перед кем-либо другим.

Листик, может быть, в моем возрасте и положении неуместно признаваться в таких вещах, но молчать с тобой об этом я тоже не могу. Дело в том, что сверх всех оттенков чувства и отношения, какие у меня к тебе есть, я, после нашего свидания, опять влюблен в тебя, как мальчишка. Смешно, но факт. Хочу быть с тобой, и больше ничего.

А между тем надо на всякий случай, запастись терпением. Это, конечно, было бы легче, если бы я мог, как раньше, углубиться в занятия. Но об этом нечего и думать до тех пор, пока громкоговорители не замолкают хотя бы на 2–3 часа в сутки. А пока невозможно даже читать сколько-нибудь осмысленно. И этого мало: замечаем общее отупение, какое-то обалдение и деградацию. А ведь не прошло еще и 4 месяцев, как жизнь осложнилась этим кошмарным обстоятельством. Прости за это нытье, но трудно отплясывать чечетку, если, например, мучительно болит зуб.

Твое поведение у собора мне очень понятно и представляется правильным. Я, со своей стороны, еще один раз буду принужден внести в твои заботы свою печальную лепту, и, м<ожет> б<ыть>, Василий Михеевич² в свое время, у Новодевичьего, был прав. А с церковью в Брюсовском переулке у меня связаны некоторые ассоциации, которых у тебя, к счастью, нет: ведь это — церковь моей первой свадьбы³, да и с Татьяной Влад<имировной> она как-то связалась в моем представлении⁴. С большим интересом жду твоих сообщений о встрече с Ириной Усовой и, между прочим, ответов на вопросы: живет ли она вместе с мужем? Кем и где работают оба? Где Т<атьяна> В<ладимировна>? Когда умерла М<ария> В<асильевна> и была ли при этом Ирина?⁵ Не сомневаюсь, что ты догадаешься передать ей самый горячий привет и благодарность. Жду также рассказов о Гале⁶, Пелагее Кузьминичне⁷, Лизе Сон, Татьяне Морозовой, Зое⁸, Леве Тарасове, Вале⁹, о Боковых (не только о Кате, но о ее дочке (Машеньке) и о Елене Николаевне. А какое впечатление производит на тебя Ольга Дмитр<иевна>¹⁰? Не из-

вестно ли что-нибудь <удь> о Борисе Е <горове>, о Хорошкевиче? Не спрашиваю о Волковых, так как этот узел должен буду распутать я сам, но вот тебе поразительная странность: за эти 8 лет ни один человек не снился мне столько раз, как ее мать, Екатер <ина> Ивановна¹¹, которую я не видал с 1922 года. Прекратились эти сны года 2 назад, так и оставив меня в полном недоумении, в чем тут дело. Очевидно, это — нечто кармическое. — Не забудь также спросить у Вл <адимира> Ал <ександровича>¹², где и что Раков. — А как Галья Кениг, ее дочка и Ал <ексан>дра Гавриловна¹³? Известно ли что-нибудь о Желабовских? О Мусе Калецкой? — Все-таки, сколь трудно это ни будет, но если суждено хоть несколько дней пробыть в Москве, я навещу Левшинский только для того, чтобы расцеловать Е <вгению> П <етровну>¹⁴ и Ломакиных.

Уверен, что ты, передохнув, напишешь подробно о ваших экскурсиях по Москве с Джони и о том, где же она наконец бросит якорь.

М <ожет> б <ыть>, я ошибаюсь, но не оказали ли разговоры о друге Олега, которые ты могла услышать в Москве, на тебя некоторого влияния? Крепись, девочка, и не обращай внимания на сплетни, которые надо было бы назвать возмутительными, если бы не стечение обстоятельств, благодаря которому они могли бы возникнуть в голове даже вполне порядочного человека.

Я все-таки толком не расспросил тебя о здоровье и о лечении: поддался иллюзии твоего счастливого, почти цветущего вида. Напиши об этом, пожалуйста, обстоятельно. А в моем состоянии ничего нового, кроме, разве того, что мне будут делать блокаду Вишневого (для устранения боли в пояснице). Посмотрим. А хочешь знать, как я провожу время? Большую часть дня лежу, обеими руками заткнув уши. Там, где я живу, легче было просуществовать 9 лет в прежних условиях, чем 1 год с громкоговорителями под окном. Почти невозможно даже играть в шахматы; о том, чтобы систематически думать о чем бы то ни было, не может быть и речи. Не все, конечно, реагируют на это так остро, как я, но ни одного человека, радующегося этому новшеству, я еще не встречал. Конечно, нет худа без добра: несколько раз слышал чудную песню «Моя Индонезия» («Морями теплыми омытая»). Если не знаешь ее, очень советую найти ее и разучить: у тебя она должна получиться прелестно. А я, слушая, конечно, в три ручья: затрагивает самую глубокую и неудовлетворенную сторону души. Кстати, ты не успеешь побывать на выставке индонезийской живописи?

Девочка, хочу еще перечислить, что именно из продуктов наиболее целесообразно мне привезти, когда ты поедешь сюда в следующий раз (хорошо, если бы ты приехала около 20-го и, между прочим, перед встречей со мной поговорила с врачом). Итак: сахар, чай, слив <очное> масло, консервир <ованное> кофе с молоком, — несколько сдобных булочек — вот главное. Хорошо, если б можно было привезти махорочные сигареты, кот <орые> однажды присылала мне мама, а также что-нибудь вроде мясных котлет или холодного мяса (к сожалению, мясные консервы я не могу есть из-за живота). Желателен сыр (любой), яйца, сваренные вкрутую. Никаких вещей, кроме путеводителя

по Москве, мне не нужно. Есенин после 7 или 8 сентября может тоже оказаться ненужным. Хорошо бы 1 или 2 банки корнишонов.

Извини, девочка, за ужасную дефективность этого письма: прямой результат радио. Не только писать, но и разговаривать я скоро разучусь. Зато курить стал опять по-прежнему: «не вынесла душа поэта»¹⁵. А это очень обидно, тем более что скоро придется, так или иначе, бросать сызнова.

Пришло письмо, где ты пишешь о крайней сонливости: лишнее доказательство абсолютной необходимости для тебя немедленного и основательного отдыха. Уж потерпи мамыны эскапады как-нибудь, сиди побольше дома со стариками.

Вчера получил письмо о вашей с Джони пирушке («разгул», как сказала бы П <олина> А <ександровна>¹⁶), о Зое¹⁷, о которой фактически ты абсолютно ничего не сообщала (спроси ее о ее семье и здоровье хотя бы!), о Гале и Алеше¹⁸. Что касается моего сумасшествия, то эта версия создается (искренне и с соболезнаванием) В.А.¹⁹ еще с <19>50 года. Но мама меня удивляет: уж, кажется, я ей не подавал поводов. И не понимаю: почему ты ожидала встретить тихопомешанного: разве 25 (или больше) моих длинных писем не доказывали, что я в здравом уме? Нет места для передачи всех необходимых приветов, пожалуйста, сделай это за меня. Ответить Джони уже не успею: письмо ее не застанет в Москве. Обнимаю родного Козленка и жалею, что не присутствовал при его бешеном разгуле.

Д.

82. Д.Л. Андрееву

1 СЕНТЯБРЯ 1956

Ну, мой роденький, только ты успел, вероятно, успокоиться, думая, что все кончилось, как машинка начинает крутиться сначала. Дело в том, что многие из наших знакомых, сплетенные с нами в один противоестественный узел, начали хлопоты о полной реабилитации. Они, конечно, совершенно правы, я хлопочу о том же. У нас есть все основания для реабилитации, потому что, сколько я ни узнаю, мало было таких нелепых и, если это слово уместно, анекдотических «дел». Узел же есть узел и всегда приходит к началу — к тебе, так что сейчас от тебя зависит очень многое, если не все. Мне кажется, это отчасти нарочно устраивают, учитывая, как тебе трудно, в твоих условиях, правильно себя вести. В частности, я вполне понимаю психологически, что, после того, что было, ты удовлетворен теперешним положением, но это неправильно. Во-первых, такой срок по п. 10, которого, очевидно, скоро совсем не будет, — абсурд. Во-вторых, это вообще чепуха, потому что п. 10 есть агитация, которой никто из нас никогда и нигде не думал заниматься. Все же критическое, что мы говорили, снято и перекрыто тем, что говорилось на XX съезде. Точки же зрения, если бы они частично и были, не имеют юридического веса. Понятно, что в твоих условиях ты лишен возможности правильно ориентироваться, это надо заставить понять.

«Анекдоты» же продолжают. В зале ожидания я сталкиваюсь с дамой, которая оказывается Алешиной женой¹. Мы, конечно, друг друга не

узнали, пока нас не познакомило официальное лицо. Алешино заявление с требованием реабилитации — шедевр на одной странице. Я пришла в восторг и даже позавидовала. Что мы с ней, видевшие друг друга один раз 10 лет тому назад, не узнали друг друга — неудивительно. А Виктора² я узнала, хоть с ним мы тоже не очень часто видались. С ним, конечно, сплошной анекдот! Сейчас идет детальная перетряска старья с каждым персонально, и к нему прицеплялись с романом, над которым он, бедняга, заснул в тот единственный раз, как им занялся. Меня так злит, что из тебя все время что-то пытаются устроить! Пристали к нему (еще на Комиссии на месте), как он к тебе относится? Как тебе это нравится? Ну как он может относиться к человеку, который писал стихи о природе лучше его и с бесконечным терпением утешал в любовных неудачах! Он, естественно, так разозлился, что ужасно разорался по этому поводу. Кстати, ты не прав, что нет свидетелей методов, какими нас заставили понаписать всю галиматью: есть Коновалов, выдавший, в каком виде ты приходил, и слышавший, как ты с ужасом рассказывал, что тебя опять заставили кого-то оклеветать из близких. Кроме того, это вообще известно. О себе я могу сказать, что я, к сожалению, почти ничего не помню из того, что я говорила. Впрочем, детально обо всем разговаривать меня пригласили в понедельник 3-го сентября. Там очень и, по-моему, с любопытством ждут результатов от тебя. Я этот результат сообщила, причем добавила, что он ни меня, ни тебя не устраивает. Видишь ли, во-первых, зачем ходить с какими-то хвостами при таком полном, абсолютном праве на реабилитацию, как у нас. Во-вторых: Москва (или возможность ехать, куда мы хотим, а не куда можно), работа, пенсия, комната, для Виктора — университет³, для Алеши — работа архитектора все это дается только реабилитацией, и больше ничем. И так всё подвели, что в основном сейчас важно то, что ты скажешь. Т<ак> к<ак> — ты же видишь — все это материально дорого стоит, этого с трудом и добиваемся. А на тебя поставлена ставка именно учитывая твою «неделовую» голову и положение, в котором ты, да еще со старым нервно-психическим заболеванием, почти не можешь себя правильно вести. Свинство, конечно, но что ж поделаешь! Тоже еще нелепость: сколько я просила (и, оказывается, не одна я) вызова и нормального дознания, ничего этого не делалось, а теперь наконец принялись, вместо того чтобы просто кончить эту явно порочно состряпанную кутерьму. Это теперь, когда уже почти никто почти ничего не помнит и когда ясно, по ходу времени, что мы все были не хуже, а лучше и правдивее других. Ну ладно, посмотрим, что получится. Я даже не прошу тебя «отнестись серьезно», это и так ясно, правда? Написал ли ты то заявление, о котором мы говорили? Если не написал — сообрази и пиши. Да, вот еще у меня какое впечатление: одни затрудняют получение реабилитации, а другим, наоборот, ужасно хочется с нами развязаться. Понятно, что мы так же надоели, как и нам надоело.

<...>

Листик

83. Д.Л. Андрееву

5 СЕНТЯБРЯ 1956

[Звенигород]

Дорогой мой Данилочка!

<...> Что же тебе рассказать о разговоре? Представляешь себе — вытащили все старье, вплоть до 16 октября¹ и Батума². Что можно обо всей этой ерунде вспоминать через столько лет? Больше трех часов, совершенно не имея возможности вспоминать что-то конкретное, я пыталась растолковать основное — принцип всей этой порочной истории. Я понимаю своего собеседника в его недоумении — как же я могла соглашаться со всей этой ерундой; труднее было, чтобы он меня понял: самый обыкновенный человек, кое в чем критически настроенный, не имеющий твердой и определенной точки зрения, попадает в очень умные и хитрые руки: существует ведь принуждение двух родов: методы Лефорт<ово>, которые больше не вызывают даже вопросов (я сказала, что о втором томе своего сочинения³ даже говорить не могу, и это было принято), и хитрая и тонкая провокация, на которую я попала вначале. С глупой доверчивостью, именно потому, что я всегда была самым обыкновенным человеком, я принялась рассказывать все свои мысли, сомнения, ничего не стоящие разговоры, а из всего этого осторожно и тонко было состряпано все: из растерянности 16 октября — преступное ожидание, которого не было, из фантазий над фотографиями городов — предполагаемая поездка в Батум (вряд ли ты и помнишь эту чепуху), а каждое стихотворение о природе, которое случайно видел какой-нибудь приятель, превратилось в «распространение» и т.д. Причем, конечно, очень важно то, что вещи, казавшиеся недопустимыми тогда, — допустимы теперь. Я просто сказала, что почти все стихи можно печатать, да и роман был бы через несколько лет напечатан и прочтен с большим интересом. Не знаю, насколько мне удалось объяснить нелепость своего поведения 9 лет тому назад, я понимаю, что здравому, нормальному, серьезному человеку очень трудно понять поведение очень нервной женщины, совершенно не приспособленной для борьбы, вступать в которую она и не собиралась, и фантазера, который писал что хотел, неизвестно, собственно говоря, для чего, просто потому, что такова потребность, отнюдь не преступная. Главное, что ведь никого мы никогда не собирались переубеждать! А зачем из мухи был сделан слон, которого никак не могут вернуть опять в состояние мухи, — ну как же я могу объяснить, зачем это было сделано?! Наоборот, я спрашивала, зачем меня использовали для такой ерунды? Вот видишь, какая глупая, никак не могу перестать об этом говорить и думать, всем прожужжала уши, теперь тебе пишу, потому что даже кошка отказалась слушать, а я все еще обижаюсь, как же было можно так злоупотребить доверием и, под хорошие разговоры, из ничего сплести ерунду, которую уже десятый год не могут распутать! Должна тебе сказать, что осадок очень неприятный, но письменный результат нашей беседы — хороший, он снимает все, чего, как говорят, и тебе желаю. К сожалению, я всплыла посередине разговора, главным образом разойдясь во взгляде на произведения и на соотношение идеализма и демократии, я была неправа, злиться и орать никогда не надо, опять подвели нервы,

как всегда. С радостью могу тебе сказать, что была очень неправа относительно Сережи⁴. Мы очень хорошо встретились. Он мало изменился, по-новому счастлив в личной жизни (какая-то бывшая ученица, я о ней раньше слышала), для него вопрос реабилитации — почти вопрос жизни. Очень жду от тебя письма, мой хороший, дорогой Заинька. Думаю, что с тобой должны специально говорить, если еще не говорили. Не сердись за неприсланного Есенина — невозможно найти. Привет от Джони. Крепко целую, хороший.

Листик

84. Д.Л. Андрееву

17 СЕНТЯБРЯ 1956

Хороший мой!

В пятницу, не попав (опоздав) на выставку индонезийских художников, мы с Джони проехали на Новодевичье и долго там пробыли. Веточка сирени — от мамы и Бусиньки, а вишня — это та крошечная вишенка, которую мы с тобой посадили Добровым в <19>45 году¹. Теперь это — дерево, совсем большое и очень красивое. У мамы тоже все иначе: сирени, которая росла позади ограды, — нет, а малюсенькие отростки, сами забравшиеся внутрь ограды, выросли тоже в дерево внутри участка, по самой середине.

<...> Сегодня вечером я иду к Гале Р<усаковой>. Завтра попробую выяснить, какое положение в Прокуратуре и, в зависимости от этого, будем решать, когда я к тебе поеду. Конечно, хочу как можно скорее. Получила очень хорошее письмо от Анечки², а Алешино³ вот:

Милая Алла! Вы закончили лирикой — я, пожалуй, с нее начну. Мне достаточно известен характер вымученных у Вас показаний, долженствующих, по замыслу следствия, доказать причастность мою к тем фантастическим преступлениям, на выдумывание которых было потрачено 17 месяцев и тонны бумаги. Теперь, когда под давлением жизни рушится эта гнилая конструкция, должно быть сделано все для реабилитации правды. С «делом Андреева» иначе и не могло получиться, ибо что же иное представляют из себя обвиняемые, как не искусственно собранные в «группу» патриоты своей родины, искренне желавшие ей блага и не могущие тогда не видеть некоторые гибельные стороны окружающей их действительности? — Стороны, гибельность которых была так убедительно доказана всем последующим ходом вещей, от разгрома Берии до ликвидации культа Сталина. Все это слишком широко и фатально для того, чтобы я мог взвалить на Ваши слабые плечи виновность и ответственность за постигшие меня испытания. Проще говоря, я на Вас не сержусь, на Вас, на Даниила и вообще на кого бы то ни было из жертв грязной абакумовской стряпни.

Так что с этим — покончено.

Что я смогу посоветовать Вам из своего теперь уже добровольного далека? Уверен, что Вы информированы намного лучше меня и, видимо, будете информированы так и дальше. Степень определенной мне свободы Вам известна. Буду ждать большего с уверенностью, значительно возросшей по-

сле поездки жены в Москву. Как и раньше, моя цель — полная реабилитация. Всякое другое решение будет лишь остановкой в пути, длительность которой зависит в некоторой (хотя и незначительной) степени от наших усилий. Если выпадет случай в сентябре побывать в Москве, непременно поговорю с прокурором. Возможное ограниченное решение вынудит меня вновь обратиться к Сферам. С Вашей оценкой п. 10 я согласен. Желая Вам всего лучшего на путях к свободе — реабилитации. Даниилу привет. Ваш А. Вам привет от В<еры> И<вановны>⁴.

Он живет в Сыктывкаре, Вера Ив<ановна> приехала жить к нему и все время очень энергично хлопочет. Но документы у него такие, как у Сережи, как будут у тебя весной, если ничего не изменится, т.е. никудашные. Ирина А<рманд> сказала там, что не могла, по тем отрывкам, какие знала, даже представить себе, что «С<транники> Н<очи>» представляют собой что-либо неполагающееся.

Целую тебя, Солнышко мое родное.

Листик

85. Д.Л. Андрееву

19 СЕНТЯБРЯ 1956

Солнышко мое!

Сегодня — среда. В понедельник вечером я была у Русаковых. Пелагею Кузьминичну не видела, но Галя говорит, что она хорошо держится, хоть и сдала последнее время, после смерти какой-то своей очень близкой подруги.

Открыл дверь Виктор Федорович¹, очень пополневший, несколько постаревший, совсем седой и ставший, по-моему, более симпатичным. Меня он очень тронул удивительной теплотой, которая от него исходила. Галя постарела, конечно, и страшно бледна, но такая же особенная и обаятельная, как всегда.

А самое удивительное было то, что я, бывшая у них, кажется, два раза, шла до самой двери так, как будто все эти девять лет туда ходила. И в комнате с ними так же себя чувствовала, только, вероятно, слишком много болтала. Знаешь, в то время, когда все было совершенно безнадежно, Виктор Федорович говорил Гале: «Я уверен, что мы их еще увидим», а она не верила.

<...> Скоро я увижу Александру Львовну, которая подавала в Союз писателей заявление с просьбой ходатайствовать за тебя². Получила туманный ответ: «пересматривается» или «будет пересмотрено». От Союза писателей я ничего и не ждала, а Ал<ександра> Льв<овна> меня, конечно, тронула. Но, кстати, не удивила. Галя сказала мне, что Ал<ександра> Льв<овна> ей звонила, а я взяла у Гали ее телефон и сама позвонила ей. Завтра или послезавтра к ней пойду поговорить.

Никак не могу дозвониться Шадринцеву (это — тот, кто ведет наше дело и всех допрашивает). Завтра, если опять не дозвонюсь, пойду опять в Прокуратуру. Я хочу перед поездкой к тебе выяснить, в каком же положении все находится, чтобы рассказать тебе подробно.

Ты замечаешь, насколько тупее стали мои письма на свободе? Это — оттого, что я или бегаю сломя голову по таким, например, делам, как покупка пряжек для пальто или примерка этого пальто; или же должна излагать тебе ворох мелких событий, пропустить которые нельзя.

<...> У меня уже есть «Морями теплыми омытая». Только, родной мой, это на самом деле не индонезийская, а испанская песенка. Как всегда — в глубинах этих стран — народная культура, которую очень трудно понять (музыка, в лучшем случае, напоминает треск цикад или звук фонтана), а в городах — наносная, в конечном итоге, завезенная из древней Европы, гораздо более понятная культура. Эта песенка очень типично испанская. Очень хороши мексиканские песни — тоже испанские, чуть экзотизированные.

Я очень жду открытки от девочки с дороги. Мне без нее плохо, очень ее не хватает и очень за нее больно и страшно. Это нужно рассказывать, и много. Не дай Бог, чтобы З<ея> был с тобой (т.е. — там). На всякий случай, со страхом, передаю привет. Целую тебя, дорогой мой. Галя тебе напишет.

Твой Листик

86. Д.Л. Андрееву

26 СЕНТЯБРЯ 1956

Зайчик мой любимый, хороший. Не могу успокоиться оттого, какие у тебя были плохие и грустные глазки.

Солнышко мое, я вчера вела себя, после разлуки с тобой, очень прозаично: нашла столовую, пообедала и, не заходя к соборам, пошла прямо на автобусную станцию.

В Москву приехала в 10.30, усталая, только рассказала все нашим и позвонила Ал<ександре> Льв<овне>, и легла.

Сегодня с утра принялась за беготню. Была у Екатерины Павловны¹, которая стара, конечно, но, по-моему, так же хитра и умна, как и прежде. Она меня встретила хорошо, хоть и сдержанно, а попрощалась даже с теплотой: вышла в переднюю, села на диван и сказала: «Как с того света вернулась!»

Сплетен было очень много, она мне сказала две: 1) Даниил ходит босой по снегу с большим крестом на груди; 2) в меня влюбился следователь, хотел меня освободить, просил, чтобы я назвала всех, кто может в этом помочь, и когда я их назвала, их всех взяли. На первое я сказала, что никакого креста ты не носишь, а хождение босиком не имеет той окраски, которую придали дураки, а связано, очевидно, с нарушением кровообращения, из-за которого тебе трудно обуваться.

Про сплетню обо мне я могла только сказать, что это — страшная чушь. Что же еще можно сказать? И чего этим осламам надо, неужели мало на свете правды, чтобы выдумывать глупости, гораздо менее интересные, чем правда?

Завтра утром иду к Антокольскому, а послезавтра еду к Шкловскому. Еще пойду в приемную Ворошилова, это Ек<атерина> Павл<овна> велела, и я должна в следующую среду рассказать ей, как дела.

Любимый, хороший, самый мне необходимый на свете, не грусти ни о чем, и об неисполнении химер — тоже. Все исполнится когда надо, все будет хорошо, ненаглядный мой, ради Бога, не грусти так, солнышко, родной мой.

Крепко целую бедняжку — Заиньку и чем дальше, тем больше хочу быть с ним.

Твой Листик

87. Д.Л. Андрееву

29 СЕНТЯБРЯ 1956

Родной мой!

Прежде всего: напиши, нужны ли тебе деньги, я об этом, конечно, за-была спросить; получил ли ты 50 руб. заказным письмом и что тебе понравилось из того, что я привозила? Твои просьбы я помню, все будет прислано в первой же посылке. Я думаю, что ты догадался, что сомнительный маринад «Осень» был прислан взамен корнишонов, которых я не нашла?

От мальчика¹ еще нет ничего. Если не будет до понедельника, я напишу сестре Симона². Я знаю, как ты волнуешься, и сама волнуюсь тоже.

Никогда не думай, что мне не очень больно из-за судьбы «С.Н.» или что я не понимаю ценности остального. Я боюсь, что мало говорю тебе об этом и ты думаешь, что я безразлична.

Сейчас со мной произошло то самое, чего надо было ждать: сразу после освобождения я все принимала как должное и жила почти механически, почти ничего не чувствуя. А сейчас я каждый день без тебя переживаю за тебя и за себя и готова руками разбирать каменные стены, если б это помогло тебе выйти. Сегодня я ничего не сделала, только узнала, когда прием в Верховном Совете, и прощаю это себе только потому, что немножко нездорова (не волнуйся, это пустяки) и очень нужно было купить туфли на низком каблуке, потому что на высоких трудно много бегать.

Заинька, Люсин³ адрес мама потеряла, но о Леве⁴ она, оказывается, знает: умер на севере, точно, в каком лагере, она, конечно, не помнит. Ты помнишь Сергея Бондарина? Вспомни, ты его встречал очень давно у Ал<ександры> Льв<овны>. Я вчера с ним познакомилась у Шкловского, он только что вернулся, отбыл 10 и потом был в тайге. Он тебя помнит. Шкловские меня приняли прекрасно. Если б все, кого я вижу, имели власть, ты был бы уже со мной, а пока это только — моральная поддержка и, пожалуй, залог будущей помощи. Антокольский и Новиков тоже были очень хороши и, кстати, все до одного, с кем я говорю, более чем сочувствуют из-за гибели книги.

Еще несколько дней беготни, потом начну искать работу.

<...> Родной мой, хороший, крепко целую

Твой Листик

88. Д.Л. Андрееву

6 октября 1956

Хороший мой!

Была вчера у юриста, и он меня выругал за черновик, который я для твоего заявления написала. Говорит — «интеллигентская размазня, а мне надо было от Вас получить вопиющие факты, потому что дело — вопиющее». Правда, сказал, что все-таки это заявление очень важно, потому что в нем первый раз сказаны очень важные вещи, которых до сих пор тобою не было сказано: что книга вообще не была предосудительной и что ни в какой агитации ты себя не признаешь виновным. Ну, это заявление, переработанное юристом, ты скоро увидишь. А то, что он называет «вопиющими фактами», это — детали следствия, которые считаются очень важными, но их я не знаю. Т.е. знаю вообще, но очень нужно (это все время говорят), чтобы были написаны конкретные примеры безобразий, имевших место и в <19>47-м, и в <19>48-м. Постарайся вспомнить, каким насилием или какой провокацией были вымучены у тебя наиболее дикие вещи. Это не моя выдумка, дорогой, а прямое указание.

Прости меня за то, что я замучила тебя этими тяжелыми вещами, солнышко мое, но вся жизнь сейчас уперлась в необходимость конца нашей истории.

Расстроившись от своей бездарности, так ярко разъясненной мне юристом, я вышла от него и пошла в Обыденский переулок, потому что была пятница, а я еще ни разу не была на службе Нечаянной Радости¹. Я все-таки нескладно себя чувствую, если в церкви есть люди, мне лучше там одной. Не сердись за то, что басурманка.

<...> Если б ты знал, дорогой, как это бесконечно много и бесконечно важно! Я еще никак не могу перестать бегать. Работу еще не искала. Только в постели читаю «Жел<езную> мист<ерию>», но говорить нужно много, а основное — размер и своеобразие автора — давно уже сказала.

Дорогой мой, я тебя так люблю, что совсем не могу без тебя жить. 12 лет назад ты вернулся в эти дни².

Крепко целую

Алла

Сейчас звонил Ив<ан> Алекс<еевич> Новиков, спрашивал что мне удалось еще сделать. А мне удалось так мало! Федин куда-то уехал, Леонов за границей.

89. Д.Л. Андрееву

9 октября 1956

Данилочка мой любимый!

Сегодня под письмом с просьбой за тебя подписались Федин, Чуковский и Новиков¹. Последний передает тебе привет и ждет нас в гости. Подарил мне свою последнюю книжку — «Писатель и его творчество»² — и вообще трогателен необыкновенно. Не знаю, что получится в итоге всех моих

походов, но отношение я везде встречаю удивительное. Я думаю, что приеду к тебе в понедельник или вторник (т.е. 15–16).

<...> Мы с Дюканушкой были в Кукольном театре на сказке Гоцци «Король-Олень». Это так чудесно, все, с начала до конца, что я не могу тебе передать. Я много читаю. Так как приходится много ездить, всегда таскаю с собой книжку — сейчас «Воспоминания» актрисы Смирновой³, — а по вечерам (т.е. по ночам) в постели зарываю нос в «Мистерию». Смешно говорить слово «нравится», сам понимаешь. Временами мне жутко, временами у меня шкурка на загривке встает дыбом — это знак протеста. Но так хочется скорее говорить об этом, Солнышко мое дорогое! И читать, конечно, надо еще много раз. Знаешь, а вся линия Адриана⁴ нашла себе гораздо более соответствующее выражение.

Сейчас уже 10-е, я уже полдня проездила по всяким делам и сейчас еду в МОСХ, ругаться, потому что отдел кадров чинит какие-то там препятствия.

До свиданья, мой хороший, целую милую усталую мордочку.

Алла

90. А.А. Андреевой

9 октября 1956

Родная моя!

Прежде всего: совсем напрасно ты так обо мне сейчас беспокоишься. «Грустный» вид мой во время прошлой встречи объяснялся, во-первых, тем, что я был не совсем здоров, а во-вторых, обескуражившим меня сообщением о мальчике¹. Если бы ты знала степень его неприспособленности к условиям, в которых он очутился, ты поняла бы меня. Открытка меня успокоила мало: я подозреваю, что бодрые фразы вставлены именно для нашего успокоения. Совершенно непостижимо, о какой квартире может идти речь, да и о каких вообще средствах к существованию. С большим нетерпением жду твоих сообщений о его письме. Но и ты сама, родная, заставляешь волноваться: вместо отдыха у тебя получается нескончаемая беготня и трепка нервов. Девочка, имей в виду, что ничего страшного не будет, если я задержусь тут до апреля. М<ожет> б<ыть>, это будет даже лучше: куда бы, спрашивается, я делся бы посреди зимы? А насчет мая и июня у меня даже возникла фантастическая мечта: если Союз писателей пойдет навстречу, то ведь нам можно будет съездить в Цхалтубо, поездка куда так досадно была опережена в <19>47 г. другими событиями, а кстати побывать и в Махарадзе².

М<ежду> пр<очим>, в «Литер<атурной> газете» на днях было сообщение о том, что прах отца перевезен с Карельского перешейка и похоронен на Литературных мостках в Ленинграде рядом с Гончаровым³. Место почетное, но жаль все-таки, что на эту церемонию не был приглашен сын покойного. Кроме того, отец должен был быть похоронен на Новодевичьем: там, рядом с мамой, купленное им для себя место. А соседство с Гоголем и Чеховым, полагаю, было бы не менее почетно. А во второй раз перевозить прах будет, конечно, уже невозможно, и вот получается нарушение последней воли писателя.

По поводу нашего (или теперь уж «моего») дела. Абсолютно никаких бумаг я не получал и никто никуда меня не вызывал. Думаю, что твой проект посылки заявления сюда для моей подписи — совершенно законен. Но дело, вообще говоря, в том, что существует некое понятие «престижа». Инстанция, вынесшая в августе определенное решение, не может переменить его в сколько-нибудь короткий срок. Если бы моя фамилия начиналась не на первую букву алфавита, я прошел бы через этот экзамен месяцем позже, и тогда бумага из Союза писателей, привезенная тобой, пришла бы как раз вовремя для того, чтобы оказать свое влияние. Но она запоздала, и теперь вряд ли что-нибудь можно сделать. Так что, девочка, не царапай своими бедными ноготками каменную стену, а побереги их до того времени, когда мы будем вместе. Проталиночка, а не могла бы ты приехать 2 ноября? Решаюсь выдвинуть такое предложение, т.к. буду настаивать на том, чтобы в дальнейшем ты приезжала не чаще 1 раза в 2 месяца.

Ты начинаешь искать работу. А почему ничего не пишешь о том какую? Неужели что-нибудь оформительское?.. Господи, спаси от этого ужаса. Ах, если бы удалось устроиться по театрально-декоративному делу — вот прыгать до потолка можно было бы! Во всяком случае, не торопись с работой, не хватай первого, что подвернется. Потому что из той колеи, на которую ты теперь встанешь, выскочить будет уже трудно.

Хочу предупредить тебя еще об одном. Думаю, что источник диких сплетен о тебе — вовсе не Г<алина> Ю<рьевна>, а кто-то, с кем ты находилась в Лефор<тово>. Будь осторожна, и в разговорах с другими не вздумай возмущаться Г<алиной> Ю<рьевной> и другими, чтобы не оказаться потом в очень неприятном положении. А в том, что Биша не распространяет о нас никаких дурных слухов, я даю голову на отсечение. Поэтому напрасно даже то, что ты сказала по этому поводу Гале⁴. Впрочем, Галя, как говорится, «могила».

М<жду> пр<очим>, я никогда не знал никакого Коновалова. Тогда со мной находился ужасный человек по фамилии Зубков, кот<орый> стоил мне не меньше крови, чем Леонов и Комаров. К сожалению, не могу вспомнить Бондарина, а по поводу Баскакова имею только смутную догадку. (Скажи Алекс<андре> Льв<овне>⁵ про Ракова: она его знавала в молодости. И скажи ей, что рыба была изумительная и что я горячо целую ее (не рыбу, а А.Л.).) Вообще, тут все съедается за обе щеки, т<ак> что трудно сказать, что именно желательно сверх того, что я перечислил в прошлом письме. Пожалуй, прибавлю только: 1) корницу молотую, 2) пару катушек — черную и белую, 3) таких же чудесных зам. корнишонов. Напоминаю о миллиметровке. 4) пластмассовый ножик для разрезания бумаги (им можно резать и хлеб). Ну вот, кажется, и все. А курица, к сожалению, заплесневела, и удалось спасти только 1/2. Спроси у Вл<адимира> Ал<ександровича>⁶, как надо упаковывать такие вещи.

О здоровье. Блокаду Вишневого мне не делали и, по-видимому, не будут. Хожу еще на светолечение, но с поясницей все по-прежнему. Если бы ты знала, сколько лет я мечтаю о комнате, в которой не дуло бы то в спину, то в голову, то в бок и где можно было бы в то же время не задыхаться. Тут

приходится выбирать одно из этих двух зол, т.е. дутье. М<жду> прочим, ты будешь фыркать, но факт в том, что достаточно мне обуться на 1 1/2 часа — и я схватываю простуду. Это проверено, и так случилось и во время последнего свидания.

Кстати: «сплетня» обо мне недалеко от действительности: я ношу маленький нательный крестик из пластмассы, и летом, когда я загорал, он мог быть виден.

Теперь я опять занимаюсь. Пока это только еще систематизация материалов, и ее хватит еще недели на 2, а как справлюсь я с радио, когда дело дойдет до более серьезной стадии, — посмотрим. Одиночество же мое не так абсолютно, как ты думаешь. Везде есть хорошие люди. Отсюда и розочки, и этот орнамент: доказательства сердечного отношения.

Не знаешь ли ты чего-нибудь о Ф.К. Константинове? О семье Соколовых (о них может знать Ивановский)? Непременно напиши: жива ли Елена Ник<олаевна> Бокова? Мотя Гальперин? Переменила ли ты свое намерение связаться с Таней Волк<овой>? Удалось ли прочитать мистерию? Я учитываю трудоемкость и не удивлюсь, если до этого не доходят руки. А я тут прочитал с интересом последний роман Ремарка⁷, с усилием — «Тихого американца» Грэхема⁸ и с восторгом — стихи испанского поэта Лорка⁹ (в «Иностранной литературе»). Вообще, теперь я занимаюсь или читаю большую часть дня. Насколько продуктивно — другой вопрос.

А что же это с Колей?¹⁰ Неужто так и замолчал? Знает ли он твой адрес? Адрес Люсика¹¹ надо будет узнать у Виктора Кемница. Мне он понадобится, как только я выйду (адрес).

Относительно денег — если можно, хорошо бы небольшую сумму, а то у меня осталось 40 руб., кот<орые> я боюсь тратить: мало ли что вдруг случится.

Как мама и Дюканушка? Пиши, голубушка, побольше о них и о мелочах вашей общей жизни — ведь только из таких мелочей складывается рельефная общая картина. Не забудь каждый раз, когда встречаешься или говоришь по телефону с кем-ниб<удь> из наших знакомых, передавать мой привет и благодарность за все то тепло, которое от них до меня доходит. Бодришь, родненькая моя, и ни в коем случае не тревожься о моем состоянии: нет оснований. Обнимаю и целую без конца.

Д.

Здравствуйтесь, дорогая Джони!¹² Очень радостно было узнать, что Вы все-таки зацепились за какую-то точку на поверхности нашей планеты, той самой, про которую Маяковский сказал, что она, к сожалению, «для веселия мало оборудована»¹³. Но, конечно, представление о том, где, в качестве кого и в каких условиях Вы живете и работаете, у меня очень туманное. Знаю только про карточку и про самостоятельность. Но так как я имею некоторое представление о Вашем энергичном характере и способностях, то начинаю думать, что «кривая» Вашей жизни поползла вверх, а в будущем году скрестится и с другими поднимающимися кривыми: Аликовой и моей. Я чувствую себя по-прежнему, в некоторых отношениях даже лучше; во всяком случае,

после 5 месяцев перерыва опять приналег на занятия: не хочется, чтобы последнее полугодие моего невольного досуга пропало бесплодно. С нетерпением буду ждать более подробных сведений о Вашей жизни. Крепко, крепко жму Вашу руку. Желаю удач, удач и еще раз удач!

Д.

91. А.А. Андреевой (З. Рахиму, Е. Сон)

10 ноября 1956

Здравствуй, моя хорошая!

Ты, конечно, удивишься столь быстрому письму. Но дело в том, что я так беспокоюсь за тебя, что не могу дольше сидеть, не подавая голоса. Твой проект касательно Владимира, по зрелом размышлении, кажется мне совершенно неудовлетворительным. Против него — целый ряд доводов, которые и тебе самой придут на ум, если ты его обдумаешь серьезно. И уж конечно, беспокойство мое за тебя не уменьшится ни на йоту, если ты когда-нибудь приведешь его в исполнение. Торжок, даже Трубчевск (если там остался кто-нибудь из Левенков) или любой другой пункт в Европейской России успокоил бы меня гораздо больше. Страшно злюсь на себя за то, что во время свидания не успел — или не удосужился — подробнее расспросить тебя о поисках работы. Что, надежда на фабрику бутафории окончательно исчезла? Неужели Влад<имир> Алекс<андрович>¹ не может помочь в этом деле? Подозреваю, что ты к нему просто не обращалась по этому поводу: я уверен, что если бы он знал, что тебе нужна работа, то сделал бы все что может. Пожалуйста, держи меня в курсе всех твоих «деловых дел», не ленись подробно сообщать о каждом своем шаге в этой области. Сама понимаешь, как меня беспокоит твое неприкаемое положение.

Что касается дела: оно, вероятно, в Верховном суде, уже миновав стадию очередного пересмотра. Если так, то в суде тебе сообщили бы (если бы ты запросила суд), что оно там. И в таком случае решение должно последовать очень скоро. Впрочем, лишний раз ходить туда не стоит — все равно скоро известят. Если вдруг я выйду, то мгновенно телеграфирую, т.к. один со своим багажом вряд ли смогу дотащить до Подсосенского. Кстати, у меня есть подозрение, что мама ждет моего появления на горизонте без особого энтузиазма. Со своей точки зрения она и права: новое осложнение домашнего быта. Тем более зимой. Поэтому я был бы рад, если бы выход состоялся в феврале-марте, когда перспективы нашего с тобой переезда куда-нибудь стали бы более реальными.

Лизочкино² письмо, кот<орое> я прочитал уже после тебя, — необычайно хорошее и очень меня растрогало. А японское стихотворение Ирины³ поразительно на нее похоже, как будто она его сочинила. С интересом жду описания твоего посещения этой четы и впечатлений от Васи⁴. Я ведь никогда его не встречал, но слышал очень много хорошего. Между прочим, «Весельчак»⁵ (о волке) посвящено Ирине, т.к. случай этот произошел не со мной, а с ней, и оно написано на основании ее рассказа. Кстати (а может, и нестати), хорошо было бы, если бы ты дала Сереже⁶ «Концертный зал»: ведь это

ему и его. А «У демонов возмездия» — в какой-то мере ответ на его церковные плевки. Проживи я хоть до 100 лет, но от тезиса «относительного дуализма» мне уж не отойти: могу его только развивать и углублять. А Сережа никак не поймет, что всемогущество и благодать — несовместимы и что, значит, одного из этих качеств просто нет (вследствие самоограничения Абсолюта). И уж, разумеется, не благодати.

Еще вот что — о Ек<атерине> Павл<овне>. Сама видишь, какой сумбур в этой 80-летней голове. И нечего искать какого-то источника идиотских сплетен о тебе (да и обо мне): просто у нее все путается и потом исходит от нее в неузнаваемом виде — без всякого злого умысла: просто дряхлость.

О мальчике⁷ — немного успокоился, получив карточку плюс открытку с цветами и телеграмму ко дню рождения. Карточка — прелесть: похож поразительно, и ведь правда же, очень хорошее лицо? Только ужасно печальное, почти трагическое. О музыкальности — ты, кажется, права. Напиши ему это (т.е. твое мнение).

Письмо это пишу 3 дня, события мчатся головокружительно, и м<ожет> б<ыть>, все еще обойдется. Не сердись, девочка, на бывшую темноголовую птицу, вдруг тревожно закаркавшую: в ее положении еще и не то может случиться.

Вчера удалось победить радио: работал часа 2, невзирая ни на что. Но нет уверенности в целесообразности: очень уж громоздко. — Хочу напомнить тебе на всякий случай перечень необходимых вещей: курительная бумага, мундштук, воск, вата. А то стеарин постепенно осаждается в ушном проходе, и Бог ведает, к чему это ведет. Потом еще вот что: нельзя ли мою карточку? а то я обещал... И если у Ольги Дмитриевны⁸ есть телефон, пожалуйста, позвони и узнай, почему не получают одного фото, которое она обещала через Владимира Александровича. На кого сердиться: на нее или на Владимира Александровича?

Если мало времени для частых писем, то пиши, родная, открытками: лишь бы не было перерывов. И — Дюка с его оптимизмом безнадежен, конечно, но можно воздействовать на маму, терпеливо долбя ее и разъясняя возможности. Обними и поцелуй их от меня нежно, нежно. Горячий (что бы не сказать — пламенный) привет Влад<имиру> Павлов<ичу>⁹, Гале¹⁰, Ирине¹¹, Кемницам и вообще всем. Непременно напиши мне адреса Кемницев, мальчика, а также № твоего телефона. Господь с тобой, спи сладко. Целую каждый пальчик¹².

Родной мальчик, хоть я и знаю, что ты обо мне не забываешь, но получить ощутительные доказательства этого было необыкновенно приятно. Особенно радует меня чудесная карточка. Ты получился, по общему мнению, чрезвычайно похожим. Смотришь — и ждешь, что лицо вот-вот оживится мимикой. И выражение такое знакомое, такое твое! Только очень уж грустные глазки. Я тоже ужасно скучаю по тебе, мой друг. И все-таки радуюсь тому, что ты — там. В настоящий момент, мне кажется, нельзя было бы пожелать тебе никакого другого, лучшего места. Сначала я сильно волновался за тебя, да и сейчас с болью

представляю твое душевное состояние. Кроме того, беспокоит вопрос о том, как реагирует твой ревматизм на сырость климата. Волнует и то, что ты еще не устроился на работу, да и вообще трудно представить, как ты приспосабливаешься к совершенно непривычным условиям. Но в общем, учитывая всю сумму обстоятельств, мне думается, что тебе в настоящее время следует оставаться на месте (по крайней мере до весны). А обо мне, дорогой, не беспокойся. Осталось 5 1/2 месяцев, а возможно, что и меньше. Перемен в моей жизни никаких нет. Самочувствие прежнее, — не хуже. Что касается резких движений, то на этот счет ты меня, как оказывается теперь, основательно вышколил, а до физических усилий меня не допускают окружающие, проявляя при этом совершенно трогательное внимание. Начал было немного заниматься, но сперва радио, а потом нервное напряжение последних двух недель, связанное с событиями общего порядка, не дают возможности сосредоточиться на занятиях. Обнимаю и крепко-крепко целую тебя. Бодришь, — не за горами и наша встреча, и многое другое, очень хорошее. Передай Симону¹³ привет и мою горячую благодарность.

Лизочка, дорогой друг, если бы ты знала, как много значило для меня твое письмецо и как тепло стало от него на душе! Спасибо за все, мой верный, старинный, неизменный друг, и Вам, Люся, спасибо за то, что сохранили обо мне память в течение стольких лет! По правде говоря, Лизок, я долгое время жил почти без всякой надежды на то, что наша встреча когда-нибудь состоится. Зная твое слабое здоровье, я не всегда мог отогнать от себя мрачную мысль. В моем положении тревога за тех, кто остался, часто рисует всякие трагические картины — зачастую ни на чем не основанные и, к счастью, неоправдывающиеся. Слава Богу, дурное подходит к концу. Если все будет идти своим нормальным ходом — еще не стает этот снег, как мы увидимся. Здоровье мое неважно, но проскрипеть смогу еще долго, а душевная бодрость мне не изменяет. Передай, пожалуйста, сердечный привет всем, кто еще помнит меня, а тебя и Люсю позвольте на радостях крепко, крепко поцеловать.

Даниил

92. Д.Л. Андрееву

11 ноября 1956

Хороший мой!

Я видела во сне тебя и опять — белый, с золотым куполом храм, похожий на Успенский собор, и поэтому страшно волнуюсь и жду письма. Собственно говоря, уже можно было бы написать, Зайка, все равно ведь буду приставлять со вторым письмом. А то приеду!

Храм во сне был белый-белый, освещенный солнцем и окруженный очень яркой зеленью. А ты плохо выглядел, вот так, как на самом деле.

Знаешь, Заинька, я наклепала на книжку Ив<ана> Алексеевича. Там очень интересные вещи есть по поводу «Слова о полку Игореве»¹. По мнению Ив. Алекс., автор сопровождал Игоря в походе, вместе с ним был в плену, ос-

тавался в плену после побега Игоря и там же, у Кончака, написал «Слово». У меня все крутится в голове своеобразный «портрет» этого поэта. Правда, не меньше, чем от «Слова» и домыслов Новикова, там было бы от легенды о Ярославле. Остановка за мелочью: не умею рисовать лошадей даже так, как надо для эскиза, а композиция именно «лошадиная».

Пока кропаю третий эскизик «Веронцев». Они получились симпатичные, а большего и не было.

С Сережей² вчера просидели час около Фидия в музее и очень хорошо проговорили. Он, как и я, суеверен, как старая баба, и тоже боится верить в скорый хороший исход. Мало ли что и как поворачивается, вот чего это я опять собор во сне видала! Хожу теперь и скулю.

Жаль, что я дважды за прошедшие годы написала и подарила маленькую картинку: сражение темных и светлых всадников, — а не догадалась ни разу написать это для тебя. Тебе было бы интересно. Это оттого, что однажды я написала для тебя небольшую вещь: Ее на узком лунном серпе, окруженную цветами, птицами и зверушками³. Эту вещичку уничтожили отчасти по моей глупости, а больше по собственному свинству в <19>51 году. С тех пор я решила ничего заранее для тебя не готовить, а только когда будем вместе. <...>

Целую моего родного, хорошего.

Листик

<...>

93. А.А. Андреевой

20 ноября 1956

Радость моя,

прежде всего спасибо тебе за попытку утешить и ободрить меня в вопросе о твоём здоровье. Все это очень хорошо, только <...> верится с трудом. Если все органы в порядке — чем же, спрашивается, вызваны все твои хворости, и притом не в последние только годы, но и гораздо раньше? Сваливанию всего на невроз я решительно отказываюсь верить. Когда не знают, чем человек болен, непременно заявляют, что вся беда — в неврозе. Это — трафарет. Я бы даже предпочел, чтобы ты страдала ясным и для всех понятным заболеванием какого-нибудь определенного органа, чем такими таинственными расстройствами.

Теперь беру пачку твоих последних писем и буду отвечать на них не по темам, а просто по «порядку».

Об этаже больше волноваться не надо. Это изменилось к лучшему, а в 20-х числах я буду помещен, вероятно, в больницу. Это своего рода профилактическая мера, имеющая в виду возможность циклического ухудшения, которое, однако, еще не началось.

Извещение из Прокуратуры я получил на другой день после отправки тебе предыдущего письма. Считаю, что все идет очень хорошо, а если затянут до февраля, то буду этому даже рад — по причинам, о которых тебе уже говорил; главная из них — поменьше быть вынужденным сидеть на дюко-ма-

миных плечах и перешептываться с тобой за шкафами. Такая перспектива, по правде говоря, меня не слишком обнадеживает. Кстати, чтобы не забыть: когда получишь мою телеграмму о выходе отсюда, приезжай сразу же, захватив какой-нибудь чемодан, т.к. мне не в чем везти книги, которых у меня накопилось порядочно, да и тетради¹.

Стихи Заболоцкого превосходны². Вообще, это — поэт Божьей милостью. И в высшей степени интересно то, что мальчик написал, а ты не поленилась переписать на темы современной физики³.

Открытый подобного рода я все время жду.

Сейчас — твое паническое письмо от 16-го! Родная, но я же написал 11-го, — раньше, чем мы условились! Чрезвычайно огорчен твоим волнением, но мне кажется, что я тут не виноват. Сейчас, конечно, ты уже получила то письмо. Об Аде Магидсон приятно было узнать, что она жива и благополучна. Но Игнат и Муся!⁴ Вышло, очевидно, как я боялся. Но кто же играл в их встрече с Федором⁵ мою роль, а кто роль Т.В.?⁶ Кстати: знаешь ли ты, что Авсюк в Антарктиде? В свое время я лез из кожи, чтобы он и Марг<арита> Ив<ановна> не попали в Арктиду⁷. Говорил ли что-нибудь Федор о Ков<аленск>их и Саше? Перед ним мы все были виноваты. А Ис<аак> Марк<ович>⁸ только звонил или заходил? Как он отдыхает и лечится?

Девочка, когда же ты сходишь к Т. Волковой? Не забудь тогда спросить об ее сестре Ирине и матери — Екатерине Ивановне.

Огромной радостью было для меня узнать, что живы Женя Левенок и Пр<отас> Пант<елеевич>⁹. На последнее я давным-давно не надеялся. Конечно, он уже дряхл, но для меня было бы настоящим счастьем — встретить его еще раз в жизни — хотя бы он был и совсем плох. Если будешь им отвечать, узнай, где теперь Олег Левенок и его адрес.

А почему и как ты попала к Федору? Он на пенсии? Работает?

Скажи, пожалуйста, Ирине¹⁰, что ее память и забота трогают меня до слез и что мне думается, что наши будущие встречи будут еще интересней и плодотворней, чем прежние, потому что мы все безусловно стали богаче и глубже.

Какую именно книгу Новикова ты прочитала и одобряешь? М<ожет> быть, ему приятно было узнать, что в самое ужасное время в Лефорт<ове> мне попался его «Пушкин в Михайловском», и я не только отдыхал душой, но и внутренне очищался за этим чтением. — А что ты глотаешь «как индюшка», мне, конечно, больше чем приятно. И что нет возражений по поводу «Изнанки»¹¹ — нисколько не удивлен, я в этом был уверен всегда, даже тогда, когда на меня мчались с Яваса тучи стрел по поводу «конкретизации», всяких Лиурн и т.п. Безусловно, ты обо всем этом должна знать и без меня, хоть и неотчетливо; без таких «совпадений» не могло бы, пожалуй, быть и нашего союза. Но вот какой у тебя прием встретит «Роза» — не знаю; боюсь, ты скажешь, что это — не мое дело и т.п. Но ради Бога, подготовься к тому, что я считаю это самым своим заветным делом и, если хочешь, венцом всего. Все остальное — подготовка или популяризация (и будущие стран<ицы> в том числе).

Будь спокойна, Проталинка, твою девочку я не смогу не полюбить, я и сейчас ее заочно... не то что люблю (это заочно невозможно), но готов принять ее всей душой, а благодарность за тебя и теплое, нежное чувство есть уже и сейчас. А что я не подготовил тебя к встрече с мальчиком — очень рад, хорошо сделал, чтобы не было никакой предвзятости и чтобы все определилось только твоим непосредственно — возникшим чувством. Само собой разумеется, твое отношение мне не только не мешает, но глубоко радует. Чрезвычайно радует, между прочим, и твоя дружба с Сережей¹².

Девочка, когда будет пора и ты опять будешь петь — пожалуйста, спой для меня «Индонезию». (Кстати, абсолютно не могу понять, при чем тут испанцы, которые никогда не были в Индонезии (это же была голландская колония! а небольшие отдельные острова — португальские).)

Письмо невозможно клочкообразное, — масса мелочей, каждую боишься забыть, и вот получается что-то утомительно-мелочное.

Очень советую тебе заблаговременно подготовить моих друзей (не Ивана Алекс<еевича>¹³, конечно, а Ирину, Русаковых, Волковых, Лизу) к тому, что им придется, если хотят видеть меня у себя, принимать меня в босом виде. Понятно, что после того, как ноги столько лет не знали обуви, они находятся в таком состоянии, когда обувь сделалась физически невозможной. Обуваться я буду для парадных визитов не чаще 2 раз в месяц. И ты сама увидишь, что каждый такой раз будет сопровождаться гриппом, ибо это проверено на опыте многократно.

Если бы ты знала, как странно, что Игорь Левенок утонул: все мальчики Левенки плавают как рыбы. Не могу себе представить, как это могло случиться. А чем болеет Женя¹⁴ — не пишут?

О мальчике я сейчас беспокоюсь в особенности по поводу того, что он до сих пор не работает. А о неприлипчивости грязи я, кажется, понимаю.

В сущности, письмо мое должно бы было быть только сплошным потоком благодарностей и тебе, и всем. Перчатки, превосходная курительная бумага, все, балующее вкус, сюрпризы коллективной посылки и того, что ты привезла, наконец — карточка, кот<орую> я просил, — ведь все это требует особых благодарностей. Послала ли ты такую карточку мальчику? Она могла бы ему понять, почему я теперь так ненавижу смотреться в зеркало. Увидав ее, некоторые не сразу поверили, а один старичок пришел в неопределенный восторг и все восклицал: «Какой изумительный рисунок!», разумея при этом не рисунок в буквальном смысле, а черты лица.

Очень, очень сочувствую тебе в твоих эпистолярных затруднениях. Ты пиши мне открытки (иногда). Но потребуется специальное письмо для ответа на все вопросительные знаки, рассеянные на этих трех страницах. Очень прошу тебя внимательно перечитать их и ответить на все вопросы.

Козленок, ну мыслимо ли так тревожиться из-за сна с церковью? Я видел такие сны десятки раз и категорически утверждаю, что никакой дурной приметы в них нет. И что вообще за страсть — толковать все сны под углом зрения примет? А в особенности сны архитектурного типа... Тут дело в абсолютно другом! Вот что для меня — как соль на рану, так это история твоего эскиза с лунным серпом, птицами и цветами. Я сыт такими трагическими ис-

ториями по горло. Примириться с фактом гибели эскизов к Гамлету чего стоило и всего остального, что висело на стенах в Левшинском, например эскиза с [тропинкой] над дверью. Пиши веронцев, девочка, таких безобразий не смеет больше быть. И если бы ты узнала все-таки, какие вещи уцелели у Сережи! Как меня заинтересовал твой проект портрета автора «Слова» — не трудно представить. Но как же ты думаешь все-таки быть с лошадьми?

Зачем ты была в Художественном фонде? Почему совсем не бываешь в кино? Хоть бы вытащила Дюку на какой-нибудь хороший фильм. Почему ни слова не пишешь о поисках и перспективах работы? Признаться, этот вопрос меня начинает очень волновать.

А насчет III этажа — повторяю: это — дело прошлого, теперь я на II, и это для сердца неизмеримо легче. Ольга Дм<итриевна>¹⁵ рвет на себе волосы совершенно напрасно: она не понимает, сколько плюсов в моем пребывании на общей квартире. Главное — обо мне очень заботятся и кругом царит отличная атмосфера. Пожалуйста, пришли, если можно достать, глюкозу (в ампулах). И желательно было бы повторить барбамил. Когда в больнице переговорю с врачами, м<ожет> б<ыть>, попрошу еще что-нибудь.

Я, от злости на громкоговорители, засел за упорные занятия. Сделано уже довольно много, но низкого качества (в смысле языка) из-за этого гомона. Усовершенствовать буду потом. А где же воск?

Ничего особенно интересного читать в последнее время не случалось, да и не хватает времени. М<ежду> пр<очим>, я написал маленькое руководство по стихосложению¹⁶, и кое-кто уговаривает впоследствии, когда у меня будет доступ к необходимой литературе, разработать, дополнить, проверить и подготовить к печати: потребность в таком руководстве, по-видимому, очень велика — не знаю только, какое изд<ательст>во взялось бы.

Ну, Листинька, не забудь передать всем мои приветы. Если встретишь кого-нибудь, кого я не мог иметь в виду, непременно скажи ему, если это хороший человек, что я его (или ее) приветствую. Целую и обнимаю.

Твой Д.

Не смей волноваться из-за задержки с письмами! Следующее напишу через 2 недели. Не успел перечитать письмо — так спешу его отправить.

94. Д.Л. Андрееву

21 ноября 1956

Родненький, решение суда уже есть — не плохое, но не до конца хорошее. Военная коллегия отменила приговор — для всех, «включая» тебя. У всех, «кроме» тебя — прекращение дела, т.е. полная реабилитация (и у меня). Относительно тебя — дело возвращено в Прокуратуру для дополнительного до выяснения.

Через несколько дней я пойду в Прокуратуру и попытаюсь там узнать, что будет дальше. Во всяком случае, это не отказ, но пока и не то, что надо.

Сейчас мне надо начинать следующую эпопею: становиться на учет в жилотделе и получать комнату. В МОСХе тоже больше не должны ничего выдумывать. В общем, это называется, по-моему, — счет 1:1. Во всяком слу-

чае, тебя, конечно, обрадует то, что для всех уже есть хороший конец, для тебя он тоже должен быть, только еще потянут нервы.

Тебе привет от Евг<ении> Ник<олаевны> Бируковой, она просила передать, что настолько понимает, как все происходило, что не имеет никаких «зубов и ногтей» и от всего сердца желает хорошего и ждет встречи. Она попала вместе с Федором¹ как наш хвост. Лизочка и Люся² благодарны за письмо и шлют привет.

Вчера была у Глеба и Л<юбови> Ф<едоровны>³. Они тоже шлют прекрасные слова и чувства. Были очень теплы и хороши со мной. У них вырос изумительный мальчик⁴ (ему сейчас 19 лет), а чем все они меня совсем растрогали, это тем, что мальчик хорошо тебя знает и очень спрашивал меня о тебе. Еще был племянник Любовь Фед<оровны> — немножко постарше Алеши, тоже Алеша, и такой же очаровательный.

«Умные» люди успокаивают меня, говорят, что не надо волноваться, что с тобой просто какая-то формальная закорючка. Конечно, дело принимает все более абсурдный вид: твое обвинение — агитация, а все близкие полностью оправданы, даже я; кого же ты агитировал?

Ну, постараюсь что-нибудь выяснить. В Прокуратуре упадут в обморок, когда меня увидят, они так радовались, что избавились от меня.

Целую тебя, ненаглядный мой, крепко-крепко.

Листик

95. Д.Л. Андрееву

24 ноября 1956

Солнышко мое родное!

Моя справка о реабилитации уже у меня на руках, и я знаю постановление. Дело прекращено за отсутствием юридического обоснования обвинения. Фальшивые показания были получены потому, что следствие велось с нарушением основ социалистической законности — насильственно. Кроме того, нарушением социалистической законности является уже и то, что трое из обвиняемых — психически больные люди, которых не подвергли медицинскому обследованию до следствия. Это — ты, Сережа¹ и, по-видимому, Саша². С тобой все было бы так же, как со всеми, т.е. реабилитация, если бы сколько-то времени тому назад ты не написал заявления, в котором подтверждаешь прежнее (частично, в отношении мнений) и пишешь, что в настоящий момент придерживаешься таких же взглядов. Из-за этого тебе оставлен п. 10 и срок — 10 лет, т.е. ты должен попасть под амнистию. Но это не все. Учитывая твою старую болезнь (ман<иакально>-депр<ессивный> [невроз]), представитель прокуратуры (давно возящийся с этим пустым и трехэтажным делом, которому оно совершенно осточертело) выдвинул еще одно соображение: он сомневается, был ли ты полностью «в себе», когда писал это (давнишнее) заявление. (Я тоже сомневаюсь, прости меня, Заинька.) Вот этот-то момент и должна Прокуратура «доследовать». Не знаю, как все будет сделано, применят ли сначала амнистию, и уже тут ты пойдешь в Прокурату-

ру, или сначала будут «доследовать», а потом опять решать. Постараюсь узнать это на днях, пока невозможно.

Я понимаю, что не взволноваться от всего этого нельзя. Постарайся, насколько в твоих силах, взволноваться минимально. Если тебя освободят как амнистированного — дай телеграмму. Очень прошу, обдумай все и постарайся не наглумить. Пойми, что всем надоело, и тем, кто с нами возится, — не меньше, чем нам. Если придется говорить с кем-то раньше, чем ты будешь здесь, — помни, что от тебя нужна помощь в подведении юридической основы под твоё освобождение, и больше ничего. Ни твои, ни мои, ни чьи мысли, чувства и рассуждения не нужны в официальных учреждениях, и нечего о них ни писать, ни говорить.

Я очень хочу, чтобы тебя выпустили как амнистированного, скорее хочу привезти хотя бы сюда³ моего Зайнуку, пока нет своей норки.

Хлопотать о своей комнате начну с будущей недели, но кончатся эти хлопоты, может быть, и через год. Татьяна Вл<адимировна>⁴, по крайней мере, освободившись в январе, до сих пор ничего не имеет. Бумаги мы получали вместе с Сережей, и благодаря ему я все подробно знаю. Меня ставить в известность обо всем было, естественно, неудобно. Вероятно, не случайно поставили в известность того, кто был со мной.

Пожалуйста, родненький, когда прочтешь это письмо, подумай. Сразу ответь мне: я могу в любую минуту приехать. Если, конечно, к этому же времени не подойдет какое-то решение относительно тебя.

Прости меня, если это письмо тебе будет стоить нервов, я знаю, что тебе нельзя волноваться, но иначе нельзя — не молчать же. Если я выясню необходимость нового заявления с твоей стороны, я тебе пришлю опять нечто вроде черновика.

Я очень перенервничала и сейчас чувствую себя страшно усталой, наверное, это видно по письму. А еще сегодня идем с Дюканушкой на концерт.

Солнышко ты мое дорогое, когда же я тебя вытащу! Привет от всех. Крепко целую родненького.

Листик

Еще: роман уничтожен, а его экспертизы не было сделано. Поэтому содержание его является мифическим — это из постановления.

96. Д.Л. Андрееву

30 ноября 1956

Родное Солнышко!

Ты, конечно, уже беспокоишься: в моих письмах давно нет ничего о мальчике¹. Он переехал в городок Рустави и, очевидно, замотался с переездом, поэтому от него нет писем. Переезд вызван устройством на работу. Этот городок находится очень близко от Тбилиси. Я думаю, что теперь он скоро напишет, вчера вечером я говорила по телефону с сестрой Симона² (она в Тбилиси, я говорила по междугороднему), мальчик у нее накануне был.

Сегодня пятница, я была немножко в церкви, в той, в которой мы с тобой бывали, где Нечаянная Радость. В церкви нехорошо: уйма народа, кото-

рый толкается, ругается, лезет, прет. Получается ужасное несоответствие между образом, пением, «чем-то» и совершенно хамской толпой, в которой вдруг оказываются среди моря озлобленных старух и стариков: маленький мальчик, тихенько, искренне и просто подходящий к иконе, юноша, лет 18–19 со смущенным и растроганным лицом, молодая женщина, красивая, ясная и праздничная. А я себя лучше чувствую, если захожу в церковь, когда никого нет.

Делового пока нового ничего, если не считать разъяснения, данного дельным юристом. Он объясняет так: решения — 5 лет, амнистирование и одновременно доследование — не может быть. Очевидно: 5 лет по п. 10 тебе хотела оставить Прокуратура, не желающая тебя реабилитировать из-за этого твоего заявления, которое, как я узнала, всех там взбесило и сильно и надолго все затянуло и запутало. Но Военная коллегия не согласилась с этим предложением, считая, что человек, бывший нервнобольным раньше, болен и теперь, и вынесла решение — доследовать именно в части полноты ответственности за написанное. Не знаю, что будет дальше. Мы с мамой все гадаем (каждый день), и тебе все выходит дорога. Более солидных сведений я не имею.

Я, получив свою справку о реабилитации (нет, даже раньше, когда узнала), сделала одну вещь, совершенно естественную, конечно: позвонила Веселовской, попросила ее сообщить Бише, что он реабилитирован, и послала телеграммы Кемницам, Добровым и Алеше³. Это оказалось своеобразным психологическим экспериментом. Биша позвонил, чтобы удостовериться, правда ли это, на следующий день должен был поехать узнавать и, конечно, больше не звонил, чтобы в свою очередь рассказать мне, что и как он узнал. Кемницы моментально прислали письмо: «Что с Даней?» Виктор⁴ приехал в командировку и вчера у нас был. Конечно, тебе привет от обоих и, конечно, все — самое доброе, благородное и хорошее. Алеша прислал письмо, как всегда короткое, ясное и хорошее: «Никакое личное удовлетворение не может притупить моего и нашего сочувствия к судьбам других». От Добровых сегодня — письмо на трех страницах. Теперь уже и привет тебе от обоих, и вопросы о твоём здоровье, и благодарность мне за внимание и... просьба написать, куда обращаться, если официальное извещение задержится. Учли, что я — единственный энергичный человек, небезразличный к чужим судьбам (среди близких), и решили потеплеть.

Витьке Вас<иленко> я тоже сказала и у Ивановского была. Обоих не застала, тебе привет от обеих жен.

<...>

Листик

97. А.А. Андреевой

2 декабря 1956

Драгоценная моя, прежде всего — о деле. Только что прочитал решение Верховного суда. Практически (вернее, психологически) готовлюсь к возможной поездке в Москву,

хотя очень надеюсь, что обойдется без этого — приедут ко мне. Слишком уж не хочется очутиться в стенах, напоминающих веселые переживания 9 лет назад, а еще менее хочется к Сербскому¹. Но что поделаешь, тут уж не поможет ничего, кроме фатализма. А насчет моей «линии» имей в виду, что мое заявление <19>54 г. не вполне точно понято и истолковано; кроме того, оно написано 2 года назад, задолго до XX съезда и других событий. Выходит, вопреки пословице, что иногда, если Магомет не идет к горе, то она идет к нему. Буду смотреть на эту поездку как на последнее мытарство.

А вчера пришла посылка. Спасибо, родная, и тебе, и нашим старичкам, и Ал<ексandre> Льв<овне>² (м<жду> пр<очим>, это не вишневым сироп, а нектар богов). Ал<ександра> Льв<овна> меня вообще поражает. Я вообще отрицаю легенду о какой-то моей особенной доброте, это совершенная чепуха (так же как и о мифической гипертрофии честности), и уж абсолютно не могу взять в толк, как может думать так именно А<лександра> Л<ьвовна>, на горьком опыте убедившаяся в совсем других моих свойствах, особенно в годы молодости. По-моему, секрет просто в том, что она сама — добрый и очень незлопамятный человек.

Светик мой, а ведь я по-настоящему рассердился, прочитав твою сентенцию по поводу того, что ты будто бы для меня только «связь с внешним миром». А кем же ты для меня была, когда находилась в Мордовии, и я писал туда? Вообще, мысль вопиюще абсурдная и чудовищная. Не буду тратить места в письме на ее опровержение! Убежден, что ты сама жалеешь, что позволила ей возникнуть в своей голове. А вот, с другой стороны, за «теплые кусочки» ты напрасно благодаришь: ведь ясно как апельсин, что лирика любви удается мне меньше всего. Тут уж я не виноват, — у каждого свое ампула.

Зато — совсем не понимаю, за что ты могла ворчать под конец на «Мистерию». Именно в конце... непостижимо. Это же зенит. И не проговоришь об этом мальчику: он поднимет такой крик, что ты не будешь знать, куда деться. Я не считаю, что «Мист<ерия>» кончена, вижу кучу недостатков, потребуется порядочное время на их устранение, но эти дефекты — не там. Что же касается «Розы», то даже цветы любят тишину, не переносят громкоговорителей, а если их облучать непрерывно потоком громких звуков — хиреют и теряют тот аромат, который мы вправе ждать от них. Это — факт, о котором можно прочитать в физиологии растений. Воск помогает лишь примерно на $\frac{1}{4}$, стеарин — на $\frac{1}{3}$. Впрочем, ввиду возможности отъезда эти вопросы теряют свою актуальность.

С удовольствием могу сказать, что перед Игнатом и Мусей³ не виноват абсолютно ни в чем. О них меня даже не спрашивали. И тем более меня удивляет тон Евг<ени> Николаевны⁴, которая «не имеет против меня никакого зуба», потому что и перед ней моя совесть чиста как стеклышко. Скажи, а где ее муж (Андрей Дмитр<иевич>) и их сын?⁵ Ведь я действительно имею право сказать, что не имею зуба против Андрея. А жив ли Стефанович?

Как я рад, что у Вас так хорошо все с Сережей! Он ведь не только очень дорог мне сам по себе и как изумительный художник, но дороги именно ваши с ним отношения, все прекрасное, что было в вашем общем прошлом. А ты все никак не ответишь: уцелело ли что-либ<о> из его картин,

и что именно, и что он пишет сейчас. И как его здоровье, и кто такая Нина Васильевна?⁶ Он сильно постарел? Поцелуй его от меня, пожалуйста, если он не возражает.

О фотографии. Красоты я раньше не отрицал, потому что о ней говорили другие, но мне просто не нравился этот *тип*. Теперь тип остался, а красота ушла. Как же я могу ошибаться в этом вопросе теперь?

За твою карточку — особое спасибо. Формально она, безусловно, похожа, но внутреннее освещение не получилось, выражение натянутое и сухое, тебе несвойственное. Но я рад, что у меня есть твоя карточка, снятая уже в нормальной обстановке. Кстати, по ней видно, что за эти месяцы ты, несмотря ни на что, все-таки немножечко поправилась.

Последнее время ты совсем не пишешь о маме и Дюканушке. Как они? Обними и поцелуй их, миленьких, и намекни как-нибудь (осторожно, как бы невзначай), что я их очень люблю. А на шанхайском спектакле ты была с Дюкой? Должен признаться, что слышал отрывки по радио, но китайская музыка нестерпима для моего уха. И даже индийская. Из восточных «музык» я воспринимаю только японскую, грузинскую и очень люблю индонезийскую. И мне очень, очень приятно, что жирафик поет иногда мою любимую песню. Когда я приеду, он мне споет ее непременно 2 раза подряд, хорошо? С Юриным⁷ аккомпанементом, конечно (с Юрой я внутренне, кажется, примирился).

А ты не думаешь, что если в Москве так трудно устроиться с работой художника и надо ожидать в ее источниках всякие перебои, то не придется ли, получив жилище, обменять его на другое в другом городе? Не обязательно в глушь, конечно, а в какой-ниб<удь> областной центр, не очень далеко, но где ты могла бы накрепко связаться с театром. Пока ты не будешь работать именно в театре, я не буду считать, что ты на своем месте. Нет ни малейшего сомнения, что именно там ты сможешь развернуться вовсю, а м<ожет> б<ыть>, и совместить это со сценической деятельностью. Теперь на «периферии» масса превосходных театров, и там перспективы для тебя, конечно, шире и интересней, чем в московских, где за каждое место и за каждую ступеньку вверх дерутся десятки людей.

Мальчик — в Рустави. Что это значит? Поступил на работу? Кем? Переводчиком? неужели не пишет?

А если будет звонить Ис<аак> Марк<ович>⁸, узнай: почему не едет отдыхать в деревню? Как Мария Михайловна?⁹ и спроси, приехал ли в Москву его племянник. А странно все-таки, почему Исаак не зашел сам. Вообще, учти, что это — человек другого круга, с которым мы с тобой сталкивались очень мало. Он моряк, очень много колесил по морям и портам, большой любитель *swing*'a¹⁰, обожает и просто живет музыкой, но внешне грубоват, любит рискованные остроты; а душа у него сильно изранена, и человеческое отношение он ценит до болезненности высоко. А наряду со всем этим — много еще неизжитого юношеского (хоть ему 44) легкомыслия и, по-моему, некоторого авантюризма (не в дурном смысле).

Очень я обрадовался тому, что ты пишешь о Глебе и Л<юбови> Ф<едоровне>.

Она безусловно очень хороший человек, да ведь и о Глебе я всегда был лучшего мнения, чем ты. И моя правота доказывается тем, каким вышел Алеша. У Глеба чрезвычайно глубокое и серьезное представление о роли и долге отца; честь ему и слава, что в таких сложных условиях сумел их выполнить в жизни! Кстати, не знаешь ли, что получилось из Алеши Ломакина? И еще вопросы: жива ли Мария Мих<айловна> Введенская? Варвара Григорьевна¹¹ вряд ли может еще существовать на этом свете, но узнать, когда и в каких обстоятельствах она ушла от нас, ты могла бы у Ирины¹². Это меня очень интересует.

А насчет меня «в купальном костюме» — это твои собственные соображения или ты (чему я не верю) уже выполнила мою просьбу и занялась подготовкой друзей и знакомых к моему появлению в экстравагантном виде? Сделай это, дружок, подготовь почву. А про улицы и метро это зависит от многого: и от времени года, и от часа дня, и от моего костюма, и от того, один ли я или с тобой, и от того, куда мы едем. На некоторые компромиссы я пойду, но и ты пойдешь.

Неужели же за весь этот период, больше чем 3 месяца, ничего не известно (вернее — не подаются никакие голоса) Нэлли¹³, Катя Бокова, Муся К<алецкая>? Куда провалились Валя Миндовская и Лева¹⁴, кот<орый> должен ведь давно вернуться?

Твой свитерчик я, конечно, все время ношу (в холодное время года). Он уже сильно порвался, но добрые руки его починили, он на мне и сейчас. И я пережил минуту восторга, наконец-то обнаружив у тебя орфографическую ошибку. Ты написала *свитр*!!! Джонина манера писать письма действительно очаровательна, а ее орфографические ошибки — прелесть, я хохотал $\frac{1}{4}$ часа. Нет, родненькая, на этот счет ты о моем отношении можешь не беспокоиться. Если бы даже произошла такая дикость, что ты привязалась бы к человеку, не имеющему никакой ценности, для меня даже это было бы свято¹⁵.

Здравствуйте, дорогая Джоничка! Спасибо, что вспомнили о моем дне рождения. Пятьдесят лет — это звучит так почтенно, что я сам проникаюсь уважением к себе. Хочется хоть немножко представить себе Вашу жизнь, и поэтому я очень благодарен за всякий штришок в Вашем письме, рисующий окружающую обстановку и быт. Представляю всю ее трудность, но готов позавидовать двум ее сторонам: тишине и близости к природе. Вы пишете, что, м<ожет> б<ыть>, поедете к папе. Это куда же? И надолго ли? Я последние дни тоже чувствую себя так, как будто сижу на собранном чемодане. Возможно, что до Нового года буду в Москве, но это еще не значит, что буду дома. Впрочем, водворение в Подсосенском тоже как будто не за горами. Вы пишете про детей; да, распущенные дети могут, конечно, очень раздражать, но вообще детей я очень люблю, а теперь, не видав их десять лет, буду, наверное, крайне взволнован и растроган видом первого попавшегося мальчишки. Для меня большое горе, что у нас с Аликом нет детей, а теперь, когда мое здоровье подорвано, не приходится больше мечтать и о том, чтобы взять к себе какого-нибудь сиротку. Будем верить в то, что летом окажемся все вместе

и Вы убедитесь, что я вовсе не такой угрюмый человек, как думают обо мне некоторые. От всего сердца желаю Вам удач — и маленьких, повседневных, и больших.

Даниил

В здоровье — никаких перемен, чувствую себя на II этаже лучше. Спасибо за глюкозу.

98. Д.Л. Андрееву

6 ДЕКАБРЯ 1956

Родной мой!

Какая радость, когда твои письма приходят раньше, чем я успею разволноваться!

Ну, сначала бегу бегом по письму.

О деле. Завтра иду в Прокуратуру, может быть, что-нибудь скажут. Тоже очень боюсь и не хочу твоего приезда в Москву, тебе это будет очень трудно выдержать. В остальном, кажется, написала все что могла в предыдущих письмах.

Об Ал<ексandre> Льв<овне> и многом поговорим потом. Да?

Зайка, а фраза о том, что я — только связь с внешним миром, была чистой провокацией, к сожалению, не удавшейся. Я надеялась в ответ получить не научное опровержение, которого, к счастью, тоже не последовало, а много ласковых слов, которые ты прекрасно умеешь говорить, но очень на это скупилась, отговариваясь возрастом. Жаль, что не вышло. Кстати, именно «как апельсин» ясно, что любовная лирика тебе очень удается. Конечно, своеобразная. Недаром же не мои, но мои любимые «Янтари»¹. И с «теплыми кусочками» я права: трудно назвать «любовной лирикой» — «Как чутко ни сосредотачиваю», но и иначе трудно назвать, и удивительно хорошо и просто.

Что же касается ворчанья на конец «Мистерии», это, конечно, длинно и потом. Но, представь себе, что кое-что я мальчику написала и он меня не разорвал в клочки, хотя вдохновенно и довольно убедительно принялся доказывать гениальность автора. Правда, я написала очень осторожно...

Прыгаю по письму, как кузнечик.

Привет от Ис<аака> Марк<овича> и от Марии Михайловны. С ней все хорошо. Племянник не приехал, и это пока к лучшему. Не приходит и в деревню не едет, потому что замотался.

Солнышко, к Вале² я еще не успела поехать, как не успела и к Мусе К<алецкой> зайти. Тоже закрутилась и забегалась, хоть и с малым толком.

Спасибо за письмо Джоничке. Я его ей переписала. От нее сегодня получила ужасное письмо: девчонка просто на границе самоубийства, и это — родные и земляки!

Да, хорошо, что нет детей. Таким, как Джони и Зея, мама тоже нужна. А что касается приемыша — «не зарекайся красть, приведет Бог воровать». Если надо, чтобы был — встретится на дороге. Все, что касается ребенка, вернее — того, что его никогда не будет, я очень сильно пережила в Лефортове. Для чего на меня свалилась еще эта дополнительная нагрузка — не знаю.

Я сидела и буквально чувствовала, как он, маленький, лежит у меня на руках, как начинает говорить, как растет — и опять сначала бесконечное число раз. Потом это переболелось, и теперь я уgomонилась со взрослыми детьми. Ужасно хочу жить всем вместе, чтобы я могла каждого уложить спать и погладить по головке.

Знаешь, я, как и раньше, всхлипывала над «Лесной кровью»³. Ужасно мне жалко эту никогда не бывшую на свете девчонку, написанную поэтом, которому не удается любовная лирика. Только конец, по-моему, остался недотянутым: как-то герой неубедительно уходит, как и раньше было!

Заинька, я за Москву мало держусь, только, поневоле, за стариков. А уехала бы с радостью! Посмотрим, как все сложится, сейчас ужасно трудно разобраться.

Милый, Шанхайский театр нужно «смотреть», слушать приходится поневоле и платить за это головной болью. Но смотреть!..

Целую милого, глупого Зая, который никогда не понимал, что мне надо часто повторять одно и то же, совершенно очевидное и без слов, и я буду радоваться, как березка под дождем. Спи, родной.

99. А.А. Андреевой

8 ДЕКАБРЯ 1956

Родная моя,

не пугайся и не поражайся внезапному письму. Пишу его спешно, чтоб успеть отправить завтра утром. Дело вот в чем. В любой день (и, очевидно, в один из ближайших) я могу уехать в Москву и остановиться там на Новослободской улице, угол Лесной¹. Я уж там бывал когда-то раза 2, когда пришлось помочь Жене Левенок². Поэтому не посылай мне больше на старый адрес посылки. Письма — можно, потому что, если я и уеду, их мне переправят. К сожалению, до сих пор еще не получил денег, так любезно и так кстати переданных Федором³ (за что ему огромное спасибо, тем более огромное, что, между нами говоря, я заслужил от него совсем не того). — Ясно, следовательно, что Бише приезжать сюда не следует, а надо попросить встречи со мной, когда я буду, можно сказать, под боком. Встречи этой я хочу в *высшей степени*. Письма ответного я не написал ему (пожалуйста, подчеркни это ему), потому что не мог. Удивительное дело, Козленок: когда ты начинаешь писать о нем, тебя точно кто-то подменяет, мгновенно появляется такой тон, что буквально из каждой фразы выглядывает предубеждение. В конце концов, в чем дело? Он был перед тобой виноват; но не пора ли уж стать выше этого? И разве ты ни в чем не виновата? Я имею в виду не <19>48 год, а разве ты никогда, никому, ничего не говорила впоследствии о Ков<аленс>ких такого, что им вряд ли могло быть очень приятно? будучи преувеличенным и раздутым теми, кто передавал это из уст в уста, в конце концов это достигало их слуха. Ты говоришь, что ни на кого не сердилась и никого не считаешь перед тобой виноватым. Почему же в таком случае против Биши такое непримиримое, язвительное, заранее видящее в его поступках непременно недоброкачественные мотивы, попросту, несправедливое отношение? Что

Галя⁴ на твой рассказ раскрыла глаза и сказала, что не понимает — естественно: она не могла знать значения и характера тех писем, на которые Биша ждет ответа. Одно из них принадлежит к разряду тех, какие пишут раз в жизни. Духовная размягченность, вызванная смертью Шуры, побудила его написать так и такое, чего, м<ожет> б<ыть>, он и не написал бы в другом состоянии. Нелли⁵, очевидно, знает это, отсюда и ее удивление, что я за столько месяцев не нашел возможности ответить. А я *не мог* и впоследствии объясню почему.

В конце концов, я не знаю, что будет со мной дальше, а вдруг с Новослободской я опять попаду во Владимир или еще куда-нибудь (чего не дай Бог, уж лучше опять сюда), и на сколько времени эта вольтанка вообще затянется. Сколько времени Биша еще проскрипит на этом свете — тоже не знаю. Поэтому я чрезвычайно хотел бы его повидать. Ну, хватит об этом. К поездке я готовлюсь без малейшего энтузиазма. И не только потому, что не знаю, как осилю все это физически, но еще и потому, что все, связанные с этим, передряги могут крайне плачевно отразиться на здоровье Розочки⁶, а ты ведь понимаешь, как она мне дорога. Случись это на 4-5 месяцев позже, ее здоровье успело бы окрепнуть, и она, так сказать, была бы вне опасности. А теперь, при ее хрупкости... не знаю, что будет.

Очень жалею, что ты не написала толком, что с Джони и почему она умоляет приехать.

Что меня в высшей степени занимает и беспокоит, так это портрет автора «Слова». С конями — ужасно. Надо, — надо во что бы то ни стало найти какой-то выход! М<ожет> б<ыть>, мои советы наивны и нелепы, но нельзя ли воспользоваться снимками с конных скульптур, найдя нужный ракурс и т.п.? А насчет стиля — я давно жду, еще с <19>46 года. Мне кажется, это каким-то боком будет перекликаться со стилем «Городской симфонии» и «Руха», — в смысле принадлежности к стилю сквозящего (как витраж) реализма. Ах, как мне хочется видеть все, что ты сделала и начинаешь делать! У меня тут есть небольшой трактатик о поэтической реформе и сквозящем реализме⁷, но теперь не знаю, куда он денется. Вся эта тряска и дрожь надоели до бешенства, ведь это всю жизнь так, и начинаю чувствовать, что с меня хватит. Не в том смысле, конечно, что я вдруг возьму и по собственной воле отправлюсь в какой-нибудь Сквивнус⁸, а просто иссякает терпение. Ты, вообще, преувеличиваешь, дитя, в обоих отношениях: здоровье мое вовсе не в таком катастрофическом состоянии, как ты почему-то вообразила (врач говорит, что при благоприятных условиях все еще может наладиться), а душевное состояние — прекрасно до тех пор, пока меня не трогают. Малейшая встряска, перспектива каких-либо передряг — и я оказываюсь совершенно взбаламученным, крайне раздраженным и чувствующим отвращение к жизни. Так что характеристика, данная тобой мне и моему состоянию в письме к Саше⁹, увы, не соответствует действительности. Кстати, мне стало за него немножко больно по причине, которой ты не могла учесть, когда ему писала. Его замкнутый от природы характер привел к тому, что за всю жизнь у него не было настоящего друга, а только хорошие знакомые. (Поэтому для него понятие «родственники» — не относительное: именно отношения с родными

всегда занимали в его жизни огромное место.) И твое красочное описание того, как меня ждут и любят друзья, могло больно задеть его старую душевную рану — одиночество. Его-то кто ждет, бедного? Но, конечно, тут ты не виновата, так как истории его жизни не знаешь. Повторяю: он замкнут, но он чувствует глубоко, реагирует и переживает медленно, он не поверхностен, хотя в известном смысле его можно назвать тугодумом. А мысль его, отраженную в письме к тебе, я что-то не уразумел толком.

Имей в виду, девочка, что 24 декабря — мальчишково рождение¹⁰. Непременно пошли ему телеграмму с поздравлением от нас обоих. Меня очень беспокоит сочетание его молчания с его переездом в другой город. Неужели и там работа все еще маячит вдали, не становится реальностью? И потом: какая работа? В торговой сети ему абсолютно не место. Ах, если бы удалось использовать его знание восточных языков! А каково его душевное состояние, поскольку об этом можно судить по открыткам?

Мой переезд в больницу должен был вот-вот состояться (он оттянулся по объективным причинам), но теперь, ввиду московских перспектив, этот вариант, по-видимому, отпадет.

Касательно Волковой я не смог понять: она с Андреем¹¹ в Казани? Кто туда ездит? (Не 80-летняя Миклашевская же!) И — очень, очень важно: где ее сестра Ирина и мать Екат<ерина> Ивановна?¹² Последняя опять снилась мне несколько раз: прямо что-то загадочное.

О, родная, до чего я понимаю несовместимость маминого присутствия с занятиями искусством!! Болею за мудрого золотого кротика с голубыми глазками: тут и мудрость не поможет. Мне кажется, что отчасти мог бы помочь только численный, так сказать, перевес: когда мы в Подсосенском устроим двойную творческую «лабораторию», мама просто утонет, — повремени только, потерпи.

Ох, продвигу, как ты будешь волноваться, моя бедненькая: ведь следующее письмо я смогу написать только после 1 янв<аря>, да и то не знаю — сразу ли. Советую после 20/XII наведаться на Новослободскую. Но пиши мне, пожалуйста, пиши, твои письма необходимы как воздух, и не смущайся тем, что из-за моих переездов они могут немного задержаться.

Собираюсь понемногу послать «Немеречу» и кое-что из прежнего, что удалось вспомнить в третий раз (ведь в <19>51 году все повторилось сызнова¹³). Но в третий раз вспоминалось уж очень мало, а теперь, в четвертый, пожалуй, и совсем почти все забудется. Жаль и цикла «Московское детство», от кот<орого> уцелело 2 стихотворения¹⁴. Теперь же посылаю сразу последнюю главу «Немеречи», т.к. две первые я помню лучше.

М<ожет> б<ыть>, ты удивилась, что я не выразил в прошлом письме своей радости по поводу реабилитации тебя и всех. Я думал, что это излишне, так как слишком ясно и без слов.

Нет времени писать новое письмо, но — внезапная новость: тебе *необходимо, и как можно скорее, приехать сюда*, чтобы взять мои книги и тетради, т.к. предстоящий мне переезд будет таков, что я не смогу с этим грузом справиться. Если меня уже не будет здесь — *обратись* к известному тебе капитану¹⁵, и вещи будут тебе выданы. Таким образом аннулируется многое,

что я успел только что написать, но переписывать наново уже некогда, — разберись, родная, сама.

Обнимаю изо всех сил¹⁶.

Свидания возможны и в воскресенье.

100. Д.Л. Андрееву

8 ДЕКАБРЯ 1956

Хороший мой!

Сегодня узнала в Прокуратуре, что дело передано в следственную часть Комитета Госбезопасности. Это пахнет Сербским или, во всяком случае, личным разговором или разговорами решающего значения. Конечно, приятного тут мало, но что ж поделаешь! Так бывает всегда, если человек, вместо соблюдения правил уличного движения, обращается к троллейбусу с проникновенной речью. Ты пишешь, родной, что тебя не так поняли и истолковали. Как же можно писать заявление или протокол таким образом, чтобы их нужно было понимать и можно было истолковывать? Попробуй все-таки учесть на будущее, если это понадобится, что в таких бумагах или разговорах нужно одно голое перечисление или отсутствие фактов. Т.е., в нашем случае — «отсутствие» каких-либо преступных не только действий, но и высказываний с твоей стороны и «наличие» сознательной фальсификации со стороны следствия <19>47–<19>48 [годов]. И больше ровно ничего. Никаких взглядов и мыслей. Что же касается твоего неудачного заявления — ты помнишь, что ты писал? Или нет? Поездка твоя к Сербскому меня бросает в дрожь, настолько я представляю себе ее тяжесть, но одно может быть хорошо: ты настолько явно болен, что, может быть, это послужит одновременно и комиссованием для восстановления в будущем пенсии. Если, конечно, все кончится хорошо. Особенно скоро это не кончится, я думаю, что может дотянуться и до апреля. Правда, Ис<аак> Марк<ови>ч¹ успокаивает и утешает меня и просит передать, что целует тебя в твой длинный носик и уверен, что скоро увидит, но я не могу проникнуться таким оптимизмом, зная тебя.

Почему это ты, Зайчинька, не веришь, что я начала психологическую подготовку твоих друзей к появлению босоногого Зайца с почтенными сединами на головке? Начала давно, гораздо раньше твоей просьбы. Даже обдумывала, как мы, если доведется жить на Подсосенском, будем уходить вечером гулять на бульвар (здесь близко) и ты будешь из дому, у мамы на глазах, выходить обутой, а там разуешься, и я буду носить твои ботинки, пока ты будешь топтать по снегу, потому что тебе нельзя ничего носить в передних лапах. А Гале и Викт<ору> Фед<оровичу>² я сказала, что написала тебе об их готовности принять тебя в купальном костюме, и они смеялись и подтверждали. О доме, о деревне и о друзьях никто и не говорит, родной, я только против сенсации на освещенной или дневной улице, в метро и в Большом зале Консерватории.

Солнышко мое, ты прости меня, если в моих письмах проскальзывают нотки досады на то, что еще идет эта расплывчатая возня с делом. Я все, что касается тебя, очень хорошо понимаю, родной. Но не могу избавиться от припадков горечи: всех вытащила писательскими бумажками, а тебя — нет! И главное, что все сейчас окончательно вылетело из моих рук и попало в твои бесхитростные и косолапые лапки! Ну как тут не расстраиваться! Я уж опять совсем не сплю и нервничаю. Утешаю себя тем, что это все — високосный год, в который лучше даже на свободу не выходить, да еще самый ужасный месяц: декабрь. На следующей неделе пойду на Кузнецкий, 24³.

Зайчик, я потому написала свитр, что столько лет кругом меня говорили даже не свитр, а светр и даже — сведр. Я толком не понимаю теперь, как надо. Свитер?

Я упиваюсь Бернардом Шоу. Два тома дивных пьес, сыграть которые почти невозможно. От «Кандиды» я просто захлебывалась.

Привет от Федора⁴, от очень заботливой Ал<ександры> Льв<овны>⁵, от всего Левшинского и т.д. Дорогой, если ты срочно уедешь, попроси разрешения написать мне, уезжая, несколько слов. Если это будет нельзя — не волнуйся, ничего.

Твой Алик

Господь тебя храни, мой любимый.

Дорогой, ведь в <19>54 году, т.е. во время писания этого несчастного заявления, тебе было так плохо, что это кончилось инфарктом. Нервы и сердце связаны между собой.

1958

101. А.А. Андреевой

[БЕЗ ДАТЫ]

Дитятко мое,

Ты уехала, а у меня разрывается сердце оттого, что я недостаточно нежно простился с тобой, дал уехать тебе грустной, и теперь ты, моя бедняжка, весь вечер будешь скитаться по городу, а под конец ляжешь в темноте на наш диванчик и будешь тосковать обо мне в своем одиночестве. Ангельчик мой, в официальных условиях у меня часто прилипает «язык к гортани», и когда я нахожусь с тобой на людях (и особенно — при людях антипатичных), я не могу найти ни нужных слов, ни интонации, ни движений. Мне все хочется закрыть ото всех мое отношение к тебе, как святыню; я все боюсь метать этот бисер перед свиньями и от этого впадаю в противоположную крайность: в сухость, внешнюю холодность. Не верь этому никогда, светик мой. Сейчас мне так тяжело на душе именно от страха перед тем, что ты приняла мое поведение «за чистую монету». Золотко, солнышко мое! Храни тебя Бог день за днем и ночь за ночью!

102. А.А. Андреевой

24 ноября 1958

Светик, просто покою нет от мыслей о тебе, вернее, от воображения, рисующего тебя то в Подсосенском у круглого стола, то на нашем диване, то на улицах, в метро, в учреждениях и т.д. — и нигде, ни в одном из этих мест тебе не может быть хорошо. Бедняжка моя, пока мы были вместе, мне думалось, что я для тебя — поневоле ужасный груз, с моей болезнью. Но теперь мне кажется, что как ни тяжело было тебе со мной в последнее время, но без меня теперь еще труднее. Кто тебя приласкает, мою радость, кто согреет хоть немножко?

Хоть бы сдвинулось с комнатой что-нибудь — изменилось бы и твоё душевное состояние. Но пока продолжается эта мертвая зыбь, нечего ждать и улучшения погоды в твоём душевном ландшафте.

Мое самочувствие лучше. На днях, очевидно, разрешат понемногу подниматься, а потом и заниматься литер<ату>рой (час или 2 в день).

Тогда же начнется и цикл всяких лабораторных исследований. Возможно все-таки, что 15 или 20 дек<абря> меня уже выпустят. По крайней мере, мне так кажется.

Если Козленочка сегодня не будет, пошлю это письмо по почте. Скучаю очень, очень. И если б не «Бесы» — извелся бы совсем.

В среду принеси, Листинька, всякую снедь: масло, сыр, варенье, что-нибудь <удь> сладкое (м.б., просто пирожные?). Можно (если это несложно) 3–4 яйца вкрутую. И непременно сдобных булочек. Аппетит чудовищный, не знаю, что это значит!

Из вещей только одну: зуб<ную> щетку, ибо старую я здесь потерял. И расческу.

Целую все лапочки и вообще все, что можно поцеловать. Храни тебя Господь. Спи спокойно!

Привет нашим.

По телефону звонить — некому поручить: Виктор Ильич¹ вниз не спускается, ему стало хуже.

103. А.А. Андреевой

7 декабря 1958

Радость моя,

спешу напомнить, что пригласит<ельные> билеты¹ надо послать еще Новикову (или Марине Николаевне)² и Ал<ексан>дре Митрофановне³. И потом, мне кажется, не мешало бы Елене Ник<олаевне> Боковой (думаю, что она придет). Адрес: ул. Герцена, 24, кв. 30. И Бруни Нине Конст<антиновне>⁴ (Полянка, угол Спасо-Наливковского, д. 44, кв. 57).

В среду захвати, пожалуйста, скляшечку нитроглицерина в таблетках (если он есть в аптеках). Тут только жидкий, а он мне неудобен. Мясного не нужно, а побольше мучного и сладкого.

Имей в виду, что в среду, как и в пятницу, прийти ко мне можно от 5 до 7, но пропустят ли Ал<ександру> Льв<овну>⁵ и Сережу⁶ — не знаю, очевидно, нужна будет специальная договоренность в среду.

Чувствую себя хорошо. Все стихи кажутся никуда не годными, кроме (как это ни дико) «Лесной крови».

«Айвенго»⁷ тащится еле-еле.

Целую Листик и с личика и с изнанки. Постарайся, Детинька, грустить поменьше. Ведь я все время с тобой рядом.

Д.

104. А.А. Андреевой

8 декабря 1958

Родничок,

конечно, в моей затуманенной голове лишь постепенно возникают разрозненные идеи о том, что в среду у меня кончится запас тех или иных продуктов. Поэтому, вместо того чтобы во вчерашнем письме прибавить несколько строк на эту тему, приходится теперь писать специальное письмо, чтобы уведомить тебя о том, что у меня осталось 3 1/2 сигареты; кончился сахар; кончается сыр; завтра кончится вообще все съедобное, кроме масла, которое дотяну до пятницы, но не дольше.

Конверты и открытки тоже кончились.

Сегодня Ел<изавета> Влад<имировна>¹ разрешила мне «чуть-чуть» выходить в коридор, т.е. иногда сидеть там по четверть часа с книгой.

«Айвенго» оказался значительно интереснее, чем мне показалось сначала. В какой-то мере это — продолжение «Львиного сердца» и, слава Богу, ничуть не похоже на нудную жвачку из эпохи XVIII века.

Гнусный Соболев гнусно лягнул гнусным копытом Пастернака². Вообще, есть от чего расстроиться.

Невыносимо тянутся дни — ведь целых 4 суток на этот раз между свиданиями.

Чувствую себя недурно и с нетерпением жду встречи.

Обнимаю и целую бедную, одинокую дитятку.

Д.

Приветствую и целую Дюканушку и маму.

105. А.А. Андреевой

12 декабря 1958

Родненькая моя,

у тебя сегодня отчаянный день¹, ну и я, естественно, «сопереживаю». Вспоминая сокращенный вариант Диминых воспоминаний², прихожу к заключению, что этот номер может получиться неплохо, если прочесть его не в плане «художественности», а просто — четко, ясно и «с выражением», как радиодиктор читает репортаж. Не знаю, прав ли я и согласна ли ты с этим?

Боюсь, тебя замучит и закрутит Полина Льв<овна>³ и прочие, взваливая на тебя многое, что должны они сами.

— Даже письма невозможно тут писать: над ухом непрерывные разговоры, не дающие сосредоточиться ни на чем. Мой vis-a-vis сейчас выбыл, но другой больной (седой, страдающий жестокими приступами) — временами бывает еще разговорчивее.

Очевидно, над японскими рассказами⁴ можно будет работать только 1 час в сутки — с 3 до 4; потому что с 4 до 5 — темно, а в остальное — шумно.

Самочувствие приличное.

Кончил «Айвенго». Хорошо бы посмотреть этот роман на экране! — Читать больше нечего, так что захвати что-нибудь!

И еще что на исходе — это *туалетное мыло*.

Ну, голубушка моя, крепись, — подожми хвостик, зажмурь глазки, наклони рожки и мчись козленочком сквозь клокочущую пучину сегодняшнего вечера!

Тапирушка все время с тобой, отставая лишь на полшага.

Господи, как долго ждать твоих рассказов о сегодняшнем дне!

Храни тебя Господь.

Д.

P.S. Листик, не забудь в воскресенье захватить денег: 1) пачку отдельных рублей, 2) две бумажки по 10 рублей. Няни иногда обращаются, краснея, с просьбой одолжить «дня на 2» несколько рублей, а у меня — хоть шаром покати.

Из остального нужнее всего: масло, кофе, спички, вата, сдоб<ный> хлеб!

Д.

P.S. Я слышу — угадываю — твои шаги еще издали по коридору: вот мой ангелочек спешит.

106. А.А. Андреевой

15 декабря 1958

Родная, шлю эту новогоднюю открытку преждевременно: дело в данном случае заключено не в изображении на обороте, а в перечислении вещей, относит<ельно> которых желательно, чтобы ты их захватила в среду: ведь мы забыли договориться на эту тему. Итак: кофе, нос<овые> платки, сыр, нитроглицерин в таблетках.

Целую Дюку и маму. Привет всем. Любящий Д.

Рано утром 15.XII

1959

107. А.А. Андреевой

21 января 1959

Дитятко, с этим чертовым карантинном стало окончательно невмоготу. Узнай: когда это кончится. Потому что больным не говорят.

Бывают и исключения. Еврею в нашей палате так плохо, что его жене, приехавшей спешно из Ленинграда, разрешают большую часть суток проводить здесь (сдав свою одежду на пропарку).

Узнавай время от времени по телефону: когда можно будет ко мне в палату?

Наш IV товарищ не удался: туп до неприличия и груб, как удар кирпичом. Не знаю, как мы будем уживаться. (Оказывается, не так страшен черт...)*

След<ующий> раз, девочка, принеси, пожалуйста, II том Кристин¹, 3–4 конверта с бумагой, несколько штук сигарет (об этом я уже писал) и все то, что я тебе перечислял раньше.

Приветствуй Заиньку и пожайлей, что идиотский грипп все сорвал.

Жаль, роднущечка моя, что трудность писания не позволяет потоку красноречия ринуться, заполняя одну страницу за другой. Не падай духом, мое ненаглядное солнышко. Начинаю думать, что на протяжении февраля будем вместе, если появится комната. Пиши, пожалуйста, подробнее о комнатных делах и о вашей работе — бригадных предприятиях.

Целую маму и Дюку.

Привет всем остальным.

[Приписка] Видишь, на чем пишу: нет бумаги!

108. А.А. Андреевой

22 января 1959

Дитятко, прежде всего, нет бумаги для писем и конвертов никаких. Видишь, на чем пишу! Затем желательно варен<ую> колбасу или сарделек, а также вафли или что-нибудь в этом роде... Абсолютно необходимо штук 5-6 сигарет, все равно каких. Временами я очень страдаю.

Спустят с постели меня еще не очень скоро: когда закончат мочегонное лечение.

Получил письма от Вали Мин<довской> и от Ирины¹. Настроение среднее. I том Кристин кончил, перелистываю путеводитель. Карантин снят, думаю, на той неделе. Скучаю по тебе невыносимо и советую не подражать мне в этом. Обнимаю 1000 раз. Пиши побольше, хоть по почте.

Д.

[Приписка на обороте] Сейчас нас в комнате трое. Один новый — совершенное бревно. Няня торопит. Целую всех.

* Вписано. — Ред.

109. А.А. Андреевой

23 января 1959

Драгоценная моя! солнышко!!

Зачем же ты потащила сюда именно сегодня, в такую гнусную погоду?! Вообще умоляю: если хочешь, чтобы я мало волновался (а это необходимо для выздоровления), больше думай о себе и не трать сил так или в таких темпах, без которых можно обойтись.

У меня все без особых перемен. Ел<изавета> Вл<адимировна>¹ по-прежнему болеет.

Дигиталис дает свое и благо (выравнивание дыхания), и глубокую слабость. Но что делать, приходится терпеть. Из-за гриппа у нас выбывают из строя чуть не половина медсостава, второе — безумная нагрузка. Это ставит на жизнь свою печать. Все несутся, как умалишенные. Добиться чего-нибудь так трудно.

Читаю II том Кристин. У нас сейчас 4 больных; из них один наиболее активный и туп как бревно. Что-то страшное!

Родничок, а ты мне пиши по почте: ведь приходят же мне письма от других, от Т.², например.

А из вещей нужны еще кофе и рублей 15–20 денег.

Целую. Спешу отправить.

Д. А.

по. А.А. Андреевой

26 января 1959

Родненький,

Ура!

Соскучился смертельно!! и не знаю, еще когда удастся ко мне пробиться. Самочувствие так себе. Сегодня получил письма от Татьяны¹, Ирины², Глеба³ и Левы Тарасова. Всем, с кем будешь говорить по моему поводу, — привет.

Почему ты не пишешь просто по почте, как все люди? Я же буду получать тогда сведения и быстрее, и полнее. А то ведь по несколько дней без новостей! Каковы дальнейшие этапы освоения комнаты?⁴ Приехали ли соседи? Если да, то когда думаешь перевозить нашу мебель?

Я жду не дождусь, когда за мной приедут, чтобы ехать домой. Ну, Господь с тобой, детушка. Мне нужно несколько сигарет или папирос. Я почти не курю, не пугайся. Целую тебя и всех.

Когда будешь у меня?

Дитятко, живу воображением скорого переезда нашего в новый дом. Думаю о ряде вопросов, на которые ты могла бы ответить мне уже теперь. Например: 1) на юг или сев<ер> выходит окно; 2) что из него видно, кроме соседнего корпуса; 3) легко ли вбить в стену гвоздь; 4) подъезд наш выходит во двор или на улицу?

По ходу всех моих дел можно заключить, что меня отпустят на новоселье вроде середины февраля. Сейчас препятствие прогрессу в гриппе нянь

и врачей; впрочем, говорят, к концу недели эпидемия начала снижаться. А я просто ужасно скучаю, вот и все. Ведь я 1/2 года лежу почти непрерывно. Интересных людей вокруг нет. За последнее время получил письмо от Вали М<индовской> (с рисунком) и от Андрея Галядкина (без рисунка), он живет в Калининe. Не знаю, когда соберусь ответить ему.

III. А.А. Андреевой

[БЕЗ ДАТЫ]

Ты совершенно напрасно так взволновалась о моем здоровье. Наоборот: в последние дни я немного чувствую себя лучше. К завтраму? напиши подробнее, пожалуйста, о соседях. Я думал, что ты права. — К 5 ч. дня будет готово большое письмо: сразу и помногу не могу. Со стыдом возвращаю перо. Затем, безумно смущенный и пристыженный частотой твоих посланий. Нянечки возносят тебя тут до небес, ты мне ответь только.

Спасибо за виноград и все.

Еще читаю II том скандинавск<ой> <эпопеи>¹.

Завтра очень нужно бы нембутала.

Целую Д.

II2. А.А. Андреевой

27 января 1959

Дитятко,

максимально коротко.

А. О самочувствии. Лечение развалилось из-за общего гриппа. Больна давно не только Ел<изавета> Вл<адимировна>¹, но и Лидия Ник<олаевна>. Ведет меня Лилия (Лия?) Петровна Боднар (та, что вела в <19>58 г.). Она озабочена только тем, чтобы помочь мне бросить наркотик. А для этого нужно выбрать осторожно и умело момент, не ослабленный гриппом или чем-ниб<удь> в этом роде. Конк<ордию> Ник<олаевну> почти не вижу. Здесь вообще все сбилось с ног и вряд ли обретут равновесие до выздоровления Ел<изаветы> Вл<адимировны>. С Лилией Петр<овной> говорить теперь трудновато: она держится как-то скрытно. Субъективное самочувствие оч<ень> неровно. В основном плохое состояние передвинулось теперь на вечер (часов 8–10). Мне делают поочередно омнопон, пантопон и пармедол, но хорошо действует только омнопон. Часто знобит, почему с завтрашнего дня буду мерить t° по собств<енному> термометру. В след<ующий> раз привези мне, пожалуйста, в собственность два градусника (я погубил уже 2 казенных). Конечно, безумно скучаю по тебе. Получил письма еще от Екат<ерины> Ив<ановны>², через тебя от Оли и Димы³, Левы Т<арасова>.

Очень замучился от множества мелких предметов, тесноты и их пропаж. А сосед кажется честным.

Была 1 действительно скверная ночь, а в ост<альное> время действительно «средне».

Б. Не пугайся так о сигаретах всерьез: 1 сигарета в день вряд ли мне может сейчас быть вредна. Лия Петр<овна> собирается постепенно уменьшать дозы и заменять более слабыми все наркотики. Тогда будет еще серьезнее, чем сейчас.

В. О доме все время думаю. Окно, по-видимому, на восток. Ах, жаль меня нет!! Сегодня снились какие-то хорошие сны, связанные именно с новосельем. Конечно, в эту дурацкую «сухую штукатурку» можно только кнопку воткнуть, т<ак> ч<то> повесить кн<ижные> полки можно только под руководством мастера, кот<орого> можно найти через домоуправление.

Напрасно няни так уж плачутся: как раз моим видом восторгаются многие. А слабость — это верно, но тут уж виноваты лекарства, часть которых, кстати, отменяется. Не успеваю больше. Целую без счета и люблю без всяких предисловий. Поцелуй Дюканушку с мамой и Сережу с Анной⁴.

А на почту все-таки пиши, а то я ответ на эти фразы получу через неделю.

Господь с тобой!!

Д. Андреев

II3. А.А. Андреевой

1 ФЕВРАЛЯ 1959

Дорогая, все получил, больше не нужно ничего. Спасибо за все.

Целую.

Слава Богу, переехали в Новый год, нечетный. Я их больше люблю.

II4. А.А. Андреевой

3 ФЕВРАЛЯ 1959

Дитя, сейчас обход Ел<ены> Вл<адимировны>, писать крайне неудобно. Мне не нужно ничего, кроме того, чтобы ты подольше сидела у себя дома. Еще мне нужно 70 руб. на протяжении ближайших 4–5 дней. Спасибо за газеты и все. Бананы произвели фурор. Но если в след<ующий> раз ты заведомо не сможешь проникнуть ко мне в палату — не трать — не трать времени на поездку. Чувствую себя гораздо лучше, чтобы не сказать хорошо. На счет Лидина понял плохо. Вообще *понимаю* плохо все. Это из-за дигиталиса.

Целую изо всех сил. Видела ли ты письмо Николайчука?

Перья не годятся уже оба, но мне пока нужны не столько перья, сколько 70 руб. (случай).

Писать трудно, устал.

Д. Целую снова и снова.

[Приписки]

М<ожет> быть, пока успеешь написать? Врачебный обход окончится не раньше чем через час.

Ах да, желателен густопсовис. Нужна тебе сейчас моя пенс<ионная> книжка? Нет?

Книжку пенсионера не могу заполнить сегодня, придется 4 или 5 февраля.

115. А.А. Андреевой

4 ФЕВРАЛЯ 1959

К сожалению, я же не могу тебе одновременно 1) не писать, 2) писать о здоровье, доме, вещах и т.п. Вот и получается утомительная чепуха. По-видимому, о снотворных и т.п. средствах можно было бы только говорить: слишком много слов. Традиционный страх перед наркотиками у Ел<изаветы> Вл<ади-мировны> и Конкор<дии> Никол<аевны> очень велик. Отсюда и паника, хотя *непосредственное* действие отмечают *хорошее*, а пармелола нет.

Скучаю по тебе безумно, и к этой фразе сводится все, что у меня есть в голове. Теперь *вопросы*: 1) нарисуй план нашей квартиры; [2)] как расположен «санузел»; 3) чего еще не хватает, кроме канализации? а ванной? Как соседи?

Лучше уж скорее жить дома на полупостельном режиме. Как они (врачи) хотят в конце концов с наркотиками — не понимаю.

Насчет еды. Отвращение почти ко всему. Еле-еле ем кое-что. Из покупаемого тобой удачно все. Желательно еще колбасы, *компотов* и фруктов, особенно, если удастся, того дивного винограда.

А насчет вашей работы неужели нельзя написать *вкратце* за $\frac{1}{4}$ часа?

С интересом о Цвингере, но помалу и трудно, т.к. очень переживаю.

Надоели со всех сторон нескончаемые атеисты и материалисты.

Спасибо, родненькая, что часто пишешь, но не приезжай сюда ежедневно: это безбожное отношение к самой себе.

Господь с тобой, береги себя во всех отношениях.

Боюсь, что с нянями выйдет под конец довольно дорого.

Больше не могу. Целую тебя и всех. Всего больше хотел бы, чтобы ты приехала *послезавтра*.

Д.

Никаких пивовок не ставили и даже не заикались.

Послезавтра *книжку* какую-нибудь.

116. А.А. Андреевой

6 ФЕВРАЛЯ 1959

Дитя,

пишу на скорую руку, без очков. Не волнуйся, Бога ради, получше, вчера прекрасно проспал с 0,5 постоянной дозы, — а это главное. Очень расстраиваюсь твоим приездом сегодня по морозу без необходимости. Буду ждать в любой час *послезавтра*. Из вещей нужно пачку любых *папирос* (они расходятся впустую), и *чистые* нос<овые> платки (старые отдам). В наст<оящую> минуту не могу больше писать — надо ложиться. Привези *послезавтра* карандаш.

Вчера и сегодня самочувствие в целом лучше. У очков, увы, обломилась одна ножка.

Обнимаю очень крепко. Привет всем. Скорей езжай домой, ужинай и в постель.

Д.

117. А.А. Андреевой

8 ФЕВРАЛЯ 1959

Пишу с трудом по разным причинам. 1) Сегодня неудачный день, в смысле самочувствия, 2) в воскресенье здесь все окончательно разваливается. 3) Ужасно шумно, как всегда в выходной. К тому же половина персонала больна. Дисциплина ослабела, сервис ослабел.

Попробовал сегодня на свой риск и страх обойтись $\frac{1}{2}$ дозой кардиомина. Пришлось пойти на компромисс, т.к. к вечеру состояние резко ухудшается. А ночью предстоит, кажется, опять только $\frac{1}{2}$ дозы пантопона.

Когда приедешь, захвати почитать что-нибудь *легкое* и *добродушное*. Эта Дрезденская меня измучила.

Не нужно: бананов, сигарет, кофе, колбасы, масла (все это пока есть).

Есть и яйца, и мед, и конфеты, и яблоки. Кофе протянется еще дней 5.

Сосед-бегемот — раздражает очень своей невероятной глупостью.

Безумно тянет домой.

Не ездь лишний раз, ведь не знаю даже, пустят ли.

Целую всю мою любимую.

Я путаю все числа, все дни рождений и именин. Прости, запутался не только в твоих, но даже в своих.

Пиши.

[Приписка] *Еще необходимы* *нембутал*, *аспирин* и *нитроглицерин* в табл<етках>.

118. А.А. Андреевой

[Без даты]

Родничок,

для того чтобы даже абстрактно прикидывать размещение мебели, необходимо во всяком случае знать *размер* диванов, столов, полок стенных и пр. (Господи!! добыл ручку!!!) Бедненькая моя (не она, а ты, за такой головой замужем). Надо знать также, куда открывать дверь, и если внутрь комнаты, то далеко ли это получается. И об окнах тоже, и о дверцах шкафов и т.д. Потом: ты скажешь мне когда-ниб<удь> общую пл<ощадь> комнаты? Если так, как ты писала впопыхах вначале, то получается, что 12 кв. метров. Но ведь она больше 11. Боюсь, что расставлять мебель на расстоянии — процесс не менее мистический, чем телепатия.

119. А.А. Андреевой

[Без даты]

Еще и писать не начинал, а уж устал в лоск. Гл<авным> образом из-за мелких потерь мелких предметов и стократного перерывания постели, тумбочки и т.п. После этого письма смогу написать, очевидно, нескоро. Сейчас интервал на 1/2 часа — час.

Сделали укол (в нерешительности перед кот<орым> топтались столько времени) и самочувствие стало сносным.

Постараюсь ввести в письмо мало-мальский порядок о самочувствии в целом, иначе действительно не выразишься. Иногда проходит хорошо целый день, целые сутки; чаще день не обходится без какого-ниб<удь> фортеля. Сейчас они сводятся вот к чему: к а) периодам гнусной слабости, вернее, томления; б) иногда — боли в обл<асти> сердца; в) задыхание. Первое и третье — хуже всего. Вдобавок сейчас все развалилось из-за гриппа и нехватки медперсонала. Вся палата теперь на руках Лии Петровны Боднарь. Остальные больны. Поэтому о планомерном лечении не может пока быть и речи. Из 2 групп нянь к истине ближе человеческие и неоптимистичные. Но они односторонние. За посл<едний> месяц я поправился кг. на 6–7. Хотя аппетит маловат — из-за очень невкусной пищи. Что за отбивную ты прислала? Это была не ляжка гурии? Нельзя ли повторить? Теперь я на бессолевои столе (только потому, что это единственный стол без капусты. Представляешь мои замирения и восторги).

Катастрофич<ески> пропадает писчая бумага. Приходится писать сама видишь на чем! Пришли, Бога ради! Тетрадь клетчатую!

Переменение озноба с жаром, преобладание озноба (особенно от 4 до 10 вечера t° 34,5–35,8°. Жар — субъектив<ное> ощущение: по термометру выше 37° не бывает.

Отвращение к еде. Присылай, если можно, фрукты, компоты, сдобный хлеб, масло, колбасу (не копченую), ландрин или монпасье.

Мне нужно убрать мой уголок. Няни не умеют, а у самого нет сил. Особенно 1 из 4 нянь никуда не годится.

Пришли конфет. Не нужно апельсиновых и мандариновых — надоели.

Виноград — изумителен! Но воображаю, как трудно достать. Можно опять пастилу, зефир, вафли.

Большое письмо от Галядкина (муж Е.Н. Бируковой). Ответить не могу сейчас и на в 10 раз более мелкие.

Спасибо, родная, за ослика. Всех потешил.

Скандинавская эпопея — вещь благородная, интересная и со вкусом. Но — [нрзб] — бревном по голове. Хватит еще на дня 3–4.

Писать *очень трудно*, заставляет крайняя необходимость.

Напиши постепенно от моего имени: Боре Ч<укову>, Чуковскому, Лидину, Леонову, извинившись за то, что это — не я. А я сам смогу очень нескоро, только уже с квартиры.

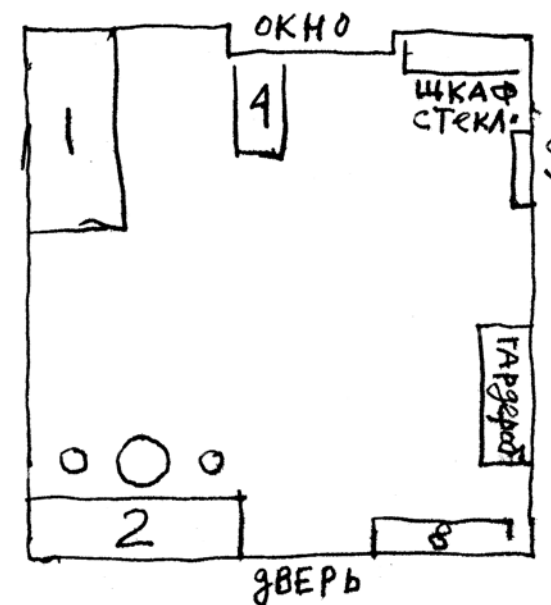
Планировать комнату, не имея никаких размеров, — немислимо. А покупать II дивана, гардероб и два стола придется *volens po volens**. Надо

* Хочешь не хочешь (лат.) — Ред.

подождать, пока ты сможешь побывать у меня, и мы обсудим, найдем правильный выход.

I-й вариант

- 1) Тв<ой> диван
 - 2) Мой диван
 - 3) Ов<альный> стол
 - 4) Письм<енный> ([нрзб] рабоч<ий> стол)
 - 5) Гардероб
 - 6) Стекл. шкаф
 - 7–8) Кн<ижные> полки
 - 9) Зеркало трюмо
- Видимо, ничего у меня не выходит без конкретных вещей.

Нужно еще неск<олько> рублей.

Передаю, кажется, все письма, но с их отправкой спешить нечего.

Целую. Твой З.

Устал, кончаю. Есть еще письма от О. Веселовской, А. Шелякина и В. М<ороз>вой.

[Приписки сверху и сбоку] Очень нужен нембутал. Здесь он часто пропадает.

Курю фантастически мало — сигарету в 3–4 дня.

120. А.А. Андреевой

[Без даты]

Что это: выкройка? к чему? Добавить, золотко, могу только то же: чувствую себя средне. Имей в виду, что не курю, если так себя чувствую, и во всяком случае не вытягиваю 1 папиросу в день. Спасибо, крошечка, за цветы: это очень приятно. Когда можно ждать твоего появления? Больше писать не могу просто от усталости. Эта усталость и задыхание — по-прежнему две основные беды.

121. А.А. Андреевой

10 ФЕВРАЛЯ 1959

Родная, напрасно опять эта эпопея с поездкой вечером, в темноте и холоде. Обнимаю, конечно, и целую, но ждать теперь буду послезавтра. Состояние сносное. Следующий раз привези другую книгу! Очень удивлен

и тронут словами Анны Станиславны¹ — скажи Боре². Здесь стало еще строже (в смысле встреч). Еды вполне довольно. Нужна кор³ спичек. Писать, родная, больше не могу — вечер — самое трудное время. Ольга Николаевна больна, вообще больны $\frac{1}{2}$ персонала.

Целую крепко. Боре — мой привет и удивление по поводу разн⁴ стих⁵. Благодарю всех за все.

Больше не могу. Спасибо за все.

ПРИЛОЖЕНИЕ

ИЗ ДЕТСКИХ ТЕТРАДЕЙ

УРАСОВСКАЯ ДИНАСТИЯ

§1. УРАС ИЖДЫГАР.

Плохо было в Мышинии: раздоры между странами и племенами, и думают мыши: «Почему бы нам не поставить 1-го высшего над нами?!» Собрались мыши на вече, и на этом вече единогласно был выбран Урас Иждыгар. Славный он был император: любил свою родину, заботился о ней и исполнял заповеди Божьи. Но один раз сильно запечалились жители Мышинии: сильно заболел Урас. Через несколько дней он умер. Полились по Мышинии слезы горькие: это плачут мыши по славном императоре Урасе.

§2. Пи I Котогуб.

Но зря плачут мыши по Урасе, есть сын: Пи Иждыгарович I. Вот он вступил на престол и шелковым платком вытер слезы старым придворным. И задумал Пи погубить кота, заклятого врага мышиного. Собрал большую рать и двинулся. Тихо подкрался он к коту спящему и ловким движением задвинул хвост Кошачий в щелку узкого. Мяучит Кошка, а мыши давай Бог ноги. Прославился этим подвигом Пи I и дали ему название «Котогуб».

§3. Смута.

Вскоре после этого умер Пи, и началась смута: у Пи два сына: Хруп Урас и Клим. Они спорили, кто должен войти на престол. Но выискался один умный мышь: он написал закон, в котором было сказано, что сперва должен войти на престол старший, а потом младший. По этому закону должен был войти на престол Хруп, но мыши возмутились: они больше всего любили Клина. Но «Умный Свет» (умный мышь) усмирил народ, и на престол вошел Хруп.

§4. Хруп I и Урас II, Клим I.

Хруп был странен: он почти не говорил, но очень любил книги и много читал. Он так ими интересовался, что его прозвали «Занимательным». Он не хотел править. Хотя он и считался правителем, но все законы и указания издавал его брат-заместитель Клим. Но вот Клим умер и перед смертью дал указание, что будет императором не Урас, а Клим. Урасу было завидно. Не успел Клим процарствовать месяца, как ночью тайно ворвался к нему Урас и убил его. Он тайно его похоронил, а утром провозгласил удивленным мышам, что Клим пропал бесследно. Потом он вошел на престол, но процарствовал недолго, а сразу умер.

§5. Иринарий Восколюб первый.

У Ураса был сын Иринарий, который вступил на престол. Он не был похож на своего отца. Он был набожен, и Господь, очевидно, любил его. Иринарий

очень долго жил: около 10 лет и умер в глубокой старости. На трон вступила его дочь Пипа, получившая прозвание «Красивая», но умерла. На трон вступил сын Иринария — Пи II.

§6. СМЕРТЬ ПИ II И ВСТУПЛЕНИЕ НА ПРЕСТОЛ СЫНА ЕГО — ХРУПА.

Вскоре умер и Пи. Пришлось по закону Умного Света, который был еще жив* и настаивал на своем законе, взойти на престол Хрупу II. Это был очень плохой царь-император: ни за что ни про что убил он двух своих братьев Индигара и Сера. Но за это был быстро свергнут с престола, и его казнили. Престол занял его брат Урас III. Урас был такой же. Он тоже убил двух братьев — Ануфрия и Пи, а когда его хотели удалить с престола, он храбро защищался. Но скоро умер и Урас III. За свои гадостные проделки Хруп II получил прозвание «Окаянного», а Урас III «Хрупоподобного».

§7. ИРИНАРИЙ II КРОВОПРОЛИТНЫЙ.

Уцелел лишь один сын Пи II, который вступил на трон. Он повел войну с Крысией и Эррийской империей, но не для того, чтобы расширить Мышину, а наоборот: сгубить ее. После конца войны, благодаря тому что вражеские стороны взяли очень много Мышинской земли. Сын Иринария, Клим, узнал, зачем делал Иринарий войну. Он рассказал об этом придворным, а они, улучив минуту, убили Иринария.

§8. ЦАРСТВОВАНИЕ КЛИМА II ДЛИННОХВОСТА И КЛИМА III ПОБЕДИТЕЛЯ.

По смерти Иринария вступил на трон Клим II Длиннохвост. Он начал снова войну с Эррией и Крысией, чтобы завоевать у них отнятую территорию, но во время войны умер, а сын его Клим, добившись титула императора, продолжал ее. Войска Клина Климовича III действовали на пользу родине, и вскоре, победив вражеские страны, он получил прозвание «Победитель». Вскоре Клим умер.

§9. ЛЖЕАНУФРИЙ.

У Клина был сын Ануфрий, которого убил одинмышь и который выдал себя за Ануфрия. Ему поверили, и он вступил на престол. Но вскоре его открыли и свергли. Никто не мог царствовать, кроме сына Ануфрия — Иринария. Долго пытался народ освободиться от власти ненавистного, жестокого Иринария, но все напрасно. По долгим счетам выходило, что Иринарий Грозный не кто иной, как Эррийский принц, а поэтому было видно, что Мышиния под властью Эррии. Но, к великому счастью мышей, умер Иринарий Грозный, и на мышинский престол вступил его сын Урас.

§10. УРАС IV ВЕЛИКИЙ.

До Ураса, по старшинству, 1 месяц процарствовала его сестра Пипа II. Но она умерла, и престол занял Урас IV. Этот царь (так прозвал он себя), видя несчастья Мышинии, сражался против своей родины Эррии для освобождения Мышинии, и он победил. Кроме освобождения Урас IV много сделал для Мышинии, он основал много подполий (мышинных городов), домов, дач и деревень. Умер он 1299-го года.

§11. АНУФРИЙ I И ХРУП III.

У Ураса было 2 брата, которые были за Мышину, Ануфрий и Хруп. Обоим им хотелось царствовать, и они решили царствовать вместе. Но характеры

* Здесь на полях и в тексте стоят знаки вопроса, видимо, автор сомневался в долготельстве своего героя. — Ред.

были у них разные: Ануфрий был тихий, не любил войну, а Хруп наоборот: воинственный и жестокий. Они вели войну с Эррией, которая четвертый раз пыталась завоевать Мышину. С позволением Ануфрия Хруп в предводительстве войска уехал на позиции. Но там вражеский полк напал на мышинный, и Хруп III пал в битве. Через несколько времени умер Ануфрий I.

§12. КЛИМ IV ПОЭТ.

У Ануфрия было 3 сына — Клим, Пи и Иждыгар. Старший был Клим, и престол достался ему. Клим, как и Хруп I, не любил властвовать и за него правил Пи III. Клим сидел у себя и сочинял стих за стихом про прежних царей, и от него мы узнали о них. Эти рукописи хранятся у князя Пипина. Но вот умер Клим, а немного спустя Пи III, добившись, однако, престола.

§13. ИЖДЫГАР II.

Престол после смерти Пи занял его брат Иждыгар II. Он повел войну с Кравирией, но эта война была неудачна. Кравирия завоевала пол-Мышинии, и в главном мышинском городе Царомышске поднялась голодная революция, и Иждыгар II был свергнут с престола и убит. Надо было выбирать кого-нибудь в цари: Иждыгар Иждыгаровича II или Ануфрия Иждыгаровича II. Выбрали Иждыгара, который не долго думая заключил союз с Эррией и Крысией, и, собравшись с этими странами, ударили на Кравирию. Враги были разбиты и сдались было, как внезапно умер Иждыгар Иждыгарович и на престол вступил Ануфрий II. Он был кравирец. Быстро приказал он вывести войска из Кравирии и заключил с нею союз. Союз заключен, но народ взбунтовался и убил Ануфрия II, который был прозван «Болванелло».

§14. СЕРСКАЯ ДИНАСТИЯ. СЕР.

Кончилась Урасовская династия, и выбрали уже старого мыша Сера. Сер оказался очень странный: он предсказывал погоду, жизнь того или другого мыша и вообще творил «чудеса», по словам мышей. Его прозвали за это «Чудотворец», или «Пророк».

§15. ВЕЛИКАЯ ВОЙНА.

Морская обиделась на Мышину и повела с ней войну. Жестоко защищался Сер, но делать было нечего: Морская победила и заграбастала себе всю Мышину.

§16. УРАС V ОСВОБОДИТЕЛЬ.

Когда Сер I умер, трон занял его сын Урас. Урас тайно собрал войско и начал освобождаться от Морской власти. Морская в ярости и гнев начала войну и начала побеждать. Но Урас собрался с силами, грянул и освободил свою страну Мышину. Его превозносили и прозвали «Освободитель». Урас долго царствовал и умер в 1400 году.

§17. СЕР II И ХРУП IV.

У Ураса было 3 сына: Сер, Хруп, Клим. Сера выбрали на трон. Все эти братья были очень храбры. Сер издал закон: чтобы выбирали не старшего, а богатого. Сер был старший, а потому и богатый. Сер был добрый и великодушный, а потому получил прозвище «Тихий». Но и тут он очень скоро умер, объевшись ядовитого. Вступил на трон Хруп IV. Он, чтобы расширить свои владения, повел войну с Морской и Эррией. Мыши, натерпевшись столько войн, взбунтовались, но Хруп IV не перестал воевать. За это его прозвали «Неудержным».

§18. Клим V Мышегуб; предатель.

Но война возрастала, и Мышиния начала ослабевать. Видя это, Хруп IV отказался от престола и передал его брату своему Климу V. Но Клим тайно ночью бежал в Эррию и стал на ее стороне. Хруп с горя скончался, и Мышиния поспешно выбрала в цари сына Сера II Ануфрия III.

§19. Ануфрий III Мудрый.

Ануфрий, вступив на престол, заключил вечный союз с Эррией. Он много изобрел мышиных законов, и в том числе есть один очень важный: «Если одна мышь отравится чем-нибудь, то не ешьте этот пирог или еще что-нибудь: а то сами умрете». Ануфрий Мудрый воевал с Кравирией и победил. Умер он в 1459 году.

§20. СЕР III ХРАБРЫЙ.

У Ануфрия III не было сына, и поэтому выбрали сына Климата Предателя — Сера III. Сер был очень отважен, хотя никогда не побеждал; он ходил с войною на Морскую, Крысию и Болькрысию, но не побеждал. Народу стало жалко столько невинной крови, и они свергнули Сера. Сер отчаянно защищался и снова стал на престол. Снова он повел войну с маленькой страной Бутусией, но два мыша, разгневанные этим, ворвались к нему и убили его.

§21. УРАС VII Святой.

Долго не хотели мыши брать в царя сына Сера IV Ураса VII, но делать было нечего. Урас был язычник. Он поехал путешествовать, а правление передал своей матери Морщинке I. Он поплыл в Крысию, где исповедовали Христианство. Урасу понравилась эта вера, и он принял ее, причем получил имя «Крыс». Мать его была этому очень рада, а мышиная церковь причислила его к святым. Скончался он в 1477 году.

§22. Пи Вдохновенный IV.

У Ураса осталось 2 сына: Пи и Итдыгар. После долгой смуты и издавания законов воцарился Пи IV. В это время в Мышинии появлялось все больше язычество, а Пи IV исправлял его. За это Пи прозвали «Вдохновенный», что значит «исполняющий заповеди Божьи». От мышей и у нас это слово. Итдыгару II было завидно смотреть на Пи. Он убил его, а сам воцарился на престоле. Но Господь наказал его: он скоро умер.

§23. Междоцарствие.

1500 года скончался Итдыгар IV, последний царь серовской династии. Началось междоцарствие. Этим воспользовались кравийцы и напали на Мышинию. Мышиния немедленно доложила об этом Эррии, которая выступила в ее защиту. Кравирия была разбита, и по общему договору мыши уже хотели заключить с нею союз, это им не удалось.

КЛИМСКАЯ ДИНАСТИЯ

§24. Воцарение Климата IV.

Но мыши замедлили объявление союза, а поспешили выбрать царя. Царем выбрали Климата IV, родственника прежней династии. Но Клим IV не зевал и откладывал да откладывал объявление союза. Наконец он совсем отложил его. Народ начал готовить революцию. Клим заметил это, передал управление своему брату Хруп V, сам бежал и скоро умер.

§25. Первый король Хруп V.

Ничего не ожидавшему, даже совсем не думавшему о получении престола Хруп V трудно было править. Однако он сумел привлечь к себе народ мышей, и он полюбил его. Хруп V первый принял титул короля. При нем же была и Отечественная война со страной «Полонира», которую победил Хруп V. Было у Хрупа 2 детей: Морщинка и Сер. Он уступил после смерти отца престол Морщинке II.

§26. Морщинка II и Исчезнувший Сер IV.

Морщинка II торжественно обвенчалась на царство. Но царствовала она не долго: она заболела и умерла. Долго плакал народ по этой благородной королеве. Вошел на престол Сер IV. Процарствовал он около месяца и исчез. Думали, что его убили его враги, но окончательно это и теперь не известно.

§27. Королевич Ануфрий и Длиннонос I.

По праву должен был царствовать Ануфрий IV, сын Морщинки II. За пиром венчания на царство 21 мая 1543 года его, очевидно, отравили, и престол перешел к Длинноносу Первому, его сыну, которому было полтора месяца. Благодаря этому малолетству правила его мать Шушуна I. Но вот ему минуло 2 месяца, он вступил на трон. Но царствование его было печально: у него умерла мать, был голод, война с ненавистной Крысией, в которой она победила, и вообще был очень несчастлив. От этих горестей он умер, оставив только сына.

§28. Лаз I Тихий.

Но вот наконец наступили для мышей блаженные времена. На трон вступил Лаз I, сын Длинноноса. Тихое было его царствование. Ни с одним королем он не ссорился, а с королями Крысии, Эррии и Кравирии держал союз. Но вот умер этот тихий король, и, к ужасу народа, на престол вступил его сын Палщун I. Много разврата делал он в Мышинии, но зато как Гримма объявил ему войну, он твердо стоял за Мышинию и победил. Его прозвали [нрзб]. Умер он 1566 года, и на престол вступил сын его Сегезмунд I.

§29. Сегезмунд I Буйный. Столпотворение мышиное.

Сегезмунд был отчасти похож на своего отца. Он был буйный малый, но не защищал свою родину. За это он получил прозвище «Буйный». Он решил выстроить самую высокую башню в мире. По его повелению начали строить, но Полмира пошла войной на Мышинию, разрасталось столпотворение, а самого Сегезмунда взяла в плен. Мышиной начал править Лаз II.

§30. Пи V и Иждыгар V.

После смерти «Короля буйного» престол занял его старший сын — Пи V. Теперь кошки не тревожили мышей: их хан Мурло Васильевич держал с ними союз. Но вот умер, и престол занял его брат — Иждыгар V. Он назвался ханом, но не принял коронно этого титула. Но у него умерло два сына — Лаз и Тит, потом еще братья Ануфрий и Клим, а впоследствии и жена. Но до ее смерти родился королевич Швез.

§31. Первый хан Швез I.

Но королевич Швез коронно принял титул хана. Он ходил тогда с опухомом, с кисточкой на шляпке. Он завоевал с Кошней. Собрав большое войско, он двинулся к этой стране и победил. Но титул первого хана заглушил эту победу, и ее мало славили. Потом коротко царствовал его старший сын Урас VI, и на престол вошел его младший сын Хруп V.

§32. Хруп Веселый V.

Хруп получил прозвание Веселого или Беспечного, потому что не вел себя степенно, как всякий хан. Он часто задавал пиры, обеды и балы. Он ездил по городу на лихих скакунах, но раз упал и разбился. Престол его занял сын — Клим VII.

§33. Ихнее Ханское величество Клим VII Завоеватель.

Ханское величество Клим VII вступил на престол в 1601 году. Он царствует до сих пор, невредим и здоров. Он воевал с Котией, Морскофлотией и Пэттой и расширил свои владения. Клим VII дали прозвище «Завоеватель», и это название будет великим. Есть у него сын Ануфрий V, который потом будет ханом, а пока Клим VII славится больше и больше.

КРАТКОЕ ОПИСАНИЕ СТРАН
ПЛАНЕТЫ ЮНОНЫ

Эндия

Эндия — самая северная страна Анферсаммы. Почти наполовину она лежит в полярном круге, а в северной части растительность и животный мир так беден, что Аргениен, ее небольшая отдаленная провинция, когда-то бывшая самостоятельной, живет исключительно производствами других государств. Но, несмотря на это, северные города так же разрослись, как и южные. Этому способствует то, что море не замерзает там, а на берегу находится много бухточек и заливчиков, удобных для пароходных гаваней. Это развивает мореплавание, и сношение Аргениена с другими странами и государствами производится главным образом морем.

В старину Эндии не было: на ее месте находились 3 государства: Эн, Дия и Аргениен. После долголетней войны между ними по военному договору они все объединились, но название Эндия содержит в себе только 2 части государства.

Столица Эндии — Дия. Она находится на берегу моря Кибб, в устье главной реки государства — Гайк, которая имеет большой приток — Осса. Она вытекает с небольших Северо-Западных Гор и течет по Фийской равнине. На севере протекает река Лимпа, впадая в море Яго. Она окружена тундрами и болотами и малосудоходна. На плоскогории Эн, усвоившем свое название от лежавшего когда-то там государства Эн, есть река Ират.

По всем этим рекам, а также и у моря, и далеко от водного пространства (сухопутные города) находятся многие города. Дия, Мисс, Куц, Эндра, Гравед, Эзен, Морэ, Хиримс, Аникад — большие морские гавани, очень торговые, военные и промышленные. Ялл, Арг, Бел, Гиамар, Глао и Мусу, речные города, стоят на одном уровне роста с сухопутными городами: Ламэо, Пагген и другими мелкими.

Население Эндии состоит из Энов, живущих у себя на плоскогории и кочующих со своими лошадьми и овцами, и из перемешавшихся Аргенсенцев и Дийцев, образовавших нацию Диаргенцев. Они занимаются золотыми приисками и земледелием, а в городах разными профессиями. Всего жителей в Эндии около 3-х $\frac{1}{2}$ миллионов человек.

Минго

Минго — самостоятельный остров, лежащий на северо-западном краю моря Кибб. Этому государству принадлежат также о-ва Киббские и о-ва Монмейские.

Сам остров Минго разделяется на две части: горную страну Мингскую и на Киббскую низменность. В горную страну вдаются два залива: один с северо-востока, Майро, а другой с юго-запада, залив Кабинский. Они делают климат Минского плоскогорья мягким и здоровым, что еще более увеличивают Мингские Северные горы, не дающие дуть северным холодным ветрам. Тут дует преимущественно юго-западный ветер, текут 2 реки (обе небольшие): Каццинг и Макс-таш эминг. На них стоят города: Арик и Майро, оба при устье реки. Столица Минго — Рио-Эрмандо, лежит на берегу моря Кибб, так же как Монапс, Пэн и Поэ. Последний, впрочем, лежит, правильнее, у моря Яго. На главной реке, Просии, лежат города Ораж и Гильменъен, на склоне Мингских Северных гор — Лирио и Нец, а на северо-западном берегу моря Яго — порт Яго.

На островах Киббских, самый крупный из которых есть о-в Боржи (ближний к Минго), находятся порта: на Боржи — Яронг, а на остальных других островах — Три, Ус, Портцифетч, Мяниф, Гарс. Они имеют важную роль пропуска иноземных кораблей в и из моря Кибб, с которых берут известную плату. То же самое происходит и на мингской половине пролива Апферриса. Эндия берет дань с своей половины.

На Монмейских островах лежит город Монмейс, который важен по добычии металлов, изобилующих на этих островах (серебро, золото, железо, платина и т.д.).

Минго управляется императором, власть которого очень ограничена Советом Народных Депутатов. На Монмейских и Киббских островах орудуют Вицекороли.

На Мингской низменности, а также на Киббских о-вах живут минги-земледельцы, в Мингской горной стране — кочующие Монмейцы, которые смешались с мингами. То же наблюдается и на Монмейских островах.

КАФТЕНОЛИЯ

Когда-то Кафтеналия помещалась на одном довольно большом острове, находящемся при входе в залив Кафтен-Ори-Амт. Кроме маленьких владений на берегу, ей не принадлежало больше ничего. Но громадное наводнение вытеснило жителей острова на берег, а Ори-Амт навсегда исчез под водой. Кафтеналия вооружилась, стала расширять свои владения. Первая должна была преклониться перед нею Мексия, потом Пценция, Товарна и наконец Карвенсен. Одна Бротт не хотела подчиниться новой мировой владыке, но кафтеналийцы заставили ее признать себя побежденной, засадив на неприступных скалах и моря голодом. Расширив таким образом свои владения, Кафтеналия увидела, какое обширное пространство она заняла, и, сложив оружие, занялась торговлею и промышленностью.

В Кафтеналии довольно много гаваней: Агна, Амира, Пат, Тиграте, Явин, Летин, Артистеп, Вив (столица), Омм и Альт. Речные: Лига (на реке Бэзи (главная река)), Хелин (на Нанзреке), Цоэн (на Цоэне), Паранц (на Паранце), Гая (на малой Рие), Пломен (на Котэре) и Малат (на Аве). Сухопутные: Оггис, Бенгс, Дитес и разные другие мелкие города.

В Кафтеналии (Бротте) добываются в огромном количестве разные металлы: золото, серебро, платина, железо, алюминий и разные другие; драгоценные

камни тоже изобилуют там. На Товарно-Мексийской низменности обрабатывают поля, разводят скот. На полях произрастает рожь, пшеница (на юге в Карвенсене), гречиха, овес и разные другие злаки. В области Поранца произрастает даже рис (благодаря сырости). Народонаселение достигает во всей Кафтеналии 73 миллионов. 13 м <иллионов> из них живет в Бротте, 8 в Кафтеналии, 22 в Мексии, 10 в Товарне, 11 в Пценции и 9 в Аргенсене. Всего — 73 млн. человек. В Северо-восточных горах живут скотоводы-кочевники Алчены (на п.о. Алченском).

АНЕГАБИЯ

Анегабия — это маленькое государство, расположенное на Анегабских островах и занимающее на Алченском п.о. маленькое пространство суши. Это государство торговое благодаря морю, и — отнюдь не военное. За одну большую войну с Пценцией она потеряла всю горную часть Алченского полуострова, которая раньше принадлежала ей и в которых находили большие золотые прииски. Эта часть называется Алченс-ни-Анигаб (т.е. Алченский п.о. Анегабии), и там стоят 3 города: Иб, Роги и Ансаб.

Всего Анегабских островов — 5: Северный, Юно, Пато, Грэн и Лосья. На Юно находится столица государства — Юно — и течет небольшая речушка Понис, считающаяся, однако, главной, за неимением более обширных рек. У ее истока находится городок Ас. На о-ве Северном есть два города: Минос и Арвейкс, на о-ве Пато — Покроди, на о-ве Грэн — Пэта и Грэн, а на Лосье — Энч и Еу.

Жители острова занимаются земледелием, охотой и рыбной ловлей, а Алченс-ни-Анигабс изобилует золотом и другими металлами. В Анегабии скотоводство развито мало и встречается только на о-ве Грэн и в Алченс-ни-Анигаб.

Анегабия управляется президентом, который выбирается на 7 лет и власть которого ограничена Белым советом.

ТРЕПСИХОРА

Трепсихора одна из самых больших государств Анферсаммы. По природе, климату и красоте она превосходит очень многие страны. По первым двум качествам страны она разделяется на 3 части: Эндо-Трепсихорскую низменность, Трепсихорское плоскогорье и область Озера Ам.

1) Эндо-Трепсихорская низменность имеет одну большую реку, главную в Трепсихоре; это — Си. Она берет свое начало еще в Палладе, на склонах гор Дуну и течет параллельно главной палладской реке — Пертеньяру, втекает в Трепсихору, принимает два больших и много маленьких притоков с Трепсихорских гор. Далее она течет спокойно и широко, обильно орошая Эндо-Трепсихорскую низменность и принимая в себя все новые и новые притоки. Впадая в море, она образует громадную дельту, на которой стоит город Крак. При впадении в Си ее притоков стоит столица государства Трепсихоры — Трепсихора.

Население низменности занимается земледелием, на полях сеются: пшеница, кукуруза, табак, картофель, а на самом юге, в окрестностях (около) Галл, растет сахарный тростник. Гавани следующие: Раменэо, Дэбильга, Крак; речные: Галя, Тэсси; сухопутные: Лайго, Играт, Арганда.

II) Треспихорское плоскогорье лежит на высоте 2 версты над уровнем моря. Климат в нем сухой и здоровый, и населено оно в размере 16 миллионов человек треспихорцев горцев. Они тоже занимаются земледелием и разрабатывают в городах руду, ткани и т.д. Города на плоскогории следующие (речные): Руй, Герис, Итполь. Сухопутные: Оттама, Рогас, Калье.

III) Область Озера Ам граничится с 1-й стороны плоскогорьем, с других границами государства. Климат там влажный, а местами и сырой. Тут возделывают рис, сахарный тростник, кукурузу, хлопчатник и пшеницу. Население составляют треспихорцы, которых около 15 миллионов человек. Всего жителей в Треспихоре 45 миллионов человек.

ГУАНТЕГВАЙ

Гуантегваай очень маленькое, но сильное государство. Раньше оно было гораздо больше и занимало всю Вестскую низменность. Но потом он продал Весте большую часть своих владений и стал очень богат. Но пролив Ляки и теперь принадлежит ему: полуостров Лиф был оставлен им для себя. Затем он завоевал у острова Юганы Западный мыс (Югана — большой остров, главный в Королевстве Монтерии). Таким образом все суда, проходящие из моря Альм в море Альджер, как и обратно, в его власти. В этом самом узком месте пролива стоят на расстоянии одной версты один от другого маяки, которые следят за уплатой дани, наложенной на все проезжающие суда.

Для того чтобы следить за уплатой дани, на п.о. Лифе построен небольшой город Лиф. В самом же Гуантегвае, при устье главной реки Жут, стоит столица государства — Гипо. Еще в Гуантегвае есть 4 больших гавани: Рдан, Гофар, Апрейсэ и Вестовский. Речных города — 2: Барим и Отцов, а сухопутных тоже 2: Матра и Гримеза. Жители Гуантегвая состоят из Арвельцев (Арвелем называется древний Гуантегвай), Вестцев и Кафтеналийцев. Кроме того в Гуантегвае живут так называемые Фил <...>, рассеянные по всей Анферсамме. Они занимаются скотоводством и молокопроизводством, а оседлое население — земледелием, кустарным промыслом и рыбной ловлей. Вообще население там богато благодаря внутреннему спокойствию страны. Все население Гуантегвая равняется 20 миллионам человек, а управляется неограниченным монархом-царем, которым, в общем, все довольны.

МОНТЕРИЯ (ЮГАНА, м. МОНТЕРСКИЕ О-ВА)

Монтерия расположена на островах, главный остров которых — Югана. Она разделяется на 3 части: Каймленские горы, Юганскую низменность и малые Монтерские острова. Юганская низменность лежит посередине Юганы. На самой середине ее лежит место, довольно обширное, ниже уровня моря. Климат там очень сырой и вредный, и потому там живет только 1 миллион человек. Называется это углубление — Яма св. Ягуна.

Главная река Монтерии, Хронзо, начинается на севере Юганской низменности и течет на юг. По дороге она принимает много притоков, а на склонах Ямы св. Ягуна стоит столица — Гордизен. В этом месте в Хронзо впадает его приток

Манцио. Другая большая река Юганы течет по ее восточному берегу, между двух хребтов, Тисто и Упого, по плоскогорью Упоготистскому и впадает на юге в океан Лирионцеру. Она называется Хрэнн. Остальные реки Юганы небольшие, и все текут с Каймленских гор в моря. По берегу Монтерийского моря стоят гавани (большие 3): Дамоен (в Дамоенском заливе), Огер и Рант. По проливу Ляни — Койс, Биргенс (гуантегвайский), Авриль. По Альджер-нан-Менайн — Менайн и Лимнер, а по восточному берегу, берегу океана Лирионцера, — Пираз, Лия, Партез. Речные города Монтерии — Гном, Агр, Танег и Бральё. Больших сухопутных — нету.

Каймленские горы окружают всю Югану, и только в редких местах есть доступ к Юганской низменности. Они не очень высоки, и их верхушка, Айрендемар, достигает 3,5 версты. В них находятся богатые залежи каменной соли, которая тянется в глубину иногда на $1\frac{1}{2}$ или 2 версты, но металлов, как железо, золото, серебро, платина, — совсем нету.

Малые Монтерские острова большей частью возвышенны и гористы, и только самый северный остров Монтеррасо и северная часть острова Кланнэрна низменны. Острова эти изобилуют маленькими речушками, но больших рек здесь, понятно, нету. На этих островах живут кочевники Оларцы, занимающиеся гаданием, маленькими дорожными представлениями, и тем зарабатывают себе деньги. Вся Монтерия управляется одним лицом, которое называется Гаус-ую. Ему оказываются всевозможные почести, так как его все считают чуть ли не божеством, и он имеет неограниченную власть.

ВЕСТА

Веста занимает полуостров, юго-восточную оконечность материка Анферсаммы. Этот полуостров называется Ляни. На юге его есть невысокая горная страна, скорее плоскогорье; это Олион. Низкие хребты этого плоскогорья к югу возвышаются и образуют горы Олионские. Но эти горы не высоки и возвышаются над поверхностью плоскогорья на 1 версту, а над морем на 2 версты. Стало быть, плоскогорье имеет в среднем высоту 1 версту.

В сие время Веста довольно слаба: она потеряла свое могущество из-за государственных беспорядков. 3 века тому назад была смута, Веста потеряла часть своей площади, которую теперь занимает Диана, но потом заполнила свою потерю купленной у Гуантегвая землей. Таким образом Веста потеряла не только военное, но и торгово-промышленное свое могущество.

На главной реке ее, Лидде, которая, начинаясь на севере, течет сперва на юг, а потом на восток. При впадении в Весту (залив) она образует обширную дельту, на которой стоит столица Весты — Вес. В заливе Весты, около Гуантегвайской границы, стоит гавань — Бэнгидж. В этом месте в залив впадает большая река Бэнгидж, начинающаяся в Бротутских горах. В небольшом Фэриалском заливе, в море Альджер-нан, в глубине стоит гавань Фэриал. В этом заливе находятся тоже Вестские острова, очень мелкие, которые принадлежат Весте.

На реке Лидде стоят города: Гьяд, Пикноут, Лидд, Ярд и Диенга. На Бэнгидже — Арриц, а сухопутные города следующие: Бэрринор, Бليون и Га, а гавани — Хуллим, Пагремс, Латир и Арас.

Жители Весты (Весто-Дианской низменности) занимаются земледелием и науками. Около рек сеется рис, хлопок, а по всей долине — гречиху, пшеницу, сахарный тростник. На плоскогории живут Вестцы-Олиенийцы и занимаются тем же, чем и жители низин. Этому очень способствует хорошая почва плоскогория, которая называется лёссом.

ИАНА

Диана постепенно теряет свою самостоятельность, и возможно предполагать, что она в конце концов станет колонией Паллады. Последняя завоевала у ней острова Фот, находящиеся у входа в маленький залив Диспо, и в государстве идет быстрое опалладивание. Дианцы уже переняли у Паллады религию, состоящую в том, что палладцы Бога и «маленьких богов» (пророков), которые исполняют волю Божью, а кроме того, и в самом дианском языке слышится палладский акцент.

Главная река Дианы — Фэот. При слиянии с ней ее двух притоков, Мина и Тротти, стоит столица Дианы — Диан. Гавани Дианы — Цеза, Дограт, Амогамона, Диго, Рэсиамма, Диллон, Донэ, Родз и Коита. Речные — Дзе, Мэнэ, Диан. Сухопутные — Бала, Критэ, Ковер, Дора, Гамма и Касс. В Диане много небольших городов, сел и деревень. Поля засеяны очень тщательно, и там полют даже хлебные злаки, овес, рис, который сеют преимущественно в сырых местах на берегах рек и моря. Жители Дианы — Дианцы и Вестцы, смешанные с удивительным кочевым народом — Зеленорасцами. Это — последние представители вымершей зеленой расы. Они имеют большие синие глаза, тонкие губы, прямой нос и были бы совсем красивы, если бы не их ужасный цвет кожи.

При своем основании Диана была очень мала. Вот карта тех границ государств, которые существовали в те отдаленные времена. Но потом Диана и Паллада объявили Церрере войну и отняли у ней много земли. Затем Диана завоевала у Гуантегвая часть его владений и таким образом достигла той площади земель, которую занимает теперь.

ЦЕРРЕРА

Церрера потеряла свое могущество после войны с Палладой и Дианой. Паллада отняла у ней западное побережье залива Даргентеро, а Диана — восточный берег залива Евей. Больших рек в Церрере нет. Лишь одна река, Тэньен, течет по Церрерскому полуострову с севера на юг вдоль Церрерского хребта, а в одном месте находится так близко от моря, что ее столица — гавань Ляж соединяет ее с морем. При ее впадении в море стоит бывшая столица Церреры — Люр. В общем эта река, Тэньен, имеет в длину 105 верст. Гаваней у Церреры очень много, но перечислим только самые большие из них: Пэнка, Дожэ, Поф, Дамбес, Дэй, Ляж, Дой, Уай, Поканти и Мани. Сухопутных города только 2: Гуари и Пли. Жители Церреры, Церрерцы, занимаются горным промыслом, охотой, рыбной ловлей и кустарным промыслом.

Все про Церреру можно узнать в книге того же автора, Даниэля Андре (Daniël Andrre), — «Церрера и ее история».

ПАЛЛАДА

Паллада сильное государство. Она получила свою силу благодаря войне, которая оказалась такой роковой для Церреры. Она отняла у ней все западное побережье залива Даргентеро и Палладскую возвышенность. По первой протекает большая, теперь главная в Палладе, река Пертеньяр. Она берет свое начало в горах Дуну, которые находятся на южной оконечности Палладского полуострова, течет вдоль Палладской возвышенности на север, принимая в себя много мелких притоков, затем поворачивает на северо-восток, упирается в Церрерскую-Горную-Страну и, оттолкнувшись от последней, впадает в Даргентерское море (Даргентеро залив). На ней стоят города: Роза, Мротегамма (столица), Тавра, Ааура I, Аура II, Аура III. На восточном берегу Паллады стоят еще 3 гавани: Пенс, Пантерея и Галосса, а на западном — Аммалия, Цуцо, Бину, Палладия, Кримцес и Кравалия. Города, стоящие на мелких реках, — Паланция и Хон, сухопутные — Коллонэ и Киррат, стоящий на границе с Трепсихорой в пустыне Кор. Там недалеко находится и главный, самый большой оазис — Парей. В горах Дуну вытекает река Си. Недалеко от ее истока, по ней же стоит город Кидэ, затем Тинен, а около пустыни Кор-Кор, а около границы с Трепсихорой — Де-Границ.

Жители пустыни Кор, которыми называются кочевники-зеленорасцы, изучили пустыню, кочуют по ее редким, мало встречающимся оазисам, занимаются торговлей с городами ближними кокосовыми орехами и пальмовым деревом, которое растет в изобилии в оазисах, и берутся проводить (провозить на верблюдах) путешественников через пустыню Кор.

Жители плодородной низменной полосы занимаются земледелием, сеют сахарный тростник, хлопчатник, пшеницу; а горные жители, жители гор Дуну, — охотой, рыбной ловлей в часто встречающихся в горах озерчиках и горным промыслом.

ДИРБАНГО

Дирбанго одинокий самостоятельный остров, далеко заброшенный в море от всех материков. Лирианцера со всех сторон омывает его. Рядом с ним, словно спутник, находится маленький островок — Малый Дирбанго. На Дирбанго протекает большая река — Фулььянор, в устье которой стоит столица Дирбанго — Дирбанго. Остальные города окружают остров по берегу. Это — Лавэко, Лавидо, Гаудминг, Джет. Внутри Дирбанго есть 2 больших города: Чети, на реке Фулььянор, и Дорий, на ее притоке — Гланци. На севере Дирбанго есть горы, Дирбангские, а Малый Дирбанго весь низменен. На Малом Дирбанго есть город — Милей.

Жители Большого и Малого Дирбанго занимаются земледелием и горным промыслом. Население состоит из 11 милл<ионов> человек дирбанговцев, сохранившееся от первона<ча>льности благодаря удаленности Дирбанго от материков. Дирбанго управляется «Советом Государства», представитель которого замещает монарха наших стран.

II ЧАСТЬ КРАТКОГО ОПИСАНИЯ СТРАН И ГОСУДАРСТВ ПЛАНЕТЫ ЮОНЫ

ГЕРВЕНЕЯ

АФИНА

Афина лежит на севере Гервенеи. С северо-запада на юго-восток проходят по ней высокие Афинские горы, на западе от которых лежит низкое Афинское плоскогорье, а на востоке — Канмайская низменность. По плоскогорью течет главная река Афины — Рес. Она начинается в горах и по дороге принимает в себя 3 притока. При их слиянии стоят города — Удара и Афиний (Афиний — столица). Другая река большая начинается в Клио, в Вариетовских горах, течет сперва на восток, но отталкивается от Афинского хребта и, принимая в себя притоки Джавенит и Планикс, впадает в Афинский залив около устья Рес. В их устьях стоит город Хецин. Эта река называется Дориан, и на ней стоят города: Джавенит и Яш. На Рес — Аица. В устье мелких речушек — Фиср, Пенгирей и Канмай. На реке Заро (Кинмайская низменность) стоит город Заро, а на Печирей (там же) — Гато. Сухопутные города в Афине — Флена, Дирлен и Рио-Рио, а гавани — Яэн, Ве, Иль и Гоциб.

Жители Афинского плоскогорья — Афинцы, Клийцы и Венерцы — занимаются земледелием, лесным промыслом, охотой и горным делом. На полях сажают картофель, сеют ячмень, гречиху, пшено и кукурузу. Просо и овес также в ходу там. На Кайманской [так!] низменности занимаются земледелием, сея то же, что и на плоскогории Афинском, и еще кустарным ремеслом. Там живут еще кочевники-скотоводы-бирьюнцы, попавшие туда непонятным образом.

По своему могуществу Афина равняется приблизительно Весте и всегда была такой.

Управляется она императором или князем, власть которого ограничивает «Совет Голубых».

Клио

Клио находится южнее Афины, на западе от Венеры. У него нет ни одной естественной границы: на востоке извилистая граница проходит по громадной Венерской низменности, на севере граница отделяет Афинское плоскогорье от Вариетовского, а на юге есть, правда, естественная граница, но все же не на большом протяжении, это — Орлиентанские горы.

Приморская полоса Клио низменна; это часть Минервской низменности. Тут стоят гавани Ирк, Ривио, Сатв, Пира, Юк. При впадении в море главной реки Вариет стоит столица Клио — Клий. Эта река очень велика и полноводна: она начинается на севере Вариетовских гор, в Вариетовских озерах (болотах), течет у подошвы хребта вниз, на юге принимает большой приток Ламраэт, вышедший с той стороны Вариетовских гор, с Венерской низменности, и течет дальше, к морю. На краю плоскогорья она встречает свой приток, другой, такой же большой, как и первый — Малый Вариет. Эта река вытекает из юго-восточного озера Вариетовских болот, из Пемтирнау. На всей реке Вариет, на ее притоках стоят вот

какие речные города: Жозе, Дзени, Вариет, Ламцес, Камег, Корни и Гор. Другие речные города — Лэми, Бэказ, Костэр и Мелит, а сухопутные — Греклис, Гроза, и Мес.

Местность Вариетовских болот очень сыра и имеет нездоровый климат. Там можно только возделывать рис, но все же, благодаря царствующей там лихорадке, население тех краев равняется 1/2 миллиона. Населяют эту область земледельцы Афиноклийцы, да и тех мало. Остальное плоскогорье заселено густо: от 100 до 150 человек в среднем на квадратную версту. Они занимаются горным промыслом, а кое-где, где хорошая почва (на плоскогории почва плохая довольно), земледелием; сеют кукурузу и хлопок. На низменности Венерской живут в провинции кочевники-бирьюнцы, попавшие сюда из Афины. В городах преобладают науки.

ВЕНЕРА

Венера большое государство, лежащее между Клио и Андромедским океаном. Она вся низменна и изобилует реками. По ней протекает самая большая в мире река — Узур-Шанце-Ременеос. Она течет 1800 верст и недалеко от дельты, в самом широком месте своего русла имеет 30 верст в ширину. Огромные океанские пароходы могут ходить свободно до города Гривесы, лежащего в 800 верстах от устья. Там река имеет 3 версты в ширину. Ее приток, Гильтинеос-Ременеос, впадающий в нее у ее столицы Ременеос, имеет там 6–7 верст в ширину, а длина его — 800 верст. Узур-Шанце-Ременеос начинается на границе Орлионтаны с Клио и течет сперва по Орлионтане, а потом по двум полузависимым герцогствам — Гаглендо и Меррон. Тут на ней стоят 3 города: Шаник, Радольк и Ригельна. Дальше она течет медленно, широко и спокойно, встречая на своем пути притоки Дак и Хей. В этих местах стоят города Хей и Гривеса. Далее она встречает свой главный и самый большой приток — Гильтинеос-Ременеос, на котором находится города Роа, Херн, Гельтинеос, Реш и Деглин. На месте их встречи стоит город Ременео. Этот самый громадный в свете город, имеющий 150 верст в окружности, — столица Венеры. Река, принявшая здесь 25 верст ширины, течет дальше гораздо стремительнее прежнего, потому что здесь начинается незаметный уклон к северу. На ее пути к ней присоединяются десятки маленьких притоков и один большой — Тарец. Тут Узур-Шанце-Ременеос принимает огромные размеры в 29 верст ширины и, получив от маленьких притоков еще одну версту, начинает дельту. Один рукав этой дельты доходит даже до города Лидехта (гавани), что очень удобно для судоходства. На протяжении от Ременео до дельты, на которой стоит второй по величине город в свете, Узур, находятся города Ташик, Гуоро и Пром.

Гаваней в Венере масса, потому что это самая судоходная страна (государство). Вот губернские, самые большие (с севера на юг) У-Грон, Венерский Пенгерей, Ленеоум, Фортиес, Рио-Менели, Танкет, Пинер, Узур, Лидехт, Голвен, Джат, Кро, Мицен, Голнберт, Муру, Лагин, Рио-Тенраш, Рио-Дзугальде, Авин, Рио-Мералло, Модрэта, Рогиз, Манкус-Шептале, Рио-Крамис, Альге-Домар, Ране и Рио-Текош. На других небольших реках города: Рао, Рио-рао, Дупо, Темечи, Тарец, Закхе, Депет, Гориноц, Гиген, Рио-Дак и Рахиль. Сухопутный — Окей.

Всего жителей в Венере 200 миллионов человек; занимаются земледелием, сеют пшеницу, рис, кукурузу, сахарный тростник, хлопок и картофель. Кочевников совсем нету.

АРНО

Арно — самостоятельный остров, лежащий на северо-востоке Гервенеи. Ему принадлежат еще Арновские о-ва, связывавшие его когда <-то> с самим материком.

На Арно есть одна большая река, вытекающая с восточной половины острова, а впадающей в Венерское море с западной. Эта река и есть главная на Арно и называется Рэньер (река)-Арно. Там, где она принимает в себя последний и самый большой приток, Асиленцо, стоит его столица — Арния. В устье Рэньер-Арно есть город; это Петемпьеррогамма, а в верховьях реки еще есть речной город — Ральцегания. Теккен — гавань на берегу моря Пеичирей; Кланда, Берди-мардия, Палькона, Рэя и Птерооя — гавани Северного моря, а Луогвония, Мерелания, Птеродахтия и Петемпьеррогамма.

Природа на Арно очень красива. Маленькие быстрые речки омывают корни вековых дубов, кипарисов, пальм, туй. Холмы, овраги и горки чередуются с безграничными на взгляд полями и лугами. Кое-где встречаются лучистые водопады, окаймленные рамкою из деревьев и лесов.

Арнцы занимаются земледелием, огородничеством и лесным промыслом. Сажают овощи, ягоды и фрукты, а сеют хлебные злаки, маис, кукурузу, хлопок. Еще кое-какие жители занимаются кустарным промыслом.

Всего жителей Арно, Арнцев, около 13 миллионов. Все они отважные воины и управляют 2 или 3 лицами, которые называются советниками.

ОРЛИОНТАНА

Орлионтана красивая страна, никогда не участвующая в войне и не вмешивающаяся в международные распри. Но зато в ней самой много распрь, которыми, впрочем, редко пользуются другие государства, так как Орлионтана в дружественных отношениях со многими государствами. Она изобилует всевозможными сектами, партиями, и там нередко происходят революции и восстания, подавляемые, впрочем, обыкновенно при помощи других государств. В недавнем времени там произошла колоссальная революция, во время которой сместили 3 «Думы Страны». Эта революция известна под именем «Великой Орлионтанской Революции».

Власть в Орлионтане принадлежит «Думе Страны», председатель которой называется «Конституционным президентом» и отличается по имени.

Главная река в Орлионтане та же, что и в Венере, Узур-Шанце-Ременеос, только здесь она называется Аррена-Таппаниа (главная река, глава-река). На ней стоит город Кана, а на ее притоке Панклейд — столица Орлионтаны того же имени. Далее к северу стоит сухопутный город Дорнек, а к западу — Ванльмай. На реке Гаглец, которая вытекает на юго-западе Орлионтаны, стоит город Фона. Эта река втекает на южной границе в Герре, и повернув к востоку, впадает в мо-

ре, в Двухнудный залив. Между рекою Гаглец и Аррено-Тампаниа лежит пустыня Орлионтанская. Она совершенно безжизненна, мертва и не заселена. Там даже не живет зверей. Тут нет ни одного города, и только около Аррено-Тампаниа есть большой оазис Тапешан; но жизнь в нем невозможна благодаря трудности сношения с другим остальным миром. В Орлионтане живут Орлионтанцы и Венерцы, занимающиеся земледелием. Сеют кукурузу, хлопок, пшеницу и сахарный тростник, сажают на севере картофель.

МОРЕНА

Морена занимает Дориановский [так!] полуостров и часть суши около него. Морена исключительно военная страна. Она принимает участие во всех войнах, разгорающихся где бы то ни было; она всегда становится на сторону правого, не обращая внимания на то, силен он или слаб. И она выигрывает войну почти всегда, а вместе с ней и все правые. 4 века тому назад Морена была величиною с теперешнюю Еву и совсем не доходила до моря. Но четырехсотлетними усилиями она сперва добралась до Кантонойского залива, потом до Минервского моря, а в недавнешнюю войну <с> Дорианией заняла себе весь Дорианский полуостров, оставив врагу только Дорианские о-ва, которые вскоре тоже подпали под ее власть. Дориания была раньше большим государством на месте теперешней Морены. В сие время ее нет, только Морену иногда называют Дорианией, но это неправильно.

Морена — страна не торговая (а военная). Поэтому в ней мало торговых гаваней: больших только 6. Это: Гандира, Лавьена, Ардембьярда, Лария, Далья, Пеколлопа. Речные — Дромодра, Морена (столица), Ора, Тамара и Гемденея. Все, кроме Тамары, стоят на главной реке Морены — Поскарэе. Поскарэй вытекает из Моренских гор, так же как Лавиначио, река, на которой стоит Тамара. Тамара — бывшая столица погибшей Дориании.

Вся Морена разделяется на губернии, которые называются здесь «Дзапами». Над каждой такой Дзапой, которая имеет свой собственный главный, или дзаповый (губернский), город, властвует заместитель, а над всеми Дзапами — король «Многодзап». Он выбирается народом на 10 лет и имеет неограниченную власть. Если он не нравится народу, то последний без всякой кутерьмы и революции имеет право сместить его. Такой способ правления называется <...>

ЕВА*

Государство Ева существует только 12 лет. Она еще испокон веков принадлежала Дориании, но в ней жили народы из Генмеголии (бывшее государство на юго-восточном углу залива Кантамейского). После войны с Мореной Дориания погибла, а ее уцелевшая часть была покинута дорианцами и стала самостоятельной, назвавшись Евой. Ее племена и народы оседлелись и продолжали расширять 4 больших города: Кантомей (столица, в глубине Кантомейского залива, при устье реки Ады, главной в Еве), Каман (на Аде), Дельга (сухопутный) и Аль-

* В тетради эта глава перечеркнута. — Ред.

тамаира, на притоке Ады — Люмбенарде. Маленьких городов там очень мало, и вообще еще Ева мало заселена: в ней живут всего 5 миллионов человек.

Это скудное население занимается земледелием и скотоводством и ведет небольшую торговлю с окрестными государствами и странами. Ее и торговый, и военный флот очень мал и слаб, а про сухопутную часть военной силы и говорить нечего. Все это говорит в пользу того, что население Евы, <еще настолько некультурное,> рано или поздно должно вместе со всем своим государством подпасть опять под чужую власть.

Крестьяне Евы сеют хлебные злаки и хлопок, а продают по большинству случаев Морене и Минерве.

Ева управляется королем, власть которого строго ограничивает Красный Совет: Ева — Конституционная Монархия.

СИРИНГА

Сиринга... В этой стране нет власти, там анархия. В ней эта идея победила все препятствия. Но там не анархия с грабежом, убийством и резней. Нет. Там в полном расцвете и выполнении истинная анархическая идея. Там нет «нашего» и «вашего», там все общее. Нету также там различия классов, а есть только один класс: сирингцы. Там все до одного выполняют закон страны. Но это единственное в своем роде государство на шаре Юноны.

По Сиринге с севера на юг протекает ее главная река — Лориассена. Она имеет один большой приток Борхуссена. На этом притоке ее лежит город Борхус.

В Сиринге главный город Ваманиас стоит при впадении в реку Лориассену реки Борхус. Четыре гавани расположены: на северо-западном конце Двуносного залива стоит город Эпштнес, затем Тарнас, Луно, а при устье Лориассены — Лориас.

На Лориассене еще есть два города — Кронас и Тенас. Сухопутные — Думас и Кельхес.

Жители Сиринги — сирингцы. Фермерцы занимаются скотоводством и земледелием, сея хлопок, сахарный тростник и кукурузу. Всего жителей в Сиринге около 12 миллионов человек.

ГЕРРА

Герра — соединение 15 небольших государств.

Пять веков тому назад разгорелась жестокая война между государствами Гервенеи. Все 15 маленьких государств, Морена, Клио пошли (Сиринга и два маленьких герцогства, Раглендо и Мерран, теперь полузависимых от Венеры, точнее, малые государства) против нее (Венеры), Эоса и Рио-Надерро. Но последние победили, несмотря на отчаянную защиту Морены. Венера заключила мир с маленькими государствами, условившись с ними в том, что они будут существовать под именем одного государства, Герры, и быть всегдашними союзниками Венеры. Но через 10 лет Морена и Клио вступились за обремененную Герру и освободили ее. Но от нее отделилась только теперь самостоятельная Сиринга, а остальная Герра так и осталась Геррой. Теперь она очень сильна, и ее население равняется 50 миллионам человек.

Главная река Герры — Монсибея; она вытекает из Моченских гор, течет на юг и впадает в Ондский залив. При ее устье стоит главный город Герры Воллен, а на ней самой стоят главные города М.Г.Г., того же имени, что и само государство. Главным государством Герры считается Воллен, где впадает в море река Монсибея и начинается другая большая — Креалена. Она течет с Ондских гор и имеет устье в Двуносном заливе. Торес, Фальцет и Грангс — города, стоящие на ней. Сухопутный город Герры только один: Фанлон.

Жители Герры — представители всех государств — занимаются земледелием, рыбной ловлей и мореплаванием. Сеют хлопок, сахарный тростник, а на северных и южных окраинах возделывают джут.

Герра управляется императором, выбирающимся из Воллена. Власть его ограничивает Желтый Совет — представители всех Малых Геррских Государств; Герра — конституционная монархия.

МИНЕРВА

Минерва лежит к западу от Герры, по реке Лаумнео-Птеранье. Эта река вытекает из Минервских гор и течет сперва на северо-восток, а потом поворачивает на север. По дороге она принимает в себя 5 притоков и имеет одно устье с рекою Ворбо-лаго, которая течет с Моренских гор и принимает в себя 1 приток.

Минерва покрыта богатейшей растительностью. Благодаря тому что она лежит на экваторе, в ней растут громаднейшие тропические леса, на Юноне самые большие. В них скрывается богатейший животный мир, составляющий особую область разрядов животных — Южно-Гервенеи. В них произрастают колоссальные тысяче- и столетние деревья. Эти леса, благодаря жаркой и душной сырости климата (они находятся около реки в болотах), очень слабо заселены. Но кое-где места вырублены и лежат большие города. Таковы, например, города (речные) Борбо-Лаго, Рассель, Найра-Рут, Теше-Трань, Лайги-Дизе, Джекин-Озара. Гавани — Диглос-Но, Меко-Моко, Родо-Рау, Ланта-Минерво. Сухопутный — Альман-хо.

Жители Минервы занимаются земледелием, сея сахарный тростник и в очень большом количестве рис, который увозится на север и на юг, и кустарным ремеслом.

Управляется Минерва президентом, который выбирается всем народом на 4 года.

ЭОС

К юго-востоку от Герры лежат обширные степи. Это — Область Галюна, города государства Эос, лежащего за этими степями. Эти степи принадлежат этому государству и простираются от границы государств Герры и Эос до Ондских гор и реки Герай. Они представляют обширные пастбища, и в них водятся масса оленей, антилоп, жирафов и других животных. Население здесь очень густо: на каждую квадратную версту до 200 человек. Это население занимается земледелием и охотой.

Гавани: Имнец, Катавей, Гардерия, Дигама, Дария и Денгес. Речные — Миления, Фац, Димон и Глюн. Сухопутный — Амор, а столица Дигама лежит при

впадении в море Эос реки Дерай. Управляется Эос Советом Лиловых, выбираемыми народом на каждые 10 лет.

Ондо

Он-до!.. Что означают эти два слова, связанные вместе и которые имеют честь озаглавливать целое государство, страну? Да! Эти слова, означающие «былое величие», напоминают подданным его великий период его разрошения. Это было 7 веков тому назад, 7 веков! Ондо занимал раньше не только Эос, но и м. государства Киннес, Воллен, Торес и Фальцет. Оно захватило государство Мунакс и Сиригун, Раглендо и Меррон. О, как велика была та слава, распространенная по всему свету Ондо («Отп» — «gott»)! Но Эос и другие покоренные государства не любили своего доброго, справедливого и хорошего господина. Они объявили ему войну, бывшую для него роковой. На его сторону стала «Благородная Морена», но ничего не могла поделать против колоссального зарева войны и вражды. Она оставила у Ондо только маленькое государствице Гиггрес, лежащее на севере. Но и это государство постепенно отделяется от «Отп» — «gott», и хотя оно и говорит, что надеется сделаться совсем самостоятельным, но по его некоторым действиям видно, что оно, наверное, примкнет к Герре.

Еще раньше Ондо занимал всю Бирьюну и граничился с Модератой! Но все, все пропало у несчастного, несправедливо обиженного Ондо, как разлетается при дуновении ветра пух!

Теперь Ондо имеет все-таки 8 гаваней: Мопан, Роввен, Лерия, Резия, Грао (столица, отчего в древние времена Ондо называлось Гаовайской республикой), От, Райс и Лягинс. Главная река — Кетия, приток Милении.

Но Ондо идет быстро вниз по линии могущества, и когда-нибудь, может даже быть очень скоро, она сотрется с лица земли.

Бирьюна, или Кромаропартезия

Бирьюна — приморское государство, лежащее на берегу моря А. Великая история Бирьюны очень любопытна и интересна. 700 лет тому назад вся Бирьюна находилась под властью Ондо. Но и тогда она не была целой одной страной, а подразделялась на Кромарию и Партезию. Поэтому и теперь она называется Кромаропартезия. Они обе были империи. Когда их завоевало Ондо, то соединило в одну страну и назвало Бирьюной. Но владычество Ондо пало. Морена завоевала себе Партезию, а Рио-Кадерро — Кромарию. Через два века оба плененные государства соединились и завоевали себе полную независимость, соединившись в одну страну, в одно государство, и назвали Бирьюной, или Ляцеронией.

Вся Бирьюна разделена на 14 штатов, или хор-терьяксов (что на бирьюнском языке значит мелкие государства). Каждое такое государство имеет главный город. Таковы: Мотен, Доптерникс, Гиронтегама, Мусерасс, Да, Ракиана, Цекотто, Альта, Дорто, Рома, Нора, Бирьюно и Дэкинг. Бирьюно — столица. Главная река — Зорро. Бирьюна управляется Советом Выборных из штатов, или Советом Оранжевых. Население занимается земледелием, сея не только са-

харный тростник, но и хлопок, кукурузу. Еще занимаются скотоводством. Всего населения 32 миллиона.

Рио-Кадерро

Теплый южный климат государства Рио-Кадерро до того развил в нем растительность, что она поспорить может с минервской. Но на юго-западе этой страны, вопреки всему богатству местности, лежит довольно большая, очень сухая каменистая пустыня Рио. Влажные ветры не дуют сюда никогда с океана, кроме редких исключений; таково правило природы. Ее сухость увеличивается с каждым годом, и река Карриес (главная в Рио-Кадерро) давно бы засохла, если бы не следили очень тщательно за ее течением. Этим заведует столица государства, Кадерро, стоящий при впадении в Карриос ее притока — Лавсирьянокархес.

Гавани — Ора, Дзуу, Косри и Ланпа. Речные — Пинтес, Ровнир и Сон, а сухопутные — Увва.

Рио-Кадерро населяют пришельцы из разных стран. Таковы, например, бирьюнцы, модераты и так далее. Настоящие жители Рио-Кадерро (коренные — кадеррцы) частью рассеялись по всей Гервене, частью повымерли, и в самом государстве их осталось очень мало: всего 1 миллион, а всего жителей — 20 миллионов.

Эти 20 миллионов занимаются не только лесным промыслом, который очень распространен, и кустарным ремеслом, но и рыбной ловлей, и земледелием, сея сахарный тростник, хлопок, кукурузу и около Бирьюны, в сырости, рис.

Управление государством Рио-Кадерро принадлежит 10-летнему неограниченному монарху. Рио-Кадерро — алионационерная монархия.

Модерата

Модерата — маленькое государствице на Груонском перешейке. Она только недавно вышла из-под власти Минервы, которая основала там свою колонию.

Главный город Модераты — Химмен; лежит при впадении в Модератское море реки Алии (главная в стране). На этой реке еще лежат два города — Панн и Нейенлэнд. Гавань — Цорпиус.

Жители Модераты — Хамхамы, дикое племя, живущее в лесах и занимающееся охотой, грабежом и убийством, и цивилизованный народ — Колии, или модераты. Последние занимаются рыбной ловлей, лесным промыслом, земледелием. Возделывается кофе, джут, сахарный тростник. Всего жителей Модераты 8 миллионов: 6 миллионов Колиев, или модератов, а 2 миллиона хамхамов.

Модерата — алионационерная монархия, с той только разницей, что в ней монарха выбирают не на 10, а на 7 лет.

III ЧАСТЬ ГЕОГРАФИИ СТРАН И ГОСУДАРСТВ ПЛАНЕТЫ ЮОНЫ

АНДРОМЕДА

Крово

Теперешняя известность Крово существует благодаря прорытию Груонского канала. В древнее время, чтобы проехать из Анферсаммы и западного берега Гервенеи в Валькирию, Ладу и Рио-Марси, приходилось объезжать кругом на юг всю Андромеду. Но теперь все корабли стремятся через Груонский канал. Крово пользуется этим и берет с них плату, благодаря чему нажило себе очень большие финансы. История Крово мало чем интересна. Однажды только его завоевала одна народность роввии, живших на Груонском. Крово теперь управляется королем, который имеет неограниченную власть.

Онгиель, главная река Крово, вытекает с Гронгивских гор и впадает в Самаяльское море (залив). Столица — Крово-Хангинс — стоит при впадении в эту реку ее притока — Юлуна. Гавани — Груон (на западном берегу Груонского перешейка), Ланверн (на восточном берегу Груонского перешейка), Гонзо, Фаркьенлэнд, Роббози и Самеенсау. Речные — Тэндилэнд и Пронсилэнд; сухопутные — Хангнэрозиес и Лемонслэнд; первый на Онгиель, а второй на Юлуне. Крово населяют лэнды, энергичный, предприимчивый и умный народ, а также крованцы, древнейшие жители Крово, теперь очень изменившиеся в языке, религии, обычаях и чертах лица под влиянием лэндов, настоящая родина которых наверное <не> известна. В народных преданиях и мифах сохранились места о каком-то неизвестном мифологическом государстве Лэндэзии, бывшей будто бы в северной части Валькирии и в юго-восточной Крово (горная страна Думбсей), но это не подтверждено историческими данными. В данный момент лэнды рассеяны по всей Юноне, но та область Андромеды, которая в древние времена, по преданию, была заселена лэндами, и теперь носит название Лэндэзии, хотя лэндов там очень мало. Всех жителей Крово 20 миллионов. 14–15 миллионов лэндов и 5–6 миллионов крованцев. Население занимается мореплаванием и в сильной форме земледелием. Сеют пшеницу, хлопчатник, сажают картофель и другие овощи. Лэнды преимущественно живут в горах. Крово управляется монархом, власть которого ограничивает Пунцовый Совет. Этот монарх выбирается на 20 лет народом. Такая форма правления называется срочной монархией, а отличается от республики тем, что властитель выбирается на большее количество времени и ограничен он не в такой сильной степени, как президент. Срочная монархия признана во многих государствах Андромеды, Верры и Альционы, а также была раньше и на Гервенеи, и на Анферсамме.

Бэ

Бэ — государство, лежащее на западе гор Гранчивских, или, по-новому, Миноро. Оно все делится на 17 частей, как бы губерний, над которыми властвует король с ограниченной парламентом властью. Над каждой губернией, или, по-бэйски, «лорро», управляет заместитель, или «Гоннмэр». В некоторых лорро его

власть не ограничена, а в некоторых ограничена. Кроме того, гоннмэры влекут за собой или народную любовь, или ненависть. В лорро с плохими гоннмэрами часто бывают бунты, мятежи и революции, которые обыкновенно заканчиваются выбором нового гоннмэра. Общелорренские революции бывают редко, да и то несильные. Население лорро очень разнообразно, смотря по местности и климату.

На горах Миноро, на востоке лорро Довеля, Лэвлэнда и Горвианы население составляют Лэнды-горцы. Они достают руду и разводят овец. Также занимаются охотой. На севере, в Кройнсе, Мельвэ, Лайкентосе и на западе Дорчвеля живут лонтосы, крованцы, а также в маленькой степени модераты. Все они занимаются земледелием, сея кукурузы, хлопок и занимаясь огородничеством. В речной сырой местности живут крестьяне маровотяне, занимающиеся разведением громадных полей риса. К этой речной полосе принадлежат лорро: Добиес, западная часть Лэвлэнда, Холехер, Варляндимерлислэнд, западная часть Горвианы, Доплэнд и Доррейн, а также восток Разонеса и Дизанэсса. По берегу моря Рио-Топазо, в лорро Разонеса и Дизанэсса живут мореплаватели хойманлавы, которые смешались с живущими здесь лэндами и образовали нацию хойманлэндов и, бросив мореплавание, принялись за земледелие. В лорро Думбсей и Корбин, благодаря иному характеру страны, и жители имеют более суровый, необузданный и дикий характер. В лорро Корбин находится довольно большая группа озер того же имени. Эти Корбинские озера изобилуют рыбой, и окружающие жители занимаются рыбной ловлей. Но кругом природа удивительно мрачная и суровая. Благодаря высоте, климат холодный; кругом ни деревьев, ни травинки. Все мертво; лишь хищные орлы и кондоры перелетают с одного мрачного утеса на другой. С этой стороны в горах руды содержится мало, и горный промысел не развит. Напротив, в Думбсее, по имени которого названа вся горная страна, руды много, и там изобилуют в громадном количестве рудники и шахты, причем тут находится самый глубокий в мире рудник в 2 версты — Думбсей-Малл. Природа еще суровее и непригляднее: тут даже нет глади озер, а жители, горцы думбсеи, занимающиеся горным промыслом и кое-где охотой, имеют еще более суровый характер.

Все большие города Бэ имеют название лорро, которому принадлежат. Столица — Разонес, стоит на реке Пьянсерляэкос, главной в государстве, стране. Притоки этой реки, Кройнс-ами и Дарчвель-ами, текут оба в одном направлении и имеют название тех лорро, из которого вытекают, и оба впадают в Пьянсерляэкос в Варляндимерлисленде. С юга в главную реку впадает еще один приток — Думбсей-ами, который тоже имеет название того лорро, из которого вытекает.

Валькирия

Вся Валькирия лежит на низменности Крово-валькирийской (по-новому), или Вальк (по-старому). На юго-западе лежит довольно сухая каменистая пустыня, так называемая — Ир (Каухо). По имени этой пустыни называется и город, лежащий на севере ее, а из соединения ее имени с именем низменности, на которой лежит Валькирия, и государство получило имя Вальк-ир-ия. Из Карбинских озер (Петтерес) вытекает главная река — Карбиньяния. Она имеет два

притока с юга (один вытекает также из Петерес-озера, только с другого конца). Карбиньяния впадает в море Марси, в залив Горнезиану.

Жители Валькирии лэнды, живущие между пустыней Ир и Крово. Это место Валькирии называется Ахэво. Кроме лэндов здесь нет никого. Пустыня очень мало обитаема, а те люди, которые населяют ее, составляют почти вымершую нацию Ирийцев. Они занимаются проведением нуждающихся в этом через пустыню-родину, и, надо отдать им справедливость, очень честны. На низменности Вальк живут частью лэнды, занимающиеся, так же как ахэво, земледелием, и вальки, занимающиеся этим же самым.

Города сухопутные — Ир; речные — Нозе, Хайре, Донрэв, Валькирьяльк (при устье Карбиньянии, столица) (все это на Карбиньянии). На остальных маленьких речках больших городов нету, но в устьях этих рек их очень много. Таковы гавани: Гавва, Харэн, Нинлэнд, Валькирьяльк, Давин, Яузен.

Эрот

Эротом называется государство, лежащее на юге от Бэ. Его ясно можно разделить на 3 части: плоскогорье Эротское, низменность Б'эротскую и Лэйюнскую низину. Последней называется та часть Б'эротской низменности, которая лежит между Нертским морем и рекой Рио-Эрот, главной в государстве, стране Эрот.

I) Эротское плоскогорье лежит <между> двух горных хребтов: Парлефским и Тиролейским. Первый лежит на северо-западе плоскогорья, другой — на востоке. На Тиролейском хребте начинается главная эротская река Рио-Эрот, на которой лежит город Чинкон, а при впадении в нее ее главного притока Либрамыза — Оурроз. На плоскогории живут альварцы-горцы, смешанные с эротцами. Занимаются они скотоводством и горным делом.

II) Б'эротская низменность очень сильно заселена: от 150 до 170 человек на кв. версту. Это население состоит из эротцев и лэндов. Они занимаются земледелием, сея хлопок, кукурузу. Города — Пальмаро, Гуввэрх, Эроу. Сухопутные — Дальквас, Инея.

III) Лэйюнская низина заселена так же плотно, как Б'эротская низменность (от 150 до 170 ч. на кв. в.). Они занимаются земледелием, сея пшеницу, огородничеством и виноделием. Население состоит исключительно из эротцев. Оно достигает 7 миллионов, на плоскогории 7 миллионов, а на Б'эротской низменности 10 миллионов человек; всего 24 миллиона.

Рио-Марси

Государство Рио-Марси считается истинной страной чудес. Несмотря на то что оно лежит в верхнеумеренном поясе, растительность и фауна здесь так интересна, велика и разнообразна, что может поспорить с минервской. Ни одному ученому еще не удалось открыть, доказать и разрешить причину этого. Рио-Марси имеет много рек и главная из них — Гельера.

УРАНИЯ*

Орано

Оранский континент расположен между Альционой и Антарктидой. Он малоизрезан и имеет лишь 3 полуострова: Таинственный на западе, Ситрой — на востоке и Вакхский на севере. Почти нет островов: лишь о-в Мэлькэлма в море того же имени, о-ва Гуро, затерянные далеко в Рио-Колоссо, да Сигнамские о-ва в Рио-Грандо. Больше нет островов, кроме Разо и Мепрас, или Алль.

Около Вакхского полуострова находится еще маленький полуостров. Между ним и Вакхом лежит залив Орне, восточный берег которого составляет Вакхский перешеек, соединяющий полуостров того же имени с Оранским материком. Теперь через него прорыт Вакхский канал.

Орано мало исследован. Вся его внутренность не известна. В нескольких же местах на юге очертания континента неизвестны совершенно. Теперь все государства стремятся узнать, соединен ли Орано с Антарктидой посредством перешейка, составляющего стену с между Таинственным заливом и Ригалевым морем? Это покажет будущее; но теперь этого узнать нельзя, благодаря холоду, царствующему в этой части Южно-полярного континента из-за вечно дующих южных ветров.

Насквозь Орано пересек лишь один человек; это морен Гензис. Он вышел из Вакха в 2360 г. а прибыл в Юрган в 2366 г. Сперва он направился по берегу моря, но уже вне территории Вакха повернул на юг. Пройдя по низменности 200 тейнлеров (100 верст), он открыл новое плоскогорье, с тех пор носившее его имя. Тогда уже было известно, что южный берег Орано — край плоскогорья. Увидев, что и на севере — тоже плоскогорье, Ганзис предположил, что оно тянется вплоть до Таинственного моря, где края его открыл мореплаватель Дир Вилль.

Но Ганзис ошибся. Пройдя зигзагами 600 тейнлеров (300 верст), он достиг южного края плоскогорья. Далее тянулась низменность, покрытая ледяными полями. Ганзис окрестил ее своим именем и пошел по ней на юго-запад, потом повернул на восток, затем на юг. Зигзагами он прошел 350 тейнлеров (225 верст) и таким образом узнал, что ширина Ганзисовой низменности — 200 тейнлеров (100 верст). Дальше шло опять плоскогорье, более высокое, чем Гэнзисово. Чем дальше шел бесстрашный исследователь, тем выше становилось оно. Пройдя 400 тейнлеров, Ганзис увидел Таинственное море. Так как на западе плоскогорье граничило с Бононарским заливом, то открывший его назвал его Бононарским.

Далее Ганзис прошел 200 тейнлеров по берегу моря на запад, а затем при помощи своих спутников выстроил большую ладью и поплыл на ней через Коннебанское море с целью достигнуть Фабских островов. Но на пути он изменил свое решение к южному полюсу.

Проплыв 1000 тейнлеров сперва на юг, а затем 150 на восток, он наткнулся на неизвестную почву. Он проплыл по свободному морю 400 тейнлеров и достиг пункта, коего не достигал еще ни один смертный: 89° 16'5" южн. шир. Дальше он не мог продолжать плавание благодаря подходу к концу съестных

* В тетради с. 140–141 пустые, на с. 141 нарисована карта Урании, расположенной между Рио-Марси и Ладой. — Ред.

припасов. Он повернул обратно и по морю, названному морем Южного Полюса, доплыл до южного из Фибских островов, Кэпифисионикса. Тут он нашел склад провизии, оставленный предыдущей экспедицией, и, проплыв зигзагами Грюялансово море, достиг к 2364 году Орано.

Тут он повернул на северо-восток и на санях проехал по тогда еще неизвестной части низменности Таинственного полуострова. Потом, пройдя через Форт-Дорин, в 2366 году достигнул наконец города Юргана, самого южного поселения Юоны.

Таково было великое путешествие Ганзиса. Но все-таки громадная часть Орано осталась неведомой.

Весь северный берег Орано составляет низменность, покрывающая тоже западный и восточный берега. Низменность эта в разных местах своего протяжения по-разному называется. На западном берегу Таинственного полуострова она носит название Дориноской; это название распространилось также на область Эвтерпы. За Вакханским перешейком, до полуострова Ситро, она называется Гората, тогда как на полуострове — Ситронийскою.

САМОУБИЙСТВО

Действующие лица:

Невеста (Ольга Олеговна) — Олечка.
Жених (Александр Петрович) — Саша.
Их знакомый (Адриан Лаврович) — Адя.
Отец невесты (Олег Васильевич).
Мать невесты (Нина Николаевна).

Действие I

Комната в доме Олега Васильевича. Вечер. Часы показывают $\frac{1}{2}$ 8-го. Над столом, на котором накрыта посуда для чая и самовар, висит лампа. На диване сидит, склонившись над лежащей у него на коленях Ольгой Олеговной, А.П.

О.О. Милый Саша! Вот уж целый год, как мы не виделись. Расскажи же, как ты там поживал?

А.П. Ах, Олечка, прямо мука! Я так о тебе соскучился, что если бы через месяц тебя не увидел, то и не знаю... увидела ли бы ты меня в живых...

О.О. (испуганно). О! И не намекай на твое самоубийство! Это до того ужасно! Ты, мое утешение и предмет любви, вдруг... Не могу прямо подумать... (Плачет.) Боже, Боже!

А.П. Ну, Олечка!..

Стук в дверь. О.О. испуганно вскакивает, поправляет прическу и ускользает в другую комнату. В комнату входит А.Л.

А.П. Здравствуйте, Адя! Мы с вами давно не виделись!..

А.Л. А где же Олечка? Я ей принес что обещал (показывает на пакет в руке).

А.П. Она сейчас придет. Она только просила немного подождать. Сядемте!

Указывает рукою на диван. Садятся. Несколько времени проходит в молчании. Входит Олечка. Краснота глаз от слез еще сильно заметна.

А.Л. Олечка! Здравствуйте... Вы плакали?

О.О. Нет, нет. *(Краснеет.)*

А.Л. *(желая перевести разговор на другое).* Я вам принес то, что обещал...

Помните?

О.О. Спасибо. А теперь садимся чай пить.

А.Л. Нет, нет; я только забежал к Вам, чтобы отнести вот это *(опять указывает на сверток)*. А теперь надо идти. *(Уходит.)*

О.О. Он слышал, что мы говорили! Нет, это было видно по его лицу.

А.П. Да! *(в ужасе)*. Да! Что нам делать! Он расскажет О.В. и Н.Н. об этом и мне несдобровать!

О.О. Боже мой! Боже мой! Мы погибли! Если нас разъедят, то я убьюсь!
(Падает на диван и рыдает.)

Занавес

Действие II

Комната в доме О.В. Та же самая, что была в первом действии. О.В., О.О., А.П., А.Л. Все взволнованы, стоят.

А.Л. *(ехидно)*. Да-с, слышал и очень хорошо! А так как все уже сказано и пересказано, то выведено в заключении то, что вы больше никогда не увидите.

О.О. Так значит, вы подслушивали?! Подслушивают лишь негодяи и подлецы! Вы знаете это или нет?

А.Л. Но... но... *(Краснеет.)*

Н.Н. Но он имел хорошую цель на уме!

О.О. *(с негодованием)*. Хорошую! Чтобы в яму провалилась эта хорошая цель! Погубить человека и духовно и телесно!

О.В. Телесно? Что ты хочешь этим сказать?

О.О. *(Вытаскивая из-под пояса платья револьвер, пистолет)*. А-а, телесно! Погубил этот убийца человека не только духом, но и телом! Я умру, ибо вы убили меня и его *(показывает на А.П.)!* *(Стреляет в себя и падает. Н.Н. падает в обморок; А.П. рыдает на груди невесты. А.Л. ускальзывает в дверь.)*

КРАТКАЯ ЛЕТОПИСЬ ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА ДАНИИЛА ЛЕОНИДОВИЧА АНДРЕЕВА

1906

20 октября/2 ноября н. ст.

Берлин, Грюневальд, Гербертштрассе, 26. В семье писателя Леонида Николаевича Андреева (1871–1919) и Александры Михайловны Андреевой (урожд. Велигорской; 1881–1906) родился сын Даниил.

28 ноября/15 ноября н. ст.

Берлин. От послеродовой горячки скончалась А.М. Андреева. Новорожденного внука забрала ее мать Евфросинья Варфоломеевна Велигорская (урожден. Шевченко; 1846–1913) и увезла в Москву, в семью другой своей дочери, Елизаветы Михайловны Добровой. Жили в это время Добровы в доме Чулкова на Арбате, на углу Спасо-Песковского переулка. Даниил много болел, его с трудом выносили.

1907

11 марта. Москва.

Даниил Андреев крещен в храме Спаса Преображения на Песках на Арбате, в том самом, который изобразил когда-то В.Д. Поленов в «Московском дворике». Крестный отец Даниила А.М. Горький на крестинах быть не мог, в духовную консисторию была послана его записка. В «Метрической книге на 1907 год» сделана следующая запись:

«В д. Чулкова. В Германии в Груновальде, уезд Тельстов родился 1906 г. ноября 2-го дня по новому стилю. Помощник Присяжного поверенного Округа Московской Судебной Палаты Леонид Николаевич Андреев и законная его жена, Александра Михайловна, оба православные. Записано по акту о рождении за № 47, выданному 12 ноября по новому стилю 1906 года Чиновником Гражданского Состояния Рапшголь, и удостоверенному Императорским Российским Консульством в Берлине ноября 30/декабря 13 1906 года за № 4982-м.

Кто совершал таинство крещения: Приходской Протоирей Сергей Успенский с Диаконом Иоанном Поповым, Псаломщиками Иоанном Побединским.

Звание, имя, отчество и фамилия приемников: Города Нижнего цеховой малярного цеха Алексей Максимович Пешков и жена врача Филиппа Александровича Доброва, Елисавета Михайловна Доброва.

Запись подписали: Приходские Протоирей Сергей Успенский, Диакон Иоанн Попов, Псаломщик Иоанн Побединский, Пономарь Михаил Холмогоров».

Август.

Л.Н. Андреев приезжает в Москву повидать сына. Несколько дней он провёл на даче Добровых в Бутово, гулял среди знакомых берёз и «привыкал к Данилке». В одном из писем писал: «Данилочка выглядит хорошо, очень веселый, на меня смотрит и удивляется».

Октябрь—декабрь.

С 18 октября и до 20 ноября, а затем с 23 ноября по 13 декабря Л.Н. Андреев живёт в Москве, в доме Добровых. Жена И.А. Бунина вспоминала о тех днях: «Кто-то спросил Андреева, почему он сегодня не в духе?

— Я только что от Добровых. Видел сына, который все чему-то радуется, улыбается во весь рот.

— Но это прекрасно, значит, мальчик здоров, — сказала я.

— Ничего прекрасного в этом нет. Он не имеет права радоваться. Нечего ему быть жизнерадостным. Вот Вадим у меня другой, он уже понимает трагедию жизни» (В.Н. Муромцева-Бунина. *Беседы с памятью*). Трагедии начавшегося века хватило на обоих братьев. Но горшее досталось Даниилу, русскую трагедию он пережил острее и глубже.

1909–1910

Зимой 1909/10 г. Даниил некоторое время живёт в семье отца на Черной Речке. «Когда в 1910 году отец сделал попытку взять Даню к нам, на Черную речку, из этого ничего не вышло — Даня прожил у нас недолго, условия нашей андреевской жизни были настолько непохожи на то, к чему он привык у Добровых — к заботам, к нежности, к доброте, — что вскоре Евфросинья Варфоломеевна увезла его в Москву.

В 1957 году... больной Даня... рассказал мне о случае, послужившем причиной его увоза с Черной речки. Ледяная гора, с которой мы катались на санках, выходила прямо на реку. Трёхлетний Даня съезжал с устроенной внизу горы... вместе со своей няней, правившей санками. Анна Ильинишна (мачеха — Б.Р.), придерживавшаяся политики «сурового воспитания»... запретила няне возить его. Даня съехал с горы один и попал прямо в прорубь... По счастью, нога в толстом валенке застряла между перекладинами санок, и няня, бежавшая сзади, успела выхватить его из проруби» (Вадим Андреев. *Детство*).

1914

Лето.

Даниил Андреев проводит лето вместе с Добровыми в Нодендале (Финляндия), общается с отцом и братом Вадимом, где их застаёт начало Первой мировой войны. Через десятилетия он вспоминал об этом лете:

Брызгать, бегать и у заворота
Разыскать заколдованный челн;
Растянуться на камне нагретом
Иль учиться сбивать рикшетом
Гребешки набегающих волн.

А вокруг, точно грани в кристалле, —
Преломленные, дробные дали,
Острова, острова, острова,
Лютеранский уют Нодендаля,
Церковь с башенкой и синева.

1915

Весна.

Написано первое стихотворение «Сад». В этом же году пишутся первые рассказы «Путешествие насекомых» и «Жизнь допотопных животных» (не сохранились).

1916

Июль.

Встречается в Бутово с отцом и старшим братом Вадимом, приехавшими навестить его и Добровых.

Октябрь.

В Москву 14 октября приехал Л.Н. Андреев, пробыл недолго, и это, видимо, было последнее свидание Д. Андреева с отцом.

1917

Сентябрь.

«В 1917 году я поступил в Московскую частную гимназию Е.А. Репман, одну из самых передовых и демократических в Москве, практиковавшую ещё до революции совместное обучение» (*Автобиография*). В том же году прогимназия для детей обоего пола Е.А. Репман (Никитский бульвар д. 9/10) стала 23-й школой второй ступени Хамовнического отдела народного образования.

1919

12 сентября.

В деревне Нейвола умер отец Д. Андреева Леонид Николаевич Андреев.

1921

Август.

Первое мистическое озарение у храма Христа Спасителя. «Первое событие этого рода, сыгравшее в развитии моего внутреннего мира огромную, во многом даже определяющую роль, произошло в августе 1921 года, когда мне не исполнилось ещё пятнадцати лет. Это случилось в Москве, на исходе дня, когда я, очень полюбивший к тому времени бесцельно бродить по улицам и беспредметно мечтать, остановился у парапета в одном из скверов, окружавших храм Христа Спасителя... Событие... открыло передо мной или, вернее, надо мной такой бушующий, ослепляющий, непостижимый мир, охватывающий историческую

действительность России в странном единстве с чем-то несоразмерно большим над ней, что много лет я внутренне питался образами и идеями, постепенно наплывавшими оттуда в круг сознания» (*Д. Андреев. Роза Мира*).

1923

19 июня.

Окончание школы. «Окончил ее в 1923 году (к тому времени это была уже 90-я московская советская школа)...» (*Автобиография*). В стихотворении «Вальс», посвященном окончанию школы, Д. Андреев писал:

Старая школа, родная и душная,
Ульем запела... и вот —
Вальсов качающих трели воздушные
Зал ослепительный льет.

С благоволящим спокойствием дедушки —
Старший из учителей...
В белом все мальчики, в белом все девушки,
Звезды и пух тополей.

Здравствуй, грядущее! К радости, к мужеству
Слышим твой плещущий зов!
Кружится, кружится, кружится, кружится
Медленный вихрь лепестков.

1923 годом датировано стихотворение «Юношеское», дописанное в 1950-м, в котором Д. Андреев говорит о богоборческих соблазнах своей ранней юности.

1924

«Поступил в Литературный институт» (*Автобиография*). Видимо, имеется в виду Высший литературно-художественный институт им. В. Брюсова, к осени следующего года преобразованный в Высшие государственные литературные курсы Моспрофобра. Начинает работать над романом «Грешники».

1926

Вступил в Союз поэтов («Писал тут стихи и за них попал в Союз поэтов». — *Письмо В.Л. Андрееву от 15 мая <1926 г.>*). Союз поэтов, председателем которого тогда был Г.А. Шенгели, преподававший на Высших государственных литературных курсах, где учился Д. Андреев, просуществовал до 1929 г.

Конец августа.

Женитьба на Александре Львовне Гублёр (псевдоним Горобова; 1907–1985), учившейся вместе с Д. Андреевым на Высших государственных литературных курсах; венчание в храме Воскресения Словущего на Успенском вражке.

Конец октября—начало ноября.

Разрыв с А.Л. Гублёр. «В институте он познакомился с одной девушкой, виделся с ней на лекциях, бывал у них в доме. Она у нас не бывала; иногда она заходила на минутку за ним, и они уходили вместе. <...> За второй год ученья вызовы участились, причем она совершенно не считалась со временем, она могла прийти и в два, и в три часа ночи, поднять его с постели и увести его с собой, ссылаясь на какие-то важные дела. Также постоянно вызывала по телефону, причем из этих разговоров я заключала, что он не очень ею заинтересован, мне даже казалось, что все это неприятно Дане. <...> Вечером сидели мы, читал он мне свою вещь, потом встал так порывисто и вышел, потом входит да прямо ко мне: “Мамочка, я перед тобой очень, очень виноват, простишь ли ты меня когда-нибудь?” — “Дуся, дитя мое, в чем дело?” — “Мамочка, я женился”. — “Милый ты мой, зачем же ты это сделал?” — “Мамочка, так надо было, да мы и любим друг друга”. — “Почему же ты сделал это так, тайком от нас?” — “В церкви во время венчания я почувствовал, что сделал не так, как надо, мне было так тяжело, что тебя не было в церкви, и мне все казалось, что ты войдешь”. Видя его в таком тяжелом состоянии, конечно, я ничего не могла сказать, т.е. что я действительно поверила, что они любят друг друга, но в этом-то и была главная ошибка; конечно, он ее не любил; любила ли она его, не могу сказать. Словом, после всяких перипетий, к концу второго месяца они разошлись. Теперь уже получили гражданский развод, еще остался церковный» (*из письма Е.М. Добровой к В.Л. Андрееву от 5 марта 1927*).

1927

Февраль.

Развод с А.Л. Гублёр. Тогда же Д. Андреев уходит с Высших государственных литературных курсов.

Весна.

Поездка в Ленинград; там знакомится с Г.Д. Венусом (1898–1939) — поэтом и прозаиком, берлинским другом В.Л. Андреева, в 1926 году вернувшимся в Россию (в 1938 г. Венус был арестован и затем расстрелян).

1928

15 апреля.

Второе мистическое озарение в церкви Покрова в Левшине. «Внутреннее событие... было и по содержанию своему, и по тону совсем иным, чем первое: гораздо более широкое, связанное как бы с панорамой всего человечества и с переживанием Всемирной истории как единого мистического потока, оно, сквозь торжественные движения и звуки совершавшейся предо мной службы, дало мне ощутить тот вышний край, тот небесный мир, в котором вся наша планета предстает великим Храмом и где непрерывно совершается в невообразимом великолепии вечное богослужение просветленного человечества» (*Д. Андреев. Роза Мира*).

Лето проводит в Тарусе вместе с двоюродной сестрой А.Ф. Коваленской (Добровой), ее мужем А.В. Коваленским и другом их семьи В.Е. Беклемишевой. «Лето... провели в Калужской губернии, на Оке, в необыкновенно красивом мес-

те. Это дало мне страшно много. Ведь я уже несколько лет почти не выезжал из Москвы. И попав в эту сказочную красоту — черт его знает, даже не знаю, как определить. Природа — хмелит; разница в том, что в ее опьянении нет ни капли горечи» (из письма к В.Л. Андрееву от 25 сентября 1928 г.).

СЕНТЯБРЬ.

Поездка в Ленинград: ездил «призываться на воинскую повинность», жил две недели на Мойке «в старой папиной квартире» (из письма к В.Л. Андрееву от 25 сентября 1928 г.).

Занимается Древним Востоком, пишет стихотворения «За днями дни... Дела, заботы, скука...», «Сеннаар», поэму «Красная Москва» (не сохранилась), работает над романом «Грешники» (не сохранился).

1929

МАРТ.

Написано стихотворение «Рылееву».

ЛЕТО.

Первое открытие существования стихиалей — духов природы: «...в знойный летний день 1929 года вблизи городка Триполье на Украине... Счастливо усталый от многоверстной прогулки по открытым полям и по кручам с ветряными мельницами, откуда распахивался широчайший вид на ярко-голубые рукава Днепра и на песчаные острова между ними, я поднялся на гребень очередного холма и внезапно был буквально ослеплен: передо мной, не шевелясь под низвергающимся водопадом солнечного света, простиралось необозримое море подсолнечников. В ту же секунду я ощутил, что над этим великолепием как бы трепещет невидимое море какого-то ликующего, живого счастья» (Д. Андреев. *Роза Мира*).

АВГУСТ.

Написано стихотворение «Близятся осени дни, по ночам холодеют туманы...».

«В 1929 году редактировал и комментировал сборник “Реквием”, посвященный десятилетию со дня смерти отца» (Автобиография).

1930

Выход книги: «Реквием: Сборник памяти Леонида Андреева / Под ред. Д.Л. Андреева и В.Е. Беклемишевой». М.: Федерация, 1930.

МАРТ.

Написано стихотворение «Я неизбежен, как рок...».

АПРЕЛЬ–ИЮНЬ.

«Третий месяц сажу над книжкой для детей о рыбной промышленности...» (из письма к В.Л. Андрееву от 4 июля 1930 г.).

ИЮЛЬ–СЕНТЯБРЬ.

Начало работы над поэмой «Солнцеворот».

АВГУСТ–СЕНТЯБРЬ.

Первая поездка в Трубчевск с близкой знакомой семьи Добровых писательницей В.Г. Малахивой-Мирович (1878–1952). «...Живу в глуши, в маленьком

городишке Трубчевске, на реке Десне... Тут безграничный простор, целая страна разворачивается у ног. И когда идешь — невозможно остановиться: версту за верстой, и в конце концов уходишь так далеко, что обратно едва доползаешь, уже к ночи» (из письма к В.Л. Андрееву от 25 августа–6 сентября 1930 г.).

1931

ЛЕТО.

Поездка в город Трубчевск, странствия по его окрестностям.

29 июля 1931.

Мистическое озарение на берегах Неруссы. «...Лучшим моментом в моей жизни была ночь в июле 31 года, проведенная у костра на плесах р. Неруссы. Само собой, разумеется, я не претендую (Боже упаси!!) на космическое сознание, но пережитое в ту ночь было крошечным приближением... к нему (прорывом). Меня тогда охватило невыразимое благоговение, и не кровавым смятением, а великолепной, как звездное небо, гармонией, стала вселенная» (из письма к Е.Н. Рейнфельд от 14 декабря 1933 г.).

Работает над поэмой «Солнцеворот» (не сохранилась); написаны стихотворения «Берег скалистый высок...», «Ослепительным ветром мая...» и др.

1932

ФЕВРАЛЬ–МАРТ.

«В 1932 году я поступил на работу на московский завод «Динамо», в редакцию заводской многотиражки “Мотор”, где работал сначала литературным правщиком, потом зав. соцбытсектором газеты. На службе пробыл всего около двух месяцев и ушел по собственному желанию, не найдя в себе ни малейшей склонности не только к газетной работе, но и вообще к какой бы то ни было службе. Больше я не служил нигде и никогда» (Автобиография). «Эта работа, главное — завод и его жизнь — дали мне очень много» (из письма к В.Л. Андрееву от 8 апреля 1932 г.).

Знакомство с художником-гравером А.Д. Галядкиным и поэтом и искусствоведом В.М. Василенко. «Из Трубниковского переулка, где я жил с родителями, я приходил к Дане в Малый Левшинский... Я приходил часто, и мы в его комнате с двумя окнами во двор обычно засиживались допоздна. Возвращался я от него в два-три часа ночи по затихшей Москве... Эти вечера были наполнены разговорами о поэзии, о Блоке, о Волошине, о Гумилеве... О Боге» (В.М. Василенко. *Далекие ночи*).

Лето проводит в Трубчевске и его окрестностях. «Лето я прожил опять в том самом благословенном городе Трубчевске, где так великолепно кефывал в прошлом и позапрошлом году. На этот раз, однако, обстоятельства были не так благоприятны. Сначала мешала погода. Июнь и первая половина июля были на редкость дождливыми... Едва же наступила великолепная... жара, как я сильно повредил пятку, наступив босиком на торчащий из доски ржавый гвоздь... Хромая на одну ногу, я сделал чудесную четырехдневную прогулку по брянским ле-

сам, вверх по совершенно очаровательной реке Неруссе, проводя лунные ночи в полном одиночестве у костров...» (из письма к В.Л. Андрееву <осень 1932 г.>).

Написаны стихотворения «Самое первое об этом», «Темные грезы оковы-вать метром...» и др. Закончен сборник стихотворений «Дневник поэта».

1933

ФЕВРАЛЬ–ИЮЛЬ.

Работает над книгой (биографии ученых-изобретателей) для Энергоиздата.

Ноябрь.

Мистическое озарение в церковке во Власьевском переулке. «Содержанием... этих минут был подъем в Небесную Россию, переживание Синклита ее просветленных, нездешняя теплота духовных потоков, льющаяся из того средоточия, которое справедливо и точно именовать Небесным Кремлем. Великий дух, когда-то прошедший по нашей земле в облике Серафима Саровского, а теперь — один из ярчайших светильников Русского синклита, приблизился и склонился ко мне, укрыв меня, словно эпитрахилью, шатром струящихся лучей и ласкового тепла. В продолжение почти целого года, пока эту церковь не закрыли, я ходил каждый понедельник к акафистам преподобному Серафиму — и — удивительно! — переживал это состояние каждый раз, снова и снова, с неослабевающей силой» (Д. Андреев. *Роза Мира*).

Начинает работу над сочинением «Контур предварительной доктрины», оставшимся незаконченным, и над циклом «Предгорья». Написаны стихотворения «В музее», «Каменный старец», «Люди любили не нашей любовью...», «Осень! Свобода!.. Сухого жнивья кругозор...», «Предваряю золотые смолы...», «Серебряная ночь пророка», «Со свечой» и др.

1934

Написаны стихотворения «Мадленские пещеры», «Из дневника», «На орлиных высотах Непала...», «Бенарес! Негаснущая радуга...», «Отрывок» («...На берег вышла. Солнце тканью...»), «Танго».

20 октября.

Посещает Коктебель, пишет стихотворение «Могила М. Волошина».

1935

Вступил в Московский горком художников-оформителей.

8 сентября.

Написан «Запев» поэмы «Песнь о Монсальвате». «Осенью я начал большую поэму из эпохи Крестовых походов — свободная вариация на тему центрального мифа позднего Средневековья, — очень свободная, озаренная тем пониманием, которое возможно только для человека нашей эпохи и страны... Сейчас эта поэма — единственное, что по-настоящему заставляет хотеть меня жить: хотя бы для того, чтобы кончить ее» (из письма к Е.Н. Рейнфельд от 15 мая 1936 г.).

Написаны стихотворения «Бар-Иегуда Пражский», «Бор, крыши, скалы — в морозном дыме...», «Гумилев», «Дикий берег», «Когда былых миров оранжевые зори...», «Маларайба», «Милый друг мой, не жалею о старом...», «Мне радостно обнять чеканкой строк...», «Нет, младенчество было счастливым...», «Порхают ли птицы, играют ли дети...», «Титурэль», «Я уходил за городскую стражу...», «Язык любви» и др.

1936

Лето с 8 или 9 июля до середины августа проводит в Трубчевске и его окрестностях.

Написаны стихотворения «Брянские леса», «Веселым, как вечный мальчишка Адам...», «Грибоедов», «Есть кодекс прав несовершеннолетних...», «Еще не брезжило. В лесу шуршала осень...», «Из дневника» («На день восьмой открылся путь чугунный...»), «Лес не прошумит уже ни жалоб, ни хвалы...», «Нет, не юность обширная...», «Ночь снизошла, всю ложь опровергая...», «Она читает в гамаке...», «Плотогон», «С бдящими бодрствует Ангел. — Не спи...» и др.

1937

ФЕВРАЛЬ или МАРТ.

По совету Е.П. Пешковой пишет письмо И.В. Сталину с просьбой содействовать возвращению брата В.Л. Андреева из эмиграции.

Начало марта.

Знакомство с А.А. Ивашевой-Мусатовой (урожд. Бружес). «Мы подходили Малым Левшинским переулком к небольшому дому, а навстречу из двери этого дома вышел высокий, худой, стройный, несмотря на сутуловатость, человек с очень легкой и быстрой походкой. Шел сильный снег, и так я и запомнила: блоковский ночной снегопад, высокий человек со смуглым лицом и темными узкими глазами. Очень теплая рука. Так он вошел в мою жизнь...» (А.А. Андреева. *Жизнь Данила Андреева, рассказанная его женой*).

17 марта.

Посещает Пушкинскую выставку.

Август–середина сентября.

Отдых в Судак вместе с М.П. Гонтой, которой поэт посвятил позднее цикл «Янтари». В цикле отразились крымские впечатления этих месяцев. «Прекрасно питаюсь, много сплю; гулять стараюсь недалеко, чтобы накопить побольше сил, хотя горы властно тянут к себе; пока что я побывал на двух вершинах. Зато часто ухожу в пустыню, начинающуюся за холмами в нескольких шагах от моего дома. ...Должен признаться... в настоящее время для меня гораздо целебнее и плодотворнее эта пустыня, чем знаменитая генуэзская крепость...» (из письма к Л.Ф. Смирновой от 20 августа 1937 г.).

Осенью знакомится с сестрами Усовыми — Ириной Владимировной и Татьяной Владимировной — и их матерью Марией Васильевной.

Начинает работу над романом «Странники ночи». Написаны стихотворения «Базар», «Вижу, как строится. Слышу, как рушится...», «Еще в плену запеча-

таных колб...», «Из погибшей рукописи», «Тоскуя по древне-забытому краю...», «Утро. Изморозь. Горечь сырая...» и др.

1938

Завершение работы над поэмой «Песнь о Монсальвате».

1939

Летом один месяц провел на даче в Малоярославце, общаясь с Т.В. и М.В. Усовыми. «Мама с Таней снимали комнату, а для Дани присмотрели светелочку поблизости, так что питались они вместе. Вдвоем с Таней они совершали длительные прогулки по окрестным лесам и лугам... могло казаться даже, что их дружба переходит в роман» (И.В. Усова. *Даниил Леонидович Андреев в моей жизни*).

Написаны стихотворения «Дивичорская богиня», «Тесен мой дом у обрыва...», «Чуть колышется в зное...».

1940

Последнее посещение Трубчевска.
Написано стихотворение «Хлебников».

1941

Конец апреля.

Умер Ф.А. Добров, которого Д. Андреев считал своим приемным отцом.

Работает над поэмой «Германцы».

Завершен цикл стихотворений «Катакомбы» (1928–1941).

1942

Январь.

Написан цикл «Янтари».

Июль.

Умерла Е.М. Доброва (урожд. Велигорская), о которой Д. Андреев в поэме «Немереча» писал:

Вторая мать, что путь мой укрывала
От бед, забот любовью крепче стен,
Что каждый день и час свой отдавала,
Не спрашивая н и ч е г о взамен.

Октябрь.

Призыв в армию; служба в воинской части, дислоцированной в Кубинке (Московская область).

1943

Январь.

Переход в составе 196-й краснознаменной стрелковой дивизии по льду Ладожского озера и по Карельскому перешейку в осажденный Ленинград. «В начале 1943 года я участвовал в переходе 196-й стрелковой дивизии по льду Ладожского озера и, после двухдневного пути через Карельский перешеек, вошел поздно вечером в осажденный Ленинград. Во время пути по безлюдному, темному городу к месту дислокации мною было пережито состояние, отчасти напоминавшее то давнишнее, юношеское, у храма Спасителя... Оно было окрашено сурово и сумрачно. Внутри него темнело и сверкало противостояние непримиримейших начал, а их ошеломляющие масштабы и зиявшая за одним из них великая демоническая сущность внушала трепет ужаса. Я увидел “третьего уицраора”... Это переживание я попытался выразить в поэме “Ленинградский Апокалипсис”...» (Д. Андреев. *Роза Мира*).

Умерла Е.М. Митрофанова (урожд. Велигорская), тетя Д.Л. Андреева, жившая в доме Добровых.

Август.

Перевод в 595-й хирургический полевой госпиталь, размещавшийся в районе Резекне (Латвийская ССР).

1944

14–21 июня.

Приезд с фронта в командировку. Встреча с А.А. Ивашевой-Мусатовой, во время которой их отношения окончательно определились, и они решили стать мужем и женой.

Октябрь.

Откомандирован в Москву, в Музей связи Красной армии для участия в оформлении его экспозиции.

1945

25 июня.

Признан инвалидом Великой Отечественной войны 2-й группы с пенсией 300 руб.

С конца июля по 19 августа вместе с А.А. Ивашевой-Мусатовой живут в деревне Филипповской Константиновского района Московской области (в 40 км от Загорска (Сергиева Посада)).

4 ноября.

Зарегистрирован брак с А.А. Ивашевой-Мусатовой (урожденной Бружес).

1946

Весной с А.А. Андреевой гостят у семьи Тарасовых на даче в Измайлово.

Июль–август вместе с А.А. Андреевой проводят в Задонске с семьей Бружес. «...Открытое окошко с геранью, за ним — улочка и сады, а дальше — даль по ту сторону Дона, с деревенькой и лесами. Лесами — увы — недоступными, ибо самочувствие наше не позволяет сделать ни одной настоящей прогулки... за три недели осмотрели лишь ближайшие окрестности: интересный полуразрушенный монастырь, берега реки и не далекие, покрытые лесом холмы с живописными обрывами...» (из письма к В.Л. Тарасовой, уржд. Миндовской, от 11 августа 1946 г.).

СЕНТЯБРЬ.

Начинает работу над книгой «О русских исследователях Африканского материка».

Выходит написанная в соавторстве с географом С.Н. Матвеевым книга «Замечательные исследователи горной Средней Азии» (М.: Географгиз, 1946).

1947

Завершает работу над романом «Странники ночи», обдумывает второй роман предполагаемой трилогии — «Небесный Кремль», в котором, в частности, должен был воплотиться фронтальный опыт поэта.

21 АПРЕЛЯ.

Арест Д.Л. Андреева. «Когда Даниил написал книгу о русских путешественниках в Африке, она уже была в гранках и должна была скоро выйти, ему неожиданно предложили по телефону полететь в Харьков и прочесть лекцию по этой книжке. Даниил очень удивился, но почему бы и нет? ...Очень рано утром к нашему дому подъехала машина. Я вышла проводить Даниила. Он сел в машину, и она тронулась по переулку. Даниил посмотрел на меня через заднее стекло... Даниила взяли по дороге. Мне прислали фальшивую телеграмму из Харькова» (А.А. Андреева. *Плаванье к Небесной России*).

23 АПРЕЛЯ.

Арест А.А. Андреевой. «Поздно вечером 23 апреля пришли за мной. Вошли трое. Капитан, возглавлявший визит, вел себя вполне корректно. Обыск был для него привычной и обыденной работой. Он длился четырнадцать часов. Всю нашу большую библиотеку перебирали по книжке: искали роман и стихи, о которых уже знали...» (А.А. Андреева. *Плаванье к Небесной России*).

1948

«...Самый тяжелый период моей жизни — 48-й год, время первого следствия, протекавшего в ужасающих условиях и доведшего меня до состояния глубокой депрессии. Не дай Бог даже врагу испытать что-либо подобное» (из письма к И.А. Новикову от 31 мая 1957 г.).

30 ОКТЯБРЯ.

Осужден Особым совещанием при МГБ СССР по статьям УК 19-58-8, 58-10, ч. 2, 58-11 УК РСФСР. В постановлении говорилось: «Андреева Даниила Леонидовича за участие в антисоветской группе, антисоветскую агитацию и террористические намерения заключить в тюрьму сроком на двадцать пять лет, считая срок с 23 апреля 1947 года. Имущество конфисковать». Вместе с ним по тому же делу было осужде-

но еще девятнадцать человек, приговоренных к заключению в ИТЛ на срок от десяти до двадцати пяти лет. Это были его родственники и близкие друзья: А.А. Андреева, И.Л. Арманд, Е.И. Белоусов, В.М. Василенко, Т.Н. Волкова, А.Ф. Добров, А.Ф. Добрава, А.А. Добровольский, А.М. Ивановский, С.М. Ивашев-Мусатов, В.А. Кемниц, А.В. Коваленский, Е.Ф. Лисицына, С.Н. Матвеев, А.В. Скородумова-Кемниц, Т.В. Усова, Г.Г. Хандожевская, А.П. Шелякин, С.Д. Шепелев. Они, говорилось в обвинительном заключении, были признаны виновными в том, что являлись участниками антисоветской террористической группы, созданной и возглавляемой Андреевым Д.Л., участвовали в сборищах, проводимых Андреевым, «на которых высказывали свое враждебное отношение к Советской власти и руководителям Советского государства; распространяли злобную клевету о советской действительности, выступали против мероприятий ВКП(б) и Советского Правительства и среди своего окружения вели вражескую агитацию». Обвинение основывалось во многом на романе Д.Л. Андреева «Странники ночи», над которым он работал с 1937 по 1947 г. В романе изображалась жизнь и искания московской интеллигенции в предвоенные годы, в частности, в нем был эпизод, в котором говорилось о некоей группе, готовящей покушение на Сталина. По окончании следствия роман, несмотря на протест Андреева, был уничтожен, как и все его рукописи.

27 НОЯБРЯ.

Прибыл во Владимирскую тюрьму № 2 из Лефортовской тюрьмы МГБ.

1949

СЕНТЯБРЬ.

Мистическое видение «третьего иудея»... «но уже полностью свободное от метафизического ужаса, было мною пережито опять-таки ночью, в маленькой тюремной камере, когда мой единственный товарищ спал, и несколько раз позднее в 1950–1953 годах, тоже по ночам в общей тюремной камере...» (Д. Андреев. *Роза Мира*).

1950

ФЕВРАЛЬ–СЕНТЯБРЬ.

Завершена работа над составом поэтической книги «Русские октавы» (Часть первая. «Богам и соснам». Часть вторая. «Пойма». Часть третья. «Гулянка». Часть четвертая. «Босиком». Часть пятая. «Лесная кровь». Часть шестая. «Немереча». Часть седьмая. «Устье жизни»). Завершение работы над поэмой «Немереча» (1937–1950).

8-22 ДЕКАБРЯ.

Написана поэма «Симфония городского дня».

23 ДЕКАБРЯ.

Начало работы над «Железной мистерией».

24 ДЕКАБРЯ.

Начало работы над «Розой Мира». «Я начинал эту книгу в самые глухие годы тирании, довлевшей над двумястами миллионами людей. Я начинал ее в тюрьме, носившей название политического изолятора. Я писал ее тайком. Ру-

копись я прятал, и добрые силы — люди и не люди — укрывали ее во время обысков. И каждый день я ожидал, что рукопись будет отобрана и уничтожена, как была уничтожена моя предыдущая работа, отнявшая десять лет жизни и приведшая меня в политический изолятор» (Д. Андреев. *Роза Мира*).

1951

Январь—сентябрь.

Работа над «Утренней ораторией».

Февраль.

Написана поэма «Гибель Грозного».

1952

Сентябрь.

Начало работы над первым вариантом состава книги «Русские боги».

Написана поэма «Рух».

1953

Работа над новеллами для книги «Новейший Плутарх», написанной совместно с сокамерниками В.В. Париным и Л.Л. Раковым. Завершение работы над поэмой «Ленинградский Апокалипсис» (1949–1953).

Июнь.

Завершение работы над первым вариантом состава книги «Русские боги».

Октябрь—ноябрь.

Мистические переживания, о которых он позже писал: «Октябрь и особенно ноябрь прошлого года был необычайным, беспрецедентным временем в моей жизни. Но что происходило тогда: откровение? наваждение? безумие? Грандиозность открывшейся мировой панорамы без сравнения превосходила возможности не только моего сознания, но, думаю, и подсознания... Этот период оборвался вместе с переводом в другую кам<еру>. Декабрь я был поглощен работой над трактатом, отчасти в него вошел и материал, почерпнутый в ноябре...» (Д. Андреев. *Из тюремного дневника*).

1954

10 ноября.

Написано заявление на имя председателя Совета министров СССР Г.М. Маленкова, существенно осложнившее освобождение и реабилитацию Д.Л. Андреева. В нем он писал: «Мое враждебное отношение к советской системе имело в основе своей отрицание не столько экономической стороны этой системы, сколько политической и культурной. В частности, я не видел в нашей стране подлинных демократических свобод, и, увы, моя собственная судьба подтвердила это. Теперь, как и раньше, мое отношение к советской власти зависит от той степени свободы слова, печати, собраний, религиозной деятельности, какую

советская власть осуществляет фактически, не в декларациях, а на деле. Не убедившись еще в существовании в нашей стране подлинных, гарантированных демократических свобод, я и сейчас не могу встать на позицию полного и безоговорочного принятия советского строя. Указать на это обстоятельство мне представляется необходимым, для того чтобы в инстанциях, которые будут пересматривать мое дело, не возникло ошибочного представления о моем политическом лице».

Перенес инфаркт миокарда.

1955

26 октября.

Свидание с Ю.Г. Бружес, матерью А.А. Андреевой. «...26.10. я была у Дани, внешне он мало изменился» (из письма Ю.Г. Бружес к А.А. Андреевой от 27 октября 1955 г.).

Работа над поэмами «Навна» и «У демонов возмездия».

1956

9 января.

Центральной комиссией статья УК 19-58-8 переквалифицирована на 7-58-8, наказание по статьям 17-58-8, 58-10 ч. 2, 58-11 оставлено прежнее — на срок 25 лет тюремного заключения (*Выписка из протокола 81*).

8 февраля.

В лагерной больнице в Потье умерла А.Ф. Коваленская (урожд. Доброва) — двоюродная сестра Д.Л. Андреева.

2 апреля.

Свидание с Ю.Г. Бружес, матерью А.А. Андреевой.

2 мая.

Завершена работа над «Железной мистерией».

10 августа.

Освобождение из лагеря А.А. Андреевой.

23 августа.

Комиссией Президиума Верховного Совета СССР вынесено постановление: «считать необоснованным осуждение по статьям УК 19-58-8, 58-11, снизить меру наказания до 10 лет тюремного наказания по статье 58-10, ч. 2».

24 августа.

Первое после ареста свидание с А.А. Андреевой во Владимирской тюрьме. «Родное мое солнышко, я думаю, что оба мы оказались друг другу в лучшем состоянии, чем это есть в действительности: это — результат нервного подъема... В тот же вечер я написал заявление на имя Ворошилова...» (из письма к А.А. Андреевой от 31 августа 1956 г.).

26 августа.

Заявление на имя К.Е. Ворошилова отправлено в Канцелярию Президиума Верховного Совета.

25 СЕНТЯБРЯ.

Свидание с А.А. Андреевой.

Ноябрь.

Повторное следствие.

17 НОЯБРЯ.

Определением Верховного суда СССР постановление ОСО от 30 октября 1948 г. отменено и «Дело Д.Л. Андреева» направлено на доследование.

Октябрь–ноябрь.

Написано руководство по стихосложению. «...Я написал маленькое руководство по стихосложению и кое-кто уговаривает впоследствии, когда у меня будет доступ к необходимой литературе, разработать, дополнить, проверить и подготовить к печати...» (из письма к А.А. Андреевой от 20 ноября 1956 г.).

16 декабря. Переведен во внутреннюю тюрьму КГБ (Москва), а затем помещен на экспертизу в Центральный институт судебной психиатрии им. В.П. Сербского.

1957

Январь–начало марта.

Пребывание на экспертизе в Центральном институте судебной психиатрии им. В.П. Сербского.

23 апреля.

Освобождение из-под стражи (справка № 435 от 23 апреля 1957 г.).

Конец апреля.

Поездка с А.А. Андреевой в Торжок.

Около 22 мая–22 июня.

Пребывание в больнице Института терапии АМН СССР.

21 июня.

Пересмотр и отмена обвинения Д.Л. Андреева Пленумом Верховного суда СССР.

11 июля.

Реабилитация.

4 июля–август.

Проживают с А.А. Андреевой на берегу Оки в деревне Копаново Рязанской области, где произошло свидание Даниила Андреева со старшим братом после сорока с лишним лет разлуки. Вадим Андреев позднее вспоминал о нем: «Я вошел в избу. В комнате, уставленной фикусами, на кровати, подпертый подушками, под маленькой лампой-коптилкой — лежал я... Те же седеющие волосы, тот же лоб, то же худое лицо, тот же андреевский нос и складки у углов рта... Никто не помнит первых слов, произнесенных после долгой разлуки. Да их и немного, этих бессвязных слов: главное — ощущение живых губ, небритость щек, костлявое плечо, которое не могут отпустить скрюченные пальцы, и сквозь слезы, в затуманенном зеркале — родное лицо» (В.Л. Андреев. Из воспоминаний). В Копаново Д.Л. Андреев переболел пневмонией. «Встреча с Вадимом произошла при довольно трагических обстоятельствах: он прилетел, сам не свой, на 4 дня в глухую рязанскую деревушку, где я в это время находился в самом подходящем со-

стоянии: с t° 40, без мед<ицинской> помощи, причем окружающие решили, что у меня уже агония. Алла с помощью Димы сдвинули с места целые горы, и в итоге я в мрачном состоянии был доставлен в Москву, где медленно и нудно выздоравливал» (из письма к Л.А. Андрееву (Алексеевскому)).

Сентябрь–октябрь.

Живут с А.А. Андреевой в Перловке, на даче у семьи Смирновых.

6 октября.

Перезахоронение А.Ф. Коваленской (Добровой) на Новодевичьем кладбище. «Гроб с прахом Шуручки перевезли в Москву... урну с пеплом опустили в могилу дяди Филиппа и Елизаветы Михайловны. На погребении присутствовали, кроме Шуриного мужа и нас, несколько старинных знакомых» (из письма к В.Л. и О.В. Андреевым от 20 октября 1957 г.).

Ноябрь.

Поселяются в комнате, которую снимают по адресу: Ащеулов переулок, д. 14/1, кв. 4.

22 ноября.

Восстановлена пенсия — 347 рублей.

30 ноября.

В Доме инвалидов в Потье от туберкулеза умер А.Ф. Добров, двоюродный брат Д.Л. Андреева.

1958

С середины января до 15 февраля вместе с А.А. Андреевой живут в Доме творчества писателей в Малеевке.

12 февраля.

Пишет письмо в Центральный Комитет Коммунистической партии Советского Союза, в котором просит ознакомиться с прилагаемыми поэтическими произведениями, объясняя это тем, «что жить, не разговаривая с людьми и скрывая буквально от всех свое творчество, — не только тяжело, но и невыносимо. Это и вредно, — во всяком случае, для автора и для его творчества».

Январь–ноябрь.

Работа над переводом рассказов японской писательницы Фумико Хаяси (книга Ф. Хаяси «Шесть рассказов», в которую вошли переводы трех рассказов, выполненные Д. Андреевым совместно с З. Рахимом, автором подстрочных переводов, вышла уже после его смерти — М.: Худож. лит., 1960).

Март–май.

Обострение болезни. Пребывание в больнице Института терапии АМН СССР. «Пошел третий месяц, как я валяюсь, связанный по рукам и ногам стенокардией и атеросклерозом, а если и встаю, то на самое малое время, и не для того, чтобы ходить, а чтобы сидеть» (из письма к Л.М. Тарасову от 31 мая 1958 г.).

4 июня.

Венчание с А.А. Андреевой в Ризоположенском храме на Шаболовке (венчал протоиерей Николай Голубцов) и отъезд на пароходе «Помяловский» по маршруту Москва — Уфа — Москва. «Впечатления от поездки противоречивые. Берега вокруг — потрясающей красоты. Невозможно ни работать, ни читать,

ни писать — все время переходим от борта к борту, стараясь впитать в себя побольше этого великолепия. Из больших городов красивей всех оказался Горький, из маленьких — Касимов. Казань никуда не годится. Уфа великолепно расположена, но не имеет вида, грязна, пыльна, беспорядочна, а чудная река отравлена нефтью» (из письма к Л.М. Тарасову от 17 июня 1958 г.).

23 июня.

Возвращение в Москву.

Конец июня.

Несколько дней гостят у семьи Тарасовых в Измайлово. «Помню, что Да-ня в основном лежал на раскладушке на открытой террасе в саду. Погода была солнечная, теплая. ...Он просматривал рукописи, отпечатанные на машинке...» (из воспоминаний Ю.Л. Мининой, урожд. Тарасовой).

5 июля 1958.

Закончена «Книга одиннадцатая. К метаистории последнего столетия» «Розы Мира».

Около 6 июля.

Переезжают в Переславль-Залесский, а через два дня — в деревню Виськово на берегу Плещеева озера.

20 августа.

Отъезд в Горячий Ключ, в Дом творчества художников, откуда вскоре после приезда Д.А. и А.А. Андреевы переезжают в небольшой домик, снятый у семьи Гречкиных.

12 октября.

Завершение работы над «Розой Мира». «Я заканчиваю рукопись “Розы Мира” на свободе, в золотом осеннем саду. Тот, под чьим игом изнемогала страна, давно уже пожинает в иных мирах плоды того, что посеял в этом. И все-таки последние страницы рукописи я прячу так же, как прятал первые, и не смею посвятить в ее содержание ни единую живую душу, и по-прежнему нет у меня уверенности, что книга не будет уничтожена, что духовный опыт, которым она насыщена, окажется переданным хоть кому-нибудь...»

Я тяжело болен, годы жизни моей сочтены. Если рукопись будет уничтожена или утрачена, я восстановлю ее не успею. Но если она дойдет когда-нибудь хотя бы до нескольких человек, чья духовная жажда заставит их прочитать ее до конца, преодолевая все ее трудности, — идеи, заложенные в ней, не смогут стать семенами, рождающими ростки в чужих сердцах» (Д. Андреев. Роза Мира).

Завершена работа над циклом стихотворений «Сказание о Яровете».

Ночь на 19 октября.

Написано последнее стихотворение «Когда-то раньше в расцвете сил...», в котором поэт молит о спасении своих рукописей, труда всей жизни:

Лишь на три четверти кончен труд,
И мирно главы в столе уснут.

Хранить их будет, всегда верна,
Моя подруга, моя жена.
Но как бессилён в наш грозный век
Один заброшенный человек!

...К листам неконченных, бедных книг
Там враг исконный уже приник:
Спаси их, Господи! Спрячь, храни,
Дай им увидеть другие дни.

Октябрь.

Завершена поэма в прозе «Изнанка мира».

Начало ноября.

Составлен цикл стихотворений «Святорусские духи».

14 ноября.

Возвращение из Горячего Ключа в Москву. В тот же день Д.Л. Андреев помещен в больницу Института терапии АМН СССР (палата № 28).

1959

23 января.

А.А. Андреева получает ордер на комнату в двухкомнатной коммунальной квартире по адресу: Ленинский проспект, д.82/2, кв. 165, в которой Д.Л. Андреев прожил последние сорок дней своей жизни.

17 февраля.

Выписан из больницы Института терапии АМН СССР. «Последний месяц его жизни было непрерывное страдание. Он уже больше не вставал, и состояние его ухудшалось с каждым днем. Его уже нельзя было оставлять одного, даже на несколько минут, так как сердечные припадки случались теперь постоянно. Алла энергично ухаживала за ним...» (И.В. Усова. Даниил Леонидович Андреев в моей жизни).

30 марта.

Смерть Д.Л. Андреева.

«Он очень мучился до самого конца. Смерть пришла все же неожиданной, тогда, когда казалось, что ему уже получше немного. Агония была короткой и, очевидно, уже в бессознательном состоянии. Умер он при враче, и последние его слова были обращены к этой очень милой женщине-врачу: «Какая вы добрая!»

В гробу он лежал такой ясный, молодой и красивый, как будто и не было этих мучений.

Друзья были с ним все время и до самого конца, и он это все время чувствовал и сознавал» (из письма А.А. Андреевой к В.Л. и О.В. Андреевым от 4 апреля 1959 г.).

3 апреля.

Отпевание Д.Л. Андреева в храме Ризоположения на Шаболовке (отпевал протоиерей Николай Голубцов). Похороны на Новодевичьем кладбище (рядом с могилой матери).

Четвертый том составили те произведения Д.Л. Андреева, которые, несомненно, не определяют главного в творчестве поэта и мыслителя, но существенно дополняют его, а также письма.

В примечаниях использованы прежде всего материалы архива А.А. Андреевой, ее устные воспоминания и указания, материалы архива Д.Л. Андреева, хранящиеся в РА при Лидском университете (Великобритания), а также материалы и сведения, сообщенные лицами, знавшими поэта, и их родственниками.

В публикуемых текстах, как правило, сохранены особенности авторского правописания. Раскрываемые сокращения слов, имен и т.п., а также очевидные дефекты рукописи, даются в угловых скобках, общепотребительные сокращения не раскрываются. Текст, восстанавливаемый редактором, приводится в квадратных скобках. Слова, в рукописи подчеркнутые, даются курсивом, другие выделения — разрядкой. Даты вынесены в начало писем независимо от их месторасположения в оригинале.

Ссылки в примечаниях на произведения, помещенные в предыдущих томах, даются с указанием тома и страницы.

Составитель приносит глубокую благодарность всем, оказавшим помощь при подготовке настоящего собрания сочинений материалами, сведениями и советами, в частности: А.Г. Волкову, [Р.С. Гудзенко], Р. Дэвису, О.В. Карлайль-Андреевой, Н.Я. Левиной, И.С. Мальскому, Ю.Л. Мининой (Тарасовой), А.А. Окуневу, Г.Н. Павловой, В.В. Палицыной, Е.В. Потупову, О.В. Ройцной, А.Г. Смирнову, Г.В. Смирнову, Ф.И. Синельникову, Л.Ф. Хонелидзе, [В.Н. Чувакову], Б.В. Чукову, В.А. Шенталинскому.

Условные сокращения

ЖМ — Железная мистерия

Новейший Плутарх — Андреев Д.Л., Парин В.В., Раков Л.Л. Новейший Плутарх: Иллюстрированный биографический словарь воображаемых знаменитых деятелей всех стран и времен от А до Я. Основатель издания, главный редактор и иллюстратор Л.Л. Раков/Предисловие Вл. Новикова. Послесловие Н.Д. Париной. М.: «Московский рабочий», 1991

Новые метро-строфы — Новые метро-строфы (из книг «Бродяга» и «Русские боги»), впервые вводимые в русскую поэзию

ОГЛМТ — Государственный литературный музей им. И.С. Тургенева (Орел)

п. — письмо

пр. — Переписка с А.А. Андреевой. 1953–1959

пс. — Письма. 1915–1958

ПНР — Андреева А.А. Плаванье к Небесной России. М.: Аграф, 2004

РАЛ — Русский архив Бротертонской библиотеки университета г. Лидса (Великобритания)

РБ — Русские боги

РМ — Роза Мира

СН — Странники ночи

СС — Андреев Д. Собр. соч.: В 3 т. (4 кн.). М.: Московский рабочий; Фирма Алеся; Присцельс; Урания, 1993–1997

АВТОБИОГРАФИЧЕСКОЕ

АВТОБИОГРАФИЯ КРАСНОАРМЕЙЦА АНДРЕЕВА ДАНИИЛА ЛЕОНИДОВИЧА, БОЙЦА КОМАНДЫ ПОГРЕБЕНИЯ 196 КРАСНОЗНАМЕННОЙ СТРЕЛКОВОЙ ДИВИЗИИ

Копия автобиографии сохранилась в следственном деле поэта, по ксерокопии с которого и была опубликована впервые: Даниил Андреев в культуре XX века. Публ. и предисл. А.А. Андреевой. М.: Мир Урании, 2000. В оригинале текст, выделенный курсивом, подчеркнут; возможно, следователем.

¹ ...внучка поэта Т.Г. ШЕВЧЕНКО... Здесь Д.Л. Андреев неточен, Е.В. Велигорская (урожд. Шевченко) была дочерью В.Г. Шевченко, троюродного брата украинского поэта.

² ...поступил в Литературный институт, где проучился около 3 лет. — Имеется в виду Высший литературно-художественный институт им. В. Брюсова, осенью 1925 г. преобразованный в Высшие государственные литературные курсы Моспрофобра, с которых Д.Л. Андреев ушел в феврале 1927 г.

³ Имеется в виду изд-во «Федерация».

⁴ Реквием. Сборник памяти Леонида Андреева/ Под ред. Д.Л. Андреева и В.Е. Беклемишевой; с предисл. В.И. Невского. М.: Федерация, 1930.

⁵ Правильно: Всероскомдрам.

⁶ Об отношениях с Т.В. Усовой см. воспоминания И.В. Усовой: СС, 3, 2, 397–429. В письме к общему другу от 3 марта 1943 г. Т.И. Морозова писала: «Даниил меня очень беспокоит. Он, неофициально еще, женился на Татьяне Вл. Усовой, — деятельная женщина, кот<орая> высоко ставит его» (архив В.В. Палицыной).

ИЗ ТЮРЕМНОГО ДНЕВНИКА

Впервые: Урания. 1997. №3. Публикация, предисл. и примеч. Б. Романова.

Дневниковые записи Д.Л. Андреева в черновых тетрадах (РАЛ) относятся к трагическому, кризисному периоду его заключения. Духовное одиночество (еще не началась сколько-нибудь постоянная переписка с женой), напряженная внутренняя жизнь, непрерывающееся творчество в условиях тюрьмы со всей ее «спецификой» в конце концов привели его к нервному срыву, а затем к инфаркту. Публикуемые записи приоткрывают и мучительные сомнения, и духовные потрясения поэта, которыми сопровождался его «часы духовных встреч» (см.: 3, 59) в октябре–ноябре 1953 г., затем отозвавшиеся на страницах РМ; см. фрагмент дневниковой записи от 7 февраля с небольшой правкой, вошедший в текст РМ (3, 61–62).

¹ Имеется в виду работа над первоначальным вариантом РМ.

² Первые две строки стихотворения А.С. Пушкина «Пророк» (1826), о котором см. также: 3, 341–342.

³ См.: 3 (по указателю).

⁴ *Серафим Саровский*; о его явлении Д.Л. Андрееву в ноябре 1933 г. см.: 3, 58.

⁵ Перечисляемые имена *великих братьев* синклита, очевидно: *Михаил* — М.Ю. Лермонтов, *Николай* — Н.В. Гоголь, *Федор* — Ф.М. Достоевский (см.: 3, 123).

⁶ *Владимир* — В.С. Соловьев (см.: 3, 124).

⁷ *Александр* — А.А. Блок (см.: Там же).

⁸ Дневники Д.Л. Андреева 1920–1930-х гг. были уничтожены МГБ после вынесения приговора вместе с другими рукописями.

⁹ *О Буствиче* см.: 3, 154–155.

¹⁰ Видимо, речь идет о письме Ю.Г. Бружес, конкретное содержание которого нам неизвестно.

ПРОЗА

СКАЗОЧКА О ФОНАРЕ

Впервые: Урания. 1997. № 5. Послел., подготовка текста и публикация Б. Романова.

ИЗ КНИГИ «НОВЕЙШИЙ ПЛУТАРХ»

Тексты печатаются по изданию, где опубликованы впервые: Андреев Д.Л., Парин В.В., Раков Л.Л. *Новейший Плутарх: Иллюстрированный биографический словарь воображаемых знаменитых деятелей всех стран и времен от А до Я*. Основатель издания, главный редактор и иллюстратор Л.Л. Раков. М.: Московский рабочий, 1991. В этом издании новелла «Хрипунов Осипко Данилович. 1550–1612. Деятель опричнины» ошибочно приписана Д.Л. Андрееву, на самом деле она написана Д. Алем (Д.Н. Альшицем) по просьбе Л.Л. Ракова и была включена в состав «Новейшего Плутарха» гораздо позднее.

Идея книги, как это указано на ее титуле, принадлежала Л.Л. Ракову. Название ее явно восходит к задуманной и начатой книге повестей «Новый Плутарх» М.А. Кузмина, с которым Раков был близок в 1920-х в студенческие годы (о нем см. примеч. к РБ, 1, 515, а также: Сидоровский Л. Слово о Музе // Смена (Ленинград). 1988. 25 марта. №70; Ракова А. Тюремные стихи // Нева. 2001. №4. С. 70–71), человек замечательной эрудиции, историк и литератор, пробовавший себя в разных жанрах. Так, он писал стихи (см.: Нева. 2001. №4. С. 72–75), литературоведческую прозу, комедии (в соавторстве с Д. Алем) и т.д. Другой сокамерник и соавтор, В.В. Парин, также был не только энциклопедически образован, но и одарен литературно. Вот что сообщает о камере, в которой создавался «Новейший Плутарх», и его обитателях вдова ученого Н.Д. Парина: «Во Владимире, на радость “политических”, была неплохая библиотека <...> Конспектировалось все, даже труды по ирригационным сооружениям Древнего Египта, — сосредоточенность на письме отвлекала от мрачных мыслей. <...> Соседи по камере менялись, здесь был и Сулейман Азимов, один из партийных лидеров Узбекистана, и монархист В.В. Шульгин, простой паренек Петя Курочкин, которого старшие товарищи-интеллигенты учили началам наук. Дольше всего Василий Васильевич, вероятно, пробыл вместе с Львом Львовичем Раковым и Даниилом Леонидовичем Андреевым» (Новейший Плутарх. С. 299–300).

Участие в «Новейшем Плутархе» Д.Л. Андреева не случайно. Есть любопытное свидетельство Б.М. Мержанова, сокамерника Андреева по Лубянке, что

во время следствия он много читал, в частности, прочел около двухсот жизнеописаний известной серии, изданной Павленковым, и, читая эти книги, «делал довольно едкие... саркастические замечания по поводу персонажей прочитанных им биографий» (см.: Калининградская правда. 1994. 24 мая). Кроме того, у Д.Л. Андреева был собственный опыт в биографическом жанре; так, в 1933 г. он работал над серией очерков об ученых-изобретателях для научно-популярной серии Энергоиздата, а в 1946–1947 гг. (в соавторстве с С.Н. Матвеевым) — над популярными книгами «Замечательные исследователи горной Средней Азии» (М.: Географгиз, 1946) и «О русских исследователях Африканского материка».

К сожалению, при отсутствии каких-либо рукописных материалов, относящихся к «Новейшему Плутарху», или достоверных свидетельств, восстановить творческую историю создания книги невозможно. Писалась она, по всей видимости, в период с конца 1950 по весну 1954 г., так как Л.Л. Раков был арестован 20 апреля 1950 г., осужден по «Ленинградскому делу» на 25 лет тюрьмы 31 октября 1950 г. и в ноябре уже находился во Владимирской тюрьме, а освобожден весной 1954 г.; другой соавтор книги — В.В. Парин (арестован 17 февраля 1947 г.) — был освобожден 29 октября 1953 г.

Видимо, именно во время сочинения «Новейшего Плутарха» произошел знаменательный эпизод с бабочкой. Однажды в камеру влетела бабочка, и Д.Л. Андреев, попытавшийся «вернуть ей свободу», получил трое суток карцера. Событие послужило темой пародийно-юмористического цикла, написанного В.В. Париным и Л.Л. Раковым и сохранившегося в черновых тетрадях поэта. Приводим здесь этот цикл, характеризующий игровую и интеллектуальную атмосферу камеры Владимирской тюрьмы, называемую там «академической», в которой создавался «Новейший Плутарх»:

Плен, о богиня, воспой Даниила, жреца Аполлона,
Львиного рва он герой, но жертвою стал Махаона.

[Данилиада. (Гомер?) перевод П-ча]

В утешенье здесь сидящим, в назиданье всем друзьям
Я писал с стараньем вящим легковесный этот хлам.

(Витязь в бушлате на рыбьем меху. Васо Париновели)

Из муаровых крылий
Мотыльковых драпри
Я творю без усилий
Свой поэзо-эспри.

(Базиль Северо-Восточанин)

I. БАБОЧКА И ПОЭТ Басня

Все знают бабочек природу:
Они яркие, легки, резвы,
Беда лишь в том, что Бог их роду
Разумной не дал головы.

Однажды бабочка такая,
Как легкомыслия образчик,
Беспечно вдоль стены порхая,
Попала в наш почтовый ящик.

Ее мы хором заклинали
Оставить дом томленья тяжкий,
Лететь туда, где светлы дали,
Лететь немедля, без оттяжки.

Остались речи без успеха,
Напрасен убеждений труд:
Уселась дура — вот потеха! —
И зимовать решила тут.

Сидел в той камере поэт
С душою сумрачной, но милой,
Он бабочку на белый свет
Решил вернуть хотя бы силой.

Хоть он и против был насилья,
Но здесь оправдано оно:
Ведь бесполезны даже крылья,
Когда не видишь ты окно!

Но бдителен надзор и чуток —
Поэт застукан en delit,
И вот его на трое суток
Уж в темный карцер увели.

Читатель ждет морали внятной.
Ужель она вам непонятна? —
— Не надо помогать тому,
Кто сдуру лезет сам в тюрьму!

5 сентября 1951

В.П.

КОММЕНТАРИИ

Заглавие. *Бабочка* — лат. — papilio, франц. — papillon, нем. — Schmetterling, англ. — butterfly и т.д. — животное из отряда *чешуекрылых* (Zepidolotera), класса *насекомых* (Jusecta), подтипа *трахейных* (Tracheata), типа *членистоногих* (Arthropoda)¹ — излюбленный образ поэзии всех времен и народов.

Стр. 1. Имеются в виду не специальные энтомологические (просьба не путать с *экологическими*) знания, а обычные, «ходячие» представления.

Стр. 2. «...ярки, легки, резвы...» — множеств<енное> число сокращенной формы прилагательных яркий, легкий, резвый. Точное значение слов см. Толковый словарь В. Даля, т. IV, II, IV, фототипическая репродукция I издания.

Стр. 8. «...почтовый ящик» — образ поэзии начала II половины XX века.

Стр. 13–14. *Остались речи без успеха,
Напрасен убеждений труд* —

обычный результат споров интеллигентов, в частности, и в наше время.

Стр. 19. «...белый свет» — имеется в виду не белый, а красный свет (белогвардейцы, как известно, успешно разбиты уже более четверти века тому назад). Типичный пример отставания поэтического языка.

Стр. 21–24. Строки вполне оправданы многочисленными устными высказываниями прототипа героя (личные сообщения современников)².

1. Справка Ин-та Зоологии АН СССР. Пользуемся случаем выразить руководству института сердечную признательность за любезную помощь в нашем труде.

2. Пользуемся случаем выразить нашу сердечную благодарность коллегам В.В.П., Л.Л.Р. и др. за любезное разрешение сослаться на их неопубликованные данные.

Стр. 25. «Что похвалить мы в нем должны».
Стр. 31–32. Типичная мораль переходной эпохи.
В.П.

II. Voluspó

Чем мотылька спасать в окне,
В тюрьму попавшего случайно, —
Убей его в себе, во мне,
Чтобы ни явно и ни тайно
Посол лугов уж никому
Не мог смутить души суровой:
«Дерет Фома, дерут Фому» —
Таков игры обычай новый!

Л.Р.

III. Dichtung und Uahrimt¹.

«Бойтесь первых движений души», — Талейран заповедал;
«Не тянися за розой, дитя», — поучал нас забытый поэт.
Так, пожелав наслаждений, мечтая о юношах, девах,
Некто вдруг узрел себя пассивною жертвой любви.

Л.Р., В.П.

IV. ВСЕ ВО БЛАГОВРЕМЕНИИ...

Некто, будучи однажды удостоен присутствия пред лицом могучего владыки, узрел на полу мравия и, будучи нрава доброго, подобрал оно и завернул в плат свой, мысля вернуть вышереченного мравия родным стихиям по выходе из палаца.

Владыка же, сочтя оный поступок за неуважение к своей персоне, разгневался зело и рек телохранителям своим: «Понеже гость наш так привержен любви к мравиям, совлеките с него ризы его и, наложив узы на руки и ноги, посадите на обиталище мравиев!» И бысть: по сему.

(Варсег Паринян, XVI век)

V. ОЧЕНЬ ХОЛОДНЫЙ ОПЫТ

Ведь бабочка сама сказала,
Когда опасность угрожала:
«Но короток мой век,
Он не долее дня...
Будь же добр, человек,
И не трогай меня!»

И за одно прикосновенье
Ты трое суток просидел...
О человек! Ты поседел,
Но мудрость все не в поле зренья:
Внутри тюрьмы ты сесть сумел!

Л.Р.

1. Настоящий неопубликованный до сего времени отрывок из Гёте представляет особенный интерес как несомненное доказательство влияния восточной культуры на западную: в основе последних двух строк, как нам удалось бесспорно установить в наших изысканиях, лежит поныне не популярная новелла, рассказываемая в виде дневника незадачливого потомка Урарту за одну неделю. Л.Р., В.П.

В той же тетради, рядом с этим циклом, рукой Д.А. переписана пародия В.В. Парина на Д.А., по приему восходящая к известной книге «Парнас дыбом» (Харьков, 1925):

СТАРАЯ ПЕСНЯ НА НОВЫЙ ЛАД

Найденный отрывок рукописи

Жил на яру поп раскаивающийся,
Любил поп пирог переслаивающийся,
Был у попа дом достраивающийся,
Сидел на цепи пес взирающийся.

Был
поп
груб,
скуп.

Был
пес
туп,
глуп.

Ел
раз
поп
хлуп,

Драл
свой
пуп
в струп...

ПРИЛОЖЕНИЕ

А.А. АНДРЕЕВА. РОМАН «СТРАННИКИ НОЧИ»

Впервые: Лепта. 1995. № 26. Печатается по СС, 3, 1.

Пересказ содержания романа «Странники ночи», написанный А.А. Андреевой по просьбе составителя, включает отрывки, восстановленные Д.Л. Андреевым во Владимирской тюрьме (они выделены курсивом) и сохранившиеся в черновых тетрадах (РАЛ).

СТИХОВЕДЕНИЕ

НЕКОТОРЫЕ ЗАМ<ЕТКИ> ПО СТИХОВЕДЕНИЮ

Впервые: Даниил Андреев в культуре XX века. М.: Мир Урании, 2000. Публик., подгот. текста и примеч. Б. Романова.

Заметки представляют собой осмысление собственной поэтики, неотрывной для Д.Л. Андреева от религиозного мирозерцания, которое он предпринимал не один раз, в частности, оно нашло воплощение в учении о «вестничестве», изложенном в РМ. Так, в черновых тетрадах (РАЛ) сохранился фрагмент предисловия, видимо, к одному из ранних вариантов стихотворной книги, предшествовавшей РБ, датированный июлем 1951 г.:

«Разумеется, общая характеристика книги, в особенности второй и третьей частей ее, — преждевременна; я и так сильно забежал вперед. Скажу толь-

ко, что первая часть служит своего рода введением к таким формам и к такой тематике, которые без этой предварительной подготовки показались бы, может быть, слишком уж идущими вразрез с тем, что было принято в нашей поэзии до сих пор. Во всяком случае, во второй и третьей частях я стремлюсь к дальнейшему раскрытию возможностей, заложенных в стиле сквозящего реализма.

Боже упаси меня от попыток заниматься философским или сколько-нибудь наукообразным изложением этого мирочувствия, на общем фундаменте которого могут возникать — и возникают весьма отличные друг от друга системы мировоззрения. Моя задача — выражать его на языке поэтического искусства. Но пользуюсь случаем заметить следующее. Поскольку этот фундамент общ для представителей различнейших течений религий и философского идеализма, поскольку основные принципы этого художественного стиля не только могут быть приемлемы для всех них, но и открывают возможность более полного, всестороннего и точного выражения мировоззрений этого рода, чем выработанные совершенно другими мирочувствиями и лишь им соответствующие старые реалистические школы или чем универсально проводимый символизм, который зачастую захватывает такие области, где с успехом можно обойтись без нагромождения туманных уподоблений, отнимающих у физической действительности и ее реальность, и ее самоценность. Это положение я мог бы подкрепить также и сборником «Бродяга»: в нем я ставил своей специальной задачей показать, как вторая реальность, просвечивая сквозь природу, не отнимает у природы ее самоценности, но, напротив, придает ей еще большую силу эмоционального воздействия.

Ясно, конечно, что представителю сквозящего реализма незачем отказываться от какого бы то ни было художественного приема, выработанного любой школой, если этот прием отвечает поставленной сверхзадаче. Но не менее ясно и то, что особенности метареалистического мирочувствия влекут за собою напряженные поиски и открытие новых приемов художественной выразительности.

Попыткой практически осуществить это двустороннее положение и является настоящая книга. Оправданы ли ее приемы, долговечны ли ее жанры, правильно ли угадано направление развития <ия> русской поэзии, в ней указываемое, — может решить лишь время. Но само время породило эту книгу: время головокружительных исторических сдвигов, время событий всемирного масштаба, разворачивающихся в нарастающем темпе, — время, когда обвалы древних пластов в обществе, в культуре и в сознании обнажают перед созерцающим «я» пучины подчеловеческого и надчеловеческого, а разум убеждается в несоизмеримости привычных для него категорий со сверхразумным содержанием мирового процесса: он обращается к другим методам познания и творческого претворения мировой действительности — методам духовной интуиции и метареалистического искусства».

1. О ПЕРВЫХ СПОНДЕИЧЕСКИХ ОПЫТАХ

¹ Сpondeй в русском стихе представляет собой ритмический ход, обычно в ямбе, когда рядом ставятся два и более ударных слогов. В нашей поэзии применение спондеев — сверхъёмных ударений — встречается уже в XVIII в., но такого обилия сознательного и систематизированного употребления спондеев, как у Д.Л. Андреева, в ней никогда не было. Кроме того, у Андреева применение спондеев связано с определенной системой строфических построений. Поэтому, несмотря на то что некоторым метрическим особенностям и «ходам» Д.А. можно отыскать соответствия в богатейшей истории русского стиха, его спондеические «метро-строфы» действительно являются оригинальным вкладом в отечественную поэзию. О спондеях см. также в работе Д.Л. Андреева «Руководство по стихосложению». Классификацию спондеев, предлагаемую Андреевым,

см. в его работе «Некоторые метро-строфы (из книг “Бродяга” и “Русские боги”), впервые вводимые в русскую поэзию».

² См.: Пословицы русского народа: Сборник В. Даля. М.: Художественная литература, 1957. С. 23–24.

³ Еще в 1767 г. А.А. Ржевский, любивший всевозможные эксперименты, в журнале «Полезное увеселение» (№4. С. 113) опубликовал стихотворение, целиком состоящее из спондеев: «Ода 2, собранная из односложных слов», которое, видимо, и было первым опытом такого рода. Термин спондей (спондий) ввел еще Мелетий Смотрицкий в разделе своей «Грамматики» (1619) «О просодии стихотворной». Затем о спондее, трактуемом по аналогии с античной стопой, писали В.К. Третьяковский в труде «О древнем, среднем и новом стихотворении Российском» (1755), А.П. Сумароков в статье «О стопосложении» (1771–1777), который, в частности, в ней замечал, что «спондеи обезображивали и самые лучшие г. Ломоносова строфы» (Сумароков. Стихотворения. Л.: Советский писатель, 1935. С. 384). Среди стихотворений, целиком написанных спондеями, можно еще назвать «Поэту» (1921) В.Я. Брюсова, «Возвращение вождя» (1921) М.И. Цветаевой, «Сонет» (1927) И.Л. Сельвинского, «Похороны» (1928) В.Ф. Ходасевича. У А.А. Фета использование спондеев, встречающееся в его стихах, не переходит в осознанно повторяющийся прием. Какое именно стихотворение Фета имел здесь в виду Д. Андреев, сказать трудно. Вполне возможно, что это стихотворение «Графине С.А. Толстой» (1889):

Где средь иного поколенья
Нам мир так пуст,
Ловлю усмешку утомленья
Я ваших уст.

⁴ У В.В. Маяковского в цитируемом стихотворении «Наш марш» (1917) строки даны без разбивки лесенкой и с несколькими иными знаками препинания.

⁵ Творчество Н.Н. Асеева постоянно интересовало Д.Л. Андреева; так, незадолго до кончины, в больнице он сохранил газетную вырезку со стихами Асеева из цикла «Звездные стихи» (Комсомольская правда. 1959. 1 января); несомненно, что на его отношение к поэту влияло и то, что Асеев некогда дал рекомендацию в Союз писателей А.В. Коваленскому (17 апреля 1947).

⁶ Среди этих стихотворений можно назвать «Северное сияние. (Бег)» (1921), «Собачий поезд» (1922), «Работа» (1923), «Свет мой...» (1927).

⁷ Первая строфа стихотворения «Реквием» (1924) процитирована неточно, у Асеева третья строка: «всё же бегут вверх».

⁸ «“Черный принц”. Баллада об английском золоте, затонувшем в 1854 году у входа в бухту Балаклавы»; впервые опубликована — Леф. 1923. №4. С. 29.

⁹ Речь идет о стихотворении «Это — медленный рассказ...» (1943), строфы которого звучат так:

Это — медленный рассказ,
как полет
туч.
Это Северный Кавказ —
мощный взмет
круч.

¹⁰ А.В. Коваленский, как поэт и личность, судя по воспоминаниям современников, мистического склада, оказал существенное влияние на творчество Д.Л. Андреева. Все неопубликованные произведения Коваленского были уничтожены на Лубянке после его ареста по делу Д.Л. Андреева.

¹¹ Поэма Коваленского «Пятый год» опубликована в №10/11 «Красной нови» за 1931 г. (с. 156–168).

¹² А.В. Коваленский отбывал срок в Дубровлагe и был освобожден в феврале 1956 г.

¹³ Поэма «Солнцеворот» (1930–1931) не сохранилась.

¹⁴ См.: 1, 73.

¹⁵ Стихотворения, составлявшие сборник «Бродяга», позднее вошли в РБ (циклы «Сквозь природу» и «Босиком»), а ряд, возможно, в циклы «Зеленой поймой» и «Устье жизни»; см.: п. 54-пр., с. 373.

2. СПОНДЕИКА КАК ПРИНЦИП СТИХОСЛОЖЕНИЯ

¹ Этот перерыв, как можно предположить, был вызван несколькими обстоятельствами — работой с 1937 г. и вплоть до ареста над романом «Странники ночи», мобилизацией и участием в Великой Отечественной войне с октября 1942 по июнь 1945 г., затем арестом и следствием, длившемся с апреля 1947 по октябрь 1948 г., во время которого ни о каких литературных занятиях не могло быть и речи.

² Практика современного стихосложения не дает примеров сколько-нибудь широкого распространения спондеев. Это обусловлено тем, что «ритм их однообразен, а “вместить” они могут лишь малую часть русского словаря (около 6 %)» (Гаспаров М.Л. Русские стихи 1890-х–1925-го годов в комментариях. М.: Высшая школа. 1993. С. 116). Говорить о применении спондеев как о «принципе поэтики» можно лишь по отношению к творчеству самого Д.Л. Андреева.

³ См.: 4, 134–162.

⁴ Строки из 3-го стихотворения тетраптиха «Красный реквием» (см.: РБ, 1, 92).

⁵ Строки из 3-го стихотворения цикла «Лесная кровь» (см.: 2, 419–420).

⁶ Вариант строк из акта первого «Вторжение» ЖМ (см.: 2, 32–33).

⁷ Строки из 5-го стихотворения цикла «Дом Пресвятой Богородицы» (см.: РБ, 1, 246).

⁸ Вариант строк из поэмы «Гулянка» (см.: 2, 607).

⁹ Вариант строк из акта четвертого «Тирания» ЖМ (см.: 2, 91).

¹⁰ Вариант строк из акта пятого «Ущерб» ЖМ (см.: 2, 122).

3. ПОЭТИЧЕСКАЯ РЕФОРМА

¹ Пэон, или пеон, — в силлаботоническом стихосложении сочетание стоп ямба или хорей с пропуском ударения (подробно о пеонах в русской поэзии см.: Ляпина Л.И. Русские пеоны // Русское стихосложение. М., 1985). Чистые пеоны действительно крайне редки, так как требуют большого количества «длинных» слов, что не может не звучать нарочито, но они все же встречаются; см., например, у Бальмонта «Придорожные травы» (1900) или у Брюсова «Веретена (Пеон третий)» (1918).

² Третья строка монолога Дмитрия из трагедии А.С. Пушкина «Борис Годунов»: «Вокруг меня народы возмутила».

³ Можно предположить, что цитируемые строки взяты из ранних редакций либо «Железной мистерии», либо стихотворения «Гипер-пэон».

⁴ Об отношении Д.Л. Андреева к стихам С.П. Щипачева см. также на с. 102.

⁵ Гипердактилические рифмы, хоть и действительно редко, но встречаются в русской поэзии, так же как и гипер-гипердактилические, т.е. пятисложные рифмы, например, у Брюсова, Блока и др.

⁶ Консонансные, или диссонансные, рифмы получили более широкое, чем прежде, распространение в поэзии XX века начиная с Хлебникова и Маяковского и особенно активно использовались в 60-е гг., но с начала 70-х наблюдается большее тяготение к точной рифме.

⁷ Русская строфика была особенно многообразной в начале XX века, но позднее, особенно в 40-е и 50-е гг., репертуар ее значительно сузился, что чутко и констатировал Д.Л. Андреев.

⁸ «Ленинградский Апокалипсис» позднее составил главу шестую РБ.

⁹ Здесь рукопись повреждена.

¹⁰ Вторая часть трилогии, видимо ЖМ; какие произведения должны были составить третью часть, сказать трудно, так как, например, «Утренняя оратория» (см.: 2, 613), о которой речь идет ниже, в РБ не вошла, как и некоторые другие циклы, с ними тематически связанные (см.: 2, 467 и др.).

¹¹ Ср. определения жанра поэтической оратории в «Рассуждении о лирической поэзии» Г.Р. Державина (XVIII век. Сб. 15. Л.: Наука, 1986. С. 251–254). Любопытно, что цитируемое Д.Л. Андреевым в начале державинское «Целение Саула» в первой публикации имело заголовок «Оратория».

¹² Все предлагаемые Даниилом Андреевым стихотворные приемы, в сущности, описывают особенности его собственной поэтики, вполне индивидуальной, и вряд ли найдут себе прямых продолжателей.

4. Сквозящий реализм

¹ Здесь Д.Л. Андреев намечает подступы к тому осмыслению «мистического» в искусстве, которое позднее выразилось в его учении о вестничестве в РМ.

² Об интересе Д.Л. Андреева к творчеству Г. Мейринка свидетельствуют воспоминания И.В. Усовой (см.: СС, 3, 2, 409).

³ Д.Л. Андреев, видимо, был знаком с творчеством Н. Готорна по книге «Фантастические рассказы» (М., 1900).

⁴ Цикл «Афродита Всенародная» в РБ не вошел; см.: 1, 462.

⁵ О составе этих глав судить трудно, т.к. первые варианты РБ не сохранились не только в результате дальнейших переработок, но и в связи с тем, что его рукописи во Владимирской тюрьме несколько раз уничтожались при «шмонах»; см. упоминание об этом в письме (99) к А.А. Андреевой на с. 440.

⁶ Эти оратории не сохранились.

⁷ «Вежи спуска», «Московские предвечерия», «Похмелье» составили «Материалы к поэме “Дуггур”» (см.: 2, 467); состав главы «Эфемера» нам неизвестен.

⁸ Глава «Крест поэта» осталась незаконченной (см.: 2, 516).

[РУКОВОДСТВО ПО СТИХОСЛОЖЕНИЮ]

К рукописи, представляющей собой обычную школьную тетрадку, А.А. Андреевой предпослано примечание, сделанное при передаче рукописи вместе с другими, в РАЛ: «В середине 50-х годов, — не могу сказать точнее, — в камеру Владимирской тюрьмы, в шутку называемой “академической” из-за высокого уровня населявших ее представителей интеллигенции, поселили уголовников.

Аборигены камеры нашли выход: они стали заниматься с этими уголовниками самыми неожиданными вещами. Например: Лев Раков (в будущем — один из авторов нашумевшей комедии «Опаснее врага») читал лекции по военной истории (его хобби).

Академик Василий Васильевич Парин читал лекции по физиологии человека.

А Даниил Андреев учил уголовников основам стихосложения, для чего и написал это руководство. Он говорил, что ничего больше поэту знать не надо, все остальное — от Бога». Название приведено Д.Л. Андреевым в письме от 20 ноября 1956 г. к А.А. Андреевой; по ее свидетельству, поэт называл это руководство также «Работой по стихосложению, написанной для уголовников».

Печальный Демон, дух изгнанья... — из поэмы «Демон» (1841) М.Ю. Лермонтова.

Тятя, тятя, наши сети... — из стихотворения «Утопленник» (1828) А.С. Пушкина.

Выхожу я в путь, открытый взорам... — из стихотворения «Осенняя воля» (1905) А.А. Блока.

Скучная картина... — из стихотворения «Скучная картина...» (1860) А.Н. Плещеева.

И под век твоих холодное забрало... — неточная цитата из поэмы «Новый Ролла» (1908–1910) М.А. Кузмина.

Ужель в былом ступала... — из стихотворения «Лестница» (1902) В.Я. Брюсова.

Горит восток зарею новой... — из поэмы «Полтава» (1828) А.С. Пушкина.

Когда на нас, в тиши, созвездье Пса... — из поэмы «Дракон» (1875) А.К. Толстого.

Услышишь суд глупца и смех толпы холодной... — из сонета «Поэту» (1830) А.С. Пушкина.

Мира восторг беспредельный... — из драмы «Роза и Крест» (1912) (д. 4, сцена 3) А.А. Блока

Тучки небесные, вечные странники! — из стихотворения «Тучи» (1840) М.Ю. Лермонтова

Из Индии дальней... — из стихотворения «Цыганские песни» (1840) А.К. Толстого.

В глубокой теснине Дарьяла... — из стихотворения «Тамара» (1841) М.Ю. Лермонтова.

Порхают ли птицы, играют ли дети... — из стихотворения «Порхают ли птицы, играют ли дети...» (РБ, 1, 391) Д.Л. Андреева.

Сквозь годы скитанья опять зазвучавшие речи... — из стихотворения «Элегия» (2, 334) Д.Л. Андреева.

На орлиных высотах Непала... — из стихотворения «На орлиных высотах Непала...» (2, 349) Д.Л. Андреева.

Отступи от меня, все дневное, пустое волненье... — неточная цитата из стихотворения «Одиночество» (1907) В.Я. Брюсова.

Петербургская ночь. Воздух пучится черною льдиной. — неточная цитата из поэмы «Девятьсот пятый год» (1925–1926) Б.Л. Пастернака.

С гомоном и шутками толпясь у сатуратора... — из поэмы «Симфония городского дня» (РБ, 1, 59) Д.Л. Андреева.

Невидимо притянуты бесплотными магнитами... — там же (РБ, 1, 51).

Над рекою, в нелюдимом предвечерии... — из стихотворения «Древнее» (РБ, 1, 396) Д.Л. Андреева

А прожекторы, — фиолетовый и багровый... — вариант строк из стихотворения «Танцы вверху» (1, 454) Д.Л. Андреева.

Когда расплющивают ометалличивающиеся валы... — из акта восьмого «Спуск» ЖМ (2, 201) Д.Л. Андреева.

Безумству храбрых поем мы славу! — из «Песни о Соколе» (1895) А.М. Горького.

Девушка пела в церковном хоре... — из стихотворения «Девушка пела в церковном хоре...» (1905) А.А. Блока.

Из-за синих волн океана... — неточная цитата из «Поэмы начала» (1921) Н.С. Гумилева.

Бесследно все сгибнет, быть может... — из стихотворения «Грядущие гунны» (1904–1905) В.Я. Брюсова

Поставьте, невольники воли... — там же.

Смерть не равняет граждан с царями. — вариант строк из стихотворения «Синклиты» (РБ, 1, 252) Д.Л. Андреева.

Как часто плачем — вы и я... — из стихотворения «Голос из хора» (1910–1914) А.А. Блока.

— *Прочь, кто боится! Плачь, холоп!* — по свидетельству А.А. Андреевой, строфа из утраченной поэмы «Солнцеворот»; ср. в поэме «Рух» (РБ, 1, 320).

Отзвонили вечерню во святых церквах... — из поэмы «Песня про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалого купца Калашникова» (1837) М.Ю. Лермонтова.

Слышу божественный звук умолкнувшей эллинской речи... — неточно приведено стихотворение «На перевод Илиады» (1830) А.С. Пушкина.

Мудрость! На утреннем Ганге ты лотосом белым приснилась... — неточно приведено стихотворение «Лотос» цикла «Антология розы» В.И. Иванова.

Вон — / в славе... — из поэмы «Симфония городского дня» (РБ, 1, 68) Д.Л. Андреева.

Груз / Дум... — из акта четвертого «Тирания» ЖМ (2, 91) Д.Л. Андреева.

Гудит / Шаг гиганта... — из триптиха «Столица ликует» (РБ, 1, 76) Д.Л. Андреева.

...Чью дружелюбную мощь... — вариант строк из стихотворения «Ирудруна» (РБ, 1, 409) Д.Л. Андреева.

Рати! Цитадель... — из акта первого «Вторжение» ЖМ (2, 32–33) Д.Л. Андреева.

— *А фейерверк-то! До туч...* — из акта четвертого «Тирания» ЖМ (2, 90) Д.Л. Андреева.

Срок / Бьет. — из тетраптиха «Красный реквием» (РБ, 1, 90) Д.Л. Андреева.

В тыл... — там же (РБ, 1, 92).

Ворон ворону в ответ... — из стихотворения «Ворон к ворону летит...» (1828) А.С. Пушкина.

На воздушном океане... — из поэмы «Демон» М.Ю. Лермонтова.

Если жизнь тебя обманет... — из стихотворения «Если жизнь тебя обманет...» (1825) А.С. Пушкина.

С лодки скользнуло весло... — из стихотворения «Влага» (1899) К.Д. Бальмонта.

Посмотри: в тени чинары... — из стихотворения «Спор» М.Ю. Лермонтова.

Мой стих трудом громаду лет прорвет... — из вступления к поэме «Во весь голос» (1930) В.В. Маяковского.

...И пунша пламень голубой. — из поэмы «Медный Всадник» (1833) А.С. Пушкина.

...Пал Порт-Артур, пал... — из поэмы «Пятый год» (1931) А.В. Коваленского.

Волна на волну набегала... — из стихотворения «Тамара» М.Ю. Лермонтова.

Раскаленные ступени... — из стихотворения «Спор» М.Ю. Лермонтова.

Сердечной ревностью горя... — из поэмы «Полтава» А.С. Пушкина.

Он взором опытным героя... — неточная цитата из поэмы «Полтава» А.С. Пушкина.

И веют древними поверьями... — из стихотворения «Незнакомка» (1906) А.А. Блока.

Свои уста оторвала... — из стихотворения «Для берегов отчизны дальней...» (1830) А.С. Пушкина.

На мутном небе мгла носилась... — из стихотворения «Зимнее утро» (1829) А.С. Пушкина.

Мутно небо, ночь мутна... — из стихотворения «Бесы» (1830) А.С. Пушкина.

Признаться вам, я в пятистопной строчке... — из поэмы «Домик в Коломне» (1830) А.С. Пушкина.

О, кто бы ни был ты, чье ласковое пенье... — из стихотворения «Ответ анониму» (1830) А.С. Пушкина.

Ты понял жизни цель: счастливый человек... — из стихотворения «<К вельможе>» (1830) А.С. Пушкина.

Таким огнем душа палима... — из стихотворения «В часы забав иль праздной скуки...» (1830) А.С. Пушкина.

Она пришла с заката... — из стихотворения «Она пришла с заката...» (1907) А.А. Блока.

Ненавидим оковы... — из дифирамба «Огненосцы» (1906) В.И. Иванов

Под ветром холодные плечи... — из стихотворения «Под ветром холодные плечи...» из цикла «Осенняя любовь» (1907) А.А. Блока.

Поддалась лихому наговору... — из стихотворения «Святая Русь» (1917) М.А. Волошина.

Как весело стихи свои вести... — из поэмы «Домик в Коломне» А.С. Пушкина.

Поэт! Не дорожи любовью народной... — из сонета «Поэту» А.С. Пушкина

Тогда я демонов увидел черный рой... — из стихотворения «И дале мы пошли — и страх обнял меня...» (1832) А.С. Пушкина.

НОВЫЕ МЕТРО-СТРОФЫ

(из книг «Бродяга» и «Русские боги»), впервые вводимые в русскую поэзию
Перечень, классификация, образцы

Впервые: СС, 3, 2.

Эта работа не датирована и, видимо, не вполне завершена, но, судя по присутствию в заголовке цикла «Бродяга» (о нем см. примеч. на с. 511), и обилию строф, представляющих варианты, не вошедшие в окончательные тексты, она написана не позднее 1955 г.

Включая в себя большое количество ранних вариантов, «Новые метрострофы» дают представление и об особенностях поэтического творчества Д.Л. Андреева, и его условиях, когда поэт после изъятия и уничтожения своих рукописей уже во время тюремных «шмонов» был вынужден их вновь и вновь восстанавливать. Есть основания считать, что не все цитируемое в этой работе восстановлено.

Очевидно, что подавляющая часть «метростроф» Андреева вряд ли когда-нибудь найдет широкое употребление в стихотворческой практике, слишком они индивидуально окрашены и изощренны. В то же время «метрострофы» помогают понять особенности его поэтики и блестяще показывают многообразные возможности русского стиха.

В примечаниях общепринятые стиховедческие термины, как правило, не объясняются, кроме тех случаев, когда это необходимо для характеристики особенностей стиха Д.Л. Андреева.

I. ГРУППА СПОНДЕИЧЕСКИХ ВОСХОДЯЩИХ

1. Сpondeй

В рукописи первоначально было: *Чистый спондей.*
Уж / в темь... — вариант строфы из «Симфонии городского дня» (ср.: РБ, 1, 64).

Вон — / в славе... — там же (1, 68).

2. Сpondeо-ямб

— *Свет! / Светлый свет!* — «Утренняя оратория» (2, 621). Присутствие здесь строф из «Утренней оратории» говорит о том, что она входила в первый вариант РБ.

3. Сpondeй удвоенный дактилический

Страж! / Взять... — строфа из акта четвертого «Тирания» ЖМ (2, 101), которая предполагалась в составе РБ.

4. Сpondeй удвоенный гипердактилический

Груз / Дум... — там же (2, 91). В рукописи вместо *Скидывается* первоначально было *Свертывается*.

Вой, / вой... — из акта пятого «Ущерб» ЖМ, с разночтением (ср.: 2, 122).

5. Восходяще-нисходящая кваттурдецима

Кваттурдецима — (от лат. quartus-decimus и аналогичного фр.) — четырнадцатистроочная строфа; правда, как мы видим на схеме, кваттурдецима сводится метрически к четверостишию (что, впрочем, Д.Л. Андреев делает и в метрических схемах других строф), но характерное для поэта использование спондеев делает графическую организацию строфы вполне обоснованной.

Вот / Сплошь... — «Шабаш» («Афродита Всенародная»; 1, 457).

6. Сpondeй облегченный акомпанементный

Нам / Сам... — из акта девятого «Низвержение» ЖМ, вариант (2, 217).

7

Название строфы в рукописи отсутствует.

Уж ночь. Выйду из хаты... — строфа, видимо, из одной из редакций цикла «Лесная кровь» (ср.: 2, 425).

8. Восходящая дактилическая децима

Децима — десятистрочная строфа, чаще всего хореического размера.
Тих / Волн... — источник цитаты установить не удалось.

II. ГРУППА СПОНДЕИЧЕСКИХ СРЕД

1. Ямбохорей

Смешав правду с нагой ло[жью]... — «Симфония городского дня», вариант

(ср.: 1, 57). Здесь и далее в рукописи две дефектные страницы; восстановленный текст заключен в квадратные скобки.

2. Вальс

Жаркий пульс танца... — там же, вариант (ср.: 1, 67).

3. Дохмий

[*Гудит / Шаг гиганта...*] — «Столица ликует» (1, 76).

4. Хвалебная

[...] *юного мощь...* — «Ирудрана»; вариант (ср.: 1, 409). В рукописи начала строк отсутствуют.

5. Анапесто-хорей

В связи с дефектом рукописи начало схемы отсутствует.

[...] *ама — точно луч солнца...* — источник цитаты установить не удалось; возможно, строфа восходит к неизвестному нам стихотворению цикла «Древняя память» (см.: 2, 338–353).

6. Средний удвоенный гипердактилический спондей

Поспешай / Встать... — из акта второго «Восшествие» ЖМ, вариант (ср.: 2, 42–43).

7. Срединная восклицательная

Хоть дождевать вафельку!.. — из акта пятого «Ущерб» ЖМ, вариант (ср.: 2, 121, 122).

8. Срединно-спондеическая секстина

— *В шкуры! — в шубы! — в шелк!...* — из акта третьего «Царствование» ЖМ (2, 42).

III. Группа спондеических нисходящих

1. Хоримбо-спондей

Я / за стеной... — строфа, предположительно, из ранней редакции ЖМ.

2. Хорео-анапестная усеченная

Рати! Цитадель... — из акта первого «Вторжение» ЖМ, вариант (ср.: 2, 32–33).

3. Четырехстопно-ямбическая спондейная децима

— *На плаху, дыбу, на костер...* — строфа, предположительно, из ранней редакции ЖМ.

4. Ямбо-пиррихическая спондейная декада

Декада — здесь: десятистишие (от лат. *decada* — десяток).

— *Железо стягивая, плотним...* — строфа, предположительно, из ранней редакции ЖМ.

5. Дактиле-ямбо-спондеическая секстина

— *Труженник! Усвой...* — из акта четвертого «Тирания» ЖМ, вариант (ср.: 2, 90).

6. Дактиле-спондеическая децима первая

А фейерверк-то! до туч... — там же, вариант (ср.: 2, 90).

7. Пятистопно-ямбический спондей

Как горестно взмывает на простор... — «Измена» («Материалы к поэме «Дуггур»»; 2, 496).

8. Спондеизированный анапест первый

Мчатся гимны, звенят... — «Мчатся гимны, звенят...» (Там же; 2, 497–498).

9. Пэоно-спондеическая плясовая

Слышатся набегу, разгул... — по предположению А.А. Андреевой, строфа входила в несохранившуюся поэму «Солнцеворот».

10. Спондеизированный анапест второй

На траву я упал... — «На траву я упал...» («Лесная кровь»; 2, 437).

11. Спондеизированный четырехстопный ямб

Тишь / Хвои... — строфа, предположительно, из ранней редакции цикла «Лесная кровь».

12. Спондеизированный дактиле-ямб

Запахи с лугов... — «Сумрак засинел...» («Лесная кровь», с разночтением, 2, 419–420).

13. Дактиле-спондеическая децима вторая

Ночь, нисходя, у окраин... — по предположению А.А. Андреевой, строфа входила в несохранившуюся поэму «Солнцеворот»; ср. также в поэме «Рух» (РБ, 1, 308).

14. Амфибрахио-спондеическая дэцима вторая

И в самодержавных сердцах... — «Дом Пресвятой Богородицы» (РБ 1, 246).

15. Амфибрахио-спондеическая октава

Когда не разделишь в клокоцущем шторме... — там же, с разночтениями (ср.: 1, 248).

16. Пэоно-спондеическая октава первая

Броситься колдобинами гор американских... — «Симфония городского дня», вариант (ср.: 1, 61).

17. Пэоно-спондеическая октава вторая

Вспыхнут ожерелья фонарей... — там же (1, 64).

18. Пэоно-спондеическая секстина

Встанет попури, как балерина, на носок... — там же (1, 65).

19. Ямбо-спондеическая кваттурдецима первая

Звенит хрусталь... — там же, вариант (ср.: 1, 65–66).

20. Дактиле-спондеическая секстина

Но, как и прежде, венцом Мономаха... — по предположению А.А. Андреевой, эта строфа, возможно, из стихотворения неосуществленного цикла о Москве.

21. Пэоно-спондеическая декада

Ветром овеваемы, теплом... — «На балконе», с разночтением («Материалы к поэме “Дуггур”»; 2, 480).

22. Спондеизированный анапест третий

Оттого, что Господь... — «Сквозь перезвон рифм...» («Материалы к поэме “Дуггур”»; 2, 486).

23. Анапесто-спондеическая децима («карнавальная»)

А снаружи — в огнях... — «Столица ликует», вариант (ср.: 1, 80–81).

24. Ямбо-спондеическое четырнадцатистишие второе

Я в тростинках... — «Птички» (РБ, 1, 423–424).

25. Ямбо-спондеическая секстина

Тебя невестим, одеваем... — по предположению А.А. Андреевой, эта строфа из «Утренней оратории», рукопись которой сохранилась не полностью (см.: 2, 611–632).

26. Анапесто-спондеическая октава

Не умолкнут кругом... — «Гении» (РБ; 1, 258).

27. Хориямбо-спондеическая октава

И не вместят... — по предположению А.А. Андреевой, строфа входила в «Утреннюю ораторию»; но в переработанном виде она вошла в акт третий «Царствование» ЖМ (ср.: 2, 84).

IV. Группа спондеических обнимающих

1. Хориямб простой

Враг у ворот! — по предположению А.А. Андреевой, строфа входила в не-сохранившуюся поэму «Солнцеворот».

2. Обоюдо-спондеическая октава первая

Срок / Бьет. — «Красный реквием» (РБ, 1, 90).

3. Обоюдо-спондеическая октава вторая

В свод... — там же, с разночтениями (ср.: 1, 92).

4. Обоюдо-спондеическая октава третья

Нас, узников, жрет... — акт третий «Царствование» ЖМ (2, 74, 78).

5. Спондеическая многоярусная первая

...Оттуда — на мгновение, внизу... — «Симфония городского дня» (РБ, 1, 63).

6. Спондеический дактиле-ямб

В узел сатаны нити городов Свиты... — «Яросвету — демиургу России» (РБ, 1, 101).

7. Ямбо-спондеическая секстина

Здесь... — «О тех, кто обманывал доверие народа» (там же; 1, 86).

V. Группа новых силлаботонических октав

1. Русская октава ямбическая

Я слышал, как цветут поверия... — «У стен Кремля», с разночтением (РБ, 1, 32–33).

2. Русская октава хорейская

И как ответ вечноюного... — «Василий Блаженный», с разночтением (там же; 1, 35).

3. Русская октава амфибрахическая первая

И, мерно сходясь над народом... — «Большой театр. Сказание о невидимом граде Китеже», вариант (там же, ср.: 1, 47).

4. Русская амфибрахическая октава вторая

Ты с башни лиловой сходила... — «Темные грезы оковывать метром» («Материалы к поэме “Дуггур”»; 2, 500).

5. Русская анапестическая октава первая

...И в сиреневых далах... — «Госпоже города. (Второе)», с разночтением («Материалы к поэме “Дуггур”»; ср.: 2, 488).

6. Хореическая октава 4-х стопная усеченная

Над столицей мировую... — («Aphrodite pandemon») («Афродита Всенародная»; 1, 453).

7. Анапестическая октава усеченная

Отпускаю тебя, мой сын... — «Утренняя оратория», с разночтением; 2, 617–618.

8. Русская анапестическая октава вторая

С непроглядных окраин... — строфа из стихотворения «Александрю Блоку» (РБ, 1, 238).

9. Русская хореическая пятистопная октава

Не хоронят. Некогда. И некому. — «Беженцы» (РБ, 1, 137–138).

10. Усеченная дольниковая октава

Народная память хранит едва... — «О полузабытых», с разночтением (РБ, 1, 254).

VI. Пэоны и гипер-пэоны

1. Пэон первый

Там уже проносятся скользящие байдарки... — «Симфония городского дня», с разночтениями (РБ, 1, 59).

2. Пэон второй

Невидимо прикованы бесплотными магнитами... — там же, с разночтениями (ср.: 1, 51).

3. Пэон третий

Над рекою в нелюдимом предвечерии... — «Древнее», с разночтениями (РБ, ср.: 1, 396).

4. Гипер-гипер-пэон первый

Они встречаются и состязаются, они проносятся и разлучаются... — «Симфония городского дня», с разночтениями (ср.: 1, 56).

5. Гипер-пэон

А прожекторы — тускло-розовый и багровый... — «Танцы вверх» («Афродита Всенародная», 1, 454)

6. Гипер-пэон второй

Стеной чудовищною наступающая передо мной... — вариант строк из стихотворения «Пропулк» (РБ, 1, 95).

VII. Группа новых силлаботонических секстин, декад, децим и др.

1. Амфибрахическая секстина

Он блещет светло и сурово... — «Концертный зал» (РБ, 1, 42).

2. Усеченная секстина-дольник

В эту столикую, тысячетропную... — источник цитаты неизвестен; тематически строфа связана с «Материалами к поэме “Дуггур”».

3. Хореическая повторно-усеченная секстина

Тучи! Трубные сувои... — «Утренняя оратория» (2, 624).

4. Дактиле-ямбическая секстина

Прочь, кто боится! — см. примеч. к [«Руководству по стихосложению»]. на с. 514.

5. Пэонический усеченный одиннадцатистрочник

Мамонтов огромней... — «Столица ликует», с разночтениями (ср.: 1, 79)

6. Плясовая хореическая терцина

Булки в восемь тонн... — там же (1, 78).

7. Октава со слитною рифмой

Только бы отделаться от дум бы!... — «Танцы внизу», с разночтениями («Афродита Всенародная»; 1, 455–456).

8. Анапестическая квинта

Только стонут во сне... — вариант строфы из стихотворения «Безучастно глаза миллионов скользнут...» тетраптиха «Демоницы. Предупреждение» (РБ, 1, 101).

VIII. Группа метро-строф с гипер-дактилическими рифмами и консонансами

Консонансы; более употребителен в современном стиховедении термин диссонансы.

1. Гипер-дактилические стансы

Но горизонт манил засасывающий... — «Другу юности, которого нет в живых. (Второе)» («Материалы к поэме “Дуггур”»; 2, 477).

Вариант

И каждый раз, маршруты скашивая... — там же, с разночтениями.

Вариант второй

Возов, медлительно поскрипывающих... — «Исчезли стены разбегающие...», с разночтениями («Зеленою поймой»; 2, 385). Далее, судя по рукописи, предполагался «Вариант третий».

2. Сpondeйно-усеченная гипер-дактилическая октава

Их стаей аукаемая... — «Утренняя оратория» (2, 567).

3. Амфибрахическая строфа с гипер-дактилем

Неясно доносится дрожь... — вариант строфы из стихотворения «Еще не вошли времена...» тетраптиха «Демоницы. Предупреждение» (РБ, 1, 98).

4. Двухстопно-ямбическое четверостишие с гипер-дактилями

А копны сложенные... — источник цитаты неизвестен.

5. Гипер-дактилическая квинта

Цугом бряцающим... — цитата, возможно, восходит к ранней редакции ЖМ.

6. Гипер-дактилическое консонансное четверостишие

— *Спешим — поторапливаемся!* — ЖМ, вариант (ср.: 2, 40).

7. Удлиненная ямбо-гипердактилическая октава

Листвы мерцающей... — «Утренняя оратория», с разночтениями (ср.: 2, 621).

ПИСЬМА

ПИСЬМА. 1915–1958

В этот раздел вошла большая часть выявленных на сегодня писем Д.Л. Андреева (переписку с А.А. Андреевой см. ниже), кроме писем к Л.П. Гроссману (ок. 1947; РГАЛИ), В.Г. Лидину (1958; РГАЛИ), И.А. Новикову (1957-1958; РГАЛИ), М.Н. Новиковой-Принц (1958; РГАЛИ), И.В. Усовой (1958; их отказался предоставить составителю фонд «Урания»), В.В. Шульгину (1958; ИМЛИ). К сожалению, кроме писем к старшему брату, В.Л. Андрееву, большинство писем поэта до 1947 г., т.е. до ареста, представлены более скудно, что объясняется и арестом бли-

жайшего окружения поэта, в результате чего переписка, как правило, погибала (так, письма Д.Л. Андреева к В.М. Василенко при его аресте были уничтожены), и атмосферой эпохи.

Составившие этот раздел письма частично опубликованы, включая вошедшие в СС, 3, 2:

письма к Г.Л. Гудзенко и Р.С. Гудзенко // Слово и Дело: Санкт-Петербургская газета. 1993. 11–17 марта. №8 (013). С. 4. Публ. И.С. Мальского; Лепта: Литературный журнал. 1996. №28. С. 143–163. Вступительная заметка и примеч. И.С. Мальского;

письма к Л.Ф. Смирновой и Г.Б. Смирнову: Мытищи. Городская еженедельная газета. 1994. 17 сент. Публ. Г.В. Смирнова; перепечатано: Зеркало. (Тель-Авив). 1996. №1-2. С. 141–143;

письма к В.Л. Андрееву: Вадим и Даниил Андреевы: братья знакомятся. Вступ. заметки и публ. О. Карлайль-Андреевой и А. Богданова // Звезда. 1997. № 4. С. 152–164; Вадим и Даниил Андреевы: продолжение знакомства. Письма 1927–1946 годов. Вступ. заметка О. Карлайль-Андреевой. Публ. О. Карлайль-Андреевой и А. Богданова // Звезда. 2000. № 3. С. 125–139;

письмо к Е.Н. Рейнфельд: Действительность и поэзия: Неизданное письмо // Урания. 1999. №1 (38). Публ. А.А. Андреевой;

письма к Ю.И. Пантелееву: Пятница (приложение к г. «Красное Знамя». Томск). 2001. 11 января. В составе статьи Н. Потапова «Заводите друзей с молодых лет», с сокращениями; Брянская учительская газета. 2006. 27 янв. № 3 (158). Публ., подгот. текста и примеч. Б.Н. Романова.

1915

1

Публикуется впервые. Автограф — РГАЛИ. Ф. 11. Оп. 1. Ед. хр. 59.

¹ Интерес Д.Л. Андреева к ископаемым животным сохранился на всю жизнь и отразился как в его поэзии, так и в РМ.

² В детской тетради Д.Л. Андреева сохранилось около пятидесяти рисунков ископаемых животных, а также их список.

³ Речь идет о двоюродной сестре Д.Л. Андреева — А.Ф. Добровой, учившейся в театральной студии Малого театра и сезон 1915/16 г. игравшей в труппе тифлисского театра.

⁴ Речь идет о бабушке Д.Л. Андреева — Андреевой А.Н.

⁵ Андреев В.Л. — старший брат Д.Л. Андреева.

⁶ Речь идет о поляне рядом с домом Л.Н. Андреева на Черной Речке (Вамельсуу), на которой Вадим обычно ожидал возвращений отца.

2

Публикуется впервые. Автограф — РГАЛИ. Ф. 11. Оп. 1. Ед. хр. 59.

¹ Велигорский И.П.

² Велигорская В.Д.

³ Митрофанов А.Н.

⁴ Рассказ Л.Н. Андреева «Кусака» (1901), впервые опубликованный в «Журнале для всех» (1901. № 9), неоднократно переиздавался; возможно, Д.Л. Андреев прочел его в издании: Голубая книга: Рассказы и сказки известных русских писателей: Худож. сб. для детей. СПб.: Издание журн. «Пробуждение», 1910.

⁵ В.Л. Андреев писал в повести «Детство» об обещанном отцом «энфильдовском» велосипеде, давней мечте, которой он, очевидно, поделился с братом, живя у Добровых; см.: Андреев В. Детство. М.: Советский писатель, 1966. С. 92.

⁶ Рассказы «Путешествие насекомых» и «Жизнь допотопных животных» не сохранились.

⁷ ...сбор на ромашку. — Речь идет о проводившемся в те годы в конце апреля (по старому стилю) Дне белой ромашки, во время которого проводился сбор добровольных пожертвований на борьбу с туберкулезом.

⁸ Речь идет о двоюродном брате Даниила — Доброве А.Ф. и его друге Немчинове А.

⁹ Речь идет о сестрах Муравьевых: Муравьевой Т.Н. и Муравьевой И.Н.

¹⁰ Речь идет об И.И. Энгельгардт, дочери воспитательницы Даниила — О.Я. Энгельгардт. Приехав к жившей в семье Добровых матери из Риги весной 1914 г., она первое время жила в семье Муравьевых, где была прозвана, в отличие от Ирины Муравьевой, Ириной Кляйне (маленькой).

1926

3

Впервые: Звезда. 1997. № 4.

В.Л. Андреев, оказавшись вместе с семьей отца с 1918 г. в эмиграции, прожил жизнь вне родины; см. его автобиографические книги: «Детство» (М., 1963; 1966); «Дикое поле». (М., 1967); «История одного путешествия». (М., 1974); его краткие воспоминания о последней встрече с братом см.: СС, 3, 2, 369–370.

¹ Речь идет о несохранившемся романе «Грешники».

² Союз поэтов просуществовал до 1929 г.

³ Имеется в виду учеба на Высших литературных курсах (1924 – февраль 1928).

1927

4

Впервые: Звезда. 2000. № 3

¹ Речь, видимо, идет о переиздании произведений Л.Н. Андреева.

² О.Викторовна Андреева.

³ Письмо к А.И. Андреевой, о котором идет речь, см. ниже.

⁴ Имеется в виду обстановка дома Л.Н. Андреева в Ваммельсуу, часть которой попала в Пушкинский Дом; ныне интерьер кабинета писателя из этого дома представлен в ОГЛМТ, в составе экспозиции, посвященной писателям-орловцам.

5

Впервые: Звезда. 2000. № 3

¹ Мамой Д.Л. Андреев называл воспитавшую его тетю — Доброву Е.М.

² Добров Ф.А.

³ Эту экспозицию составили вещи и материалы главным образом из сохранившихся в петербургской квартире Л.Н. Андреева.

⁴ Андреев П.Н.

1928

6

Впервые — неполностью: Брянские известия. 1994. 30 ноября. №230 (838). В составе очерка Е.В. Потупова «Мечта моя будет — в стихе, дух в небесном скитанье...»; полностью — СС, 3, 2. Автограф — архив Б.В. Чукова. Почтовая карточка. Датируется по почтовому штемпелю.

Митрофанов В.П. — сын Павла Степановича Митрофанова — врача, земляка и сокурсника Ф.А. Доброва по медицинскому факультету Московского университета, его брат Николай Степанович Митрофанов (1868–1919) был женат на Екатерине М. Велигорской, которая после смерти мужа от тифа переехала из Нижнего Новгорода в Москву и жила в доме Добровых. Там же во время учебы на юридическом факультете МГУ жил и В.П. Митрофанов, впервые оказавшийся в доме Добровых в 1914 г.; см. его воспоминания: Леонид Андреев и семья Добровых // СС, 3, 2, 371–375.

¹ Речь идет о городе Тарусе или его окрестностях (см. п. 7); считалось, что лето 1928 г. Д.Л. Андреев провел в Трубчевске — см.: Павлова Г. «Где реки, мирные и вещи...»: К истории приездов Даниила Андреева в Трубчевск // Брянские известия. 1995. 7 апреля. №66 (927); а также: Кузькин С.П., Пасин В.С. «...По зеленым певучим дорогам»: Трубчевский край в жизни и творчестве Даниила Андреева. Брянск: Грани, 1996.

7

Впервые: Звезда. 1997. № 4.

¹ Речь идет об Андреевых (Алексеевских) Льве А. и Леониде А. (домашнее имя Люся) — двоюродных братьях Д.Л. и В.Л. Андреевых, сыновьях Р.Н. Андреевой и А.П. Алексеевского.

² Андреева Л.П. — дочь П.Н. Андреева, двоюродная сестра Д.Л. и В.Л. Андреевых.

³ Андреева А.И. — жена П.Н. Андреева.

⁴ Андреева Р.Н. — сестра Л.Н. Андреева.

⁵ Оль Г.А. — дочь Р.Н. Андреевой и А.А. Оля.

⁶ Коваленский А.В.

⁷ Беклемишева В.Е., друг семьи Андреевых и Добровых. Д.Л. Андреев, по свидетельству А.А. Андреевой, был дружен с ее сыном, писателем Ю.С. Крымовым.

⁸ Речь идет о Тарусе.

⁹ Чернова О.Е.

¹⁰ Андреева Н.М., жившая в эмиграции в семье Андреевых до конца 1920-х гг.

1929

8

Впервые: Звезда. 1997. № 4.

¹ Бабель И.Э., по свидетельству О.В. Карлайль-Андреевой, дружил с семьей В.Л. Андреева.

² В.Л. Андреев учился истории живописи в Берлинском университете, а затем русской филологии и литературе в Сорбонне.

³ Фильм «Белый орел» по рассказу Л.Н. Андреева «Губернатор» был снят в 1928 г. режиссером Я.А. Протазановым; в главных ролях — В.И. Качалов и В.Э. Мейерхольд.

⁴ Речь идет о книге «Реквием» (см. примеч. на с. 503).

⁵ В.Е. Беклемишева.

1930

10

Впервые: Звезда. 2000. № 3.

¹ Андреева О.В. родилась 22 января 1930 г. в Париже.

² Речь идет о Доброве А.Ф.; *Margarita* — его жена.

³ Сведений об этой книге разыскать не удалось.

⁴ В августе 1930 г. Д.Л. Андреев совершил первую поездку в Трубчевск с близкой знакомой семьи Добровых писательницей В.Г. Малахиевой-Мирович.

II

Впервые: Звезда. 2000. № 3.

¹ «Сальери». См.: Андреев В. Стихотворения и поэмы: В 2 т. Berkeley Slavic Specialists, Oakland, 1995. Т. 1. С. 248.

² Действующее лицо «Горя от ума» (1822–1824) А.С. Грибоедова, князь Тугоуховский изъясняется в комедии преимущественно междометиями: «А-хм! Эх-м» и т. п. (см.: Д. 3. Явл. 20).

³ См.: Сельвинский И. Пушторг. М.; Л.: Гиз, 1929; Записки поэта. М.; Л.: Гиз, 1928.

⁴ «В семье Черновых-Андреевых царил культ поэзии Пастернака, с которым Вадим Андреев познакомился в 1922 г. в Берлине» (примеч. О. Карлайль-Андреевой и А. Богданова). Позднее высоко отзывался о поэзии Б.Л. Пастернака и Д.Л. Андреев.

⁵ См.: Чапыгин А. Разин Степан. Ч. 1-3. М.: Круг, 1926–1927.

⁶ См.: Тынянов Ю. Смерть Вазир-Мухтара. М.; Л.: Гиз, 1929; Кюхля. 2-е изд. М.; Л.: Гиз, 1927.

⁷ К этому времени были опубликованы тт. 1, 2 и частично 3 (Октябрь. 1929. №3) романа М.А. Шолохова «Тихий Дон».

⁸ См.: Собрание произведений Велимира Хлебникова. Л.: Изд-во писателей в Ленинграде, 1928–1933; к тому времени вышли тт. 1 (1928), 2 и 4 (1930).

⁹ О каком стихотворении идет речь, установить не удалось.

¹⁰ См.: Андреев В. Стихотворения и поэмы. Т. 2. С. 22.

¹¹ Вероятно, имеется в виду трехчастное стихотворение «После смерти». См.: Андреев В. Стихотворения и поэмы. Т. 1. С. 241.

¹² См.: Андреев В. Стихотворения и поэмы. Т. 1. С. 243.

¹³ Поэма, как и многие другие ранние произведения Д.Л. Андреева, погибла, уничтоженная органами МГБ.

¹⁴ Несохранившаяся поэма «Солнцеворот».

¹⁵ Поэтические книги В.И. Иванова в СССР не издавались с 1919 по 1976 г., а за рубежом вышли мелолея «Человек» (Париж, 1939) и книга стихов «Свет вечерний» (Оксфорд, 1962).

¹⁶ «В семье Вадима Андреева Мандельштам был одним из самых любимых и почитаемых поэтов; Ольге Викторовне Андреевой принадлежат переводы его сборников «Камень» (1913) и «Tristia» (1922) на французский язык» (примеч. О. Карлайль-Андреевой и А. Богданова). Имя О.Э. Мандельштама упоминается в РМ.

¹⁷ Окончание письма не сохранилось.

1932

12

Впервые: Звезда. 2000. № 3.

¹ Митрофанова Е.М.

² Митрофанов А.Н.

³ Одной из причин ухода из газеты, по свидетельству А.А. Андреевой, было то, что Д.Л. Андреев должен был готовить к публикации антирелигиозные письма читателей, которые он складывал в ящик стола, а когда делать это и дальше стало невозможно — уволился.

13

Впервые: Звезда. 2000. № 3.

¹ Bois de Meudon — Медонский лес (*фр.*); по свидетельству О.В. Карлайль-Андреевой, семья В.Л. Андреева действительно часто в нем гуляла.

² Clamart (Кламар) — ближайший пригород Парижа

³ Porte Montrouge — на самом деле, уточняет О.В. Карлайль-Андреева, Porte Montrouge (Ворота Монруж).

1933

14

Публикуется впервые.

Федулова (в замужестве Рейнфельд; по другим данным Рейнсфельдт) Евгения Николаевна — очевидно, знакомая Д.Л. Андреева по занятиям с А.М. Грузинской.

На конверте адрес: Ленинград 28, ул. Пестеля, д. 17, кв. 3, Евгении Николаевне Рейнфельд; штамп получения 27.4.33; видимо, у Д.Л. Андреева описка в дате.

¹ Вероятно, Т.И. Морозова, до войны жившая с мужем в Ленинграде.

² Возможно, Ю.М. Попов.

³ Основанное в 1932 г. Научно-техническое издательство энергетической литературы выпускало, среди других изданий, научно-популярную литературу, как раз в эти годы активно развивавшуюся; по свидетельству А.А. Андреевой, упомянутая книга Д.Л. Андреева не была издана.

⁴ Джемс Джинс. Вселенная вокруг нас. М.; Л.: Госиздат, 1932.

⁵ *Семья из пяти человек...* — речь идет о семье П.П. Левенка; о нем см.: 1, 514.

⁶ Леонова Е.П.

15

Впервые: Урания. 1999. №1 (38), с неточностями.

¹ Речь идет об Ивановском А.М.

² См. также описание этого переживания Д.Л. Андреева 6 июля 1931 г. в РМ, 3, 76–77.

³ Речь идет о семье Грузинской А.М., первой учительницы Д.Л. Андреева.

1936

16

Публикуется впервые.

¹ Видимо, фрагменты «поэмки об Индии» позднее вошли в цикл «Древняя память» (см.: 2, 338); см. также упоминание о поэме «Бенаресская ночь» в воспоминаниях И.В. Усовой: СС, 3, 2, 402.

² Строка из стихотворения А.С. Пушкина «Поэт» (1927).

³ Речь идет о поэме «Песнь о Монсальвате»; см.: 2, 526.

17

Впервые: Звезда. 1997. № 4.

¹ О значении поэзии Ф.И. Тютчева для Д.Л. Андреева см.: Романов Б.Н. Ф.И. Тютчев и Даниил Андреев // Ф.И. Тютчев и тютчеведение в начале третьего тысячелетия. Брянск, 2003. С. 39–43.

² Об отношении Д.Л. Андреева к французской и немецкой литературам см. также в воспоминаниях В.М. Василенко: СС, 3, 2, 388.

³ Видимо, опечатка или описка, и речь идет об эпохе не XIII, а XVIII династии; см. в РМ страницы, посвященные Эхнатону, фараону XVIII династии.

⁴ Пешкова Е.П.

⁵ А.М. Горький был крестным Д.Л. Андреева и его старшего брата. С их отцом, Л.Н. Андреевым, Горького связывала тесная многолетняя дружба, переродившаяся в результате расхождения их политических взглядов во вражду. Предполагавшийся визит Д.Л. Андреева к нему, а также к Е.П. Пешковой и И.Э. Бабелю был связан с желанием начать хлопоты для возвращения В.Л. Андреева на родину. По свидетельству А.А. Андреевой, Д.Л. Андреев встречался с Горьким лишь однажды.

⁶ Ольга Викторовна и Ольга Вадимовна Андреевы.

18

Впервые: Звезда. 1997. № 4.

¹ А.М. Горький умер 18 июня 1936 г. в Горках.

² Митрофанова Е.М.

³ Добров А.Ф.

19

Впервые: Звезда. 1997. № 4.

¹ Стихотворение (1840-е) А.К. Толстого.

20

Впервые: Звезда. 1997. № 4.

¹ Имеется в виду работа над поэмой «Песнь о Монсальвате».

21

Впервые: Звезда. 1997. № 4.

22

Впервые: Звезда. 2000. № 3.

1937

23

Публикуется впервые. Автограф — архив Ю.Л. Мининой.

Дружба Д.Л. Андреева с В.Л. Миндовской (в замужестве Тарасовой) началась с отроческих лет. Вот что об их знакомстве сообщает ее дочь Ю.Л. Минина (урожд. Тарасова): «Мама познакомилась с Д. Андреевым, видимо, еще со времен его приездов к Нэлли Леоновой на Сенежское озеро, в имение Леоновых, находившееся недалеко от озера, и у нас в семье называвшееся “Осинки”. Туда приезжала молодежь из их класса и проводила там летом по несколько дней, заготавливая сено, отдыхая и играя в крокет. Мама говорила, что это были “кисовцы” (КИС — Кружок исключительно симпатичных — школьный дружеский кружок, в который входил Д.Л. Андреев; о нем и о поездках в “Осинки” см. воспоминания Т.И. Морозовой: СС, 3, 2, 381 — *Б.Р.*), судьба которых у многих сложилась трагично». О В.Л. Миндовской см. также: Бежин Л. Даниил Андреев — рыцарь розы. М.: Энигма, 2006. С. 291–297.

24

Впервые: Звезда. 1997. № 4.

¹ Роман Бруно Франка «Сервантес» (1934), считающийся лучшим его произведением, в русском переводе вышел в 1936 г.

25

Впервые: Звезда. 1997. № 4.

¹ Речь идет о рождении 28 мая 1937 г. А.В. Андреева.

² В августе 1937 г. Д.Л. Андреев отдыхал в Судаче вместе с М.П. Гонтой; с этой поездкой связан цикл «Янтари» (1942); см.: 2, 366.

³ Речь идет о снимках, сделанных А.П. Левенком; см. фото на вклейке во 2-м т.

26

Впервые: Мытищи. 1994. 17 сентября. Автограф — архив А.Г. Смирнова.

Смирнова Л.Ф. и ее муж Г.Б. Смирнов — друзья Д.Л. Андреева. С Г.Б. Смирновым поэт познакомился в конце 1920-х гг. на археологических раскопках в Судаче. Дети московских интеллигентов участвовали в них в качестве подсобных рабочих, используя это как возможность отдохнуть в Крыму в те трудные годы. Знакомство продолжилось в Москве, где Андреев учился на Высших литературных курсах, а Смирнов в художественной студии К.П. Чемко и Д.Н. Кардовского (студия существовала с 1922 по 1930 г.). В 1934–1936 гг. Андреев неоднократно бывал на даче Смирновых в Перловке (ул. Карла Либкнехта, д. 4); там же поэт жил с А.А. Андреевой в сентябре–октябре 1957 г. См. также воспоминания А.Г. Смирнова: СС, 3, 2, 469–473.

¹ Смирнов А.Г. родился 23 июня 1937 г., следовательно, письмо написано не позднее этой даты.

27

Публикуется впервые. Почтовая карточка.

28

Впервые: Мытищи. 1994. 17 сентября. Автограф — архив А.Г. Смирнова.

¹ Речь идет о переживаниях, связанных с тяжелыми родами Л.Ф. Смирновой.

² Введенская М.М. — знакомая Д.Л. Андреева и Смирновых, по свидетельству А.А. Андреевой, «очень религиозная женщина»; дружила с М.М. Пришвиным.

29

Публикуется впервые. Автограф — архив Ю.Л. Мининой.

¹ Речь идет о художественно-оформительской работе, которой Д.Л. Андреев обычно зарабатывал на жизнь.

1938

30

Впервые: Звезда. 1997. № 4.

1941

31

Впервые: Мытищи. 1994. 17 сентября. Автограф — архив А.Г. Смирнова.

1942

32

Впервые: СС, 3, 2. Автограф — архив В.В. Палицыной.

См. также воспоминания Т.И. Морозовой о Д.Л. Андреевой: СС, 3, 2, 379–382.

¹ Морозова К.Н.

² Имеются в виду ленты для пишущей машинки.

³ Видимо, речь идет о Боковой Е.Н.

⁴ В этот период А.В. Коваленский совместно с Л.И. Тимофеевым составлял сборник «Стихи о Родине» (1943), и можно предположить, что Д.Л. Андреев участвовал именно в этой работе. Коваленский в справке «Мои переводы» от 30 марта 1947 г., хранящейся в отделе кадров Союза писателей, писал: «Практически занялся переводами в конце 1941 г. <...> В начале 1942 г. приступил к переводу книги избранных стихов Марии Конопницкой, которую закончил к 1943 г.» (См.: Конопницкая М. Избранное. М., 1944). С польского Коваленский также перевел С. Выспанского, Ю. Словацкого, А. Мицкевича.

⁵ Т.И. Морозова перед войной жила в Ленинграде, где остался ее муж, погибший во время блокады.

⁶ О характере участия Д.Л. Андреева в переводческой работе А.В. Коваленского конкретных сведений разыскать не удалось.

⁷ Речь идет о дне рождения дочери Т.И. Морозовой — В.В. Морозовой.

1943

33–35

Публикуется впервые. Автографы — архив Ю.Л. Мининой.

36

Впервые: СС, 3, 2. Автограф — архив Ю.Л. Мининой.

¹ Возможность демобилизации Д.Л. Андреева была связана с состоянием его здоровья.

² Имеется в виду муж В.Л. Миндовской — Тарасов Л.М.; с ним Д.Л. Андреев познакомился позднее.

1944

37

Впервые: СС, 3, 2. Автограф — архив Ю.Л. Мининой.

¹ Д.Л. Андреев был демобилизован в мае 1945 г.

38

Впервые: СС, 3, 2. Автограф — архив Ю.Л. Мининой.

¹ Миндовская А.П.

² Миндовская Е.Л.

³ Бэб — домашнее прозвище Леонова Ю.Г.

⁴ Мишук — Леонов М.Г.

39

Впервые: СС, 3, 2. Автограф — архив Ю.Л. Мининой.

¹ В командировке Д.Л. Андреев пробыл в Москве с 14 по 21 июня 1944 г.

² В это время полевой госпиталь, в котором служил Д.Л. Андреев, размещался в районе Резекне (Латвийская ССР).

³ Над романом «Странники ночи» Д.Л. Андреев работал с перерывами с 1937 по 1947 г.

⁴ Стихи Л.М. Тарасова при жизни не публиковались; см. посмертную публикацию: Новый журнал. 1991. № 184/185. С. 44–46.

40

Впервые: СС, 3, 2. Автограф — архив Б.В. Чукова.

¹ Речь идет о вызове с фронта Горкомом графиков, членом которого был Д.Л. Андреев.

² Здесь имеется в виду гибель на фронте приемного сына В.П. Митрофанова.

³ «Преступление и наказание» (1866), «Подросток» (1875) — романы Ф.М. Достоевского.

⁴ Саша — здесь и далее Добров А.Ф. — двоюродный брат Д.Л. Андреева; по образованию архитектор, работал художником-оформителем; страдал последствиями энцефалита, кроме того, злоупотреблял наркотиками, а затем алкоголем и в это время находился в больнице, с чем связаны вопросы в письме.

⁵ Имеются в виду родители А.Ф. Доброва.

1945

41

Впервые: СС, 3, 2. Автограф — архив Б.В. Чукова.

¹ Д.Л. Андреев участвовал в оформлении экспозиции Музея связи Красной армия, в связи с чем он и был откомандирован в Москву.

42

Публикуется впервые. Автограф — архив Ю.Л. Мининой.

¹ С конца июля по 19 августа 1945 г. Д.Л. Андреев вместе с А.А. Ивашевой-Мусатовой находился в деревне Филипповской Константиновского района Московской области, где жила вместе с детьми в доме родителей мужа Т.И. Морозова, работая в колхозе и школе.

1946

43–45

Публикуется впервые. Автографы — архив Ю.Л. Мининой.

46

Публикуется впервые. Автограф — архив Ю.Л. Мининой.

¹ Июль–август 1946 г. Д.Л. Андреев вместе с А.А. Андреевой и семьей Бружес провел в Задонске.

47

Впервые: Звезда. 2000. № 3.

¹ Ф.А. Добров умер в конце апреля 1941 г.

² Е.М. Доброва умерла в июле 1942 г.

³ Е.М. Митрофанова умерла в январе 1943 г.

⁴ Андреева Р.Н.

⁵ Речь идет о написанной в соавторстве с географом С.Н. Матвеевым книге «Замечательные исследователи горной Средней Азии» (М.: Географгиз, 1946) и книге «О русских исследователях Африканского материка», выходу которой помешал арест Д.Л. Андреева.

⁶ И.М. Фитюков, бежав из немецкого плена, принял участие во французском Сопротивлении, в котором близко познакомился с В.Л. Андреевым; возвратившись из Франции, он, очевидно, передал Д.Л. Андрееву письмо от брата;

см. о Фитюкове: Андреев В. История одного путешествия. М.: Советский писатель, 1974. С. 366.

1951

48

Публикуется впервые. Автограф — РАЛ. Черновик письма из тюремной тетради.

¹ В связи с тюремными правилами Д.Л. Андреев не мог отправлять писем «до востребования», о чем просила Ю.Г. Бружес, беспокоясь за судьбу мужа и семьи.

² Ю.Г. Бружес отказывалась дать Д.Л. Андрееву адрес А.А. Андреевой из опасений за ее дальнейшую участь.

1952–1955

49–52

Публикуется впервые. Автографы — РАЛ. Черновики писем из тюремной тетради.

1956

53

Впервые: СС, 3, 2. Автограф — архив А.А. Андреевой.

Это единственное сохранившееся из отправленных писем Д.Л. Андреева к родителям А.А. Андреевой периода заключения.

¹ А.А. Андреева была освобождена из лагеря 10 августа 1956 г.

² В это время родители А.А. Андреевой жили по адресу: Подсосенский переулок, д. 23, кв. 28.

³ В Звенигороде родители А.А. Андреевой снимали дачу.

⁴ Д.Л. Андреев был признан инвалидом ВОВ 2-й группы 25 июня 1945 г. с пенсией 300 рублей; эта пенсия была восстановлена 22 ноября 1957 г. в сумме 347 рублей.

1957

54

Впервые: СС, 3, 2. Автограф — архив В.В. Палицыной.

¹ Коваленский А.В.

² Речь идет о поездке в деревню Вишенки вместе с племянницей И.М. Вольфина А.Д. Смирновой к ее родственникам, где Д.Л. Андреев пытался прописаться после освобождения.

55

Впервые: Лепта. 1996. № 28. Автограф — архив Р.С. Гудзенко.

Гудзенко Г.Л. — жена Р.С. Гудзенко, проходившего после ареста 1 августа 1956 г. по обвинению в антисоветской агитации и пропаганде (ст. 58-10 ч. 1 УК РСФСР) экспертизу в Центральном институте судебной психиатрии

им. В.П. Сербского в одно время с Д.Л. Андреевым. После экспертизы Р.С. Гудзенко отбывал заключение в Дубровлаге (Мордовия) и был освобожден в 1959 (1960?) г., уже после смерти поэта. Д.Л. Андреев, обладавший редкостным даром дружбы, после освобождения пишет его жене, а затем и самому Р.С. Гудзенко в лагерь, несмотря на то что это было и в те годы совсем не безопасно; см. также воспоминания Р.С. Гудзенко о поэте: СС, 3, 2,458–464.

56

Полностью публикуется впервые. Краткий фрагмент опубликован: И.А. Новиков в кругу писателей-современников. Орел; Мценск, 2003. Печатается по ксерокопии — ОГЛМТ. Ф. 16. № 21927нв.

И.С. Новиков был не только некогда знаком с Л.Н. Андреевым, отцом поэта, но и преподавал на Высших литературных курсах, где Д.Л. Андреев и мог с ним познакомиться. Публикуемое письмо вызвано визитом к Новикову А.А. Андреевой, привлекавшей писателя к хлопотам об освобождении Д.Л. Андреева.

¹ В это время Д.Л. Андреев находился на лечении в Институте терапии АМН СССР.

² Речь идет о книге И. Новикова «Под родным небом. Стихотворения разных лет» (М.: Советский писатель, 1956). Экземпляр с автографом хранится в ОГЛМТ: «Когда-то надписывал книжку Вашему папе — Леониду Николаевичу Андрееву, а ныне Вам — его сынку — Даниилу Леонидовичу с искренним пожеланием здоровья и светлой жизни под родным небом от автора. Иван Новиков. 26.IV.57. М.»

³ В ОГЛМТ хранится книга И. Новикова «Писатель и его творчество» (М.: Советский писатель, 1956) с автографом: «Дорогой Алле Александровне Андреевой, оценившей наконец Лизу Калитину, с искренним приветом и наилучшими пожеланиями от автора. Иван Новиков. 9 окт. 1956. Москва».

⁴ Другой роман И. Новикова, «Пушкин в изгнании» (М.: Л., 1947), был среди книг, имевшихся у Д.Л. Андреева во Владимирской тюрьме.

57

Впервые: СС, 3, 2. Автограф — архив В.В. Палицыной.

¹ В Институте терапии АМН СССР.

² Русакова Г.С.

³ С.Н. Ивашев-Мусатов (о нем см.: 1, 490; 2, 688, а также в кн.: Художники народов СССР: Библиографический словарь Т. 4. Кн. I. М., 1983. С. 462; Панин Д. Лубянка — Экибастуз: Лагерные записки. М: Скифы, 1991; Панин Д.М. На шарашке. О прототипах романа «В круге первом» // Литературная газета. 1990. 30 мая. См. также воспоминания о семье Добровых и Д.Л. Андрееве: Ивашев-Мусатов С.Н. Старая русская интеллигенция / Пред. и публ. Б. Романова // Брянская учительская газета. 2006. 3 февраля. № 4 (159); 10 февраля. № 5 (160).

⁴ Киселева З.В.; о ней см.: Семпер (Соколова) Н. Портреты и пейзажи: Частные воспоминания о XX веке. // Дружба народов. 1997. №2. С. 98–99; а также примеч. 4 к п. 63 и примеч. 1 к п. 42–пр.

⁵ Морозова В.В.

58

Впервые: Лепта. 1996. №28. Автограф — архив Р.С. Гудзенко.

¹ Предыдущее письмо вовремя получено не было из-за неточного адреса; после получения настоящей открытки Г.Л. Гудзенко разыскала его в почтовом отделении, надеясь найти в нем сведения о муже.

59

Впервые: Слово и дело. 1993. 11–17 марта. №8(013), с купюрами. Полностью: Лепта. 1996. №28. Автограф — архив Р.С. Гудзенко.

¹ В своем письме Г.Л. Гудзенко сообщила о вынесенном мужу приговоре — 5 лет лагерей по ст. 58.

² После освобождения Д.Л. Андреев из-за отсутствия реабилитации был прописан в Торжке (в то время там жили близкие друзья Андреевых — В.А. и А.В. Кемниц).

³ Имеется в виду Институт терапии АМН СССР.

⁴ В селе Копаново Рязанской области Андреевы пробыли июнь (с 4 июня) — август 1957 г.

⁵ Шатов Е.Я. вместе с Д.Л. Андреевым и Р.С. Гудзенко находился на экспертизе в Центральном институте судебной психиатрии им. В.П. Сербского. По свидетельству А.А. Андреевой и Б.В. Чукова, Шатов был очень пожилым человеком, а его вина заключалась в том, что он направил в ЦК КПСС письмо, в котором просил дать народу хотя бы свободу творчества и призывал к человечности. После освобождения он навестил Д.Л. Андреева; в архиве А.А. Андреевой сохранились также письма Шатова к поэту. Узнав о его тяжелой болезни, он писал 12 января 1959 г. А.А. Андреевой: «Удручен сведениями о дорогом мне человеке Данииле Леонидовиче».

60

Впервые: СС, 3, 2. Автограф — архив А.А. Андреевой.

¹ Парин В.В.

² З. Рахим — сокамерник Д.Л. Андреева, к которому он привязался и относился долгое время с трогательной нежностью (см. «Переписку»). В сведениях, сообщавшихся им о себе, было, видимо, немало мифотворчества. Так, З. Рахим уверял, что он арабский принц и его настоящее имя Гарун аль-Каири. З. Рахим, предположительно, был арестован на Дальнем Востоке; знал японский язык. По свидетельству А.А. Андреевой, он был красивым и обаятельным человеком, умевшим располагать к себе людей. После освобождения он сумел подружиться с родителями Андреевой, у которых занял довольно большую сумму, которой не вернул, с В. Круминьш, с А.Д. Смирновой (Варакиной), с Т.И. Морозовой и др. Позднее обнаружилось, что все рассказы З. Рахима — ложь и сочинительство, и это вызвало разрыв с ним Д.Л. Андреева (см. также п. 64).

³ Д.Л. Андреев был освобожден из-под стражи 23 апреля 1957 г.

⁴ Над книгой о Н.В. Гоголе Л.Л. Раков работал во Владимирской тюрьме; в письме к дочери от 4 мая 1954 г. он писал: «Сейчас заканчиваю книжечку о Гоголе...» (Смена. 1988. № 70. 25 марта).

⁵ Сразу после освобождения З. Рахим уехал в Грузию вместе с С.Л. Гогабидзе, где жил вначале в Махарадзе, а затем в Рустави, откуда переехал в Подмосковье.

61

Впервые: СС, 3, 2. Автограф — архив А.А. Андреевой.

¹ Л.Л. Раков был крупнейшим знатоком истории российского военного костюма; его труд, посвященный этой теме, остался незавершенным (из 4 задуманных томов он успел написать 2 главы) и неизданным. В 1937 г. Раков был арестован по доносу, в котором говорилось, что на организованной им выставке «Военное прошлое русского народа» пропагандируется белогвардейская форма. В 1939 г. он был освобожден благодаря ходатайству И.А. Орбели.

² Имеется в виду рукопись книги «Новейший Плутарх», которая В.В. Парину была передана 20 июня 1955 г. (см.: «Новейший Плутарх». С. 302).

³ Дело по обвинению Д.Л. Андреева было пересмотрено и отменено Пленумом Верховного суда СССР 21 июня 1957 г.

⁴ В архиве А.А. Андреевой сохранилась машинопись сборника «Босиком», который составили 52 стихотворения: 1. «Из шумных, шустрых, пестрых слов...»; 2. «Исчезли стены разбегающиеся...»; 3. «Ах, как весело разуться в день весенний!...»; 4. Первое об этом; 5. Соловьиная ночь; 6. Брянские леса; 7. «Вы реки сонные...»; 8. «О, не так величава — широкою поймой цветущею...»; 9. «Не о комбайнах...»; 10. «Я люблю — не о спящей царевне...»; 11. «Таится древний мир сказаний...»; 12. «Когда несносен станет гам...»; 13. «И воздух, поющий ветрами...»; 14. Вовсе не шутя; 15. «Над Неруссой ходят грозы...»; 16. <...> 17. <...> 18. Весельчак; 19. «Нет, не чураюсь колдовского лиха я...»; 20. «Хрупки еще лиловые тени...»; 21. На перевозе; 22. Серая травка; 23. Привал; 24. Птички; 25. «Сколько рек в тиши лесного края...»; 26. Древнее; 27. Ягодки; 28. «Неистошим, беспощаден...»; 29. Ватсалья; 30. Ливень; 31. Следы; 32. «Есть праздник у русской природы...»; 33. Во мху; 34. «Холодеющий дух с востока...»; 35. «В белых платочках и в юбках алых...»; 36. В тумане; 37. «Звезда ли вдали? Костер ли?...»; 38. Andante; 39. «Моею лодочкою...»; 40. «Перед глухою деревней...»; 41. «В пугливых зарослях леса...»; 42. «Сумрак засинел...»; 43. «Что блуждать от утрат к утрате?...»; 44. «Вспомнишь ли заоблачные горы...»; 45. «Дух овина, стоячий, прелый...»; 46. «И вот летим мы...»; 47. «Ночь светает — покров и храм нам...»; 48. «На июльской заре чуть в борах...»; 49. Гуси; 50. «Зорькой проснешься — батюшки, где я?...»; 51. «Осень! свобода!..; — Сухого жнивья кругозор...»; 52. Заключение («Вот бродяжье мое полугодье...»).

⁵ О перенесении праха Л.Н. Андреева из Ваммельсуу на Литераторские мостки Волкова кладбища Д.Л. Андреев узнал из заметки в «Литературной газете» (1956. 4 октября. № 118. С. 3). Это было уже второе перенесение праха писателя; см.: Руль (Берлин) 1924. 16 сентября; Русь (София) 1924. 20 сентября; см. Андреев Л. S.O.S. М.; СПб.: Atheneum; Феникс, 1994. С. 519.

⁶ Эти сведения оказались неверны: дом Л.Н. Андреева в Ваммельсуу после его смерти быстро пришел в упадок и был в 1924 г. продан на снос (см.: Андреев В. Детство. М.: Советский писатель, 1966. С. 255).

⁷ Речь идет о явлениях так называемой оттепели, когда после долгого перерыва стали издаваться многие авторы, находившиеся под гласным и негласным запретом.

⁸ Имеется в виду Шульгин В.В.; см. его воспоминания о Д.Л. Андрееве: СС, 3, 2. С. 456–457. Позднее Д.Л. Андреев вступил с ним в переписку, и в архиве А.А. Андреевой сохранилось два письма Шульгина к поэту.

⁹ Горобова А.Л.

¹⁰ Ракова М.С.

¹¹ Видимо, А.А. Ахматова.

62

Впервые: СС, 3, 2. Автограф — РАЛ MS. 1350/1159.

Это письмо к Боковой Екатерине Н. было ею передано В.Л. и О.В. Андреевым перед их поездкой в Копаново.

¹ Имеется в виду Бокова Елена Н.

² <Гали>на Ни<колаевна> — о ком идет речь, установить не удалось.

63

Впервые: СС, 3, 2. Автограф — архив В.В.Палицыной.

¹ См. примеч. к п. 42.

² Здесь речь идет о детях Т.И. Морозовой — В.В. Морозовой и А.В. Морозовой.

³ О ком здесь идет речь, установить не удалось.

⁴ Имеется в виду семья З.В. Киселевой; с этой глубоко религиозной семьей, принадлежавшей к «тихоновцам», у Д.Л. Андреева были самые добрые отношения; в одном из сохранившихся писем З.В. Киселевой к поэту она называет его «дорогой мой братец».

64

Впервые: СС, 3, 2. Автограф — РАЛ MS. 1350/1160. Ответ на несохранившееся письмо В.Л. Андреева, посланное, видимо, уже по приезду в СССР из Москвы.

¹ Пешкова Е.П. оставила воспоминания о Л.Н. Андрееве, в которых упоминает и о его сыновьях — В.Л. и Д.Л. Андреевых (см.: Горький и Леонид Андреев: Неизданная переписка (Литературное наследство. Т. 72. М.: Наука, 1965. С. 565–571).

² К этому времени В.Л. Андреев уже посетил К.И. Чуковского, о чем тот записал в дневнике под 18 июня 1957 г.: «Часа в два звонок. Вадим Леонидович Андреев. В первый раз я видел его в 1903 году в детской колясочке. С тех пор прошло всего 54 года. Потом — на даче в Ваммельсуу (1908–1916), потом в Ленинграде в 1917 — ровно 40 лет назад. В первый раз мне показала его дама Шура — в колясочке, ему было не больше полугодика. Сейчас это седоватый, высокий мужчина, с узким лицом, живыми глазами — с печатью благородства, талантливости и — обреченности» (Чуковский К. Дневник. 1930–1969. М.: Советский писатель, 1994. С. 252). Отношение К.И. Чуковского к Д.Л. Андрееву носило теплый, но все же поверхностный характер; см., например, упоминание о Д.Л. Андрееве в его дневнике (там же. С. 328).

³ В.Л. Андреев навещал Е.П. Пешкову 18 июля 1958 г. в Барвихе, куда его отвез К.И. Чуковский (см.: Чуковский К. Указ. соч. С. 252).

65

Впервые: СС, 3, 2. Автограф — РАЛ MS. 1350/1161.

66

Впервые: СС, 3, 2. Автограф — РАЛ MS. 1350/1162. Письмо включает переписку А.А. Андреевой.

¹ Имеются в виду дети В.Л. Андреева — О.В. и А.В. Андреевы.

67

Впервые: Лепта. 1996. №28. Автограф — архив Р.С. Гудзенко. Датируется по содержанию.

¹ К письму Р.С. Гудзенко была приложена фотография (см. ее описание в п. 69), по которой, видимо, Д.Л. Андреев и сделал заключение о его похудании;

в надписи на обороте фотографии говорилось: «Даниилу Андрееву от знакомого, который, несмотря на свою молодость, хотел бы быть Вашим другом. Родион Гудзенко. P.S. А ведь по комплекции мы подходим друг другу».

² В это время Андреевы жили в Перловке у Смирновых; см. примеч. к п. 27.

³ О приезде в Копаново В.Л. Андреева см. его воспоминания: СС, 3, 2. С. 369–370.

⁴ Речь идет о сборнике стихов «Босиком»; см. примеч. 4 к п. 61.

⁵ Лазарянец В.Э.; о нем см.: Пушкинская А. Одна осень и вся жизнь // Не предать забвению: Книга памяти жертв политических репрессий, связанных судьбами с Ярославской областью. Ярославль: Верх.-Волж. кн. изд-во, 1994. Т. 2. С. 243–247. Вот что о нем сообщил Р.С. Гудзенко: «...мы с ним встречались в ин<ституте> Сербского, т<ак> ч<то> и он хорошо знал Даниила Леонидовича, а последний его любил, т.к. Виталий был самым молодым — ему было 17 лет. Он седьмого ноября вышел на демонстрацию в Ярославле. И, будучи примерным уч<ени>ком 10 класса и комсомольцем, шел впереди школьной колонны. Перед трибунами вдруг плакат — «Руки прочь от Венгрии». Это был 1956 год. Когда школьная колонна под этим лозунгом прошла трибуны, к нему протиснулись два дяди в серых шляпах и макинтошах, поволокли к подъехавшей «Победе» (тоже серой)... Я с ним сидел и в Лефортово... Даниил Леонидович о нем мне сказал: «Это петушок, который впервые прокукарекал!» (письмо в редакцию от 23 июля 1996). По сообщению И.С. Мальского, Гудзенко приводил слова Д.Л. Андреева по-иному: петушок, «который не вовремя крикнул “кукареку!”» (см.: Лепта. 1995. № 28. С. 163).

68

Впервые: СС, 3, 2. Автограф — архив В.В. Палицыной.

¹ Речь идет о сборнике стихов «Босиком»; см. примеч. 4 к п. 61.

² О посещении Д.Л. и А.А. Андреевыми К.И. Чуковского см. в воспоминаниях Л.А. Озерова: СС, 3, 2. С. 474–477.

³ См. воспоминания И.В. Усовой: СС, 3, 2. С. 397–451.

69

Впервые: Лепта. 1996. № 28. Автограф — архив Р.С. Гудзенко.

¹ Имеется в виду Дубровлаг в Мордовии, где отбывала заключение и А.А. Андреева.

² См. примеч. 2 к п. 68.

70

Впервые: Пятница. 2001. 11 января, с сокращениями. Автограф — архив Н.А. Пантелеевой.

Ю.И. Пантелеев, выпускник военного училища, был арестован 24 ноября 1956 г. и после психиатрической экспертизы 20 июля 1957 г. приговорен к лишению свободы сроком на 7 лет с последующим поражением в избирательных правах на 3 года по обвинению в антисоветской агитации.

Арестовали и осудили Пантелеева за то, что он написал письмо в ЦК КПСС, Госплан и еще куда-то со своими соображениями о социалистической экономике, указав на причины, которые, по его мнению, мешают ее эффективности и ведут к неминуемому краху. Удивленным его экономическим вольнодумством следствием он и был направлен на экспертизу в Институт им. В.И. Сербского,

а затем, обвиненный в антисоветской агитации, попал в Дубровлаг. Затем Пантелеев оказался в тюрьме города Мглин Брянской области, о чем сообщил Даниилу Андрееву в письме от 15 декабря 1958 года. По воспоминаниям бывшего с ним в заключении в Дубровлаге Р.С. Гудзенко, Пантелеев производил впечатление человека образованного, начитанного, в том числе и в русской поэзии, очень увлеченного экономикой. В 1960 г. Пантелеев был освобожден, а через почти тридцать лет, в 1988 г. реабилитирован «за отсутствием в его действиях состава преступления». (О нем см. также воспоминания Р.С. Гудзенко; СС, 3, 2, с. 463.) См. его воспоминания о Д.Л. Андрееве: Пантелеев Ю.И. Русский пророк // Брянская учительская газета. 2006. 27 января. № 3 (158). Публ., подгот. текста и примеч. Б.Н. Романова.

¹ Гудзенко Р.С.

² Лазарянец В.Э.

71

Впервые: СС, 3, 2. Автограф — архив А.А. Андреевой.

¹ Письмо Л.Л. Ракова нам неизвестно, поэтому трудно сказать, о каких замечаниях идет речь.

² Первый вариант повести «Детство» под заглавием «Повесть об отце» был опубликован в журнале «Русские записки» (1938. № 5–12). Здесь речь идет о рукописи, видимо, нового, дополненного варианта.

³ Имеется в виду перевод рассказов Фумико Хаяси, три из которых («Ночные обезьяны»; «Марш»; «Поздняя хризантема») были опубликованы уже после смерти Д.Л. Андреева в кн.: Хаяси Ф. Шесть рассказов. М.: Изд-во иностранной литературы, 1960.

72

Публикуется впервые. Автограф — ОГЛМТ.

¹ Коваленский А.В.

² Добров А.Ф. и Хандожевская Г.Ю.

³ Л.Л. Раков писал о пребывании во Владимирской тюрьме: «А все же, как ни странно, эти дни бывали и прекрасными, когда мы подчас ухитрялись жить в подлинном “мире идей”, владея всем, что нам угодно было вообразить» (Новый Плутарх. С. 302).

73

Впервые: СС, 3, 2. Автограф — РЛ MS. 1350/1163. Заключает письмо приписка А.А. Андреевой.

¹ Коваленская А.Ф., двоюродная сестра Д.Л. Андреева, к которой он был очень привязан с детских лет, была арестована вместе с мужем А.В. Коваленским 1 октября 1947 г., срок отбывала в Дубровлаге и умерла от рака в лагерной больнице 8 февраля 1956 г.

² Ф.А. Добров и Е.М. Доброва похоронены на Новодевичьем кладбище.

³ Коваленский А.В. отбывал заключение в Дубровлаге; освобожденный судебным решением 25 января 1956 г., находился при умирающей жене.

⁴ А.Ф. Добров после освобождения из лагеря жил в Zubovo-Polyanskom инвалидном доме, где умер от туберкулеза 30 ноября 1957 г.

⁵ Г.Ю. Хандожевская, как и муж, осужденная по делу Д.Л. Андреева, отбывала заключение в Дубровлагге.

⁶ Саша — Андреев А.В.; Олечка — Андреева (Карлайль) О.В.; Мишук — Михаил Карлайль (р. 1952).

⁷ Сосинский В.Б. и Сосинская А.В.

74

Впервые: Лепта. 1996. № 28. Автограф — архив Р.С. Гудзенко.

¹ В это время Андреевы снимали комнату по адресу: Ащеулов переулок, д. 14/1, кв. 4.

² Р.С. Гудзенко опасался, что переписка с ним может повредить Д.Л. Андрееву как недавнему заключенному, но не писал по другой причине: он в это время находился на штрафном режиме.

³ Поездка в Ленинград не состоялась.

⁴ Заключает письмо приписки А.А. Андреевой; см.: Лепта. 1996. № 28. С. 148.

75

Впервые: СС, 3, 2. Автограф — РАЛ. MS. 1350/1164. Почтовая карточка.

¹ Предыдущее письмо В.Л. Андрееву датировано 20 октября, письма, датированные сентябрем или началом октября, нам неизвестны.

76

Впервые: Пятница. 2001. 11 января, с сокращениями. Автограф — архив Н.А. Пантелеевой.

¹ Эта поездка не состоялась.

² Возможно, речь идет о книге: Чаттерджи С., Датта Д. Древняя индийская философия. М.: Изд-во иностранной литературы, 1954.

³ Творчество Д.Д. Шостаковича во многом было созвучно Д.Л. Андрееву и всегда интересовало его. Так, трактовка содержания Пятой симфонии играла важную роль в СН; см.: 1, 13, 22; а также: Шафаревич Р. О Данииле Андрееве // Москва. 1990. № 8. С. 23–26.

⁴ Гудзенко Г.Л.

⁵ Лазарянец В.Э.

⁶ Чуков Б.В.

77

Впервые: СС, 3, 2. Автограф — РАЛ MS. 1350/1165. Датируется по содержанию.

¹ Далее следует приписка А.А. Андреевой.

78

Впервые: СС, 3, 2. Автограф — архив А.А. Андреевой.

¹ См. эпиграмму А.С. Пушкина «К переводу Илиады» (1830).

² Имеется в виду Дом творчества писателей в Малеевке.

1958

79

Впервые: Пятница. 2001. 11 января, с сокращениями. Автограф — архив Н.А. Пантелеевой.

¹ Гудзенко Р.С. и Слушкин В.И.

80

Впервые: Лепта. 1996. № 28. Автограф — архив Р.С. Гудзенко.

¹ Речь идет о З. Рахиме, готовившем подстрочные переводы рассказов Ф. Хаяси.

² Вечер памяти Л.Н. Андреева (к 60-летию начала литературной деятельности) состоялся 12 декабря 1958 г. в Литературном музее (ул. Димитрова, 38). Тяжело больной Д.Л. Андреев участия в нем принять не смог.

³ М.М. Красильников, о котором идет речь, молодой поэт, студент Ленинградского университета, был арестован за «выкрикивание провокационных лозунгов» во время ноябрьской демонстрации 1956 г.; см. о нем: Даугава. 2001. № 6. С Р.С. Гудзенко он познакомился уже в лагере. Характеристика, данная Д.Л. Андреевым стихотворениям Красильникова, а также их позднейшие беседы, по признанию последнего, существенно его поддержали (свидетельство Р.С. Гудзенко).

81

Впервые: СС, 3, 2. Автограф — архив В.В. Палицыной.

¹ Речь идет о Татьянинном дне.

² Дом творчества писателей в Малеевке.

³ «Князь Серебряный» (1862) — роман А.К. Толстого.

⁴ Круминьш В.

82

Впервые: СС, 3, 2. Публикуется по машинописной копии из архива А.А. Андреевой, вместе с которой сохранился «СПИСОК РУКОПИСЕЙ, представленных в ЦК КПСС:

1. СВЯТЫЕ КАМНИ.
2. ГИБЕЛЬ ГРОЗНОГО.
3. РУХ.
4. ЗЕЛЕНОЮ ПОЙМОЙ.
5. БОСИКОМ.
6. НЕМЕРЕЧА.
7. ДРЕВНЯЯ ПАМЯТЬ
8. ЛИРИКА.
9. НАВНА.
10. МИРЫ ПРОСВЕТЛЕНИЯ».

83

Впервые: СС, 3, 2. Автограф — архив А.А. Андреевой.

¹ Речь идет об успехе комедии «Что скажут завтра?», написанной Л.Л. Раковым в соавторстве с Д. Алем и поставленной Н.П. Акимовым в Ленинградском театре Комедии в 1958 г.

84

Публикуется впервые. Автограф — архив О.В. Карлайль-Андреевой.

85

Впервые: Лепта. 1996. №28. Автограф — архив Р.С. Гудзенко.

¹ См.: Кренек Л. В Индии. М.: Изд-во иностранной литературы, 1956.

² См.: Кастере Н. Десять лет под землей. М.: Географгиз, 1956.

³ В настоящее время мадленская культура датируется 15–8 тысячелетиями до н.э.; см. также стихотворение «Мадленские пещеры» (2, 343).

⁴ Роман И.А. Ефремова был напечатан в сокращении в № 1–6, 8, 9, 11 журн. «Техника — молодежи» за 1957 г.

86

Впервые: Лепта. 1996. №28. Автограф — архив Р.С. Гудзенко.

¹ Чуков Б.В.; см. о нем: Милибанд С.Д. Биобиблиографический словарь отечественных востоковедов с 1917 г. Кн. 2. М., 1995. С. 620–621; после ареста в январе 1957 г. из-за протеста против советских действий в Венгрии 1956 г. проходил экспертизу в Центральном институте судебной психиатрии им. В.П. Сербского, находясь в одной палате с Д.Л. Андреевым и Р.С. Гудзенко; см. также его воспоминания о поэте — СС, 3, 2. С. 465–468.

² Пантелеев Ю.И.

87

Впервые: СС, 3, 2. Автограф — архив А.А. Андреевой.

¹ 16 марта 1958 г. состоялись выборы в Верховный Совет СССР.

² Впоследствии Д.Л. Андреев получил гонорар, по всей вероятности, за книгу: Андреев Л.Н. Рассказы (М.: Гослитиздат, 1957), в которую вошли шесть рассказов.

³ Речь идет о комедии «Что скажут завтра?» (см. примеч. 1 к п. 83).

⁴ Альшиц Д.Н.

88

Впервые: СС, 3, 2. Автограф — РАЛ MS. 1360/1169.

¹ На эти вопросы В.Л. Андреев ответил в п. от 1 мая 1958. г.: «...он родился в Орле, в доме, в кот<ором> я был прошлым летом, — 9 августа 1871 г. по старому стилю — 21 августа по новому, умер в деревне Нейвола <...> 31 августа (ст<арого> стиля) — 12 сентября (нов<ого> ст<илия>) 1919 года. Деревня Нейвола расположена на берегу озера Ваммельярви (в этом озере берет начало Черная речка) и находится в 5 километрах от железнодорожной станции Мустамяки. От Нейволы до устья Черной речки, т.е. до того места, где была наша дача, верст 15 — есть, вернее, были, остались ли, — не знаю, лесные дороги, по которым можно было на несколько километров сократить расстояние. Отец умер на даче Ф.Н. Фальковского. Большая деревянная дача с прекрасным видом на озеро. В Нейволе, рядом с дачей Фальковского, была дача Бонч-Бруевича. Недалеко — деревянный куб <...> — дача Иорданского<...>».

² Далее — приписка А.А. Андреевой.

89

Впервые: Лепта. 1996. №28. Автограф — архив Р.С. Гудзенко.

¹ Поездка на пароходе продолжалась с 4 по 23 июня 1958 г.

² Чуков Б.В.

³ Пантелеев Ю.И.

90

Впервые: СС, 3, 2. Автограф — архив А.А. Андреевой.

¹ В архиве А.А. Андреевой сохранилась рецензия К. Левина «О цикле стихов Даниила Андреева “Босиком”», датированная 5 апреля 1958 г., в которой говорилось: «Странное впечатление производят стихи Даниила Андреева. С одной стороны, нисколько не сомневаешься в том, что перед тобой по-настоящему талантливый поэт, и удивляешься тому, что никогда не встречал в печати это имя. С другой стороны, общая направленность цикла <...> по меньшей мере странно-вата <...> Вы забыли о природе, говорит Д. Андреев, идите в природу, топчите траву, слушайте птиц, — впрочем, его не пересказать так просто: обо всем он говорит, и так своеобразно, так свежо, так удивительно подробно и со знанием дела, что поневоле увлечешься, читая его». Затем рецензент делает вывод, что общая направленность цикла «все-таки несколько сомнительна», что в призыве поэта «общаться с природой есть какой-то оттенок преувеличенности». На основании этой рецензии зав. отделом поэзии журнала «Знамя» В. Дмитриева в письме к Д.Л. Андрееву от 20 апреля 1958 г. аргументировала отказ в публикации обычным в редакционной практике тех лет утверждением, что в журнале «невозможны стихи без визы времени», и предлагала «пополнить сборник новыми сегоднешними стихами». Отвечая на неизвестное нам письмо поэта в редакцию, Дмитриева писала (письмо от 7 мая 1958 г.): «Вы правы — исторические поэмы из эпохи Ивана Грозного не представляют сейчас интереса для “Знамени”; боюсь и за судьбу исключительно природно-пейзажных стихов, журналу нужна поэзия с четким пульсом времени, актуальная и поэтически, и политически».

² Далее — приписка А.А. Андреевой.

91

Публикуется впервые. Автограф — архив Ю.Л. Мининой.

92

Впервые: СС, 3, 2. Автограф — архив В.В. Палицыной.

93

Публикуется впервые. Автограф — архив Ю.Л. Мининой.

94

Впервые: СС, 3, 2. Автограф — архив В.В. Палицыной.

95

Публикуется впервые. Автограф — архив Ю.Л. Мининой.

96

Впервые: СС, 3, 2. Автограф — архив А.А. Андреевой.

Грузинская А.М. в раннем детстве обучала Д.Л. Андреева и его подругу детства Т.И. Оловянишникову. В письме к Д.Л. Андрееву от 4 декабря 1958 г. А.М. Грузинская писала: «Я сейчас постоянно тебя вспоминаю, но передо мной не ты сегодняшний Даня, а маленький, подвижный, ласковый, доброжелательный мальчуган в пестром свитере, облегающем его худенькую милую фигурку».

97

Впервые: СС, 3, 2. Автограф — архив В.В. Палицыной.
Письмо обращено к старшей дочери Т.И. Морозовой В.В. Морозовой.

¹ Далее письмо продолжает А.А. Андреева.

98

Публикуется впервые. Автограф — архив О.В. Карлайль-Андреевой.

¹ Впечатления от Ярославля, увиденного ранним утром на обратном пути в Москву, вызвали у Д.Л. Андреева замысел поэмы «Плаванье к Небесному Кремлю», который он осуществить не успел. Об этом замысле см.: 1, 444, а также: ПНР, 17–19.

² Домашнее прозвище В.Л. Андреева.

99

Публикуется впервые. Автограф — ОГЛИМТ.

100

Впервые: СС, 3, 2. Автограф — архив А.А. Андреевой.

101

Впервые: СС, 3, 2. Автограф — архив В.В. Палицыной.

¹ Андреевы поселились в деревне Виськово на берегу Плещеева озера.

² Морозова В.В.

³ Речь идет об адресе А.М. Грузинской: Хлебный переулок, д. 9, кв. 12.

102

Впервые: Лепта. 1996. № 28. Автограф — архив Р.С. Гудзенко.

¹ В конце июня 1958 г. Андреевы несколько дней прожили в Измайлове у В.Л. Миндовской и Л.М. Тарасова.

² С Переславлем-Залесским было многое связано в жизни и творчестве М.М. Пришвина; в районе Переславля-Залесского он жил в 1920-е гг., работая на биологической станции «Ботик», а затем, в 1941–1945 гг. в Усолье; о Переславле-Залесском говорится в его «Рассказах о ленинградских детях» (1947–1957) и в «Повести нашего времени» (1946–1957).

³ Д.Н. Кардовский родился в с. Осурово, ныне Переславль-Залесский, с которым связаны его жизнь и творчество, где он умер и где ныне существует его мемориальный музей.

103

Впервые: СС, 3, 2. Автограф — архив А.А. Андреевой.

Бошко И.В. — преподаватель литературы из Киева, знакомая Андреевых по поездке Москва — Уфа.

¹ Александр Невский родился в Переславле-Залесском, князем которого был в 1238–1258 гг. и время от времени жил там.

104

Впервые: СС, 3, 2. Автограф — архив А.А. Андреевой.

105

Впервые: СС, 3, 2. Автограф — архив Б.В. Чукова.

¹ Речь идет о поездке в Горячий Ключ.

² В.Э. Лазарянец был освобожден осенью 1958 г.

106

Впервые: Лепта. 1996. №28. Автограф — архив Р.С. Гудзенко.

107

Впервые: СС, 3, 2. Автограф — архив А.А. Андреевой.

¹ «Плаванье к Небесному Кремлю».

² Мать И.В. Бошко.

³ Далее следует приписка А.А. Андреевой.

108

Впервые: Брянская учительская газета. 2006. 27 января. № 3 (158). Автограф — архив Н.А. Пантелеевой.

¹ См.: Веркор. Люди или животные. М.: Изд-во иностранной литературы, 1957.

² Шатов Е.Я.

³ Чуков Б.В.

⁴ Слушкин В.И.

⁵ Рафальский В.П.; см. фрагмент, посвященный Д.Л. Андрееву из его воспоминаний «Репортаж ниоткуда» (Брянская учительская газета. 2006. 27 января. №3 (158) С. 9).

109

Впервые: СС, 3, 2. Автограф — РАЛ. MS. 1350/1170.

¹ Письмо предваряют стихотворения «Таится дремный мир сказаний...», (1, 396), «Когда несносен станет гам...» (1, 397 «Если мы, втроем, вчетвером...» (1, 421, под заглавием «На перевозе»), «Вдали — как из ведра...» (1, 429, под заглавием «Ливень», с небольшим разночтением), «Заходящему солнцу» (1, 405, с небольшим разночтением).

IIО

Впервые: СС, 3, 2. Автограф — архив Б.В. Чукова.

¹ Родители Б.В. Чукова А.С. и В.Г. Чуковы.

III

Впервые: СС, 3, 2. Автограф — РАЛ. MS. 1350/1171.

¹ Фильм «Идиот» (1958) режиссера И.А. Пырьева.

² Описка. Имеется в виду академик Смирнов Б.Л., в переводе которого к тому времени вышли три подготовленных им тома: Махабхарата I. Две поэмы из III книги (Ашхабад, 1955), Махабхарата II. Бхагавадгита (Ашхабад, 1956) и Махабхарата III. Эпизоды из книг III, V (Ашхабад, 1957).

³ Речь идет о К.И. Чуковском; в архиве А.А. Андреевой сохранились лишь две открытки Чуковского к Д.Л. Андрееву.

II2

Впервые: Лепта. 1996. № 28. Автограф — архив Р.С. Гудзенко.

¹ Андреевы приехали в Дом творчества художников в Горячем Ключе Краснодарского края 20 августа.

² Из Дома творчества художников (ул. Школьная, д. 20) Андреевы переехали в небольшой домик, снятый у семьи Гречкиных (ул. Чапаева, д. 3).

³ Здесь и далее имеются в виду РМ, которая была закончена в Горячем Ключе 12 октября 1958 г., РБ, оставшиеся незавершенными, и ЖМ.

⁴ Чуков Б.В.

⁵ См. примеч. 2 к п. III.

II3

Впервые: СС, 3, 2. Автограф — архив В.В. Палицыной.

II4

Впервые: СС, 3, 2. Автограф — архив Б.В. Чукова.

¹ Имеется в виду РМ.

² Речь идет о поэме «Изнанка мира» (I, 180).

³ Имеется в виду фоторепродуцирование цикла «Предварения» из РБ. (Сообщено Б.В. Чуковым.)

⁴ О Р.С. Гудзенко см. выше. Слушкин В.И. вместе с Д.Л. Андреевым проходил экспертизу в Институте судебной психиатрии им. В.П. Сербского; подробных сведений о нем разыскать не удалось. До ареста учился, по свидетельству Б.В. Чукова, на 4-м курсе института в Ульяновске. Известно, что Д.Л. Андреев после освобождения послал матери В.И. Слушкина деньги, чтобы та смогла приехать на свидание с сыном. В письме к А.А. Андреевой в 1959 г. Слушкин, узнавший о смерти поэта, писал: «...потеря человека, перед которым я искренне восхищался, единственной духовной личности, которая понимала меня, — огромная потеря. Даниил Леонидович много сделал для меня, для моей души, особенно в дни совместного пребывания, помог мне приобрести уверенность в свои силы, поэтому мне он дорог <...> как близкий человек, перед которым мне не стыдно было и исповедаться! <...>... его жизнь — подвиг».

II5

Впервые: СС, 3, 2. Автограф — архив А.А. Андреевой.

II6

Впервые: СС, 3, 2. Автограф — архив В.В. Палицыной.

¹ Видимо, речь идет о З.В. Киселевой.

II7

Впервые: СС, 3, 2. Автограф — архив А.А. Андреевой.

¹ Имеется в виду поэма «Изнанка мира», в РБ следующая за поэмой «Ленинградский Апокалипсис».

² См. примеч. 1 к п. 102.

³ Ракова М.С.

⁴ Альшиц Д.Н.

II8

Впервые: СС, 3, 2. Автограф — архив А.А. Андреевой.

Очевидно, это письмо З. Рахим не прочел, т.к. оно передавалось через родителей А.А. Андреевой и, по ее свидетельству, обнаружилось в их архиве.

¹ Перевод рассказа «Бриллианты Борнео» в книгу не вошел.

² Рассказ «Даун-таун» Д.Л. Андреевым переведен не был.

II9

Впервые: СС, 3, 2. Автограф — архив А.А. Андреевой.

II0

Впервые: СС, 3, 2. Автограф — архив В.В. Палицыной.

¹ Речь идет о дне рождения Т.И. Морозовой — 3 ноября.

² Что здесь конкретно имеет в виду Д.Л. Андреев, установить не удалось, видимо, речь идет о бытовых и прочих трудностях, которые переживала в это время семья Морозовых.

³ Бружес Ю.Г.

⁴ Русакова Г.С.

II1

Впервые: СС, 3, 2. Автограф — архив А.А. Андреевой.

II2

Впервые: СС, 3, 2. Автограф — архив Б.В. Чукова.

¹ Снимки, сделанные А.А. Андреевой в Горячем Ключе, см. на вкладышах в т. 3.

² См. примеч. 1 к п. 102.

³ Слушкин В.И.

123

Публикуется впервые. Автограф — архив Ю.Л. Мининой.

124

Впервые: СС, 3, 2. Автограф — архив А.А. Андреевой.

П.Л. Вайншенкер — организатор вечера Л.Н. Андреева; см. ее позднейшую публикацию, посвященную Л.Н. Андрееву: П.В. [Вайншенкер П.Л.] Памяти Леонида Андреева. Письмо из Москвы // Русские новости (Париж). 1970. 6 марта.

¹ Рыжкова Н.Г.

² Тургенева Т.А. — одна из организаторов вечера Л.Н. Андреева.

125

Впервые: Лепта. 1996. №28. Автограф — архив Р.С. Гудзенко.

¹ Далее приводится стихотворение «Без заслуг» (1950); в РБ с разделением на строфы (1, 143).

² Пантелеев Ю.И. и Лазарянц В.Э.

126

Впервые: СС, 3, 2. Автограф — архив В.В. Палицыной.

127

Впервые: СС, 3, 2. Автограф — архив В.В. Палицыной.

¹ Имеется в виду Рождество Христово.

² В этот период В.В. Морозова преподавала одновременно в нескольких школах, и во втором полугодии уроков у нее было меньше.

ПЕРЕПИСКА С А.А. АНДРЕЕВОЙ

1953–1959

Переписка между Д.Л. Андреевым, находившимся во Владимирской тюрьме, и А.А. Андреевой, отбывавшей заключение в Дубровлаге (Мордовия), продолжалась с 1953 по 1956 г., до освобождения Д.Л. Андреева из заключения; к ней примыкают больничные письма Д.Л. Андреева 1958–1959 гг. Поэт и его жена после ареста долгое время ничего не знали друг о друге. Переписка их началась несколько позднее, чем могла бы, поскольку мать А.А. Андреевой Ю.Г. Бружес долгое время опасалась сообщить зятю адрес дочери, а той — его адрес. По воспоминаниям А.А. Андреевой, первое известие о нем она получила в 1950 г., когда в конце письма матери прочла: «Дядя Даня жив». В письме к дочери от 5 марта 1952 г. Ю.Г. Бружес писала: «Даня жив и здоров, я ему посылаю деньги, так же как и тебе, и такую же сумму. Относительно его адреса не сообщая не только потому, что ты нам бы перестала писать, а потому что не знаю, могу ли я это сделать или нет...». И в письме от 7 мая того же года она сообщала ей: «Сегодня я написала Дане о том, что ты жива-здоровая, и больше ничего...». В черновых тетрадях (РАЛ) Д.Л. Андреева сохранилась переписанное им недатированное

письмо к нему Ю.Г. Бружес, в котором она, в частности, писала: «Подумайте серьезно, очень серьезно о моем отказе дать вам адрес дочки...»

Начавшаяся переписка первое время была редкой ввиду ее строгой регламентации. Так, А.А. Андреева вспоминала, что вначале она «имела право писать два письма в год, ограниченного размера: иногда две страницы, иногда четыре, в зависимости от личной установки цензора». Позднее, с августа 1953 г., в связи с общим смягчением режима содержания заключенных было разрешено писать по одному письму в месяц в тюрьмах, а в лагерях были сняты все ограничения переписки, чем и объясняется значительное преобладание писем А.А. Андреевой.

В настоящем разделе публикуются все сохранившиеся тюремные письма Д.Л. Андреева и часть писем А.А. Андреевой, кроме того, в ее письмах сделаны сокращения, отмеченные отточием в угловых скобках. Из 26 «больничных» писем и записок Д.Л. Андреева публикуются 22 наиболее значительных.

В публикуемых письмах Д.Л. Андреева опущены прилагавшиеся к письмам стихотворные произведения, вошедшие в 1-й и 2-й тт. В тех случаях, когда удалось установить, какое именно произведение сопровождало письмо, это указывается в примечаниях.

Все публикуемые письма хранятся в архиве А.А. Андреевой.

Впервые «Переписка» частично публиковалась:

Даниил Андреев: «Я хотел бы выйти под широкое небо...» Из Владимирского централа / Публ. А.А. Андреевой // ЛГ Досье. 1991. № 9. С. 23.

«Почтальон в степи». Даниил Андреев: Из литературного наследия / Публ. А.А. Андреевой // Книжное обозрение. 1993. 3 декабря. № 49.

Даниил Андреев. Письма из Владимирской тюрьмы / Публ. А.А. Андреевой и Б.Н. Романова // Лепта. 1994. № 23. С. 125–160.

Даниил Андреев. «Господи, до чего же нам нужно быть вместе» / Публ. А.А. Андреевой // Культура. 1995. 4 ноября. № 43.

Впервые полностью переписка опубликована в СС, 3, 2, по которому и воспроизводится в настоящем издании, кроме 8-го письма и шести «больничных» писем, публикующихся впервые.

1953

1

Впервые: Лепта. 1994. № 23.

¹ Д.Л. Андреев страдал врожденной болезнью позвоночника, время от времени дававшей обострения, в связи с чем перед арестом при ходьбе он опирался на трость.

² Здесь и далее речь идет о литературном творчестве Д.Л. Андреева, полузаброшенной областью он называет поэзию, занятия которой отошли на второй план во время работы над СН.

³ Родители А.А. Андреевой на протяжении всего срока заключения материально помогали Д.Л. Андрееву (вначале одни, а позже через них шла помощь и от нескольких его друзей, которые, не будучи родственниками, не имели права это делать). В переписке Д.Л. Андреев называет Ю.Г. Бружес — «мама», а А.П. Бружеса домашним прозвищем — Дюканушка, Дю.

⁴ В эти годы заключенным тюрем разрешалось писать по два письма в год.

⁵ Речь идет о приезде Д.Л. Андреева с фронта в июне 1944 г. в Москву (см. примеч. 1 к п. 39-пс); в этот приезд отношения между ним и А.А. Андреевой окончательно определились, и они приняли решение стать мужем и женой; см.: ПНР. С. 144–146.

2

¹ Это письмо включено в текст письма родителям, что было вызвано жесткой регламентацией переписки. Обращаясь к родителям, А.А. Андреева писала: «...все, что я пишу вам, интересно и важно и для него <...> поэтому надо мое письмо, прочтя, послать ему. Его я тоже прошу писать только вам, наши адреса могут перемениться...».

1954

3

¹ Глинский *Леонид Федорович* — герой СН (см.: с. 75); здесь подразумевается гибель рукописи романа.

² *Шура* — здесь и далее А.Ф. Доброва.

³ *Саша* — здесь и далее А.Ф. Добров.

⁴ Хандожевская Г.Ю.

⁵ Коваленский А.В.

⁶ Лисицына Е.Ф.

⁷ День именин Даниила, кроме 20 апреля, дня памяти преподобного Даниила Переславского, странноприимца, отмечается 1 и 17 марта, 23 июля, 12 сентября, 24 и 30 декабря.

4

Публикуемый фрагмент письма Д.Л. Андреева приведен А.П. Бружесом в письме к дочери от 13 июля 1954 г.

¹ Имеется в виду комедия У. Шекспира.

² Хинди-русский словарь. М., 1953.

5

¹ В письме от 3 мая 1954 г. А.П. Бружес писал дочери, что Д.Л. Андреев «уже несколько раз писал тебе и с волнением спрашивает нас о причинах твоего молчания. Мы очень рады, что смогли расширить нашу помощь ему, посылая теперь не только деньги, а продукты и вещи».

² С 1954 г. были разрешены для близких родственников свидания с заключенными.

³ А.А. Андреева неоднократно обращалась с письмами и заявлениями в различные инстанции, добиваясь пересмотра дела, об этом же непрестанно хлопотал и ее отец.

⁴ «Огородик» находился рядом с КВЧ (культурно-воспитательной частью) лагеря; его удалось развести, используя приказ администрации — украсить территорию лагеря посадками цветов. В письме к Д.Л. Андрееву от 13 июля 1955 г. А.А. Андреева писала об «огородике»: «У нас до сих пор есть салат, много укропа, моркови, свеклы, появились уже огурцы, а по помидорам я просто специалист. Это занятие мне страшно нравится...».

6

¹ В деревне Филипповское (см. примеч. 1 к п. 42-п.) Андреевы совершали большие прогулки, любимые Д.Л. Андреевым.

² В несохранившемся, видимо, письме Д.Л. Андреева речь шла о выборе возможного местожительства после освобождения.

³ Коваленский А.В.

⁴ Речь идет о свидании А.А. Андреевой с родителями.

7

¹ *Мумик* — здесь и далее Ю.Г. Бружес.

² Хандожевская Г.Ю.

³ Ивашев-Мусатов С.Н.

⁴ Кузнецова Н.В. — жена С.Н. Ивашева-Мусатова; осуждена по делу Д.Л. Андреева; арестованная после мужа, она сумела обеспечить сохранность его живописных работ; после заключения в казанской «психушке» уехала в Кишинев, затем вернулась в Москву.

8

Публикуется впервые. Автограф — РАЛ. Черновик письма из тюремной тетради.

1955

9

¹ Речь идет о памятном для Д.Л. Андреева и А.А. Андреевой сочельнике 1945 г.; см. стихотворение «Сочельник» (I, 133).

² Здесь и в последующих письмах лагерная подруга, «приемная дочка» А.А. Андреевой — латышка Валиа Круминьш.

10

Впервые: Книжное обозрение. 1993. 3 декабря. № 48.

¹ Ивашев-Мусатов С.Н.

² «Гриппик» был на самом деле инфарктом, от последствий которого он и умер. Не хотел об этом говорить» (примеч. А.А. Андреевой).

³ Речь идет о комнате в маленьком доме (снесен в предвоенные годы) в Уланском переулке, где жил С.Н. Ивашев-Мусатов.

⁴ О доме Добровых в Малом Левшинском переулке, где в комнате, «заставленной книгами», жил Д.Л. Андреев, а в другой — Коваленские, см.: I, 6–7.

⁵ Имеются в виду герои СН, к упоминанию которых Д.Л. Андреев прибегает в переписке, остерегаясь цензуры.

⁶ Здесь имеется в виду герой «Повести о настоящем человеке» (1946) Б.Н. Полевого.

⁷ Д.Л. Андреев считал, что А.Ф. Доброву после освобождения было бы реально устроиться где-то поблизости от Москвы, например, в Коломне.

⁸ Образ героя СН Саши Горбова в романе тесно связан с темой природы.

11

¹ Речь идет о работе Г.Ю. Хандожевской в лагере.

² Добров А.Ф.

³ Здесь речь идет об И.Л. Арманд, осужденной по делу Д.Л. Андреева; она, по свидетельству А.А. Андреевой, была влюблена в поэта. И.Л. Арманд была племянницей Инессы Арманд (на ней был женат двоюродный брат отца И.Л. Арманд) и родственницей П.А. Флоренского (см.: Священник Павел Флоренский. Детям моим. Воспоминания прошлых дней. М.: Московский рабочий, 1992).

С. 470); Д.Л. Андреев высоко ценил ее отца Льва Эмильевича Арманда; ее мать, Тамара Аркадьевна Арманд (урожд. Сапарова), приезжала в лагерь на свидание с дочерью.

12

Начало письма утрачено, Ю.Г. Бружес переслала дочери лишь часть письма, относящуюся к ней.

¹ Имеются в виду книги: Чаттерджи С., Датта Д. Древняя индийская философия. М.: Изд-во иностранной литературы, 1954; Синкх Н.К., Банерджи А.Ч. История Индии. М.: Изд-во Московского ун-та, 1954).

² В письме от 19 декабря 1954 г. А.А. Андреева писала: «К новому году (к концерту) изготовлю три маленьких стихотворения (одно — Щипачева и два — совсем неизвестных авторов)».

14

¹ «Я, когда могла, посылала ему в тюрьму открытки с пейзажами, чтобы они напоминали то, что для Даниила было очень дорого» (примеч. А.А. Андреевой).

² Здесь речь идет о сокамернике Д.Л. Андреева З. Рахиме. Взаимоотношения с ним отозвались в переписке поэта. В письме к нему от 21 сентября 1956 г. другой бывший сокамерник, П.В. Николайчук, писал: «В отношении Зеи... обидно за Вас. Вы слишком легко верите человеку. Помните, у меня с Вами был разговор о нем в 23-й камере. Я ничего определенного не мог сказать, но как-то интуитивно чувствовал, что этот человек не натурален... Я понимаю, Вам тяжело, восемь лет ему верили и считали другом и вдруг ошиблись».

³ Сведениями о том, что Д.Л. Андреев слышал чтение А.А. Блока, мы не располагаем. В стихотворении «Александр Блоку» (I, 237) он писал «Никогда, никогда на земле нас судьба не сводила...» О манере чтения Блока Д.Л. Андреев мог знать от очевидцев выступлений поэта. В то же время нельзя совершенно исключить его присутствие на одном из выступлений Блока в Москве — в мае 1920 или в мае 1922 г. Ср., например, описание блоковского чтения у присутствовавшего на этих выступлениях И.Н. Розанова в его кн. «Литературные репутации». (М.: Советский писатель, 1990. С. 436–437), а также анализ блоковской манеры чтения в статье: Бернштейн С.И. Голос Блока // Блоковский сборник. II. Тарту, 1972. О встрече Д.Л. Андреева с Блоком в раннем детстве см. эпизод, пересказанный в воспоминаниях Б.В. Чукова: СС, 3, 2. С. 467–468.

⁴ Асеев Н.Н. — поэт, творчество которого интересовало Д.Л. Андреева; так, незадолго до кончины в больнице он сохранил вырезку со стихами Асеева из цикла «Звездные стихи» (см.: Комсомольская правда. 1959. 1 января). Известно также, что Асеев 17 апреля 1947 г. дал рекомендацию в ССП А.В. Коваленскому.

⁵ Поэма П.С. Комарова «Серебряный кубок. Амурская легенда» (1943) входила в несколько его сборников (см., например: Избранное. М.: Гослитиздат, 1950).

⁶ Д.Л. Андреев отдавал должное поэзии В.Я. Брюсова, но относил его к талантам, ослепленным «самими собой» (см.: 3, 334).

⁷ Об отношении Д.Л. Андреева к Маяковскому см.: 3, 335, 409. В черновых тетрадях Андреева существует следующая запись: «Поэзия Маяковского есть низовая поэзия, искусство цирка, балаганчика, уличной частушки — поднятое трудом и талантом одного мастера до уровня поэзии книжной и ставшее само одним из течений этой книжной литературы». Кроме этой записи, связанной с чтением книг В.Тренина «В мастерской стиха Маяковского» (М.: Советский писатель, 1937) и Г. Винокура «Маяковский новатор языка» (М.: Советский писатель, 1943), есть и другая: «Маяк<овский>? — Самоубийство спасло его от более глубокого падения, и он пребывает в Агре» (РАЛ).

⁸ Рахманинов С.В. в РМ отнесен к тем, кто сразу после смерти вступил через миры Просветления в Синклит (3, 124).

⁹ Имеются в виду родные жены А.Ф. Доброва — Г.Ю. Хандожевской.

¹⁰ Биша — домашнее прозвище А.В. Коваленского; тот, в свою очередь, называл Д.Л. Андреева Брюшоном.

¹¹ Арманд И.Л.

¹² Кемниц А.В.

¹³ Кемниц В.А. был в «шараге» вместе с Е.И. Белоусовым и С.Н. Ивашевым-Мусатовым.

¹⁴ Белоусов Е.И.

¹⁵ Лисицына Е.Ф.

¹⁶ Шелякин А.П., одноклассник Д.Л. Андреева, осужден по его делу. Воевавший на Кавказском фронте, А.П. Шелякин вел там дневник, попавший в руки следствия и сыгравший роль в суровости приговора (25 лет). После освобождения жил на поселении в Сыктывкаре, потом во Владимире, Иванове, Минске, затем в Ленинграде.

¹⁷ Бружес Ю.А. окончил Московскую консерваторию и институт им. Гнесиных, по делу Д.Л. Андреева не привлекался.

¹⁸ Имеется в виду первая часть повести «Оттепель» (1954) И.Г. Эренбурга, вызвавшая большой общественный резонанс.

15

¹ «Равенна» — стихотворение А.А. Блока из цикла «Итальянские стихи» (1909).

² С.Н. Ивашев-Мусатов был «активирован», т.е. досрочно освобожден ввиду крайне тяжелого состояния здоровья; А.Ф. Доброва умерла в лагерьной больнице.

³ Кемниц В.А.

⁴ Волкова Т.Н. и ее сестра Угримова И.Н. были арестованы 15 июня 1947 г.; см.: Угримов А.А. Из Москвы в Москву через Париж и Воркуту. М., 2004.

⁵ Е.Ф. Лисицына была отправлена на Колыму, после освобождения в 1955 г. жила в Воркуте.

⁶ Кемниц А.В.

⁷ Усова Т.В., получив по приговору 10 лет лагерей, отбывала заключение в Тайшете (арестована в августе 1947 г., освобождена в январе 1956 г.). Подробнее об Усовых см. в воспоминаниях И.В. Усовой: СС, 3, 2. С. 397–451.

⁸ Усова М.В.

⁹ Шелякин А.П.

¹⁰ Белоусов Е.И.

¹¹ В.М. Василенко отбывал срок в лагерях Воркуты, Инты и Абези; см. также его воспоминания: СС, 3, 2. С. 392–395.

¹² Матвеев С.Н., друг Д.Л. Андреева и соавтор по книге «Замечательные исследователи горной Средней Азии», к этому времени умер в лагере в Мордовии от прободения язвы, о чем А.А. Андреева не знала.

17

Впервые: Культура. 1995. 4 ноября. №43, с сокращениями.

¹ Пасха в 1947 году была 17 апреля.

² Действительно, А.А. Андреева родилась 25 февраля 1915 г., а день ее именин — 8 апреля.

³ Здесь и далее речь идет о З. Рахиме.

⁴ Виттельсбах Л.; о нем см.: Александрова В. Людвик II, король Баварский: К истории жизни и творчества Рихарда Вагнера. СПб., 1911.

⁵ В. Круминьш.

⁶ Полное название труда П.И. Бирюкова: Биография Льва Николаевича Толстого. (в 4 т. М.; П., 1922–1923).

⁷ Видимо, имеется в виду Чаттерджи С., Датта Д. Введение в индийскую философию. М.: Изд-во иностранной литературы, 1955.

⁸ Система чарваков; чарвака — материалистическое учение в древней и средневековой Индии с разработанной системой этики, признающей реальность лишь наслаждения и страдания; см.: Чаттерджи С., Датта Д. Введение в индийскую философию. С. 35–36; 58–71.

⁹ Джайнизм — религиозно-философское учение, в основе которого признание двух главных субстанций: живого и неживого и связанных с ними форм бытия: совершенной и несовершенной; этика джайнизма — тщательно разработанный свод права и форм поведения, один из ее главных принципов — запрещенные причинять живому малейший вред; см.: Чаттерджи С., Датта Д. Указ. соч. С. 72–105.

¹⁰ Ивашев-Мусатов С.Н.

¹¹ Йога — одно из главных направлений индийской философии, выработавшей систему приемов для достижения особого духовного состояния; см.: Чаттерджи С., Датта Д. Указ. соч. С. 249–264.

¹² Веданта — главная система древнеиндийской религиозно-философской мысли, основа индуизма; см.: Чаттерджи С., Датта Д. Указ. соч. С. 289–361.

¹³ Д.Л. Андреев сумел добиться в тюрьме разрешения ходить босиком.

¹⁴ Лето 1946 г. Андреевы вместе с семьей Бружес провели в Задонске.

¹⁵ Ивашев-Мусатов С.Н.

¹⁶ Здесь речь идет об А.Ф. Добровой и А.В. Коваленском.

¹⁷ Добров А.Ф.

¹⁸ Василенко В.М. и Кемниц В.А.

18

¹ См. примеч. 1 и 2 к п. 17-пр.

² А.А. Андреева — профессиональный художник, живописец и график; в 1935–1938 гг. училась в Институте повышения квалификации художников-живописцев и оформителей у В.Н. Бакшеева, Б.В. Иогансона и Л.Ю. Крамаренко; участница многих выставок (с 1939 г.), член Союза художников (с 1943 г.). После освобождения продолжила свою профессиональную работу. См.: ПНР.

19

¹ А.Ф. Доброва активирована не была, а умерла в лагерной больнице; Коваленский был освобожден в феврале 1956 г. (судебное решение об освобождении — 25 января 1956 г.); видимо, тогда же был освобожден и А.Ф. Добров.

² Из оригинального поэтического наследия А.В. Коваленского, видимо, мало что сохранилось, т.к. его рукописи были уничтожены после приговора. По стихотворениям же, опубликованным в лагерной газете «За отличный труд» — «Открытое письмо мистеру Даллесу» (1955. 13 апреля (№ 10(15))) и «Первое мая» (1955. 1 мая. № 13(18)), написанных по всем советским канонам газетных стихов «к датам», так же как и по его книгам для детей, судить о его творчестве невозможно. См. также его поэму «Пятый год» (Красная новь. 1931. № 10–11. С. 156–168). Поэтический цикл Коваленского «Отроги гор» (1941) частично опубликован Г.В. Смирновым, см.: Мытищи. 1994. 8 октября. По свидетельству А.А. Андреевой, Коваленский был одаренным и глубоким мистическим поэтом и прозаиком.

20

Впервые: Лепта. 1994. №23.

¹ См. примеч. 1 к п. 3-пс. и 5 к п. 1-пр.

² «Дочь академика» — повесть, которую писал А.В. Коваленский во время войны, пытаясь написать то, что могло бы быть напечатано; она осталась незаконченной, видимо, из-за внутренней невозможности приспособиться к официальным требованиям (свидетельство А.А. Андреевой).

³ Имеются в виду стихи А.В. Коваленского, упомянутые А.А. Андреевой.

⁴ Старые друзья — герои СН, имена которых называются ниже.

⁵ Здесь и далее перечисляются написанные и задуманные произведения Д.Л. Андреева; «По ту сторону» — первоначальное название поэмы «Изнанка мира» (см.: 1, 180).

⁶ Рахим З.

⁷ Во Владимирской тюрьме содержались и пленные немецкие офицеры (см. о них в записках В.В. Шульгина «Пятна» // Лица: Биографический альманах. 7. М.; СПб.: Феникс; Atheneum, 1996. С. 380–384).

⁸ В Малоярославце Д.Л. Андреев провел какое-то время летом 1939 г. вместе с семьей Усовых; см. воспоминания И.В. Усовой: СС, 3, 2. С. 412.

⁹ Имеется в виду роман Л.М. Леонова «Русский лес» (1953).

¹⁰ Приводимое ниже стихотворение в окончательный состав цикла «Устье жизни» не вошло; см.: 2, 405–417.

21

¹ Доброва А.Ф. и Хандожевская Г.Ю.

² Арманд И.Л.

³ Речь идет об июне 1944 г., см. примеч. 5 к п. 1-пр.

22

¹ Героиня оперы Р. Вагнера «Лоэнгрин» Эльза Брабантская, по словам А.А. Андреевой, сыграла знаменательную роль в ее жизни, так она, помня слова арии: «Ты никогда не спросишь / Откуда прибыл я и как зовут меня», с детства знала, что рыцарю не следует задавать лишних вопросов.

² Речь идет о мистическом знании, к которому стремился Леонид Федорович Глинский, герой СН, индолог, молившийся за мироздание.

23

¹ Здесь А.А. Андреева говорит о своем растерянном и наивном, по ее признанию, поведении на следствии.

25

¹ В письме к дочери от 28 июня 1955 г. Ю.Г. Бружес сообщила: «... я была у Дани. Дали свидание 30 м. <...> Он перенес микроинфаркт, самый приступ есть очень тяжелое явление <...> Даня пусть никому не пишет. <...> Он очень худ».

² Мать Д.Л. Андреева похоронена на Новодевичьем кладбище; ее могилу и могилу бабушки Д.Л. Андреев просил привести в порядок освобожденного сокамерника В.А. Александрова, что тот и сделал вместе с Ю.Г. Бружес.

³ Эти сведения неверны; см. примеч. 5 и 6 к п. 61-пс.

⁴ Роман В. Скотта «Талисман» (1825) в большинстве русских переводов известен под названием «Ричард Львиное Сердце».

26

Впервые: Лепта. 1994. № 23.

¹ С именем Джавахарлала Неру связано сближение Индии и СССР, что, в частности, вызвало в эти годы большое количество изданий, представляющих индийскую культуру, к которым принадлежало и «Открытие Индии» (М.: Изд-во иностранной литературы, 1955). Д.Л. Андреев стремился не пропустить ничего сколько-нибудь значительного из книг, относящихся к Индии, о чем говорит и круг его чтения от «По Индии» (М.; Пг.: Гиз, 1923) В. Бонзельса до «По Индии» (М.: Молодая гвардия, 1956) советского журналиста Д. Краминова.

² Речь идет о книге Р. Тагора «Рассказы» (М., 1955).

³ О Ф.М. Достоевском см. также т. 3 (по указателю); Достоевскому в творчестве Д.Л. Андреева посвящена статья Г.С. Померанца «Подступы к пониманию Достоевского в “Розе Мира” Даниила Андреева» // Померанц Г. Открытость бездне: Встречи с Достоевским. М.: Советский писатель, 1990. С. 335–361.

⁴ См.: РМ, 2 (по указателю).

⁵ Имеется в виду перечень произведений, написанных Д.Л. Андреевым в тюрьме, о которых далее идет речь.

⁶ Герой СН Адриан мечтал мистически изменить мир.

⁷ Глинский Леонид Федорович — герой СН; см. примеч. 2 к п. 21-пр.

⁸ Добров А.Ф.

⁹ Кемниц А.В.

¹⁰ Ивашев-Мусатов С.Н..

¹¹ Речь идет о стихах А.В.Коваленского, опубликованных в лагерной газете; см. примеч. 2 к п. 18.

¹² С <тефанович Н.В.> — близкий друг Андреевых и Х<ижнякова Г.В.> — школьная подруга А.А. Андреевой. «Через них “органы” узнали о СН. Они, по-видимому, были туда вызваны и оказались принуждены сказать. Д.Л. Андреев простил их и просил не разглашать их имена» (примеч. А.А. Андреевой). Но поскольку о доносительской роли Стефановича в судьбах репрессированных уже сообщалось в печати (см., например: Шенталинский В. Донос на Сократа. М.: Формика-С, 2001. С. 236–240), мы считаем возможным нарушить здесь волю Д.Л. Андреева. Стефанович, с которым он мог познакомиться на Высших литературных курсах, как религиозный поэт был чрезвычайно интересен Андрееву, и особенно близкая дружба их связывала в последние годы перед арестом; см. по-смертно изданную книгу Н.В. Стефановича «Страстная неделя» (М.: Изд-во «Белые альфы», 2004). О его роли в аресте Андреева см. также: ПНР. С. 173–175.

¹³ Ивашева-Мусатова П.А.

¹⁴ Усова Т.В.

27

¹ Речь идет о стихотворении «Ватсалья» (I, 428).

² Г.С. Русакова, о которой здесь идет речь, не арестовывалась.

28

¹ В СН изображался арест Леонида Федоровича Глинского.

² Театральная постановка «Каменного гостя» А.С. Пушкина не предполагалась; эскизы декораций, над которыми А.А. Андреева работала в лагере, не сохранились.

29

¹ Хандожевская Г.Ю.

² Еремеев В.Ф.

³ Русакова П.К.

⁴ Речь идет о занятиях А.А. Андреевой художественным чтением. В письме к Д.Л. Андрееву от 13 июля 1955 г. она писала: «...сегодня твоего “Теленочка” пробовала читать, и он у меня, кажется, пойдет (до сих пор из твоих вещей получался один “Тумилев”). Кстати, “Теленочек” пользуется огромным успехом. Еще из новых вещей сделала маленькую “Застольную” Бернса. Очень хочу размахнуться на “Аустерлиц”, но трушу». Стихотворение «Тумилев» см.: 2, 517; «Теленочек» — см. примеч. 1 к п. 26-пр.

⁵ Эскизы А.А. Андреевой к неосуществленной постановке «Гамлета» У. Шекспира погибли при аресте.

⁶ Речь идет о живописных работах С.Н. Ивашева-Мусатова, многие из которых сохранились.

⁷ Кузнецова Н.В.

⁸ Незаконченная поэма «Корни века», повести «Лес» и «Лунная симфония» — произведения А.В. Коваленского, уничтоженные «органами» после приговора.

⁹ Сказки южных морей — здесь, возможно, имеется в виду сборник «Рассказы Южного моря» (1911) Джека Лондона.

¹⁰ Речь идет о профессии З. Рахима.

30

¹ Д.Л. Андреев присылал А.А. Андреевой свои стихотворения, переписанные мельчайшим почерком на почтовых открытках.

² Речь идет о стихотворении «Концертный зал» (I, 41), посвященном С.Н. Ивашеву-Мусатову, страстно увлекавшемуся музыкой; в нем идет речь о Большом зале Консерватории.

31

Впервые: Лепта. 1994. № 23.

¹ «Незадолго до ареста, когда казалось, что жизнь начинает налаживаться, — вспоминала А.А. Андреева, — Даниил сказал, что вновь пережить то, что они пережили, он бы не смог».

² Здесь идет речь о совпадении описанного в СН эпизода, когда одного из героев романа, Л.Ф. Глинского, увозят на Лубянку, с обстоятельствами ареста самого Д.Л. Андреева, которого начиная с Якиманки везли тем же путем; см. также: I, 15; 4, 75, 78, 82. Адриан — герой СН.

³ Гонта М.П. — одно время близкий друг Д.Л. Андреева, см. примеч. 1 к п. 2-пс.

⁴ Имеется в виду повесть «Лес» А.В. Коваленского.

⁵ Имеется в виду роман СН.

⁶ Олег Горбов — герой СН, поэт, здесь и далее, говоря о стихах Олега, Д.Л. Андреев имеет в виду свои стихи.

⁷ Речь идет о стихотворении А.В. Коваленского «Открытое письмо мистериу Даллесу», приведенном А.А. Андреевой в письме к Д.Л. Андрееву от 3 сентября 1955 г.; см. также примеч. 2 к п. 18-пр.

⁸ Речь идет о сочинениях А.В. Коваленского.

⁹ То есть у родителей А.А. Андреевой.

¹⁰ В. Круминьш вела розыски отца, бывшего офицера латвийской армии.

¹¹ Здесь цитируется начало поэмы М.Ю. Лермонтова «Беглец» (конец 1830-х); Олегов друг — т.е. друг Д.Л. Андреева — З. Рахим, называвший себя Га-руном аль-Каири.

¹² См.: Минаев И.П. Дневник путешествий в Индию и Бирму. 1880 и 1885–1886. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1955.

¹³ В заключение письма приводится начало поэмы «Навна» (I, 203).

32

¹ О Р. Штейнере см.: т. 3, примеч к с. 19. Антропософками были хорошие знакомые Д.Л. Андреева О.Н. Анненкова и Е.А. Андреева-Бальмонт, пытавшиеся заинтересовать антропософией и его; в частности, от них он получил и прочел (в машинописной копии) «Воспоминания о Штейнере» Андрея Белого (1929; книга опубликована лишь в 1982 г. в Париже издательством «La Press Libre»).

33

¹ Фотографировать заключенных, по свидетельству А.А. Андреевой, было разрешено возившему им посылки экспедитору с требованием, чтобы в кадре не было никаких примет лагерной обстановки. Пальто, о котором идет речь, было сшито незадолго до ареста; фото см.: СС, 3, 2 на с. 13 вклейки.

² В письме от 27 октября 1955 г. А.А. Андреева писала: «...чтобы ты имел маленькое представление об объеме работы, скажу тебе, что только для одного концерта надо делать 16 гербов республик, 16 костюмов <...> 13 костюмов индейцев <...> 8 — украинских, большого тигра, в которого влезает два человека, и это все — едва половина работы...»

³ Здесь и далее речь идет о предполагаемом освобождении и последующей жизни.

⁴ Ивашева-Мусатова П.А.

⁵ И.В. Усова после возвращения из ссылки ее мужа В.В. Налимова была вынуждена вместе с ним скитаться и при смерти матери не присутствовала; кроме того, в это время она была в ссоре с сестрой, Т.В.Усовой, и матерью. См. об этом ее воспоминания (СС, 3, 2, 435), а также в автобиографической книге В.В. Налимова «Канатоходец» (М.: Прогресс, 1994. С. 218–227 и др.).

⁶ Жена художника А.М. Ивановского, вместе с мужем осужденная по делу Д.Л. Андреева, отбывала наказание в казанской «психушке», как и Н.В. Кузнецова.

⁷ Здесь противопоставляется отношение к причинам ареста; по свидетельству А.А. Андреевой, А.Ф. Добров и Коваленские считали виновными Д.Л. Андреева и А.А. Андрееву, а Е.И. Белоусов и В.А. Кемниц видели причину прежде всего в логике сталинского времени.

⁸ Как свидетельствовал не слишком благожелательный к В.М. Василенко солагерник, тот действительно «трудно осваивался в лагерном положении»; см.: Ванев А.А. Два года в Абези. Брюссель, 1990. С. 65.

⁹ Колмогорова А.Д., первая жена С.Н. Ивашева-Мусатова, училась в той же школе, что и Д.Л. Андреев, и ее второй муж А.Н. Колмогоров, — бывшей гимназии Репман.

¹⁰ В письме от 15 октября 1955 г. А.А. Андреева писала: «Совпадение твоего пути с Леонидом Федоровичем — поразительно, но, когда увидимся, я тебе на счет района Якиманки расскажу вещи, может быть, еще более поразительные». Совпадением, о котором пишет А.А. Андреева, было соответствие пути арестованного Д.Л. Андреева и героя СН Л.Ф. Глинского на Лубянку, описанного в романе. Кроме того, в лагере А.А. Андреева узнала о действительно существовавшей «антисоветской» группе в районе Якиманки.

¹¹ Еремеев В.Ф.

¹² Т.е. о друге Д.Л. Андреева — З. Рахиме.

¹³ Речь идет о бывшем сокамернике Д.Л. Андреева В.А. Александрове, который был уверен, что З. Рахим «стукач», но это не подтвердилось.

¹⁴ Имеется в виду «Пир во время чумы» А.С. Пушкина.

¹⁵ Далее приводится продолжение поэмы «Навна» (I, 204).

34

¹ Серпуховской Алексей Юрьевич — герой СН, образ человека действия.

² Речь идет об обвинениях А.А. Андреевой в легкомысленно-неосторожном поведении, приведшим к аресту и делу Д.Л. Андреева.

³ Имеется в виду В.Л. Андреев.

⁴ Речь идет о следователях МГБ, которые не могли поверить, что описанное в романе СН полностью придумано автором, а совпадение с действительностью — результат художественной интуиции.

35

¹ Об Афродите народной см. РМ (т. 3, по указателю).

² См. примеч. 1 к п. 31-пр.

³ Ивашев-Мусатов С.Н.; позднее А.А. Андреева признавалась, что ошиблась в отношении к нему, его молчание в те годы, видимо, было вызвано опасением за судьбу друзей, которым могла повредить связь с бывшим заключенным.

⁴ В.В. Парин, освобожденный 29 августа 1953 г., как и В.А. Александров, неодобрительно отзывался о З. Рахиме, что стало известно А.А. Андреевой во время свидания с матерью, т.к. и Парин, и Александров общались после освобождения с ее родителями.

36

¹ Миндовская В.Л.

² В данном случае более близок к истине Д.Л. Андреев; см. примеч. 8 к п. 32-пр.

³ См. примеч. 13 к п. 32-пр.

38

¹ Чернушка — кличка кошки.

² Д.Л. Андреев перечисляет поэмы и циклы, вошедшие в РБ; *Яросвет* — цикл стихотворений «Сказание о Яросвете», *Жизнь на изнанке мира* — поэма «Изнанка мира».

³ Имеется в виду ранний вариант РМ, который предполагалось включить в состав РБ.

⁴ Климентовский — герой СН, покончил с собой; см. с. 84.

⁵ Адриан — герой СН.

⁶ В романе Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы» этой известной латинской формулой заканчивается рассказ *Ивана Карамазова* о Великом инквизиторе.

⁷ Далее следует продолжение поэмы «Навна».

⁸ Здесь речь о Д.Л. Андрееве и З. Рахиме.

40

¹ Имеются в виду герои СН — Л.Ф. Глинский и А.Ю. Серпуховской, вокруг которых объединялась «антисоветская» группа, собиравшаяся на Якиманке.

² В «Деле» Д.Л. Андреева имеется следующая справка, где перечислены следователи, ведшие его:

«Андреев Д.Л. и другие арестованы с санкции бывшего главного прокурора СССР Горшенина и его заместителей Сафонова, Вавилова и Хохлова. Надзор за следствием осуществляли военные прокуроры Главной военной прокуратуры

полковники юстиции Новиков и Котов. Дело на рассмотрение ОСО отправлено Новиковым, он же подписал акт на уничтожение вещественных доказательств. (Рукописи литературных произведений.)

Обвинительное заключение утвердил генерал-майор юстиции Бударгин И.И.

Следствие производили: в отделе “Т” МГБ СССР: Иванов, Кулыгин, Жуков, Гнеушев, Карташов, Антонов, Мещерский, Кожевников, Серый, Либин, Ладыгин, Григорьев, Меньшиков. Руководил следствием полковник Гнеушев.

В следственной части по особо важным делам МГБ СССР: Сорокин, Меркулов, Артемов, Лебедев, Морозов, Новиков, Иванов, А. Леонов, Зуев, Фомичев, Кологреев, Федотов.

Следствием руководили: бывший начальник следственной части Леонов и его заместитель Комаров, которые сами лично производили допросы¹.

³ *Левцкий Серафим* — руководитель группы, действительно существовавшей на Якиманке, был осужден и расстрелян (сообщено А.А. Андреевой).

⁴ О знакомстве Д.Л. Андреева с *Милютиным*, правильно *Малютиным* см.: Даниил Андреев в культуре XX века. М.: Мир Урании, 2000. С. 309–311.

1956

43

Впервые: Культура. 1955. 4 ноября. № 43 (7002), с сокращениями.

¹ Речь идет о романе З.В. Киселевой с С.Н. Ивашевым-Мусатовым; З.В. Киселева принадлежала к глубоко религиозной семье, которая настояла на их разрыве, т.к. Ивашев-Мусатов прежде был женат церковным браком, у Ивашева-Мусатова этот разрыв вызвал попытку самоубийства.

² См. т. 2 (по указателю).

³ Эта часть письма обращена к В. Круминьш.

⁴ Неточная цитата из главы третьей «Евгения Онегина» А.С. Пушкина; последняя строка правильно: «Я русской речи не люблю».

⁵ В. Круминьш одно время работала в лагере электриком.

⁶ В *Резекне* в 1944 г. находился полевой госпиталь, в котором служил Д.Л. Андреев.

⁷ Далее следует окончание поэмы «Навна».

⁸ Имеется в виду фотография, на которой было изображено исполнение в лагерной самодеятельности «ирокезского» танца, постановщиком которого была В. Круминьш, а автором костюмов А.А. Андреева.

45

¹ Речь идет о завершении работы над рукописями.

² Герой СН А.Ю. Серпуховской, как уже говорилось, олицетворял собой человека действия в противоположность обычной интеллигентской рефлексии, и именно такие люди увлекали А.А. и Д.Л. Андреевых, что нашло выражение в этом образе.

³ П.А. Ивашева-Мусатова.

⁴ Речь идет о слухах (которые оказались пустым вымыслом), дошедших до А.А. Андреевой и сообщенных Д.Л. Андрееву о том, что якобы Т.Н. Волкова убеждала Е.П. Пешкову, что в деле Андреева «больше всех виновата» А.А. Андреева и т.п. (свидетельство А.А. Андреевой). Вот что писала Т.Н. Волкова в письме, вынесенном из лагеря под стелькой ботинка, 14 июля 1954 г. А.А. Фадееву: «У меня был друг детства, Даниил Леонидович Андреев, сын известного в свое время писателя Л. Андреева... Попав на фронт, он через некоторое время тяжело забо-

лел и в 1944 году был мобилизован... Вот этот-то нервнобольной человек, будучи арестован 20 апреля 1947 года, после года, проведенного под следствием, и, конечно, при соответственных мерах физического воздействия признал себя “главою террористического заговора”. Так как я была с ним и его женою близко знакома, следовательно все силы употребил на то, чтобы пришить и мне какие-то “террористические намерения”» (Поэзия узников ГУЛАГА: Антология. М.: МФД; Материк, 2005. С. 747).

⁵ В «Следственном деле № 252 по обвинению Андреева Д.Л. и др.» следственной части по особо важным делам МГБ СССР приводится следующий список: 1. Андреев Д.Л. 2. Добров А.Ф. 3. Коваленский А.В. 4. Андреева А.А. 5. Доброва А.Ф. 6. Василенко В.М. 7. Шелякин А.П. 8. Ивановский А.М. 9. Ивашев-Мусатов С.Н. 10. Матвеев С.Н. 11. Скородумова-Кемниц А.В. 12. Белоусов Е.И. 13. Арманд И.Л. 14. Волкова Т.Н. 15. Добровольский А.А. 16. Лисицина Е.Ф. 17. Кемниц В.А. 18. Усова Т.В. 19. Шепелев С.Д. Однако, по свидетельству А.А. Андреевой, по делу также проходили Желабовский И.А. и его жена Гольдман М.А. — близкие знакомые Коваленских, Кузнецова Н.В. — жена С.Н. Ивашева-Мусатова, Константинов Ф.К., сослуживцы Д.Л. Андреева по госпиталю в годы войны — Амуров Николай Павлович, врач, и Цаплин Александр Петрович, полковник, начальник госпиталя.

⁶ По рассказам Д.Л. Андреева (сообщено А.А. Андреевой), он в детстве слово «вуаль» произносил как «валь» и лишь перед сном, забившись в постель, выговаривал слово, казавшееся ему таинственным, правильно.

⁷ См.: РМ (т. 3, по указателю).

⁸ Это стихотворение было прислано в письме А.А. Андреевой от 20 ноября 1955 г.; см. также примеч. 2 к п. 18-пр.

⁹ Поэму «*Песнь о Монсальвате*» см.: т. 2, 526.

¹⁰ Герой СН Л.Ф. Глинский был арестован, и здесь Д.Л. Андреев говорит об опасениях за судьбу своих рукописей.

¹¹ Речь опять идет о рукописях, которые позднее действительно были переданы А.А. Андреевой через сокамерника Д.Л. Андреева Н. Садовника.

¹² Завершает письмо стихотворение «Ливень» (I, 429).

46

¹ Лурье Н.А. (сообщено А.А. Андреевой).

47

¹ ОСО — с 1934 по 1953 г. заменявшее суд т.н. Особое совещание НКВД СССР; см. об ОСО: Солженицын А.И. Архипелаг ГУЛАГ. Т. 1. М.: Центр «Новый мир», 1990. С. 199–213.

48

¹ Статья 58, пункт 8 Уголовного кодекса означала террор.

49

¹ Речь идет о встрече с Н. Садовником, переведенным из Владимирской тюрьмы в Потьму; он привез А.А. Андреевой тетрадь переписанных им стихотворений Д.Л. Андреева.

50

Впервые: Культура. 1955. 4 ноября. № 43 (7002), с сокращениями.

¹ Описываемое фото см. на вклейке СС, 3, г.

² По свидетельству А.А. Андреевой, в это время в лагере прошел слух, никак не подтвердившийся, что заключенным при наличии веских причин будут давать отпуск.

³ Имеется в виду мистическая одаренность А.В. Коваленского. Здесь Д.Л. Андреев отвечает жене, писавшей в письме от 29 ноября 1955 г. о Коваленских, что «они, своими мелкими человеческими обликами, очень серьезно поставили для меня под вопрос явления, похожие на “духов Лиурны”». В письме от 15 января 1956 г. она отстаивает свое мнение, аргументируя тем, что «избранный гонец — лицо ответственное: если гонец плох, я не верю, что хорош — пославший его».

⁴ В письме от 19 января 1956 г. А.А. Андреева писала: «Безобразия средневековой инквизиции не имеют отношения к религии, но позволяют осудить церковь. Кстати, ни одна антирелигиозная агитка не может так губить в наивных людях религиозное чувство, как церковь и многие верующие. А это свидетельство наивности людей, неполноценности их ума и преступности церкви». Позднее она изменила эти взгляды.

⁵ С 1930-х и до середины 1950-х гг. творчество Ф.М. Достоевского как «реакционного» писателя всячески замалчивалось и развенчивалось. Как раз в 1956 г. началась та «реабилитация» писателя, о которой пишет Д.Л. Андреев, начало выходить его собрание сочинений в десяти томах и т.д., в частности, в «Литературной газете» появились статьи о Достоевском одиозного критика тех лет В.В. Ермилова, которые не могли не вызвать иронии поэта.

⁶ *Веселовская О.А.* — с юных лет близкая подруга А.Ф. Добровой, жена историка С.Б. Веселовского, знакомившего Д.Л. Андреева со своими неопубликованными работами об эпохе Ивана Грозного.

⁷ Перечисленные стихотворения см.: I, III, 103, 421, 429.

⁸ Далее к письму прилагаются стихотворения «На перевозе (I, 421) и «Шаданакар» (I, 103).

51

¹ Статья 58, пункт 11 Уголовного кодекса — антисоветская организация; пункт 10 — антисоветская агитация.

² О подобном построении обвинения свидетельствовал и В.М. Василенко: «Следователь спрашивал: “На Красную площадь ходили?” — “Да. На демонстрации. 7 ноября, 1 мая...” Следователь записывал: “Изучали место для подготовки покушения на Красной площади”». Т.Н. Волкова занималась с А.А. и Д.Л. Андреевыми английским языком, ее дача, где проходили эти уроки, находилась на Николиной Горе, в районе дачи Сталина, что давало повод следователям обвинить Андреевых в том, что они изучали месторасположение дачи Сталина.

³ Кемниц В.А.

⁴ Кемниц А.В.

⁵ Речь идет о слухах, дошедших до А.А. Андреевой (см. об этом в п. 44 и примеч. 4 к нему), источником которых она называет Г.Ю. Хандожевскую.

⁶ Садовник Н.

52

¹ См. примеч. на с. 450 т. I, а также РМ (т. 3, по указателю).

² «Бродяга» — цикл, который позднее распался на три цикла (см. п. 53). «Лесная кровь» — см.: 2, 418–439; этот цикл был восстановлен по памяти и дополнен во Владимирской тюрьме.

53

¹ Речь идет об Ефимовой Е.А.

54

¹ В 1945 г. Д.Л. Андреев был признан инвалидом Великой Отечественной войны 2-й группы.

² Арманд И.Л.

³ Кемниц В.А.

⁴ Описка: 29 января; см. п. 48; речь идет о встрече А.А. Андреевой с Н. Садовником.

⁵ Садовник Н.

⁶ Порядок глав в окончательном варианте иной, см. т. I.

⁷ Далее следует начало поэмы «Гибель Грозного».

⁸ «На синем клиросе» — первоначальное название цикла «Голубая свеча» (I, 237–251), пересланного с Н. Садовником.

55

¹ Здесь неточно цитируется заключительная строфа «Марша Буденного» (1923) Н.Н. Асеева.

56

¹ Далее приводится письмо А.В. Коваленского к А.А. Андреевой.

² Речь идет о письмах А.В. Коваленского к Д.Л. Андрееву от 2, 3 февраля 1956 г. и от 18 февраля 1956 г. (архив А.А. Андреевой).

³ См. примеч. 5 к п. 50-пр.

⁴ Кемниц А.В.

⁵ Статья 58-8, пункты 11, 17 — антисоветская организация, подготовка террористического акта.

⁶ В.М. Василенко и А.П. Шелякин.

⁷ Добров А.Ф.

57

¹ Речь идет о поэме «Рух. Симфония о великом Смутном времени» (I, 293).

58

¹ Здесь А.А. Андреева сообщает адрес бывшего сокамерника Д.Л. Андреева, с которым он сдружился — Вольфина И.М., жившего в это время в *Коптельском* переулке.

59

¹ *Желабовские* И.А. и М.А., близкие друзья Д.Л. Андреева и Коваленских. А.В. Коваленский дал им на сохранение рукописи своих стихотворений, что затем послужило причиной их ареста и осуждения по делу Д.Л. Андреева.

² Выполняя волю Д.Л. Андреева, не раскрываем этой фамилии.

³ Имеются в виду поэмы А.В. Коваленского «*Химеры*» и «*Корни века*».

⁴ Имеется в виду «стиль» доноса.

⁵ Заявление на имя Маленкова Г.М. было написано 10 ноября 1954 г.; см. с. 297.

⁶ Андреев Л.А.; отбыв 8 лет заключения, он поселился в Торжке, где и познакомился с Кемницами; позднее вернулся в Ленинград.

⁷ Кемниц А.В. была освобождена позднее мужа.

⁸ Киселева З.В.

⁹ Далее следует текст из поэмы «Гибель Грозного».

61

¹ «Солнцеворот» — ранняя незавершенная поэма Д.Л. Андреева, фрагменты которой вошли в более поздние произведения, но не в «Гибель Грозного»; см. п. 63.

62

¹ Речь идет о книге: Образцов С.В. О том, что я увидел, узрел и понял во время двух поездок в Лондон. М.: Советский писатель, 1956.

64

¹ Речь идет о следующем месте из письма А.А. Андреевой от 26 февраля 1956 г.: «...знаю, что про меня говорит и будет говорить всю жизнь Ирина Арманд...»

² Выполняя волю Д.Л. Андреева, не указываем фамилию упоминаемого лица.

³ Речь идет о ЖМ, законченной 2 мая 1956 г.

⁴ Далее следуют шесть строф из «Вступления» к ЖМ (2, 7).

66

¹ Здесь речь идет о лютеранской Троице (Пятидесятнице).

68

¹ В письме от 17 мая 1956 г. А.А. Андреева обсуждает «босикомхождение» и вспоминает, как Д.Л. Андреев «рассказывал о зимних прогулках при луне жены Вадима Сафонова». Сафонов В.А. и его жена В.Г. Сафонова (кстати, учившаяся в той же школе, что и Андреев, несколькими классами младше) познакомились с Д.Л. Андреевым на Высших литературных курсах, и в конце 1920-х – начале 1930-х гг. были дружны с поэтом (см. воспоминания В.А. Сафонова: СС, 3, 2. С. 383–384). О каких-либо прогулках при луне В.Г. Сафонова комментатору ничего сообщить не смогла.

² В желтой кофте на выступлениях футуристов появлялся В.В. Маяковский.

³ Здесь речь идет о романе «Странники ночи» и возможной гибели новых рукописей.

⁴ Далее следуют девять строф стихотворения «Александрю Блоку» (1, 237).

69

¹ См. примеч. 5 к п. 1.

² То есть началось освобождение политзаключенных в лагунке, где находился Н. Садовник.

71

¹ Здесь, возможно, имеется в виду отрывок из книги Ю. Денниса «Письма из тюрьмы» (Смена. 1956. №2. С 11–12).

² То есть к В.Л. Андрееву, который жил в эти годы в Нью-Йорке.

³ Цитата из монолога Пера Гюнта; см.: Ибсен Г. Пер Гюнт. Д. 3. Эту драматическую поэму Ибсена переводил в 1940-х гг. А.В. Коваленский.

⁴ См. посвященные Ю. Попову стихотворения «Другу юности, которого нет в живых» (2, 468, 476, 497, 499, 508).

⁵ Заключительная строфа стихотворения «Другу юности, которого нет в живых. (Последнее)» (2, 508).

⁶ Бружес Ю.А.

⁷ Первая жена Ю.А. Бружеса.

⁸ Имеется в виду полуформенная одежда членов партии Индийский национальный конгресс.

⁹ *Дхоти* — обычный в Индии тип мужской одежды, представляющий собой набедренную повязку из довольно широкой полосы ткани.

¹⁰ Далее следуют первые тринадцать строф поэмы «Ленинградский Апокалипсис».

73

¹ Бружес Ю.А.

² Очевидно, имеется в виду «Жизнь животных» А.-Э. Брэма.

³ Речь идет о книге В.В. Ермилова «Ф.М. Достоевский» (М.: Гослитиздат, 1956).

⁴ Садовник Н.

⁵ Тамара — жена Н. Садовника.

⁶ Добров А.Ф.

⁷ Нелли — Леонова Е.П.; ее первый муж Опаров Б.П. умер в 1950 г.; после освобождения А.В. Коваленский жил в семье Е.П. Леоновой, с которой вступил в брак.

⁸ Цикл «Святые камни» см.: 1, 29–49.

⁹ Далее следует продолжение поэмы «Ленинградский Апокалипсис».

75

¹ *Елеазар* — герой одноименного рассказа (1906) Л.Н. Андреева.

76

¹ Здесь перечисляется состав РБ., сложившийся к тому времени: «*На си-нем клиросе* — первоначальное название главы «Голубая свеча», «*Яросвет*» — «Сказание о Ярославле», «*Жизнь на изнанке мира*» — «Изнанка мира»; «*Метаисторический очерк*» — первоначальный вариант РМ; «*Афродита Всенародная*» в РБ не вошла.

² Здесь и ниже речь идет о З. Рахиме и Н. Садовнике.

³ На 34 % А.А. Андреевой выполняла норму на полевых работах.

⁴ Стихотворение «...И, расторгнув наши руки, Азраил...» см. в п. 19-пр.

⁵ Письмо сопровождают строфы 50–67 поэмы «Ленинградский Апокалипсис».

⁶ Речь идет о романе *Анны Зегерс* «Мертвые остаются молодыми» (1949).

78

¹ Усова Т.В.

² Межибовская Е.П.

81

¹ В архиве А.А. Андреевой сохранилась машинопись с правкой следующего заявления Д.Л. Андреева:

Главному военному прокурору СССР

АНДРЕЕВА Даниила Леонидовича
Владимир, тюрьма № 2

Заявление

Комиссией Верховного Совета СССР 24 августа 1956 г. с меня сняты обвинения по п. 58-11 и 17-58-8, но оставлен 10-летний срок тюремного заключения по п. 58-10.

С решением Комиссии я не согласен, так как невиновен по п. 58-10, как был невиновен и по остальным пунктам обвинения.

1) Незаконченный роман «Странники ночи», являющийся основой моего обвинения, не был антисоветским. Он был направлен против отдельных уродливых явлений действительности, получивших ныне заслуженное осуждение под названием «культ личности» и превышения власти органами МВД. Я писал художественное произведение, отображающее сложную и полную противоречий жизнь старой московской интеллигенции в период 1937 года. Различные персонажи романа являлись носителями различных сторон психологии интеллигентного человека того времени. Ни один персонаж не описан целиком «с натуры», хотя иногда я пользовался отдельными чертами окружающих меня людей, иногда же «выдумывал» персонаж целиком. Таким не имеющим никакого прототипа среди моих знакомых действующим лицом был один из отрицательных персонажей романа — Серпуховской. Именно в уста этого отрицательного персонажа было вложено высказывание террористических точек зрения, не только не соответствующих моим подлинным взглядам, но и опровергаемых в этом же романе положительным героем — Глинским.

Роман не был закончен и никогда не рассматривался мною как агитационный материал, зовущий на какие-либо враждебные действия. Моей целью было: написать правду о жизни очень узкого круга людей, очень различных, ищущих индивидуальных путей в условиях трудной и далеко не стабилизировавшейся действительности.

Роман не был написан с целью распространения, и мною не делалось никогда никаких попыток его опубликования. Доказательством этого является то, что книга находилась у меня дома в двух единственных экземплярах и даже самым близким знакомым были известны из нее только отрывки.

2) Не признаю себя виновным в антисоветской агитации, потому что никогда и никого, в том числе ни одного человека из моих однодельцев, не призывал ни к террористическим, ни к каким-либо иным враждебным советскому строю действиям. Ни одно из моих высказываний даже и критического характера, если бы была возможность восстановить подлинный текст сказанного, а не то, что получилось в протоколах следствия, ни в какой мере не может рассматриваться как антисоветская агитация.

3) Следствие, которое велось согласно инструкциям преступника Абакумова и под его непосредственным контролем, не было объективным и с самого начала имело своей целью фабрикацию «дела». (Мне это было совершенно ясно, была ясна и полная безнадежность попыток снять с себя нелепые и несправедливые обвинения.) Кроме того, следственными органами мне был представлен список в 40 человек, где были даже люди, просто заходившие в квартиру, не считая всех знакомых и родственников моих и моей жены. Мне было сказано, что если я не буду «сознаваться» в том, что нужно следствию для создания моего «дела», то органы «будут принуждены» немедленно арестовать всех этих людей, т.е. применен метод самого безобразного шантажа.

Я не был человеком вполне здоровым со стороны нервной системы, поэтому ночные многочасовые допросы и вся атмосфера насилия и провокаций, ца-

рившая в МГБ 47–48 года очень скоро привели меня в состояние неспособности точно контролировать то, что делалось там под названием «ведения следствия».

По этим причинам я подписывал фальсифицированные протоколы, совершенно искажающие мои высказывания, и мои взгляды, и вообще всю мою личность.

Не говоря уже о полной юридической несостоятельности отождествления точек зрения литературных персонажей с точками зрения автора и незаконности использования художественного произведения в качестве обвинительного материала, указываю как на пример пристрастного отношения следствия к моей рукописи на то, что разговор террориста — Серпуховского с Глинским в так называемой «Сцене у библиотеки Ленина» оборван в протоколах именно так, что выброшена та часть, где видна оценка точек зрения двух персонажей.

Таким же пристрастным является уничтожение рукописи, с оставлением в деле только специально подобранных цитат. Роман уничтожен вопреки моему категорическому протесту, показывающему, что еще в 1947–48 году я считал, что рано или поздно эта рукопись не только перестанет быть обвинительным материалом, но, напротив, послужит со временем к снятию с меня всех обвинений.

Прошу о новом пересмотре дела и о полной реабилитации.

² Речь идет о действующем лице СН — *Василии Михеевиче* Бутягине; см.: с. 76.

³ В Брюсовом переулке находится храм Воскресения Словущего на Успенском вражке; первым браком Д.Л. Андреев был женат на А.Л. Горобовой.

⁴ Здесь, видимо, имеется в виду расстроившийся брак Д.Л. Андреева с Т.В. Усовой; об этом см. также воспоминания И.В. Усовой.

⁵ Усова И.В.; см. примеч. 5 к п. 31-пр.

⁶ Русакова Г.С.

⁷ Русакова П.К.

⁸ Киселева З.В.

⁹ Миндовская В.Л.

¹⁰ Навроцкая О.Д.

¹¹ Муравьева Е.И. в 1922 г. уехала во Францию.

¹² Александров В.А.

¹³ Кениг А.Г.

¹⁴ Межибовская Е.П.

¹⁵ Цитата из стихотворения М.Ю. Лермонтова «Смерть поэта (1837)».

¹⁶ Ивашева-Мусатова П.А.

¹⁷ Киселева З.В.

¹⁸ Русакова Г.С. и Шелякин А.П.

¹⁹ Александров В.А.

82

¹ Речь идет о жене А.П. Шелякина Шелякиной В.И.

² Здесь: В.М. Василенко.

³ До ареста В.М. Василенко преподавал в МГУ.

83

¹ Имеется в виду обвинение в том, что Андреевы «ожидали» занятия подступившими немецким войсками Москвы 16 октября 1941 г.

² У С.Н. Матвеева, по свидетельству А.А. Андреевой, была работа, связанная с географией мест, близких к границе Турции, а она с родителями одно лето перед войной отдыхала в Батуми — все это следствие пыталось превратить в попытку подготовить бегство через турецкую границу.

³ Речь идет о показаниях А.А. Андреевой на «втором» этапе следствия, видимо, тогда, когда «Дело Д.Л. Андреева» было передано из отдела «Т» в следственную часть по особо важным делам МГБ СССР.

³ Ивашев-Мусатов С.Н.

84

¹ Бусинькой Д.Л. Андреев звал свою бабушку Велигорскую Е.В.; здесь речь идет о могилах Андреевых и Добровых на Новодевичьем кладбище.

² Кемниц А.В.

³ Шелякин А.П.

⁴ Шелякина В.И.

85

¹ Еремеев В.Ф.

² А.Л. Горобова была членом СП СССР с 1956 г.

86

¹ Пешкова Е.П.

87

¹ Рахим З.

² Речь идет о сестре С.Л. Гогиберидзе.

³ Имеется в виду адрес Леонида А. Андреева.

⁴ Речь идет о брате Леонида А. Андреева Льве А. Алексеевском.

88

¹ Во Втором Обыденском переулке находится храм Ильи Пророка Обыденный, одна из святынь которого — чудотворная икона Божьей Матери «Нечаянная Радость».

² В октябре 1944 г. Д.Л. Андреев был откомандирован в Москву.

89

¹ Вот текст этого письма, написанного, по свидетельству А.А. Андреевой, С.Г. Шкловской:

ГЕНЕРАЛЬНОМУ ПРОКУРОРУ СССР

тов. Р.А. Руденко

Уважаемый Роман Андреевич!

Просим Вас содействовать скорейшему пересмотру дела сына знаменитого русского писателя Леонида Андреева — Даниила Андреева.

Даниил Андреев решением Особого Совещания МГБ в 1947 году на заседании с участием Абакумова получил приговор 25 лет.

Срок этот он отбывал во Владимирской тюрьме.

Комиссия Верховного Совета пересмотрела дело Даниила Леонидовича Андреева, отвергла наиболее тяжелую часть обвинения, оставив обвинение по ст. 58-го, установив срок наказания в 10 лет.

Материалом для этого решения был протокол о романе: сам роман, написанный Даниилом Андреевым, уничтожен по решению Абакумова.

До окончания десятилетнего срока Даниилу Леонидовичу осталось 6 месяцев, но он тяжело болен, дальнейшее пребывание в тюрьме может оказаться для него смертельным.

Мы просим о повторном пересмотре дела и одновременно ходатайствуем перед Вами о досрочном освобождении из тюрьмы больного Д.Л. Андреева, чтобы сын крупного русского писателя, книги которого мы сейчас переиздаем, не умер в тюрьме.

А. Яблочкина
Виктор Шкловский
Корней Чуковский

Конст. Симонов
Константин Федин
Иван Новиков
Павел Антокольский
Т. Хренников

² См. примеч. 3 к п. 56-п.

³ Смирнова Н.А. Воспоминания. М., 1947.

⁴ Адриан — герой СН.

90

¹ Рахим З.

² См. примеч. 5 к п. 60-пс.

³ См. примеч. 5 к п. 61-пс.

⁴ Русакова Г.С.

⁵ Горобова А.Л.

⁶ Александров В.А.

⁷ Видимо, имеется в виду роман Э.-М. Ремарка «Время жить и время умирать», вышедший в русском переводе в 1956 г.

⁸ См.: Грин Г. Тихий американец. М.: Изд-во иностранной литературы, 1956.

⁹ Стихи Г. Лорки в переводе И.Ю. Тыняновой см.: Иностранная литература. 1956. № 8.

¹⁰ Садовник Н.

¹¹ Андреев Леонид А.

¹² Далее следует письмо к В. Круминьш.

¹³ Цитата из стихотворения В.В. Маяковского «Сергею Есенину» (1926).

91

¹ Александров В.А.

² Видимо, здесь имеется в виду Е.К. Сон.

³ О каком стихотворении, присланном И.В. Усовой, идет речь, установить не удалось.

⁴ Налимов В.В.

⁵ См. т. 1, 390, а также воспоминания И.В. Усовой: СС, 3, 2. С. 410.

⁶ Здесь С.Н. Ивашев-Мусатов; см. также примеч. 2 к п. 29.

⁷ Речь идет о З. Рахиме.

⁸ Навроцкая О.Д.

⁹ Митрофанов В.П.

¹⁰ Русакова Г.С.

¹¹ Усова И.В.

¹² Далее следуют письма, обращенные к З. Рахиму и Е. Сон.

¹³ Гогиберидзе С.Л.

92

¹ Речь идет о статье И.А. Новикова «Слово о полку Игореве и его автор» (1938), вошедшей в книгу «Писатель и его творчество»; см. примеч. 3 к п. 56-п.

² Ивашев-Мусатов С.Н.

³ Имеется в виду изображение Божьей Матери на небольшом картоне (сообщено А.А. Андреевой).

93

¹ Сохранился «Список вещей Андреева Даниила Леонидовича, передаваемых его жене Андреевой Алле Александровне», составленный Д.Л. Андреевым; см. на с. 6 вклейки т. 3.

² Речь идет о стихотворении «Противостояние Марса» («Новый мир». 1956. № 10. С. 104) Н.А. Заболоцкого, творчество которого вызвало интерес Д.Л. Андреева еще в предвоенные годы.

³ В письме от 5 ноября 1956 г. А.А. Андреева переписала из письма З. Рахима его пересказ лекции английского физика Поля Дирака, в которой, в частности, идет речь об античастицах.

⁴ Желабовский И.А. и Желабовская (Гольдман) М.А.

⁵ Константинов Ф.К.

⁶ Усова Т.В.

⁷ Авсюк Г.А. и Авсюк М.И.; здесь Д.Л. Андреев говорит о том, что во время следствия он делал все, чтобы Авсюки не были привлечены к его делу и не попали в Арктиду, т.е. куда-нибудь в Воркуту или на Колыму.

⁸ Вольфин И.М.

⁹ Левенок П.П.

¹⁰ Усова И.В.

¹¹ Речь идет о поэме «Изнанка мира».

¹² Ивашев-Мусатов С.Н.

¹³ Новиков И.А.

¹⁴ Левенок Е.П.

¹⁵ Навроцкая О.Д.

¹⁶ Здесь имеется в виду работа «Стихovedение».

94

¹ Е.Н. Бирукова была арестована и присоединена к делу Д.Л. Андреева вместе с Ф.К. Константиновым.

² Е.К. Сон.

³ Речь идет о Г.Б. и Л.Ф. Смирновых.

⁴ Смирнов А.Г.

95

¹ Ивашев-Мусатов С.Н.

² Добров А.Ф.

³ То есть в комнату родителей А.А. Андреевой в Подсосенском переулке.

⁴ Усова Т.В.

96

¹ Рахим З.

² Сестра С.Л. Гогоберидзе.

³ Шелякин А.П.

⁴ Кемниц В.А.

97

¹ Имеется в виду Центральный институт судебной психиатрии им. В.П. Сербского.

² Горобова А.Л.

³ Желабовские И.А. и М.А.

⁴ Бирукова Е.Н.

⁵ Галядкин А.Д. первым браком был женат на Е.Н. Бируковой; их сын — Галядкин Н.А.

⁶ Ивашева-Мусатова Н.В.

⁷ Бружес Ю.А.

⁸ Вольфин И.М.

⁹ Варакина М.М.

¹⁰ Здесь (от англ. ритм) стиль джазовой музыки.

¹¹ Малахьева-Мирович В.Г.

¹² Усова И.В.

¹³ Леонова Е.П.

¹⁴ Тарасов Л.М.

¹⁵ Далее следует письмо к В. Круминыш.

98

¹ Цикл «Янтари» см.: 2, 366–381.

² Миндовская В.Л.

³ Цикл «Лесная кровь» см.: 2, 418–439.

99

¹ Здесь находилась Бутырская тюрьма; Д.Л. Андреев, узнав о предстоящем этапе, предполагал, что попадет туда, но был привезен во внутреннюю тюрьму «Лубянки», а затем помещен в Центральный институт судебной психиатрии им. В.П. Сербского.

² Левенок Е.П. была арестована в 1945 г., освобождена в 1955 г.; срок отбывала в Инте.

³ Константинов Ф.К.

⁴ Русакова Г.С.

⁵ Леонова Е.П.

⁶ Имеется в виду «Роза Мира».

⁷ Речь идет о работе «Некоторые замечания по стихovedению»

⁸ См.: РМ (т. 3, по указателю).

⁹ Добров А.Ф.

¹⁰ Рахим З.

¹¹ Волков А.Г.

¹² Угримова И.Н. и Муравьева Е.И.; последняя находилась в ссылке в Новосибирской области с 1948 по май (?) 1953 г.

¹³ Речь идет о восстановлении по памяти произведений, уничтоженных при аресте и затем вновь уничтоженных, видимо, при тюремном «шмоне».

¹⁴ Видимо, сохранившиеся стихотворения вошли в цикл «Восход души».

¹⁵ Имеется в виду капитан Крот Д.И.

¹⁶ Далее следует «Глава третья» поэмы «Немереча».

100

¹ Вольфин И.М.

² Речь идет о Г.С. Русаковой и ее муже Еремееве В.Ф.

³ По этому адресу находилась приемная МГБ — КГБ.

⁴ Константинов Ф.К.

⁵ Горобова А.Л.

1958

101

Это и все нижеследующие письма написаны Д.Л. Андреевым в период его пребывания в Институте терапии АМН СССР (палата № 28) с 14 ноября 1958 по 17 февраля 1959 г.

¹ Сосед по палате.

103

¹ Речь идет о пригласительных билетах на вечер памяти Л.Н. Андреева; см. примеч. 2 к п. 80-пс.

² Новикова М.Н. — приемная дочь И.А. Новикова.

³ Грузинская А.М.

⁴ Бруни Н.К.

⁵ Горобова А.Л.

⁶ Ивашев-Мусатов С.Н.

⁷ Роман В. Скотта «Айвенго» (1820).

104

¹ Врач.

² *Соболев Л.С.* в этот период был председателем правления Союза писателей РСФСР; здесь имеется в виду его доклад на Первом учредительном съезде писателей РСФСР; см.: Литературная газета. 1958. 8 декабря.

105

¹ 12 декабря в Литературном музее состоялся вечер памяти Л.Н. Андреева, в котором А.А. Андреева приняла активное участие.

² См. п. 80-пс., а также примеч. 2 к нему.

³ Вайншенкер П.Л.

⁴ Речь идет о переводе рассказов Фумико Хаяси.

106

Публикуется впервые.

1959

107

¹ Речь идет о романе Сигрид Унсет «Христина, дочь Лавранса» (1920–1922).

108

Публикуется впервые.

¹ Усова И.В.

109

¹ Врач.

110

¹ Видимо, от Т.И. Морозовой.

² Усова И.В.

³ Смирнов Г.Б.

⁴ 23 января 1959 г. после долгих и трудных хлопот А.А. Андреева получила ордер на комнату 15,37 м² в двухкомнатной квартире по адресу: Ленинский проспект, д. 82/2, кв. 165. В этой комнате Д.Л. Андреев прожил последние сорок дней своей жизни и умер.

111

¹ Речь идет об упоминавшемся романе С. Унсет.

112

¹ Здесь и ниже речь идет о лечащих врачах Института терапии.

² Муравьева Е.И.

³ Андреевы О.В. и В.Л.

⁴ Ивашев-Мусатов С.Н. и Кемниц А.В.

114

Публикуется впервые.

116–117

Публикуется впервые.

121

¹ Чукова А.С.

² Чуков Б.В.

ПРИЛОЖЕНИЕ

ИЗ ДЕТСКИХ ТЕТРАДЕЙ

Публикуется впервые, по ксерокопии из собрания составителя; местоположение оригинала двух «детских тетрадей», хранившихся в семье С.Н. Ивашева-Мусатова и позднее переданных А.А. Андреевой, у которой и были, по ее свидетельству, похищены, ныне неизвестно. Предположительно тетради можно датировать 1916–1918 гг. Здесь представлены сочинения из первой тетради.

О «детских тетрадях» Д.Л. Андреева см.: Сорокина В. Листая ранние тетради. О детском творчестве Даниила Андреева // Даниил Андреев в культуре XX века. М.: Мир Урании, 2000.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН*

Абакумов В.С. — 367, 368, 383, 570
 Авессалом, в Ветхом Завете третий сын царя Давида, восставший против отца — 67
 Аврора, в римской мифологии богиня утренней зари — 321, 326
 Авсюк Григорий Александрович (1906–1988), физико-географ, специалист в области гляциологии, академик (с 1984) — 428, 572
 Авсюк Маргарита Ивановна, географ — 428, 572
 Азимов С. — 504
 Азраил; Израил, у мусульман ангел смерти — 319, 321, 407
 Акимов Н.П. — 543
 Александр I Благословенный — 77
 Александр Македонский (356–323 до н.э.), полководец, царь Македонии — 293
 Александр Невский — 265, 547
 Александров Владимир Александрович, искусствовед, художник; сокамерник Д.Л. Андреева — 343, 347, 369, 372, 379, 409, 412, 413, 422, 424, 425, 557, 560, 561, 569, 571
 Александрова В. — 555
 Алексей Михайлович — 372
 Алексеевский А.П. — 527
 Алексеевский Лев Аркадьевич (1902–1951), двоюродный брат Д.Л. Андреева — 169, 419, 527, 570
 Аль Д., см. Альшиц Д.Н.
 Альшиц Даниил Натанович (псевдоним — Д. Аль; р. 1919), драматург — 250, 278, 504, 543, 544, 549
 Амуров Н.П. — 563
 Ананькина, хозяйка дома в Копаново — 222
 Андерсен, Х.-К. — 238, 308
 Андреев Александр Вадимович (р. 1937), переводчик; сын В.Л. Андреева — 8, 197, 199, 227, 235, 247, 260, 271, 531, 539, 541
 Андреев Вадим Леонидович (1902–1976), поэт, прозаик; старший брат Д.Л. Андреева — 7, 8, 11, 165–168, 170–172, 181, 187, 191, 194–197, 200, 208, 209, 222–226, 232–234, 337, 238, 241, 246, 251, 259, 270, 283, 342, 348, 370, 393, 396, 399, 405, 407, 444, 448, 484, 485, 487–491, 498, 499, 501, 525–529, 534, 535, 538–540, 542, 544, 561, 566, 575
 Андреев Валентин Леонидович (1912–1988), артист балета, художник; брат по отцу Д.Л. Андреева — 7, 259
 Андреев (Алексеевский) Леонид Аркадьевич (1903–1974), инженер-проектировщик гидроэлектростанций; двоюродный брат Д.Л. Андреева — 11, 169, 233, 260, 381, 419, 423, 499, 527, 565, 570, 571,

Андреев Л.Н. — 7, 8, 165, 167–169, 221, 232, 241, 250, 251, 253, 283, 324, 335, 404, 421, 483, 484, 485, 503, 525–528, 536, 538, 539, 543, 544, 550, 562, 567, 570, 574
 Андреев Павел Николаевич (1878–1923), художник, учитель рисования; брат Л.Н. Андреева — 168, 526, 527
 Андреев Савва Леонидович (1909–1970), артист балета, художник; брат по отцу Д.Л. Андреева — 7
 Андреева (урожд. Пацковская) Анастасия Николаевна (1851–1920), бабушка Д.Л. Андреева — 165, 525
 Андреева (урожд. Велигорская) Александра Михайловна (1881–1906), мать Д.Л. Андреева — 7, 324, 416, 483, 539
 Андреева (урожд. Бружес, в первом замуж. Ивашева-Мусатова) Алла Александровна (1915–2005), художник, мемуарист; жена Д.Л. Андреева — 69, 74, 206–211, 214–222, 224–242, 245–254, 256–284, 286–454, 491, 493, 494, 495, 497–499, 501–503, 507, 512, 514, 524, 525, 529–532, 534–575
 Андреева (урожд. Климентова) Анна Ивановна (1878–1953) — жена П.Н. Андреева — 527
 Андреева (урожд. Денисевич; в первом замуж. Карницкая) Анна Ильинична (1883–1948), вторая жена Л.Н. Андреева — 7, 167, 169, 484, 526, 527
 Андреева (в замуж. Рыжкова) Вера Леонидовна (1910–1986), прозаик, мемуарист; сестра Д.Л. Андреева по отцу — 7
 Андреева (в замуж. Морозова) Лариса Павловна (1904–1951), двоюродная сестра Д.Л. Андреева — 169, 527
 Андреева (урожд. Стольников) Наталья Матвеевна (1883–1962) — жена В.Н. Андреева, брата Л.Н. Андреева — 169, 196, 527
 Андреева (в замуж. Карлайль) Ольга Вадимовна (р. 1937), дочь В.Л. Андреева — 8, 169, 181, 189, 191, 193–198, 209, 235, 261, 271, 502, 525, 527, 528, 529, 530, 538, 539, 542, 544, 546, 575
 Андреева (урожд. Федорова, по матери Колбасина, по отчиму Чернова) Ольга Викторовна (1903–1978), приемная дочь лидера российской партии социалистов-революционеров В.М. Чернова; жена В.Л. Андреева — 8, 167–169, 171, 172, 181, 189, 191, 194, 196–198, 200, 209, 223, 224, 226, 227, 234, 238, 246, 251, 259, 271, 448, 499, 501, 526, 528, 530
 Андреева (в первом замуж. Алексеевская, во втором Оль, в третьем Верещагина) Римма Николаевна (1881–1941), сестра Л.Н. Андреева — 208, 527, 534
 Андреева-Бальмонт Е.А. — 560
 Андреевы, семья — 527, 537, 540, 542, 546–548, 552, 555, 569, 570
 Анненкова О.Н. — 560
 Анненский Иннокентий Федорович (1855–1909), поэт — 180
 Антокольский Павел Григорьевич (1896–1978), поэт — 419, 571
 Антонов, следователь отдела «Т» МГБ — 562
 Арманд (урожд. Стеффен) Инесса — 553
 Арманд Ирина Львовна (1916–1988), филолог; осуждена по делу Д.Л. Андреева — 304, 308, 320, 363, 371, 386, 417, 495, 553, 555, 557, 563, 565, 566
 Арманд Л.Э. — 554
 Арманд (урожд. Сапарова) Тамара Аркадьевна, мать И. Л. Арманд — 304, 308, 554
 Артамонов Николай Дмитриевич (1840–1918), геодезист; почетный член Русского географического общества (с 1917) — 66
 Артемов, следователь следственной части по особо важным делам МГБ — 367, 371, 383, 562
 Архимед — 184, 185
 Асеев Николай Николаевич (1889–1963), поэт — 90, 91, 307, 510, 554, 565
 Афродита — 325, 342, 348, 561, 567
 Ахматова (наст. фам. Горенко) Анна Андреевна (1889–1966), поэт — 85, 221, 538

Бабель Исаак Эммануилович (1894–1941), писатель — 170, 190, 192, 527, 530

Бажов П.П. — 242

Бакшеев В.Н. — 556

* Имена, присутствующие в указателе к 3-му тому, а также встречающиеся лишь в примечаниях, как правило, не аннотируются.

- Бальзак, Оноре де — 299
 Бальмонт К.Д. — 126, 511, 515
 Банерджи, А.Ч., индийский историк — 305, 554
 Баскаков, неустановленное лицо — 422
 Бах, И.-С. — 190
 Бедный Демьян, поэт — 186
 Бежин Л.Е. — 531
 Безант, Анна (1847–1933), английская писательница, общественный деятель и глава Теософского общества Индии — 41
 Беклемишева Вера Евгеньевна (1881–1944), литературный секретарь изд-ва «Шиповник», редактор (с Д.Л. Андреевым) сборника памяти Леонида Андреева «Реквием» (М.: Федерация, 1930) — 169, 170, 487, 488, 503, 527, 528
 Белоусов Евгений Иванович (1907–1977), инженер, сын писателя И.А. Белоусова; осужден по делу Д.Л. Андреева, третий муж А.А. Андреевой — 308, 310, 404, 495, 555, 560, 563
 Белоусовы, семья — 339
 Белый Андрей — 560
 Бенерджи, ошибочно, см. Банерджи С.
 Бернс, Роберт — 559
 Бернулли, Даниил (1700–1782), физик и математик, физиолог — 185
 Бернштейн С.И. — 554
 Берия Л.П. — 244, 416
 Бетховен, Людвиг ван — 325, 327
 Бирукова Евгения Николаевна (1899–1986), переводчик, драматург, прозаик — 431, 434, 452, 572, 573
 Бирюков Павел Иванович (1860–1931), биограф Л.Н. Толстого — 311, 556
 Блаватская Елена Петровна (1831–1891), писательница, основательница Теософского общества — 40
 Блок А.А. — 14, 104, 105, 108, 111, 116–118, 128, 130, 131, 176, 292, 307, 309, 325, 489, 504, 511, 513–516, 554, 555, 566
 Богданов А. — 525, 528
 Бодлер Ш. — 59
 Боднарь Лия Петровна, врач — 448, 449, 452
 Боккаччо, Джованни (1313–1375), итальянский писатель — 329
 Бокова Екатерина Николаевна (1904–1991), одноклассница Д.Л. Андреева — 201, 222, 381, 411, 443, 532, 538,
 Бокова Елена Николаевна (1893–1982), преподаватель школы, в которой учился Д.Л. Андреев — 222, 411, 423, 436, 539
 Бокова Маша, дочь Екатерины Н. Боковой — 411
 Боковы, сестры — 411
 Бондарин Сергей Александрович (1903–1978), писатель; с 1944 по 1952 г. был в заключении, по 1953 г. в ссылке — 419, 422
 Бонзельс, Вольдемар — 558
 Бонч-Бруевич В.Д. — 544
 Боттичелли (Алессандро ди Мариано Филиппи; 1445–1510), итальянский живописец — 190
 Бошко Ирина Владимировна, преподаватель литературы — 264, 266, 267, 547
 Бошко Ольга Владимировна, мать И.В. Бошко — 268
 Брэм; Брем, Альфред Эдмунд (1829–1884), немецкий зоолог — 567
 Бружес Александр Петрович (1887–1970), ученый-физиолог; отец А.А. Андреевой — 210, 212–214, 224, 234, 271, 279, 288, 289, 296, 302, 305, 307, 311, 321, 322, 324, 336–338, 342, 348, 356, 357, 361, 367, 370, 372, 374, 386, 388, 398, 399, 400, 402–404, 408, 421, 423, 430, 432, 435, 445, 446, 449, 551, 552
 Бружес Маргарита, жена Ю.А. Бружеса — 308, 397

- Бружес Юрий Александрович (1922–1996), теоретик музыки, дирижер-хоровик, композитор; брат А.А. Андреевой — 308, 397, 400, 406, 435, 555, 566, 573
 Бружес (урожд. Никитина) Юлия Гавриловна (1885–1962), мать А.А. Андреевой — 209–214, 224, 234, 275, 279, 281, 288, 289, 302, 306, 313, 322–324, 327, 331, 336, 343, 352, 360, 364, 381, 382, 402, 406, 412, 413, 423, 424, 433, 435, 445, 446, 449, 497, 504, 535, 549–551, 553, 554
 Бружес, семья — 234, 302, 494, 534, 555, 557
 Бруни (урожд. Бальмонт) Нина Константиновна (1901–1988) — дочь К.Д. Бальмонта и Е.А. Андреевой-Бальмонт — 443, 574
 Брюсов В.Я. — 109, 113, 114, 117, 307, 486, 503, 510, 511, 513, 514, 554
 Бударгин И.И. — 562
 Буденный Семен Михайлович (1883–1973), военачальник, маршал Советского Союза — 375, 565
 Будда Гуатама — 43
 Булатович Александр Ксавьеревич (1870–1918 или 1919), богослов; исследователь Эфиопии — 66
 Булганин Николай Александрович (1895–1975), председатель Совета министров СССР (1955–1958) — 361, 362, 367, 368, 371, 380
 Бунин И.А. — 484
 Вавилов, зам. главного военного прокурора СССР — 561
 Вагнер, Рихард — 190, 317, 321, 555, 557
 Вайншенкер Полина Львовна, сотрудница Литературного музея, литературовед — 283, 445, 550, 574
 Ванев А.А. — 560
 Варакина Мария Михайловна (1906–1991), жена брата И.М. Вольфина — 435, 437, 573
 Василенко Виктор Михайлович (1905–1991), поэт, искусствовед; осужден по делу Д.Л. Андреева — 311, 313, 339, 343, 377, 414, 433, 489, 495, 525, 530, 555, 556, 560, 563–565, 569
 Введенская (урожд. Коноплянцева) Мария Михайловна — 199, 436, 532
 Велигорская (урожд. Гнусина) Вера Дмитриевна, жена Петра М. Велигорского — 165, 525
 Велигорская (урожд. Шевченко) Ефросинья Варфоломеевна (1846–1913), бабушка Д.Л. Андреева — 327, 416, 483, 503, 570
 Велигорская Наталья Петровна (1898–1953), двоюродная сестра Д.Л. Андреева — 11
 Велигорский Игорь Петрович (1899–1951), двоюродный брат Д.Л. Андреева — 11, 165, 525
 Венус Георгий Давыдович (1898–1939), поэт, прозаик; берлинский друг В.Л. Андреева — 167, 487
 Вересаев (наст. фам. Смидович) Викентий Викентьевич (1867–1945), писатель, друг Л.Н. Андреева по литературному кружку «Среда» — 8, 170
 Верлен, Поль — 190
 Веркор (наст. имя Жан Брюллер; 1902–1991), французский писатель и художник — 269, 547
 Веселовская Ольга Александровна, жена историка С.Б. Веселовского — 366, 381, 387, 453, 564
 Веселовский С.Б. — 564
 Винокур Г.О. — 554
 Витберг А.Л. — 148
 Виттельсбах, Людвиг (1845–1886), король баварский (с 1861), поклонник и покровитель Р. Вагнера — 311, 317, 372, 555
 Волков Андрей Гаврилович (р. 1931), демограф; сын Т.Н. Волковой — 440, 502, 573
 Волков Гавриил Андреевич (1902–1943), литературовед, сотрудник музея Л.Н. Толстого; арестованный в сентябре 1941 г., он умер в заключении 10 июля 1943 г., реабилитирован в 1956 г. — 412
 Волкова Е. —
 Волкова (урожд. Муравьева) Татьяна Николаевна (1905–1997), литературовед; сотрудница Музея Л.Н.Толстого; осуждена по делу Д.Л. Андреева; арестована в июле 1948 г., осво-

- бождена в мае 1955 г., заключение отбывала в Инте — 74, 310, 327, 339, 342, 348, 357, 366, 368, 371, 374, 412, 423, 428, 440, 495, 526, 555, 562–564
- Волковы*, семья — 412, 427
- Волошин М.А.* — 131, 489, 490, 516
- Вольфин Исаак Маркович* (1912?–1986 или 1987?), дипломат, работал с А.М. Коллонтай в Швеции, затем преподавал иностранные языки в ВИИКА, в 1946 г. по обвинению в связях с иностранцами вместе с другими преподавателями института арестован; освобожден по реабилитации весной 1956 г.; сокамерник Д.Л. Андреева — 428, 435–437, 441, 535, 565, 572, 573
- Ворошилов Климент Ефремович* (1881–1969), председатель Президиума Верховного Совета СССР (1953–1960) — 409, 417, 495
- Врубель М.А.* — 76, 190
- Выспянский, Станислав* — 532
- Гааз Федор Петрович* (наст. имя Фридрих-Иосиф; 1780–1853), старший врач московских тюремных больниц, широко известный в России своей благотворительной деятельностью — 380
- Галина Николаевна* — 222, 539
- Гальперин Матвей*, одноклассник Д.Л. Андреева — 423
- Галядкин Андрей Дмитриевич* (1906–1975), художник, мемуарист; окончил искусствоведческое отделение МГУ; в 1940 арестован и по 1945 г. отбывал заключение в лагере Сухобезводное Лапшанга, в 1947 г. вновь арестован и освобожден в 1953 г., а реабилитирован в 1957 г.; после освобождения жил в Калининe; автор неопубликованных воспоминаний «Памяти Даниила Андреева» (1967) — 432, 448, 452, 489, 573
- Галядкин Николай Андреевич*, сын Галядкина А.Д. и Бируковой Е.Н. — 432, 573
- Гамов*, трубчевский купец — 65
- Ганди, М.-К.* — 276, 380
- Гарун аль-Каури*, см. Рахим З.
- Гаспаров М.Л.* — 511
- Генрих* — 384
- Гёте, И.-В.* — 320, 323, 332, 507
- Гнедич Николай Иванович* (1784–1833), поэт, переводчик — 239
- Гнеушев*, следователь — 562
- Гогоберидзе Симон Леванович* (1902?–1970), грузинский меньшевик, боролся за независимость Грузии, в 1942 г. арестован и приговорен к 25 годам заключения; в 1956 г. освобожден, а затем арестован вновь и освобожден лишь в 1967 г.; сокамерник Д.Л. Андреева (См. о нем: Волин О. С. Бериевцами во Владимирской тюрьме // Минувшее: Исторический альманах. 7. Париж, 1989. С. 363) — 426, 537, 571
- Гогоберидзе*, сестра С.Л. Гогоберидзе — 419, 433, 570, 572
- Гоголь Н.В.* — 14, 220, 233, 421, 504, 537
- Головин Александр Яковлевич* (1863–1930), живописец, театральный художник — 257, 258
- Голубцов Николай*, протоирей — 499, 501
- Гольдман М.А.*, см. Желабовская М.А.
- Гомер*, легендарный древнегреческий поэт, автор «Илиады» и «Одиссеи» — 120, 276
- Гонта Мария Павловна* (1904?–1995), актриса, журналистка и сценаристка — 335, 491, 531, 559,
- Гончаров И.А.* — 421
- Горбова (Гублёр) Александра Львовна* (1907–1985) — писательница, журналистка; первая жена Д.Л. Андреева — 9, 12, 221, 417–419, 422, 434, 437, 442, 444, 486, 487, 538, 569–571, 573, 574
- Горшенин К.П.*, генеральный прокурор СССР (1946–1948) — 561
- Горький А.М.* — 8, 9, 115, 191, 192, 483, 514, 530, 539
- Готорн, Натаниел* (1804–1864), американский писатель — 104, 512

- Готье, Теофиль* (1811–1872), французский писатель и критик — 190
- Гоцци, Карло* (1720–1806), итальянский драматург — 421
- Гречкины*, хозяйка дома в Горячем Ключе — 278, 500, 548
- Грибоедов А.С.* — 175, 176, 491, 528
- Григорьев*, следователь отдела «Т» МГБ — 562
- Грин, Грэхам* (1904–1991), английский писатель — 423, 571
- Гроссман Л.П.* — 524
- Грузинская Александра Митрофановна* (1878?–?), жена А.Е. Грузинского; первая учительница Д.Л. Андреева — 257, 263, 275, 280, 443, 529, 546, 574
- Грузинские*, семья — 187
- Гудзенко Александр Родионович*, сын Р.С. Гудзенко — 215, 237, 248, 249, 267, 273
- Гудзенко Галина Леонидовна*, жена Р.С. Гудзенко — 215, 218, 219, 228, 229, 236, 238, 247–249, 266, 272, 525, 525, 535, 537, 542
- Гудзенко Родион Степанович* (1931–1999), художник; знакомый Д.Л. Андреева по Институту судебной психиатрии им. В.П. Сербского — 215, 218, 219, 227, 229–231, 237, 238, 240, 241, 248, 249, 252, 263, 267, 272, 275, 283, 502, 525, 535–537, 539–548, 550
- Гумилев Н.С.* — 100, 117, 331, 489, 514, 559
- Гюисманс, Жорис Карл* (1848–1907), французский писатель — 60
- Гюго, Виктор* — 190
- Д’Аннунцио, Габриеле* (1863–1938), итальянский писатель — 57
- Даниил Переяславский*, преподобный — 552
- Даллес, Джон Фостер* (1888–1959), в 1953–1959 гг. государственный секретарь США — 315, 347, 555, 559
- Даль Владимир Иванович* (1802–1872), писатель, лексикограф, этнограф — 89, 506, 510
- Данте, Алигьери* — 132, 328
- Датта, Дхирендрамохан* (ошибочно Дас), индийский историк философии — 305, 311, 542, 554, 556
- Дедов Александр Михайлович*, работник ЦК КПСС — 310
- Державин Г.Р.* — 89, 512
- Деннис, Юджин* (1904–1961), деятель американского рабочего движения; в 1950–1951 и в 1951–1955 гг. отбывал тюремное заключение (во второй раз осужденный по ложным обвинениям) — 396, 398, 566
- Джинс, Джемс Хопвуд* (1877–1946), английский физик и астроном — 184, 529
- Джотто, ди Бондоне* (1266 или 1267–1337), итальянский живописец — 190
- Диана*, в римской мифологии богиня луны — 321
- Диккенс, Чарльз* — 381, 387
- Дирак, Поль* — 572
- Дмитриева В.* — 545
- Добров Александр Филиппович* (1900–1957), художник-оформитель; двоюродный брат Д.Л. Андреева — 11, 165, 172, 182, 191, 192, 205, 208, 234, 235, 239, 289, 295, 297, 302, 304, 308, 310, 313, 315, 327, 328, 330, 339, 343, 377, 389, 391, 397, 401, 406, 408, 428, 431, 440, 495, 499, 526, 528, 530, 534, 541, 553, 555, 556, 558, 560, 563, 565, 567, 572, 573
- Добров Филипп Александрович* (1869–1941), врач; дядя Д. Л. Андреева — 7, 9, 75, 167, 181, 182, 191, 194, 208, 235, 483, 492, 499, 526, 527, 534, 541, 552
- Доброва (в замуж. Коваленская) Александра Филипповна* (1892–1956), двоюродная сестра Д. Л. Андреева — 9, 11, 85, 165, 169, 172, 182, 187, 191, 192, 193, 199, 208, 234, 235, 289, 295, 308, 310, 313, 315, 320, 328, 330, 333, 334, 339, 343, 354, 365, 366, 372, 376, 377, 379, 385, 408, 439, 487, 495, 499, 525, 541, 552, 555–557, 563, 564
- Доброва (урожд. Велигорская) Елизавета Михайловна* (1871–1942), тетя Д.Л. Андреева — 7, 9, 167, 169, 182, 187, 191, 192, 196, 208, 235, 483, 487, 492, 499, 526, 534, 541
- Доброва Маргарита*, первая жена А.Ф. Доброва — 172, 182, 191, 208, 528

- Добровольский-Тришатов Александр Александрович* (1886–1965), поэт, прозаик; осужден по делу Д.Л. Андреева; отбывал заключение с 1948 по 1954 г. в Потьминских лагерях (о нем см. также: Среди других имен. М.: Московский рабочий, 1990. С. 430–440; Встречи с прошлым. Вып. 7. М.: Советская Россия, 1990. С. 103–109) — 366, 495, 563
- Добровы, семья* — 7, 73–75, 230, 335, 339, 412, 429, 479, 480, 481, 489, 526, 527, 553, 570
- Достоевский Ф.М.* — 14, 60, 190, 221, 271, 323, 324, 327, 329, 351, 353, 366, 372, 400, 504, 534, 558, 561, 564, 567
- Дэвис, Ричард* — 502
- Егоров Борис Дмитриевич* (1906–1992), инженер-оптик; брат А.Д. Егоровой (Колмогоровой) — 412
- Елена Александровна* — 223
- Елизавета Владимировна*, врач — 444, 447–450
- Елисеев Александр Васильевич* (1859–1895), путешественник, исследователь Малой Азии и Африки — 66
- Еремеев Владимир Федорович*, муж Г.С. Русаковой — 331, 339, 417, 441, 559, 560, 570, 574
- Ермак Тимофеевич* (ум. 1585), казачий атаман, предводитель похода в Сибирь — 356
- Ермилов Владимир Владимирович* (1904–1965), советский критик и литературовед — 399, 564, 567
- Есенин С.А.* — 221, 410, 416, 571
- Ефимова Екатерина Алексеевна*, одноклассница В.Л. Андреева; знакомая А.А. Андреевой по лагерю — 564
- Ефремов Иван Антонович* (1907–1972), писатель-фантаст — 248, 544
- Желабовская* (урожд. Гольдман) *Мария Александровна*, жена И.А. Желавского — 428, 434, 563, 565, 572, 573
- Желабовский Игнат Александрович*, летчик — 428, 434, 563, 565, 572, 573
- Желабовские, семья*, близкие друзья Д.Л. Андреева и Коваленских — 379, 412
- Жуков Михаил Андрианович*, следователь отдела «Т» МГБ; старший следователь по делу Д.Л. Андреева — 342, 379, 562
- Жуковский Николай Егорович* (1847–1921), ученый-механик, основоположник гидроаэродинамики — 185
- Заболоцкий Николай Алексеевич* (1903–1958), поэт, переводчик — 242, 428, 572
- Зегерс, Анна* (1900–1983), немецкая писательница — 407, 567
- Зубков, сокамерник Д.Л. Андреева во время следствия* — 422
- Зувев, следователь по особо важным делам МГБ* — 562
- Ибсен, Генрик* — 104, 566
- Иван IV Грозный* — 244, 317, 373, 374, 377, 378, 381, 382, 384, 545, 564–566
- Иванова* (урожд. Веллигорская) *Александра Петровна* (1901–1952), двоюродная сестра Д.Л. Андреева — 11
- Иванов, следователь отдела «Т» МГБ* — 562
- Иванов, следователь по особо важным делам МГБ* — 562
- Иванов В.И.* — 111, 120, 130, 180, 323, 514, 516, 528
- Ивановский Александр Михайлович* (1906–?), художник — 339, 343, 349, 376, 408, 423, 433, 495, 529, 560, 563
- Ивашев-Мусатов Сергей Николаевич* (1900–1992), художник, близкий друг Д.Л. Андреева, первый муж А.А. Андреевой — 217, 297, 299, 310, 312, 313, 327, 332, 333, 339, 343, 348, 354, 395, 417, 424, 427, 431–432, 435, 444, 449, 495, 536, 553, 555, 556, 558, 559, 561–563, 570–572, 574, 575

- Ивашева-Мусатова* (урожд. Герасимова; р. 1922) *Нина Васильевна*, последняя жена С.Н. Ивашева-Мусатова; была его ученицей в художественной студии, где он преподавал до ареста — 435, 573
- Ивашева-Мусатова Полина Александровна* (1874?–1959), преподаватель немецкого языка; мать С.Н. Ивашева-Мусатова — 327, 339, 342, 357, 413, 558, 560, 562, 569
- Иисус Христос* — 41, 43, 83, 311, 368, 388, 550
- Иогансон Б.В.* — 556
- Иорданский Н.И.* — 544
- Калецкая Мария Самойловна* (1906–?) географ; жена С.Н. Матвеева; одноклассница Д.Л. Андреева — 379, 412, 436, 437
- Карамзин Н.М.* — 58
- Кардовский Дмитрий Николаевич* (1866–1943), художник — 263, 265, 267, 531, 546
- Карлайль, Михаил* (р. 1952), сын О.В. Андреевой-Карлайль — 235, 260, 271, 542
- Карташов, следователь отдела «Т» МГБ* — 562
- Кастере, Норбер* (1897–?), французский спелеолог — 544
- Качалов В.И.* — 528
- Кемниц* (урожд. Скородумова) *Анна Владимировна* (1903–?), балерина, хореограф; осуждена по делу Д.Л. Андреева, отбывала срок в Караганде — 308, 310, 327, 368, 377, 381, 404, 408, 416, 449, 495, 537, 555, 563–565, 570, 575
- Кемниц Виктор Андреевич* (1906–?), инженер; осужден по делу Д.Л. Андреева, отбывал заключение в «шараге» вместе с Е.И. Белоусовым и С.Н. Ивашевым-Мусатовым — 308, 310, 313, 368, 371, 404, 406, 423, 495, 537, 555, 556, 558, 560, 563–565, 572
- Кемниц, семья* — 339, 425, 433, 565
- Кениг* (урожд. Никитина) *Александра Гавриловна*, тетка А.А. Андреевой — 412, 569
- Кениг Галина Евгеньевна*, балерина, затем тренер фигурного катания; двоюродная сестра А.А. Андреевой — 412
- Кипен Александр Абрамович* (1870–1938), писатель — 170
- Киселева Зоя Васильевна* (1908–1994), одноклассница Д.Л. Андреева — 217, 354, 370, 381, 411, 412, 536, 539, 549, 562, 565, 569
- Киселевы, семья* — 223
- Коваленская А.Ф.*, см. *Доброва А.Ф.*
- Коваленские, семья* — 203, 297, 299, 304, 316, 339, 345, 348, 354, 428, 438, 553, 560, 563–565
- Коваленский Александр Викторович* (1897–1965), поэт, прозаик, переводчик — 9, 11, 74, 91–93, 104, 118, 169, 170, 182, 184, 187, 191, 192, 193, 196, 201, 215, 234, 235, 289, 295, 308, 313, 315–317, 320, 327, 328, 335, 336, 339, 348, 358, 365, 368, 372, 376, 377, 379, 382, 385, 386, 391, 401, 406, 408, 422, 433, 438, 439, 487, 495, 510, 511, 515, 527, 528, 532, 533, 541, 552–559, 563–567
- Кожевников, следователь отдела «Т» МГБ* — 562
- Колмогоров Андрей Николаевич* (1903–1987), математик, академик АН СССР (с 1939) — 339, 560
- Колмогорова* (урожд. Егорова, в первом замуж. Ивашева-Мусатова) *Анна Дмитриевна* (1903–1988), химик; жена А.Н. Колмогорова — 339, 560
- Кологреев, следователь по особо важным делам МГБ* — 562
- Кольцов Алексей Васильевич* (1809–1842), поэт — 120
- Комаров Владимир И.*, полковник, заместитель начальника следственной части по особо важным делам МГБ СССР; в 1954 г. расстрелян (о нем см.: Ваксберг А. Нераскрытые тайны. М., 1993. С. 114) — 369, 373, 385, 424, 562
- Комаров Петр Степанович* (1911–1949), поэт — 307, 309, 554
- Конкордия Николаевна*, врач — 448, 450
- Коновалов, неустановленное лицо* — 414, 422
- Конопницкая, Мария* — 532
- Константинов Федор Константинович*, художник, друг семьи Добровых с дореволюционных лет; осужден по делу Д.Л. Андреева — 423, 428, 431, 438, 442, 563, 572–574

- Конфуций — 22
 Корбюзье; Ле Корбюзье (наст. имя Шарль Эдуар Жаннере; 1887–1965), французский архитектор — 54
 Корень Сергей Гаврилович (1907–1969), артист балета и балетмейстер — 238
 Котов, полковник юстиции, военный прокурор — 562
 Крамаренко Л.Ю. — 556
 Краминов Д.Ф. — 558
 Красильников Михаил Михайлович (1933–1997), поэт — 543
 Кренек, Людвиг, австрийский географ — 248, 544
 Кришнамурти, Джидду (псевдоним Алсион; 1895 или 1897–1986), индийский религиозный мыслитель и деятель, поэт; воспитанник А. Безант, до 1929 г. был связан с Теософским обществом — 41
 Крот Давид Иванович, капитан, начальник режима Владимирской тюрьмы — 573
 Круминьш, Валиа (Джони) (р. 1930?), лагерная подруга А.А. Андреевой — 306, 310, 311, 314–317, 320–323, 327, 329, 332, 336–338, 340, 341, 343–348, 350, 351, 355, 357, 359–361, 367, 370, 372, 374, 375, 377, 380, 383, 385, 386, 388, 390–392, 396, 400, 408, 409, 411–413, 416, 423, 436–439, 537, 543, 553, 556, 562, 571, 573
 Крылов П.Н., см. Кукрыниксы.
 Крымов Ю.С. — 527
 Кузмин Михаил Алексеевич (1872–1936), поэт, прозаик, критик; композитор — 109, 504, 513
 Кузнецова Наталья Васильевна (1915?–?), жена (с 1944 г. до ареста) С.Н. Ивашева-Мусатова — 297, 331, 339, 553, 559, 560, 563
 Кузькин С.П. — 527
 Кукрыниксы; псевдоним художников: Куприянова Михаила Васильевича (1903–1991), Крылова Порфирия Никитича (1902–1990), Соколова Николая Александровича (1903–1991) — 243
 Кулыгин Иван Федорович, следователь отдела «Т» МГБ — 562
 Куприянов М.В., см. Кукрыниксы.
 Курочкин П. — 504
 Кухельбекер Вильгельм Карлович (1797–1846), поэт, прозаик, критик; декабрист — 176
- Ладыгин, следователь отдела «Т» МГБ — 562
 Лазаряц Виталий Эммануилович (р. 1939), знакомый Д.Л. Андреева по Институту судебной психиатрии им. В.П. Сербского — 228, 231, 238, 266, 285, 540–542, 547, 550
 Лебедев, следователь по особо важным делам МГБ — 562
 Левенок, семья — 424, 429
 Левенок А.П. — 531
 Левенок Евгения Протасовна (1899–1975) учитель астрономии трубчевской школы — 428, 429, 438, 572, 573
 Левенок Игорь Протасович (1921–1950) — 429
 Левенок Олег Протасович (р. 1915) — 428
 Левенок Протасий Пантелеевич (Пантелеймонович; 1874–1958), художник, педагог — 428, 529, 572
 Левин К.Я. — 545
 Левина Н.Я. — 502
 Левитан Исаак Ильич (1860–1900), живописец-пейзажист — 257, 258,
 Левитан Юрий Борисович (1914–1983), диктор Всесоюзного радио — 261
 Левицкий Серафим — 350, 562
 Леонардо да Винчи — 185
 Леонов А.Г. (1905–1954), генерал-майор, начальник следственной части по особо важным делам МГБ (1946–1951); в 1954 г. расстрелян — 367, 383, 422, 562
 Леонов Леонид Максимович (1899–1994), писатель — 420, 452, 557
 Леонов Михаил (Мишук) Георгиевич (р. 1934), племянник В.Л. Миндовской — 204, 533

- Леонов Юрий (Бэб) Георгиевич (р. 1938), племянник В.Л. Миндовской — 204, 205, 533
 Леонова (в замуж. Опарова) Елена (Нелли) Павловна (1907–1984), одноклассница Д.Л. Андреева — 184, 401, 436, 439, 529, 531, 567, 573
 Лермонтов М.Ю. — 14, 100, 107, 111, 112, 116, 118, 119, 124, 126, 175, 190, 336, 504, 513–515, 559, 569
 Либин, следователь отдела «Т» МГБ — 562
 Лидин Владимир Германович (1894–1979), писатель — 452, 524
 Лидия Николаевна, врач — 448
 Лисицына Елена Федоровна (1915–1990), жена Е.И. Белоусова; осуждена по делу Д.Л. Андреева (о ней см.: За что?: Проза. Поэзия. Документы. М.: Новый ключ, 1999. С. 168) — 289, 308, 310, 333, 495, 552, 555, 563
 Ломакин Алексей Васильевич — 412, 436
 Ломакин Василий Васильевич — 412
 Ломакина Анна Сергеевна — 412
 Ломакины, семья; соседи Андреевых — Добровых — Коваленских — 412
 Лондон, Джек — 332, 559
 Лорка, Гарсия (1898–1936), испанский поэт — 423, 571
 Лурье Нина Александровна, сокамерница А.А. Андреевой — 563
 Ляпина Л.И. — 511
- Магидсон Адриана Соломоновна (1906–1980), театральная художница и живописец; окончила ВХУТЕМАС, работала в театре В.Э. Мейерхольда; одноклассница Д.Л. Андреева, в соавторстве с А.С. Магидсон Андреевым была написана шуточная поэма в шести главах «Осениада» (1923) — 427
 Майтрайя, в буддизме бодисатва и будда грядущего миропорядка — 27
 Малахеева-Мирович Варвара Григорьевна (1878–1952), поэт, прозаик, журналистка — 436, 488, 528, 573
 Маленков Г.М. — 380, 496, 565
 Мальский И.С. — 502, 525, 540
 Малютин (ошибочно — Милютин) Ростислав Митрофанович, сотрудник Литературного музея, знакомый Д.Л. Андреева — 350, 359, 378, 562
 Малютина Вера Федоровна, жена Малютина Р.М. — 359
 Мандельштам О.Э. — 180, 528
 Манн, Томас (1875–1955), немецкий писатель — 281
 Мариц (наст. фам. Чернышева) Мария Давидовна (1893–1961), автор романа «Северное сияние» (1926–1931), посвященного декабристам — 243
 Матвеев Сергей Николаевич (1893–1955), географ; осужден по делу Д.Л. Андреева — 310, 337, 339, 494, 495, 505, 534, 555, 563, 569
 Маяковский В.В. — 80, 89, 91, 101, 119, 127, 307, 423, 510, 511, 515, 554, 566, 571
 Мейерхольд В.Э. — 528
 Мейринк, Густав (1869–1932), австрийский писатель — 104, 512
 Межибовская Евгения Петровна, соседка Андреевых–Добровых–Коваленских — 408, 412, 567, 569
 Менелику II (1844–1913), император Эфиопии (с 1889) — 66, 67
 Метерлинк, Морис (1862–1949), бельгийский драматург и поэт — 105
 Меньшиков, следователь отдела «Т» МГБ — 562
 Мержанов Б.М. — 504
 Меркулов И.Н., следователь по особо важным делам МГБ — 562
 Мецкерский, следователь отдела «Т» МГБ — 562
 Миклашевская (урожд. Кропоткина) Вера Александровна; жена Миклашевского-Неведомского М.П.; друг семьи Муравьевых — Угримовых — Волковых — 440
 Миларайба; Миларепа — 491
 Милибанд С.Д. — 544
 Милютин, см. Малютин.

- Минаев Иван Павлович* (1840–1890), востоковед, буддолог, основатель русской индологической школы — 337, 560
- Миндовская Анфа Павловна* (1886–1974), мать В.Л. Миндовской — 204, 533
- Миндовская* (в замуж. Тарасова) *Валентина Леонидовна* (1912–1995), художница; друг Д.Л. Андреева с отроческих лет — 195, 199, 202–204, 206, 207, 254, 343, 411, 436, 437, 446, 448, 494, 531, 533, 546, 561, 569, 573
- Миндовская* (в замуж. Леонова) *Евгения Леонидовна* (1909–1993), сестра В. Л. Миндовской — 204, 533
- Минина* (урожд. Тарасова) *Ю.Л.* — 502, 531–534, 545, 550
- Митрофанов Арсений Николаевич* (?–1932), двоюродный брат Д.Л. Андреева, сын Митрофановой (урожд. Велигорской) *Е.М.* — 161, 177, 182, 525, 529
- Митрофанов Владимир Павлович* (1896–1979), юрист; двоюродный брат Д. Л. Андреева — 168, 205, 339, 381, 387, 425, 527, 534, 571
- Митрофанов Н.С.* — 527
- Митрофанов П.С.* — 527
- Митрофанова* (урожд. Велигорская) *Екатерина Михайловна* (1869–1943), тетья Д.Л. Андреева — 9, 181, 182, 192, 196, 208, 493, 527, 529, 530, 534
- Мицкевич, Адам* — 532
- Могавира* (Махавира) — 46
- Мопассан, Ги де* — 190
- Морозов, следователь по особо важным делам МГБ* — 562
- Морозов Василий Никитич* (?–1942), муж Т.И. Морозовой — 532
- Морозова Александра Васильевна* (р. 1930), дочь Т.И. Морозовой — 223, 349, 339
- Морозова* (в замуж. Палицына) *Вера Васильевна* (р. 1929), дочь Т.И. Морозовой — 201, 223, 258, 262, 279, 285, 349, 453, 502, 503, 532, 533, 535, 536, 539, 540, 543, 545, 546, 548–550
- Морозова Т.И.*, см. Оловянишников Т. И.
- Морозова Клавдия Никитична*, сестра В.Н. Морозова — 201, 532
- Морозовы, семья* — 287, 549
- Моцарт, В.-А.* — 373
- Мравинский Евгений Александрович* (1903–1988), дирижер — 79
- Муравьев Николай Константинович* (1870–1936), юрист, общественный деятель — 74
- Муравьева* (урожд. Гусева) *Екатерина Ивановна* (1882–1969), жена Н.К. Муравьева; мать Т.Н. Волковой и И.Н. Угримовой; с 1922 по 1948 г. жила во Франции, куда выехала на лечение, и в 1948 г., с семьей Угримовых вернувшись в СССР, получила 5 лет ссылки — 74, 412, 428, 440, 448, 569, 573, 575
- Муравьева И.Н.*, см. Угримова И.Н.
- Муравьева Т.Н.*, см. Волкова Т.Н.
- Муравьевы, семья* — 74, 165, 526, 526
- Муромцева-Булнина В.Н.* — 484
- Мусоргский Модест Петрович* (1839–1881), композитор — 190
- Навроцкая Ольга Дмитриевна*, близкая знакомая В.А. Александрова; отбывала заключение во Владимирской тюрьме — 411, 425, 429, 569
- Налимов Василий Васильевич* (1910–1997), ученый, философ; муж И.В. Усовой — 339, 424, 560, 571, 572
- Наполеон I Бонапарт* — 131
- Невский В.И.* — 503
- Некрасов Н.А.* — 100
- Немчинов Андрей*, друг детства А.Ф. Доброва — 165, 526
- Нерваль, Жерар де* (наст. фам. Лабрюни; 1808–1855), французский писатель — 59
- Неру, Джавахарлал* (1889–1964), премьер-министр Индии (1947–1964) — 324, 336, 363, 558
- Нестеров Михаил Васильевич* (1862–1942), живописец — 257, 258
- Никитин Афанасий* (ум. 1472), путешественник, писатель — 28

- Николайчук Петр Власович*, сокамерник Д.Л. Андреева — 449, 554
- Ницше Ф.* — 59
- Новиков, полковник юстиции, военный прокурор* — 562
- Новиков, следователь по особо важным делам МГБ* — 562
- Новиков В.И.* — 502
- Новиков Иван Алексеевич* (1877–1959), писатель; преподавал на Высших литературных курсах, где учился Д.Л. Андреев — 215, 216, 419, 420, 426, 428, 443, 494, 524, 535, 571, 572
- Новикова* (*Новикова-Принц*) *Мария Николаевна*, приемная дочь И.А. Новикова — 443, 524, 574
- Образцов Сергей Владимирович* (1901–1992), актер, создатель и руководитель театра кукол — 384, 566
- Озеров Л.А.* — 540
- Окунев А.А.* — 502
- Оловянишникова* (в замуж. Морозова) *Татьяна Ивановна* (1906–1974), друг Д.Л. Андреева с детских лет — 183, 197, 211, 212, 219, 224, 238, 250, 251, 258, 269, 273, 277, 281, 323, 345, 353, 366, 407, 443, 503, 529, 532–534, 537, 539, 546, 549, 575
- Оль А.А.* — 527
- Оль* (в первом замуж. Жуковская, во втором Корхова) *Галина Андреевна* (1910–?), двоюродная сестра Д.Л. Андреева — 11, 169, 527
- Ольга Николаевна*, врач — 454
- Опаров Борис Петрович* (1899–1950), научный работник — 567
- Орбели И.А.* — 538
- Павленков Ф.Ф.* — 505
- Павлова Г.Н.* — 502, 527
- Палицына В.В.*, см. Морозова В.В.
- Панин Д.М.* — 536
- Пантелеев Юрий Иванович* (1932–2003), знакомый Д.Л. Андреева по Институту судебной психиатрии им. В.П. Сербского — 230, 231, 237, 240, 250, 252, 268, 270, 285, 525, 540, 541, 544, 545, 550,
- Пантелеева Н.А.* — 540, 542, 543, 547
- Парин Василий Васильевич* (1903–1971), физиолог, академик АМН СССР (с 1944) и АН СССР (с 1966); сокамерник Д.Л. Андреева — 219, 220, 343, 347, 379, 496, 502, 504–508, 512, 537, 538, 561
- Парина Н.Д.* — 502, 504
- Пасин В.С.* — 527
- Паскаль, Блез* (1623–1662), французский философ, писатель, математик и физик — 185
- Пастернак Борис Леонидович* (1890–1960), поэт, прозаик, переводчик — 101, 113, 176, 242, 444, 513, 528
- Петрарка, Франческо* — 328
- Пешкова* (урожд. Волжина) *Екатерина Павловна* (1878–1965), жена А.М. Горького с 1896 по 1904 г.; руководитель Московского Комитета помощи политзаключенным (1918–1937) — 8, 190, 223, 224, 342, 357, 368, 374, 418, 419, 425, 491, 530, 539, 562, 570
- Пильняк Б.А.* — 221
- Плеханов Г.В.* — 308,
- Плещеев А.Н.* — 513
- Побединский Иоанн* — 483
- Полевой* (наст. фам. Кампов) *Борис Николаевич* (1908–1981), журналист, писатель — 553
- Поленов Владимир Дмитриевич* (1844–1927), живописец — 257, 258, 483
- Померанц Г.С.* — 558
- Попов Иоанн* — 483

- Попов Юрий Михайлович (1906?–1941), художник; одноклассник и друг юности Д.Л. Андреева — 183, 397, 529, 567
- Потапов Н. — 525
- Потупов Е.В. — 502, 527
- Пришвин Михаил Михайлович (1873–1954), писатель — 263, 265, 267, 532, 546
- Прокофьев Сергей Сергеевич (1891–1953), композитор, пианист, дирижер — 307
- Протазанов Я.А. — 528
- Пушкарная А. — 540
- Пушкин А.С. — 89, 98, 100, 108, 110, 118, 120, 124, 129–133, 196, 216, 292, 321, 329, 340, 355, 428, 504, 511, 513–516, 530, 542, 558, 560, 562
- Пырьев И.А. — 548
- Раков Лев Львович (1904–1970), историк, искусствовед; сокамерник Д.Л. Андреева — 219, 220, 232, 239, 245, 250, 253, 261, 277, 412, 422, 496, 502, 504–507, 512, 538, 541
- Ракова А.Л. — 504
- Ракова (урожд. Фотон) Марина Сергеевна (1912–1986), преподаватель английского языка; жена Л.Л. Ракова — 221, 233, 239, 246, 250, 253, 262, 278, 538, 549
- Рапшголь, чиновник — 483
- Рахим, Зей (р. 1922?), переводчик; сокамерник Д.Л. Андреева — 219, 220, 223, 229, 278, 310, 311, 317, 321, 330, 333, 339–341, 347, 348, 351, 361, 369, 371, 374, 379–381, 384–388, 390, 391, 395, 396, 405, 408, 412, 418, 421, 424, 425, 427, 429, 432, 438, 440, 499, 537, 543, 549, 554, 555, 557, 559–561, 567, 570–573
- Рахманинов С.В. — 307, 555
- Рафальский Виктор Парфентьевич (1918–после 1995), знакомый Д.Л. Андреева по Институту судебной психиатрии им. В.П. Сербского — 270, 547
- Ржевский А.А. — 510
- Рейнсфельд; Рейнсфельдт (урожд. Федулова) Евгения Николаевна, адресат Д.Л. Андреева — 11, 183, 184, 187, 198, 489, 490, 525, 529
- Ремарк, Эрих Мария (1898–1970), немецкий писатель — 423, 571
- Ренье, Анри де (1864–1932), французский писатель — 190
- Репман Евгения Альбертовна — 8, 339, 485
- Ройцына О.В. — 502
- Розанов И.Н. — 554
- Романов Б.Н. — 503, 504, 508, 525, 530, 536, 541, 551
- Роллан, Ромен — 45
- Рублев Андрей — 410
- Руденко Роман Андреевич (1907–1981), генеральный прокурор СССР (1953–1981) — 360, 361, 399, 408, 570
- Русакова (в замуж. Еремеева) Галина Сергеевна, друг Д.Л. Андреева со школьных лет — 217, 327, 331, 335, 339, 354, 370, 381, 411, 412, 416–418, 422, 425, 439, 441, 536, 549, 558, 569, 571, 573
- Русакова Пелагея Кузьминична, мать Г.С. Русаковой — 329, 409, 415, 559, 569
- Русакovy, семья — 417, 429
- Рыжкова Наталья Григорьевна (р. 1937), внучка Л.Н. Андреева, дочь В.Л. Андреевой — 283, 550
- Рылеев К.Ф. — 178
- Садовник Николай, сокамерник Д.Л. Андреева — 359, 369, 374, 379, 381, 388, 394, 396, 401, 405, 563–565, 567, 571
- Садовник Тамара, жена Н. Садовника — 401, 567
- Сальери, Антонио — 175, 177, 528
- Санх, ошибочно, см. Синкх Н.К.
- Сафонов, зам. главного военного прокурора СССР — 561

- Сафонов Вадим Андреевич (1904–2000), писатель; однокурсник Д.Л. Андреева по Высшим литературным курсам — 393, 566
- Сафонова Валентина Гурьевна, жена В.А. Сафонова — 393, 566
- Северянин И. — 100
- Сельвинский Илья (Карл) Львович (1899–1968), поэт и драматург — 173, 176, 307, 510, 528
- Семпер (Соколова) Н.Е. — 536
- св. Серафим Саровский — 14, 308, 490, 504
- св. Сергей Радонежский — 119
- Серов Валентин Александрович (1865–1911), живописец — 318
- Серый, следователь отдела «Т» МГБ СССР — 562
- Сетон-Томпсон, Эрнест (1860–1946), канадский писатель-анималист — 384
- Сидоровский Л. — 504
- Симонов К.М. — 571
- Синельников Ф.И. — 502
- Синкх Н.К. — 305, 554
- Скотт, Вальтер (1771–1832), английский писатель — 285, 557, 574
- Словацкий, Юлиуш — 532
- Слушкін Валерий Ильич (р. 1937), знакомый Д.Л. Андреева по Институту судебной психиатрии им. В.П. Сербского — 240, 270, 275, 282, 542, 547–549
- Смирнов Алексей Глебович (р. 1937), сын Г.Б. и Л.Ф. Смирновых — 199, 200, 431, 436, 502, 531, 532, 572
- Смирнов Борис Леонидович (1891–1967), переводчик; врач-невропатолог и нейрохирург, академик АН Туркменской ССР — 271, 273, 548
- Смирнов Г.В. — 502, 525, 556
- Смирнов Глеб Борисович (1908–1981), художник — 198–200, 431, 436, 437, 525, 531, 572, 575
- Смирнова (Варакина) Алла Давыдовна, племянница И.М. Вольфина — 535, 537
- Смирнова (урожд. Абрамова) Любовь Федоровна (1910–1979), жена Г.Б. Смирнова — 198–200, 431, 436, 491, 525, 531, 532, 572
- Смирнова Надежда Александровна (1873–1951), актриса и педагог — 421, 571
- Смирновы, семья — 229, 499, 531, 532, 540
- Смотрецкий М. — 510
- Соболев Леонид Сергеевич (1898–1971), писатель — 444, 574
- Соколов — ошибочно, см. Смирнов Б.Л.
- Соколов Н.А., см. Кукрыниксы.
- Соколовы, знакомые Д.Л. Андреева — 423
- Солженицын А.И. — 563
- Соловьев В.С. — 14, 308, 504
- Сологуб (наст. фам. Тетерников) Федор Кузьмич (1863–1927), поэт, прозаик, переводчик — 112
- Сон Елизавета Константиновна (1903–1984), преподаватель художественного чтения; одноклассница Д.Л. Андреева — 411, 424, 426, 429, 431, 571, 572
- Сорокин Г.А., следователь по особо важным делам МГБ — 562
- Сорокина В. — 575
- Сосинская (урожд. Чернова) Ариадна Викторовна (1908–1974), сестра жены В.Л. Андреева — 235, 542
- Сосинский Владимир (Бронислав) Брониславович (Семихат Бронислав-Рейнольд-Владимир; 1900–1987), писатель; друг В.Л. Андреева с юношеских лет; в 1960 г. вернулся в СССР — 235, 542
- Сталин И.В. — 8, 82, 192, 196, 416, 491, 564
- Станиславский (наст. фам. Алексеев) Константин Сергеевич (1863–1938), актер, режиссер, теоретик театра — 103
- Стендаль — 190
- Стефанович Николай Владимирович (1912–1979), поэт, переводчик — 327, 334, 379, 435, 558
- Сумароков А.П. — 510

Суслов Михаил Андреевич (1902–1982), с 1947 г. секретарь ЦК КПСС, с 1966 — член Политбюро ЦК КПСС — 310

Тагор, Рабиндранат — 46, 324, 337, 558

Тамерлан — 131

Тарасов, генерал-майор, главный военный прокурор — 309

Тарасов Лев Михайлович (1912–1974), искусствовед, поэт — 203–206, 256, 283, 343, 348, 411, 436, 447, 448, 496, 500, 533, 546, 573

Тарасов Михаил Львович, сын Л.М. Тарасова — 255, 282

Тарасова Ю.Л., см. Миндовская Ю.Л.

Тарасовы, семья — 282, 493, 500

Терехов, работник прокуратуры — 408

Тимофеев Л.И. — 532

Тихонов Николай Семенович (1896–1979), поэт и прозаик; общественный деятель — 365

Толстая С.А. — 510

Толстой А.К. — 110, 111, 513, 530, 543

Толстой Л.Н. — 104, 311, 393, 556

Тор — 59

Третьяковский В.К. — 510

Тренин В.В. — 554

Тройнова Евгения Викторовна — 11

Тургенев И.С. — 216, 502

Тургенева Татьяна Алексеевна, сотрудница Литературного музея — 283, 550

Тютчев Ф.И. — 116, 190, 530

Тынянов Юрий Николаевич (1894–1943), писатель, литературовед — 176, 528

Тынянова И.Ю. — 571

Угримов Александр Александрович (1906–1981), инженер; мемуарист — 74

Угримова (урожд. Муравьева) Ирина Николаевна (1903–1994), театральная художница; друг детства Д.Л. Андреева — 74, 310, 428, 440, 526, 555, 573

Уланова Галина Сергеевна (1910–1998), артистка балета — 236, 238, 239, 310, 328, 331

Унсет, Сигрид (1882–1949), норвежская писательница — 574, 575

Усова (в замуж. Налимова) Ирина Владимировна (1905–1985), близкая знакомая Д.Л. Андреева, автор воспоминаний о нем — 229, 336, 339, 408, 411, 424, 425, 428, 429, 436, 446, 447, 491, 492, 501, 503, 512, 524, 530, 540, 555, 557, 560, 569, 571–575

Усова Мария Васильевна (1885 или 1886–1948), переводчица; мать Т.В. и И.В. Усовых — 310, 339, 411, 491, 492, 555

Усова Татьяна Владимировна (1908–1985), осуждена по делу Д.Л. Андреева — 9, 11, 310, 327, 379, 408, 411, 428, 432, 491, 492, 495, 503, 555, 558, 560, 567, 569, 572

Усовы, семья — 342, 555, 557

Успенский Сергей — 483

Фадеев А.А. — 562

Фальковский Ф.Н. — 544

Феб, в греческой мифологии имя Аполлона, как божества солнечного света — 321

Федин Константин Александрович (1892–1977), писатель — 420, 571

Федотов, следователь по особо важным делам МГБ — 562

Фейхтвангер, Лион (1884–1958), немецкий писатель — 80

Фемида, в греческой мифологии богиня правосудия — 326

Фет А.А. — 89, 116, 512

Фидий (V в. до н.э.), древнегреческий скульптор — 427

Фитюков Иван Максимович — 209, 534, 535

Флобер, Гюстав — 35, 104, 190

Флоренский П.А. — 553

Фомичев, следователь по особо важным делам МГБ — 562

Фра Анджелико (ок. 1400 — 1455), итальянский живописец — 190

Франк, Бруно (1887–1945), немецкий писатель — 196, 531

Франс, Анатолий — 190

Фрэнсис, Джэймс (1815–1892), американский гидротехник — 185

Хандожевская Галина Юрьевна (Георгиевна; 1896–?), художник; вторая жена А.Ф. Доброва — 11, 234, 235, 288, 297, 304, 308, 310, 320, 328, 333, 368, 374, 379, 408, 422, 495, 541, 542, 552, 553, 555, 557, 558, 564

Хаяси, Фумико (1903–1951), японская писательница — 251, 499, 541, 543, 574

Хижнякова Галина Васильевна, школьная подруга А.А. Андреевой — 327, 334, 558

Хлебников В.В. — 242, 492, 511, 528

Холмогоров Михаил — 483

Хонелидзе Л.Ф. — 502

Хренников Т.Н. — 571

Хрущев Н.С. — 308, 310, 356, 360, 362, 368, 378

Ходасевич В.Ф. — 510

Хорошкевич Леонид Николаевич (1902–1956), художник, учился в одной школе с Д.Л. Андреевым — 412

Хохлов, зам. Главного военного прокурора СССР — 561

Цаплин А.П. — 563

Цветаева М.И. — 510

Чаттерджи, Сатисчандра — 305, 311, 542, 554, 556

Чапыгин Алексей Павлович (1870–1937), писатель — 176, 528

Чемко К.П. — 531

Чернова Ольга Елисеевна (?–1965), мать О.В. Черновой-Андреевой — 169, 527

Черновы-Андреевы, семья — 528

Чехов А.П. — 216, 421

Чуваков В.Н. — 502

Чуков Борис Владимирович (р. 1938), востоковед; знакомый Д.Л. Андреева по Институту судебной психиатрии им. В.П. Сербского — 238, 249, 252, 266, 270, 273, 274, 281, 452, 454, 502, 527, 533, 534, 537, 542, 544, 545, 547–549, 554, 575

Чуков Владимир Григорьевич (1898–1984), отец Б.В. Чукова — 270, 282, 548

Чукова Алла Станиславовна (1914–2001), мать Б.В. Чукова — 270, 282, 454, 548, 575

Чуковский Корней Иванович (наст. фам. и имя Корнейчуков Николай Васильевич; 1882–1969), писатель, литературовед — 224, 228, 229, 235, 271, 420, 452, 539, 540, 548, 571

Ш. — 387

Шадринцев, следователь прокуратуры — 417

Шатов Ефим Яковлевич, художник; знакомый Д.Л. Андреева по Институту судебной психиатрии им. В.П. Сербского — 219, 232, 250, 270, 537, 547

Шафаревич И.Р. — 542

Шевченко Варфоломей Григорьевич (1821–1892), троюродный брат и свояк Т.Г. Шевченко, автор воспоминаний о нем; прадед Д.Л. Андреева по материнской линии (Шевченковский словарь. Киев, 1978. Т. 2. С. 357–358) — 335, 503

Шевченко Т.Г. — 503

Шелякин Алексей Павлович (1906–1991), архитектор; одноклассник Д.Л. Андреева, осужден по его делу — 308, 310, 377, 413, 414, 416, 433, 453, 495, 555, 565, 569, 570, 572

Шелякина Вера Ивановна, жена А.П. Шелякина — 413, 417, 569, 570

Шекспир, Уильям — 328, 552, 559

- Шенгели Г.А. — 486
 Шенталинский В.А. — 502, 558
 Шепелев С.Д. — 495, 563
 Шишкин Иван Иванович (1832–1898), живописец–пейзажист — 306,
 Шкловская С.Г. — 570
 Шкловские, семья — 419
 Шкловский Виктор Борисович (1893–1984), прозаик, литературовед — 419, 571
 Шолохов Михаил Александрович (1905–1984), писатель — 177, 203, 528
 Шостакович Дмитрий Дмитриевич (1906–1975), композитор — 79, 238, 239, 307, 542
 Шоу, Джордж Бернард (1856–1950), английский драматург — 442
 Штейнер, Рудольф (1861–1925), немецкий философ, основатель антропософии — 337, 340,
 342, 343, 348, 560
 Шульгин Василий Витальевич (1878–1976), писатель, публицист, политический деятель; со-
 камерник Д.Л. Андреева — 221, 504, 524, 538, 557
- Щипачев Степан Петрович (1899–1978), поэт — 99, 102, 305, 307, 309, 310, 312, 332, 511, 554
- Эйлер, Леонард (1707–1783), математик, механик и физик — 185
 Энгельгардт Ольга Яковлевна, воспитательница Д.Л. Андреева — 165, 526
 Энгельгардт Ирина Ивановна, дочь О.Я. Энгельгардт — 165, 526
 Эренбург Илья Григорьевич (1891–1967), поэт, прозаик, переводчик — 308, 310, 555
 Эхнатон — 307, 311, 530
- Яблочкина А.А. — 571
 св. Ян — 395
 Яо, в китайской мифологии и легендарной истории совершенномудрый правитель, импера-
 тор, правивший в 2356–2255 гг. до н.э. — 23
 Яхонтов Владимир Николаевич (1899–1945), артист эстрады, чтец — 313
 Яшин (наст. фам. Попов) Александр Яковлевич (1913–1968), поэт, прозаик — 307

СОДЕРЖАНИЕ

АВТОБИОГРАФИЧЕСКОЕ

*Автобиография красноармейца
 Из тюремного дневника

ПРОЗА

*Сказочка о фонаре

Из книги «Новейший Плутарх»

Гё Нан Джён, мандарин. 1767–1842. *Видный политический и военный деятель Китая*

Генисаретский Сидор Пантелеймонович. 1845 — 1912. *Первый воздухо-
 плаватель, посетивший Тибет*

Изагардинер Исаак. 1900 — 1929. *Известный стоматолог*

Квак-Ма-Лунг (Эсфирь-Анна Броунинг). ок. 1890 — 1938. *Выдающаяся
 представительница племени кири-кири, просветительница даяков (Индонезия)*

Ноорден ван Доувес. 1860 — 1936. *Голландский писатель*

Осборн Мэри-Бэтси-Офелия. 1897 — 1949. *Религиозная деятельница,
 основательница «Международного общества воскресения мертвых»*

Рамадас Авалоквитешвара-Чхандогия. 1858 — 1938. *Индусский мысли-
 тель, религиозный и общественный деятель*

Тачибана Иосихидэ. 1525 — 1597. *Выдающийся полководец и политиче-
 ский деятель эпохи японского феодализма. Регент — верховный министр Япо-
 ни. Широко известный и почитаемый народный герой*

Умберти Бенито. 1888–1932. *Итальянский зодчий, создатель первых
 архитектурных сооружений в стили «гимнастико»*

Филиппов Михаил Никанорович. 1798 — 1914. *Писатель, поэт, драма-
 тург*

Эриксен Эрик (Сигурд Мйольнир). 1865 — 1910. *Норвежский поэт, пи-
 сатель и критик*

Ящеркин Евгений Лукич. 1864 — 1899. *Известный педагог, автор сис-
 темы «сознательного инфантилизма»*

Приложение

А. А. Андреева. Роман «Странники ночи»

СТИХОВЕДЕНИЕ

*Некоторые заметки по стиховедению

Новые метро-строфы (из книг «Бродяга» и «Русские боги»), впервые вводимые в русскую поэзию. *Перечень, классификация, образцы*

*Стиховедение

ПИСЬМА

1915-1958

1915

1. *Л. Н. Андрееву. <до 22 марта 1915>

2. *Л. Н. Андрееву. апрель 1915

1926

3. *В. Л. Андрееву. 15 мая <1926?>

1927

4. *В. Л. Андрееву. 9 мая

5. *А. И. Андреевой. 1 окт<ября>

1928

6. В. П. Митрофанову. 8 августа

7. *В. Л. Андрееву. 25. IX.

1929

8. *В. Л. Андрееву. 14 февр<аля> — 5 марта

9. *О. В. Андреевой. <весна 1929?>

1930

10. *В. Л. Андрееву. 4 июля

11. *В. Л. Андрееву. <25 августа — 6 сентября>

1932

12. *В. Л. Андрееву. <8 апреля >

13. *В. Л. Андрееву <Осень >

1933

14. *Е. Н. Рейнсфельдт 22 июня

15. *Е. Н. Рейнсфельдт. 14 декабря

1936

16. *Е. Н. Рейнсфельдт. 15. V.

17. *В. Л. Андрееву. 21. V. 1936

18. *В. Л. Андрееву. 21. VI. 1936

19. *В. Л. Андрееву. 23. VII. 1936

20. *О. В. Андреевой. 23. VII. 36

21. *О. Вадимовне Андреевой. 23. VII. 36

22. *В. Л. Андрееву. 2 октября 1936 <года>

1937

23. *В. Л. Миндовской. 12. III.

24. *В. Л. Андрееву. 18. III.

25. *В. Л. Андрееву. 17. VI. 37

26. *Е. Н. Рейнсфельдт. 25. VI. 37.

27. Л. Ф. Смирновой. [Без даты]

28. Л. Ф. Смирновой. 20 августа

29. *В. Л. Миндовской. 22. X. 37

1938

30. *В. Л. Андрееву. [Без даты]

1941

31. Л. Ф. Смирновой. 15 января

1942

32. Т. И. Морозовой. 10, 11 марта

33. *В. Л. Миндовской. 3. X. 42

1943

34. *В. Л. Миндовской. 21. VII. 43

35. *Л. М. Тарасову. 21. VII. 43

36. В.Л. Миндовской. *31 октября*

1944

37. В.Л. Миндовской. *8 января*

38. В.Л. Миндовской. *5 марта.*

39. В.Л. Миндовской. *8 июня*

40. В. П. Митрофанову. *10 июля.*

1945

41. В.П. Митрофанову. *12 мая*

42. *В Л. Миндовской. *27. VII. 45*

1946

43. *В Л. Миндовской. *5. I. 46*

44. *В Л. Миндовской. *6. III. 46*

45. *В Л. Миндовской-Тарасовой. *28. IV. 46*

46. *В Л. Миндовской. *11. VIII. 46*

47. *В. Л. Андрееву. *<Отправлено 12 сентября 1946 года>*

1950-1951

48. *Ю. Г. Бружес. *<декабрь 1950 — январь 1951>*

1952

49. *Ю. Г. Бружес. *<апрель 1952 ?>*

1954

50. *Ю. Г. Бружес. *<3 ноября 1954>*

51. *Ю. Г. Бружес. *1 дек <абрь 19>54*

1955

52. *Ю. Г. Бружес. *<1955>*

1956

53. Ю.Г. Буржес. *13 августа*

1957

54. Т.Л. Морозовой. *28 апреля*

55. Г.Л. Гудзенко. *11 мая*

56. *И. А. Новикову. *31. V. 57.*

57. Т.И. Морозовой. *11 июня*

58. Г.Л. Гудзенко. *15 июня*

59. Г.Л. Гудзенко. *22 июня*

60. Л.Л. Ракову. *22 июня.*

61. Л.Л. Ракову. *6 июня.*

62. Е.Н. Боковой. *11 июля.*

63. Т.И. Морозовой. *11 июля.*

64. В.Л. и О.В. Андреевым. *24 июля.*

65. В.Л. Андрееву. *26 июля.*

66. В.Л. и О.В. Андреевым. *6 августа.*

67. Р.С. Гудзенко. *[Сентябрь]*

68. Т.И. Морозовой. *20 сентября*

69. Г.Л. Гудзенко. *22 сентября*

70. *Ю.И. Пантелееву. *25 сентября 1957 г.*

71. Л.Л. Ракову. *4 октября*

*72. Л. А. Андрееву (Алексеевскому) *<12 октября 1957>*

73. В.Л. и О.В. Андреевым. *20 октября .*

74. Г.Л. Гудзенко. *9 ноября*

75. В.Л. Андрееву. *11 ноября .*

76. *Ю.И. Пантелееву. *30 ноября 1957*

77. В.Л. и О.В. Андреевым. *[Декабрь]*

78. Л.Л. Ракову. *23 декабря*

1958

79. *Ю.И. Пантелееву. *19 января*

80. Р.С. Гудзенко. *23 января*

81. Т.И. Морозовой. *25 января*

82. В Центральный Комитет Коммунистической партии Советского Союза. *12 февраля 1958*

83. Л.Л. Ракову. *27 февраля.*

84. * В.Л. к О. В Андреевым. *8 марта*

85. Г.Л. Гудзенко. *9 марта.*

86. Р.С. Гудзенко. *9 марта.*

87. Л.Л. Ракову. *30 марта.*

88. В.Л. к О.В. Андреевым. *8 апреля*

89. Р.С. Гудзенко. *29 апреля*

90. Л. Л. Ракову. *9 мая.*

91. *В. Л. Миндовской. *18. V. 58*

92. Т.И. Морозовой. *18 мая.*

93. *М. Л. Тарасову. *зима*

94. Т.И. Морозовой. *14 июня*

95. *Л. М. Тарасову. *17. 6. 58*

96. А.М. Груэинской. *18 июня*

97. В.В. Морозовой. 18 июня .
 98. *В. Л. и О. В. Андреевым. 26 июня
 99. *Л. А. Андрееву (Алексеевскому). 2 июля
 100. Л.Л. Ракову. 2 июля
 101. Т.И. Морозовой. 9 июля
 102. Р.С. Гудзенко. 14 июля
 103. И.В. Бошко. 17 июля
 104. И.В. Бошко. 21 июля
 105. Б.И. Чукову. 31 июля
 106. Г.Л. Гудаенко. 11 августа
 107. И.В. Бошко. 18 августа
 108. *Ю.И. Пантелееву. 19 августа 1958
 109. В.Л. Андрееву. 29 августа
 110. Б. В. Чукову. 3 сентября
 111. В. Л. Андрееву. 11 сентября
 112. Р.С. Гудзенко. 1 октября.
 113. Т.И. Морозовой. 1 октября.
 114. Б.В. Чукову. 2 октября
 115. А. М. Грузинской. 13 октября
 116. Т. И. Морозовой. 13 октября
 117. Л. Л. Ракову. 13 октября
 118. З. Рахиму. 21 октября
 119. А. Л. Буржес. 22 октября
 120. Т.И. Морозовой. 29 октября
 121. А.М. Грузинской. 31 октября
 122. Б.В. Чукову. 31 октября.
 123. *Тарасовым. 30. XI. 58
 124. П. Л. Вайншенкер. 6 декабря
 125. Р. С. Гудзенко. 12 декабря
 126. Т. И. Морозовой. 12 декабря
 127. Т.И. Морозовой. 26 декабря

Переписка с А. А. Андреевой
 1953 — 1959

1953

1. Д. Л. Андреев — А.А. Андреевой. 21 июня
 2. А.А. Андреева — Д.Л. Андрееву. 12 июля

1954

3. А.А. Андреева — Д.Л. Андрееву. 19 апреля
 4. Д.Л. Андреев — А.А. Андреевой. [июнь-июль]
 5. А.А. Андреева — Д.Л. Андрееву. 22 августа
 6. Д.Л. Андреев — А.А. Андреевой. 1 октября.

- 7.А.А. Андреева — Д.Л. Андрееву. 16 октября
 * 8. А.А. Андреева — Д.Л. Андрееву. [Без даты]

1955

9. А.А. Андреева — Д.Л. Андрееву. 6 января
 10. Д.Л. Андреев — А.А. Андреевой. 14 января
 11. А.А. Андреева — Д.Л. Андрееву. 9 февраля
 12. Д.Л. Андреев — А.А. Андреевой. 2 февраля
 13. А.А. Андреева — Д.Л. Андрееву. 5 марта
 14. Д.Л. Андреев — А.А. Андреевой. 2 марта
 15. А.А. Андреева — Д.Л. Андрееву. 16 марта
 16. А.А. Андреева — Д.Л. Андрееву. 31 марта
 17. Д.Л. Андреев — А.А. Андреевой. 5 апреля
 18. А.А. Андреева — Д.Л. Андрееву. 17 апреля
 19. А.А. Андреева — Д.Л. Андрееву. 8 мая
 20. Д.Л. Андреев — А.А. Андреевой. 2 июня
 21. А.А. Андреева — Д.Л. Андрееву. 18 июня
 22. А.А. Андреева — Д.Л. Андрееву. 20 июня
 23. А.А. Андреева — Д.Л. Андрееву. 26 июня
 24. А.А. Андреева — Д.Л. Андрееву. 28 июня
 25. А.А. Андреева — Д.Л. Андрееву. 7 июля
 26. Д.Л. Андреев — А.А. Андреевой. 3 августа
 27. А.А. Андреева — Д.Л. Андрееву. 11 августа
 28. А.А. Андреева — Д.Л. Андрееву. 23 августа
 29. Д.Л. Андреев — А.А. Андреевой. 2 сентября
 30. А.А. Андреева — Д.Л. Андрееву. 11 сентября
 31. Д.Л. Андреев — А.А. Андреевой. 3 октября
 32. А.А. Андреева — Д.Л. Андрееву. 21 октября
 33. Д.Л. Андреев — А.А. Андреевой. 2 ноября
 34. А.А. Андреева — Д.Л. Андрееву. 12 ноября
 35. А.А. Андреева — Д.Л. Андрееву. 14 ноября
 36. А.А. Андреева — Д.Л. Андрееву. 20 ноября
 37. А.А. Андреева — Д.Л. Андрееву. 29 ноября
 38. Д.Л. Андреев — А.А. Андреевой. 2 декабря
 39. А.А. Андреева — Д.Л. Андрееву. 12 декабря
 40. А.А. Андреева — Д.Л. Андрееву. 14 декабря
 41. А.А. Андреева — Д.Л. Андрееву. 20 декабря
 42. А.А. Андреева — Д.Л. Андрееву. 22 декабря

1956

43. Д.Л. Андреев — А.А. Андреевой. 3 января
 44. А.А. Андреева — Д.Л. Андрееву. 4 января
 45. Д.Л. Андреев — А.А. Андреевой. 14 января
 46. А.А. Андреева — Д.Л. Андрееву. 22 января

47. А.А. Андреева — Д.Л. Андрееву. 24 января
48. А.А. Андреева — Д.Л. Андрееву. 25 января
49. А.А. Андреева — Д.Л. Андрееву. 29—30 января
50. Д.Л. Андреев — А.А. Андреевой. 28 января — 2 февраля
51. А.А. Андреева — Д.Л. Андрееву. 10 февраля
52. А.А. Андреева — Д.Л. Андрееву. 14 февраля
53. А.А. Андреева — Д.Л. Андрееву. 2 марта
54. Д.Л. Андреев — А.А. Андреевой. 2 марта
55. А.А. Андреева — Д.Л. Андрееву. 11 марта
56. А.А. Андреева — Д.Л. Андрееву. 13 марта
57. А.А. Андреева — Д.Л. Андрееву. 15 марта
58. А.А. Андреева — Д.Л. Андрееву. 20— 21 марта
59. Д.Л. Андреев — А.А. Андреевой. 29 марта — 3 апреля
60. А.А. Андреева — Д.Л. Андрееву. 5 апреля
61. А.А. Андреева — Д.Л. Андрееву. 10 апреля
62. А.А. Андреева — Д.Л. Андрееву. 17 апреля
63. А.А. Андреева — Д.Л. Андрееву. 21 апреля
64. Д.Л. Андреев — А.А. Андреевой. 29 апреля — 3 мая
65. А.А. Андреева — Д.Л. Андрееву. 12 мая
66. А.А. Андреева — Д.Л. Андрееву. 23 мая
67. А.А. Андреева — Д.Л. Андрееву. 1, 3 июня
68. Д.Л. Андреев — А.А. Андреевой. 2 июня
69. А.А. Андреева — Д.Л. Андрееву. 21 июня
70. А.А. Андреева — Д.Л. Андрееву. 24 июня
71. Д.Л. Андреев — А.А. Андреевой. 2 июля
72. А.А. Андреева — Д.Л. Андрееву. 7 июля
73. Д.Л. Андреев — А.А. Андреевой. 16 июля
74. А.А. Андреева — Д.Л. Андрееву. 22 июля
75. А.А. Андреева — Д.Л. Андрееву. 28 июля
76. Д.Л. Андреев — А.А. Андреевой. 30 июля — 2 августа
77. А.А. Андреева — Д.Л. Андрееву. 8 августа
78. А.А. Андреева — Д.Л. Андрееву. 17 августа
79. А.А. Андреева — Д.Л. Андрееву. 19 августа
80. А.А. Андреева — Д.Л. Андрееву. 24 августа
81. Д.Л. Андреев — А.А. Андреевой. 31 августа
82. А.А. Андреева — Д.Л. Андрееву. 1 сентября
83. А.А. Андреева — Д.Л. Андрееву. 5 сентября
84. А.А. Андреева — Д.Л. Андрееву. 17 сентября
85. А.А. Андреева — Д.Л. Андрееву. 19 сентября
86. А.А. Андреева — Д.Л. Андрееву. 26 сентября
87. А.А. Андреева — Д.Л. Андрееву. 29 сентября
88. А.А. Андреева — Д.Л. Андрееву. 6 октября
89. А.А. Андреева — Д.Л. Андрееву. 9 октября
90. Д.Л. Андреев — А.А. Андреевой. 9 октября
91. Д.Л. Андреев — А.А. Андреевой. 10 ноября
92. А.А. Андреева — Д.Л. Андрееву. 11 ноября

93. Д.Л. Андреев — А.А. Андреевой. 20 ноября
94. А.А. Андреева — Д.Л. Андрееву. 21 ноября
95. А.А. Андреева — Д.Л. Андрееву. 24 ноября..
96. А.А. Андреева — Д.Л. Андрееву. 30 ноября.
97. Д.Л. Андреев — А.А. Андреевой. 2 декабря
98. А.А. Андреева — Д.Л. Андрееву. 6 декабря
99. Д.Л. Андреев — А.А. Андреевой. 8 декабря
100. А.А. Андреева — Д.Л. Андрееву. 8 декабря

1958

101. Д.Л. Андреев — А.А. Андреевой. *Без даты*
102. Д.Л. Андреев — А.А. Андреевой. 24 ноября
103. Д.Л. Андреев — А.А. Андреевой. 7 декабря.
104. Д.Л. Андреев — А.А. Андреевой. 8 декабря
105. Д.Л. Андреев — А.А. Андреевой. 12 декабря.
*106. Д.Л. Андреев — А.А. Андреевой. 15 декабря.

1959

107. Д.Л. Андреев — А.А. Андреевой. 21 января
*108. Д.Л. Андреев — А.А. Андреевой. 22 января.
109. Д.Л. Андреев — А.А. Андреевой. 23 января
110. Д.Л. Андреев — А.А. Андреевой. 26 января
111. Д.Л. Андреев — А.А. Андреевой. *Без даты.*
112. Д.Л. Андреев — А.А. Андреевой. 27 января
113. Д.Л. Андреев — А.А. Андреевой. 1 февраля.
*114. Д.Л. Андреев — А.А. Андреевой. 3 февраля.
115. Д.Л. Андреев — А.А. Андреевой. 4 февраля
*116. Д.Л. Андреев — А.А. Андреевой. 6 февраля.
*117. Д.Л. Андреев — А.А. Андреевой. 8 февраля.
118. Д.Л. Андреев — А.А. Андреевой. *[Без даты]*
119. Д.Л. Андреев — А.А. Андреевой. *[Без даты]*
*120. Д.Л. Андреев — А.А. Андреевой. *[Без даты]*
121. Д.Л. Андреев — А.А. Андреевой. 10 февраля

Приложение

*Из детских тетрадей

Урасовская династия
Краткое описание стран планеты Юноны
Самоубийство

*Б. Романов. Краткая летопись жизни и творчества Д. Л. Андреева

Примечания

Указатель имен

Андреев Д.Л.

Собрание сочинений: в 4 т. Т. 4: Автобиографические материалы. Проза. Стихотворения. Письма. — М.: Русский путь, 2006. —

Заключительный том собрания сочинений Д.Л. Андреева, кроме автобиографических материалов, прозы и стиховедческих работ, составило эпистолярное наследие, в котором наиболее существенное место занимает тюремная переписка с А.А. Андреевой — замечательный памятник эпохи. В приложении публикуются сочинения из «детских тетрадей», показывающие истоки необычного мировидения, мистического и мифотворческого склада личности и творчества поэта, а также «Краткая летопись жизни и творчества».

